ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III и IV

годъ шестой

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12
1896

Печатано по распоряженію Императорскаго Спб. Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Угасаніе инородческихъ племенъ Тобольскаго сѣвера.

Процессу угасанія человѣческихъ племенъ принадлежитъ видное мѣсто въ исторіи культуры людей; въ немъ, какъ въ волшебномъ зеркалѣ русской сказки, яснѣе видны многія тѣневыя стороны Европейской цивилизаціи.

Исторія европейскихъ колоній даетъ богатые матерьялы для изслѣдованія процеса угасанія туземныхъ инородческихъ племенъ въ Америкѣ, Африкѣ, Азіи и Австраліи; эти матеріалы даютъ два результата: 1) Угасаніе туземныхъ племенъ всегда было дѣломъ пришлыхъ европейскихъ людей—торговцевъ, промысловыхъ и торговыхъ компаній, авантюристовъ разныхъ сортовъ; эти дѣла распадаются на три главныхъ системы: a) насиліе въ формѣ убійства, грабежа, предательства, истощеніе работами и проч.; таковы были дѣла испанцевъ въ Америкѣ, гдѣ замучены цѣлые народы въ жертву золоту, идолу рынка; b) система земельныхъ захватовъ въ двухъ формахъ—съ цѣлями земледѣлія или торговаго скотоводства за предѣлами земледѣлія (сѣверныя тундры); c) система пристрастной торговли, задолженности и найма въ работу. 2) Формы угасанія различны смотря по естественнымъ богатствамъ инородческой страны, по характеру инородческаго племени, мирному или воинственному, по алчности европейскихъ людей и по свойствамъ персонала и принципамъ мѣстныхъ управленій; поэтому процессъ угасанія требуетъ спеціальныхъ разслѣдованій по каждому инородческому племени особо.

Для насъ, въ Россіи, все это полно интереса и значенія: во 1-хъ на инородческомъ нашемъ сѣверѣ, на пространствѣ около 150° геогр. долготы, тихо тянется процесъ угасанія, и, къ великому нашему счастію, онъ еще не закончился, помощь возможна, время не ушло, и наши земледѣльческіе люди не имѣютъ въ немъ участія, а высшее правительство наше всегда было милостиво къ своимъ инородческимъ подданнымъ. Во 2-хъ все грѣшное дѣло угасанія совершается малымъ числомъ людей не высокаго разбора, сильныхъ

только безучастіемъ мѣстныхъ властей и культурныхъ людей нашихъ. Извѣстія объ Остякахъ были самыя печальныя, и съ нихъ я началъ изслѣдованіе судьбы угасающихъ племенъ русскаго сѣвера; съ лѣта 1894 года по лѣто 1895 года, я прожилъ въ странѣ Остяковъ и Самоѣдовъ Тобольскаго сѣвера и въ настоящемъ докладѣ, по возможности кратко, изложу результаты.

Угасаніе имѣетъ нѣсколько признаковъ: самый наглядный есть убыль числа живыхъ людей; собранная мной статистика дала слѣдующее: 1) У Вогуловъ, Остяковъ и Самоѣдовъ ясно видны признаки угасанія въ теченіи 90 лѣтъ (съ 1803 по 1893 г.). 2) Угасаніе раздѣляется неравномѣрно: оно тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе соприкасаются инородцы съ торговыми людьми, съ мѣстами продажи спиртныхъ напитковъ, чѣмъ сильнѣе ихъ задолженность торговымъ людямъ и чѣмъ больше они идутъ къ нимъ въ работники. 3) Угасаніе всего сильнѣе въ двухъ мѣстностяхъ: а) вблизи русскихъ селеній, гдѣ въ остяцкихъ приходахъ, въ теченіи 90 лѣтъ, изъ 100 душъ убыло 41—32—30—12 душъ, въ то время какъ у Русскихъ тѣхъ же приходовъ, на 100 душъ, прибыло 113 душъ и b) вблизи Зырянскихъ селеній. По р. Сосвѣ и Ляпиной, дѣлами пришлыхъ Архангельскихъ Зырянъ—въ двухъ приходахъ изъ 100 душъ, въ тѣже 90 л., изъ 100 душъ убыло 1—48 душъ. 4) Наиболѣе благополучныя мѣстности, у Остяковъ, тѣ, гдѣ они дальше отъ торговыхъ людей, напр. у верховьевъ рѣкъ р. Казыма и Ваха.

Главныхъ факторовъ угасанія у насъ восемь; съ точки зрѣнія принципа, ихъ можно раздѣлить на три группы: I) факторы по существу неблагопріятные, дѣйствующіе—1) запрещенный закономъ ввозъ спиртныхъ напитковъ и 2) система потравъ цѣнныхъ ягельныхъ мѣстъ зимовокъ, важныхъ для развитія оленеводства. II) факторы по существу благопріятные, но дѣйствующіе слабо или не дѣйствующіе—3) врачебная помощь, 4) казенные запасные магазины съ цѣлями помощи продовольствію (мука и соль) и промысламъ (порохъ и свинецъ), 5) система духовнаго и свѣтскаго просвѣщенія и 6) система управленія. III) факторы по существу благопріятные, но извращенные вліяніемъ общаго режима въ странѣ, гдѣ населеніе переживаетъ еще дѣтскія фазы своего общественнаго развитія и нуждается въ заботахъ попечительства.

Дальній инородческій сѣверъ есть въ сущности грандіозный, живой историческій музей глубокой древности; въ немъ мы видимъ формы жизни, о которыхъ говорятъ легенды прошлыхъ вѣковъ, видимъ человѣческія племена въ дѣтскихъ фазахъ развитія, повторяемыхъ нашими дѣтьми младшихъ возрастовъ. Тобольскій сѣверъ лежитъ у южной границы этого сѣвера, за предѣлами земледѣлія; въ странѣ Тобольскаго сѣвера можно различить три главныхъ составныхъ части: воды, лѣса и пастбища. Воды представлены р. Обью

(ае по остяцки) съ ея притоками, протоками, сорами, озерами и болотами; здѣсь рыболовный промыселъ морской, рѣчной и озерной рыбы и водяныхъ птицъ. Уловъ рыбы раздѣляется на двѣ части—одна часть, куда относятся наиболѣе цѣнныя на рынкѣ морскія породы (муксунъ, сырокъ, нельма и проч.) уходитъ вверхъ р. Оби съ цѣлями рынка, а другая часть, очень важная для мѣстнаго края, остается для зимняго продовольствія. Кромѣ бассейна р. Оби, имѣютъ значеніе рр. Пуръ, Ныда и Надымъ, извѣстныя по благополучнымъ условіямъ климата, въ странѣ кедровыхъ лѣсовъ; именно тутъ важенъ миссіонерскій станъ, въ центрѣ языческаго Самоѣдскаго сѣвера съ той точки зрѣнія, которая изложена мной въ докладѣ 26 марта 1895 года, въ совѣтѣ Тобольскаго Епархіальнаго братства Св. Димитрія Солунскаго.

Лѣса представлены хвойными породами сосны, ели, лиственницы и кедра, играющаго роль признака благополучныхъ климатическихъ условій; здѣсь промыслы пушнаго звѣря, лѣсныхъ птицъ и кедроваго орѣха; здѣсь же мѣсто лѣсоваго оленеводства важнаго, какъ одно изъ условій звѣроловства. Пастбища представлены двумя ботаническими формаціями: a) пастбища оленнаго ягеля (Cladonia rangiferina и проч.), безусловно необходимыя для развитія оленеводства, составляющаго, въ области тундръ, самый главный промыселъ страны и b) луговыя пастбища, нужныя для развитія осѣдлаго скотоводства лошадей, рогатаго скота и овецъ въ болѣе южныхъ отдѣлахъ страны.

Климатъ континентальный и считается здоровымъ, въ особенности зимой; зимняя ночь, по общему закону сѣвера, гораздо свѣтлѣе ночей умѣренныхъ странъ—ея чистые снѣга равномѣрно освѣщены яркими звѣздами въ прозрачномъ воздухѣ и по временамъ сѣверными сіяніями. Лѣто сѣвера, ярко освѣщенное солнцемъ, имѣетъ двѣ невыгодныя стороны для оленеводовъ—двѣ болѣзни сѣвернаго оленя (антраксъ и копытная болѣзнь), для которыхъ, къ счастію, есть двѣ возможныхъ мѣры помощи.

Населеніе Тобольскаго сѣвера, кромѣ русскихъ осѣдлыхъ людей, живущихъ деревнями вдоль р. Оби, и пришлыхъ, живущихъ по паспортамъ, Ижемскихъ Зырянъ Архангельской губерніи, состоитъ изъ трехъ инородческихъ племенъ: Самоѣдовъ, каменныхъ и низовыхъ, небольшаго числа Ляпинскихъ у Урала и Казымскихъ у верховьевъ р. Казыма, Вогуловъ, живущихъ на юго-западѣ страны, и Остяковъ, составляющихъ главное населеніе. Некрещенные инородцы (Самоѣды) исповѣдуютъ старую языческую религію сѣвера, въ сущности языческій монотеизмъ, всего ближе напоминающій времена библейскія: «Нум» Самоѣдовъ (Торум Остяковъ)—Единый, вышній Богъ небесъ, устроитель вселенной, не имѣющій культа, кумира или идола; вѣра въ бытіе второстепенныхъ духовъ; идолы, какъ кажется, выраженіе культа пред-

ковъ; религія высотъ съ кровавыми жертвами (олень); безкровныя жертвы и приношенія; вѣра въ бытіе человѣческой души и ея жизнь послѣ смерти человѣка; древній языческій типъ молитвы (прошеніе земныхъ благъ). Въ довершеніе всего, большое уваженіе къ святителю Николаю (общее явленіе русскаго сѣвера). Крещеные инородцы (Остяки, Вогулы и немногіе Самоѣды), по общему закону народовъ при смѣнѣ религіи, исповѣдуютъ двоевѣріе, т. е. смѣсь язычества и христіанства. Обычное право инородцевъ Тобольскаго сѣвера принадлежитъ къ сѣверному типу, т. е. область личной собственности болѣе ограничена, а область благотворительныхъ дѣлъ болѣе расширена, чѣмъ у народовъ считающихся во главѣ Европейской цивилизаціи. Все это разумѣется даетъ нашимъ инородцамъ сѣвера большую цѣну въ глазахъ сѣверной миссіи и всѣхъ безпристрастныхъ людей.

Самое выдающееся явленіе въ жизни инородческаго сѣвера есть развивающійся процессъ обрусѣнія: Остяку уже необходимы теперь многіе русскіе товары—сукно для верхней одежды, мужской и женской лѣтомъ, ситцы и бумазея, бѣлая байка для зимней охоты въ урманахъ, очень нуженъ табакъ и кирпичный чай, дающій обстановку семейнаго очага въ лѣсахъ, тундрахъ и у береговъ рѣкъ (уловы рыбы). Нужна ржаная мука, замѣняющая недостатокъ мяснаго продовольствія, нужны рыболовныя сѣти, морежа, посуда, оружіе, ножи, подпилки, сверла, свѣчи, мыло, украшенія для женщинъ и проч. Законъ 1822 года о Сибирскихъ инородцахъ устроилъ казенные запасные магазины съ четырьмя русскими товарами (мука, сало, порохъ и свинецъ), но съ той поры прошло уже 70 слишкомъ лѣтъ, и многое перемѣнилось за этотъ срокъ: процессъ обрусѣнія вызвалъ и закрѣпилъ потребность въ многихъ русскихъ товарахъ, и Правительству предстоитъ идти навстрѣчу движенію обрусѣнія, тѣмъ болѣе важному, что оно идетъ изъ причинъ внутреннихъ самого инородческаго племени. Помощь Правительства здѣсь нужна въ трехъ направленіяхъ: 1) ввести въ казенные запасные магазины всѣ необходимые для инородцевъ русскіе товары; 2) понизить цѣны этихъ товаровъ безъ ущерба для честной вольной торговли и 3) ввести товары хорошаго качества—это самое существенное.

Передъ нами страна, которой природа дала все, что могла дать въ условіяхъ климата, полная богатыхъ промысловъ, смѣлое, честное племя (gens proba, назвалъ Самоѣдовъ ботаникъ Рупрехтъ), отлично приспособленное къ своей странѣ, идущее изъ внутреннихъ побужденій навстрѣчу русскимъ формамъ культуры, съ обычнымъ правомъ, близкимъ къ завѣту Евангельскаго ученія объ обязанностяхъ къ ближнему; Имперская власть дала этимъ племенамъ милостивые законы, поручила мѣстнымъ властямъ, слугамъ государства,

заботы объ этихъ племенахъ, приняла ихъ въ составъ семьи русскаго народа и въ результатѣ—несчастіе, обѣднѣніе, угасаніе племени, истощеніе страны и, въ довершеніе всего, пониженіе нравственнаго уровня первенствующаго, культурнаго русскаго племени подъ вліяніемъ общаго режима въ странѣ. Очевидно нужны мѣры помощи, нужны акты этихъ мѣръ: вкратцѣ ихъ можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) Реформа казенныхъ запасныхъ магазиновъ, 2) ввести въ практику жизни инородцевъ различіе долговъ и ссуды, какъ то дѣлается въ Сургутскомъ округѣ, 3) ввести положеніе ясака не 1 разъ, а 2 раза въ годъ, какъ то дѣлается въ томъ же Сургутскомъ округѣ, 4) устранить вредный элементъ должности засѣдателей, какъ это принято въ томъ же Сургутскомъ округѣ, 5) безусловный запретъ торговцамъ въѣзда въ тундры и сорты ранѣе сроковъ положенія ясака, при чемъ торговля сама собой считается на инородческія ярмарки во время положенія ясака (одна изъ главныхъ мѣръ), 6) казенная продажа вина въ русскихъ селеніяхъ по системѣ казенной монополіи съ закрытіемъ винныхъ продажъ на инородческихъ земляхъ, 7) извлекая изъ рукъ торговцевъ всѣ виды инородческихъ промысловъ, указать торговцамъ на выгоды обработывающей промышленности инородческимъ товаромъ и дать имъ помощь начать это полезное дѣло, 8) учредить базары въ г. Березовѣ (согласно просьбѣ мѣстной городской думы въ 1893 году) и г. Сургутѣ, 9) никому не принадлежащую, богатую рыболовную мѣстность Хе, по Надымской Оби, передать въ собственность имѣющаго устроиться Миссіонерскаго Надымскаго стана (согласно докладу 26 марта 1895 года въ совѣтѣ Епархіальнаго Тобольскаго Братства св. Димитрія Солунскаго), 10) Устроить Уѣздное Училище въ г. Сургутѣ, 11) дать помощь имѣющему устроиться пріюту св. Ольги, въ г. Березовѣ, для воспитанія остяцкихъ дѣтей и 12) безусловное устраненіе зырянскихъ пришлыхъ стадъ Архангельской губерніи.

Представляя все сказанное вниманію Этнографическаго Отдѣленія Географическаго общества, я бы полагалъ возможнымъ и желательнымъ просить участія и содѣйствія со стороны общества нижеслѣдующей, основной, по моему мнѣнію, мѣрѣ помощи: «изслѣдованіе русскаго инородческаго сѣвера съ точки зрѣнія угасанія его инородческихъ племенъ». (Прилагаемая при семъ «инструкція» есть частный случай общаго изслѣдованія). Изслѣдованіе желательно испытать привлекая интеллигентныхъ лицъ мѣстнаго населенія, а именно учительскій персоналъ (свободенъ въ вакаціонное время), духовныхъ лицъ (статистическія данныя), врачей, податныхъ инспекторовъ (формы торговли) и проч. Для начала я бы полагалъ взять для изслѣдованія страну Тобольскаго сѣвера, гдѣ почва для изслѣдо-

ванія до нѣкоторой степени подготовлена. Съ этой надеждой я кончаю свой докладъ и прошу уважаемаго Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи принять выраженіе искренней благодарности за то, что онъ далъ мнѣ возможность высказать мои желанія и вмѣстѣ съ тѣмъ усердныя просьбы тобольскихъ инородцевъ о помощи.

Дрв Ар. Ив. Якобій.

Отъ Ред. Вмѣняемъ себѣ въ великую честь помѣщеніе этого доклада Проф. А. И. Якобія. Какъ часто со всѣхъ сторонъ слышны у насъ жалобы: «людей нѣтъ». Нѣтъ, люди есть, люди знающіе, самоотверженные, ранѣе насъ сознавшіе и изучившіе назрѣвшіе вопросы, только мы ихъ не знаемъ и не тамъ ихъ ищемъ, отчего и не находимъ или находимъ лишь неподходящихъ. Скоро ли еще у насъ поймутъ важное практическое значеніе этнографическаго изученія Россіи, ея инородцевъ и ихъ отношеній къ русскому народу и государству? Много у насъ толкуютъ, еще болѣе кричатъ объ обрусѣніи, но понимаютъ его по большей части превратно. Думы объ искорененіи всѣхъ нашихъ инородцевъ, о поголовномъ ихъ превращеніи въ русскихъ людей могутъ приходить только въ пустыя и невѣжественныя головы. На крайнемъ нашемъ сѣверѣ, гдѣ возможно лишь оленеводство, звѣроловство, русскіе люди никогда не утвердятся, не устроятся и не достигнутъ благосостоянія. Самоѣды же и Остяки могутъ хорошо устроиться въ этомъ неприютномъ краѣ. Также гибнутъ и вырождаются у насъ и другіе инородцы напр. Сванеты на югѣ отъ безобразнаго потребленія самодѣльной убійственной водки (по свидѣтельству доктора Ольдерогге). Спасти ихъ отъ разоренія, нищеты и невѣжества—вотъ прекрасная задача русскаго народа и государства. Но для этого нужно прежде всего христіанское, а не древнеримское, бездушное отношеніе къ инородцамъ. Проповѣдь, богослуженіе, первоначальное обученіе, а гдѣ и вообще народная школа должны быть на народныхъ языкахъ. Въ среднихъ школахъ нашихъ во всѣхъ округахъ и епархіяхъ непремѣнно надо завести хотя бы въ вечерніе часы преподаваніе инородческихъ языковъ, употребительныхъ въ томъ или другомъ округѣ, въ той или другой епархіи. Пусть это преподаваніе будетъ не обязательное, лишь для желающихъ. Пусть будутъ только хорошіе преподаватели: сверхъ учениковъ инородцевъ явятся между желающими и природные русскіе—изъ дѣтей и юношей наиболѣе даровитыхъ. И это стремленіе въ русскомъ юношествѣ надо поощрять, такъ какъ это изученіе можетъ только поднять русскую образованность и принести великую пользу государству. Оно страдаетъ недостаткомъ чиновниковъ и правителей, знающихъ бытъ, нравы, языки и нужды населенія. При любви и уваженіи къ русскому народу, при искреннемъ попеченіи объ его просвѣщеніи и благосостояніи, нечего бояться развитія мѣстныхъ патріотизмовъ, партикуляризмовъ и сепаратизмовъ. Не дѣлайте предпочтенія однимъ инородцамъ передъ другими, не создавайте себѣ особыхъ любимцевъ въ Нѣмцахъ, Полякахъ, Армянахъ, не обращайте однихъ въ привелегированныхъ, другихъ въ паріевъ, будьте ко всѣмъ равно справедливы, и тогда наши инородцы, при всей совершенно естественной и для насъ вовсе не обидной, любви къ своимъ языкамъ, народностямъ и мѣстнымъ краямъ или къ своей частной родинѣ, будутъ любить и свое общее отечество — Россію, русское государство, будутъ болѣе чувствовать влеченія къ русскому языку, русской наукѣ, литературѣ, искусству, вообще къ русскому просвѣщенію. Великіе экономическіе, соціальные и образовательные интересы заставляютъ милліоны людей дорожить принадлежностью своею къ благоустроеннымъ міровымъ державамъ. Одна разумная и ни для кого не обидная цѣль обрусѣнія состоитъ въ томъ, чтобы всѣ инородцы съ среднимъ и высшимъ образованіемъ были обязательно bilingues, чтобы они обладали отличнымъ знаніемъ русскаго языка.

ИНСТРУКЦІЯ

Изслѣдованія инородческихъ племенъ Тобольскаго сѣвера.

Изслѣдованіе имѣетъ ближайшей цѣлью: 1) дознать истинное положеніе дѣлъ въ инородческой странѣ Тобольскихъ Самоѣдовъ, Остяковъ и Вогуловъ, имѣя въ виду процессъ угасанія этихъ племенъ и 2) найти возможныя мѣры помощи.

Изслѣдованіе должно обнять область Тобольскаго инородческаго сѣвера, а именно: Березовскій и Сургутскій округи, Пелымскій край Туринскаго округа и сѣверную часть Тобольскаго округа. Въ дополненіе, желательно такое же обслѣдованіе Нарымскаго края Томской губерніи, Тазовскаго края Енисейской губерніи и метисовыхъ формъ обрусѣвшихъ Остяковъ въ бассейнѣ рѣки Иртыша.

Ходъ изслѣдованія. Изслѣдованіе предполагается исполнить въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ особо приглашенными, мѣстными лицами въ слѣдующемъ порядкѣ: первый годъ—общая оріентировка; второй годъ—разработка деталей по мѣрѣ надобности; третій годъ—провѣрка собранныхъ данныхъ и заключеніе. По разсчету лицъ на каждое изъ трехъ инородческихъ племенъ (1 для Самоѣдовъ, 2 для Остяковъ и 1 для Вогуловъ) нужно четыре лица; предполагая четыре мѣсяца работы мѣстныхъ изслѣдованій по... рублей въ мѣсяцъ, за восемь мѣсяцевъ для всѣхъ четверыхъ лицъ потребуется... р. Второй годъ будетъ стоить столько же. Третій годъ, нужный для обсужденія полученныхъ результатовъ и редакціонныхъ работъ, будетъ стоить... р. Затѣмъ, наемъ квартиры и прислуги, справочныя книги, необходимые инструменты, канцелярскіе припасы, почтовые расходы, отопленіе и освѣщеніе и экстренный дополнительный персоналъ, приблизительно... р. Непредвидимые расходы 1000 р. а всего...

Приглашенные для изслѣдованія лица составляютъ временный Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ особаго лица, какъ руководителя работъ. Произведенныя работы докладываются въ особомъ совѣщаніи (Предсѣдатель: Тобольскій Губернаторъ или Епископъ Тобольскій и Сибирскій, смотря по роду дѣлъ, подлежащихъ обсужденію), при участіи представителей мѣстныхъ гу-

бернскихъ управленій (внутреннихъ дѣлъ, духовнаго вѣдомства, народнаго просвѣщенія, финансовъ, государственныхъ имуществъ и юстиціи).

Предметы (объекты), собранные изслѣдователями, передаются, по окончаніи всего дѣла, въ Тобольскій музей, Томскій Университетъ и Академію Наукъ, по принадлежности.

Примѣчаніе. Для болѣе полнаго собранія естественно-историческихъ данныхъ, желательно содѣйствіе мѣстныхъ врачей, агрономовъ, лѣсничихъ, топографовъ и пр.

Общая часть изслѣдованія имѣетъ предметомъ: 1) Общій естественно-историческій характеръ страны Тобольскаго инородческаго сѣвера. 2) Этнографическій характеръ Тобольскихъ Самоѣдовъ каменныхъ и низовыхъ и двухъ малыхъ самоѣдскихъ группъ у верхняго теченія р. Ляпиной и р. Казыма; Остяковъ и Вогуловъ Березовскаго, Туринскаго и Тобольскаго округовъ за предѣлами земледѣлія. 3) Юридическій характеръ мѣстныхъ управленій (мѣстныя правила, инструкціи, формы отчетности и проч.).

Спеціальная часть изслѣдованія имѣетъ предметомъ факторы угасанія и мѣры помощи. Сюда относятся:

1. Система торговли: Товары русскіе и инородческіе. Ихъ цѣны. Времена года, когда они наиболѣе нужны для инородцевъ и приблизительно въ какомъ количествѣ. Имена и мѣста торговыхъ фирмъ и размѣры ихъ торговыхъ дѣлъ. Разъѣздная торговля торговцевъ по поселкамъ и чумамъ инородцевъ; сроки разъѣздовъ, товары, цѣны, сроки уплаты и пути передвиженія. Картограммы торговыхъ территорій. Образцы товаровъ. Мѣста и условія сбыта инородческихъ товаровъ.

2. Система задолженности: Задолженность инородческихъ семей казнѣ и частнымъ лицамъ. Предметы займа, предметы его уплаты, его условія и % займа. Предметы договоровъ и обязательствъ, ихъ условія и способы исполненія. Картограммы задолженности.

3. Система продажи и употребленія спиртныхъ напитковъ: Мѣста продажи, имена продавцевъ и болѣе крупныхъ покупателей насколько возможно. Размѣры торговаго оборота винныхъ складовъ и лавокъ. Имена лицъ, судившихся за тайную продажу спиртныхъ напитковъ. Времена въ году, когда продажа усиливается и уменьшается. Условія системы казенной продажи спиртныхъ напитковъ. Картограммы.

4. Система захватовъ и потравъ земельныхъ угодій инородческой земли пришлыми людьми въ предѣлахъ оленеводства. Число оленей принадлежащихъ по семейнымъ спискамъ Самоѣдамъ, Остякамъ и Вогуламъ. Извѣстія о томъ же изъ прежнихъ временъ. Тундровые и лѣсовые олени. Сроки

и пути кочевки оленевыхъ стадъ лѣтомъ и зимою. Лучшія оленевыя пастбища лѣтовокъ и зимовокъ. Количество приплода оленьяго стада. Потери оленей отъ антракса и копытной болѣзни, домашняго употребленія, продажи, волковъ, воровскихъ дѣлъ пришлыхъ людей. Число оленей пришлыхъ Ижемскихъ Зырянъ, способъ ихъ оленеводства, сроки и мѣстности вторженій ихъ оленныхъ стадъ. Число оленей, принадлежащихъ русскимъ торговцамъ и способъ ихъ оленеводства. Количество оленныхъ товаровъ, сроки, мѣста и пути ихъ сбыта. Образцы оленныхъ товаровъ, ихъ цѣны и кустарныя издѣлія инородческихъ мужчинъ и женщинъ. Справки о возможныхъ мѣстахъ сбыта инородческихъ издѣлій. Возможна ли мѣстная обрабатывающая промышленность оленевыхъ товаровъ? Картограммы оленеводства.

5. Система врачебной помощи. Главныя болѣзни человѣка и его домашнихъ животныхъ (сѣверный олень и собака). Эпидеміи оспы и вакцинаціи. Эпидеміи горячечныхъ формъ. Распредѣленіе сифилитическихъ формъ по семьямъ русскихъ и инородцевъ. Дѣйствительные районы врачебной помощи врачей, фельдшеровъ и больничныхъ учрежденій. Средства лѣченія. Экономическое положеніе врачебнаго персонала, средства лѣченія и сроки передвиженія. Картограммы вакцинаціи.

6. Система казенныхъ запасовъ. Товары въ нихъ по закону, товары въ дѣйствительности и товары нужные для инородцевъ, сообразно степени возростающаго процесса обрусѣнія. Количество и цѣны казенныхъ товаровъ за возможно большее число лѣтъ. Картограммы дѣйствій казенныхъ магазиновъ. Мѣста закупки казенныхъ товаровъ, цѣны перевозки и система расцѣнки для инородцевъ. Различіе долга и ссуды для предстоящаго промысла. Опытъ учрежденія полнаго (всѣ нужные для инородцевъ русскіе товары) казеннаго запаснаго магазина въ Охтіурѣ и Ларіяхѣ, въ области р. Казыма, у средняго теченія р. Надыма (мѣсто Надымскаго миссіонерскаго стана) и въ Сартыньи (страна Вогуловъ).

7. Система духовнаго и свѣтскаго просвѣщенія. Сѣверная миссія и церковные приходы. Ихъ районы и средства передвиженія. Часовни. Система подвижныхъ престоловъ и антиминсовъ. Экономическое положеніе духовнаго персонала. Просвѣтительная миссія.

Свѣтскія просвѣтительныя учрежденія для инородцевъ. Опытъ пріюта Св. Ольги въ г. Березовѣ, Полноватѣ и С. Ларіяхскомъ. Возможность инородческой грамотности у Самоѣдовъ, Остяковъ и Вогуловъ. Примѣненіе ея въ Богослуженіи въ формѣ хорового пѣнія. Условія устройства малыхъ пріютовъ-школъ для дѣтей инородцевъ при приходскихъ церквахъ. Просвѣтительная роль Березовскаго уѣзднаго училища и желательнаго Сургутскаго уѣзднаго

училища. Картограммы дѣйствія существующихъ училищъ. Экономическое положеніе учащаго персонала.

8. Система управленія: Общій характеръ обычныхъ дѣлъ и способъ исполненія. Дѣла экстренныя и способы ихъ исполненія. Персоналъ управленія и его подготовка къ спеціальному занятію и экономическое положеніе. Обычное право Самоѣдовъ, Остяковъ и Вогуловъ съ точки зрѣнія Высочайшаго Повелѣнія 18 апрѣля 1835 года, основываясь на распросахъ старшинъ, членовъ инородческихъ управъ и бывшихъ примѣровъ и рѣшеній. Условія инородческой развѣдочной полиціи.

Примѣчаніе: Въ общую часть изслѣдованія (Гл. 1 и 2), входитъ обслѣдованіе условій и практики главныхъ инородческихъ промысловъ: 1) Оленеводства; 2) Звѣроловства (звѣрь и птица водяная и лѣсная); 3) Рыболовства; 4) Кедровыхъ орѣховъ; 5) Рубки дровъ въ бассейнѣ р. Оби для пароходнаго дѣла и 6) Кустарныхъ промысловъ инородческаго мужского и женскаго населенія. Кромѣ того, 1-е, роль русскаго осѣдлаго, пришлаго и мѣстнаго населенія и 2-е, роль Зырянскаго осѣдлаго, пришлаго и мѣстнаго населенія.

Статистика населенія. Документальныя данныя и источники этихъ свѣдѣній. Статистика живыхъ людей за послѣдніе 90 лѣтъ (съ 1803 по 1893 годъ): по церковнымъ приходамъ и родамъ инородцевъ (Самоѣды). Статистика по поселкамъ (пугол-хорт); статистика по семьямъ по мѣрѣ надобности.—Статистика находящихся «въ отлучкѣ». Угасающія семьи. Условія и характеръ смѣшанныхъ браковъ Остяковъ и Русскихъ, Остяковъ и Самоѣдовъ, Остяковъ и Вогуловъ, Вогуловъ и Русскихъ. Метисовыя формы.—Картограммы угасанія въ связи съ торговлей, задолженностью, врачебною помощью и захватами земельныхъ угодій.

Заключеніе. Возможныя мѣры помощи и практическіе способы ихъ исполненія.

Профессоръ *Ар. Ив. Якобій.*

17-е февр. 1896 г.
Харьковъ.

ЗАМѢТКИ
объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей
и
СВѢДѢНІЯ
объ ихъ численности.

I. Значеніе народныхъ преданій и родовыхъ именъ и тамгъ въ качествѣ указателей этническаго состава тюркскихъ племенъ и народностей.

Обитающіе на огромномъ пространствѣ отъ Охотскаго моря и Ледовитаго океана до Адріатическаго моря, въ числѣ около 26 милліоновъ, тюрки говорятъ на одномъ языкѣ, дѣлящемся только на нарѣчія, такъ что средне-азіатскій турокъ можетъ понимать и якута, и тюрка-османа [1]). Напротивъ, физическіе типы тюркскихъ племенъ и народностей очень разнообразны, и въ наружности юго-западныхъ тюрковъ весьма мало общаго съ тюркскими племе-

[1]) Конечно при значительномъ вниманіи и догадливости и за исключеніемъ словъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ. Академикъ Бетлингъ,—который, кажется, слишкомъ преувеличивалъ значеніе особенностей якутскаго нарѣчія, предлагая даже тюркскій языкъ именовать семействомъ якутско-турецкихъ языковъ,—весьма рѣзко отвергалъ мнѣніе извѣстнаго ученаго путешественника по сѣверу Сибири Эрмана, утверждавшаго что «якутъ, рожденный на берегахъ Лены или Алдана, безъ затрудненія объяснится съ жителемъ Константинополя» (Бетлингъ «О языкѣ якутовъ» въ «Ученыхъ запискахъ И. Академіи наукъ по 1 и 3 отдѣленіямъ», т. I, вып. 4, 1853 г., стр. 415, 433 и 434). Однако, Миддендорфъ, немного ознакомившійся съ якутскимъ языкомъ на сѣверо-востокѣ Сибири въ 1844 и 1845 гг. и доставившій г. Бетлингу часть матеріаловъ для его грамматики и словаря, чрезъ тридцать слишкомъ лѣтъ могъ объясняться съ тюрками средней Азіи, въ Ферганѣ, при помощи скудныхъ остатковъ забытыхъ якутскихъ словъ: «Когда переводчикъ покидалъ меня, я въ крайнемъ случаѣ могъ объясняться съ моимъ кара-киргизомъ, если мнѣ припоминались необходимыя для того якутскія слова» («Очерки ферганской долины» Спб., 1882 г., стр. 406). Съ другой стороны Вамбери (Das Türkenvolk, 1885, s. 466) завѣряетъ, по личному опыту, что турокъ Анатоліи, при нѣкоторой внимательности, понимаетъ тюрка Восточнаго Туркестана.

нами средней Азіи, а тѣмъ болѣе съ восточно-сибирскими. Конечно, измѣненія въ типахъ расъ и народовъ совершаются, въ нѣкоторыхъ предѣлахъ, подъ давленіемъ климатическихъ и другихъ условій природы и подъ вліяніемъ культуры, а также, вѣроятно, и вслѣдствіе эволюцій составляющихъ каждый данный антропологическій типъ элементовъ, но такія измѣненія, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, вообще незначительны или, по крайней мѣрѣ, требуютъ очень большихъ періодовъ времени. Несравненно болѣе быстры, рѣзки и глубоки тѣ измѣненія въ народныхъ и племенныхъ типахъ, которыя являются слѣдствіемъ помѣсей съ другими расами и народами. Если не подлежитъ сомнѣнію, что разнобразные типы тюрковъ-османовъ есть результатъ метисацій прибывшихъ не ранѣе девяти вѣковъ тому назадъ изъ средней Азіи въ Малую Азію и позднѣе на Балканскій полуостровъ тюрковъ съ мѣстными курдами, греками, славянами и пр., то нельзя не полагать, что и другія тюркскія племена получили свои другъ отъ друга антропологическія отличія также, главнымъ образомъ, вслѣдствіе метисацій съ различными народами, а не подъ вліяніемъ только природныхъ и культурныхъ условій, которыя были для нихъ довольно однообразны. Въ виду всего этого, выясненіе происхожденія тюркскихъ племенъ и народностей въ значительной степени сводится къ опредѣленію постороннихъ примѣсей, скрещиванія съ которыми давали особыя тюркскія племена.

Историческія извѣстія о сѣверной и средней Азіи начинаются за немногіе вѣка до Р. Х. и не отличаются обиліемъ за позднѣйшія времена. Думали, поэтому, найти выясненія происхожденія тюркскихъ племенъ, особенно древнѣйшихъ, въ народныхъ преданіяхъ.

По самому замѣчательному и одному изъ древнѣйшихъ тюркскихъ народныхъ сказаній, запись котораго у китайцевъ почти одновременна съ появленіемъ въ исторіи самаго имени тюрковъ, праотецъ турковъ былъ родомъ изъ «владѣнія Со, которое лежало на сѣверъ отъ страны хунновъ». Одинъ изъ его потомковъ Ичжини-нишыду (I-tchi-ni-sse-tou), родившійся отъ волчицы и одаренный сверхъестественными качествами, имѣлъ двухъ женъ: дочь духа неба и дочь духа зимы. Отъ первой у него родилось четыре сына, изъ которыхъ одинъ превратился въ лебедя; другой, по имени Ци-гу (Ki-ko), основалъ государство между рѣками Афу (A-pou) и Гянь (Kien); третій положилъ начало царству на берегахъ рѣки Чуси (Tchou-tche). Четвертый, старшій сынъ, по имени Надулуше (No-tou-lou-che), жилъ въ горахъ Басы-чуси-ши (Tsien-sse-tchou-tche-chi); въ тѣхъ же горахъ обитала орда, происходившая отъ упомянутаго общаго тюркскаго праотца; эта орда сильно страдала отъ холода, причиняемаго росами; Надулуше научилъ ее добывать огонь, обо-

грѣлъ и пропиталъ, такъ что всѣмъ сохранилъ жизнь; за это упомянутая орда подчинилась ему, признала старѣйшиною и наименовала ту-кю (tou-kioue) [1]). Его потомокъ Тумынь былъ первымъ государемъ турковъ (тукю), вошедшимъ въ сношенія съ Китаемъ въ первой половинѣ VI вѣка.

Приведенное сказаніе помѣщено въ китайской «Исторіи сѣверной династіи Вэй» (съ 386 по 558 г.) и изложено, съ нѣкоторыми сокращеніями, по переводу Stan. Julien'a [2]), вообще согласному съ переводомъ о. I. Бичурина [3]), у котораго взята русская транскрипція именъ. Династійныя исторіи составлялись у китайцевъ на основаніи лѣтописей и документовъ, современныхъ событіямъ, а потому надо полагать, что внесенная въ исторію династіи Вэй легенда записана между 535—558 гг., вѣроятно со словъ тюркскихъ посланниковъ. Точность записи удостовѣряется видимымъ непониманіемъ со стороны китайцевъ, нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ, географическихъ и этническихъ ея подробностей.

Владѣніе Со, лежавшее на сѣверѣ отъ страны хунновъ, т. е. отъ нынѣшней Монголіи, должно было находиться на сѣверной сторонѣ Алтая, ибо южные его склоны входили въ составъ земель хунновъ. Въ настоящее время одинъ изъ двухъ родовъ, изъ которыхъ состоитъ верхне-кумандинская волость, на р. Біи, около впаденія въ нее рѣки Лебеди, носитъ имя со, а другой—кубанды или куманды [4]). Отсюда можно съ достаточною вѣроятностью заключить, что легендарный праотецъ турковъ происходилъ изъ племени со, обитавшаго на сѣверѣ отъ Алтая, и что родъ со является маленькимъ остаткомъ этого, вѣроятно, въ доисторическія времена не совсѣмъ малочисленнаго, племени. Далѣе, тюркское слово ку значитъ «лебедь». Живущіе на р. Лебеди тюрки и теперь зовутъ себя ку-кши, т. е. «люди (р.) Ле-

---

[1]) О. Іакинфъ Бичуринъ, давъ довольно правильно китайскую транскрипцію тугю, писалъ тѣмъ не менѣе имя это постоянно дулга, потому что, вмѣстѣ со Шмидтомъ, считалъ тукю за монголовъ и производилъ ихъ имя отъ монгольскаго дудулга, шлемъ. Клапротъ и Абель Ремюза неудачно сравнивали имя тукю съ такія, шапка, но оказалось, что есть вполнѣ подходящеес тюркское слово терк, значащее шлемъ (см. Клапрота Mémoires relatifs à l'Asie, Paris, 1826, t. 2, p.p. 382 et. 383, и Gabelentz въ Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, 2 B., 1839, s. 72). По мнѣнію Вамбери, «было бы вполнѣ логично, если бы слово тюркъ значило человѣкъ или твореніе» (The Turco-Tatars въ The Journal of the Manchester Geographical Society, 1892, vol. 8), но это пожеланіе не имѣетъ этимологическихъ основаній.

[2]) Documents historiques sur les Tou-kioue (Turcs), extraits du Pien-i-tien et traduits du chinois, въ Journal asiatique, t. III, 1864, p.p. 327 et 328.

[3]) Монаха Іакинфа (Бичурина) «Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ средней Азіи въ древнія времена», Спб., 1851 г., часть I, стр. 258 и 259.

[4]) Aus Sibirien, von d-r Wilhelm Radloff, Leipzig, 1884, B. I, ss. 211, 212.

беди» [1]). Изъ этого не трудно вывести, что китайскіе историки напрасно заставили сына Ичжини-нишиду превращаться въ лебедя: онъ,—подобно остальнымъ тремъ братьямъ, поселившимся въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и основавшимъ тамъ царства (племена),—водворился на р. Ку (Лебеди) и былъ родоначальникомъ племени ку, остатки котораго и понынѣ обитаютъ на р. Лебеди и въ волостяхъ верхне и нижне-ку-мандинскихъ. Засимъ, Кі-ко есть одна изъ китайскихъ транскрипцій имени кыргызъ [2]), въ которой выпущена буква р, отсутствующая въ китайскомъ языкѣ [3]), и опущена конечная согласная, какъ это китайцы весьма часто дѣлали до временъ манджурской династіи; потомъ, рѣка Апу есть вѣроятно Абаканъ, главное становище кыргызовъ, а рѣка Гянь или Кянь есть несомнѣнно Кемъ, т. е. сохраняющееся съ древнѣйшихъ временъ туземное названіе рѣки Енисея. Рѣка Чу-си должна быть р. Чу (у русскихъ Чуя), притокъ Катуни, служащая и нынѣ мѣстомъ кочевокъ чу'йскихъ тюрковъ (чу-кши). Наконецъ, Басы-чу въ переводѣ съ тюркскаго можетъ значить «верховья (рѣки) Чу»; такъ какъ ши по китайски «камень», то мѣстность, гдѣ поселился старшій сынъ, суть пастбища при «каменныхъ (или скалистыхъ) горахъ въ верховьяхъ рѣки Чу». Въ общемъ выходитъ, по географическимъ и этническимъ даннымъ легенды, что турки-тукю (точнѣе по о. Іакинфу, «дулгаскій домъ», т. е. собственно ханскій родъ) происходятъ отъ обитавшаго на сѣверѣ Алтая племени со и что, послѣ переселенія ихъ въ Алтай и размноженія, они раздѣлились на четыре вѣтви: одна утвердилась на сѣверномъ склонѣ Алтая, съ именемъ ку (бан или ман означало, кажется, «земля», «страна», впослѣдствіи же обратилось въ приставку собирательнаго значенія, какъ напр. и въ имени туркманъ или туркменъ), вторая вѣтвь основалась на Енисеѣ и Абаканѣ съ именемъ кыргызъ, третья осталась кочевать внутри Алтая на р. Чу, а четвертая образовала племя, принявшее имя туркъ. Это послѣднее, сдѣлавшееся во второй четверти VI вѣка извѣстнымъ китайцамъ, завязавшимъ съ нимъ политическія сношенія, въ 536г. подчинило себѣ гаогюйцевъ въ числѣ 50 т. кибитокъ, положило затѣмъ конецъ владычеству жужаней и къ 556 году овладѣло всею Монголіею и среднею Азіею до Гиндукуша и Чорнаго моря [4]).

[1]) Тамъ же, s. 212.

[2]) У Дегиня, напр., встрѣчаемъ въ китайскихъ именахъ кыргызовъ Ki-ko, Kie-ko (Histoire générale des Huns etc., Paris, 1756, t. I, partie 2, p. 379).

[3]) Такъ вмѣсто ту-р-к у китайцевъ вышло ту-кю:кю за неимѣніемъ знака для одного звука к безъ гласной.

[4]) «Собраніе свѣдѣній» и пр., I, стр. 266—268.

Томашекъ, мимоходомъ коснувшійся разсматриваемой легенды (Sitzungberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Classe, CXVII

При всемъ интересѣ, представляемомъ разсматриваемою легендою, нельзя однако же не видѣть, что она служитъ выраженіемъ только тѣхъ преданій, которыя сохранялись у турковъ-тукю въ VI вѣкѣ относительно происхожденія ихъ самихъ и ближайшихъ къ нимъ по сосѣдству тюркскихъ племенъ, изъ которыхъ лишь нѣкоторымъ предстояла историческая будущность. Отсутствіе въ легендѣ всякихъ свѣдѣній и даже упоминаній о такихъ древнихъ и многочисленныхъ тюркскихъ племенахъ, какъ хунны, канглы, гаогюйцы, которыя выступили на историческую сцену за многіе вѣка до появленія тукю, дѣлаетъ разсматриваемое сказаніе только легендою о происхожденіи турковъ-тукю, а не всего народа тюркскаго и его главнѣйшихъ племенъ. Возможно, конечно, что въ легендѣ этой сказалось отдаленное и смутное воспоминаніе о прародинѣ всѣхъ тюрковъ на сѣверѣ Алтая, но ближайшимъ образомъ легенда выражаетъ лишь преданіе о происхожденіи ханскаго рода или, скорѣе, господствующаго поколѣнія, которое объединило обитавшіе на южныхъ склонахъ Алтая разрозненные тюркскіе роды и дало ихъ союзу и племени принятое или полученное имъ имя тӳркъ.

Это, приведенное съ нѣкоторыми подробностями, сказаніе не есть единственное и не самое древнее изъ преданій о происхожденіи тюрковъ. Раньше его на столѣтіе, въ V вѣкѣ, записано китайцами сказаніе о гаогюйцахъ, по которому это тюркское племя происходитъ отъ волка и дочери одного изъ шаньюевъ (государей) хунновъ [1]). Одновременно съ вышеприведенною легендою VI вѣка, китайцами же, сохранено преданіе, производящее турковъ-тукю отъ волчицы и десятилѣтняго мальчика, уцѣлѣвшаго отъ истребленнаго врагами рода хунновъ и брошеннаго съ отрубленными руками и ногами: волчица питала его, пока враги не свѣдали о чудесномъ сохраненіи жизни юноши и не убили его; тогда волчица удалилась въ окруженную со всѣхъ сторонъ непроходимыми горами долину (Алтая) и родила тамъ десять сыновей, отъ которыхъ произошли турки-тугю [2]). Всѣ эти сказанія, какъ и легенда о происхожденіи монголовъ отъ «небомъ рожденнаго бураго волка да сивой лани» [3])

Band, Wien, 1889, s.s. 64 und 65), не довольствуясь превращеніемъ «старшаго» (слѣдуетъ «второго») сына въ Лебедя, заставляетъ его улетать «въ широкую даль» къ якутамъ, которые поклоняются Куба-хатун'и. Но поклоненіе Лебеди-царицѣ еще далеко недостаточно, чтобы приписывать якутамъ такую связь съ древнѣйшей тюркской легендой, тѣмъ болѣе, что о какомъ либо полетѣ лебедя въ сказаніи нѣтъ ни слова, ни намека. Правильно затѣмъ угадавъ въ Tchou-tche рѣку Чую, Томашекъ предполагаетъ въ имени «младшаго» сына No-tou-lou-che тюркское ондурчи, но сыновей было всего четыре, а не четырнадцать, и Надулу-ше былъ старшій, а не младшій.

[1]) «Собраніе свѣдѣній» и пр., I, 248 и 249.

[2]) Тамъ же, 256 и 257.

[3]) «Юань-чао-ми-ши» въ «Трудахъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ», т. 4, Спб., 1866 года, стр. 23.

и тому подобныя, не даютъ для опредѣленія происхожденія народовъ и племенъ и ихъ этническаго состава ничего кромѣ смутныхъ и загадочныхъ намековъ, представляя собою отголоски той отдаленной фазы эволюціи человѣческихъ обществъ, когда первобытные роды боготворили разныхъ животныхъ, почитая себя ихъ потомками. Немногимъ болѣе богаты годнымъ этническимъ матеріаломъ тѣ народныя сказанія, которыя сохранены для насъ мусульманскими писателями XIII и XIV вѣковъ и болѣе поздними: Джувейни, Рашидъ-эддиномъ, Абулъ-гази-багадуръ-ханомъ и т. д. До писателей этихъ не дошли уже древнія народныя преданія о происхожденіи тюркскихъ племенъ, имѣющія историческія, этническія и соціологическія основы; они довольствуются наивной этимологіей: уйгуры суть племена, которыя были союзниками или послѣдователями мифическаго Огузъ-хана, ибо слово **уйгуръ** по тюркски должно значить «послѣдователь», «соединившійся»; канглы происходятъ отъ тѣхъ воиновъ Огуза, которые завели телѣги для возки добычи и запасовъ, ибо **канглы** по тюркски «телѣга»; карлыки пошли отъ людей Огуза, осыпанныхъ снѣгомъ, такъ какъ **карлыкъ** значитъ «снѣговикъ», и т. д. [1]) Чѣмъ болѣе поздни письменныя сказанія о происхожденіи тюркскихъ племенъ и чѣмъ большей они подвергались литературной обработкѣ и вліяніямъ, тѣмъ менѣе цѣнны они въ качествѣ достовѣрнаго матеріала [2]). Не лишены значенія только незатѣйливыя, простыя, преимущественно устныя, генеалогическія сказанія, встрѣчающіяся у тѣхъ тюркскихъ племенъ, которыя сохранили еще кочевой образъ жизни и прочность родоваго быта, ибо, вслѣдствіе громаднаго значенія родовъ въ ихъ бытѣ, у нихъ еще твердо удерживаются воспоминанія о степеняхъ кровнаго родства или представляющихся имъ кровными связей и отношеній между родами.

У турковъ-тукю въ VIII вѣкѣ уже не сохранилось въ памяти той легенды, которую китайцы записали два вѣка раньше. По крайней мѣрѣ въ памятникѣ Кюль-тегину, 732 года, исторія ихъ начинается прямо съ Тумынъ-хана. «Когда сверху утвердилось синее небо, а снизу—темная земля, появи-

---

[1]) См. отрывки изъ одной уйгурской рукописи, изъ Рашидъ-эддина, Джувейни и Абулъ-гази, помѣщенные въ изслѣдованіи В. В. Радлова «Къ вопросу объ уйгурахъ» («Записки и. Академіи наукъ», 1893 г., томъ 72, книжка I, приложеніе № 2).

[2]) Не лишенная интереса, но не совсѣмъ удачная попытка систематизировать эти сказанія мусульманскихъ писателей сдѣлана маіоромъ H. G. Raverty въ статьѣ On the Turks, Tattars and Mughals (Travaux de la troisième session du congrès international des orientalistes, t. 2, St. Petersbourg, 1879, p.p. 74—124). Авторъ этой статьи ограничился кое-какимъ согласованіемъ частицы изъ множества противорѣчій между версіями имѣвшихся имъ въ виду писателей, но совсѣмъ не вошелъ въ критическое разсмотрѣніе легендарныхъ сказаній и сочиненныхъ къ нимъ прибавокъ и поправокъ, не задаваясь даже вопросомъ — насколько приведенныя имъ въ нѣкоторую систему сказанія соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

лись между ними сыны человѣческіе. Между сыновьями человѣческими возвысился чум-пам'скій Бумынъ-каганъ, знаменитый ханъ. Онъ установилъ роды (Stämme) и законы тюркскаго народа, и все направилъ»[1]). Во главѣ подвиговъ Бумынъ-кагана поставлена тутъ организація родовъ. Хотя приведенный переводъ пришлось измѣнить[2]), но при патріархально-родовомъ бытѣ тюрковъ-кочевниковъ, роды и сочетанія родовъ и ихъ частей въ родовые и племенные союзы дѣйствительно имѣли преобладающее во всѣхъ отношеніяхъ значеніе. Сильный, многочисленный, дружный родъ имѣлъ бо̀льшую возможность занимать лучшія пастбища, оказывать своимъ членамъ вѣрную и дѣйствительную защиту отъ внѣшнихъ враговъ, доставлять своимъ родоначальникамъ прочное политическое вліяніе въ дѣлахъ племени и государства и обезпечивать бо̀льшую долю добычи и даней, поступавшихъ въ пользу племени или государства. Хотя многочисленность рода давала ему силу, но хозяйственныя условія пользованія пастбищами и другія причины не дозволяли роду сохранять неопредѣленное время свою цѣлость и вызывали рано или поздно раздѣленіе его на болѣе или менѣе самостоятельныя части. Вслѣдствіе

---

1) W. Radloff—Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, St. Petesbourg, 1894, s.s. 17, 22.

2) Позднѣе В. В. Радловъ придалъ части первоначальнаго перевода такой видъ (1895, s. 439): «Между сынами человѣческими возвысился въ качествѣ властителя мой предокъ Бумынъ-ханъ, знаменитый ханъ. Er hielt die Stämme und Gesetze des Türkenvolks in Ordnung und verbesserte sie». По проф. Томсену (Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées, Helsingfors, 1896, p. 97): Au-dessus des fils des hommes s'élevèrent mes ancêtres Boumin kagan et Istémi kagan. Après être devenus maîtres, ils gouvernèrent et fixèrent l'empire et les institutions du peuple turc. Соотвѣтственно чтенію г. Томсена: киси оглында öзе очюм апам бумын каган истеми каган олурмыш, олурыпан тюрк будыныг илин тöрюсин тута бирмис, ити бирмис—будетъ, кажется, ближайшимъ такой переводъ: «Надъ сыновьями человѣческими возвысились въ качествѣ государей мои предки Бумынъ-каганъ и Истеми-каганъ. Возвысившись въ качествѣ государей, они установили и упрочили самостоятельное (государственное) управленіе (илин) и обычаи (законы) тюркскаго народа».—«Иль» въ этомъ и въ другихъ мѣстахъ надписей, какъ и въ титулѣ «иль-ханъ», который, по словамъ китайцевъ, принялъ Тумынъ, имѣетъ значеніе самостоятельно управляющагося племени или государства живущихъ въ родовомъ бытѣ кочевниковъ. Такія племена называются въ надписяхъ и л л и г, напр. (p. 102): иллигиг илсиретмис, каганлыгыг каганситратмис, т. е. обладавшихъ самостоятельнымъ управленіемъ лишилъ его, обладавшихъ каганами лишилъ ихъ. Что касается Истеми-кагана, то въ разныхъ мѣстахъ «Танъ-шу» упоминается Шидяньми-ханъ (по чтенію о. Іакинфа, I, стр. 354 и 361) въ качествѣ родоначальника западно-тюркскихъ хановъ, откуда можно съ вѣроятностью заключить, что этотъ Шидяньми (по Дегиню, Histoire générale des Huns etc., Paris, 1756, tome I, partie 2, p. 463, Che-tie-mi, братъ Tou-muen-khan'a; по Visdelou, Bibliothèque orientale d'Herbelot, La Haye, 1779, t. IV, p. 109, Che-tie-mii или So-ti-mii былъ вторымъ сыномъ Тумынъ-хана) былъ братомъ основателя могущества тюрковъ и что этому Шидяньми, Сетими или Истеми надписи и его потомству досталась въ удѣлъ западная половина владѣній турковъ-тукю, тогда какъ восточная составила наслѣдство потомства Тумынъ-хана.

этого въ каждомъ родѣ существовали, съ одной стороны, условія, требовавшія сохраненія родового единства, съ другой же—болѣе или менѣе сильныя стремленія къ раздѣленію. Борьба этихъ противоположныхъ теченій обыкновенно усложнялась и усиливалась соперничествомъ между родоначальниками и выдающимися въ родѣ людьми, изъ которыхъ одни, желая сохранить всю силу рода, во главѣ котораго стояли, защищали цѣлость рода, другіе же, разсчитывая на главенство въ отпадающихъ частяхъ рода, домогались раздробленія. Стремленія къ распаденію часто брали верхъ, но обнаруживающіяся невыгоды слишкомъ мелкихъ и безсильныхъ родовыхъ единицъ вызывали образованіе болѣе крупныхъ родовыхъ союзовъ, составлявшихся иногда изъ частей разныхъ родовъ и даже племенъ. Но такіе союзы, въ которыхъ кровныя связи были слабы, склонны были распадаться еще съ большею скоростью и легкостью. В. В. Радловъ справедливо вывелъ изъ наблюденій своихъ надъ русскими и китайскими киргизъ-казаками,—изъ которыхъ послѣдніе пользовались почти независимостью, такъ какъ китайское правительство во внутреннія ихъ дѣла не вмѣшивалось,—что подвижность состава родовъ и племенъ есть «жизненная потребность кочевниковъ» и что непрестанными измѣненіями въ этомъ составѣ «поддерживается жизнеспособность всего народа». Невозможность образованія новыхъ родовыхъ и племенныхъ союзовъ у кочевниковъ, потерявшихъ независимость, причиняетъ, по его мнѣнію, «застой, подтачивающій ихъ благосостояніе» [1]).

Исторія государствъ тюркскихъ кочевниковъ, смѣнявшихся въ Монголіи, показываетъ, что возникали они вслѣдствіе усиленія одного изъ племенъ, во главѣ котораго стояли храбрые, умные и счастливые въ своихъ предпріятіяхъ родоначальники, успѣвшіе подчинить своему вліянію роды своего племени и покорить остальныя племена. Упроченія своей власти достигали они поставленіемъ во главѣ родовъ и племенъ своихъ родственниковъ или приверженцевъ, обязанныхъ имъ своимъ возвышеніемъ. Паденіе тюркскихъ государствъ происходило обыкновенно во время внутреннихъ междоусобій въ ханствующемъ домѣ, но всегда подъ преобладающимъ вліяніемъ стремленій родовъ и племенъ къ самостоятельности, когда ихъ начальники объединили уже свои интересы съ интересами родовъ. За паденіемъ господствовавшаго племени наступалъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ обособленности родовыхъ союзовъ, пока не усиливалось одно изъ племенъ и не подчиняло своей власти остальныя, основывая новое государство. Такъ возникли и пали въ Монголіи государства хунновъ, турковъ-тукю и уйгуровъ. То же стремленіе родовъ и

---

[1]) «Къ вопросу объ уйгурахъ», стр. 72.

племенъ къ самостоятельности играло преобладающую роль въ распаденіи основанныхъ монголами улусовъ джучіева и джагатаева и въ политическихъ безсиліи и несостоятельности киргизъ-казачьяго союза, возникшаго на ихъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ роды не только пользовались всеобъемлющимъ значеніемъ въ бытовой жизни тюркскихъ кочевниковъ, но играли весьма важную роль и въ ихъ политической исторіи. Естественно, что при такомъ значеніи родовъ, когда вся жизнь и судьбы кочевника опредѣлялись принадлежностью къ роду, родовыя имена должны были пользоваться необыкновенной прочностью. Роды могли входить въ различные союзы, цѣликомъ и частями, но должны были твердо сохранять свои исконныя имена. И въ самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ, родовыя имена, записанныя многіе вѣка тому назадъ китайскими историками,—конечно вслѣдствіе политическаго значенія носившихъ ихъ родовъ,—сохраняются частію и понынѣ. Это обстоятельство даетъ возможность опредѣлить, въ значительной мѣрѣ, этническій составъ тѣхъ изъ нынѣ существующихъ тюркскихъ племенъ и народностей, которыя сохранили кочевой образъ жизни и родовой бытъ, а съ ними и родовыя имена. У тюрковъ, давно перешедшихъ къ осѣдлости и утратившихъ родовой бытъ, исчезли и родовыя имена, такъ что для выясненія этническаго состава этихъ осѣдлыхъ тюрковъ остается пользоваться только тѣми данными о родовомъ ихъ составѣ, какія сохранились для времени, предшествовавшаго обращенію ихъ въ осѣдлое состояніе.

Кромѣ родовыхъ именъ, другимъ указателемъ этническаго состава тюрковъ-кочевниковъ, также связаннымъ съ родовымъ бытомъ, могутъ служить родовыя тамги, т. е. знаки родовой собственности, налагаемые преимущественно на скотъ, но встрѣчающіеся также на другихъ имуществахъ рода и его членовъ и употребляемые въ видѣ гербовъ, печатей, взамѣнъ подписей и т. д. Древнѣйшее, кажется, упоминаніе о тамгахъ у тюрковъ (именно у гаогюйцевъ) относится къ V вѣку: «На домашнемъ скотѣ вообще кладутъ мѣтки, и хотя въ полѣ пристанетъ къ чужому, никто не возьметъ его» [1]). Но нельзя сомнѣваться, что родовыя тамги у тюрковъ-скотоводовъ существовали въ несравненно болѣе отдаленныя времена. Весьма вѣроятно, что родовыя тамги были первоначально изображеніями родовыхъ боговъ или духовъ-покровителей и лишь впослѣдствіи обратились въ знаки родовой собственности, принявъ для этого формы простѣйшихъ геометрическихъ фигуръ, какъ наиболѣе удобныя для вырѣзыванія или выжиганія. По многочисленнымъ наблюденіямъ, у восточно-финскихъ племенъ, родовой бытъ которыхъ давно уже

[1]) «Собраніе свѣдѣній» и пр., I, стр. 250.

началъ рушиться, образованіе тамгъ для новыхъ семей, отдѣляющихся отъ старой, совершается посредствомъ добавленія приставочныхъ чертъ къ тамгѣ старой семьи. Это обстоятельство приводитъ къ мысли, что такимъ же путемъ происходило образованіе тамгъ родовыхъ отдѣленій при первоначальныхъ ихъ отвѣтвленіяхъ. Если это вѣрно, то существующія родовыя тамги должны указывать—отъ какихъ родовъ нынѣшнія родовыя единицы происходятъ. Такъ въ дулатовскомъ отдѣлѣ большой орды основная тамга (поколѣнія дулатъ) есть кругъ ○. Кругъ же съ одной приставной чертой служитъ тамгою поколѣнія адбанъ ⚲, и кругъ съ двумя приставными чертами оказывается у поколѣнія суванъ ⚲′. Изъ дулатовскихъ подраздѣленій у рода ботпай тамга состоитъ изъ круга съ тремя приставками ′⚲′ или ♀′, а у рода сейкымъ изъ круга съ четырьмя добавочными чертами ′♀′. Изъ имѣющихся, весьма еще къ сожалѣнію не полныхъ, свѣдѣній о тамгахъ у киргизъ-казаковъ можно заключить, что тамгами служатъ у племени аргынъ два круга ○○, у племени канглы одна прямая черта |, у племени кипчакъ двѣ прямыя черты ||, у племени кирей двѣ перекрещивающихся черты + или ×, у племени конгратъ прямоугольникъ безъ одной изъ сторонъ ┌┐, у племени найманъ острый уголъ изъ двухъ прямыхъ чертъ V. Роды названныхъ племенъ имѣютъ тамги изъ основной племенной тамги съ различными къ ней приставками или накладываютъ общеплеменную тамгу на особой для каждаго рода части тѣла животныхъ. Такъ какъ вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ многовѣковой жизни тюркскихъ кочевниковъ чистокровныхъ племенъ и родовъ нѣтъ, и преобладаютъ союзы разнаго происхожденія, состоящіе изъ частицъ различныхъ кровныхъ родовъ, то въ одномъ и томъ же родѣ,—не только племени,—встрѣчаются теперь дѣленія съ различными тамгами, при чемъ часто имя подраздѣленія обнаруживаетъ, что оно дѣйствительно происходитъ изъ того рода или племени, которому принадлежитъ основная тамга. Вслѣдствіе этого родовыя тамги,—особенно когда онѣ будутъ собраны и изучены у возможно большаго числа тюркскихъ племенъ и народностей, сохраняющихъ кочевой образъ жизни и родовой бытъ, —могутъ служить весьма важными указателями этническаго состава племенъ и родовъ [1]).

---

[1]) Довольно подробныя свѣдѣнія о родовыхъ тамгахъ и относящейся къ нимъ литературѣ помѣщены въ моемъ «Опытѣ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ большой орды и кара-киргизовъ» и пр. («Живая старина», вып. III и IV за 1894 годъ). Въ дополненіе, пользуюсь случаемъ упомянуть, что въ изданныхъ въ 1822 г. въ Казани на татарскомъ языкѣ Хальфинымъ (кажется тогдашній преподаватель татарскаго языка въ казанскомъ университетѣ) сказаніяхъ «Жизнь Джэнгизъ-хана и Аксакъ-Тимура» го-

Наблюденія надъ особенностями быта, нарѣчій, физическаго типа, вообще этнографическія, археологическія, лингвистическія и антропологическія изслѣдованія конечно могутъ значительно способствовать изученію этническаго состава различныхъ народностей, но въ отношеніи тюркскихъ племенъ положеніе нашихъ знаній по этимъ отраслямъ науки пока настолько зачаточно (хотя сдѣлано уже не мало), что въ настоящее время этнографія, археологія, лингвистика и антропологія не даютъ еще достаточныхъ указаній. Остаются такимъ образомъ главными пока указателями родовыя имена и родовыя тамги.

ворится, что Дженгизъ-ханъ далъ каждому изъ бековъ своихъ тамгу, птицу, дерево и кличъ. Обратился онъ, напр., къ Кункратъ-бій-оглу Сенкелэ: «Эй, Сенкелэ, пусть твое дерево будетъ яблоня, пусть птица твоя будетъ соколъ, твой кличъ—Кункратъ, а тамга твоя пусть будетъ мѣсяцъ». Приводя это, В. Д. Смирновъ («Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской порты до начала XVIII вѣка», Спб., 1887 г., стр. 198—199) замѣтилъ, что тамга мѣсяцъ «изображается въ видѣ круга (полукруга?), на деньгахъ же въ видѣ трехзубчатаго новолунія, т. е. близко къ русской буквѣ Э. Послѣднее изображеніе сильно напоминаетъ тамгу герайскую (крымскихъ хановъ), но еще больше на нее похожа тамга Уйшинъ-Майкья-бія, которому Чингизъ-ханъ сказалъ: Пусть твое дерево будетъ вязъ, твоя птица—орелъ, твой кличъ—Салаватъ, а тамга твоя с р к а». Изображеніе послѣдней, по словамъ того же ученаго, напоминаетъ славянское Щ или Ш, названіе же тамги надо читать с у р к у, что значитъ б о р о н а и подходитъ къ изображенію тамги.—Съ своей стороны замѣчу, что въ «Описаніи средней орды» капитана Андреева 1785 г. (рукопись геогр. общества) тамга Кункратъ-бія изображена въ видѣ круга, но тамга Майкибая на борону нисколько не походитъ. По мнѣнію В. Д. Смирнова, тамга хановъ золотой орды или кипчакскихъ походила формою на стремя, какъ видно это на монетахъ, въ трезубецъ же обратили ее на монетахъ крымскихъ хановъ генуэзскіе чеканщики, подобно тому, какъ превратили они всадника прежнихъ татарскихъ монетъ въ св. Георгія. Но изъ приведенныхъ Г. Н. Потанинымъ, по Френу, девяти джучидскихъ монетныхъ тамгъ («Очерки с.-з. Монголіи», вып. 4, Спб., 1883 г., табл. I), другъ отъ друга отличныхъ, ни одна на стремя не походитъ; что же касается таракъ-тамги крымскихъ хановъ, то это общая всѣмъ чингизидамъ (въ настоящее время всѣмъ киргизъ-казачьимъ султанамъ, какъ можно видѣть у Г. Н. Потанина на табл. XXVI при 2 вып. «Очерковъ», у П. Ефименки въ «Журналѣ мин. нар. просвѣщенія», 1874 года, № 12, и у многихъ другихъ авторовъ) тамга, которою пользуются также дружинники прежнихъ хановъ и султановъ (тюленгуты) и родъ джалаиръ, состоявшій нѣкогда въ рабствѣ у рода Чингизъ-хана.

Замѣчу кстати, что Hammer-Purgstall, упоминая въ своей Geschichte der Goldenen Horde (1840, s. 218) о птицахъ, деревьяхъ, тамгахъ и уранахъ, которыя даны будто бы разнымъ родамъ по упомянутой казанской «Жизни Чингизъ-хана и Аксакъ-Тимура», называлъ эти сказанія баснословными и мало заслуживающими довѣрія. Это упоминаніе Гаммера повторилъ въ своей книгѣ Die Rechtsverhältnisse bei verschiedenen Völkern (Berlin, 1872, s. 164) професс. Bastian, опустивъ отзывъ Гаммера объ источникѣ и помѣстивъ вслѣдъ за цитатою изъ Гаммера не имѣющее никакого отношенія къ тюркамъ и монголамъ свѣдѣніе изъ совершенно другого источника о родахъ въ долинѣ Гларуса (въ Швейцаріи). Вслѣдствіе пропуска при цитированіи Бастіана нѣсколькихъ строкъ, въ прекрасномъ изслѣдованіи П. Ефименки «Юридическіе знаки» («Журналъ мин. нар. просвѣщенія», 1874 года, № 11, стр. 164) получилось, что у монголовъ во время Чингизъ-хана было «12 родовъ, имѣвшихъ свои особые гербы или тамги, которыми служили птицы и

Но свѣдѣнія о тамгахъ скудны, одни же родовыя имена нынѣшнихъ тюркскихъ племенъ и народностей сами по себѣ далеко недостаточны для опредѣленія ихъ этническаго состава уже потому, что одинаковыя имена встрѣчаются въ разныхъ племенахъ и родахъ. Чтобы опредѣлить ихъ значеніе и взаимныя отношенія, необходимы историческія свѣдѣнія о прошломъ главныхъ племенъ и родовъ. Только при помощи историческихъ свѣдѣній могутъ быть съ достовѣрностью отличены основные, главные роды отъ позднѣйшихъ, составныхъ родовыхъ союзовъ, а также выяснены иноплеменныя и инородныя примѣси.

Сообразно всему этому, задача настоящаго труда заключается въ томъ, чтобы, пользуясь имѣющимися данными о настоящемъ родовомъ составѣ и историческими свѣдѣніями по тому же предмету, выяснить племена и роды, а также иноплеменныя примѣси, изъ которыхъ составились нынѣ существующія тюркскія народности. Для сокращенія объема статьи [1]), при изложеніи нынѣш-

---

деревья. Когда одинъ изъ этихъ родовъ, родственныхъ по гербамъ, отходилъ, то гербъ его удерживался, а онъ замѣнялся однимъ изъ 34 родовъ (свободныхъ Божьихъ людей), которые были поселены въ долинѣ Гларуса».

Еще въ 1855 г. академикъ Шифнеръ («Ученыя записки и. Академіи Наукъ по I и 3 отдѣленіямъ», томъ 3, вып. 5, 1855 годъ, стр. 606) указывалъ желательность отыскиванія и собиранія родовыхъ, домовыхъ, фамильныхъ и т. д. знаковъ собственности, утверждая, что изученіе ихъ «можетъ повести къ интереснымъ результатамъ. Тогда окажется, что въ употребленіи такихъ знаковъ менѣе имѣло мѣсто произвольное изобрѣтеніе, чѣмъ подражаніе и заимствованіе». Онъ предполагалъ сосредоточивать собираніе знаковъ собственности въ сибирскомъ и кавказскомъ отдѣлахъ географическаго общества и въ другихъ ученыхъ обществахъ. Къ сожалѣнію напечатанныя въ мало распространенномъ ученомъ изданіи мысли Шифнера остались неизвѣстными большинству мѣстныхъ любителей этнографіи. Онъ впрочемъ не могъ указать опредѣленно примѣненія рекомендуемаго собиранія, но теперь стало очевиднымъ этническое значеніе тамгъ и другихъ знаковъ собственности, а потому можно надѣяться, что собираніе знаковъ собственности привлечетъ къ себѣ вниманіе мѣстныхъ этнографовъ, особенно въ степныхъ окраинахъ.

[1]) По той же причинѣ я долженъ отказаться, за немногими исключеніями, отъ изложенія и обсужденія взглядовъ разныхъ ученыхъ по предметамъ настоящаго изслѣдованія, между прочимъ и относительно значенія родовыхъ и племенныхъ именъ и дѣленій и о самомъ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей. Ограничусь по послѣднему предмету самымъ необходимымъ. Уже Догинь, который первый воспользовался для исторіи тюрковъ не только западными и мусульманскими, но и китайскими извѣстіями, дѣлалъ попытки выяснять происхожденіе тюркскихъ народовъ при помощи родовыхъ именъ у современныхъ тюркскихъ народностей (Mémoires... de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, t. 28, Paris, 1759, p.p. 93, 103 etc.). D'Ohsson въ Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-khan jusqu'a Timur-beg, 1834 г., а также Hammer—Purgstall въ Geschichte der Goldenen Horde, 1840 г., и Henry Howorth въ History of the Mongols from the 9th to the 19th Century, 1876—1888 г.г., тщательно приводили по своимъ источникамъ родовыя имена и племенныя дѣленія и старались опредѣлять этническія отношенія тюркскихъ племенъ, такъ какъ труды ихъ излагали главнымъ обра-

наго родоваго состава будутъ указываемы только главныя дѣленія, изъ мелкихъ же будутъ упоминаемы преимущественно лишь видимо имѣющія этническое зна-

---

вомъ исторію тюркскихъ народовъ подъ владычествомъ монгольскихъ династій. Howorth, какъ въ упомянутомъ трудѣ, такъ въ особенности въ нѣкоторыхъ изъ этюдовъ, изданныхъ имъ подъ общимъ заглавіемъ The Northern Frontagers of China (The Journal of the R. Asiatic Society разныхъ лѣтъ съ 1875 г.), выяснилъ тюркское происхожденіе нѣкоторыхъ народностей и племенъ, считавшихся обыкновенно монгольскими, при помощи между прочимъ свѣдѣній о современномъ племенномъ и родовомъ ихъ составѣ. Общіе результаты трудовъ названныхъ и другихъ историковъ, правда, не велики, но главныя препятствія успѣхамъ науки въ данной области начинаютъ съ теченіемъ времени устраняться: я разумѣю скудость свѣдѣній о современномъ племенномъ и родовомъ составѣ сохраняющихъ родовой бытъ или значительные его остатки тюркскихъ народностей и малодоступность и неразработанность китайскихъ историческихъ извѣстій о древнихъ тюркскихъ народахъ и племенахъ. Въ весьма цѣнномъ своемъ трудѣ Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen, 1885 г., Вамбери собралъ много свѣдѣній о современномъ племенномъ и родовомъ составѣ тюркскихъ народностей,— преимущественно по русскимъ источникамъ, пользованіе которыми весьма затруднительно для западно-европейскихъ ученыхъ, по малораспространенности знанія русскаго языка,—но не могъ надлежащимъ образомъ ихъ утилизировать, преимущественно по игнорированію древнѣйшихъ историческихъ извѣстій о тюркскихъ народахъ и племенахъ, содержащихся въ китайской исторіи, ибо съ самаго начала своей ученой дѣятельности онъ уклоняется отъ изученія китайскихъ источниковъ, ошибочно считая ихъ «темными» и «не совсѣмъ надежными» (Das Türkenvolk, s.s. 258, 260); онъ ссылается также на неустойчивость родовыхъ именъ, мѣняющихся съ образованіемъ новыхъ дѣленій и распаденіемъ старыхъ (s. 181), но упускаетъ изъ виду, что мѣняются собственно имена родовыхъ союзовъ съ распаденіемъ ихъ и образованіемъ новыхъ, имена же костей и главныхъ родовъ, или въ иныхъ случаяхъ племенъ, напротивъ отличаются изумительной, многовѣковой прочностью, связанною съ господствомъ родоваго быта. В. В. Радловъ, при изученіи тюркскихъ нарѣчій, лично собралъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о родахъ и костяхъ у саянскихъ и алтайскихъ тюркскихъ народцевъ, у кара-киргизовъ и отчасти киргизъ-казаковъ, а также и у другихъ тюркскихъ народностей Сибири, средней Азіи и восточной Россіи (Aus Sibirien, Leipzig, 1884 года, два тома); но эти свѣдѣнія остаются большею частію сырымъ матеріаломъ, такъ какъ громадныя лингвистическія и обширныя этнографическія и археологическія изслѣдованія этого ученаго не дозволили удѣлить достаточнаго времени для историческихъ изученій въ необходимой обширности, подробности и глубинѣ. Такимъ образомъ, хотя выясненіе этническаго состава тюркскихъ народностей, при помощи между прочимъ современнаго ихъ племеннаго и родоваго состава и историческихъ извѣстій, остается задачею будущаго, тѣмъ не менѣе важность этой задачи и необходимость ея разрѣшенія признавалась всѣми учеными изслѣдователями исторіи и этнографіи тюрковъ. Можно поэтому оставить безъ особаго опроверженія слѣдующія строки недавно вышедшей книги, прекрасная рецензія на которую помѣщена В. В. Бартольдомъ въ «Журналѣ мин. нар. просвѣщенія», 1896 года, іюнь: Tout ce que nous pouvons démêler d'éléments ethniques dans ces associations d'hommes sont des généalogies de tribus; or, chez toutes autrefois, chez beaucoup encore aujourd'hui, les mêmes noms de tribus et de clans se retrouvent parmi les nations différentes, comme par exemple, parmi les Euzbegs, les Kirghizes et les Mongols actuels. La question de race, dans l'histoire des peuples dits turcs, tatares, mongols etc., est oiseuse; elle ne répond à rien. Ce sont des nations vivantes qui ont bouleversé, puis reconstruit l'Asie depuis le V-e siècle; elles étaient mortes avant se décomposer en tribus et en clans, qui finissent en s'émiettant chaque jour (Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols, des origines à 1405, par Léon Cahun, Paris, 1896, p. 40).

ченіе. Съ цѣлію опредѣленія значенія отдѣльныхъ народностей и общей численности тюрковъ, я нашелъ также полезнымъ собрать статистическія свѣдѣнія изъ наиболѣе достовѣрныхъ и новѣйшихъ источниковъ, такъ какъ встрѣчающіяся въ разныхъ изданіяхъ свѣдѣнія отрывочны и не полны, а часто также не достовѣрны или слишкомъ стары.

Прежде разсмотрѣнія этническаго состава отдѣльныхъ тюркскихъ народностей необходимо ознакомиться съ исторіею тюркскихъ племенъ, насколько она можетъ дать общее освѣщеніе этому составу.

II. Краткій историческій обзоръ тюркскихъ племенъ средней Азіи.

1) Тюркскія племена до временъ турковъ-тукю.

Китайскіе историки и комментаторы полагаютъ, что хунны были сосѣдями Китая уже въ баснословный періодъ его исторіи подъ именами шаньжунъ, хяньюнь и хуньюй [1]. Около 214 г. до Р. Х. китайцы отняли у хунновъ Ордосъ, но черезъ 10 лѣтъ, воспользовавшись смутами въ Китаѣ, шаньюй Модэ (Маотунъ) возвратилъ потерянное при его отцѣ, предпринялъ въ Китай успѣшные походы и принудилъ платить ежегодную дань [2]. Что хунны были тюрки, это ясно изъ того, что по китайскимъ извѣстіямъ гаогюйцы и турки-тукю были потомками хунновъ и языкъ гаогюйцевъ былъ «сходенъ съ хуннускимъ», хотя и была «небольшая разница» [3]: такъ какъ орхонскія надписи окончательно выяснили, что тукю были турки и такъ какъ языкъ гаогюйцевъ (уйгуры составляли одно изъ поколѣній) былъ несомнѣнно тюркскій, то очевидно и хунны были тюрки.

Въ началѣ царствованія Модэ, владѣнія его на западѣ примыкали къ землямъ обитавшихъ между хребтомъ Наньшань и восточнымъ Тяньшанемъ

---

[1]) Знаки, которыми изображалось имя хуньюй (Hun-jo), значили «питающіеся лукомъ, лукоѣды» (Völker des Südlichen Russlands in ihren geschichtlichen Entwickelung von K. F. Neuman, 1847, s. 25). Со, по сагайски, значитъ боярышникъ (Pallas, Reise durch verschiedene Provinzen des Russiches Reiches, III Theil, Buch 2, 1776, s. 351). То и другое имя даютъ основаніе предполагать, что какъ хунны, такъ и народецъ со, отъ котораго происходятъ по преданію тюрки-тукю или ихъ господствовавшій родъ, прародиною имѣли сѣверные склоны Алтая и Саяна, гдѣ и нынѣ корни сараны и другихъ дикорастущихъ растеній и ягоды (между прочимъ боярки) составляютъ значительную часть пищи мѣстныхъ инородцевъ, особенно тѣхъ, у которыхъ скотоводство или хлѣбопашество еще не обезпечиваютъ продовольствія.

[2]) Іакинфъ «Собраніе свѣдѣній» и пр., I, стр. 1—18.

[3]) Тамъ же, I, стр. 248 и 256.

юечжей и кочевавшихъ смежно съ ними, повидимому въ Монгольскомъ Алтаѣ, а также на югѣ и сѣверѣ отъ него, усуней. Юечжи были, всего вѣроятнѣе, спустившеюся на сѣверо-западъ съ тибетскаго нагорья вѣтвью тибетскаго племени [1]), съ нѣкоторою, быть можетъ, примѣсью тюрковъ. Усуни составляли союзъ тюркскихъ родовъ, во главѣ котораго стояла отдѣлившаяся на югъ часть енисейскихъ кыргызовъ, ибо потомки усуней въ западномъ Тяньшанѣ и понынѣ именуютъ себя кыргызами. Еще около 209 г. Модэ поразилъ юечжей и «прогналъ» [2]) ихъ, вѣроятно къ западу. Въ 177 г. хунны совершили новый походъ на юечжей, поразили ихъ и утвердили свою власть надъ усунями и Восточнымъ Туркестаномъ [3]). Юечжи удалились въ западный Тяньшань, вытѣснивъ тюркскій, кажется, народъ се (вѣроятно саковъ, имя которыхъ древніе персы распространяли на всѣхъ кочевниковъ, сосѣдившихъ съ Ираномъ съ сѣвера), который ушелъ чрезъ Памиры за Гиндукушъ и утвердился въ Гибинѣ, т. е. на Индѣ и низовьяхъ Кабулъ-дарьи. Лѣтъ черезъ 30 или 40, усуни, по волѣ шаньюя (вѣроятно Гюньчена, 162—127 гг.), вытѣснили юечжей изъ Западнаго Тяньшаня и водворились на ихъ мѣстѣ. Юечжи, пройдя Фергану и Согдіану, утвердились въ Бактріанѣ, владѣя и

[1]) Доказательствами, помимо другихъ, могутъ служить слѣдующіе факты: 1) объ оставшейся въ Наньшанѣ, послѣ ухода на западъ главной массы, части юечжей китайцы сохранили такія извѣстія: «одѣяніемъ, пищею и языкомъ нѣсколько сходны съ цянами (тибетцами), и также имя или прозваніе отца и матери служитъ названіемъ роду» (Іакинфа «Исторія Тибета и Хухунора», Спб., 1833, ч. I, стр. 66); 2) у потомковъ юечжей въ Бактріанѣ отмѣчается китайцами въ VI вѣкѣ поліандрія («Собраніе свѣдѣній», III, стр. 178), особенность, свойственная тибетскому племени и чуждая историческимъ тюркамъ и арійцамъ; 3) описывая въ VI вѣкѣ основанное юечжійцами въ Пишаверѣ государство, китайцы замѣтили, что «одѣяніе жителей сходно съ тангутскимъ» («Собраніе свѣдѣній», III, стр. 175); 4) государи Кана (Самарканда) и другихъ мелкихъ владѣній Мавераннагра въ VII вѣкѣ считали себя потомками юечжійскаго царственнаго дома и прозывались чжаову, будто бы по городу, который былъ столицею юечжей во время пребыванія ихъ при Наньшанѣ («Собраніе свѣдѣній», III, стр. 181 и слѣд.), но на самомъ дѣлѣ городъ Чжаову есть вымыселъ, и чжаову видимо есть тибетское слово чжаву или чжову, значащее князь, господинъ: очевидно происходившіе или только приписывавшіе происхожденіе отъ юечжійскаго дома владѣтели усвоили себѣ юечжійско-тибетское слово чжаову, князь; употребленіе самими юечжійскими или кушанскими, кашанскими государями тибетскаго слова чжаву въ значеніи князь, удостовѣряется аріано-пехлевійскими легендами на монетахъ, чеканенныхъ въ завоеванныхъ ими земляхъ Авганистана и Индіи: кашана дшавуго или кашанаса дшауо (эти транскрипціи встрѣчаются между прочимъ въ Geschichte Iran's etc. von A. Gutschmid, 1888, ss. 114, 136), т. е. кашанскій князь. Встрѣчающееся въ тѣхъ же монетахъ легендахъ имя государей Кудшула (въ греческихъ легендахъ Козуло, Козола) также тибетское, ибо у китайцевъ упоминается (Tableaux historiques de l'Asie par Klaproth, Paris, 1826, p.p. 146–147) въ 1015–1065 г.г. туфаньскій государь Ku-+zu-lo.

[2]) «Собраніе свѣдѣній», I, стр. 13.

[3]) Тамъ же, стр. 23.

правымъ берегомъ Аму-дарьи. Здѣсь, около 129 года до Р. Х. и нашелъ, ихъ китайскій посолъ Чжанъ Цянь. Тотъ же посолъ обнаружилъ существованіе на среднемъ и нижнемъ теченіи Сыръ-дарьи многочисленнаго народа (120 т. семействъ) кангюй, очевидно тюркскаго племени канглы, остатки котораго и понынѣ тутъ уцѣлѣли. Кангюйцамъ въ то время подчинялись города въ долинѣ Зеравшана и даже Хива (Юегянь) [1]).

Вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и неудачъ въ столкновеніяхъ съ Китаемъ, хунны раздѣлились на южныхъ и сѣверныхъ. Послѣдніе воевали съ китайцами и поддавшимися имъ южными хуннами до конца I вѣка послѣ Р. Х., когда часть сѣверныхъ хунновъ ушла съ своимъ шаньюемъ на западъ, оставшіеся же сѣверные «роды хунновъ, простиравшіеся до 100 т. кибитокъ, сами приняли народное названіе сяньби» [2]), т. е. подчинились усилившемуся въ то время тунгузскому или даже корейскому, какъ полагаютъ нѣкоторые, племени сяньби. Поселенные въ Китаѣ южные хунны постепенно окитаились [3]) и были вѣроятно предками дунганъ сѣвернаго и западнаго Китая.

---

[1]) «Собраніе свѣдѣній», III, 1—7, 12, 13, 64, 65, 56—59 и пр.

[2]) «Собраніе свѣдѣній», I, стр. 163.

[3]) Въ IV вѣкѣ послѣ Р. Х., во время смутъ въ Китаѣ, князья южныхъ хунновъ овладѣвали частями сѣвернаго Китая и объявляли себя императорами. Собираясь идти на противника, одинъ изъ нихъ Ши Лэ, около 328 г., обратился къ проживавшему при его дворѣ буддійскому монаху за предсказаніями. Монахъ объяснилъ ему, что разслышалъ въ звукахъ колоколовъ слѣдующія слова на хунискомъ языкѣ: сючжу тилэйганъ, пугу тогоуданъ (это по чтенію проф. Васильева, а по Ab. Rémusat: sieou-tchi tili-kang pou-kou khiu-tho-tang), что въ переводѣ на кит. языкъ значило: войско выйдетъ, пугу (имя или званіе противника) будетъ взятъ. Хотя эта единственная сохранившаяся на хунискомъ языкѣ фраза «звучитъ по тюркски»,—замѣчаетъ проф. Васильевъ («Журналъ мин. нар. просвѣщенія», 1872 г., сентябрь, стр. 115 и 116),—«однако она никакъ не поддается и глубокимъ знатокамъ тюркскаго языка, къ которымъ я обращался». См. также Nouveaux mélanges asiatiques par Ab. Rémusat, t. 2, Paris, 1829, p.p. 179—183.

Ближайшимъ къ хунской фразѣ по времени памятникомъ тюркскаго языка являются тюрко-орхонскія надписи 732 и 734 г.г. Въ языкѣ ихъ, поэтому, и надо, скорѣе всего, искать загадочныя слова и формы фразы 328 года. Намъ извѣстна слѣдующая попытка чтенія ея, примѣнительно къ языку тюрко-орхонскихъ надписей: Сӳси сӳлäгäн (или сӳлäiган), Пугу тутдан (или туткудан). Тутъ 1) сӳ (сю) есть часто встрѣчаемое въ надписяхъ слово, означающее войско, а сӳси — его войско. 2) Сӳлä—въ надписахъ переводится «выходить, выступать» (въ походъ); сӳ сӳлäпäн переведено у Томсена (Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées, 1896, p. 97): faisant des expéditions avec des armées; примѣра формы на гäн или ган въ тюрко-орхонскихъ надписяхъ нѣтъ, но она встрѣчается въ алтайскомъ и другихъ нынѣшнихъ тюркскихъ нарѣчіяхъ. 3) Пугу должно быть не имя и не титулъ Лю Іо (противникъ Ши Лэ), а имя его племени или рода; по всей вѣроятности это то самое поколѣніе пугу, которое въ VII и VIII вѣкѣ оказывается въ числѣ гаогюйскихъ и играло въ китайской исторіи немалую роль; это нынѣшнее поколѣніе кара-киргизовъ бугу, которое, по высказанному мною въ «Опытѣ выясненія этническаго состава б. орды и кара-киргизовъ» (стр. 64 отдѣльнаго

Путь удалившагося на западъ шаньюя сѣверныхъ хунновъ лежалъ, по китайскимъ извѣстіямъ, чрезъ страну Юебань (между Тарбагатаемъ и среднимъ Тяньшанемъ), откуда онъ «ушолъ на западъ въ Кангюй» [1]). Дальнѣйшія китайскія извѣстія, почерпнутыя отъ одного аланскаго посольства, около половины V вѣка, гласятъ, что за четыре поколѣнія ранѣе, значитъ не позднѣе первой половины IV вѣка, хунны покорили алановъ, обитавшихъ на сѣверо-западѣ отъ Кангюя, отъ Аральскаго моря до Волги и Дона, убивъ ихъ государя [2]). Затѣмъ, какъ извѣстно по западнымъ историкамъ, гунны появляются около 375 г. въ Европѣ, нападаютъ на готовъ и производятъ великое переселеніе народовъ.

Въ III вѣкѣ послѣ Р. Х. усилилось между сяньбійцами поколѣніе тоба. Въ 386 г. глава его принялъ титулъ императора и основалъ династію Юань-Вэй, властвовавшую въ сѣверномъ Китаѣ до 581 г. Господство въ Монголіи перешло тогда къ жужанямъ, которымъ обыкновенно также приписывается тунгузское происхожденіе. Могущество ихъ началось въ концѣ IV вѣка съ покореніемъ многочисленныхъ гаогюйцевъ [3]), кочевавшихъ въ сѣверной Монголіи, на Селенгѣ. По завѣреніямъ китайскихъ историковъ и комментаторовъ, гаогюйцы были потомками поколѣнія чи-ди, т. е. «красныхъ ди», инородцевъ, обитавшихъ въ VII вѣкѣ до Р. Х. на юго-востокѣ Ордоса [4]); они прозывались еще дили и «уже на сѣверѣ прозваны гаогюйскими динлинами» (?) [5]). «Они обыкновенно ѣздили на телѣгахъ съ высокими колесами, почему... называли ихъ гао-гюй (или гао-чё—высокія телѣги, по китайски) или чилэ, ошибочно превращенное въ тѣлэ» [6]). Существованіе въ

оттиска) предположенію, вошло въ составъ усуньскаго союза еще во время нахожденія его въ Монголіи во II вѣкѣ до Р. Х. или ранѣе. Если, какъ удостовѣряетъ хуннская фраза, оно существовало въ IV вѣкѣ, то могло конечно существовать въ числѣ подвластныхъ хуннамъ родовъ и ранѣе, будучи оставшеюся въ Монголіи частью племени бугу, въ то время когда другая, вошедшая въ усуньскій союзъ, ушла съ усунями въ Тяньшань и уцѣлѣла понынѣ. 4) Глаголъ тут—въ орхонскихъ надписяхъ значитъ взять (въ плѣнъ), схватить; отъ него есть формы тутды—схватилъ, взялъ (въ плѣнъ), и тутку (у В. В. Радлова) или тутук (Томсенъ), взятый (въ плѣнъ), плѣненный; примѣровъ формъ третьяго лица будущаго времени въ тюрко-орхонскихъ надписяхъ нѣтъ. Форма тутдан или туткудан сомнительна, но что четвертая составная часть хуннской фразы должна быть формою отъ тут, это весьма вѣроятно. Могли быть также оба предложенія построены посредствомъ вспомогательнаго въ родѣ икан, икен.

[1]) «Собраніе свѣдѣній», III, стр. 163.

[2]) Тамъ же, стр. 166, и Nouveaux mélanges asiatiques, Paris, 1829, t. I, p. 239.

[3]) «Собраніе свѣдѣній», I, стр. 208.

[4]) Тамъ же, стр. 6.

[5]) Id., стр. 248.

[6]) Тоже, стр. 373.

Алтаѣ р. Тӧле (первый правый притокъ Біи, вытекающей изъ озера Телецкаго, которому это названіе дано русскими по упоминаемому ниже роду телесъ) показываетъ скорѣе, что имя теле было настоящимъ именемъ гаогюйцевъ, а дили и чилэ—китайскими его извращеніями [1]). Во время хунновъ гаогюйцы должны были обитать въ сѣверной Монголіи и остались тамъ подъ властью сяньбійцевъ и затѣмъ жужаней, подобно и другимъ тюркскимъ племенамъ и родамъ, подчинявшимся ранѣе хуннамъ [2]). Китайцы приводятъ, вѣроятно по свѣдѣніямъ конца V или начала VI вѣковъ, имена 12 гаогюйскихъ родовъ: лифули, т у л у, ичжань, д а л я н ь, кухэ, д а б о, алунь, моюнь, сыфынь, фуфуло, киюань и юшупэй [3]), изъ которыхъ въ тулу можно узнать дулу, въ дабо—туба, урянхайцевъ, и въ далянь, впослѣдствіи доланьгэ—уцѣлѣвшій доселѣ въ Алтаѣ родъ теленгетъ. Въ 487 г. глава поколѣнія фуфуло отложился отъ жужаней и ушелъ съ гаогюйцами, въ числѣ болѣе 100 т. кибитокъ, на западъ, занявъ, повидимому, земли вышеупомянутаго владѣнія Юебань между Тарбагатаемъ и Тяньшанемъ. Отсюда гаогюйцы вели съ жужанями упорныя войны, пока не были покорены турками-тукю [4]).

2) Тюркскія племена во время владычества турковъ-тукю.

Китайскія извѣстія за время турковъ-тукю и надписи на орхонскихъ памятникахъ 732 и 734 гг. даютъ довольно обильный матеріалъ для выясненія главныхъ тюркскихъ племенъ, занимавшихъ Монголію въ VI—VIII вѣкахъ.

На востокѣ, смежно съ принадлежавшими тунгузскому племени и обитавшими въ южной Манчжуріи киданями, кочевали около Шара-мурени т а т а б и, которые, повидимому, были извѣстны у китайцевъ подъ именемъ к у м о х и или х и, какъ это ясно изъ упоминаній въ орхонскихъ надписяхъ киданей и татаби постоянно вмѣстѣ [5]), соотвѣтственно упоминанію киданей и хи въ китайскихъ извѣстіяхъ столь же неразлучно; эти хи, по нѣкоторымъ

---

[1]) Впрочемъ могло существовать и племенное или родовое названіе чилэ, ибо есть рѣка Чійли (Чилэ), притокъ озера Телецкаго; она упоминается Гельмерсеномъ, называвшимъ ее Чилэ, и В. В. Радловымъ, который называетъ ее Чійли (См. Дополненія къ русскому переводу «Азіи» Риттера, томъ 4, 1877 года, стр. 417—421).

[2]) Такъ на сѣверо-западѣ отъ жужаней, около начала V вѣка, кочевало какое-то поколѣніе изъ «потомковъ хунновъ», настолько сильное, что нанесло пораженіе основателю могущества жужаней Шелуню на р. Ѣгынь (по мнѣнію о. Іакинфа, Онгинъ-голъ, см. «Собраніе свѣдѣній», I, стр. 209).

[3]) «Собраніе свѣдѣній», I, стр. 251.

[4]) Тамъ же, 252—255.

[5]) Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 1894, s.s. 23, 26, 33, 1895, 440, 441, 455, 456 и пр.

извѣстіямъ, принадлежали къ одному племени съ тукю [1]), т. е. были тюрками; въ эпоху Чингизъ-хана эти же хи являются подъ именемъ бѣлыхъ тата, у китайцевъ, и онгутовъ, у монголовъ, въ той же почти самой мѣстности, гдѣ и нынѣ составляютъ, совершенно омонголившись, аймакъ оніютъ. На сѣверо-западѣ, земли хи прилегали въ IX вѣкѣ къ кочевьямъ татапей [2]): вѣроятно это отузъ-татар'ы орхонскихъ надписей [3]), т. е. племя татарское, удержавшееся на границѣ между Манчжуріею и Монголіею до временъ Чингизъ-хана; по именамъ бековъ и по отнесенію татаръ Рашидъ-эддиномъ къ особой отъ монголовъ группѣ народовъ, представляется вѣроятнымъ считать татаръ племенемъ тюркскимъ. Земли къ западу отъ татаби и татаръ были заняты самими турками-тукю, ханы которыхъ, какъ ранѣе шаньюи хунновъ, кочевали на Орхонѣ. На сѣверѣ отъ нихъ, на Селенгѣ и на востокѣ и западѣ отъ нея, обитали тогузъ-огуз'ы надписи Кюль-тегина [4]), а также уйгуры и остальныя поколѣнія гаогюйцевъ или те-

[1]) В. П. Васильева «Исторія и древности восточной части средней Азіи» и пр., Спб., 1859 г., стр. 34 и др.

[2]) «Собраніе свѣдѣній», I, стр. 479.

[3]) Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 1894, s. 23, 1895, s. 440.

[4]) Частыя упоминанія о тогузъ-огузахъ въ надписяхъ на памятникахъ Кюль-тегину и Могилянь-хану на Орхонѣ, при молчаніи объ уйгурахъ, побуждали предполагать, что могущественное племя огузовъ, причинявшее своими возстаніями много опасностей для тюркскихъ хановъ, по близкому нахожденію его отъ ихъ орхонской резиденціи на Селенгѣ, указываемой китайцами въ качествѣ земли уйгуровъ, было тождественно съ уйгурами. Но въ надписи на памятникѣ Могилянь-хану, въ описаніи борьбы съ огузами, происходившей повидимому послѣ смерти Кюль-тегина, т. е. позднѣе 731 года, оказались неожиданно, въ очень испорченномъ мѣстѣ надписи, совершенно ясныя слова уйгур элтебор. В. В. Радловъ перевелъ это мѣсто по догадкамъ такъ: «Елтеберъ уйгуровъ собралъ народъ изъ едва сотни людей» (s. 455), и неупоминаніе ранѣе объ уйгурахъ въ надписяхъ объясняетъ тѣмъ, что уйгуры въ это время жили далеко на сѣверѣ въ сторонѣ Байкала и находились въ подданствѣ у сосѣднихъ народовъ, вѣроятно татаръ и огузовъ, а потому считались въ составѣ этихъ народовъ; въ 733 г., когда спускавшійся внизъ по Селенгѣ тюркскій ханъ уничтожалъ поселенія побитыхъ огузовъ, то остатки послѣднихъ забрались въ сѣверныя лѣсныя горы близъ Байкала, гдѣ ельтеберъ, т. е. князь уйгуровъ, наскоро образовалъ едва изъ сотни состоящій илъ и отразилъ хана, съ такимъ успѣхомъ, что тюркамъ пришлось плохо. Отсюда—замѣчаетъ г. Радловъ—можно заключить, что въ этомъ и слѣдующихъ годахъ новый государь уйгуровъ занимался укрѣпленіемъ своей власти и подчиненіемъ прочихъ уйгурскихъ племенъ и побѣдою своею не воспользовался (s. 427). Проф. Томсенъ думаетъ, что огузы и уйгуры — одинъ и тотъ же народъ, но огузъ есть истинное древнее имя народа или племени, оставшееся въ употребленіи между тюрками, тогда какъ уйгуръ есть наименованіе болѣе новое, такъ сказать политическое, извѣстнаго союза народовъ или племенъ (Inscr. de l'Orkhon, 1896, p. 148). Упомянутое мѣсто надписи онъ читаетъ иначе, чѣмъ г. Радловъ, и переводитъ: «Ельтеберы уйгурскіе (бѣжали) сотнями на востокъ... Тюркскій народъ былъ голоденъ. Я ободрилъ его, взявъ эти табуны лошадей» и т. д. (p. 127). Слово эльтебер значитъ тутъ, по его мнѣнію, что-то въ родѣ данника или союзника. «Уйгур элтебер» можетъ въ этомъ случаѣ означать, напр., подчиненные или союзные народы, которые, подъ верховенствомъ огузовъ, какъ господствую-

ле [1]). Сѣвернѣе гаогюйцевъ, около озера Косогола и на западъ отъ него, жили,

щаго племени, составляли въ совокупности союзъ уйгуровъ (р. 182).—По «Танъ-шу», въ переводахъ о. Іакинфа («Собраніе свѣдѣній» и пр., I, стр. 373, 374, 380—383) и Visdelou (Bibl. orient., 1779, t. IV, p.p. 128—132), поколѣніе племени теле или гаогюйскаго по имени юаньгэ, называвшееся въ эпоху династіи Юань-вэй у х у и угэ, а при династіи Суй вэйгэ, возстало противъ турковъ-тукю въ 606 г. въ союзѣ съ поколѣніями пугу, тунло (тунгра надписей) и баегу (байирку надписей), назвавъ себя х о й х э или хойгэ, т. е. тѣмъ именемъ, подъ которымъ китайцы знали съ этого времени уйгуровъ. Въ концѣ VII вѣка, когда усилился тюркскій Мочжо-ханъ и завоевалъ земли теле, уйгуры съ гаогюйскими поколѣніями киби, сыгѣ и хунь оставили Селенгу, гдѣ доселѣ жили, и перешли на юго-западъ на границы Китая, занявъ земли противъ городовъ Лянъ-чжеу и Гань-чжеу, т. е. на сѣверѣ отъ Наньшаня. Тутъ они состояли въ китайскомъ подданствѣ до ссылки и смерти въ южномъ Китаѣ князя ихъ Ченцзуна, который былъ несправедливо обвиненъ въ измѣнѣ китайскимъ главноуправляющимъ. Родственникъ или сынъ Ченцзуна, по имени Хошу, занявшій его мѣсто, отомщая за его смерть, напалъ неожиданно на главноуправляющаго при удобномъ случаѣ и убилъ его, послѣ чего отложился. «По прошествіи довольнаго времени» Хошу «бѣжалъ» къ туркамъ-тукю, вѣроятно со всѣмъ своимъ народомъ. Ему, по смерти, наслѣдовалъ сынъ его Гули Пэйло, который въ 742 г., воспользовавшись внутренними смутами у турковъ-тукю, въ союзѣ съ карлыками и басими положилъ конецъ существованію власти турковъ-тукю въ Монголіи, обратился затѣмъ на союзниковъ басими, одержалъ надъ ними верхъ и основалъ свою резиденцію на мѣстѣ турской ханской ставки между горами Удегань и рѣкою Гунь (Орхонъ).—При соображеніи этихъ извѣстій и содержанія тюрко-орхонскихъ надписей оказывается, что имя уйгуровъ (хойгэ) принялъ около 606 года союзъ четырехъ племенъ теле, изъ которыхъ главное въ VII и VIII вѣкахъ именовалось уху, т. е. угузъ. Союзъ этотъ вслѣдствіе усиленія племени сѣяньто (тоже изъ гаогюйскихъ) существовалъ очень не долго, но стоявшая во главѣ его огузская княжеская фамилія и оставшаяся приверженною ей часть племени огузовъ, прежній родъ юаньгэ, сохранили за собою имя уйгуровъ. Уйгуры продолжали обитать на Селенгѣ, не пользуясь особымъ преобладаніемъ надъ другими племенами теле и родами огузовъ, до третьей четверти VII вѣка. Въ это время, въ 682 г., Кутлукъ-ханъ (Гудулу у китайцевъ, Тачамъ тюркскихъ надписей, отецъ Могилянь-хана) возстановилъ тюркское ханство, прекратившее было свое существованіе съ 630 года, когда вслѣдствіе внутреннихъ смутъ китайцы подчинили себѣ восточныхъ турковъ-тукю, водворивъ ихъ на своихъ границахъ и упразднивъ ханское достоинство. Усиленіе возставшаго Гудулу началось съ того, что онъ «ограбилъ девять родовъ», т. е., конечно, тогузъ-огузовъ (въ ихъ составѣ и уйгуровъ), и «очень разбогатѣлъ лошадьми, почему объявилъ себя ханомъ» («Собраніе свѣдѣній», I, 322). Огузы и уйгуры сдѣлались снова подвластными туркамъ-тукю, но въ царствованіе Мочжо-хана уйгуры съ тремя поколѣніями гаогюйцевъ киби, сыгѣ и хунь успѣли укочевать къ Наньшаню въ китайское подданство. Здѣсь пробыли они лѣтъ десять или двадцать, пока, послѣ мести Хошу за ссылку и смерть отца, около 727 г., не возвратились на Селенгу къ своимъ родичамъ тогузъ-огузамъ и не стали чрезъ нѣсколько лѣтъ во главѣ ихъ, чтобы, въ 742 году, общими силами враждебныхъ туркамъ племенъ, положить конецъ ихъ власти надъ Монголіею.—Въ виду всего этого можетъ быть признаваемъ вѣроятнымъ только такой, по догадкамъ, переводъ испорченнаго мѣста надписи на памятникѣ Могилянь-хана, гдѣ ясны лишь слова «уйгур елтебер», который гласилъ бы что-нибудь въ такомъ родѣ: Встрѣтившійся побѣдоноснымъ тюркамъ во время преслѣдованія разбитыхъ огузовъ «уйгурскій ельтеберъ съ сотнею своихъ людей» едва спасся бѣгствомъ на востокъ.

[1]) Къ числу гаогюйскихъ поколѣній слѣдуетъ отнести упоминаемыхъ въ надписи на памятникѣ Кюль-тегину и с г и л ь (у китайцевъ, кажется, сыгѣ, «Собр. свѣд.», I, стр. 441) и, быть можетъ, п у р п у р ы м'овъ (фуфуло?). Китайцы упоминаютъ еще, съ до-

по китайскимъ свѣдѣніямъ, тюркскія племена милигэ, эчжи и дубо [1]), т. е. меркиты и урянхайцы, которые и нынѣ зовутъ себя туба. На западѣ отъ урянхайцевъ, къ сѣверу отъ горъ Кöкмäнъ (Таньмань у китайцевъ [2]), нынѣ Танну-ола), обитали кыргызы, «небольшой», но безпокойный народъ, къ которому турки-тукю совершали походы чрезъ горы Кöкмäнъ. Земля кыргызовъ (Гэ-гунь и Гянь-гунь, что соотвѣтствуетъ Кемъ-Кемъ или Кемъ-Кемчикъ), конечно, уже населенная этимъ народомъ, была покоряема хуннами около 201 и 49 гг. до Р. Х. [3]). На юго-западѣ отъ кыргызовъ, около Чернаго Иртыша, кочевало племя карлыкъ, въ китайской транскрипціи гэлолу, ставшее извѣстнымъ съ VII вѣка [4]). Повидимому оно позднѣе другихъ тюркскихъ племенъ спустилось съ Алтая, гдѣ прародина его указывается рѣкою Карлыкъ, притокомъ р. Чарыша. Надпись Кюль-тегина уже называетъ карлыковъ «могучимъ» врагомъ.

Страна Юебань, въ которой, по китайскимъ свѣдѣніямъ V вѣка, обитали въ то время остатки хунновъ, проходившихъ чрезъ нее на западъ въ I вѣкѣ [5]), оказывается въ VII вѣкѣ занятою поколѣніями чу-юе, чу-ми, чу-мугунь, чу-бань [6]), очевидно принадлежавшими къ особому тюркскому племени, которое слѣдовало бы именовать чу'йскимъ. Вскорѣ послѣ возвышенія турковъ-тукю, ихъ ханскій домъ и обширныя его владѣнія раздѣлились на двѣ части: восточную и западную. Перечисленныя выше до чуйскаго племени тюркскія племена и занимаемыя ими земли подчинялись восточно-туркскимъ ханамъ. Западнѣе лежащія земли, начиная съ занятыхъ чуйцами, а также нѣкоторыя племена теле, кочевавшія на западныхъ склонахъ Монгольскаго Алтая, были подвластны уже западно-туркскимъ ханамъ и входили въ составъ пяти аймаковъ дулу. Принадлежность болгарскихъ князей, по извѣстному ихъ Именику [7]), къ роду дуло, существованіе въ числѣ гаогюйскихъ родовъ въ V вѣкѣ рода тулу, именованіе въ VII вѣкѣ пяти западно-туркскихъ аймаковъ аймаками дулу и наличность затѣмъ до настоящаго времени мно-

---

вольно обстоятельными свѣдѣніями, гаогюйскія поколѣнія сѣяньто, пугу, тунло, хунь, кибн, доланьгэ, адѣ, гулигань (въ надписи соотвѣтствуютъ учъ-курыканъ), байси, хусѣ, улохонь и пр.

[1]) «Собраніе свѣдѣній», I, 447 и 439. Г. Н. Потанинъ («Очерки с.-з. Монголіи», в. 2, примѣч. 88) видитъ въ эчжи нынѣшнихъ эджень-урянхайцевъ на Косоголѣ.

[2]) «Собр. свѣд.», I, 443.

[3]) Тамъ-же, 17 и 77.

[4]) Id., 437.

[5]) «Собраніе свѣдѣній», III, стр. 163—165.

[6]) Id., I, стр. 355 и слѣд.

[7]) Поповъ «Обзоръ хронографовъ русской редакціи», Москва, 1866 г., стр. 25 и 26.

гочисленнаго поколѣнія дулатъ—все это даетъ достаточныя основанія полагать, что могущественнное поколѣніе или союзъ дулу существовало уже во время хунновъ въ западной части ихъ владѣній, имѣя въ своемъ составѣ и чуйскіе роды; оставшіеся, по уходѣ хунновъ въ концѣ I или во II вѣкѣ на западъ, роды дулу составили владѣніе Юебань ,которое было настолько сильно, что воевало съ жужанями и входило въ V вѣкѣ, для союза противъ нихъ, въ сношенія съ Китаемъ; нахлынувшіе въ концѣ V вѣка въ Юебань гаогюйцы должны были положить конецъ самостоятельному существованію этого владѣнія и потому въ числѣ гаогюйскихъ родовъ оказывались тулу; послѣ возникновенія могущества турковъ-тукю, гаогюйцы возвратились на Селенгу и въ Хангай, коренное же населеніе Юебани составило вмѣстѣ съ смежными племенами тургешей, кергешей и пр. пять аймаковъ дулу.

Другую половину народа западно-туркскихъ хановъ составляли занимавшіе западный Тяньшань и прилегающія къ нему съ сѣвера степи пять аймаковъ нушиби. Изъ названій этихъ аймаковъ (асиги и гэшу [1]) въ китайской транскрипціи, что соотвѣтствуетъ ассыкъ и кущу или кучукъ) можно заключить, что это были главнымъ образомъ кара-киргизскіе роды, существующіе въ западномъ Тяньшанѣ и нынѣ, такъ что аймаки нушиби состояли преимущественно изъ кыргызовъ съ нѣкоторою примѣсью дулатовскихъ родовъ. Это нахожденіе въ VII вѣкѣ многочисленныхъ кыргызовъ [2]) на мѣстѣ многочисленныхъ же усуней, о продолжающемся существованіи которыхъ въ западномъ Тяньшанѣ имѣются китайскія извѣстія V вѣка [3]) (позднѣе, до временъ турковъ-тукю, сношенія Китая съ западомъ были прерваны), побуждаетъ съ достовѣрностью полагать, что нушиби были усуни и что истинное ихъ народное имя было всегда кыргызъ, хотя китайскіе историки называли ихъ сначала усунями, вѣроятно по имени рода, къ которому принадлежала властвовавшая династія [4]), а во время турковъ—аймаками нушиби, какъ, быть можетъ (въ точности происхожденіе и значеніе слова нушиби еще не выяснены), наименовали ихъ оффиціально туркскіе властители [5]). Удержаніе за со-

---

[1]) «Собраніе свѣдѣній», I, стр. 351 и 356.

[2]) Родоначальникъ одного аймака ассыкъ могъ выставлять «нѣсколько сотъ тысячъ» войска («Собраніе свѣдѣній», I, стр. 356). Конечно это слишкомъ преувеличено, но въ многолюдствѣ всѣхъ пяти аймаковъ устраняетъ всякія сомнѣнія.

[3]) «Собраніе свѣдѣній», III, стр. 162.

[4]) Доказываетъ это существованіе въ большой ордѣ поколѣнія сары-уйсунь, вѣроятнаго остатка этого рода.

[5]) Шаболо-ханъ «раздѣлилъ свои владѣнія на десять поколѣній или аймаковъ. Въ каждомъ поставилъ по одному начальнику для управленія» («Собраніе свѣдѣній», I, стр. 350).

бою усунями-кыргызами земель ихъ въ Западномъ Тяньшанѣ очень естественно объясняется тѣмъ, что послѣ Р. Х. усуньское государство распалось на составлявшіе его роды, которые стали жить самостоятельно или собираясь временами въ родовые союзы, но сосѣди ихъ кангюйцы-канглы находились вѣроятно въ такомъ же положеніи, владыки же Монголіи сяньбійцы и затѣмъ жужани дѣлали на нихъ только набѣги, не заботясь о прочномъ утвержденіи въ земляхъ усуней [1]. Первыми завоевателями, рѣшившимися устроиться въ зем-

[1]) Обыкновенно полагаютъ, слѣдуя Клапроту и повторившему его Риттеру, что одна часть усуней въ I вѣкѣ ушла къ Уралу, что въ IV вѣкѣ другая часть усуней перешла на Яксартъ и Трансоксіану, а третья на Иртышъ, и что въ 619 г. усуни подчинились туркамъ-тукю и постепенно слились съ ними (см., напр., «Этнографическое обозрѣніе», кн. 26, 1895 г., стр. 67 и 68). Дѣйствительно, по Клапроту (Tableaux historiques de l'Asie, Paris, 1826, p. p. 165, 166), Уцзюту,—сынъ усуньскаго гуньми Унгуйми, которому наслѣдовалъ сынъ его предмѣстника,—оставилъ усуньскую столицу «Чигу-ченъ и удалился въ горы, которыя находятся на сѣверѣ; онъ составилъ себѣ значительную партію, которая провозгласила его государемъ съ титуломъ малый гуньми. Столица и большая часть страны усуней остались подъ властію большого гуньми»...Риттеромъ (русскій переводъ «Землевѣдѣнія Азіи», Спб., 1859 г., стр. 130) это передано ошибочно и несогласно съ Клапротомъ, служившимъ источникомъ, такъ: «Въ царствованіе...Уцзюты произошло раздѣленіе усуней на большой и малый Кюнъ-ми...Малые Кюнъ-ми удалились въ горы къ С. (не въ европейскій ли Уралъ?) и такимъ образомъ покинули столицу Чи-гу-чинъ». У слѣдовавшихъ Риттеру писателей предположеніе Риттера объ удаленіи части усуней въ Уралъ обратилось уже въ положительный фактъ. На самомъ дѣлѣ, въ «Исторіи династіи Хань», откуда, прямо или чрезъ посредство компиляторовъ, только и могъ Клапротъ почерпнуть свои свѣдѣнія, значится (см. переводъ о. Іакинфа въ «Собраніи свѣдѣній», III, стр. 71—73, а также согласный съ нимъ переводъ Wylie въ Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, vol. III, 1874), что, когда во второй половинѣ I вѣка до Р. Х., китайскіе царевна и послы устроили покушеніе на жизнь гуньми Куанвана, который однако успѣлъ бѣжать, то въ это время Уцзюту «отъ страха удалился съ прочими хи-хэу (князями) въ сѣверныя горы». Такъ какъ покушеніе произведено было на пиру, вѣроятно во дворцѣ царевенъ, въ Чигу, находившемся на южномъ берегу Иссыкъ-куля, то подъ сѣверными горами нечего въ данномъ случаѣ разумѣть кромѣ Заилійскаго или, въ крайнемъ случаѣ, Цзунгарскаго Алатау. Отсюда, распустивъ слухи, что къ нему идутъ на помощь противъ китайцевъ войска хунновъ, Уцзюту неожиданно напалъ на Куанвана, убилъ его и объявилъ себя усуньскимъ гуньми или, точнѣе, какъ сказано въ подлинникѣ, гуйми. Китайцы выставили войско, чтобы возвести на престолъ сына царевны, но до войны дѣло не дошло, ибо Уцзюту согласился довольствоваться титуломъ младшаго гуньми и предоставить сыну царевны званіе старшаго. Земли и народъ были подѣлены между старшимъ и младшимъ гуньми такимъ образомъ, что старшему досталось 60 т. семействъ, а младшему 40 т. Такимъ образомъ усуньское государство раздѣлилось на двѣ части, но ни которая въ Уралъ не удалялась. Далѣе, у Клапрота, повтореннаго Риттеромъ, значится: «Когда сяньби сдѣлались могущественными, то подчинили и усуней и вынудили ихъ, постоянными набѣгами, оставить свою страну и удалиться на западъ и на сѣверо-западъ. Это событіе имѣло мѣсто въ началѣ IV вѣка. Часть народа разсѣялась въ странѣ, расположенной на верхнемъ Яксартѣ, и въ Трансоксіанѣ, другая же удалилась въ южную часть киргизской степи, прилегающую къ Иртышу. Въ 619 году они сдѣлались подданными ту-кю или турковъ и, кажется, слились съ этимъ народомъ». Цитированное сочиненіе Клапрота, по справедли-

ляхъ усуней, были турки-тукю, западная вѣтвь ханской фамиліи которыхъ получила земли дулу и кыргызовъ-нушиби въ свой особый удѣлъ. Послѣ па-

---

вому замѣчанію В. В. Григорьева, не имѣетъ научнаго значенія, ибо авторъ не указываетъ своихъ источниковъ и оснований. При повѣркѣ приведеннаго, при помощи источниковъ, на которыхъ долженъ бы былъ основываться Клапротъ, оказывается, что въ китайской исторіи упоминается, что сяньбійскій Таньшихуай (141—181 г.г.) «на западѣ поразилъ Усунь» и что потомъ сяньбійскій Тоба-Юйлюй, около 313 г., завоевалъ на западѣ «древнія усуньскія земли», а сыну его Шенгяню (339 г.) покорилось все лежащее «на западъ до Полоны», т. е. Ферганы («Собраніе свѣдѣній», I, стр. 169, 193 и 194). Изъ этихъ извѣстій можно правильно заключить только то, что въ разное время сяньбійцы нападали на усуней и покоряли ихъ земли. Но это не препятствовало усуньскимъ родамъ оставаться на своихъ земляхъ, признавая на долгое или короткое время власть сяньбійцевъ. Несомнѣнно далѣе нахожденіе потомка усуньскихъ гуньми съ оставшимися ему покорными родами въ верховьяхъ Нарына, въ Цунлинѣ, въ V вѣкѣ, ибо тамъ находили его китайскія посольства 425 и 436 г.г. («Собраніе свѣдѣній», III, стр. 138 и 162). Уходъ же усуней на западъ и сѣверо-западъ, въ Трансоксіану и на Иртышъ, остаются гипотезами Клапрота, не имѣющими основаній въ источникахъ и противорѣчащими выясняющемуся нахожденію усуней-кыргызовъ на прежнихъ своихъ мѣстахъ въ эпоху турковъ, подъ именемъ аймаковъ нушиби. Дата 619 г. для покоренія усуней турками также невѣрна. Въ 619 г. царствовалъ уже пятый государь западныхъ турковъ-тукю, владѣвшихъ прежними усуньскими землями («Собраніе свѣдѣній», I, стр. 346). Въ дѣйствительности усуньскія земли и ихъ населеніе были покорены турками около 555 г. («Собраніе свѣдѣній», I, стр. 267), и византійскій посолъ Зимархъ нашелъ въ 568 г. не только Западный Тяньшань, но и Трансоксіану во власти турковъ.

Вообще усуньской старинѣ как-то суждено служить предметомъ ошибочныхъ гипотезъ, принимаемыхъ наконецъ, вслѣдствіе частыхъ повтореній, за положительные факты. Такъ, напр., обыкновенно думаютъ («Этнографическое обозрѣніе», кн. 26, стр. 67), что Чигу-чэнъ затонулъ въ озерѣ Иссыкъ-кулѣ и что «временемъ исчезновенія этого города можно принять VI вѣкъ». Между тѣмъ, на основаніи современныхъ существованію Чигу-чена и нѣсколько позднѣйшихъ китайскихъ маршрутовъ, надо считать достовѣрнымъ, что Чигу-ченъ (городъ красной долины) находился на нынѣшней Кызылъ-су (красная рѣка), въ изрядномъ разстояніи отъ ур. Койсары и другихъ мѣстъ, гдѣ встрѣчаются въ озерѣ остатки стѣнъ и кирпичи, вызывающіе предположенія объ утонувшихъ зданіяхъ. Далѣе, есть положительныя извѣстія, что Чигу-ченъ кончилъ свое существованіе между 44 и 36 г.г. до Р. Х. Именно, въ это время (см. Mailla—Histoire générale de la Chine etc., Paris, 1763, t. III, p. 163), послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ сраженій съ призваннымъ кангюйцами на помощь противъ усуней шаньюемъ Чжичжы, государь усуней, «опасаясь, что долго противъ него (противъ Чжичжы) не устоитъ, опустошилъ на западѣ болѣе 5 т. ли своихъ земель и удалился съ своими подданными на востокъ, такъ что, когда Чжичжы прибылъ въ Чигу-ченъ, то нашелъ этотъ городъ совершенно разрушеннымъ и всю страну опустошенною». Усуни были народъ кочевой, въ городахъ не нуждавшійся, и Чигу-ченъ возникъ вслѣдствіе того, что первая царевна, не привыкшая жить въ юртахъ, выстроила себѣ «дворецъ», при которомъ конечно постепенно появились помѣщенія для ея свиты и прислуги. Послѣдняя изъ царевенъ выѣхала въ Китай въ 51 г. до Р. Х., значитъ до войны съ Чжичжы, а потому нѣтъ основаній предполагать, что разрушенный Чигу-ченъ былъ возстановленъ, ибо царевенъ болѣе къ усунямъ не присылалось. Напрасно также было бы въ настоящее время ожидать найти какія-нибудь развалины Чигу-чена, чрезъ два почти тысячелѣтія послѣ его разрушенія, ибо дворецъ царевны и другія постройки были, по всей вѣроятности, деревянныя, подобно тому городку, который началъ строить себѣ шаньюй Чжичжы въ тѣхъ же странахъ, быть можетъ, на Чу или на Таласѣ, и который сожженъ былъ китайцами.

денія власти западно-турецкихъ хановъ, мѣсто ихъ заняли родоначальники племени тургешъ, которое входило въ составъ пяти аймаковъ дулу вмѣстѣ съ кергешами (аймакъ тукиши-хэлоши у китайцевъ). «Исторія династіи Танъ» и орхонскія надписи согласно считаютъ тургешей родственными туркамъ-тукю. Ихъ алтайское происхожденіе удостовѣряется существованіемъ и въ настоящее время у черневыхъ татаръ родовъ тиргешъ и кергешъ [1]). Вѣроятно тургеши вышли изъ Алтая ранѣе карлыковъ. Они кочевали, повидимому, въ VII вѣкѣ западнѣе Тарбагатая [2]). Въ надписяхъ на тюрко-орхонскихъ памятникахъ упоминается о двухъ походахъ восточныхъ турковъ на тургешей. Первый совершенъ былъ дядею Кюль-тегина [3]), именуемымъ китайцами Мочжо-ханомъ, и относится по китайскимъ извѣстіямъ къ 710 г. [4]). О второмъ походѣ у китайскихъ историковъ свѣдѣній нѣтъ, по надписямъ же онъ относится къ времени около 721 года и совершенъ былъ уже Могилянь-ханомъ; по надписямъ, войско турковъ шло чрезъ хребетъ Алтунъ (Алтай), переправилось чрезъ Иртышъ (конечно Черный) и сразилось съ ханомъ тургешей на ур. Болчу, при чемъ онъ былъ разбитъ и убитъ. Надпись на памятникѣ Могилянь-хану этими извѣстіями о походѣ на тургешей и ограничивается [5]), но надпись на памятникѣ Кюль-тегину содержитъ еще интересныя извѣстія о столкновеніи турковъ съ кара-тургешами, о которыхъ у китайцевъ свѣдѣній совсѣмъ нѣтъ. Надо думать, что кара-тургешами названы въ надписи роды дулатовъ и кыргызовъ, сбросившіе съ себя послѣ гибели Сога-хана зависимость отъ тургешей и ихъ хановъ [6]).

---

[1]) Роды эти упоминаются: первый у В. В. Радлова въ Aus Sibirien, I, s. 223, а второй у А. В. Адріанова; по словамъ послѣдняго роды черневыхъ татаръ кергешъ и кёмнёшъ «носятъ косы», а женщины ихъ чигедекъ, какъ алтайцы и ихъ женщины, почему и находя, что они отличаются отъ прочихъ черневыхъ татаръ и по языку, г. Адріановъ признаетъ, что они стоятъ ближе къ алтайцамъ, чѣмъ къ черневымъ татарамъ съ кумандинцами и абаканскими инородцами («Путешествіе въ Алтай и за Саяны, совершенное въ 1882 году», стр. 292). По дополненіямъ къ русскому переводу Азіи Риттера (Спб., 1877 г. стр., 434 и 430) родъ тиргешъ обитаетъ въ кергешской волости.

[2]) «Собраніе свѣдѣній» и пр., I, стр. 366.

[3]) Radloff — Die alttürkischen Inschriften, 1895, s. 441, Thomsen—Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées, 1896, p. 103, 104.

[4]) «Собраніе свѣдѣній», I, стр. 331: «Въ правленіе Цзинъ-юнь, 710, Мочжо на западѣ уничтожилъ владѣніе Мога». Тутъ Мога несомнѣнно ошибка или опечатка вмѣсто Сога. Подробности событій см. тамъ же, стр. 367 и 368.

[5]) Radloff, s. 453; Thomsen, p. 124.

[6]) По поводу побѣды надъ тургешами надпись на памятникѣ Кюль-тегину говоритъ что-то о народѣ кара-тургешъ, но съ достовѣрностью мѣсто это не прочитано вслѣдствіе утраты нѣсколькихъ словъ. Далѣе значится, что войско турковъ пошло на народъ согдакъ, пройдя чрезъ Желѣзныя Ворота (должно быть чрезъ проходъ Талки, ибо Желѣзными Воротами у тюрковъ и монголовъ назывались многія длинныя и трудныя

О канглахъ за время турковъ-тукю достаточныхъ свѣдѣній не сохранилось. Однако въ холіатахъ, подвластныхъ туркамъ, землями кото-

---

ущелья, чрезъ которыя пролегали часто посѣщаемые, извѣстные пути) и переправясь чрезъ р. Йинчу (вѣроятно р. Чу, хотя у китайцевъ рѣкою «настоящихъ жемчужинъ» называлась Сыръ-дарья, Чжень-чжу-хэ, см. «Собраніе свѣдѣній», III, стр. 243), но въ это время кара-тюргеши начали непріятельскія дѣйствія, прибывъ въ Кенгерес ъ. Затѣмъ въ надписи опять нѣсколько испорченныхъ мѣстъ, но можно догадываться, что хотя турецкое войско оказалось въ опасномъ положеніи, однако благодаря храбрости Кюль-тегина нанесло кара-тюргешамъ пораженіе и благополучно возвратилось домой (Radloff, s. 454, Thomsen, p.p. 110, 111). По китайскимъ свѣдѣніямъ («Собраціе свѣдѣній», I, стр. 370, 371 и 332), ханомъ тургешей былъ въ 721 году Сулу, объявившій себя ханомъ около 715—717 г.г. и убитый лишь въ 738 г. при внезапномъ на него нападеніи двухъ сановниковъ. Чтобы примирить содержаніе надписей съ китайскою исторіею, необходимо допустить, что во время похода 721 г. Сулу былъ ханомъ лишь юго-западной части земель, подчинявшихся западно-турецкимъ ханамъ, а потомъ тургешамъ, части, занятой родами дулатовъ и кыргызовъ, названными въ надписи Кюль-тегина кара-тургешами; въ сѣверо-восточной же части, ближайшей къ Иртышу и Алтаю, занятой собственно тургешскими родами, существовалъ особый ханъ, быть можетъ изъ потомковъ Согэ; этотъ неизвѣстный по имени ханъ, какъ владѣвшій землями, ближайшими къ восточнымъ туркамъ, подвергся ихъ нападенію, былъ разбитъ и убитъ въ 721 году. Предположенія эти подтверждаются китайскими извѣстіями о желтыхъ и черныхъ родахъ и о возникшихъ между ними въ концѣ ханствованія Сулу раздорахъ; далѣе, по китайскимъ же извѣстіямъ, по смерти Сулу, рядомъ съ наслѣдовавшимъ ханское достоинство сыномъ его Тухосяномъ, пребывающимъ въ г. Суйѣ, служившемъ столицею западно-турецкихъ, а потомъ и тургешскихъ первыхъ хановъ, оказывается особый ханъ «черныхъ родовъ» по имени Живэй-ханъ, но оба эти хана дружно дѣйствуютъ противъ убійцы Сулу-хана, ищущаго помощи китайцевъ, и владѣльцевъ Ташкента и Ферганы; хотя Тухосянъ былъ разбитъ въ Суйѣ, а Живэй-ханъ, который «охранялъ городъ Хынлосъ», также былъ убитъ, тѣмъ не менѣе въ 742 г. снова является новый ханъ «изъ черныхъ родовъ»; въ 753 году «черные роды поставили» опять хана; въ 756 г. «желтые и черные ханы поставили у себя хановъ и начали междоусобную войну», чѣмъ воспользовались карлыки, глава которыхъ овладѣлъ бывшими землями западныхъ турковъ и въ 766 г. «перенесъ свое мѣстопребываніе къ рѣкѣ Суйѣ». («Собраніе свѣдѣній», I, стр. 370—372). Какіе роды назывались желтыми и какіе черными и отчего произошли эти названія, китайскія извѣстія не разъясняютъ, но въ нихъ есть упоминаніе, что, по словамъ враждовавшихъ, потомки Согэ «составляютъ желтый аймакъ, Сулуево (же) поколѣніе составляетъ черный аймакъ» (стр. 370). Такъ какъ эпитетъ черный, помимо своего цвѣтового значенія, употребляется у тюрковъ средней Азіи въ смыслѣ низшій, худшій, а въ примѣненіи къ народностямъ и племенамъ означаетъ младшую, подчиненную часть народа или племени (напр. кидани, овладѣвшіе землями по обѣ стороны Тяньшаня и Мавераннагромъ, назывались однако мѣстными тюрками кара-киданями, потому что составляли частицу киданьскаго народа, властвовавшаго въ сѣверномъ Китаѣ; калмаковъ и теперь зовутъ часто кара-калмаками, потому что они составляютъ часть монгольскаго народа, который именуется весь калмаками; мѣстныхъ китайцевъ въ илійской долинѣ называютъ кара-китайцами, какъ часть китайскаго народа и т. д.), то слѣдуетъ полагать, что кара-тургешами въ орхонскихъ надписяхъ названы дулатовскіе и кыргызскіе роды, подчинявшіеся тургешскимъ ханамъ, но вышедшіе изъ ихъ зависимости послѣ гибели Согэ-хана, когда дулаты и кыргызы или значительная часть ихъ поставили своимъ ханомъ Сулу, отказавшись отъ подчиненія хану, возведенному тургешскими родами вѣроятно изъ потомства ихъ прежнихъ хановъ. Надо полагать, что послѣ гибели тургешскаго хана въ 721

торыхъ проѣзжалъ Зимархъ [1]), всего скорѣе можно видѣть кангловъ, ибо холи есть видимо испорченное кангли, какъ полагалъ еще Дегинь. Конечно канглы были во второй половинѣ VI вѣка покорены турками, но надо полагать, что они скоро изъ этой зависимости вышли. Около 630 г. есть упоминанія о двукратномъ бѣгствѣ одного западно-турскаго хана въ Кангюй, гдѣ онъ и умеръ [2]).

3) Тюрки Монголіи съ половины VIII вѣка до Чингизъ-хана, начавшееся съ его времени омонголеніе и вытѣсненіе тюркскихъ племенъ; происхожденіе калмыковъ.

Послѣ гибели ханства турковъ-тукю въ Монголіи, около половины VIII вѣка, вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ, которыми воспользовались уйгуры съ остальными теле и карлыки для дружнаго нападенія, владычество въ Монголіи досталось уйгурамъ, карлыки же подались на западъ и овладѣли землями западно-тукюскихъ хановъ. Государство уйгуровъ (хой-ху у китай-

---

году Сулу-ханъ подчинилъ себѣ и тургешскіе роды, но вражда между прежде господствовавшими тургешскими родами (желтыми, ибо это на востокѣ цвѣтъ царскій, аристократическій) и сбросившими ихъ владычество черными родами кыргызовъ и дулатовъ уже замѣчалась въ концѣ ханствованія Сулу и разгорѣлась послѣ его смерти, причинивъ многолѣтнія смуты, пока карлыки не овладѣли страною. Я думаю однако, что тургеши не захотѣли подчиняться и карлыкамъ и укочевали на западъ, ибо затѣмъ въ мѣстностяхъ при-тяньшанскихъ нѣтъ о нихъ никакихъ упоминаній, какъ нѣтъ и нынѣ родовъ ихъ имени ни между киргизъ-казаками, ни между узбеками (если не считать упомянутаго въ «Путешествіи по средней Азіи» Вамбери, стр. 171 русскаго перевода 1865 года, узбекскаго «таифе» тыркишъ, о которомъ кромѣ Вамбери никто изъ писателей не говоритъ и мѣсто пребыванія котораго неизвѣстно). Слѣдъ прохода ихъ на западъ есть въ упоминаніи ихъ Ибнъ-Хордадбегомъ, наряду съ баджнаками (печенѣги) и кифчаками (см. переводъ де-Гуе, 1889, р. 22), вѣроятно въ сосѣдствѣ съ этими племенами, въ западной части степи, въ первой половинѣ IX вѣка. Надо думать, что затѣмъ къ XI вѣку тургеши явились подъ именемъ торковъ на Днѣпрѣ въ союзѣ съ узами (кипчаками), тѣсня печенѣговъ все далѣе на западъ. Существованіе одновременно съ Тухосяненъ хана изъ черныхъ родовъ Живэя можетъ быть объяснено тѣмъ, что первый былъ верховнымъ ханомъ, а второй «малымъ», какъ это нерѣдко у турковъ бывало. Упоминаемый въ надписи Кенъросъ въ китайской транскрипціи могъ выйти Хынлосъ, т. е. часто упоминавшійся китайцами въ VIII вѣкѣ городъ, находившійся гдѣ-то между Таласомъ и Чу, болѣе близкій къ низовьямъ Чу, чѣмъ Суйѣ, ибо земледѣльцы на этихъ низовьяхъ «принадлежатъ на западѣ городу Хынлосъ» («Собраніе свѣдѣній», III, стр. 245).

[1]) «Византійскіе историки Дексиппъ» и пр., переводъ Дестуниса. Спб., 1861, стр. 381. «Зимарха почтилъ онъ (тюркскій хаганъ Дизавулъ) плѣнницею; она была изъ народа такъ называемыхъ херхизовъ» (стр. 379).

[2]) «Собраніе свѣдѣній», I, стр. 348 и 349.

цевъ) [1]) просуществовало едва столѣтіе и было разрушено енисейскими кыргызами, опиравшимися главнымъ образомъ на силы враждовавшихъ съ приверженными къ ханскому дому уйгурскихъ родовъ. Побѣжденные роды бѣжали съ Орхона на югъ и западъ и основались у подножій Наньшаня и восточнаго Тяньшаня. Малочисленные кыргызы не въ силахъ были утвердить свою власть надъ повиновавшимися дотолѣ уйгурамъ сильными родами и вскорѣ вынуждены были возвратиться на Енисей. Въ это время усилились кидани, подчинили себѣ хи (татаби) и овладѣли сѣвернымъ Китаемъ, основавъ династію Ляо (907—1125 гг.).—Въ 924 году, при одномъ изъ своихъ походовъ, первый киданьскій императоръ Абаоки или Амбагянь доходилъ до прежней столицы уйгуровъ на Орхонѣ и принималъ здѣсь покорность одного изъ вождей мѣстныхъ, нѣкогда уйгурскихъ (хой-ху), родовъ по имени Pa-li; онъ приглашалъ отсюда государя гань-чжеускихъ уйгуровъ возвратиться на Орхонъ, но тотъ предложеніемъ этимъ не воспользовался [2]). По «Исторіи киданьскаго государства», составленной въ 1179 г., власть киданей не распространялась въ глубь Монголіи; на границахъ киданьскихъ владѣній обитали племена дуцюэ (турки-тукю), дада (роды татаръ), сѣвернѣе ихъ бѣгули (быть можетъ племя или союзъ бикинъ, о которомъ будетъ еще рѣчь ниже), юйцюэ (уйгуры), мэнгули (монголы) и пр. Ближе и сильнѣе всѣхъ были въ то время татары: «кидани, для усмиренія ихъ, выставили армію въ 100 т. ч., но все-таки ничего не могли сдѣлать съ да-да» [3]). Свѣдѣнія о народахъ и племенахъ Монголіи за время чжурчженей, замѣнившихъ киданей во владычествѣ надъ сѣвернымъ Китаемъ (1125—1234 гг.) и принадлежавшихъ также къ тунгузскому племени, скудны еще болѣе, ибо владѣнія ихъ еще менѣе удалялись отъ Великой стѣны; китайскіе историки чжурчженей смутно упоминаютъ за ихъ время о мэн-гу (монголы), татаняхъ (татары) и о поколѣніяхъ и родахъ (чжа), которые охраняли границу на службѣ у чжурчженей и изъ которыхъ можно привести чжули (быть можетъ джалаиры) и цзилу (можетъ быть киреи) [4]).

Если воспользоваться приведенными китайскими свѣдѣніями за время

---

[1]) По «Тань-шу», «девять родовъ» хой-ху были слѣдующіе: іологэ, худугэ, кюйлоу, мокэсигѣ, аучжай, гэса, хувыньсо, іовугэ и хасѣву («Собраніе свѣдѣній», I, стр. 383; см. также Mailla, t. VI, p. 139). Въ нынѣшнихъ тюркскихъ родовыхъ именахъ эти имена совершенно отсутствуютъ, вѣроятно вслѣдствіе обращенія уйгуровъ къ осѣдлости въ в. Тяньшанѣ.

[2]) «Ляо - ши», по изложенію Visdelou въ Bibliothèque orientale, 1779, t. IV, p.p. 181—188.

[3]) В. П. Васильева «Исторія и древности» и пр., 1859 г., стр. 169, 25, 26, 28, 29.

[4]) Тамъ же, стр. 110—112.

киданей и чжурчженей и сообразить ихъ съ данными, сообщаемыми Рашидъ-эддиномъ и «Юань-чао-ми-ши», то этнографическое положеніе Монголіи за время съ половины IX вѣка до Чингизъ-хана представится въ такомъ видѣ: на юго-востокѣ—татаби или онгуты; сѣвернѣе ихъ многочисленные татарскіе роды; сѣвернѣе и отчасти западнѣе татаръ—киреи, джалаиры и монголы, все главнымъ образомъ на Ононѣ и Керуленѣ; западнѣе этихъ племенъ, отъ рѣкъ Тамира и Орхона до Иртыша,—найманы; сѣвернѣе ихъ на Селенгѣ—меркиты, около Косогола и въ Танну-ола ойраты, туба и разные «лѣсные народы»; на Енисеѣ—кыргызы и ихъ кыштымы; западнѣе ихъ, въ Алтаѣ,—телесы и пр. [1]). Такимъ образомъ, послѣ паденія уйгуровъ до Чингизъ-хана, Монголію,—за исключеніемъ ея крайней сѣверо-восточной части, гдѣ появились монголы,—продолжали занимать тюрки. Изъ родовъ ихъ составлялись конечно союзы, но ни одинъ изъ нихъ не былъ настолько силенъ и не получилъ себѣ въ главы такого выдающагося воителя и правителя, чтобы подчинить остальные роды и союзы и объединить всю Монголію. Сильнѣе другихъ былъ нѣкогда родъ бикинъ [2]), но значеніе его исчезло задолго до Чингизъ-хана. Къ его времени самымъ сильнымъ племенемъ были найманы, силы которыхъ были однако раздѣлены между двумя ханами; могущество, также многочисленныхъ, киреевъ [3]) подтачивалось внутренними раздорами; еще болѣе многочисленные татары [4]) раздѣлены были на многіе недружные роды. Чингизъ-ханъ началъ съ того, что, опираясь на киреевъ, объединилъ около себя монголовъ и предпринялъ истребленіе упорно враждебныхъ ему татаръ и меркитовъ, а затѣмъ нанесъ первые удары найманамъ. Обратившись засимъ на союзныхъ дотолѣ киреевъ, онъ побѣдилъ и подчинилъ ихъ, а потомъ

---

[1]) Рашидъ-эддинъ «Введеніе», пер. Березина, 1858 г., стр. 108, 49, 9, 4, 33 и пр. «Труды россійской духовной миссіи въ Пекинѣ», т. 4, 1866 года, стр. 108, 131, 132, 235. «Восточный сборникъ», т. I, Спб., 1877 г., стр. 191.

[2]) Государи племени бикинъ «были больше государей отцовъ Ванъ-хана, Таянъ-хана и другихъ государей найманскихъ и кераитскихъ, сильнѣе и почтеннѣе ихъ; послѣ нѣкотораго времени упомянутые государи стали сильнѣе ихъ. Чингизъ-ханъ присоединилъ то племя бикинъ къ племени онгутъ и далъ имъ общія кочевки. Онъ бралъ дѣвушекъ изъ племени бикинъ для рода своего, а также давалъ (изъ своего) бекамъ онгутскимъ; дѣвушки ихъ и найманскія славились красотой и совершенствомъ» (Рашидъ-эддинъ «Введеніе», пер. Березина, 1858 г., стр. 114).

[3]) Кирейскій союзъ долженъ былъ образоваться значительно ранѣе 1007 года, ибо уже въ этомъ году, по Абуль-фараджу, обратился въ несторіанство государь племени кераитъ, обитавшаго «внутри земель тюрковъ», какъ сообщалъ тогда несторіанскому патріарху митрополитъ Мерва, въ вѣдѣніи котораго находились несторіане Китая и земель тюркскихъ. Новообращенный кирейскій государь извѣщалъ митрополита, что «200 т. его народа готовы послѣдовать его примѣру» (d'Ohsson—Histoire des Mongols etc., 1834, t. I, p.p. 48, 49).

[4]) 70 т. кибитокъ, по Рашидъ-эддину («Введеніе», 1858 г., стр. 49).

окончательно сокрушилъ наймановъ и сдѣлался владыкою всей Монголіи, безъ труда уже поставивъ отъ себя въ зависимость болѣе отдаленныя и мелкія племена. Хотя и дальнѣйшія завоеванія Чингизъ-хана и его первыхъ преемниковъ были совершены главнымъ образомъ силами тюрковъ, тѣмъ не менѣе монголы, соплеменники завоевателя, естественно получили преобладаніе, особенно въ предѣлахъ Монголіи. Мѣстные тюрки должны были уступать монголамъ лучшія земли и выселяться, если не могли или не желали омонголиться и удержаться на своихъ земляхъ въ качествѣ соплеменниковъ завоевателей. Въ результатѣ значительная часть тюрковъ Монголіи осталась на своихъ мѣстахъ, но омонголилась окончательно вѣроятно еще въ XIII столѣтіи. Такова была судьба онгутовъ, джалаировъ и частей киреевъ и наймановъ, какъ удостовѣряетъ это существованіе въ настоящее время монгольскихъ аймаковъ [1]) оніютъ, чжалаитъ, найманъ, абага и абаганаръ (оба должны быть кирейскаго происхожденія, судя по существованію въ настоящее время на Черномъ Иртышѣ многолюднаго племени абакъ-киреевъ). По всей вѣроятности и многіе другіе нынѣшніе монгольскіе аймаки Монголіи и Ордоса состоятъ въ болѣе или менѣе значительныхъ частяхъ изъ омонголенныхъ джалаировъ, киреевъ, наймановъ и другихъ тюркскихъ племенъ; такъ кость хиреитъ, многочисленная въ хошунахъ Ордоса [2]), указываетъ на роль, которую играли въ составѣ этихъ хошуновъ киреи, а кости уйгурчинъ и уйгутъ [3]) въ составѣ тѣхъ же ордосцевъ удостовѣряютъ примѣсь уйгуровъ.

Спасаясь бѣгствомъ послѣ пораженій или оставляя свои земли предъ напоромъ монголовъ, тюркскія племена Монголіи должны были удаляться на западъ приблизительно въ той самой географической послѣдовательности, въ какой жили въ Монголіи, т. е. впереди найманы, меркиты, сзади киреи. Такъ это и было, какъ это подтверждается въ общихъ чертахъ и нынѣшнимъ распредѣленіемъ этихъ племенъ въ киргизъ-казачьей степи. Конечно выселеніе бо-

---

[1]) Нынѣшнее населеніе этихъ аймаковъ въ такой степени утратило память о своемъ происхожденіи, что самыя имена аймаковъ приписываетъ произволу своихъ монгольскихъ князей: составители «Мэн-гу-ю-му-цзи» («Записки о монгольскихъ кочевьяхъ» въ переводѣ П. С. Попова, Спб., 1895 г., стр. 21, 27, 78), основываясь на народныхъ преданіяхъ, утверждаютъ, что названія аймаковъ этихъ даны разными чингизидами, предками нынѣшнихъ княжескихъ домовъ.

[2]) Г. Н. Потанинъ «Тангуто-тибетская окраина» и пр., Спб., 1893 г., томъ I, стр. 103 и 104.

[3]) Тамъ-же. Хотя халхасцы вообще «не помнятъ имена своихъ родовъ», однако одинъ халхасецъ сказалъ г. Потанину имена костей своего хошуна (тамъ-же). По замѣчанію Д. В. Клеменца, въ Халхѣ, на Орхонѣ, «встрѣчаются жители съ родовымъ прозвищемъ херитъ»—древніе кераиты, по его мнѣнію, а также «встрѣчаются типы, напоминающіе сибирскихъ тюрковъ» («Отчетъ и. р. географическаго общества за 1894 годъ», Спб., 1895 г., стр. 99).

лѣе чѣмъ половины тюркскаго населенія Монголіи, совершавшееся безъ какого либо плана и общихъ распоряженій, только подъ давленіемъ сложившихся политическихъ, экономическихъ и этническихъ обстоятельствъ, происходило медленно, между прочимъ и потому, что уходившимъ изъ Монголіи тюркамъ приходилось вытѣснять на западѣ кипчаковъ и на юго-западѣ чуйцевъ и дулатовъ съ ихъ исконныхъ кочевокъ. По всей вѣроятности усиленное выселеніе тюрковъ происходило въ первой четверти XIII вѣка, по смерти же Чингизъ-хана, съ образованіемъ улусовъ джучіева и джагатаева, оно должно было замедлиться. Возникновеніе улуса угедэева должно было прекратить движеніе. Улусъ потомковъ Угедэя составился изъ земель, окружающихъ удѣльныя имѣнія Угедэя, имѣвшія центромъ р. Имиль и ур. Кубукъ на югѣ и востокѣ отъ Тарбагатая, когда внукъ Угедэя Каиду, поддерживавшій сначала притязанія Арыкъ-буги, выступилъ самъ претендентомъ на престолъ великаго каана, начавъ въ 1266 году войну съ Кубилай-кааномъ. Война эта продолжалась почти сорокъ лѣтъ. Въ теченіе всего этого времени войска Кубилай-каана должны были находиться въ готовности для защиты его владѣній противъ вторженій Каиду, которому подчинялся и улусъ джагатаевъ. Граница между владѣніями воюющихъ пролегала приблизительно отъ восточнаго Тяньшаня (между Турфаномъ и Хами) къ Монгольскому Алтаю [1]). Силы Каиду состояли почти исключительно изъ тюрковъ, т. е. главнымъ образомъ изъ вытѣсненной изъ Монголіи части наймановъ, киреевъ и пр. Расположенныя на границѣ этой въ продолженіе почти сорока лѣтъ войска Кубилая и его преемника должны были состоять также преимущественно изъ мѣстнаго населенія западной Монголіи, т. е. изъ оттѣсненныхъ сюда и омонголенныхъ киреевъ, наймановъ и пр., и лѣсныхъ племенъ. Именно эта длившаяся болѣе трехъ десятилѣтій организація мѣстнаго населенія западной Монголіи въ видѣ постоянной пограничной военной силы должна быть почитаема причиною и началомъ образованія западныхъ монголовъ. Имя калмаковъ, не употребляемое самими западными монголами, вѣроятно дано имъ тюрками, такъ какъ они главнымъ образомъ составились изъ оставшихся (калган) въ Монголіи ихъ соплеменниковъ (киреевъ, наймановъ и т. д.), имя же ойратовъ, которымъ западные монголы сами себя называли, произошло, надо полагать, отъ того, что значительную часть пограничныхъ войскъ и населенія составляли ойраты, глав-

---

[1]) Извѣстія объ улусѣ Каиду, о войнѣ его съ Кубилаемъ и его преемникомъ, о границѣ между воюющими и пр. можно найти у Mailla (Histoire générale de la Chine etc., t. IX, Paris, 1779, p.p. 390, 469, 470 etc.), у d'Ohsson (Histoire des Mongols etc., t. 2, p.p. 452, 461, 514, t. 4, p. 563 etc.), у Gaubil (Histoire de Gentghiscan etc., Paris, 1739) и др.

ное изъ лѣсныхъ племенъ и состоявшее изъ четырехъ (дурбен) тысячъ [1]), откуда могло истекать названіе дурбенъ-ойратъ [2]).

Въ 1313 году джагатаидъ Исень-буга напалъ на армію великаго каана, стоявшую близъ Кутъ-тага (Монгольскій Алтай?), «на границѣ двухъ имперій», но былъ отраженъ и преслѣдуемъ до Джаира (перевалъ и хребетъ системы Барлыка). Послѣ этого, между монголо-китайскою имперіею и улусомъ Джагатая, наслѣдовавшимъ земли каидуидовъ, установился миръ. Послѣ изгнанія монголовъ изъ Китая (1368 г.), управлявшій западными монголами Менгэ-Тимуръ объявилъ себя главою ойратовъ. По смерти его народъ раздѣлился на три отдѣла, главы которыхъ не замедлили войти въ сношенія съ минскимъ дворомъ и получили отъ него княжескіе титулы. Это не помѣшало ойратскимъ вождямъ принять дѣятельное участіе въ начавшихся въ восточной Монголіи смутахъ. Въ 1455 г. глава ойратовъ Есень-тайджи, дѣдъ и отецъ котораго ставили и низводили съ престола Монголіи хановъ изъ потомства Чингиза, самъ объявилъ себя ханомъ, но былъ убитъ однимъ изъ остальныхъ ойратскихъ вождей. Это убійство повело къ смутамъ между ойратами и лишило ихъ всякаго вліянія на дѣла восточной Монголіи, гдѣ возстановилась и окрѣпла власть чингизидовъ [3]). Пользуясь раздробленіемъ ойратовъ, восточно-монгольскіе чингизиды начали дѣлать на нихъ грабительскіе набѣги [4]) и даже подчинять своей власти [5]). Тѣснимые такимъ образомъ съ востока, калмыки начали во второй половинѣ XVI столѣтія двигаться на западъ въ земли тюркскихъ племенъ, которыя до того времени сохраняли ихъ за границею каидуидскаго времени.

---

1) Рашидъ-эддинъ «Исторія Чингизъ-хана», переводъ Березина, 1888 г., стр. 136.

2) Значеніе тюркскихъ племенъ въ составѣ западныхъ монголовъ видно между прочимъ изъ именъ цзунгарскихъ аймаковъ, а также изъ именъ костей у нынѣшнихъ калмаковъ. Такъ въ цзунгарскихъ аймакахъ (Іакинфа «Историческое обозрѣніе ойратовъ», 1834, стр. 135 и слѣд.) керіетъ, абагасъ нельзя не узнать киреевъ и абакъ-киреевъ, а въ отокѣ эркетынъ тюркское племя аргынъ. У китайскихъ торгоутовъ встрѣчаются кости кэрэтъ, мэркытъ (А. А. Ивановскій «Антропологическій очеркъ торгоутовъ тарбагатайской области», Москва, 1893 г.), у астраханскихъ калмыковъ кости керетъ, эркетень, толенгутъ, уранхусъ, абганеръ и пр. (Житецкій «Астраханскіе калмыки въ двухъ очеркахъ», 1892 г., стр. 110—123). Самое имя торгоутовъ легко могло произойти отъ торо или торго, тюркской кости и нынѣ существующей въ Алтаѣ и у кара-киргизовъ.

3) «Исторія династіи Минъ» въ изложеніи д-ра Бретшнейдера—Mediaeval Researches etc., London, 1888, vol. 2, p.p. 161—166.

4) См. о нѣкоторыхъ такихъ походахъ Geschichte der Ost—Mongolen Сананъ Сэцэна въ переводѣ Шмидта; St. Petersburg, 1829, s.s. 212—219, а также «Исторію Убаши-хуньтайджія» въ «Трудахъ восточнаго отдѣленія и. р. археологическаго общества», часть 6, 1858, стр. 213—222.

5) А. М. Позднѣева «Монгольская лѣтопись Эрденійнъ-Эрихэ», Спб., 1883 г., стр. 104.

4) Западныя тюркскія племена средней Азіи до образованія киргизъ-казачьяго союза.

Вытѣсненные изъ Монголіи тюркскія племена должны были искать пастбищъ на западѣ въ земляхъ кипчаковъ и на юго-западѣ на земляхъ чу-дулатовъ. Тѣ и другіе, съ своей стороны, принуждены были подаваться далѣе на западъ и юго-западъ.

Судя по тамгѣ ||, являющейся удвоеніемъ тамги канглов | , кипчаки представляются происходящими отъ канглов или близко имъ родственными. Чжанъ Цянь за 130 лѣтъ до Р. Х. нашелъ, что восточная часть кангюйцевъ признавала надъ собою власть хунновъ [1]). Вѣроятно это были кипчакскіе роды, обитавшіе къ западу отъ Тарбагатая, на сѣверо-востокѣ и сѣверѣ отъ собственно канглов, лѣтнія кочевки государей которыхъ находились повидимому въ Улу-тау [2]). Удалившіеся въ концѣ I вѣка послѣ Р. Х. отъ предѣловъ Китая «въ Кангюй» сѣверные хунны провели два съ половиною вѣка, отдѣлявшіе ихъ отъ времени появленія въ Европѣ, въ земляхъ кипчаковъ, подчинивъ себѣ конечно финно-угорскіе народы, упоминаемые «Исторіею династіи младшихъ Ханей» (25—221 гг. послѣ Р. Х.) подъ именемъ владѣнія Янь, которое лежало на сѣверо-западѣ отъ Кангюя и платило ему дань «кожами звѣрковъ мышиной породы» [3]) (бѣлки, горностай и т. п.). На югѣ отъ Яни, отъ Аральскаго моря до Волги и Дона, обитали аланы [4]), послѣ покоренія которыхъ гунны устремились въ Европу, включивъ безъ сомнѣнія въ свои орды части кангюйскихъ, кипчакскихъ, угро-финскихъ и аланскихъ родовъ и увеличивъ ихъ финскими родами съ средней Волги. Послѣ смерти Аттилы, когда гунны были отброшены назадъ къ Волгѣ и Кавказу, народъ этотъ распался на составлявшіе его роды и союзы послѣднихъ. Изъ этихъ многочисленныхъ родовыхъ союзовъ, нѣкоторыя имена которыхъ сохранили западные лѣтописцы, сильнѣе другихъ были болгары, часть которыхъ водворилась на средней Волгѣ и нижней Камѣ среди восточныхъ финновъ, другая же ушла къ Дунаю и основала на южномъ его берегу, около VII вѣка, болгаро-славянское царство. Еще раньше, во второй половинѣ VI вѣка по-

---

1) «Собраніе свѣдѣній», III, стр. 6.

2) Въ семи дняхъ пути отъ зимней резиденціи («Собраніе свѣдѣній», III, стр. 56), которая находилась около Сыръ-дарьи сѣвернѣе Джулека.

3) «Собраніе свѣдѣній», III, стр. 121.

4) У китайцевъ ханьскихъ временъ аланья, обитавшіе при сѣверномъ (Каспійскомъ) морѣ и находившіеся въ зависимости отъ Кангюя («Собраніе свѣдѣній», III, стр. 6, 58, 121).

являлись здѣсь прошедшіе въ Паннонію авары [1]). Около VII вѣка, на нижней Волгѣ, сгруппировавшіеся около возникшихъ здѣсь торговыхъ пунктовъ остатки разныхъ тюркскихъ родовъ основали царство хозарское. Въ концѣ IX вѣка перешли за Донъ кочевавшіе ранѣе на востокѣ отъ хозаръ печенѣги, вытѣсненные торками и узами (они же гузы, половцы, команы). Лѣтъ черезъ сто появляются за Дономъ торки и половцы. Печенѣги въ 1048 г. переправились на южную сторону Дуная по льду въ числѣ 800 т. душъ [2]). Имя торковъ исчезаетъ въ концѣ XII вѣка; вѣроятно они главнымъ образомъ слились съ половцами [3]). Гузы упоминаются въ «Танъ-шу» около по-

---

[1]) Авары могли быть частью тургешей или близкимъ къ нимъ родомъ, ибо, по «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи» (оффиціальная географія манчжурской династіи), безъ указанія къ сожалѣнію основаній, говорится, что въ VII вѣкѣ китайское правительство наименовало земли тукиши (тургешей) областью у-а-ла (Journal asiatique, t. VIII, 1846, p. 388), что кажется ясною транскрипціею имени аваръ: могло быть, что въ половинѣ VI вѣка, не желая подчиняться туркамъ-тукю, часть тургешей, носившая сама или вмѣстѣ съ остальными тургешскими родами имя аваръ, укочевала на западъ. Не даромъ же турецкій посолъ говорилъ въ 568 г. императору Юстину: «Есть авары, которые еще преданы намъ; число же тѣхъ, которые отъ насъ убѣжали, полагаемъ до двадцати тысячъ», («Византійскіе историки Дексиппъ» и пр., переводъ Дестуниса, Спб., 1861 г., стр. 374). На алтайское, подобно почти всѣмъ тюркскимъ племенамъ, происхожденіе аваровъ указываетъ имя притока Урусула Уаръ или Угаръ. По Г. Н. Потанину, одинъ изъ хошуновъ аймака хото-гайту (омонголенные турки) въ западной Монголіи, именуется уаръ-гуни. («Очерки с.-з. Монголіи», вып. 2, Спб., 1881 г., стр. 23). Прибывшіе на Дунай въ 557 г. авары, по Феофилакту Симокаттѣ (писалъ въ 582—602 г.г.), принадлежали къ племенамъ огор'скимъ, обитавшимъ на востокѣ отъ р. Тил'я (Волга), изъ которыхъ нѣкоторыя носили имя уаръ-хуни по имени прежнихъ государей Уара и Хуни (Histoire du Bas-Empire par Lebeau, Paris, 1828, t. IX, p.p. 361, 373).

[2]) Столько считали въ II колѣнахъ (улусахъ, родахъ), подвластныхъ князю Тираху, но раньше перешелъ еще въ грческіе предѣлы князь Кегенъ съ подчиненными ему улусами белерманидовъ и пагуманидовъ, въ которыхъ считалось 20 т. человѣкъ (Проф. Васильевскій «Византія и печенѣги» въ «Журналѣ мин. народн. просвѣщенія», 1872 г., ноябрь, стр. 123—126). По византійскимъ же источникамъ (тамъ же, стр. 137—140), около 1059 г. перешли за Дунай въ числѣ 600 т. узы; они грабили почти до Константинополя, пока не были истреблены болѣзнями и соединенными силами болгаръ и печенѣговъ.

[3]) По намѣченнымъ здѣсь даннымъ, мнѣ кажется невозможнымъ согласиться съ предположеніемъ г. Голубовскаго о томъ, что торки суть гузы («Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ» и пр., Кіевъ, 1884 года, стр 49 и 64), хотя мнѣніе автора указаннаго интереснаго и обстоятельнаго изслѣдованія о томъ, что «куманы, кипчаки и половцы есть одинъ и тотъ же народъ», вполнѣ правильно. Еще менѣе, повидимому, основательно отожествленіе авторомъ другого замѣчательнаго труда И. А. Житецкимъ («Смѣна народностей въ южной Руси», «Кіевская старина», 1883 г., іюль, стр. 439) печенѣговъ съ узами и зачисленіе торковъ въ число вѣтвей печенѣговъ. Часто упоминаемыхъ нашими лѣтописями въ эпоху печенѣговъ и торковъ берендеевъ, берендичей Брунъ («Черноморье», часть 2, 1880 г., стр. 295) готовъ былъ отождествлять съ нынѣшнимъ киргизъ-казачьимъ словомъ барантачъ, но въ кара-киргизскомъ кролѣ соль есть кость бешъ-беренъ съ ураномъ Беренъ (Radloff Aus Sibirien, s. 231, и Н. И.

ловины VIII вѣка подъ именемъ турко-тукю'йскаго поколѣнія гэса, съ которымъ граничили на сѣверо-западѣ земли Харезма (Холисими) [1]. Писавшій въ концѣ первой половины IX вѣка Ибнъ-Хордадбехъ считалъ обширнѣйшими изъ тюркскихъ земель владѣнія хакана тогозгоровъ или тогозгозовъ (тогузъ-угузовъ или уйгуровъ), столица котораго находилась болѣе чѣмъ въ трехъ мѣсяцахъ пути отъ предѣловъ Ферганы [2]); владѣнія его граничили съ

Гродековъ «Киргизы и кара-киргизы сырдарьинской области», 1889, стр. 3, приложеній), которая вмѣстѣ съ родами караталъ, мураталы, алакчинъ кажется не коренною киргызскою, ибо въ другихъ поколѣніяхъ ея нѣтъ, а поздно попавшею въ Тяньшань, на Таласъ, вѣтвью киргизъ-казачьихъ племенъ, быть можетъ кипчакскаго; послѣднее предположеніе основывается между прочимъ на томъ, что у кипчаковъ есть родъ кукъ-боронъ (по Левшину, II, стр. 9) или кöк-бурунъ (по Радлову—Aus Sibirien, s. 236), котораго правильнѣйшое произношеніе будетъ, кажется, кöк-бöрöнъ. Въ виду этого можно думать, что берендеи были вошедшимъ въ составъ печенѣговъ кипчакскимъ родомъ. Родъ этотъ вѣроятно былъ многочисленъ и вліятеленъ, потому что имя его иногда распространялось на всѣхъ печенѣговъ, даже когда уцѣлѣвшая часть этого народа находилась уже въ Венгріи: въ 1334 г. угорскій король послалъ Ярополку въ помощь отъ себя «берендичевъ 30 тысящъ» (Ипат. лѣтопись, 316, по цитатѣ г. Житецкаго). Лѣтописные коуи, куи, коусы могутъ быть тождественны съ костями кый и кобый (ковый, коуй) у нынѣшнихъ шорцевъ и сагайцевъ (Aus Sibirien, s.s. 208, 214). Кость кобый держится нынѣ на р. Кöбÿръ (Aus Sibirien, s. 214): не отъ этой ли рѣки имя кабар'овъ, хозарскаго племени, которое, по Константину Багрянородному (De administr. imp., c. 39, по цитатѣ Бруна «Черноморье», II, 114), вслѣдствіе междоусобій оставило Хозарію и присоединилось къ мадьярамъ; имя этихъ кабаровъ удержалось въ названіи мѣстности Кабарда и въ имени (кабардинцы) той части аборигеновъ западнаго Кавказа, которая получила отъ тюрковъ свою аристократію (княжескія фамиліи), нѣкоторыя обычаи и склонности, а также много тюркскихъ словъ въ свое нарѣчіе. Можно подозрѣвать, что и самое имя черкес'овъ принесено къ подножіямъ Кавказа союзомъ тюркскихъ родовъ того же имени, въ составъ котораго входили кабаръ, кобый и коюсъ: въ числѣ дѣленій рода малой орды черкесъ или серкешъ есть (по Казанцеву, какъ будетъ приведено ниже) вѣтвь куюсъ. Городъ Боручъ временъ печенѣговъ и торковъ, между Днѣпромъ и Сулою, напоминаетъ своимъ именемъ родъ малой орды бирючъ (бершъ, берчъ). Что касается позднѣйшаго общаго для осѣвшихъ въ южной Руси печенѣговъ, торковъ и пр. лѣтописнаго названія черные клобуки, соотвѣтствующаго тюркскимъ кара-калпакамъ, то можетъ быть и правы тѣ ученые, которые производятъ кара-калпаковъ отъ печенѣговъ, отличавшихся (по завѣренію Вамбери въ Das Türkenvolk, s. 378, согласно венгерскимъ лѣтописцамъ и арабскимъ писателямъ) высокимъ ростомъ и бородатостью, подобно нынѣшнимъ кара-калпакамъ: бородатость печенѣжскіе роды нѣкоторые могли пріобрѣсти отъ смѣшеній съ аланами или ясами.

[1]) „Собраніе свѣдѣній“, III, стр. 246.

[2]) Дѣйствительно, до половины почти IX столѣтія столица уйгуровъ находилась въ подобномъ разстояніи, на Орхонѣ. Кажется, слѣдовало бы у Ибнъ-Хордадбеха читать „тогузгузъ“, какъ значится и у древнѣйшаго арабскаго географа Аль-Хуваризми, у котораго на сѣверѣ отъ Тюббата (Ти'ета) значились тюрки „тугузгуз'ы“ (D-r Nallino въ Bulletin de la Société Khedivale de Géographie, le Caire, 1896, fevrier, p 540; Аль-Хуваризми писалъ во время халифа Аль-Мамуна, 813—833 г.г., но былъ живъ еще въ 847 г.). Весьма возможно, что западные тюрки, а по ихъ примѣру и арабы, называли уйгуровъ тогузъ-огузами, по многочисленному племени, къ которому уйгуры первоначально принадлежали.

Китаемъ, Тибетомъ и землями карлыковъ; кромѣ тогузъ-уйгуровъ и карлыковъ тому же писателю были извѣстны слѣдующія тюркскія племена: кемаки, гозы, джегиры [1]), баджнаки (печенѣги), торкаши (это торки, туркеши, ушедшіе уже отъ Тяньшаня въ кипчакскую степь), адкаши (племя, вѣроятно для рифмы съ торкашами сочиненное Селямомъ-толмачомъ,сказки котораго о путешествіи къ фантастической стѣнѣ Гога и Магога помѣщены у Ибнъ-Хордадбеха съ напраснымъ довѣріемъ), кифчаки (кипчаки), кыргызы [2]). Изъ этихъ племенъ гузы или половцы или команы, куманы, были вѣроятно, подобно печенѣгамъ, союзомъ родовъ канглы и кипчакскихъ, съ участіемъ также частей племени алчинъ, о которомъ мы будемъ говорить позже. О кемакахъ, неизвѣстныхъ ни китайцамъ, ни западнымъ писателямъ, сами арабскіе географы имѣли весьма смутныя и недостовѣрныя свѣдѣнія. По Ибнъ-Хордадбеху, царь кемаковъ обиталъ среди пастбищъ въ 81 днѣ пути отъ Тараза (на р. Таласѣ), стало быть, самое близкое, на крайнемъ сѣверо-западѣ нынѣшней киргизской степи. Если кемаки не тоже самое, что команы, то во всякомъ случаѣ они также должны были быть союзомъ кипчакскихъ родовъ.

Первое столкновеніе монголовъ съ кипчаками было вызвано меркитами, уцѣлѣвшіе князья которыхъ спаслись бѣгствомъ къ кипчакамъ и не были ими выданы, что вызвало посылку Субутай-багадура, преслѣдовавшаго меркитовъ до (низовьевъ?) р. Чу, гдѣ онъ и истребилъ меркитскихъ князей [3]). Кипчаки и всѣ завоеванныя монголами на западѣ отъ нихъ земли составили улусъ старшаго сына Чингизъ-хана Джучи-хана и его потомства.

Овладѣвшіе во второй половинѣ VIII вѣка бывшими землями западнотукю'йскихъ хановъ отъ Алтая до Сыръ-дарьи карлыки встрѣтили на Сыръдарьѣ отпоръ со стороны арабовъ, уже утвердившихся въ Мавераннагрѣ и

---

[1]) Можно считать остаткомъ этихъ доселѣ необъясненныхъ джикировъ отдѣленіе чегыръ рода джаныс племени дулатъ большой орды, упомянутое въ «Опытѣ» моемъ о составѣ большой орды. Эти чегыры могли быть отраслью канглов, если не карлыковъ: изъ числа трехъ поколѣній, на которые дѣлились въ VII вѣкѣ карлыки, одно именовалось по Visdelou (Bibliothèque orient., 1779, t. IV, p. 169) Tche-khi (у о. Іакинфа, I, 437, чжи-сы); если добавить букву р, которую китайцы опускали, то получится чегиръ.

[2]) Kitab al Masâlik etc., ed. de Goeje, Lugduni, 1889, p.p. 22, 23.

[3]) «Юань-чао-ми-ши» въ «Трудахъ р. дух. миссіи въ Пекинѣ», т. IV, стр. 131. По помѣщенной въ «Юань-ши» (тамъ-же, стр. 247 и 248, и Mediaeval Researches etc., by Bretschneider, 1888, vol. 2, p.p. 72, 73) біографіи Ту-ту-ха, потомка кипчакскихъ князей и генерала арміи Кубилай-каана, предки народа кинь-ча (кипчакъ) обитали первоначально къ сѣверу отъ Wu-p'ing(?) на рѣкѣ Чжэлянь (Dje-lien) близъ горъ Дахань (An-da-han). Дѣдъ правившаго кипчаками въ началѣ XIII вѣка Иносы, по имени Койчу, переселился на с.-в. къ горѣ Юй-ли-бо-ли, отъ которой княжеская фамилія получила свое имя.—Все это пока съ достовѣрностью не объяснимо.

Фергане. Саманиды не помешали однако карлыкским илекам овладеть, вероятно въ IX веке, Кашгаромъ и Хотаномъ. Въ X веке, по монетамъ и мусульманскимъ историкамъ, илеки, очевидно карлыкскіе, властвовали на обеихъ сторонахъ западнаго Тяньшаня и приняли мусульманство. Въ начале XI века они овладели и Мавераннагромъ, признавъ позже вассальную зависимость по этой стране отъ сельджукидовъ. Во второй четверти XII века, бежавшій изъ киданьскаго севернаго Китая, который завоевывали въ это время чжурчжени, киданьскій князь Елюй-Даши, составивъ себе армію изъ подобныхъ ему киданьскихъ беглецовъ и изъ тюрковъ разныхъ племенъ, подчинилъ уйгуровъ восточнаго Тяньшаня, обратившихся къ оседлости и потерявшихъ приnаньшаньскія свои земли еще около 1028 г. Съ увеличивавшеюся, по мере дальнейшихъ успеховъ, привлекаемыми военною добычею тюрками, арміею Елюй-Даши покорилъ Западный Тяньшань и Мавераннагръ. Основанное Елюй-Дашіемъ кара-киданьское государство, имевшее своимъ центромъ долину р. Чу, где находилась столица Беласагунъ, существовало до 1212 г., когда последній кара-киданьскій гурханъ былъ плененъ зятемъ своимъ найманскимъ Кучлукъ-ханомъ, лишеннымъ монголами своихъ земель и нашедшимъ у киданей убежище. Года черезъ четыре Кучлукъ погибъ, преследуемый монголами, а въ 1219 г. Чингизъ-ханъ отправился съ Иртыша въ походъ, во время котораго монголы овладели Мавераннагромъ и частію Персіи. Земли по обе стороны Тяньшаня и Мавераннагръ составили уделъ второго сына Чингизъ-хана Джагатая.

Хотя Джучи и Джагатай получили изъ арміи отца только по 4 т. ч. [1]), большею частію притомъ изъ не вполне еще омонголенныхъ тюрковъ, а потому военныя силы ихъ состояли изъ подвластныхъ тюркскихъ племенъ, темъ не менее власть джучидовъ и джагатаидовъ была крепка, пока не исчезъ страхъ, внушенный завоеваніемъ, и пока тюркскіе роды и племена, продолжавшія сохранять родовой бытъ и кочевой образъ жизни, не почувствовали свою силу, благодаря въ особенности раздорамъ между чингизидами за власть и уделы, при которыхъ одерживали обыкновенно верхъ те, кто привлекалъ на свою сторону сильнейшіе роды тюрковъ. Сознаніе родами своей силы, при естественномъ ихъ стремленіи къ самостоятельности, неизбежно должно было привести къ разложенію улусовъ джучіева и джагатаева. Уже во второй половине XIV века джагатаиды потеряли Мавераннагръ, доставшійся сплотившему около себя местныхъ тюрковъ Тамерлану и его потомкамъ. Но самые походы Тимура подняли значеніе джагатаидовъ въ северной части ихъ владеній, такъ

[1]) Рашидъ-эддинъ «Исторія Чингизъ-хана», пер. Березина, 1888 г., стр. 144 и 145.

какъ мѣстныя племена не могли не видѣть необходимости единенія съ ханомъ, чтобы защититься общими силами отъ мощнаго и безпощаднаго врага. Благодаря упоминаніямъ въ описаніяхъ походовъ Тимура [1]), выясняется, что въ степяхъ джагатаева улуса отъ Алтая до Сыръ-дарьи были расположены слѣдующія племена: караитъ (киреи), аркенутъ (аргыны), дуглатъ (дулаты), кангули (канглы), курлукутъ (карлыки). Изъ нихъ киреи занимали, приблизительно, земли по Черному Иртышу и между Барлыкомъ и Эрень-хабирга; аргыны (вѣроятно вмѣстѣ съ найманами, о которыхъ особыхъ упоминаній нѣтъ) кочевали отъ р. Имиля на юго-западъ до р. Каратала и на западъ по крайней мѣрѣ до р. Нуры; дулатовъ надо полагать между р.р. Караталомъ и Чу; канглы и карлыки расположены были отъ р. Таласа до Сыръ-дарьи. Не упоминается о кыргызахъ, но такъ какъ по «Тарихи-Рашиди» народъ этотъ въ началѣ XVI вѣка оказывается занимающимъ западный Тяньшань, видимо въ качествѣ аборигеновъ, то не можетъ быть сомнѣнія, что и кара-киргизы находились на своихъ нынѣшнихъ мѣстахъ. О племенахъ джучіева улуса не имѣется подобныхъ довольно обстоятельныхъ свѣдѣній, но есть достаточныя данныя полагать, что, въ общихъ чертахъ, восточная половина улуса, именовавшаяся Дешти-Кипчакъ, т. е. кипчакская степь, была наполнена, кромѣ небольшаго еще количества наймановъ и аргыновъ, многочисленными кипчакскими родами, а также родами племени алчинъ; степи западной половины улуса отъ Урала до Дуная служили для кочевокъ остатковъ половцевъ и предшествовавшихъ имъ тюркскихъ племенъ, объединившихся съ частію кипчаковъ подъ общимъ названіемъ ногаевъ, по имени племянника Берке-хана Ногая, который въ концѣ XIII вѣка ставилъ и свергалъ хановъ по своему усмотрѣнію, опираясь на силы родовъ, съ которыми кочевалъ онъ въ южной Россіи.

Распаденіе улуса джучіева началось во второй четверти XV вѣка образованіемъ въ западной половинѣ улуса независимыхъ ханствъ крымскаго и казанскаго и довершилось въ третьей четверти того же вѣка гибелью Абулъхаиръ-хана и образованіемъ союза киргизъ-казачьяго. Между 1452 и 1455 г.г., Абулъ-хаиръ-ханъ, властвовавшій во всей восточной половинѣ улуса джучіева, былъ разбитъ вторгнувшимся въ его земли калмыцкимъ вождемъ Узъ-Тимуръ-тайшою, который опустошилъ Шахрохію, окрестности Ташкента и прибрежья Сыръ-дарьи, а затѣмъ спокойно ушелъ назадъ въ Монголію [2]). Вѣ-

[1]) Chéréfeddin — Histoire de Timur-bec, trad. par Pétis de la Croix, Paris, 1722, t. I, p.p. 27, 43, 85. t. II, p. 439, t. III, p. 220 etc.

[2]) «Тарихи-Абулхаири» по переводу д-ра Rieu въ History of the Mongols etc. by H. Howorth, London, 1880, Part 2, p. 688. Вѣроятно этотъ Узъ-Тимуръ былъ внукъ ой-

роятно именно вслѣдствіе этой неудачи, пошатнувшей значеніе Абулъ-хаира въ глазахъ подвластныхъ ему родовъ, около 1455 г. отъ него отложились султаны Гирей и Джанибекъ, которые съ присоединившимися къ нимъ недовольными ханомъ частями родовъ нашли убѣжище въ джагатаевомъ улусѣ на р. Чу. Недовольство ханомъ однако продолжало возростать и закончилось въ 1465—6 г. гибелью Абулъ-хаиръ-хана и нѣсколькихъ его сыновей въ бою съ возставшими родоначальниками. Тогда улусъ узбекскій [1]) распался окончательно. Часть составлявшихъ его родовъ присоединилась къ казакамъ—«вольницѣ», собравшейся около султановъ Гирея и Джаныбека, многіе остались независимыми и лишь нѣкоторая часть оказалась на сторонѣ старшаго изъ уцѣлѣвшихъ потомковъ Абулъ-хаира Баруджъ-оглана, но и онъ былъ въ 1472—3 г. убитъ въ неудачномъ нападеніи на джагатаида Юнусъ-хана, послѣ чего приверженцы его фамиліи, узбеки, остались на нѣкоторое время безъ главы и организаціи. Тогда большая часть родовъ Дештъ-Кипчака присоединилась къ союзу казаковъ. Предпріятія внука Абулъ-хаиръ-хана Шейбани-хана въ Дештъ-Кипчакѣ были неудачны, но онъ успѣлъ соединить около себя узбековъ и привлечь охотниковъ изъ казаковъ, когда началъ въ 1499 г. завоеваніе Мавераннагра [2]).

Джагатаиды XV вѣка, особенно второй его половины, стремились утвердиться на Сыръ-дарьѣ и овладѣть Ферганою и Мавераннагромъ; они любили городскую жизнь, которой чуждались ихъ подданные-кочевники, и мало заботились о защитѣ восточныхъ родовъ отъ набѣговъ калмыковъ. Когда убитъ былъ въ 1508 году,—по распоряженію Шейбани-хана, уже овладѣвшаго Мавераннагромъ и отнявшаго у джагатаидовъ Фергану и Ташкентъ,—джагатаидъ Махмудъ-ханъ, то сыновья ранѣе умершаго брата его Султанъ-Ахмедъ-хана уже не могли добиться повиновенія кочевниковъ и должны были удалиться въ Восточный Туркестанъ, возобновляя на короткое время, до второй четверти XVI столѣтія, только власть надъ кара-киргизами. Оставшись безъ хановъ, племена восточной половины джагатаева улуса присоединились къ союзу

ратскаго Есеня Аши-Тѣмуръ, доставлявшій, по «Минъ-ши» (Médiaeval Researches by Bretschneider, vol. 2, p. 166), дань китайскому двору въ правленіе Тянь-шунь (1457—1465 г.г.).

[1]) Такъ стала называться восточная часть джучіева улуса послѣ тридцатилѣтняго царствованія Узбекъ-хана, при которомъ водворилось въ немъ мусульманство.

[2]) History of India... under Baber and Humayun by W. Erskine, London, 1854, vol. 1, p.p 29—31. Вельяминовъ-Зерновъ «О касимовскихъ царяхъ и царевичахъ», Спб., 1864 г., часть 2, стр. 139 и слѣд. The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammed Haidar, Dughlát, an English version edited by N. Elias, London, 1895.

казаковъ, который въ это время, при Касимъ-ханѣ сынѣ Джанибекъ-хана, насчитывалъ болѣе 1 м. населенія («Тарихи-Рашиди») [1]).

---

[1]) Въ «Тарихи-Рашиди» нѣтъ ни перечисленія племенъ и родовъ джагатаева улуса, ни сколько-нибудь обстоятельныхъ о нихъ свѣдѣній и даже упоминаній о нѣкоторыхъ хотя-бы изъ нихъ въ отдѣльности. Объясняется это тѣмъ, что авторъ,—ставившій своею задачею написать исторію могульскихъ хановъ, на основаніи слышанныхъ имъ преданій (не восходившихъ, впрочемъ, вообще далѣе времени Туглукъ-Тимуръ-хана), разсказовъ очевидцевъ и лично ему извѣстныхъ фактовъ за время Султанъ-Саидъ-хана кашгарскаго, на службѣ котораго онъ состоялъ около двадцати лѣтъ,—самъ не бывалъ въ занятой кочевыми племенами сѣверной, бо́льшей части джагатаева улуса, именовавшейся Могулистаномъ, и не имѣлъ о ней и ея населеніи подробныхъ и основательныхъ свѣдѣній. Поэтому, хотя онъ сообщаетъ драгоцѣнныя, за неимѣніемъ другихъ, но слишкомъ общія и краткія, извѣстія объ основаніи союза казаковъ изъ собравшихся около султановъ Гирея и Джанибека кочевниковъ, даетъ затѣмъ свѣдѣнія о сношеніяхъ Саидъ-хана съ казацкимъ Касимъ-ханомъ около 1513 г. и о могуществѣ при этомъ ханѣ казаковъ, на основаніи разсказовъ Саидъ-хана, и приводитъ наконецъ, какъ очевидецъ, краткія извѣстія о столкновеніяхъ Саидъ-хана съ казацкимъ Тагиръ-ханомъ около 1526 г., но все это не помѣшало ему закончить свои извѣстія о казакахъ утвержденіемъ, что послѣ 940 (1533) г. «казаки совершенно исчезли», вслѣдъ за тѣмъ, какъ не стало хана ихъ Буйдаша. Дѣйствительно есть извѣстіе, что Буйдашъ-ханъ, можетъ быть около 940 г., вмѣстѣ съ 24 родственными ему султанами погибъ въ битвѣ съ владѣльцемъ ташкентскимъ Дервишъ-ханомъ. Но казаки не исчезли, ибо въ подчиненіи Буйдашу находилось, по словамъ же автора «Тарихи-Рашиди», не болѣе 20 т. Остальные казаки, безъ сомнѣнія, имѣли другого хана или хановъ, потому что въ желающихъ ханствовать изъ числа потомковъ того же Джанибекъ-хана, отъ котораго происходилъ Буйдашъ, недостатка быть не могло. Поэтому не далѣе, какъ въ 1535 году, по извѣстіямъ находившагося у ногайцевъ московскаго посланца Данилы Губина, казаки съ одной стороны грозили ногайцамъ, съ другой же дважды разбили «ташкентскихъ царевичей» и такъ стѣснили Ташкентъ, что ожидалось его скорое паденіе въ руки казаковъ. Положимъ, Мухамедъ-Хайдеръ еще въ 938 (1531) г. отправился изъ Кашгаріи въ походъ для завоеванія Балтистана и въ Восточный Туркестанъ уже не возвращался, ибо въ 1533 году, послѣ смерти Саидъ-хана вынужденъ былъ, опасаясь гибели отъ преемника его, удалиться изъ Балтистана въ Индію, откуда попалъ въ Кашмиръ, гдѣ и былъ убитъ въ 1551 г., а потому о событіяхъ у казаковъ могъ имѣть лишь случайные слухи. Тѣмъ не менѣе, чтобы на основаніи слуха о гибели Буйдаша считать милліонный народъ исчезнувшимъ, надо было обладать весьма недостаточными объ этомъ народѣ свѣдѣніями. Неудивительно поэтому, что Мухаметъ-Хайдеръ почти ничего не сообщаетъ о бытѣ, племенахъ и родахъ казацкихъ. Нѣтъ въ «Тарихи-Рашиди» обстоятельныхъ свѣдѣній и о родахъ «могульскихъ», но изъ сообщенія о составѣ арміи, съ которою Саидъ-ханъ предпринялъ въ 1514 году завоеваніе Кашгара и въ которой собрались почти всѣ могулы, кромѣ находившихся на службѣ у Мансуръ-хана турфанскаго, видно (Tharikh-i-Rashidi, ed. by N. Elias, London, 1895, pp. 304—309), что изъ 4.700 слишкомъ человѣкъ общей цифры болѣе 640 воиновъ было выставлено эмирами фамиліи (tabaka=family) дуглатъ (dughlát), 200 ч. главами фамиліи дуктуй (dukhtui), болѣе 100 воиновъ членами фамиліи берласъ (barulas), около 100 ч. каждою: фамиліями барки (bárki), ордубеги (urdubegi), итарджи (itárji), кунджи (kunji), джерасъ (jarás), и 400 ч. эмирами фамиліи бегчикъ (begjik). «Были и другіе, которые, не будучи ни эмирами, ни сыновьями эмировъ, имѣли своихъ людей»: авторъ приводитъ затѣмъ имена вождей, принадлежавшихъ къ калучи (káluchi), родамъ карлыкъ и меркитъ, и называетъ Омаръ-шейха, вождя шулкарчи (shulkárchi). «Были и другіе, которые пріобрѣли имя б а г а д у р'о в ъ», но не имѣли, должно быть, своихъ

5) Борьба киргизъ-казаковъ съ калмыками и подданство ихъ Россіи.

Казачій союзъ состоялъ изъ племенъ и родовъ, внутреннее управленіе которыми принадлежало ихъ родоначальникамъ и основано было на обычаяхъ, свойственныхъ родовому быту. Хану подвѣдомственны были главнымъ образомъ внѣшнія дѣла, но и въ нихъ, не имѣя войска и средствъ на его со-

---

собственныхъ отрядовъ. Въ настоящее время,—пишетъ Мухамедъ-Хайдеръ въ другомъ мѣстѣ,—осталось могуловъ только «около 30 т. на земляхъ кашгарскихъ и турфанскихъ. Могулистаномъ овладѣли узбеки (казаки) и кыргызы... Могулы были безроднымъ (isolated) и жалкимъ народомъ. Никто между ними не интересуется ихъ исторіей, почему, при всей недостаточности моихъ литературныхъ талантовъ, я написалъ ее, на сколько могъ лучше» (id. p. 148). При разсмотрѣніи вышеприведенныхъ именъ фамилій могульскихъ вождей оказывается, что только двѣ изъ нихъ несомнѣнно племенного или родового происхожденія: дуглатъ, тождественная съ нынѣшнимъ главнымъ племенемъ большой орды дулатъ, въ древности дулу, и берласъ—монгольскій родъ временъ Чингизъ-хана. На происхожденіе именъ многихъ изъ остальныхъ указываетъ слѣдующее замѣчаніе Мухамедъ-Хайдера по поводу преданія о двѣнадцати лицахъ, сопровождавшихъ малолѣтняго Хызръ-ходжа-хана на Лобъ-норъ, гдѣ онъ скрывался до совершеннолѣтія своего и до паденія Камръ-эддина, истребившаго все остальное потомство Туглукъ-Тимуръ-хана: «Изъ этихъ двѣнадцати человѣкъ... нѣкоторые сдѣлались потомъ эмирами и понынѣ существуютъ ихъ потомки. Въ числѣ ихъ былъ Арджиракъ, отъ котораго происходятъ эмиры итарджи, Таджри изъ Харезма, отъ котораго ведутъ свой родъ эмиры кунджи; сыновья третьяго, сеида изъ Чалыша, сдѣлались эмирами съ титуломъ кушджи, почему они прозываются также кукильдаш'ами». Мухамедъ-Хайдеръ поясняетъ между прочимъ, что монголы джагатаева улуса развѣтвились на могуловъ и чагатаевъ, которые (конечно со времени раздѣленія улуса на двѣ части: сѣверо-восточную или Могулистанъ, гдѣ властвовало потомство Туглукъ-Тимуръ-хана, и юго-западную или Мавераннагръ, въ которомъ сначала правили члены другихъ вѣтвей джагатаидовъ, а потомъ тимуриды) враждовали между собою и давали другъ другу уничижительныя прозвища. Именно чагатаи называли могуловъ джете, могулы же именовали ихъ кераванасъ (p. 147). По N. Elias'у, джете по монгольскимъ словарямъ значитъ «скверный человѣкъ, бездѣльникъ», значеніе же и происхожденіе слова кераванасъ въ точности неизвѣстно, но повидимому примѣнялось къ людямъ безобразнымъ, похожимъ на обезьянъ (у Вассафа), а теперь кераванасъ или карнасъ употребляется въ значеніи «обжора», по крайней мѣрѣ на р. Гургенѣ, гдѣ между туркменами племени гокленъ есть родъ этого имени (pp. 75 Введенія и 491, 492 приложеній). Ко времени окончанія составленія «Тарихи-Рашиди» (1547 г.), по словамъ автора (p. 148), чагатаи оставались только во владѣніяхъ бабуридовъ въ Индіи и Авганистанѣ. Нынѣ могуловъ-джете нѣтъ, если не считать ихъ потомствомъ поколѣніе монгушъ и роды монгулдуръ, калмаке и т. п. между кара-киргизами. Бабуридскіе же чагатаи сохранились въ Индіи, близъ Дели и въ провинціи Rawal-Pindi, гдѣ по народной переписи 1881 г. сосчитано 23.593 д. о. п. племени чагатай и 12.137 д. племени берласъ (Punjab Census 1881, p. 277, vol. I, по цитатѣ Elias'a). Вообще, на основаніи вышеизложеннаго, надо полагать, что могулы (какъ и чагатаи) представляли собою въ сущности не особый народъ или племя, а только служащій при дворѣ, въ управленіи и войскѣ джагатаидовъ (тимуридовъ) классъ или сословіе, образовавшееся отчасти изъ потомства малочисленныхъ настоящихъ монголовъ

державіе, онъ вполнѣ зависѣлъ отъ родовъ и ихъ начальниковъ, безъ согласія и вліянія которыхъ не могъ быть успѣшенъ сборъ народныхъ ополченій. Если ханъ обнаруживалъ желаніе дѣйствовать самостоятельно и принимать мѣры къ вынужденію послушанія родовъ, роды оставляли его и легко находили въ числѣ многочисленныхъ чингизидовъ султана, котораго объявляли ханомъ на всей своей волѣ. Понятно поэтому, что наиболѣе энергичные ханы стремились овладѣть Туркестаномъ, Ташкентомъ и другими городами праваго берега Сыръ-дарьи, принадлежавшими властвовавшимъ въ Мавераннагрѣ шейбанидамъ, чтобы имѣть опору для своей власти внѣ родовъ. Въ концѣ XVI вѣка предпріимчивый Тевеккель-ханъ, привлекшій къ себѣ кочевниковъ обильною добычею при попыткахъ овладѣть Самаркандомъ и Бухарою, успѣлъ утвердиться въ Ташкентѣ и Туркестанѣ. Тамъ же обитали его преемники, но власть ихъ надъ кочевниками осталась слабою.

Между тѣмъ, тѣснимые восточными монголами, калмыки, не встрѣчая отпора, который давали имъ на западѣ джагатаиды, начали во второй половинѣ XVI вѣка двигаться въ земли тюркскихъ племенъ. Восточные роды казаковъ, не получая поддержки со стороны западныхъ родовъ и отъ хановъ, занятыхъ ближайшими дѣлами на югѣ, не могли оказать успѣшнаго сопротивленія и медленное сначала движеніе калмыковъ ускорилось. Такъ въ 1552 г., во время похода монгольскаго Алтанъ-кагана на ойратовъ, они занимали еще Хоринъ (Каракорумъ) и побиты были Алтанъ-каганомъ на Цзапхынѣ [1]), стало быть находились почти въ тѣхъ самыхъ земляхъ, какія принадлежали западнымъ монголамъ въ концѣ XIII и въ XIV в.в. Въ 1562 г. племянникъ того же монгольскаго вождя въ набѣгѣ на торгоутовъ, двигавшихся, правда, всегда впереди прочихъ ойратскихъ племенъ, нашелъ ихъ уже на Черномъ Иртышѣ [2]). Около 1587 г. на Черномъ Иртышѣ обитали уже хойты; далѣе на западъ за ними находились цзунгары, еще далѣе хо-

---

«полка» Джагатая, главнымъ же образомъ изъ мѣстныхъ и пришлыхъ тюрковъ, таджиковъ, сартовъ и т. д., попадавшихъ на службу ханскую и обратившихъ ее въ потомственное занятіе. Какъ служилое сословіе, образовавшееся изъ людей разныхъ племенъ и народностей, могулы и чагатаи не имѣли настоящихъ родовъ, а только фамиліи, которыя имена свои получали отъ занимаемыхъ, иногда наслѣдственно, придворныхъ и правительственныхъ должностей, и лишь немногія ихъ фамиліи удержали свои коренныя племенныя или родовыя имена, вслѣдствіе того, быть можетъ, что самое значеніе ихъ при дворѣ и на службѣ первоначально находилось въ связи съ положеніемъ ихъ въ своихъ родахъ или племенахъ.

[1]) Сананъ Сэцэнъ въ переводѣ Шмидта—Geschichte der Ost-Mongolen etc., St.-Petersburg, 1829, s. 209.

[2]) Сананъ Сэцэнъ, s. 211.

шоты,а затѣмъ должны были быть, еще далѣе, торгоуты [1]). Стало быть последніе уже приближались къ Ишиму, гдѣ нашли ихъ русскіе завоеватели Сибири въ началѣ XVII в. Къ 1630 г. торгоуты достигли береговъ Волги. Между тѣмъ хошоты и цзунгары подвигались въ юго-западномъ направленіи и въ 1643 г. добрались уже до р. Чу, а въ 1652—1658 г.г. начали подчиненіе западнаго Тяньшаня и утвердились на Таласѣ. Около 1723 г., цзунгары, подъ властью которыхъ объединились между тѣмъ всѣ калмыки, кромѣ кукунорскихъ и торгоутовъ, овладѣли Туркестаномъ и Ташкентомъ и подчинили оттѣсненныхъ сюда дулатовъ и кангловъ. Около этого же времени возникли именованія юго-восточныхъ казачьихъ родовъ дулатовъ и кангловъ, какъ древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ, занявшихъ земли казачьяго союза, старшею ордою, кипчаковъ, — вѣроятно происходившихъ отъ кангловъ,—аргыновъ, наймановъ и киреевъ, какъ болѣе позднихъ пришельцевъ— среднею ордою, и отдѣлившихся отъ племенъ средней орды родовъ и племени алчинъ—младшею ордою. Вытѣсненныя калмыками изъ восточныхъ своихъ земель казачьи племена кочевали въ это время за Балхашемъ въ бассейнахъ Ишима, Нуры и Сары-су, откуда кипчакскіе роды по необходимости подались къ Аральскому и Каспійскому морямъ, а также на сѣверо-западъ, подвигая здѣсь алчиновъ и башкировъ далѣе на западъ. Оттѣсненныя такимъ образомъ къ русскимъ границамъ на Ишимѣ, Тоболѣ и Уралѣ и занимая частію земли русско-подданныхъ башкировъ и ногаевъ, малая и средняя орда вынуждены были въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка принять русское подданство, ожидая найти защиту отъ дальнѣйшихъ нападеній калмыковъ.

Между тѣмъ истощенныя, особенно попытками овладѣть Монголіею и Тибетомъ, силы цзунгаровъ ослабѣли. Въ 1756—1758 г.г., воспользовавшись внутренними смутами, китайцы положили конецъ существованію цзунгарскаго государства и овладѣли всѣми его землями. Въ фактическомъ своемъ владѣніи китайцы оставили только земли на востокъ отъ линіи своихъ пограничныхъ карауловъ, направляющихся отъ Норъ-Зайсана къ среднему теченію р. Или. Кара-киргизы, удалившіеся большею частію во время владычества калмыковъ въ Фергану и на Алай, вернулись въ западный Тяньшань. Роды большой орды возвратились къ подножіямъ западнаго Тяньшаня, занявъ прежнія свои земли до р. Каратала и немного сѣвернѣе. Киреи и найманы вернулись къ Тарбагатаю и впослѣдствіи подались на китайскую территорію, первые на Черный Иртышъ, вторые въ бассейнъ Эбинъ-нора. При послѣдо-

---

[1]) «Исторія Убаши-хуньтаджія» въ «Трудахъ восточнаго отдѣленія и. р. археологическаго общества», часть 6, 1858 г.

вавшемъ потомъ въ XIX столѣтіи постепенномъ подчиненіи киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ Россіи значительныхъ перемѣщеній племенъ и родовъ не происходило. Только въ 1801 году султану Букею съ частью малой орды разрѣшено было занять часть пустовавшихъ послѣ бѣгства торгоутовъ (1771 г.) степей между Ураломъ и Волгою, гдѣ вслѣдствіе этого образовалась внутренняя или букеевская орда.

III. О древнѣйшихъ иноплеменныхъ примѣсяхъ.

Въ предъидущемъ очеркѣ даны краткія историческія свѣдѣнія о важнѣйшихъ тюркскихъ племенахъ Монголіи и западныхъ степей средней Азіи. Почти всѣ главныя тюркскія племена исторически появлялись первоначально въ Монголіи и отсюда уже переходили въ киргизскія степи, изъ которыхъ части ихъ распространялись далѣе на западъ и юго-западъ. Поэтому, при выясненіи этническаго состава тюркскихъ племенъ, весьма важное значеніе принадлежитъ первоначальному образованію главныхъ племенъ, совершившемуся въ Монголіи. Прежде обращенія къ этническому составу существующихъ нынѣ тюркскихъ народностей въ отдѣльности, необходимо, при помощи имѣющихся по этому предмету историческихъ данныхъ, намѣтить тѣ иноплеменныя народности, помѣси съ которыми должны были дать основныя въ антропологическомъ смыслѣ тюркскія племена, ибо существенныя различія въ физическомъ типѣ между этими племенами должны корениться въ метисаціи тюрковъ съ различными чуждыми народностями, а также въ пропорціи, такъ сказать, помѣсей.

Первостепенное значеніе между иноплеменными къ тюркамъ примѣсями должно принадлежать тѣмъ народамъ, которые занимали до тюрковъ или въ смежности съ ними южный и сѣверный склоны Алтайско-саянской горной системы, отдѣляющей Монголію отъ Сибири, и сѣверную Монголію, ибо, во-первыхъ, большая часть главныхъ тюркскихъ племенъ первоначально обитала въ Алтаѣ, какъ это свидѣтельствуютъ древнія тюркскія народныя преданія и удостовѣряютъ племенныя имена, получившія свое начало отъ названій мѣстностей (рѣкъ, урочищъ) въ Алтаѣ, гдѣ эти племена, стало быть, первоначально обитали; во-вторыхъ, древнѣйшій тюркскій народъ—хунны—сдѣлался извѣстнымъ китайцамъ со стороны средней Монголіи (противъ Ордоса), вполнѣ же достовѣрныя о немъ свѣдѣнія начинаются съ III вѣка до Р. Х. по овладѣніи имъ всею Монголіею. Не входя въ разсмотрѣніе вопроса о начальномъ происхожденіи тюрковъ и ихъ прародинѣ, можно считать вѣроятнымъ,

что тюрки уже за много столѣтій до Р. Х. обитали въ Алтаѣ и въ прилегающей къ нему части Монголіи. По китайскимъ свѣдѣніямъ, сѣверная Монголія и даже отдѣляющая ее отъ южной песчано-каменистая полоса (Гоби) были заняты динлинами. Такъ въ китайской надписи на орхонскомъ памятникѣ Кюль-тегину, 732 г., земли, принадлежавшія въ то время туркамъ-тукю, а ранѣе хуннамъ, называются древнею страною, отечествомъ динлиновъ [1]). Древнѣйшее упоминаніе о динлинахъ въ офиціальной китайской исторіи относится къ 209—201 г.г. до Р. Х., когда въ числѣ завоеваній усилившихся хунновъ указывается владѣніе Динлинъ [2]). Около 100 г. до Р. Х. земля динлиновъ отдана была хуннами въ управленіе принявшаго ихъ подданство китайскаго полководца Вэй Люй, а земля Гэ-гунь въ управленіе китайскаго же плѣненнаго полководца Ли Линъ [3]). Въ 49 г. до Р. Х., шаньюй сѣверныхъ хунновъ Чжичжы, покоривъ угѣ (быть можетъ огузовъ на Селенгѣ), «разбилъ на западѣ Гянь-гунь (земля енисейскихъ киргизовъ, какъ и ранѣе упомянутая Гэ-гунь), на сѣверѣ покорилъ Динлинъ» [4]). Послѣднее достовѣрное упоминаніе динлиновъ встрѣчается въ половинѣ II вѣка послѣ Р. Х. по поводу отраженія ихъ сяньбійцами «на сѣверѣ» [5]). Въ историко-этнографическомъ сборникѣ Матуаньлиня, представляющимъ исправленное и дополненное изданіе подобнаго же сборника VIII вѣка, есть, между прочимъ, и свѣдѣнія о динлинахъ древнихъ временъ. По словамъ Дегиня, свѣдѣнія эти относятся къ двумъ владѣніямъ Динлинъ, изъ которыхъ одно именовалось Ма-нао, лежало къ сѣверу отъ Кангюя, т. е. нынѣшней киргизской степи, и могло выставлять 60 т. войска; другое отстояло на 7 т. ли отъ рѣки Ань-си-шуй, гдѣ была резиденція шаньюя, на югъ же до игуровъ [6]) считалось 5 т. ли и на юго-западъ до границы Кангюя 2 т. ли; жители обоихъ владѣній необыкновенно волосаты, походятъ нѣсколько на лошадей и бѣгаютъ скорѣе, чѣмъ лошади [7]). Шоттъ по тому же Матуаньлиню добав-

---

[1]) Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, St.-Petersburg, 1895, s. 168.

[2]) «Собраніе свѣдѣній», I, стр. 17.

[3]) Тамъ же, стр. 49—51.

[4]) «Собраніе свѣдѣній», I, стр. 77.

[5]) Тамъ же, стр. 169.

[6]) Въ подлинникѣ должно быть не до игуровъ, а до Чеши, владѣнія, находившагося въ восточномъ Тяньшанѣ въ ханьскія времена. По «исторіи династіи Хань», Гяньгунь отъ «шаньюевой орды на западъ отстоитъ на 7 т. ли, отъ Чешы на сѣверъ 5 т. ли» («Собраніе свѣдѣній», I, стр. 77).

[7]) Deguignes—Histoire générale des Huns etc., Paris, 1756, t. I, partie 2, p. p. LXXVI, LXXVII, LXII. По професс. Шлегелю (La stèle funéraire du Teghin—Giogh, Helsingissä. 1892, p. p. 42—44), согласно Матуаньлиню, страна Динлинъ упоминается въ первый разъ въ китайской исторіи при династіи Вэй, въ III вѣкѣ по Р. Х. Она была

ляетъ, что говоръ динлиновъ похожъ на крикъ дикихъ птицъ, а ноги у нихъ имѣютъ лошадиныя копыта и покрыты ниже колѣнъ шерстью [1]). Если отбросить басни о лошадиныхъ ногахъ,—тѣмъ болѣе странныя, что около 11 г. послѣ Р. Х. изъ динлиновъ и ухуаньцевъ (считаютъ обыкновенно за тунгузское племя) былъ составленъ одинъ изъ двѣнадцати корпусовъ, предназначенныхъ для дѣйствій противъ хунновъ, стоявшій у Великой стѣны [2]), верстахъ въ 200 отъ нынѣшняго Пекина, стало быть динлины могли быть хорошо извѣстны китайцамъ,—то все же останется достовѣрнымъ, что динлины отличались волосатостью и что одно изъ племенъ динлиновъ обитало между Ураломъ и Алтаемъ, на сѣверѣ киргизской степи, другое же находилось на Енисеѣ, сѣвернѣе земли кыргызовъ, между Обью приблизительно и Байкаломъ [3]).

О метисаціяхъ тюрковъ съ динлинами встрѣчается положительное указаніе въ статьѣ «Исторіи династіи Танъ» объ енисейскихъ киргизахъ, составленной въ IX вѣкѣ, но по свѣдѣніямъ частію болѣе раннимъ, такъ какъ Китай обмѣнивался посольствами съ кыргызами еще въ VII вѣкѣ. Въ этомъ описаніи земли кыргызовъ говорится, что «жители перемѣшались съ динлинами,...вообще рослы, съ рыжими волосами, съ румянымъ лицемъ

расположена на сѣверѣ отъ Кангюя. Различали двѣ страны этого имени: одна на западѣ отъ страны усуней, другая на сѣверѣ отъ хунновъ. На сѣверѣ отъ страны хунновъ были еще страны K'outché, Kikkhun и Sinri (у о. Іакинфа это Кюше, Гэгунь и Цайли, I, стр. 17; въ куче или кюеше можно, по моему, видѣть куши, кущу или кучукъ, нынѣ кость у кара-киргизовъ; Гэ-гунь—это несомнѣнно страна енисейскихъ кыргызовъ, что же касается синри или вѣрнѣе синли, какъ въ подлинникѣ, или цайли, то это можетъ быть, испорченное сары, сару, тоже кыргызская кость: очень можетъ быть, что одновременно съ динлинами хунны подчинили себѣ въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х. смежно съ ними обитавшіе народцы кыргызъ, кущу и сары, которые были огуреченными динлинскими родами). Во второй странѣ динлиновъ была еще страна, именуемая Ма-нао, т. е. «мозгъ лошади», въ которой обитали центавры: люди отъ колѣнъ до головы, но покрытые шерстью внизу; ноги и копыта были у нихъ лошадиныя, и они бѣгали скорѣе лошадей, хотя верхомъ на лошадяхъ не ѣздили. Въ Chan-hai King упоминаются динлины въ качествѣ обитателей земель около оз. Байкала и вмѣсто Ма-нао значится Ма-king, т. е. лошадиныя ноги, такъ что, по мнѣнію Шлегеля, Манао у Матуаньлиня есть ошибка вмѣсто Ma-king, объясняемая сходствомъ іероглифовъ. Такъ какъ Шлегель приводитъ изъ Матуаньлиня же упоминаніе о томъ, что въ 100 г. до Р. Х. Хунны назначили Вэй Люя правителемъ динлиновъ, то ясно, что замѣчаніе китайскаго компилятора о неупоминаніи о динлинахъ въ китайской исторіи ранѣе династіи Вэй есть ошибка.

[1]) Schott-Über die ächten kirgisen, Berlin, 1865, s. 444.

[2]) «Собраніе свѣдѣній», I, стр. 100 и 155.

[3]) Въ статьѣ «Исторіи младшихъ Ханей» (25—265 гг.) объ ухуаньцахъ говорится, что «песчаная степь», т. е. Гоби или Шамо, «лежитъ отъ динлиновъ на юго-западъ, отъ усуньцевъ на сѣверо-востокъ» («Собраніе свѣдѣній», I, 154). Это показываетъ, что нѣкогда динлины занимали бассейны Орхона и Селенги.

и голубыми глазами» [1]). Такъ какъ тюрки несомнѣнно принадлежатъ къ расѣ съ черною окраскою волосъ и глазъ, то очевидно, что свѣтлая окраска кыргызовъ была результатомъ помѣси тюрковъ съ динлинами и что эта свѣтлая окраска составляетъ одну изъ отличительныхъ особенностей динлиновъ отъ народовъ желтой расы, нынѣ населяющихъ восточную и большую часть средней и сѣверной Азіи и Сибири. Въ «Исторіи» же «династіи Танъ» есть свѣдѣнія о народѣ по-ма, «пѣгихъ лошадей», получившемъ это названіе будто бы потому, что лошади у него были пѣгія. Народъ этотъ наружностью походилъ на енисейскихъ кыргызовъ (т. е. отличался подобно ему свѣтлою окраскою), но говорилъ другимъ языкомъ; тюрки называли этотъ народъ ала (пѣгій, пестрый); земли его были смежны съ землями кыргызовъ и простирались до сѣвернаго моря на 50 дней пути, съ востока же на западъ на мѣсяцъ пути; народъ этотъ занимался земледѣліемъ, а также охотой на звѣрей и рыбной ловлей, и жилъ въ бревенчатыхъ, крытыхъ корою березы, срубахъ; сосуды у него были глиняные и мѣдные, желѣза было мало; онъ имѣлъ 30 т. войска, часто враждовалъ съ кыргызами и дѣлился на общины, управлявшіяся независимыми другъ отъ друга начальниками [2]). Нахожденіе «пѣгаго» народа на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя занимало второе динлинское племя, и одинаковая наружность, при отличіи языка отъ кыргызовъ, говорившихъ по тюркски, показываютъ, что пѣгій народъ былъ динлинскимъ, прямымъ потомствомъ восточнаго племени послѣднихъ, занимавшаго до хунновъ сѣверную Монголію. Въ XVII вѣкѣ русскіе завоеватели Сибири нашли этотъ самый народъ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, но большею частью отуреченнымъ и подвластнымъ кыргызамъ, которые взимали съ него дань рухлядью и желѣзными издѣліями, называя данниковъ своими кыштымами [3]). Сохраняли въ это время свой языкъ изъ этихъ потомковъ динлиновъ только арины, ассаны и котты, да такъ называемые енисейскіе остяки. Первые три народца вымерли, а главнымъ образомъ отуречены и слились съ мѣстными «татарами», какъ

---

[1]) «Собраніе свѣдѣній», I, стр. 443. У многихъ синологовъ, вмѣсто «голубыми», переведено «зелеными».

[2]) «Собраніе свѣдѣній», I, стр. 442. Deguignes—Histoire générale des Huns etc., Paris, 1756, t. I, partie 2, p. LXII. Mémoires rélatifs à l'Asie par Klaproth, Paris, 1826, t. I, p.p. 129—131.

[3]) Въ дневникѣ академика Мессершмидта, подъ 10 октября 1721 года, значится, что по завѣренію томскаго воеводы, татаръ-кыштымовъ зовутъ пѣгою или пестрою ордою и что они были прежде пестрыми, бѣлыми же сдѣлались вслѣдствіе постепеннаго перерожденія (Клапротъ, тамъ же, p. 126). Можно думать, что потомки динлиновъ получили отъ тюрковъ названіе пѣгаго народа за густой, пятнами, румянецъ на бѣломъ лицѣ: такія лица и теперь еще встрѣчаются у кара-киргизовъ западнаго Тяньшаня, родичей енисейскихъ кыргызовъ и потомковъ динлиновъ.

зовутъ тутъ тюрковъ [1]); уцѣлѣли къ настоящему времени только енисейскіе остяки къ сѣверу отъ Енисейска на р.р. Сымѣ и Курейкѣ, въ числѣ до 1 т. д., сильно перемѣшавшись съ переселявшимися къ нимъ съ Оби настоящими остяками (финно-települlграми) [2]).

Кастренъ, составившій словарь и грамматику енисейско-остяцкаго языка, признаетъ этотъ языкъ «отрывкомъ особаго семейства, сродство котораго съ финнско-самоѣдскими языками весьма дальнее. Енисейско-остяцкій языкъ нѣчто въ родѣ китайскаго, не имѣющее полной флексіи; онъ любитъ переносить корневой слогъ въ конецъ слова» и т. д. [3]). Замѣтный въ енисейско-остяцкомъ языкѣ угро-финнскій элементъ онъ объясняетъ смѣшеніемъ енисейскихъ остяковъ съ обскими, которое отразилось и на языкѣ [4]). Кастренъ же

---

[1]) Въ 1735 году академики Миллеръ и Гмелинъ видѣли послѣдняго человѣка, говорившаго на аринскомъ языкѣ, и трехъ ассановъ. Въ 1863 г. В. В. Радловъ нашелъ только трехъ коттовъ (одну женщину и двухъ стариковъ) около Канска («Аборигены Сибири» въ «Живописной Россіи», томъ XI, стр. 9, и Aus Sibirien, I, s. 190).

[2]) «Аборигены Сибири», стр. 9. По словамъ Степанова («Енисейская губернія», Спб., 1835 г., часть 2, стр. 37), существующія названія подраздѣленій енисейскихъ остяковъ (вымскіе, самороковскіе, верхне и нижне-имбатскіе) «даны имъ собирателями ясака, по мѣстамъ, гдѣ болѣе имѣли они свое пребываніе, но ихъ древнія названія тындыгеты и тшиканы». Есть рѣки Тюдгетъ (или Тюхтетъ), притокъ Амыла (системы Тубы) и Чеканъ или Чеганъ (системы Абакана); если имена приводимыхъ Степановымъ «древнихъ» родовъ енисейцевъ происходятъ отсюда, то выясняютъ они о происхожденіи и прошломъ енисейскихъ остяковъ очень немного. Подобнымъ образомъ Кастренъ («Магазинъ землевѣдѣнія» Фролова, томъ 6, часть 2, Москва, 1860 года, стр. 362), признающій, что, согласно преданіямъ, роды енисейскихъ остяковъ сводятся къ двумъ: kanas-ket и ulj-get, производитъ эти названія отъ именъ рѣкъ Каны и Улу-кема.

М. Кривошапкинъ («Енисейскій округъ и его жизнь» въ «Запискахъ и. р. геогр. общества», 1863 г, № 1, стр. 149 и 153), которому принадлежатъ наиболѣе доселѣ обстоятельныя свѣдѣнія о бытѣ остяковъ енисейскихъ, называетъ ихъ роды (конечно административные, по управамъ и мѣстамъ жительства): сымско-косовскій, подкаменскій, верхне-инбатскій и нижне-инбатскій, и утверждаетъ, что енисейскіе остяки эти «говорятъ совершенно особымъ языкомъ, не имѣющимъ сходства съ языкомъ остяковъ тобольской губерніи», вообще называемыхъ обскими. По его словамъ, остяки подкаменскаго рода (51 д. муж. пола и 26 ж.) «бродятъ по Подкаменной (иначе Средней) Тунгузкѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ», роды же верхне и нижне-инбатскій обитаютъ ниже по Енисею до г. Туруханска: въ первомъ 305 д. м. п. и 246 ж., во второмъ же 137 м. и 146 д. ж. пола. О мѣстахъ жительства и численности сымско-косовскаго рода у Кривошапкина свѣдѣній не помѣщено. По первой части изслѣдованія Кривошапкина. («Записки» и пр. 1862 г. № 4, стр. 144) душъ муж. пола въ нижне-инбатскомъ родѣ родѣ показано 157, такъ что цыфру 137 должно считать опечаткой.

[3]) «Путешествіе А. Кастрена (1838—1849)» въ «Магазинѣ землевѣдѣнія и путешествій» Фролова, томъ VI, 1860 г., стр. 361. Извѣстный лингвистъ Terrien de la Couperie, въ своей классификаціи урало-алтайскихъ языковъ на семь группъ, причислилъ коттскій или енисейско-остяцкій языкъ къ одной группѣ съ китайскимъ и тибетскимъ (Journal of the Royal Asiatic Society, 1889, p. 404).

[4]) «Магазинъ землев.», VI, стр. 362.

обсуждалъ, сколько извѣстно, въ подробности вопроса о томъ—не являются ли енисейскіе остяки и вымершіе или отуреченные ихъ соплеменники потомками динлиновъ. Исключительно въ виду гипотезъ Клапрота и Риттера о принадлежности динлиновъ къ арійской расѣ находилъ онъ «не невѣроятнымъ и весьма правдоподобнымъ», что упоминаемый китайцами бѣлокурый народъ на сѣверѣ отъ Танну-ола «былъ народъ финской расы, потому что во всѣ времена свѣтлая окраска была характерическимъ отличіемъ финской расы» [1]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признавалъ сомнительнымъ, чтобы древнѣйшіе курганы на Енисеѣ принадлежали «чуди, т. е. финскимъ народамъ: по крайней мѣрѣ ни въ Финляндіи, ни въ Лапландіи, ни въ сѣверной, заселенной финскимъ племенемъ, Россіи не встрѣчалъ я ни одного подобнаго памятника» [2]). Между тѣмъ, именно только динлинамъ,—изъ всѣхъ народовъ южной Сибири и Монголіи, о которыхъ сохранились какія-либо свѣдѣнія,—можно съ вѣроятностью приписывать слѣды древней цивилизаціи въ этихъ странахъ и древнѣйшія могилы съ бронзовыми, мѣдными, золотыми и серебряными предметами, а равно и остатки древнѣйшей разработки рудъ, производившейся въ южной Сибири и въ киргизской степи, ибо если пѣгій народъ еще въ VII вѣкѣ занимался хлѣбопашествомъ и имѣлъ мѣдные сосуды, а въ XVII вѣкѣ плавилъ руду и выдѣлывалъ въ обширныхъ размѣрахъ желѣзныя издѣлія, то надо полагать, что и земледѣліе, и металлургическое производство наслѣдовалъ онъ отъ предковъ своихъ динлиновъ.

Обстоятельнаго изученія череповъ древнихъ могилъ на Енисеѣ и найденныхъ въ нѣкоторыхъ гипсовыхъ масокъ еще не сдѣлано [3]); нѣтъ также

---

[1]) A. Castren's Kleinere Schriften, St. Petersburg, 1862, s.s. 109, 119.

[2]) «Магазинъ землевѣдѣнія», VI, стр. 374. Кастренъ прибавлялъ къ этому однако: «Преданія и многія названія мѣстностей, заимствованныя изъ финскихъ языковъ, доказываютъ, что финскіе народы во время оно проходили чрезъ эти степи» (тамъ же). Удостовѣряющихъ преданій онъ не приводитъ, изъ мѣстныхъ же именъ въ его Ethnologischen Vorlesungen (St. Petersburg, 1857, s.s. 97, 98) указываются рѣки Кемъ, Ія и Юсъ на томъ основаніи, что слово kemi по фински значитъ рѣка и что есть финская рѣка Ii. Такъ какъ онъ тутъ же приводитъ свѣдѣнія, что ія и ii слова самоѣдскія, значащія вода, и такъ какъ Кемъ есть туземное и древнѣйшее названіе Енисея, то по всей вѣроятности приведенныя мѣстныя имена суть самоѣдскія, если не динлинскія, и заимствованы финнами у самоѣдовъ или динлиновъ, а не наоборотъ. По завѣренію д-ра Европеуса, «Кастренъ считалъ родство финнскихъ племенъ и ихъ языка съ алтайскими народами и языками вопросомъ не рѣшеннымъ» (Ф. Кеппенъ «Матеріалы къ вопросу о первобытной родинѣ индо-европейскаго и финно-угорскаго племени» въ «Журналѣ мин. нар. просвѣщенія», 1886 г., августъ, стр. 207).

[3]). Въ 1883 г., въ одной могилѣ около Минусинска, г. Адріановъ нашелъ гипсовыя маски «штукъ до 20, но ни одной цѣльной не удалось добыть: гипсъ оказался рыхлымъ. Красная краска (окись желѣза) на маскахъ сохранилась мѣстами превосходно и была яркаго цвѣта. Нѣкоторыя маски отличались необыкновенныимъ изяществомъ,

антропологическихъ изслѣдованій енисейскихъ остяковъ, но антропологическое изученіе угро-остяковъ и вогуловъ бассейна р. Оби обнаружило, что между угро-финнами встрѣчается значительный процентъ длинноголовыхъ. Такъ какъ финны принадлежатъ къ короткоголовымъ народамъ, то длинноголовый элементъ у угро финновъ долженъ быть объясняемъ примѣсью къ финнамъ чуждой длинноголовой расы. Всего вѣроятнѣе примѣсь эта могла состоять изъ динлиновъ, отброшенныхъ тюрками съ юга на сѣверъ и западъ и смѣшавшихся тамъ съ финнами. Динлины однако не были единственнымъ народомъ, отличавшимся въ сѣверной и средней Азіи отъ монгольской расы свѣтлой окраской, обильной волосной растительностью и длинноголовостью. Къ той же, какъ они, расѣ принадлежатъ аборигены сѣверной части японскаго архипелага айны. По описаніямъ путешественниковъ, въ физіономіяхъ айновъ выражаются два типа: одинъ съ правильными, «почти кавказскими» чертами лица, другой — монголообразный [1]). По заключенію проф. Таренецкаго, изучавшаго черепа айновъ, народъ этотъ «не принадлежитъ ни къ кавказской, ни къ монгольской расѣ и образуетъ особую». Основной типъ черепа айновъ длинноголовый, мезоцефальный же является у нихъ какъ результатъ смѣси съ монгольскою расою [2]). Можно думать, что древняя сѣверно-азіатская длинноголовая раса простиралась не только до крайняго востока Азіи [3]), но и да-

---

чистотой работы и красотой типа. Одну маску, наиболѣе хорошо сохранившуюся, я снялъ прямо съ лицевой стороны черепа». «О маскахъ упоминается только у Палласа, со словъ кургаищиковъ, да недавно инородецъ принесъ въ минусинскій музей часть маски. Полагаю, что ни у кого нѣтъ такой коллекціи масокъ, какъ у меня... Изъ могилъ я вынулъ всѣ кости до единой, всѣ перенумеровалъ... Согласно обѣщанію всѣ коллекціи изъ кургановъ поступятъ въ собственность западно-сибирскаго отдѣла географическаго общества» («Извѣстія и. р. геогр. общества» 1883 г., стр. 250 и 251). По словамъ спутника г. Адріанова, г. Д. Клеменца («Древности минусинскаго музея», Томскъ, 1886 года, стр. 28 и 29), въ числѣ масокъ «попалась одна женская замѣчательной красоты, съ чертами лица чисто европейскими», но личныя впечатлѣнія дѣло весьма ненадежное тамъ, гдѣ возможны и необходимы изслѣдованія и измѣренія спеціалистовъ. Такъ, извѣстный антропологъ профессоръ Кольманъ, разсматривая коллекцію длинноголовыхъ череповъ, изъ древнихъ могилъ, присланную изъ Иркутска на международный конгресъ 1892 годъ въ Москву, нашелъ, что черепа эти хотя и долихоцефальны, но отличны отъ европейскихъ длинноголовыхъ череповъ и имѣютъ особую азіатскую форму (Travaux du Congrès international d'archéologie et d'anthropologie préhistoriques à Moscou, 1892, t. II, Moscou, 1893, p. 29).

[1]) Д. Н. Анучина «Племя айновъ» въ «Извѣстіяхъ и. м. общества любителей естествознанія» и пр., томъ 20, Москва, 1876 г., стр. 127.

[2]) Mémoires de l'Académie des sciences de St. Petersbourg, VII série, t. 37, № 13, 1890, s.s. 4, 47.

[3]) Въ Кидань-го-чжи (китайская исторія киданьскаго государства), составленной въ XII вѣкѣ, упоминается объ одномъ племени тунгузовъ, которое именовалось тамъ чу-чень (желтоголовое) и отличалось желтыми волосами и зелеными, желтыми или бѣлыми глазами (Schott—Über die ächten kirgisen, 1865, s. 444): можетъ быть это была помѣсь тунгузовъ съ динлинами.

леко на западъ, въ Европу: ей же, быть можетъ, принадлежатъ древнѣйшія могилы средней Россіи съ длинноголовыми черепами и бронзовыми издѣліями, имѣющими соотношенія къ енисейскимъ [1]).

Такъ какъ динлины занимали въ древности сѣверную Монголію и сѣверную часть киргизской степи, то безъ сомнѣнія не одни кыргызы были продуктомъ смѣшеній тюрковъ съ динлинами. Кыргызы повидимому являлись такимъ изъ тюркскихъ племенъ, происшедшимъ отъ помѣсей тюрковъ съ динлинами, у котораго, вслѣдствіе сильнаго перевѣса динлинскаго элемента, наружность особенно выражала динлинскія черты и выдѣлялась слишкомъ рѣзко изъ типовъ монгольской расы [2]). Но не должны были избѣжать помѣсей съ динлинами, въ меньшихъ размѣрахъ, и другія тюркскія племена, вытѣснявшія динлиновъ на сѣверъ. Надо поэтому предполагать динлинскія примѣси у теле, которые заняли земли динлиновъ въ Хангаѣ и не даромъ, конечно, назывались у китайцевъ «гаогюйскими динлинами», а также у меркитовъ и

[1]) Предполагающіе въ енисейскихъ и сѣверно-алтайскихъ народцахъ отуреченныхъ финновъ ссылаются на авторитетъ Кастрена и В. В. Радлова, которые изучили языки этихъ народцевъ и «доказали ихъ несомнѣнное сродство съ финскими нарѣчіями». Но Кастренъ, какъ цитировано выше, признавалъ въ енисейскихъ народцахъ отуреченныхъ самоѣдовъ и енисейскихъ остяковъ и соплеменниковъ послѣднихъ, а не финновъ, и находилъ у языка енисейцевъ лишь «весьма дальнее» сродство съ финнско-самоѣдскими языками, до такой степени дальнее, что сближалъ языкъ енисейцовъ съ китайскимъ, съ которымъ финнскіе языки не имѣютъ ничего общаго. Что касается В. В. Радлова, то въ Aus Sibirien (1884, B. 2, s.s. 142, 143) онъ говоритъ, что хотя въ статьѣ своей объ аборигенахъ Сибири въ «Живописной Россіи» онъ высказалъ предположеніе, что древнія могилы бронзоваго вѣка могутъ принадлежать угро-самоѣдамъ, но ближе ознакомившись съ китайскими извѣстіями VII вѣка о дубо, несомнѣнныхъ предкахъ туба-самоѣдовъ, онъ измѣнилъ свое мнѣніе и полагаетъ, что стоявшіе на низкой степени культуры самоѣды не могли оставить такихъ могилъ, которыя принадлежатъ населенію съ значительно развитою культурою; въ то же время китайскія извѣстія о «пѣгомъ народѣ» убѣдили его въ большой правдоподобности предположенія, что этотъ народъ,— описываемый китайцами имѣвшимъ свѣтлую окраску, но отличавшимся отъ кыргызовъ по языку,—принадлежалъ къ племени енисейцевъ, которое совершенно отличается по языку отъ черно-волосыхъ урало-алтайцевъ. Онъ поясняетъ, что это его мнѣніе о томъ, что енисейцы являются потомками древняго культурнаго народа Сибири, есть «только гипотеза, имѣющая за себя нѣкоторую вѣроятность». Онъ не отвергаетъ возможности, что этимъ народомъ были блокурые финны или, какъ предполагалъ Ритторъ, индо-европейцы, германцы или славяне, но пока доказательства ограничиваются ссылками на бѣлокурость и голубоглазость, онъ считаетъ свою гипотезу болѣе вѣроятною. Въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія акад. Радловъ замѣчаетъ (I, s. 189), что достаточно заглянуть въ кастреновскую грамматику остяцко-енисейскаго и коттскаго языка, чтобы убѣдиться, что языкъ этотъ не принадлежитъ къ урало-алтайскимъ.

[2]) По замѣчанію китайскаго ученаго Шыгу, жившаго, кажется, въ VII вѣкѣ, «усуньцы обликомъ весьма отличны отъ другихъ иностранцевъ западнаго края. Нынѣ тюрки съ голубыми глазами и рыжими бородами, похожіе на обезьянъ, суть потомки ихъ» («Собраніе свѣдѣній», III, стр. 65).

киреевъ, занявшихъ земли динлиновъ на Селенгѣ и Орхонѣ [1]). Надобно, наконецъ, допускать динлинскія примѣси и у тѣхъ тюрковъ, которые вытѣснили динлиновъ изъ сѣверной части киргизской степи; тутъ народныя преданія даютъ основанія видѣть помѣсь съ динлинами въ племени малой орды алчинъ, по одному сказанію котораго, приводимому Казанцевымъ [2]), киргизъ-казаки происходятъ отъ пѣгихъ людей.

Кромѣ динлиновъ, въ хребтѣ Саянскомъ и на его склонахъ на сѣверъ и югъ обиталъ народъ самоѣдскій, какъ это выяснилъ Кастренъ, который нашелъ еще на Енисеѣ остатки не вполнѣ отуреченныхъ самоѣдовъ и призналъ за нѣкоторыми мѣстными родами самоѣдское происхожденіе [3]). Представляются отуреченными самоѣдами также урянхайцы, но надо думать, что и въ остальныхъ, такъ называемыхъ, «лѣсныхъ народахъ» была значительная самоѣдская примѣсь.

Изъ окружающихъ Монголію народовъ вѣроятны помѣси тюрковъ: на востокѣ—съ тунгузскимъ племенемъ, существовавшія вѣроятно у татаръ, онгутовъ и джалаировъ, на югѣ—съ тибетцами и на сѣверо-западѣ—съ финно-уграми.

Существовали конечно и въ древности помѣси съ монголами, отражавшіяся, по тѣсному сосѣдству съ монголами, особенно на лѣсныхъ племенахъ, изъ которыхъ ойраты, составившіе основу калмыковъ, были повидимому помѣсью тюрковъ съ самоѣдами и монголами. Монгольское господство съ XIII вѣка выразилось вытѣсненіемъ большей части тюрковъ изъ Монголіи и омонголеніемъ оставшихся. Внѣ Монголіи примѣси монголовъ къ тюркамъ были незначительны, ибо число перешедшихъ въ улусы Джучія и Джагатая монголовъ было не велико. Тѣ черты у тюрковъ, которыя часто считаются указаніемъ монгольской примѣси, на самомъ дѣлѣ въ значительной степени составляютъ общее коренное достояніе тюрковъ и монголовъ, ибо изъ народностей Азіи монголы къ тюркамъ стоятъ всѣхъ ближе.

Что касается примѣсей китайской крови, то безъ сомнѣнія, имѣя китайцевъ сосѣдями съ глубочайшей древности и забирая ихъ въ плѣнъ во время набѣговъ тысячами, тюркскія племена должны были принимать въ себя не мало китайской крови. Однако, хотя несомнѣнно и вліяніе на тюрковъ китайской культуры, трудно, если только это и возможно, указать какіе-

---

[1]) Кость мэркытъ у торгоутовъ дала ростъ въ среднемъ 1679 мм., тогда какъ монгольская барунъ только 1593 мм. (А. А. Ивановскій «Антропологическій очеркъ торгоутовъ тарбагатайской области», Москва, 1893 г., стр. 56).

[2]) «Описаніе киргиз-кайсакъ», Спб., 1867 г., стр. 1.

[3]) «Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій», т. VI, стр. 417 и 123.

либо слѣды китайскихъ примѣсей въ отдѣльныхъ тюркскихъ племенахъ и народностяхъ внѣ Китая. Наоборотъ, тюркскія примѣси къ китайцамъ весьма рѣзко проявляются 15 милліонами дунганъ сѣвернаго и западнаго Китая, которые видимо суть потомки окитаенныхъ хунновъ, турковъ-тукю и уйгуровъ, десятками и сотнями тысячъ принимавшихъ китайское подданство, водворявшихся на сѣверѣ Китая и получавшихъ китайскій языкъ, одежду и значительную часть обычаевъ, но сохранившихъ большую часть своей тюркской крови, а съ нею и тюркскаго характера и наклонностей. Съ принятіемъ чрезъ посредство тюрковъ - соплеменниковъ мусульманства, эти окитаенные тюрки пріобрѣли, вдобавокъ къ прежней, новую преграду, отдѣляющую ихъ отъ китайцевъ.

IV. Тюркскія племена и народности Сибири и Монголіи.

1) Якуты.

Самымъ восточнымъ и сѣвернымъ изъ тюркскихъ племенъ являются нынѣ якуты, обитающіе главнымъ образомъ въ бассейнѣ р. Лены, но распропространившіеся отсюда на востокъ до Охотскаго моря и на западъ до нижняго Енисея. Зовутъ себя якуты сами саха, имя же якутъ образовалось, какъ обыкновенно полагаютъ, изъ названія еко или яко, которое давали имъ тунгузы [1]).

По приведенному въ «Сѣверномъ архивѣ» 1822 г. якутскому преданію («родословію»), якуты считаютъ у себя «два поколѣнія. Первое батилинское. Начальника онаго именуютъ Омогой Бай, который..., какъ думать должно, будучи вытѣсненъ изъ своихъ мѣстъ силою оружія въ лежащую около Иркутска братскую (бурятскую) землю, кочевалъ по р. Ленѣ; спустясь внизъ по оной, сперва останавливался на устьѣ Олекмы, а потомъ ниже, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Якутскъ... Второе поколѣніе почитаетъ себя происшедшимъ отъ нѣкоего Эллея, тоже приплывшаго по Ленѣ, но неизвѣстно откуда. Однако должно полагать, что и онъ происходитъ отъ тѣхъ же самыхъ татаръ [2]),

---

[1]) Böhtlingk—Die Sprache der Jakuten, S.-Petersburg, 1851, s. XXXVI. Ошибочное утвержденіе—«якуты сами себя называютъ зохами» (какъ напр. у г. К. Ельницкаго «Инородцы Сибири и средне-азіатскихъ владѣній Россіи, этнографическіе очерки, учебное пособіе», Спб., 1895 г., стр. 81),—пошло со времени неудачнаго перевода несовсѣмъ вѣрной нѣмецкой транскрипціи Георги этимъ самымъ словомъ («Описаніе всѣхъ обитающихъ въ россійскомъ государствѣ народовъ», второе изданіе 1799 года, часть 2, стр. 169).

[2]) Основываясь на сходствѣ имени саха съ сагай, неизвѣстный авторъ думалъ, что Омогой принадлежалъ къ племени сагай, котораго часть существуетъ понынѣ на Енисеѣ. По Н. Щукину, приводящему въ своей «Поѣздкѣ къ якутамъ» (Спб., 1844, стр. 271—275) одинъ изъ варіантовъ сказаній объ Омогоѣ и Эллеѣ, «сами якуты говорятъ, что они происходятъ отъ красноярскихъ татаръ», т. е. отъ сагайцевъ.

прибывъ спустя не малое время послѣ первыхъ, по слухамъ объ ихъ успѣхѣ»; онъ женился на дочери Омогоя, предпочтя ей другую, любимицу отца, который разсердился за такой выборъ и далъ въ приданое одну плохую кобылу. «Эллей однако разбогатѣлъ, произвелъ двѣнадцать сыновей, потомство коихъ составило многочисленное поколѣніе, въ которомъ верховное начальство осталось въ родѣ старшаго Эллеева сына Хагаласа, котораго именемъ и понынѣ называется кангаласкій улусъ, отъ него происшедшій... Племя же Омогоево, подъ именемъ батулинской волости, живетъ и нынѣ около Якутска,... будучи числомъ гораздо менѣе Эллеева потомства. Къ нимъ впослѣдствіи присоединились хоринцы», бурятскій родъ изъ-за Байкала. «Первое весьма темное извѣстіе о якутахъ получили россіяне отъ мангазейскихъ казаковъ въ 1620 году, но ясакъ взятъ тѣми же казаками не прежде 1630 г., первый же острогъ построенъ на якутской землѣ 1632 г.» [1]).

Это преданіе распространено между якутами и въ настоящее время повсемѣстно, во множествѣ варіантовъ, сохраняющихъ главныя его черты, съ различными дополненіями [2]). По указаніямъ на происхожденіе родовъ инте-

[1]) «Сѣверный архивъ» 1822 года, часть 3, стр. 204—209.

[2]) По словамъ В. Л. Сѣрошевскаго, который даетъ обширный и богатый бытовыми подробностями варіантъ, «всякій якутъ, неравнодушный къ преданіямъ своего народа, знаетъ его и можетъ передать съ большей или меньшой полнотою» («Якуты, опытъ этнографическаго изслѣдованія», томъ I, Спб., 1896 года, стр. 190). Баронъ Г. Майдель, въ «Историческихъ извѣстіяхъ о якутской области», составляющихъ третій отдѣлъ (s. s. 441—798) второй части его Reisen und Forschungen im Jakutskischen Gebiet Ost-Sibirien's (Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches etc., Vierte Folge, Band 2, St.-Petersburg, 1893, s. 454), излагаетъ то же преданіе въ слѣдующемъ видѣ: «По древнему якутскому сказанію, которое и теперь на Ленѣ извѣстно, якуты первоначально обитали на Енисеѣ, въ сторонѣ Красноярска; были оттуда вытѣснены и перешли на востокъ, въ бурятскія степи. Но тамъ они долго не удержались, потому что буряты отнеслись къ нимъ непріязненно и дѣлали на нихъ многократныя нападенія. Вслѣдствіе этого, приблизительно 400 лѣтъ тому назадъ, весь народъ, подъ предводительствомъ Омогея, по другимъ Оконома, собрался въ верховьяхъ Лены, построилъ тамъ челноки изъ воловьихъ шкуръ и плоты для скота изъ деревьевъ береговыхъ лѣсовъ и поплылъ по теченію рѣки, пока не нашелъ хорошихъ пастбищъ около устья Олекмы. Здѣсь онъ остановился. Чрезъ нѣкоторое время къ Омогею присоединился нѣкто Эльей, по однимъ свѣдѣніямъ якутъ, находившійся въ плѣну у бурятъ и отъ нихъ бѣжавшій, по другимъ же—бурятскій старшина пожелавшій присоединиться къ якутамъ. Эльей женился на дочери Омогоя или Оконома, и отъ 12 его сыновей произошли главные роды якутовъ; такъ, напр., отъ его сына Хангаласа ведетъ свое начало большое племя хангала или кангала, котораго жилища нынѣ простираются по обоимъ берегамъ Лены отъ Олекминска до Якутска. Одинъ изъ позднѣйшихъ старшинъ этого племени Тыхынъ или Тыгинъ построилъ укрѣпленный городокъ на горѣ Чебедалъ на правомъ берегу Лены. Но пришли русскіе, крѣпость его разрушили и построили на ея мѣстѣ острогъ». Къ сожалѣнію и здѣсь, какъ въ значительной части своихъ весьма интересныхъ «Историческихъ извѣстій», баронъ Майдель не указываетъ достаточно опредѣленно своихъ источниковъ, лишая этимъ, нерѣдко, свой замѣчательный трудъ полнаго научнаго значенія.

ресенъ варіантъ В. Л. Приклонскаго, по которому жену Оногой-бая звали Сара, а брата Улу-Хоро; единственнаго сына Оногоя именовали Барагай-батылы-кильтягай-тобукъ, и отъ него происходитъ улусъ баягантайскій; у Эръ-Эллея было шесть сыновей: старшій Лабынга-сюрюкъ былъ первымъ шаманомъ; отъ второго Хадатъ-хагаласъ происходятъ улусы кангаласскіе; отъ третьяго Джонъ-джагылы ведетъ начало батурусскій улусъ, отъ четвертаго Молотой-орхона происходитъ мегинскій улусъ, отъ пятаго Дели-дархана ведутся борогонскій и дюпсюнскій улусы, по именамъ двухъ его сыновей, Борогонъ-джарта и Сюрдяхъ-дюпсюна; отъ шестого Хатанъ-хата-малая происходитъ намскій улусъ [1]).

Основываясь на якутскихъ преданіяхъ, на тождествѣ имени саха съ сагай и на множествѣ этнографическихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ не только о южномъ, но и объ енисейскомъ происхожденіи якутовъ [2]), можно, вмѣстѣ съ Миллеромъ [3]) и большинствомъ писателей, касавшихся этого предмета [4]), считать весьма вѣроятнымъ, что якуты представляютъ собою часть

[1]) «Три года въ якутской области» въ «Живой старинѣ» 1890 г., вып. 2, стр. 27—30.

[2]) Много фактовъ въ подтвержденіе южнаго происхожденія якутовъ собрано въ прекрасномъ трудѣ В. Л. Сѣрошевскаго («Якуты», томъ I, глава 1 и другія мѣста этой книги). Къ приведеннымъ тамъ даннымъ второстепеннаго значенія можно прибавить между прочимъ енисейское происхожденіе единственнаго у якутовъ музыкальнаго инструмента. По г. Сѣрошевскому (стр. 591), у якутовъ «нѣтъ никакихъ музыкальныхъ инструментовъ, кромѣ хамысъ, прибора, состоящаго изъ желѣзной рамки съ пружиной по срединѣ, на которой играютъ пальцами, взявши рамку въ губы и варіируя тоны помощью зубовъ и языка. Приборъ этотъ похожъ на малороссійскую друмлю»... Именно такой инструментъ подъ названіемъ комсъ и теперь существуетъ у енисейскихъ тюрковъ, какъ видно изъ статьи г. Островскаго въ «Живой старинѣ» (вып. 3 и 4, 1895 г.) и помѣщеннаго имъ въ Zeitschrift für Ethnologie (Berlin, 1895, VI Heft, s. 617) рисунка. Разница противъ рисунка г. Сѣрошевскаго (стр. 613) главнымъ образомъ только въ грубости отдѣлки качинскаго комса, издѣлія урянхайцевъ.

[3]) По его «Описанію сибирскаго царства» (второе изданіе, 1787 года, стр. 21 и 22), якуты «сказываютъ, что въ давнія времена предки ихъ съ мунгалами и съ бурятами, которые имъ (нынѣ) по именамъ только знакомы, въ сосѣдствѣ жили, но прогнаны отъ нихъ войною, такъ что они въ верьху рѣки Лены съ своимъ скотомъ на плоты сѣли. и около Олекмы и Якуцкова поселились... Якуты называютъ самихъ себя соха. съ чѣмъ весьма изрядно сходствуетъ, что между татарами красноярскаго уѣзда имѣется еще небольшое поколѣніе, которое тѣмъ же именемъ называется».

[4]) В. В. Радловъ въ Aus Sibirien (1884, B. I, s. 134) склоненъ былъ признавать якутовъ за гулиганей танскихъ временъ. Эти гулигань, по «Исторіи династіи Тань» («Собраніе свѣдѣній» и пр., I, стр. 439 и 440), принадлежали къ числу гаогюйскихъ поколѣній, имѣли 5 т. войска и кочевали «по сѣверную сторону Байкала», вѣроятно болѣе или менѣе смежно съ дубо (урянхайцами), ибо князья обоихъ народцевъ пріѣзжали вмѣстѣ къ китайскому двору въ 647 году; земли гулиганей «на сѣверъ простирались до моря». Такъ какъ въ орхонскихъ надписяхъ 732 и 734 г. г. упоминается народецъ учь-курыканъ, то надо думать, что это и есть гулигань китайскихъ извѣстій, хотя

тюркскаго племени сагай, перешедшую съ Енисея въ бассейнъ Лены и получившую сильныя примѣси въ аборигенахъ этой страны тунгусахъ и въ сосѣднихъ съ нею съ юга бурятахъ. Труднѣе и дальше отъ удовлетворительнаго разрѣшенія вопросъ о времени переселенія предковъ якутовъ на Лену [1].

В. В. Радловъ, не выясняя основаній, помѣщаетъ курыкановъ въ число народовъ не тюркскихъ (Die alttürkischen Inschriften, 1895, s. 428). Въ «Исторіи династіи Юань», т. е. монгольской, описывается въ составѣ области кыргызовъ особый округъ Ангкола, именовавшійся такъ по рѣкѣ, въ немъ протекавшей, повидимому по рѣкѣ Ангара; языкъ жителей этого округа былъ «существенно» отличенъ отъ кыргызскаго, стало быть не тюркскій, хотя въ томъ же описаніи пояснено, что территорія Ангкола была землею тѣхъ кули (гулиганей?), о которыхъ говорится въ «Танъ-шу» (Schott-Ueber die ächten kirgisen, Berlin, 1865, s. s. 436, 454, 455). Если такимъ образомъ въ XIII вѣкѣ на мѣстахъ гулиганей-курыкановъ оказался народъ не тюркскій, а тунгузскій или самоѣдскій, то не ушли ли они на Лену и не были ли тамъ предками якутовъ? Подобное предположеніе мало вѣроятно, потому что ни въ памяти якутовъ, ни въ именахъ ихъ родовъ не сохранилось имени курыканъ или близкаго къ нему. Вѣроятнѣе, что существовавшій въ VII и VIII вѣкахъ подъ именемъ курыканъ союзъ гаогюйскихъ родовъ позднѣе, въ уйгурскую эпоху, передвинулся на югъ въ Монголію и тамъ, во время уйгуровъ или послѣ паденія ихъ царства, распался и вошелъ въ другіе союзы тюркскихъ родовъ.

[1]) По ак. Бетлингу, напр., который полагалъ, что якуты «первые отдѣлились» отъ остальныхъ племенъ тюркскаго языка («О языкѣ якутовъ», стр. 415), отдѣленіе якутовъ должно было совершиться во времена доисторическія. По г. Шкловскому («Очерки природы и населенія крайняго сѣверо-востока Сибири» въ «Землевѣдѣніи», 1894 года, кн. III, стр. 70), не приводящему однако своихъ источниковъ и основаній, «якуты явились на среднемъ теченіи Лены въ XIII вѣкѣ, вытѣсненные съ юга бурятами, которыхъ въ свою очередь вытѣснила изъ сѣвернаго Китая (?) монгольская орда ніуча (?)». Есть однако достовѣрныя извѣстія о переселеніи тюрковъ съ Енисея на юго-востокъ отъ Байкала въ концѣ XIII вѣка: именно въ «Юань-ши» упоминается Чао-чжеу, укрѣпленное мѣсто въ богатой рыбою древней землѣ Наянъ, которое устроено при императорѣ Кубилаѣ въ 1293 году; населеніе этого мѣста составила переселенная сюда «орда кыргызовъ». Приводя изъ «Исторіи династіи Юань» эти извѣстія, Шоттъ поясняетъ, не указывая источника, что земля Наянъ находилась въ Тунгузіи (Манчжуріи?), къ западу отъ жилищъ такъ называемыхъ водяныхъ татаръ (Über die ächten kirgisen, 1865, s. 464). Объ этомъ же переселеніи енисейскихъ тюрковъ упоминаетъ арх. Палладій: «Нѣкогда были въ Маньчжуріи осѣдлыя колоніи тюркскихъ племенъ съ Енисея: изъ кэргизъ, урянхайцевъ и хакасы, которыхъ Хубилай перевелъ (въ 1293 г.) въ Абалаху (облавы) по близости къ Амуру» («Записки и. р. гегр. общества, по отдѣленію этнографіи», томъ 4, 1871 г., стр. 446). Не невозможно, что главная масса этихъ переселенныхъ въ концѣ XIII вѣка на юго-востокъ отъ Байкала енисейскихъ тюрковъ состояла не изъ кыргызовъ собственно, а изъ соплеменныхъ имъ и занимавшихъ часть кыргызской области сагайцевъ, и что во второй половинѣ XIV вѣка, послѣ изгнанія монгольской династіи изъ Китая, во время происходившихъ затѣмъ въ Монголіи неурядицъ, будучи обижаемы и тѣснимы отодвинутыми на сѣверъ монголами, енисейцы Чао-чжеу ушли изъ верховьевъ Амура на Лену. Если это такъ, то получается ясная и понятная разгадка: почему якуты называютъ себя урангай-саха, какъ свидѣтельствуетъ о томъ г. Сѣрошевскій, который не могъ однако добиться удовлетворительнаго объясненія («Якуты», I, стр. 203). Если якуты суть потомки переселенцевъ въ Чао-чжеу, въ числѣ которыхъ были, по китайскимъ извѣстіямъ, урянхаи, то по главнымъ племенамъ переселенцы должны были называться урянхай—сагай. Не лишне также имѣть въ виду, что имена легендарныхъ

Достовѣрнымъ тутъ, кажется, можно полагать лишь то, что это переселеніе совершилось не позднѣе XIII и самое позднее XIV столѣтія, такъ какъ для образованія на Ленѣ довольно уже многочисленнаго народа, какимъ якуты найдены въ началѣ XVII вѣка русскими завоевателями Сибири, необходимо было конечно не менѣе двухъ—трехъ столѣтій, ибо численность первоначальныхъ переселенцевъ безъ сомнѣнія была не велика.

Изъ изслѣдованій В. Л. Сѣрошевскаго («Якуты», т. I, глава X), собравшаго массу наблюденій, всесторонне сопоставленныхъ, можно заключить, что основы рода (ага-уса, отчій родъ) и родовыхъ союзовъ у якутовъ лежатъ въ кровномъ родствѣ и въ хозяйственно-политическихъ особенностяхъ быта скотоводческихъ обществъ, при данныхъ мѣстныхъ и этнографическихъ условіяхъ. Первоначально родъ состоялъ изъ такого количества близкихъ и дальнихъ родственниковъ, какое могло получать средства къ существованію отъ общаго табуна лошадей (до 500 головъ), при пособіи звѣроловства и рыболовства. По мѣрѣ того, какъ численность членовъ рода начинала превышать норму, происходило дробленіе его на части, образованіе новыхъ родовъ: первоначальный родъ обращался въ родовой союзъ. При дальнѣйшемъ размноженіи родовичей и распространеніи пастбищъ на все болѣе и болѣе отдаленныя мѣстности совершалось раздробленіе первоначальныхъ родовыхъ союзовъ на второстепенные и т. д. Главные, первостепенные, родовые союзы назывались въ старину, до прихода русскихъ, бись-ага-уса или просто джонъ (народъ); низшими родовыми единицами были отчій родъ (ага-уса) и материнскій родъ (іе-уса), такъ какъ, при многоженствѣ, происходящіе отъ одной матери и одного отца составляли болѣе близко-кровную группу, чѣмъ дѣти одного отца, но разныхъ матерей. Русскіе завоеватели называли найденные ими у якутовъ родовые союзы волостями и улусами. Впослѣдствіи главные родовые союзы получили именованіе улусовъ, второстепенные названы наслегами, за частями же послѣднихъ осталось названіе родовъ. Таковы по крайней мѣрѣ нынѣшнія административно-общественныя дѣленія якутовъ [1]).

якутскихъ праотцевъ Оногоя и Эллея близки къ мѣстнымъ названіямъ въ верховьяхъ Амура: на истокахъ Малаго Агуза (бассейна р. Ингоды) есть «скалистая вершина, называемая Еллоо», на которой вьютъ свои гнѣзда коршуны-бородачи (по монгольски оллоо), а на р. Аргуни есть деревня Онохой (см. русскій переводъ «Землевѣдѣнія Азіи» Риттера, «Восточная Сибирь», вып. I, 1879 г., стр. 310, 340 и 361).

[1]) Каждымъ родомъ управляетъ родовой старшина, котораго якуты зовутъ малымъ княземъ, наслегомъ—родовое правленіе изъ наслежнаго старосты (большой князь) и родовыхъ старшинъ, наконецъ улусомъ—управа изъ головы и шести членовъ. Важнѣйшія дѣла рѣшаются собраніями: въ родѣ—изъ всѣхъ плательщиковъ, въ наслегѣ—изъ родовыхъ старшинъ и болѣе вліятельныхъ родовичей, въ улусѣ—изъ всѣхъ князей совмѣстно съ самыми богатыми и уважаемыми людьми улуса («Якуты», т. I, стр. 497 и 493).

Пока родовой бытъ еще держится у якутовъ, но корни его уже подорваны вслѣдствіе, главнымъ образомъ, измѣненій въ экономическихъ и отчасти духовныхъ основахъ жизни этого племени. Экономическая эволюція вызвана была размноженіемъ населенія и недостаточностью доставляемыхъ прежними формами хозяйства средствъ для его содержанія, состояла же она въ замѣнѣ въ скотоводствѣ лошадей рогатымъ скотомъ, и затѣмъ во введеніи и распространеніи хлѣбопашества.

Въ настоящее время существуетъ 18 якутскихъ улусовъ, 230 наслеговъ и 934 рода [1]). Имена улусовъ и наслеговъ приведены въ «Памятныхъ книжкахъ якутской области» (послѣдняя на 1896 годъ) и въ приложеніи къ труду г. Сѣрошевскаго «Якуты», имена же родовъ извѣстны лишь немногія. При разсмотрѣніи улусныхъ именъ оказывается, что имена всѣхъ 10 улусовъ, которые образованы изъ земель, занятыхъ якутами уже большею частію послѣ появленія русскихъ на Ленѣ, происходятъ отъ топографическихъ именъ: верхне-вилюйскій и средне-вилюйскій, верхне-янскій и усть-янскій, колымскій, олекминскій, мархинскій—отъ рѣкъ Вилюя, Яны, Колымы, Олекмы, Мархи, на которыхъ они расположены; сунтарскій—отъ озера того же имени, жиганскій—отъ соименнаго урочища (можетъ быть, впрочемъ, отъ тунгузскаго рода) и эльгетскій—вѣроятно отъ рѣчки Эльга (притокъ Алдана), откуда, быть можетъ, пришли составившіе его роды. Изъ остальныхъ 8 улусовъ, занимающихъ мѣста, гдѣ якуты найдены были при приходѣ русскихъ, только баягантайскій ведетъ, кажется, свое названіе отъ рѣки Баяга, по которой лежатъ его земли, остальные же семь улусовъ получили свои имена повидимому отъ именъ вождей или начальниковъ древнихъ родовыхъ союзовъ или, что менѣе вѣроятно, отъ древнихъ родовъ: восточно-кангаласскій, западно-кангаласскій, намскій, мегинскій, борогонскій, батурусскій и дюпсинскій.

По завѣреніямъ мѣстныхъ изслѣдователей, наслеги получали обыкновенно свои названія отъ того изъ составляющихъ ихъ родовъ, который считался старшимъ по происхожденію [2]). Поэтому и такъ какъ, во-первыхъ, трудно ожидать въ названіяхъ нынѣшнихъ родовъ,—все, по выше изложенному, позднѣйшаго и недавняго происхожденія,—сохраненія древнихъ родовыхъ именъ, и, во-вторыхъ, нетопографическія названія улусовъ скорѣе происходятъ отъ именъ

---

[1]) «Якуты», I, стр. 496 и 497.

[2]) Р. Маакъ «Вилюйскій округъ якутской области», часть 3, Спб., 1887 года, стр. 39. По мнѣнію неизвѣстнаго автора статьи «Якутскій родъ» и пр. (въ «Памятной книжкѣ якутской области на 1896 годъ», стр. 44) наслеги, до изданія Устава о сибирскихъ инородцахъ 1822 года, назывались по именамъ князцовъ, теперь же каждому наслегу присвоено особое названіе по имени предка, отъ коего этотъ наслегъ велъ свое происхожденіе.

вождей главныхъ родовыхъ союзовъ, образовавшихся подъ ихъ главенствомъ, надо думать, что остатки древнѣйшихъ родовыхъ именъ ближе найти въ именахъ наслеговъ. При разсмотрѣніи послѣднихъ зам̆чается, что нѣкоторые наслеги носятъ одинаковыя имена, различаясь числительными первый, второй и т. д. Они образовались очевидно изъ большихъ родовъ или даже изъ родовыхъ союзовъ, не попавшихъ въ число нынѣшнихъ улусовъ. Таковы: 5 наслеговъ джарханскихъ, въ двухъ улусахъ, раздѣляющіеся на 41 родъ, въ числѣ всего 11 т. душъ, 6 мальджегарскихъ—9.240 д., 4 бардонскихъ, 4 хатылинскихъ, 4 жехсогонскихъ, по 2 наслега меитскихъ, нахарскихъ, удюгейскихъ, мельджахсинскихъ и др. Конечно, большая часть наслежныхъ именъ, какъ родовыхъ и улусныхъ, происходитъ отъ топографическихъ названій и отъ именъ родоначальниковъ; но есть между ними происходящія явно отъ племенныхъ и родовыхъ именъ народностей, составляющихъ примѣси къ тюркской основѣ. Таковы, напр., наслеги хоринскіе въ улусахъ западно-кангаласскомъ, борогонскомъ, верхне-вилюйскомъ, сунтарскомъ, очевидно происходящіе отъ бурятскаго хоринскаго рода, обитающаго и нынѣ за Байкаломъ. Вѣроятно нѣкоторые имена наслеговъ происходятъ отъ именъ тунгузскихъ родовъ, слившихся съ якутами. Указываютъ, кажется мнѣ, на тюрко-енисейское происхожденіе якутовъ слѣдующія имена наслеговъ: эргитскій (въ западно-кангаласскомъ улусѣ), такъ какъ имя это тождественно съ нынѣшнею костью иргитъ у сагайцевъ и урянхайцевъ; кулятскій (въ верхне-вилюйскомъ у.), ибо это имя одного происхожденія съ костью куль у урянхайцевъ и койбаловъ на Енисеѣ; оюнъ-усинскій (въ намскомъ у.) повидимому тождественъ съ костью оинъ у урянхайцевъ; кыргыдайскій, если не происходитъ отъ имени озера Кыргыдай, упоминаемаго у Маака, можетъ быть бурятско-якутскою формою имени кыргызъ; въ имени наслега хатынъ-аринскаго можно [1]) видѣть потомство отъ женщины изъ племени

[1]) Въ цитированной уже выше статьѣ неизвѣстнаго автора «Описаніе якутовъ, ихъ происхожденіе» и пр., помѣщенной въ 3 части «Сѣвернаго архива», за 1822 годъ, говорится, что «творца всѣхъ существъ» якуты именуютъ «Аръ-тоіонъ, милостивый господинъ; они почитаютъ его женатымъ и супругу его называютъ Кю-бей-хотунъ, т. е. свѣтлѣйшею госпожею; вѣрятъ, будто бы она явилась ихъ предкамъ въ видѣ лебедя, а потому сію птицу многіе изъ нихъ не употребляютъ въ пищу» (стр. 211). Я уже упоминалъ, что Томашекъ, основываясь на послѣднемъ сказаніи, находитъ возможнымъ считать якутовъ потомствомъ или народомъ превратившагося въ лебедя сына праотца тюрковъ, по древней легендѣ VI вѣка о происхожденія тюркскихъ племенъ. Я не думаю, чтобы существовали достаточныя основанія относить переселеніе якутовъ на Леву къ столь раннимъ временамъ, и полагаю, что обращеніе лебедя въ онгонъ могло произойти у якутовъ и на Ленѣ, если не занесено было предками ихъ енисейскими тюрками, которые могли заимствовать культъ лебедя у кумандинцевъ.

ара, аринскаго, на Енисеѣ; чериктейскій наслегъ (дюпсюнскаго улуса) напоминаетъ поколѣніе чирикъ у тяньшаньскихъ кара-киргизовъ. Алтанскій наслегъ въ мегинскомъ улусѣ вѣроятно есть та волость временъ Георги, которая названа у него «алтайскою», «уповательно по прежнимъ ихъ мѣстамъ» [1]).

По г. Сѣрошевскому, у якутовъ «каждый родъ и каждый второстепенный родовой союзъ имѣли свои знаки-знамена или тамги, какъ ихъ называютъ воеводскія власти того времени, имѣли свои родовые кличи-ранъ (уранъ), свои военныя пѣсни и прозвища. Эти клики, пѣсни, формы и названія знаменъ совершенно забыты якутами. Разъ только случилось, что колымскіе якуты кангаласскаго рода сказали мнѣ, что знакъ ихъ въ старину былъ беркутъ, барыласъ. Названія многихъ родовъ и союзовъ, какъ лисица, сасылъ, медвѣдь, эсе, Венера, чолбынъ, желудокъ, исъ, плѣшивый, тарагай, обжора, мангысъ, и т. под., указываютъ приблизительно, какія могли быть у нихъ знамена. Среди нихъ чаще всего встрѣчаются лукъ, затѣмъ рогатый скотъ, лошади, рыбы». Въ числѣ части знаменъ, скопированныхъ г. Сѣрошевскимъ, въ качествѣ наиболѣе интересныхъ, съ рукоприкладствъ якутовъ на податной описи мегинской волости 1671 г., нѣтъ тамгъ, которыя были бы пригодны для тавренія скота; все изображенія животныхъ и предметовъ, состоящія изъ разнообразныхъ кривыхъ и сходныя съ подобнаго рода знаменами березовскихъ и другихъ инородцевъ, изданными г. Оглоблинымъ. В. Л. Сѣрошевскій замѣчаетъ: «среди этихъ знаковъ неизвѣстно, какіе родовые, какіе семейные или личные... Возможно, что тамги были привилегіей нѣкоторыхъ, что у многихъ изъ подписывающихся не было знаковъ, и они ихъ тутъ же были принуждены выдумать»... [2]). Въ изданномъ пока первомъ томѣ «Якутовъ» нѣтъ никакихъ свѣдѣній о мѣтахъ или таврахъ для скота у якутовъ; не встрѣчалось мнѣ такихъ свѣдѣній и въ другихъ источникахъ, но странно было бы, если бы у скотоводческаго доселѣ народа не существовало мѣтъ для скота. У Миддендорфа [3]) помѣщенъ любопытный рисунокъ якутскаго карди (календарь-пасхалія) изъ слоновой кости, въ которомъ дни означены зарубками, а праздники (православные) особыми каждый знаками. Значительная часть этихъ знаковъ тождественна съ родовыми тамгами киргизъ-казаковъ и другихъ тюркскихъ кочевниковъ. Такъ знакъ ┼ служитъ тамгою у киреевъ, ⁘|⁘ у кипчаковъ

---

[1]) «Описаніе всѣхъ обитающихъ въ россійскомъ государствѣ народовъ», Спб., 1799 г., часть 2, стр. 170.

[2]) «Якуты», томъ I, стр. 469—471.

[3]) «Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири», вып. 7, Спб., 1878 г., стр. 762.

(только безъ точекъ); (у кара-киргизскаго поколѣнія султу; N есть буква ŏ и ў тюрко-орхонскаго алфавита, въ карди же этотъ знакъ означаетъ праздникъ Трехъ Святителей. Если эти и подобные знаки не употребляются у якутовъ въ качествѣ знаковъ собственности, то появленіе ихъ въ карди представляется совершенно загадочнымъ.

По свѣдѣніямъ Георги, относящимся ко второй четверти XVIII столѣтія, якуты платили съ 35.179 податныхъ душъ. По Кеппену, въ 1795 г. считалось якутовъ 50.066 душъ муж. пола. Въ 1838 году полагали ихъ численность до 86 т. душъ муж. пола [1]). По губернаторскому отчету за 1885 г. населеніе якутской области состояло изъ 251.826 д. о. п., въ томъ числѣ якутовъ 219.866 д. [2]). По свѣдѣніямъ за 1891 годъ можно считать якутовъ въ якутской области и въ енисейской губерніи 221.776 д. обоего пола [3]), но есть еще якуты въ приамурскомъ генералъ-губернаторствѣ и въ иркутской губерніи, о числѣ которыхъ свѣдѣній не имѣю [4]).

---

[1]) Н. Щукина «Поѣздка къ якутамъ», 1844 г., стр. 171. Нѣсколько иныя цыфры собраны за разные года Беромъ въ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, B. 7, St.-Petersburg, 1845, s.s. 89—95; между прочимъ по ревизіи 1783 г. считалось якутовъ муж. пола 42.956 душъ и женскаго 41.607, всего 84.563 д. о. п.

2) М. С. Вруцевича «Обитатели, культура и жизнь въ якутской области» въ «Запискахъ и. р. геогр. общества, по отд. этнографіи», томъ 17, вып. 2, 1891 года, стр. 3, 4, 29.

[3]) За 1891 годъ имѣется о числѣ якутовъ въ якутской области нѣсколько печатныхъ цифръ, все по офиціальнымъ источникамъ. Такъ у г. Іохельсона («Замѣтки о населеніи якутской области» и пр. въ «Живой старинѣ», 1895 г., вып. 2, стр. 133) якутовъ въ области показано 229,561 д. о. п., какъ и въ его же статьѣ того же содержанія въ «Памятной книжкѣ якутской области на 1896 годъ». Но по помѣщенному въ той же «Памятной книжкѣ» списку населенныхъ мѣстъ оказывается (стр. XXIII), что 229.564 д. о. п. есть цифра не однихъ якутовъ, а всѣхъ инородцевъ; за вычетомъ не якутовъ, въ числѣ 10.566 д. (въ томъ числѣ 8.877 д. тунгузовъ), какъ видно изъ того же списка, якутовъ должно бы оказаться 218.998 д., но при сложеніи поуѣздныхъ итоговъ того же списка получается якутовъ только 213.456 д. Недоумѣнія увеличиваются еще тѣмъ, что на стр. II цифра всѣхъ инородцевъ области опредѣлена въ 224.022 д., а все населеніе области показано въ 245.368 д., тогда какъ по подведеніи итога поуѣздныхъ цифръ на стр. I другой статьи той же «Памятной книжки» получается цифра всего населенія области въ 268.155 д. Я остановился на цифрѣ г. Сѣрошевскаго («Якуты», т. I, стр. 211), такъ какъ она основана на офиціальныхъ же данныхъ и болѣе соотвѣтствуетъ цифрамъ предшествующихъ лѣтъ.

[4]) Вамбери, по какимъ-то недоразумѣніямъ, считаетъ якутовъ только около 80.000 душъ обоего пола (Das Türkenvolk etc., 1885, s. 165, и The Turco-Tatars въ The Journal of the Manchester Geographical Society, 1892, vol. 8, N-os 1—3, p. 5). У Ядринцева («Сибирскіе инородцы», Спб., 1891 г.) якутовъ показано 239.120 д. Въ изданіи канцеляріи комитета министровъ «Наканунѣ всеобщей переписи. Алфавитный списокъ народовъ, обитающихъ въ Россійской имперіи», Спб., 1895 г., численность якутовъ въ якутской и приморской областяхъ и въ иркутской и енисейской губерніяхъ, по свѣдѣніямъ за 1893 г., означена въ 230.433 д., но я не пользуюсь этой цифрой, въ виду возможности включенія въ ея составъ одной изъ сомнительныхъ цифръ по якутской области, которыя приведены выше по «Памятной книжкѣ» на 1896 годъ.

2) Южно-сибирскія тюркскія племена.

Историческія и лингвистическія данныя и родовыя имена, въ настоящее время, согласно выясняютъ, что занимающія нынѣ Алтай съ его сѣверными скатами и хребты Саянскій и Танну-ола съ ихъ сѣверными и южными склонами народности тюркскаго языка суть тюрки и отуреченные самоѣды и енисейцы (т. е. «пѣгій народъ», потомки динлиновъ). Гдѣ бы ни находилась прародина тюрковъ, но въ историческія времена пригодныя для кочевниковъ-скотоводовъ долины въ бассейнахъ Чарыша, Катуни, Чуи и Телецкаго озера, вообще внутренній или собственно Алтай, всегда были заняты тюрками. Именно отсюда тюрки выходили въ Монголію, а равно распространялись на сѣверъ Алтая и на востокъ, въ бассейнъ верхняго Енисея, на обѣ стороны Саянскаго хребта, въ земли, первоначально занимавшіяся самоѣдами и енисейцами, постепенно ихъ отуречивая. Это отуреченіе, происходившее путемъ подчиненія енисейскихъ и самоѣдскихъ народцевъ для взиманія дани и путемъ помѣсей съ ними, производилось въ бассейнѣ верхней Оби тюрками Алтая, въ бассейнѣ же Енисея выселившимися на Абаканъ въ глубокой древности тюрками, составившими въ смѣси съ динлинами племя кыргызовъ. Не вдаваясь въ изложеніе предшествующей исторіи кыргызовъ и алтайцевъ, упомянемъ, что въ началѣ XVII вѣка на властвованіе надъ алтайцами и кыргызами и ихъ данниками заявляли притязанія русскіе завоеватели Сибири изъ Томска, основаннаго въ 1604 году, монгольскіе алтынъ-ханы, владѣвшіе бассейнами Улугъ-Кема и Кемчика и озера Убса-нора, и калмыки. И алтайцы, и кыргызы подчинились послѣднимъ, водя борьбу съ русскими, отнимавшими у нихъ данниковъ, въ средѣ которыхъ были построены города Кузнецкъ и Красноярскъ. Осенью 1703 г. [1]), во избѣжаніе столкновеній съ Россіею, цзунгары увели кыргызовъ въ свои земли, алтайцы же оставались въ калмыцкомъ подданствѣ, составляя цзунгарскій отокъ теленгетъ въ 4 т. кибитокъ [2]), до 1756 г.; только съ этого времени, спасаясь отъ монгольскихъ и китайскихъ войскъ, преслѣдовавшихъ ихъ, какъ приверженцевъ цзунгаровъ, алтайцы окончательно приняли русское подданство, и лишь часть ихъ на самомъ югѣ оставалась до 1869 г. въ двоеданствѣ, платя подать и китайцамъ.

а) Алтайцы и телеуты.

Кочующіе нынѣ въ бассейнахъ верхняго Чарыша, Катуни и Телецкаго озера алтайскіе тюрки у русскихъ зовутся алтайскими горными или бѣ-

---

[1]) «Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка», книга I, Спб., 1882 г., стр. 232.

[2]) Іакинфа «Историческое обозрѣніе ойратовъ», Спб., 1834 г.

лыми калмыками и просто калмыками, сами же называютъ они себя изрѣдка ойротами (все въ ту же память былой подвластности ойратамъ или калмыкамъ), обыкновенно же именуютъ себя алтай-киши (алтайскіе люди) или по рѣкамъ чу-киши и т. д.; живущіе на Башкаусѣ зовутъ себя уланъ, а на Чулышманѣ—телесъ. Роды или кости ихъ слѣдующія: найманъ, меркитъ, кыпчакъ, канъ, кергитъ, ыргытъ, мундусъ, ара, тотошъ, чапты, тоншонъ, алматъ, кебекъ, кӧдъӧ, танду, пайлагасъ, йыттасъ, котты, сакалъ, телесъ, йыдакъ, кыргызъ, сойонъ, монголъ, сартъ. Языкъ алтайцевъ «есть чистое тюркское нарѣчіе съ печатью глубокой древности»; вслѣдствіе долгой подвластности и сосѣдства съ калмыками въ немъ много монгольскихъ словъ, совершенно, однако, переработанныхъ на тюркскій ладъ.

Къ алтайцамъ стоятъ близко по языку телеуты, называющіе себя теленгетами и кара-калмыками, вѣроятно вслѣдствіе продолжительнаго подданства ойратамъ [1]). Въ XVII вѣкѣ телеуты, должно быть, стояли во главѣ всѣхъ алтайскихъ племенъ, ибо только съ ними и ихъ князьями вели сношенія и имѣли столкновенія томскіе и кузнецкіе воеводы. Исключеніе составляли телесы и ихъ князья, которые, послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ русскими, во второй половинѣ XVII вѣка, кажется, оставляли на время свои земли, уйдя на югъ или на юго-востокъ, къ урянхайцамъ. Съ поступленіемъ около этого времени въ подданство ойратовъ, имя телеутовъ у алтайцевъ повидимому исчезаетъ, ибо они носятъ у калмыковъ названіе теленгетовъ или теленгутовъ. Появляется оно снова въ XVIII вѣкѣ, когда таулеleутами называется та небольшая часть алтайцевъ, которая обитала на р. р. Семи и Наймѣ, притокахъ Катуни, и кромѣ дани цзунгарскому хану платила ясакъ и русскимъ [2]). Во время путешествій по Алтаю В. В. Радлова, въ шестидесятыхъ годахъ, племя телеутовъ, вообще сильно обрусѣвшее, обитало въ числѣ 2.991 д. въ кузнецкомъ округѣ (на р. Бачатъ) и въ числѣ 2.791 д. въ бійскомъ округѣ въ селеніяхъ алтайской духовной миссіи на р. Наймѣ и другихъ, бассейна Катуни, но послѣдніе не были большею частію мѣстными жителями, а переселились сюда изъ кузнецкой степи послѣ учрежденія миссіи (1828 г.) [3]). За неимѣніемъ свѣдѣній о томъ, какъ и когда попали телеуты въ кузнецкій округъ, можно, на основаніи приводимаго В. В. Радловымъ телеутскаго преданія [4]), полагать, что переселился туда изъ Алтая въ XVII вѣкѣ одинъ

---

[1]) Radloff. Aus Sibirien, I, s.s. 215, 216, 257, 258. Того же автора Ethnographische Uebersicht der Türkstämme Sibiriens und der Mongolei, Leipzig, 1883, s.s. 12, 13.

[2]) Г. Н. Потанинъ, по омскимъ архивнымъ свѣдѣніямъ, въ Дополненіяхъ къ русскому переводу Азіи Риттера, томъ 4, Спб., 1877 г., стр. 368.

[3]) Тамъ же, стр. 389 и 360. Aus Sibirien, I, s. 216.

[4]) Aus Sibirien, I, s.s. 177, 178.

изъ телеутскихъ князей, искавшій защиты у русскихъ отъ калмыковъ; съ нимъ ушла большая часть племени, меньшая же осталась на Наймѣ, гдѣ и дождалась учрежденія миссіи и переселенія части телеутовъ изъ кузнецкаго округа обратно на Катунь. Кости у телеутовъ слѣдующія: торо, очу, миркитъ, ак-туматъ, кара-туматъ, чоросъ, кыпчакъ, сартъ, найманъ, телесъ, торгулъ, мундусъ, кочкоръ-мундусъ, тотошъ, пурутъ, чалманъ. У живущаго смѣшанно съ телеутами народца ачъ-кештимъ, который значится въ данной выше цифрѣ телеутовъ кузнецкаго округа, слѣдующія кости: йюты, тёртъ-асъ (четыре горностая), чингизъ, анъ [1]).

При сличеніи ачъ-кештимскихъ костей съ алтайскими и телеутскими становится яснымъ, что въ числѣ первыхъ нѣтъ древнихъ тюркскихъ костей и что вообще имена первыхъ не имѣютъ съ послѣдними ничего общаго. Отсюда слѣдуетъ заключить, что народецъ ачъ-кештимъ, какъ и окружающія его племена кузнецкаго округа, долженъ состоять изъ отуреченныхъ самоѣдовъ и енисейцевъ. Отуреченіе его совершилось значительно ранѣе VIII вѣка, какъ видно изъ того, что народецъ ачъ упоминается въ надписяхъ тюркскаго письма близъ деревни Чирковой и на Кара-Юсѣ, а въ надписи на Элегечѣ значится племя ачъ-беligъ. Народецъ кешдимъ фигурируетъ въ надписи на Кая-баши [2]); онъ же въ формѣ кесыдіинъ и кешидими поминается въ числѣ племенъ, покоренныхъ монголами при Чингизъ-ханѣ, одновременно съ кыргызами, тоелѣсы (телесъ) и толянъу (теленгутъ) [3]). Въ актахъ XVII вѣка отуреченные енисейскіе и самоѣдскіе народцы, данники кыргызовъ, постоянно именовались кыштымами, такъ что это имя обратилось уже въ нарицательное: такъ, напр., въ 1642 году кыргызскіе князья отказались выдать кузнецкимъ служилымъ людямъ, посланнымъ за бѣжавшими съ Мрассы и Кондомы ясашными людьми, требуемыхъ бѣглецовъ, на томъ основаніи, что люди эти «кыштымы ихъ киргизскіе, а пришли де къ намъ кормиться» [4]).

[1]) Aus Sibirien, I, 216, Ethnographische Uebersicht etc., s. 14. По словамъ мисс Вербицкаго: «происхожденіе сеок'овъ (костей у сѣверныхъ тюрковъ) различно. Одни имѣютъ родоначальниками людей, другіе происходятъ отъ горъ,... иные—отъ пней древесныхъ, напр. тастар (плѣшивые) и пр.» («Алтайскіе инородцы. Сборникъ этнографическихъ статей и изслѣдованій алтайскаго миссіонера протоіерея В. И. Вербицкаго», Москва, 1893 г., стр. 9). Просматривая у Вербицкаго имена животныхъ по алтайски, я замѣтилъ, что изъ именъ этихъ встрѣчаются въ именахъ костей и родовъ слѣдующія: горностай (ас), бурундукъ (куорюк), хорекъ (кузен), ворона (карга), лебедь (куу), пчела (ары). Конечно, это результатъ почитанія духовъ предковъ, носившихъ имена животныхъ.

[2]) Radloff—Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, St.-Petersburg, 1895, s. 428.

[3]) «Труды росс. духовной миссіи въ Пекинѣ» томъ 4, стр. 235, и «Восточный сборникъ», томъ I, 1877 г, стр. 191.

[4]) «Историческіе акты XVII столѣтія», изданные Иннок. Кузнецовымъ, Томскъ, 1890 года, стр. 8.

Въ многочисленныхъ костяхъ алтайцевъ и телеутовъ много общихъ, а потому надо признать, что телеуты и теленгуты или теленгиты, какъ зовутъ себя чуйцы, одинъ и тотъ же народъ, тѣмъ болѣе, что истинное имя этого народа очевидно есть теле, а приставки монгольскаго множественнаго числа утъ или гутъ приданы къ имени теле лишь во время владычества надъ алтайцами западныхъ монголовъ. Имя теле, какъ знаемъ мы изъ древнихъ китайскихъ свѣдѣній, носили племена гаогюйцевъ, а потому нужно полагать, что теле, въ качествѣ общаго имени для населяющихъ собственный Алтай тюркскихъ родовъ, явилось вслѣдствіе численнаго или инаго преобладанія гаогюйскихъ родовъ надъ остальными. Въ наличныхъ костяхъ нѣтъ исторически извѣстныхъ, какъ именно гаогюйскія племенныя или родовыя имена. Остается предположить, что къ гаогюйцамъ или теле принадлежали кости мундусъ и тотошъ. На значеніе этихъ костей указываетъ то, что ко второй принадлежатъ два зайсана (наслѣдственные старшины или князья, правящіе алтайскими дючинами или волостями), а къ первой одинъ. Остальные извѣстные четыре зайсана происходятъ изъ костей кыпчакъ, иргытъ, найманъ и телесъ. [1]) О кости мундусъ можно замѣтить еще, что она очень древняя, ибо встрѣчается въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ кара-киргизовъ, въ составъ которыхъ вошла конечно до Р. Х., когда кара-киргизы находились еще между Саянскимъ хребтомъ и Таньшанемъ. Телесъ есть имя племени особаго отъ теле, потому что съ монгольскими окончаніями изъ него вышло бы телесутъ и телесгутъ, а не телеутъ и теленгутъ. Надо полагать, что это остатокъ турковъ-тукю, у которыхъ, какъ видно изъ надписей на памятникахъ Кюльтегину и Могилянь-хану на Орхонѣ, существовало два главныхъ рода или племени телесъ и тардушъ, правители которыхъ, всегда изъ ближайшихъ родственниковъ хана, назывались для перваго ябгу (шеху у китайцевъ по чтенію о. Іакинфа и др.) и у второго шадъ. Отъ тардушей, занимавшихъ земли на западѣ турецкихъ владѣній, нынѣ нѣтъ слѣдовъ, отъ телесовъ же,—считавшихся восточными, въ качествѣ старшаго рода, если не по положенію земель,—оказываются остатки въ Алтаѣ, отечествѣ турковъ-тукю. Подобнымъ образомъ можно считать остатками одноименныхъ большихъ тюркскихъ племенъ кости найманъ (отъ р. Найма, притока Катуни), канъ (канглы, отъ р. Кана, притока Чарыша) и кыпчакъ. Невѣроятно, чтобы изъ нихъ кыпчакъ и канглы были въ Алтаѣ не аборигенами, а случайными пришельцами съ отдаленной Сыръ-дарьи и изъ-за Балхаша. Зато представляются случайно нашедшими въ Алтаѣ убѣжище такія частицы народовъ и племенъ, обитав-

[1]) Aus Sibirien, I, s.s. 251, 252.

шихъ въ разное время вблизи Алтая, какъ кости меркитъ, кыргызъ, сойонъ (урянхайцы), чоросъ, монголъ. Нахожденіе костей сартъ и пурутъ (калмыки именовали тяньшанскихъ кыргызовъ бурутами) можно объяснить тѣмъ, что сарты и буруты были приведены калмыками въ ихъ при-алтайскія земли въ качествѣ плѣнныхъ и затѣмъ нашли убѣжище у алтайцевъ. Вѣроятно, также бѣглецами явились въ Алтай частицы отуреченныхъ енисейцевъ изъ племени ариновъ (кость ара), коттовъ (котты) и проч. Чоросъ есть главный цзунгарскій родъ, къ которому принадлежали ölёты и дюрбеты. Ыргытъ В. В. Радловъ считаетъ кыргызскимъ родомъ [1]).

По переписи 1763 года считалось въ пяти алтайскихъ дючинахъ 475 душъ муж. пола; въ 1804 г. алтайцевъ числилось 1.204 души муж. пола [2]), вѣроятно безъ двоеданцевъ. По свѣдѣніямъ шестидесятыхъ годовъ, В. В Радловъ полагалъ у алтайцевъ 14—15 т. душъ обоего пола. По Ядринцеву (1880 г.) численность ихъ равнялась 17.014 д. о. п. [3]) Позднѣйшихъ свѣдѣній нѣтъ [4]).

Общее число алтайцевъ (17.014 д.) и телеутовъ (5.782) будетъ по устарѣлымъ, особенно относительно телеутовъ, свѣдѣніямъ, 22.796 д. о. п.

---

[1]) Aus Sibirien, I, s. 217.

[2]) Дополненія къ р. переводу Азіи Риттера, томъ 4, 1877 г., стр. 381.

[3]) «Записки западно-сиб. отдѣла геогр. о.», кн. 4, 1882, стр. 45. «Сиб. инор.», 1891 г.

[4]) Въ «Статистикѣ р. имперіи», XXIX, «Волости и населенныя мѣста 1893 года», вып. 10, «Томская губернія», Спб., 1894 года, приведено число душъ только въ первой дючинѣ (3.906 д.), между тѣмъ дючинъ всего девять.

Въ «Алфавитномъ спискѣ», изд. канцеляріею комитета министровъ, 1895 г., алтайцы и телеуты значатся подъ именемъ теленгутовъ, народа «монгольскаго племени, значительно отатарившагося», съ численностью въ 18.470 д. по свѣдѣніямъ 1859 г., и они же вѣроятно фигурируютъ подъ именемъ калмыковъ бійскаго округа въ цифрѣ 200 т. калмыковъ, ибо никакихъ калмыковъ кромѣ «бѣлыхъ» въ бійскомъ округѣ нѣтъ. Вообще старинное именованіе тюрковъ-алтайцевъ «бѣлыми калмыками» для отличія отъ истинныхъ калмыковъ служитъ камнемъ преткновенія для нашей офиціальной статистики. Такъ и въ «Статистикѣ Россійской имперіи» («Волости и населенныя мѣста 1893 года. Томская губернія», стр. 70) алтайцы и телеуты зачислены въ монголы.

Въ сообщеніи о поѣздкѣ къ теленгутамъ въ 1896 г., сдѣланномъ г. Калачовымъ въ отдѣленіи этнографіи и. р. географическаго общества, дана была цифра теленгетовъ въ 35 т. д. о. п., но надо полагать, что эта цыфра, во всякомъ случаѣ не точная, а приблизительная, относится на самомъ дѣлѣ ко всѣмъ инородцамъ южной части Томской губерніи, въ раіонѣ дѣятельности алтайской духовной миссіи, гдѣ г. Калачовъ повидимому получилъ приведенную цыфру. Численность чуйцевъ, т. е. алтайцевъ, кочующихъ на р. Чуѣ, называющихъ себя теленгитами (Aus Sibirien, I, s. 215) или теленгетами и составляющихъ двѣ дючины или волости, которыя только и были посѣщаемы г. Калачовымъ, не можетъ превышать 5—6 т. д. о. п., если даже взять двойную или тройную цифру противъ приблизительно данной г. Радловымъ тридцать лѣтъ тому назадъ (2—3 т. душъ для всѣхъ двоеданцевъ).

б) Отуреченные енисейцы и самоѣды бассейна верхней Оби.

Къ этой группѣ, состоящей изъ енисейцевъ (динлиновъ) и самоѣдовъ, отуреченныхъ вѣроятно алтайскими тюрками непосредственно, ибо ихъ діалекты близки къ нарѣчію алтайцевъ, относятся:

1) Куманд инцы, обитающіе въ бассейнѣ Біи и дѣлящіяся на верхнихъ (роды со и кубанды или куманды) и нижнихъ (роды тастаръ [1]), юты, чабрашъ и тонъ-кубанды) [2]). Первыхъ (1893 г.) считается 1.023 д. и вторыхъ 2.557 д., всего 3.580 душъ обоего пола [3]).

2) Лебединцы, языкъ которыхъ не отличается отъ кумандинскаго, на р. Лебеди (Ку по тюркски), изъ двухъ родовъ: якши и чалманъ. Считалось лебединцевъ въ 1858 г. (шелкальская волость) 514 д. о. п. [4]).

3) Черневые татары [5]) (йышъ-киши),—которыхъ алтайцы зовутъ туба, почему В. В. Радловъ признаетъ ихъ отуреченными самоѣдами,—обитаютъ между Телецкимъ озеромъ и Катунью; языкъ ихъ близокъ къ алтайскому, но особенности его указываютъ, что отуреченіе самоѣдовъ произведено было киргизами, а это приводитъ В. В. Радлова къ мысли, что пришли они въ нынѣ занимаемыя мѣста въ началѣ прошлаго столѣтія уже отуреченными. Ихъ пять племенъ: кюзенъ (роды кюзенъ и чеднбешъ), тиргешъ (роды тогусъ, йобуръ, чыгалъ), кöмнöшъ, (роды кöмнöшъ, яланъ, тонъ, чыгалъ и паланъ), юсъ (роды юсъ и шоръ) и торгулъ, всего, въ шестидесятыхъ годахъ, въ числѣ 3.464 д. о. п.

4) Шоръ [6]) живутъ въ покрытыхъ лѣсами горахъ между Телецкимъ озеромъ и вершинами р. Томи, на р. р. Томи, Мрассѣ, Пызасѣ, Кобурѣ и Кондомѣ. В. В. Радловъ считаетъ шоровъ потомками татаръ-кузнецовъ XVII вѣка, которыхъ, по словамъ Фишера, «называли кузнецами потому, что они

---

[1]) Въ числѣ покоренныхъ монголами при Чингизъ-ханѣ енисейскихъ и алтайскихъ народцевъ упоминается тасы («Труды» пек. дух. миссіи, т. 4, стр. 235).

[2]) Aus Sibirien, I, s. 215, 216.

[3]) «Томская губернія», 1894 г.

[4]) Упомянутыя «Дополненія», 1877 г., стр. 438.

[5]) Іишъ (у русскихъ чернь), есть лѣсъ, состоящій изъ пихтъ и кедровъ, горы же, покрытыя лѣсомъ изъ лиственницъ, отличающихся рѣдкимъ насажденіемъ, туземцы называютъ тага или тайга.

[6]) Имя это можетъ происходить отъ р. Шоръ, лѣваго притока р. Томи въ ея верховьяхъ; упоминается напр. въ «Исторіи и. р. геогр. общества», С.-Петербургъ, 1896 года, стр. 667. Такъ какъ многія кости (напр. кый, кобыръ, кызай на р.р. Кый-засѣ, Кобыр-су, Кыз-засѣ, по А. В. Адріанову, въ «Извѣстіяхъ и. р. геогр. общества», 1883 г.) носятъ имена рѣкъ, на которыхъ обитаютъ, то имена многихъ отуреченныхъ родовъ и костей происходятъ, подобно именамъ тюркскихъ племенъ и родовъ, отъ названій рѣкъ и урочищъ.

изъ рудъ плавили желѣзо и дѣлали изъ него разныя вещи на свою потребу... Они тогда жили въ природной своей вольности, кромѣ того, что наѣзжали къ нимъ киргизы, отъ которыхъ должны были откупаться подарками своей работы» [1]). В. В. Радловъ полагаетъ, что шоры суть отуреченные кыргызами енисейцы, такъ какъ языкъ ихъ близокъ къ сагайскому. Роды у нихъ слѣдующіе: кызай (кызылъ-кая), таяшъ, кый, кара-шоръ, сарыгъ-шоръ, карга, чедебесъ, конгы, койы, челей, себе, тарткынъ, уста, кобый, аба, тагапъ, керешъ, баръ-союзъ, шалкалъ, чарагашъ, бешъ-боякъ. Первые семь родовъ имѣются и у сагайцевъ. Численность шоровъ, раздѣленныхъ административно на 22 волости, опредѣлялась въ 1869 г. въ 10. 688 д. о. п.

5) Къ этой же группѣ надо отнести обитающихъ на сѣверныхъ отрогахъ Кузнецкаго Алатага, къ западу отъ Томи, смѣшанныхъ съ телеутами, потомковъ «кузнецовъ», которые по нарѣчію отчасти близки къ шорамъ, отчасти къ телеутамъ. Въ шести волостяхъ ихъ считалось 3.298 д. о. п., слѣдующихъ родовъ: ачъ-кештимъ, баянъ, торгулъ, кӧмнӧшъ, камларъ, ачинъ и шю [2]).

6) Сюда же наконецъ относятся чулымскіе татары, которые живутъ сѣвернѣе Маріинска (родъ кечикъ), къ югу отъ этого города (родъ кюерикъ) и отъ нижней Кіи до р. Чердатъ (собственно чулымскіе татары). По языку они происходятъ отъ барабинскихъ и иртышскихъ татаръ и телеутовъ, смѣшавшихся съ енисейцами. Ихъ, считая говорящихъ еще по тюркски, едва наберется до 500 д. [3]).

Въ общей сложности во всей этой группѣ тюрковъ бассейна верхней Оби составится 21.844 д. о. п.

в) Енисейскія тюркскія племена.

Малоснѣжныя и удобныя для кочеваго скотоводства степи между Абаканомъ и Чулымомъ на лѣвой сторонѣ Енисея были издревле занимаемы кыргызами, кругомъ же были расположены отуречиваемыя ими племена енисейцевъ (динлиновъ) и самоѣдовъ, изъ которыхъ послѣдніе держались преимущественно въ лѣсистыхъ горахъ, пригодныхъ для звѣроловства и оленеводства. Въ началѣ XVIII вѣка, когда кыргызы ушли окончательно на

---

[1]) «Сибирская исторія», Спб., 1774 г., стр. 213 и 214.
[2]) Aus Sibirien, I, s.s. 212—215.
[3]) Тамъ же, s. 211.

югъ за Саянскій хребетъ, земли ихъ были заняты окрестными племенами [1]), обратившимися на нихъ къ скотоводству. Въ настоящее время племена эти слѣдующія:

1) Кызылы, занимающіе юсскую степь, т. е. земли по Бѣлому и Черному Юсамъ до р. Кіи и Божьяго озера. Они состоятъ изъ десяти родовъ: кызылъ, большой и малый ачинъ (отъ него имя города Ачинска), акы, бассагаръ, камларъ, аргынъ, калмакъ (вѣроятно это имя носятъ присоединившіеся къ кызыламъ телеуты, бывшіе калмыцкіе подданные), курчыкъ и шю. Кызылы состоятъ очевидно изъ разныхъ элементовъ: кыргызовъ, телеутовъ, енисейцевъ (шю). Языкъ ихъ близокъ къ качинскому [2]). По свѣдѣніямъ 1859 г., ихъ было всего 5.176 д. о. п. [3]).

2) Качинскіе татары жили въ XVII вѣкѣ на р. Качѣ (ея коренное туземное имя, по Фишеру, Изиръ). Во время основанія Красноярска (1628 г.), въ близкой къ нему «качинской землицѣ» обитали «люди кочевные; лѣтомъ пашню пашутъ, сѣютъ ячмень да курлакъ (керлыкъ, сибирское просо), а зимою кочуютъ въ крѣпкихъ мѣстахъ и оберегаются отъ калмыцкихъ людей и отъ братскихъ (бурятовъ), потому что де тѣ качинскіе люди въ енисейскій острогъ государевъ ясакъ даютъ, а бѣлые калмыки, и киргизы, и братскіе люди съ тѣхъ качинцевъ на себя ясакъ емлютъ же, пріѣзжая къ нимъ въ землицу, сильно», [4]) (т. е. насильственно). По удаленіи кыргызовъ съ Енисея, часть качинцевъ перешла на ихъ земли и дала присоединившимся къ ней въ сѣверо-восточной части киргизскихъ степей другимъ родамъ, составившимъ потомъ одну административную единицу, свое имя. Подвѣдомственные качинской степной управѣ, на устьѣ Абакана, роды, по В. В. Радлову, суть слѣдующіе: касъ (кашъ, качъ), ара (арины), тинъ (по Кастрену тоже енисейскаго происхожденія), тжастыгъ (tjastyg, тоже), тжарымъ (tjarym), тжыльтагъ (tjyltag), сукаръ и туба. Послѣдніе четыре рода, по Кастрену, самоѣдскаго происхожденія [5]). Въ 1892 году качинскихъ татаръ считалось 11.363 д. о. п. [6]).

---

[1]) «Въ прошломъ... и въ нынѣшнемъ 720 году... уѣхали изъ Красноярска, безъ отпуску, подгородные коченскіе (качинцы), и аренскіе (ара, арины), и ястынскіе (это нынѣ качинскій койбальскій родъ тжастыгъ или джастыъ, который кн. Костровъ,—см. Дополненія къ Риттеровой Азіи, т. 4, стр. 572,—называетъ астынъ) служилые и ясашные татары, съ своихъ урочищъ, съ женами и съ дѣтьми, и со скотомъ, вверхъ Енисея рѣки, и живутъ въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ прежде сего жили киргизы» («Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка», книга I, 1882 года, стр. 282).

[2]) Aus Sibirien, I, 210, 211.

[3]) Дополненія къ Азіи Риттора, т. 4, Спб., 1877 г., стр. 551—555.

[4]) «Собраніе государств. грамотъ и договоровъ», часть 3, стр. 311.

[5]) Aus Sibirien, I, s. 207.

[6]) «Письма Н. Ф. Катанова» въ «Запискахъ и. Академіи наукъ», томъ 73, книжка 2, 1894 года, стр. 111.

3) Сагайскіе татары въ XVII вѣкѣ обитали на западѣ отъ кыргызовъ, около верховьевъ Юса и Абакана [1]), по уходѣ же кыргызовъ перешли въ юго-западную часть ихъ степей, ставъ во главѣ прибывшихъ сюда же другихъ родовъ, подвѣдомственныхъ нынѣ аскызской степной думѣ, на р. Аскызѣ. Поколѣнія или роды сагайскихъ татаръ слѣдующія: сагай (кости сагай, туранъ, сарыгъ, иргитъ, эчигъ, кый, аба, tjoda, кыргызъ, джетти-пюрю, юсъ-сагай, томъ-сагай), шоръ, бельтиръ (кости су какмына, такъ-какмына, акъ-чыстаръ, кара-чыстаръ, сарыгъ, табанъ-бельтиръ), таясъ (tajas, кости чедебесъ, калларъ и таясъ), карга (кости сибиджинъ, саинъ, туранъ и карга), кызай или кызылъ-кая (kysai, kysyl-kaja), томъ, кый, кобый и койбалъ; въ послѣднемъ кости: байгадо, канъ, тораджакъ (toratjak), тжода (tjoda), мадыръ, кöль, ынгара, бегеджи (bögödji), артжы (artjy), кöйöкъ, ирге, кайдынъ. Не останавливаясь на значеніи приведенныхъ костей, которое понятно изъ предшествующаго, замѣтимъ, что изъ койбальскихъ костей Кастренъ байгадо и кайдынъ признавалъ имѣющими енисейско-остяцкое происхожденіе, а кости мадыръ, бегеджи и ирге—самоѣдское, ибо въ 1847 году нѣкоторыя лица изъ этихъ костей помнили еще нѣсколько словъ изъ своего прежняго енисейскаго или самоѣдскаго языковъ. Сагайскіе татары говорятъ теперь общимъ тюркскимъ нарѣчіемъ, близкимъ къ качинскому, и оба носятъ на себѣ слѣды прежняго сильнаго вліянія кыргызскаго и телеутскаго языковъ [2]). Въ 1890 году сагайскихъ татаръ числилось всего 18.701 д. о. п. [3]).

4) Карагасы и камасинцы. По Кастрену и Н. Ф. Катанову, у карагасовъ (кара-кашъ), обитающихъ по р. р. Окѣ, Удѣ, Бирюсѣ и Канѣ, пять костей: сарыгъ-кашъ, кашъ, чогду, кара-чогду и чептей; языкъ ихъ почти одинаковъ съ урянхайскимъ, зовутъ они себя также туба, вообще, стало быть, они отуреченные самоѣды. Числилось ихъ къ концу 1888 года 416 душъ о. п. [4]).

---

[1]) «Ежемѣсячныя сочиненія о ученыхъ дѣлахъ», 1764 года, первое полугодіе, стр. 308.

[2]) Aus Sibirien, I, 207—211.

[3]) Н. Ф. Катановъ «Письма», стр. 24. По его же удостовѣренію (стр. 110), «у минусинскихъ татаръ родовыхъ тамгъ нѣтъ, а есть только фамильныя и семейныя», «въ видѣ простыхъ фигуръ (круга, дуги, треугольника, квадрата) и заимствованныхъ» изъ русской азбуки, руническихъ надписей, а также тамгъ урянхайскихъ и кызыльскихъ.

[4]) Aus Sibirien, I, 205, 206. Н. Ф. Катановъ «Поѣздка къ карагасамъ въ 1890 г.» («Записки и. р. геогр. общества, по отд. этнографіи», томъ 17, вып. 2, 1891 г.) и «Письма», стр. 40. По «Алф. списку», изд. канц. ком. мин., значится, по свѣдѣніямъ за 1893 годъ, карагасовъ и камасинцевъ по 400 душъ о. п.—цифры слишкомъ круглыя, чтобы быть точными.

Изъ трехъ улусовъ камасинцевъ, обитающихъ въ южной части рѣчной области Каны, во времена Кастрена одинъ состоялъ изъ качинскихъ татаръ, другой изъ самоѣдовъ, сохранявшихъ еще свой языкъ (кости мадоръ, бӧгӧше, байга, ньегъ и села, изъ которыхъ первыя три встрѣчаются и у койбаловъ), и, наконецъ, третій изъ коттовъ, говорившихъ нарѣчіемъ енисейско-остяцкаго языка и звавшихъ себя коту [1]). Камасинцевъ въ 1890 г. считалось 137 д. [2]), такъ что всего карагасовъ и камасинцевъ будетъ 553 д. о. п.

Общее число енисейскихъ тюрковъ, на основаніи приведенныхъ свѣдѣній, составитъ 35.793 д. о. п.

3) Урянхайцы.

Занимающіе нынѣ бассейны Улугъ-Кема и Кемчика, а также отчасти Косогола и частію южные склоны Танну, урянхаи называются такъ монголами, сами же зовутъ себя туба или тува, какъ отуреченные самоѣды сѣверныхъ склоновъ Алтая и Саянскаго хребта; именуютъ ихъ также сойотами, соитами, сойонами. Сохраняющіе еще тюркскій языкъ урянхайцы составляютъ въ китайскомъ подданствѣ слѣдующіе хошуны: хозутскій, обитающій вблизи Косогола, изъ родовъ халюшъ, иркитъ, хасутъ, аргамыкъ; ойнарскій, по обѣимъ сторонамъ Танну, съ родами оинъ, ирхытъ, соенъ, чоды; салджакскій, на Улугъ-Кемѣ, съ родами салджакъ, киргизъ, куль, пайгара; точжинскій, на Бей-кемѣ, изъ родовъ акъ-чеда, кара-чеда, точжи; кемчикскій съ родами камышку, иргитъ, сая, монгушъ, кара-монгушъ, кидя орчжакъ, ондаръ, хобалыкъ; хошуны саинъ-нойона, на Кемчикѣ же, изъ родовъ тюлютъ, соенъ, каратолчакъ, кожегетъ, сарыхларъ, тонгакъ, хоуларъ, карасалъ, адынъ-тюллюшъ, туматъ, киргизъ; хошунъ да-вана съ родами мады и чжода или уберъ-чжода [3]). Общую численность урянхайцевъ А. М. Африкановъ, не считая кочующихъ на югѣ Танну, опредѣлялъ въ 35—40 т. [4]). По Н. Ф. Катанову, слѣдующему свѣдѣніямъ г. Осташкина, общее число урянхайцевъ приблизительно доходитъ до 45.000 д. о. п. [5]).

---

[1]) Дополненія къ русскому переводу Азіи Риттера, т. 4, 1877, стр. 638.

[2]) Н. Ф. Катановъ «Письма», стр. 40.

[3]) Тамъ же, стр. 11—16.

[4]) «Извѣстія восточно-сибирскаго отдѣла и. р. географическаго общества», томъ 21, № 5, 1890 г., стр. 48. По офиціальной географіи Китая, изд. 1842 г., танну'скихъ урянхайцевъ состояло въ вѣдѣніи улясутайскаго цзянь-цзюня 25 сумуновъ или ротъ, да въ вѣдѣніи цзасакту-хана 5 ротъ и саинъ-нойона 13 ротъ, всего 43 сумуна. Сверхъ того было 3 сумуна омонголенныхъ урянхаевъ вѣдѣнія ургинскаго кутухты и 2 знамени кобдосскихъ («Записки о монгольскихъ кочевьяхъ», Спб., 1895 г., стр. 448).

[5]) «Письма», стр. 16. Изъ числа заимствованныхъ минусинскими татарами у урянхайцевъ тамгъ «чаще встрѣчается такъ называемая княжеская, въ видѣ четырехконеч-

Разсматривая имена урянхайских родовъ, можно видѣть, что самыя распространенныя кости мады (то же, видимо, что мадоръ у камасинцевъ, мадыръ у койбаловъ), чоды (тождественная съ чеда, чжода, а также съ чогду у карагасовъ, тьода или тжогда у койбаловъ), иркитъ (ирхытъ, иргитъ, тоже, что ирге у койбаловъ, еще знавшая по самоѣдски во время Кастрена)—все самоѣдскаго происхожденія, какъ вѣроятно и кость куль, одинаковая съ костью кӧль у койбаловъ. Кость сарыхларъ [1]), встрѣчающаяся у сагайцевъ (сарыг) и карагасовъ, вѣроятно динлинскаго корня: главные роды у кыргызовъ были джеты-сары и алты-сары. Кость киргизъ указываетъ на примѣсь кыргызовъ [2]), а именованіе кости ойнаръ родомъ ойнаръ-уйгуръ (Н. Ф. Катановъ)—на присоединеніе части уйгуровъ. Родъ туматъ происходитъ вѣроятно отъ лѣснаго народа тума, упоминаемаго со времени Чингизъ-хана и давшаго, по омонголеніи, роды туметъ у восточныхъ и западныхъ монголовъ. Имя монгушъ встрѣчается у ферганскихъ кара-киргизовъ въ видѣ названія особаго поколѣнія, отождествляясь тамъ нерѣдко съ монгулдуръ, т. е. съ монголъ.

Въ языкѣ урянхайцевъ В. В. Радловъ усматриваетъ соотношенія къ нарѣчіямъ карагасовъ и якутовъ и полагаетъ, что отуреченіе урянхайскихъ самоѣдовъ произведено было уйгурами, указывая между прочимъ на сѣяньто, гаогюйское племя, могущественное, по китайскимъ извѣстіямъ, въ VII вѣкѣ [3]). Нельзя сомнѣваться въ дѣятельной роли теле или гаогюйцевъ въ отуреченіи урянхайцевъ, но, мнѣ кажется, не надо отвергать участія и турковъ-тукю,—въ лицѣ непосредственно и понынѣ сосѣдящихъ съ урянхайцами на западѣ телесовъ,—а также и кыргызовъ.

Принимая въ свой составъ многія примѣси, урянхайцы должны были и съ своей стороны участвовать въ составѣ другихъ народовъ. Несомнѣнно уча-

---

наго крестика съ концами, загнутыми подъ прямымъ угломъ въ правую сторону, т. е. тамга, изображающая у китайцевъ и монголовъ птицу счастія (фениксъ, у минусинскихъ татаръ кан кӧрӓдӓ кус), вышиваемую золотомъ на груди парадной одежды чиновниковъ Срединной имперіи» (тамъ же, стр. 110). Это очевидно свастика. Другихъ, болѣе обстоятельныхъ, свѣдѣній о родовыхъ тамгахъ у урянхайцевъ мнѣ не встрѣчалось.

[1]) По разсказамъ старика бельтира Пыласкана, «племя сарыхларъ (желтые) было вытѣснено отсюда народомъ кыргысъ» (Н. Ф. Катановъ «Письма», стр. 24).

[2]) Считался нѣкогда кыргызскимъ родъ тубинскій, кочевавшій на р. Упсѣ или Тубѣ. Кыргызы въ 1630 году говорили, что «тубинцы и киргизцы—одинъ народъ» («Ежемѣсячныя сочиненія», 1764 г., 1-е полугодіе, стр. 307), но эти слова надо понимать въ политическомъ смыслѣ. Тубинцы эти, кажется, не ушли съ кыргызами, по крайней мѣрѣ не всѣ, ибо у сагайцевъ есть многолюдный родъ туба. На р. Тубѣ, на утесѣ, есть монгольская писаница о договорѣ цзунгаровъ съ княземъ «народа туба» («Древности минусинскаго музея», 1886 г., стр. 38).

[3]) «Собраніе свѣдѣній», I. стр. 426 и слѣд.

стіе ихъ въ образованіи западныхъ монголовъ, въ которомъ они играли роль въ числѣ другихъ лѣсныхъ племенъ. Податливость урянхайцевъ къ омонголенію подтверждается свѣжими еще примѣрами. По словамъ Г. Н. Потанина, «живущіе въ долинѣ Шишкита дархаты, повидимому, не что иное, какъ омонголившіеся урянхайцы; за такихъ же омонголившихся тюрковъ можно принять и населеніе пяти хошуновъ хото-гойту (въ аймакѣ цзасакту-хана), а затѣмъ и небольшой хошунъ мингатовъ на сѣверномъ берегу р. Кобдо, и, наконецъ, народецъ, обитающій въ западной части Монгольскаго Алтая, между вершинами рѣкъ Кобдо и Сенкуля». «Въ средней части Монгольскаго Алтая, находится халхаскій хошунъ тачжи-урянхай; теперь это настоящіе монголы, но имя хошуна вполнѣ совпадаетъ съ именемъ урянхайскаго поколѣнія тачжи-урянхай, которое живетъ въ вершинахъ Енисея по Бей-кему и Тенгису... Этотъ халхаскій хошунъ лежитъ близко къ Тяньшаню и его южная граница отстоитъ отъ сѣверной подошвы Тяньшаня всего на 70 верстъ. Не далеко отъ западной границы этого хошуна начинаются и земли урянхайцевъ, говорящихъ по монгольски, такъ что этотъ хошунъ какъ будто еще недавно составлялъ восточную оконечность омонголившагося урянхайскаго населенія, жившаго вдоль гребня Монгольскаго Алтая. Можетъ быть и ойраты или дурбенъ-ойраты въ болѣе отдаленныя времена говорили тюркскимъ языкомъ» [1]).

Въ западной же Монголіи между озерами Кыргызъ-норомъ и Упса-норомъ обитаетъ небольшой народецъ, около 400 кибитокъ, тюркскаго языка, который монголы именуютъ **хотонами**. Это потомки плѣненныхъ калмыками осѣдлыхъ тюрковъ Восточнаго, а можетъ быть частію и Западнаго Туркестана, которые поселяемы были въ восточныхъ цзунгарскихъ земляхъ для снабженія калмыцкихъ князей хлѣбомъ. Теперь они поставляютъ хлѣбъ дурбетскому вану, но кочуютъ, какъ монголы [2]).

4) Барабинцы и западно-сибирскіе татары.

На сѣверо-западѣ отъ Алтая, въ степи между Иртышомъ и Обью, живутъ барабинцы, въ числѣ (1865 г.) 4.635 д. и въ разныхъ округахъ тобольской губерніи обитаютъ (1869 г.) 37.148 д. о. п. осѣдлыхъ татаръ [3]). Первые могутъ быть остатками очень древнихъ помѣсей тюрковъ западнаго Алтая съ уграми, сибирскіе же татары главнымъ образомъ суть потомки прибывшихъ въ XV и XVI вѣкахъ на Тоболъ и Иртышъ съ ногайскими и

---

[1]) «Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. 4, 1883 г., стр. 653 и 654.
[2]) Тамъ же, вып. 2, 1881 г., стр. 15, и Aus Sibirien, I, s.s. 221, 222.
[3]) Aus Sibirien, I, 241—248.

киргизъ-казачьими князьями, желавшими властвовать надъ мѣстными остяками и вогулами, ногайцевъ и казаковъ, а также торговыхъ сартовъ и таджиковъ изъ Мавераннагра, такъ называемыхъ бухарцевъ, и наконецъ переселившихся въ Сибирь послѣ завоеванія ея русскими казанскихъ татаръ. У барабинцевъ В. В. Радловъ называетъ роды терено, тары, бараба, кӧлӧбӧ, лонга, ливей и каргалы; у татаръ тарскаго округа туралы, аялы, курдакъ, саргатъ; у татаръ тобольскаго округа курдакъ, иштекъ (вѣроятно потомки остяковъ, ибо послѣдніе именуются татарами иштекъ), тогусъ, чувальчикъ, яскалбы, нанга [1]).

V. Киргизъ-казаки.

Этотъ народъ по численности занимаетъ второе мѣсто между тюркскими народностями (первое принадлежитъ туркамъ-османамъ), по пространству же земель—первое, ибо распространяется отъ Монгольскаго Алтая до низовьевъ Аму-дарьи и Каспійскаго моря и отъ западнаго Тяньшаня до Уральскихъ горъ. Для нашего изслѣдованія онъ особенно интересенъ, такъ какъ больше всѣхъ тюркскихъ народностей сохранилъ скотоводческій и кочевой образъ жизни и родовой бытъ, почему родовыя и племенныя дѣленія и ихъ имена держатся у него съ наибольшею силою и ясностью. Сверхъ того, по своему географическому положенію, киргизъ-казачьи степи помѣщали всѣ непосредственно спускавшіяся въ нихъ съ Алтая тюркскія племена, а потомъ дали пріютъ и остальнымъ тюркскимъ племенамъ, обитавшимъ первоначально въ Монголіи, такъ что въ составѣ киргизъ-казаковъ можно ожидать найти представителей всѣхъ главнѣйшихъ и древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ. Въ виду всего этого нынѣшній родовой составъ киргизъ-казаковъ заслуживаетъ особенно подробнаго и внимательнаго изученія. Киргизъ-казаки раздѣляются съ начала XVIII столѣтія на три орды, этническій составъ которыхъ мы послѣдовательно и разсмотримъ.

1) Старшая или большая орда.

Большая орда (улугъ-джюзъ), занимающая земли отъ р. Каратала (притокъ Балхаша) до Сыръ-дарьи и р. Чирчика, составилась главнымъ образомъ изъ древнихъ племенъ канглы и дулатъ, образовавшихъ сложные роды съ частями степныхъ родовъ усуней или кара-киргизовъ, пришедшихъ въ Западный Тяньшань за полтора вѣка до Р. Х. Истощенное выдѣленными

[1]) Тамъ же.

имъ въ продолженіе вѣковъ массами переселенцевъ на юго-западъ и западъ племя канглы обитаетъ нынѣ вмѣстѣ съ родственнымъ ему племенемъ или поколѣніемъ чаншклы, происхожденіе и судьбы котораго въ точности неизвѣстны, на юго-востокѣ, на Сыръ-дарьѣ и Чирчикѣ, въ количествѣ всего около 10 т. кибитокъ. Главную часть большой орды составляетъ племя или поколѣніе дулатъ, въ числѣ около 40 т. кибитокъ, простирающееся отъ р. Или до Сыръ-дарьи и слагающееся изъ родовъ ботпай [1]), чимыръ, сейкымъ и

[1]) Имя Ботпай встрѣчается въ сказаніи византійскаго историка патріарха Никифора о раздѣленіи болгарской орды, во время императора Константина IV, между пятью сыновьями князя Куврата: первая орда, подъ предводительствомъ старшаго сына Батбая, осталась на своихъ земляхъ у береговъ Азовскаго моря и на р. Кубани; вторая, подъ предводительствомъ Котрага (сравн. котригуры, котургуры), перешла черезъ Донъ; третья ушла въ Паннонію; четвертая прошла будто бы въ самую Италію, а пятая, подъ предводительствомъ Аспаруха, поселилась въ нынѣшней Бессарабіи (К. Иречекъ «Исторія болгаръ», переводъ Яковлева, Варшава, 1877 года, стр. 118). Кувратъ соотвѣтствуетъ Курту, а Аспарухъ Еспериху Именика болгарскихъ князей, оказавшагося въ одномъ изъ списковъ хронографа, называемаго Еллинскимъ лѣтописцемъ (А. Поповъ «Обзоръ хронографовъ русской редакціи», Москва, 1866 года, стр. 25 и 26). Именикъ этотъ начинается съ Авитохола, который жилъ будто бы 300 лѣтъ; за нимъ слѣдуетъ Ирникъ, жившій 108 лѣтъ, далѣе намѣстникъ Гостунь 2 года, Куртъ 60 лѣтъ, Безмѣръ 3 года, а за нимъ Еспериxъ. Сумма лѣтъ княженія первыхъ пяти князей до Есперика составляетъ 473. Между тѣмъ Именникъ говоритъ, что пять первыхъ князей держали княженіе «обону страну Дуная лѣтъ 515, остриженами главами», зачисляя вѣроятно (какъ предполагалъ Гильфердингъ, «Сочиненія», I, 1868 г., стр. 21), въ эту цыфру первые 42 г. княженія Есперика, который правилъ всего 61 годъ. Есперихъ перешолъ на югъ отъ Дуная въ 679 году. Если изъ этой цифры отнять 515 лѣтъ, то получится 164 годъ послѣ Р. Х. Этотъ годъ довольно близко соотвѣтствуетъ времени ухода сѣверныхъ хунновъ изъ Юебани или сѣверныхъ подножій восточнаго Тяньшаня въ Кангюй, такъ какъ современные китайскіе историки потеряли хунновъ изъ вида именно около этого времени: въ 104 и 105 гг. были еще посольства отъ сѣвернаго шаньюя къ китайскому двору («Собраніе свѣдѣній», I, стр. 138) и между 126—153 гг. упоминаются столкновенія съ сѣверными хуннами въ восточномъ Тяньшанѣ (тамъ же, III, стр. 133—135). Начало княженія Авитохола видимо, поэтому, совпадаетъ съ временемъ ухода хунновъ, а съ ними и части дулу или дулатовъ, на западъ, въ сѣверный Кангюй. Конечно подъ Авитохоломъ надо разумѣть не одно лицо, жившее 300 лѣтъ, а цѣлую династію, цѣлый періодъ жизни хунновъ, въ составѣ которыхъ дулаты были однимъ изъ племенъ, можетъ быть еще не господствующимъ, такъ какъ власть могла сохраняться за родомъ шаньюя. Триста лѣтъ съ 164 года приходится на 464 годъ, т. е. совпадаетъ со временемъ паденія могущества хунновъ по смерти Аттилы (455 г.). Правленіе Ирника, т. е. Ирнака (это несомнѣнно тюркское имя: у енисейскихъ киргизовъ князь Ернакъ стоялъ во главѣ третьяго поколѣнія киргызовъ, боровшихся съ русскими), сына Аттилы, безъ сомнѣнія должно быть также почитаемо династіею, вторымъ періодомъ политической жизни хунновъ и дулатовъ на западѣ. Съ Курта видимо начинается, около 574 года, третій періодъ, въ которомъ во главѣ остатковъ хунновъ стало племя дулу, старѣйшины котораго дѣлаются наслѣдственными болгарскими князьями. Имя Есперикъ есть уменьшительное отъ Есперъ, которое и понынѣ употребляется въ большой ордѣ: такъ въ семидесятыхъ годахъ во главѣ части адбановъ, родственнаго дулатамъ поколѣнія, стоялъ батырь Есперъ или Испиръ. По поводу остриженныхъ головъ древнихъ болгарскихъ князей нельзя не замѣтить, что по китайскимъ наблюденіямъ V вѣка кочевники Юебани, т. е. между прочимъ и дулаты, «обстригали волосы» («Собраніе свѣдѣній», III, стр. 163).

джаныс, со многими каждый подраздѣленіями. Принадлежат, подобно дулатамъ, къ чуйскимъ племенамъ близко родственныя имъ поколѣнія **адбанъ** (15.500 киб.) и **суванъ** (4 т. к.), расположенныя въ средней части илійской долины и въ бассейнѣ р. Чарына. Изъ нихъ у адбановъ имѣются роды кызылъ-буркъ, конуръ-буркъ, айтъ, бузумъ, сегизъ-сары (восемь желтыхъ), курманъ, альджанъ и кыстыкъ. Въ нижней части илійской долины, на лѣвой сторонѣ р. Или, кочуетъ не превышающее 1500 киб. поколѣніе **сары-уйсунь**, составляющее повидимому остатокъ главнаго поколѣнія древнихъ усуней, давшаго свое имя всему усуньскому союзу; по всей вѣроятности именно воспоминаніе о древнемъ народѣ усуньскомъ, занимавшемъ Западный Тяньшань, было причиною именованія большой орды, занявшей степную часть земель усуней и имѣющей въ своей средѣ прямыхъ потомковъ ихъ въ лицѣ поколѣнія сары-уйсунь, **уйсуновскою** или **юсуновскою**; роды у поколѣнія сары-уйсунь слѣдующіе: кутлумбетъ, джанай, джулай-танай, джанъ-досай, кулюке и крыкъ или ыркъ. Главное по численности послѣ дулатовъ поколѣніе большой орды **джалаиръ** (17 т. к.) занимаетъ бассейнъ р. Каратала и состоитъ изъ родовъ андасъ, мурза, кара-чапанъ, уракты, акъ-біюмъ, кальпе, супатай, арыкъ-тынымъ, байчигыръ, сіирчи, балгалы, кайчилы и кучукъ; изъ этихъ родовъ нѣкоторые явно кара-киргизскаго происхожденія, каковы арыкъ-тынымъ и кучукъ; бай-чигыръ есть, быть можетъ, остатокъ, упоминаемаго арабскими географами племени джикиръ, вѣроятно отрасли карлыковъ; вообще же джалаиры представляются союзомъ родовъ разнаго происхожденія, сплотившихся въ джагатаидское время около какого-нибудь вліятельнаго при ханскомъ дворѣ вельможи изъ рода джалаиръ, давшаго этому союзу свое родовое имя [1]). Изъ остальныхъ поколѣній или племенъ большой орды **чапрашты** (7 т. киб.) и **исты** (6 т. к.) кочуютъ въ вѣрненскомъ уѣздѣ, а **сергелы** (7 т. киб.) и **ушакты** (2 т. киб.) близъ Сыръ-дарьи. Относительно происхожденія этихъ четырехъ поколѣній можно считать вѣроятнымъ, что они болѣе близки къ кангламъ, чѣмъ къ дулатамъ. Факты, на которыхъ основано все здѣсь ска-

---

[1]) Народныя преданія производятъ часть джалаировскихъ родовъ отъ Сыр-манака, а остальныя отъ Чу-манака («Записки и. р. географическаго общества, по общей географіи», томъ I, 1867 г., стр. 271). Эти **сары** (такъ слышалъ я самъ произношеніе имени вмѣсто сыр) и **чу** суть видимо племя сары, сарыгъ, сарыхларъ—помѣсь тюрковъ съ динлинами, составившая племя кыргызовъ, усуней, сары-уйсуней,—и племя чу, къ которому принадлежатъ дулаты, адбаны, суваны, чумекой (родъ малой орды, у китайцевъ въ VII вѣкѣ—чуми, чумугунь, чуюе). Сохранился еще остатокъ рода чуюе въ видѣ маленькаго отдѣленія **чуе** между найманами рода садыръ въ лепсинскомъ уѣздѣ на ур. Тентекъ-су (упоминается отдѣленіе чуе въ указанномъ же томѣ «Записокъ», стр. 307). Отсюда мнѣ кажется яснымъ, что поколѣніе джалаиръ состоитъ главнымъ образомъ изъ частей дулатовскаго и кыргызскаго происхожденія.

занное о составѣ большой орды и о происхожденіи ея частей, изложены въ изслѣдованіи моемъ «Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ большой орды и кара-киргизовъ» и пр., напечатанномъ въ вып. III и IV «Живой старины» за 1894 годъ, гдѣ приведены и свѣдѣнія о тамгахъ, уранахъ и народныхъ генеалогическихъ преданіяхъ, относящихся до большой орды. Поэтому я не повторяю ихъ здѣсь.

Въ общей сложности 11 племенъ или поколѣній большой орды, занимающихъ части семирѣченской и сыръ-дарьинской областей, насчитываютъ около 110.000 кибитокъ, т. е., полагая на кибитку 4 души, 440.000 д. обоего пола, а при разсчетѣ 5 душъ на кибитку 550.000 д.

2) Средняя орда.

Нахлынувъ въ сѣверо-восточную часть киргизской степи въ первой четверти XIII вѣка, тюркскія племена Монголіи аргынъ, найманъ и кирей должны были значительно перемѣшаться и между собою, и съ занимавшими ранѣе страну племенами, хотя большинство послѣднихъ подалось далѣе на западъ. Перемѣшанность еще болѣе увеличилась въ концѣ XVI вѣка, когда калмыки вытѣснили тюрковъ изъ всего пространства отъ Чернаго Иртыша до верховьевъ Ишима, а также около второй четверти XVIII столѣтія, когда цзунгары овладѣли Ташкентомъ и Туркестаномъ и отбросили значительную часть киргизъ-казаковъ отъ средней Сыръ-дарьи. Во второй половинѣ XVIII вѣка, спѣша занять мѣста, освободившіяся отъ калмыковъ у китайской границы, киргизъ-казаки едва ли уменьшили смѣшанность своихъ родовъ. Въ результатѣ получилась та перепутанность расположенія родовъ, которая господствуетъ въ средней ордѣ и понынѣ, но тѣмъ не менѣе въ общемъ расположеніе племенъ то же, какое существовало до монголовъ: на востокѣ киреи, за ними къ западу найманы, далѣе аргыны и наконецъ кипчаки.

Роды средней орды (орта-джюзъ — средняя сотня) занимаютъ сѣверо-восточную часть копальскаго и лепсинскій уѣзды семирѣченской области, семипалатинскую и акмолинскую области и части сыръ-дарьинской и тургайской. Имя самаго восточнаго изъ ея племенъ кирей происходитъ, по Рашидъ-эддину, отъ кара, черный, ибо предками его были девять черноватыхъ братьевъ: отсюда караитъ, кераитъ. Проф. Березинъ производитъ это имя отъ манчжурскаго керен — общій, и отъ кэріэ, монгольскаго слова, значащаго ворона [1]);

---

[1]) «Труды восточнаго отдѣленія и. археологическаго общества», часть V, 1858 г., стр. 258.

Г. Н. Потанинъ, вообще склоняющійся къ производству народныхъ и племенныхъ именъ отъ именъ животныхъ, замѣтилъ, что въ сѣверо-западной Монголіи слово это произносится кирэ, слѣдовательчо еще ближе къ кирей [1]). Находя, что большая часть именъ древнѣйшихъ тюркскихъ племенныхъ именъ произошла отъ названій урочищъ, которыя нерѣдко возникали въ самыя отдаленныя времена и необъяснимы существующими языками и нарѣчіями, и что алтайцы и въ настоящее время именуютъ себя по рѣкамъ, я предпочитаю думать, что имя киреевъ произошло отъ рѣчекъ Кирей, притоковъ Уды, на сѣверныхъ склонахъ Саянскаго хребта. Оттуда родъ кирей могъ перейти на югъ, въ Монголію, и со временемъ стать во главѣ союза мѣстныхъ родовъ. Изъ приведенныхъ Рашидъ-эддиномъ именъ родовъ кераитовъ (стр. 95: хархынъ, сахыятъ, тонкгоитъ, кераитъ, добоутъ, албатъ) имя добоутъ, происходящее явно отъ туба, свидѣтельствуетъ о самоѣдской примѣси, а сахыятъ вѣроятно тождественно съ саха, сагай, подтверждая вообще первоначальное обитаніе киреевъ на сѣверѣ Саянскаго хребта.

По свѣдѣніямъ Г. Н. Потанина, нынѣшніе восточные киреи, обитающіе въ бассейнѣ Чернаго Иртыша, состоятъ изъ двухъ отдѣловъ: абакъ или ашемайли-кирей и кара-кирей. Абакъ-киреи дѣлятся на двѣнадцать родовъ: джантыкей, джадыкъ, чиреучи, ители, каракасъ, мулку, чубаръ-айгыръ, мэркитъ, итэнгменъ, джасъ-табанъ, сарбасъ, чіймоинъ. Кара-киреи дѣлятся на вѣтви мурунъ, байджигитъ и тёртоулъ (четыре сына). Муруны раздѣляются на баисъ и байсіекъ. Баисы подраздѣляются на мурунъ, сываnъ, корджай и тума. Байсіеки имѣютъ дѣленія семизъ-найманъ, булатчи и токпакъ. Байджигиты дѣлятся на джумукъ и тогасъ. Преданія производятъ киреевъ отъ Сары-усюна, у котораго былъ сынъ Кара-бій, имѣвшій сына Абака, бывшаго отцомъ Кирея, отъ котораго родилось 12 сыновей съ именами вышеприведенныхъ родовъ, изъ которыхъ четыремъ первымъ присвоивается однако особый отецъ Байлеу-куйлеу [2]).

По болѣе старому сказанію, приведенному Спасскимъ,—который къ

---

[1]) «Очерки с. з. Монголіи», вып. 2, 1881, стр. 2.

[2]) «Очерки с. з. Монголіи», вып. 2, 1881 года, стр. 2, 3 и 6. По рукописнымъ свѣдѣніямъ семипалатинскаго начальства, собиравшимся въ 1866 г. чрезъ весьма свѣдущихъ людей, абакъ-киреевскій родъ джантекей состоялъ изъ отдѣленій урусъ (подъотдѣленія есентай, таспике, казыбекъ, сагаси, всего 1250 кибитокъ), шуюнгала (ботакара, кубекъ, секеле, тайлакъ, всего 620 киб.), калтай-булатъ (300 киб.) и сары (400 киб.); родъ джадыкъ изъ отдѣленій джанатъ (дѣленія бакай, костай, тлеке, кыдыръ, токай, майма, всего 750 киб.), маликъ (куланбай, байгара, баянтуголь, байгозы, всего 430 к.), итемгенъ (500 киб.) и еще одного (въ 150 киб., имя у меня не сохранилось); родъ череучи изъ отдѣленій бакатъ, узунъ-мултукъ и курманъ (всего 850 киб.); родъ ители изъ дѣленій куюкъ, акмакта, тынибекъ (всего 800 киб.); родъ каракасъ изъ отдѣ-

сожалѣнію не указалъ своего источника и мѣстности, гдѣ оказалось это преданіе,—кирейскіе роды ведутъ свое начало отъ Ачамайлы и Абахты. «Первый произошелъ изъ племени кирейскаго, а послѣдній отъ усюнскаго, принадлежащаго къ большой ордѣ; объ уходѣ его изъ оной повѣствуютъ слѣдующее: отецъ Абахты былъ Усюнь, съ коимъ кочевалъ онъ вмѣстѣ и имѣлъ довольно собственнаго скота, но какъ въ его стадахъ были почти одни только коровы и не доставало быковъ для приплода, то Абахта просилъ отца надѣлить его ими, и когда Усюнь, не имѣя въ нихъ избытка, отказалъ ему, то Абахта, осердясь на него, перешелъ отъ усюнцовъ къ кирейцамъ и, водворившись тамъ, прижилъ отъ разныхъ женъ дѣтей: Сарбыша, Жадыка, Чиркуча и Жастабока, которые сдѣлались родоначальниками извѣстныхъ подъ сими названіями поколѣній, равно какъ и дѣти Ачамайлы отъ четырехъ его женъ: Изеньбахта, Кулсара, Кучебалта, Сиванъ, Именалбетъ и Акимбетъ, и внуки его, а дѣти Сивана: Купчакъ, Чукбатаръ и Чимоенъ. Отъ трехъ послѣднихъ ведутъ родъ свой понынѣ старшины волостей сиванъ-кирейской, чукбатаръ-кирейской и чимоень-кирейской» [1]). Абахта очевидно тождественъ съ Абакомъ, а въ родахъ, отъ него происшедшихъ, не трудно узнать сарыбасъ, джадыкъ, чиреучи и джастабанъ новѣйшихъ свѣдѣній; изъ родовъ, производимыхъ отъ Ачамайли, можно узнать шимоинъ (чимоенъ), сиванъ, чубаръ-айгыръ (чукбатаръ) между абакъ или ашемайли-киреями (кромѣ впрочемъ сиванъ, который кажется родъ не кирейскій, а найманскій), и роды изеньбакта, курсары (кулсары), балта (кучебалта), именалы въ западныхъ частяхъ средней орды, какъ видно будетъ ниже.

Конечно, нескладная басня о причинѣ ухода Абака отъ усуней есть случайный вымыселъ, вызванный наивной этимологіей, притомъ даже не отъ имени Абака, а отъ имени Ачамайли (ачамай или ашемай значитъ «коровье сѣдло»), который, по сказанію, никакого участія въ дѣлѣ не принималъ. Тѣмъ не менѣе, при помощи приведеннаго сказанія и двухъ именованій абакъ- и ачамайли-кирей, выясняется, что въ народѣ сохранилось смутное, но прочное воспоминаніе о происхожденіи племени киреевъ отъ соединенія двухъ разныхъ племенъ, изъ которыхъ одно было коренное, а другое пришлое.

леній кiикпай, косумъ, зарбай (всего 1010 киб.); родъ мулку (1500 киб.); родъ чубаръ-айгыръ изъ подраздѣленій балта, канимбике, болекъ, куланчашъ (всего 920 киб.); родъ моркитъ изъ отдѣленій лепесъ, шагиръ и карагай (всего 910 киб.); родъ джасъ-табанъ изъ дѣленій утепъ, баймурза, андагулъ (всего 650 киб.); родъ сарыбасъ изъ подраздѣленій рисъ, шагиръ, айтъ, джанай (всего 1080 киб.); сверхъ того еще два небольшихъ рода: коксадакъ (50 киб.) и култай-булатъ (200 киб.). Итого абакъ-киреевъ по этимъ свѣдѣніямъ 12.400 киб. Кочевали они между Сауромъ и Алтаемъ, главнымъ образомъ по р. р. Каба и Урану.

[1]) «Сибирскій вѣстникъ», 1820 г., ч. 9, стр. 112 и 113.

Первое всего естественнѣе предполагать тюркскимъ или тюркско-самоѣдскимъ, по вѣроятному первоначальному обитанію киреевъ въ Саянахъ, второе же надлежитъ, согласно народному указанію, считать усуньскимъ, хотя, быть можетъ, оно было, подобно усунямъ, только метисаціей тюрковъ съ динлинами [1]).

Хотя въ родахъ абакъ и ачамайли-киреевъ,—которые всѣ по разграниченію, произведенному на основаніи петербургскаго трактата 1881 года, остались въ китайскомъ подданствѣ, въ числѣ около 12 т. кибитокъ или 60 т. д. [2]),—не видно рашидъ-эддиновскихъ именъ, отчасти впрочемъ сомнительныхъ по разнорѣчію и отсутствію діакритическихъ знаковъ въ рукописяхъ, тѣмъ не менѣе едва ли можно отрицать, что они составляютъ прямое потомство киреевъ или кераитовъ восточной Монголіи. Въ отношеніи кара-киреевъ это сомнительно. Во-первыхъ, мурунъ и сиванъ суть вѣтви найманскаго племени, корджай—аргынскаго, какъ увидимъ ниже, а тума представляется остаткомъ особаго племени, вообще же всѣ четыре ни какъ не кирейскаго происхожденія; во-вторыхъ, сами байджигиты и тёртоулы приписываютъ себѣ происхожденіе «отъ женской линіи кара-кирей-семизъ-наймановцевъ и родоначальницею своею считаютъ женщину Мыкты-апай» [3]). Женское или неза-

---

[1]) По мнѣнію Г. Н. Потанина, въ имени абакъ можно видѣть киргизскія слова а б и а к, что значитъ «очень бѣлый»; но есть у кузнецкихъ татаръ родъ а б а, а по алтайски а б а значитъ «медвѣдь» («Очерки с. з. Монголіи», вып. 2, 1881 г., стр. 2). По В. В. Радлову у шорцевъ есть кость а б а и у осѣдлыхъ инородцевъ и телеутовъ кость и отдѣлъ а ч и н ъ и а ч ъ-кыштымъ (Aus Sibirien, B. I, s.s. 214, 216). Въ актахъ XVII вѣка инородцы кузнецкаго уѣзда именовались иногда всѣ а б и н ц а м и и самый острогъ, потомъ городъ Кузнецкъ, назывался туземцами Аба-тура. Острогъ, нынѣ городъ, Ачинскъ получилъ названіе свое отъ мѣстнаго рода ачинъ или ачъ. Въ тюрко-енисейскихъ надписяхъ неоднократно упоминается народецъ или племя а ч ъ (Die alttürkische Inschriften der Mongolei, 1895, s. 428). Имя аба безъ сомнѣнія входитъ въ составъ столь древняго названія, какъ Абаканъ. Въ виду всего этого мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что имена абакъ и ачамайли происходятъ отъ древнихъ народныхъ или племенныхъ именъ а б а и а ч ъ. Въ загадочномъ выраженіи тюрко-орхонскихъ надписей а ч ю м а п а м, которое стали по смыслу переводить, согласно догадкѣ проф. Томсена, «наши предки» (Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées, Helsingfors, 1896, p. 24), слышатся также а ч и а п а или а б а.

[2]) Л. Ф. Костенко «Чжунгарія», Спб., 1887 г., стр. 105. Цифры эти даны были чугучакскимъ консуломъ Балкашинымъ, по свѣдѣніямъ котораго около Саура, Джаира и Майли кочуетъ еще до 5.600 кибитокъ абакъ-киреевъ, уваковъ и наймановъ, откуда Костенко сдѣлалъ выводъ, что въ сѣверной (китайской) Чжунгаріи киргизъ-казаковъ всего около 88 т. д. о. п.

[3]) Рапортъ сергіопольскаго военно-окружнаго начальника отъ 30 ноября 1865 г. за № 2673. По собраннымъ въ 1865 году семипалатинскимъ военнымъ губернаторомъ свѣдѣніямъ, которыми я имѣлъ случай пользоваться, б а й д ж и г и т ы, занимающіе вмѣстѣ съ тёртоулами восточный Тарбагатай, дѣлились на роды д ж у м у к ъ, тогасъ и мамбетъ. Первый, по числу сыновей праотца рода Джумука, состоялъ изъ шести вѣтвей: т а у к е

конное происхожденіе въ генеалогическихъ сказаніяхъ народовъ съ родовымъ бытомъ есть вѣрный признакъ, что рѣчь идетъ о частицахъ совершенно чуждыхъ родовъ и племенъ, вошедшихъ въ родовые союзы вслѣдствіе различныхъ случайностей исторической жизни. Байджигиты имѣютъ и въ самомъ дѣлѣ особое отъ киреевъ и наймановъ происхожденіе, ибо упоминаются въ числѣ лѣсныхъ народовъ, покоренныхъ Джучіемъ въ 1207 г. во время похода его для усмиренія кыргызовъ: «тоелѣсы, тасы и бачжиги», какъ уже приводилось выше. Байджигиты были, значитъ, однимъ изъ лѣсныхъ народовъ, вѣроятно изъ отуреченныхъ самоѣдовъ [1]), и обитали гдѣ-нибудь около Танну-ола;отсюда, во время вытѣсненія тюрковъ изъ Монголіи, они, какъ видно, примкнули къ двигавшимся сзади всѣхъ киреямъ и удержались около восточнаго Тарбагатая.

Родъ тёртоулъ имѣется, какъ увидимъ ниже, въ племени аргынъ. Такъ какъ тамга рода тёртоулъ въ тургайской области есть два круга (ики кузь, два глаза) [2]), т. е. именно тамга аргыновъ, то и тарбагатайскіе тёртоулы можетъ быть аргыны, отставшіе отъ главной массы племени, по-

---

(отдѣленія туки, чакаманъ, утопъ, всего 400 кибитокъ), булатъ (200 киб.), сайбулатъ (дѣленія сайбулатъ, джанысъ, токтанай, алимбетъ, казакпай, кишкентай, карабасъ и шотай, всего 2.000 киб., которыми правилъ Тана Истемысовъ), карайча (300 киб.), кожанъ (300 киб.) и саты (дѣленія бурумбетъ, даулетбай, есеньгольды, капка и тулебай, всего 1.000 киб.), всего 4.200 киб., кочевавшихъ на с.-в. отъ Чугучака. Родъ тогасъ на сѣверѣ отъ Чугучака, имѣлъ отдѣленія джайлау (400 киб.), каско (100 киб.), кадыръ (200 киб.), байбулъ (300 киб.) и джаксыгулъ (400 киб.), всего 1.500 киб. Родъ мамбетъ состоялъ изъ вѣтвей умыръ (отдѣленія сапакъ, джарылгапъ и сокуръ, всего 700 киб.), давлень (ой-давлень и кыръ-давлень, всего 1.500 киб.), кожегулъ (эсень-аманъ и кабамбай, всего 400 киб.) и кара-курсакъ (кара-теке и алысъ, всего 200 киб.), въ общемъ 2.800 киб. Этотъ родъ мамбетъ, находившійся въ китайскомъ подданствѣ, во время возстанія дунганъ въ Чугучакѣ принялъ сторону мусульманъ и зато 23 октября 1865 года, на ур. Маканчи, подвергся полному разграбленію со стороны китайскихъ калмаковъ; онъ нашелъ спасеніе въ русскомъ подданствѣ, но въ слѣдующемъ году, когда дунгане, взявъ и разрушивъ Чугучакъ, переселились въ Манасъ и Урумчи, большая часть мамбетовъ съ біемъ Отунчи ушла за ними; черезъ годъ часть ихъ возвратилась съ тѣмъ же біемъ въ сергіопольскій уѣздъ, остальная же, большая, часть перешла въ земли кульджинскаго султана. Здѣсь, на Бороталѣ и въ окрестностяхъ Сайрамъ-нора, они были въ 1871 году найдены русскими при занятіи Кульджи и составили особую волость въ числѣ 1.409 киб. или 5.666 д. о. п. (по свѣдѣніямъ 1878 года); въ 1883 г. волость эта передана въ китайское вѣдомство и кочуетъ нынѣ на Кунгесѣ и Капѣ вмѣстѣ съ кызаями.

[1]) Такъ какъ по Г. Н. Потанину тамга байджигитовскихъ тогасовъ есть кругъ («Очерки с. з. Монголіи», вып. 2, табл. XXVI), т. е. одинаковая съ дулатовскою, то надо думать, что часть байджигитовъ чуйскаго происхожденія, т. е. къ кореннымъ байджигитамъ присоединилась частица чуйцевъ.

[2]) А. И. Добросмысловъ «Скотоводство въ тургайской области», Оренбургъ, 1895 года.

давшейся далеко на западъ. Объ этихъ тёртоулахъ на китайской границѣ [1]) упоминаетъ въ своемъ «Описаніи средней орды» (1785 г.) капитанъ Андреевъ: «волость акбаракъ акбулатъ дертаулъ, въ которой прежде былъ старшина Карабашъ Иметюбытъ, а по смерти его Жошанабій; подвластныхъ онаго кибитокъ до 600».

О киреяхъ и байджигитахъ встрѣчаются въ китайскихъ извѣстіяхъ о войнѣ съ цзунгарами въ началѣ второй половины XVIII вѣка между прочимъ такія упоминанія, что около 1757 г. подчинился Китаю Ходжа-бергенъ, казацкій вождь, стоявшій ранѣе съ Аблай-ханомъ на сторонѣ цзунгаровъ, а въ 1758 году глава рода байджигитъ Байбуракъ, прозванный храбрымъ, плѣнилъ одного мятежника и выдалъ китайцамъ [2]). Упомянутый Ходжабергенъ въ 1750 году управлялъ киреями [3]); вѣроятно онъ же поминается въ 1752 г. въ оренбургскихъ свѣдѣніяхъ, какъ старшина баклы-гирейскаго рода, зимовавшій тогда на р. Ишимѣ, восточнѣе всѣхъ казаковъ [4]).

По вышеприведеннымъ даннымъ можно заключить, что кара-киреи совсѣмъ не киреи, а части разныхъ племенъ и родовъ, оставшіяся на границѣ Монголіи и казачьихъ земель, въ сосѣдствѣ съ абакъ-киреями, дѣйствовавшія въ союзѣ съ послѣдними и опиравшіяся на нихъ, почему имъ и присвоивалось иногда имя кара-киреевъ, въ смыслѣ младшихъ, зависящихъ отъ

---

[1]) По вышеупомянутымъ рукописнымъ семипалатинскимъ свѣдѣніямъ 1866 года, тёртоулы считали себя особымъ отъ байджигитовъ родомъ и раздѣлялись на отдѣленія токанъ (1.000 киб.), тогузъ (800 киб.) и тузакчи (600 киб.), всего 2.400 киб.—А. А. Ивановскій, занимавшійся антропологическими изслѣдованіями въ зайсанскомъ уѣздѣ и тарбагатайскомъ округѣ, приводитъ у «терть-ауловъ» еще четвертое отдѣленіе джаныбекъ и подъотдѣленія всѣхъ четырехъ; его свѣдѣнія причисляютъ тёртоуловъ къ зайсанскимъ найманамъ, которыхъ названы еще три дѣленія акъ-найманъ, джаль и мамъ-бедъ («Этнографическое обозрѣніе», книжка 26, 1895 г., стр. 60).—По свѣдѣніямъ 1866 года, западнѣе киреевъ находились слѣдующіе особые роды, принадлежащіе племени найманъ, но съ частями и другихъ племенъ: родъ ходжембетъ съ подраздѣленіями кара-ходжембетъ, джурбулды, калкаманъ, суюндукъ и стабанъ, въ числѣ всего 2.800 киб. (кожембетовъ этихъ) на кочевкахъ ихъ около озера Марка, въ 1863 г. посѣщалъ Г. Н. Потанинъ, см. «Записки и. р. географ. общества, по общей географіи», томъ I, 1867 г., стр. 406 и слѣд.); родъ акъ-найманъ изъ отдѣленійыркъ-мултукъ, самбетъ, джаугачты, копабасъ, койсары и байсары, всего 2.100 киб.; родъ ергенекты съ дѣленіями кокджарлы (чона, чжурскъ-басаръ, кожагулъ, кожимъ и тасъ, всего 1.000 к.) и сарджумартъ (аманъ-исенъ, саике, киргизъ, иманъ, конуръ, котуманъ и кенегесъ, всего 1.000 киб.); родъ айдагулъ въ 500 киб. и родъ джарымбетъ (отдѣленіе мунайтбасъ) въ 400 киб.

[2]) Recueil de documents sur l'Asie centrale par Imbault-Huart, Paris, 1881, p. 117 и слѣд.

[3]) «Записки и. р. геогр. общества, по общей геогр.», томъ I, стр. 507.

[4]) Вельяминовъ-Зерновъ. «Историч. извѣстія о к.-кайсакахъ» за 1748—1765 г.г., Уфа, 1853 г., стр. 111, 113 и 114.

киреевъ. Кромѣ абакъ-киреевъ, имѣются еще киреевскіе роды въ акмоллинской и семипалатинской областяхъ [1]), а также въ тургайской области (родъ курсары [2]) и въ семиродскомъ поколѣніи малой орды (родъ киреитъ или керейтъ). Въ родахъ абакъ-киреевъ обращаетъ на себя вниманіе родъ меркитъ, очевидно остатокъ истреблявшагося Чингизъ-ханомъ племени меркитовъ, остальныя же родовыя имена не противорѣчатъ такому представленію о племени кирей въ Монголіи, что оно образовалось въ восточной ея части, послѣ паденія уйгурского ханства, и составилось изъ тамошнихъ тюркскихъ родовъ, принадлежавшихъ, судя по предшествовавшимъ китайскимъ извѣстіямъ, преимущественно племенамъ теле или гаогюйцевъ, а также тюркъ (тукю), объединившихся около рода кирей.

Племя найманъ Рычковъ называлъ однимъ изъ самыхъ «знатнѣйшихъ», но родовъ его не привелъ [3]), вѣроятно по недостаточности свѣдѣній, вслѣдствіе отдаленности отъ Оренбурга. Левшинъ перечисляетъ слѣдующіе роды, говоря, что главная часть наймановъ кочуетъ въ горахъ Тарбагатайскихъ, въ верховьяхъ Иртыша и на китайской границѣ къ р. Лапъ-су (т. е. Лепсѣ): акъ-бура (бѣлый волкъ), булатчи, кара-гирей, тирсъ-тамгалы, дюртъ-авулъ, кукъ-джарлы, аргинякты, семизъ-баганалы (имѣющій жирныхъ ягнятъ) и садыръ [4]). По В. В. Радлову, «племя найманъ кочуетъ отъ средняго Иртыша на востокъ, т. е. къ югу отъ аргыновъ, по направленію къ китайской границѣ и къ Балхашу. Оно состоитъ изъ родовъ: ергенекты— на востокъ отъ верховьевъ Бухтармы, булатты, терсъ-тамгалы, тартъ-аулъ, баганалы, садыръ, кендже-каптагай, исенгулъ, адбанъ, суанъ, акбура и садыръ» [5]). Н. Н. Балкашинъ, совершавшій, какъ извѣстно, въ семидесятыхъ годахъ поѣздки по акмоллинской области и впослѣдствіи дополнившій свои свѣдѣнія въ Чугучакѣ, говоритъ, что «у наймановъ имѣются роды: сарыджумартъ, кокъ-джарлы, баганалы, балталы (?) и бура, объединявшіеся прежде подъ общимъ названіемъ ергенекты; бесъ- и терсъ-тамгалы; дюртъ-аулъ, особый отъ аргынскаго дюртъ-аула, кара-гирей, который не должно смѣшивать

---

[1]) Красовскій «Область сиб. киргизовъ», часть 3, Спб., 1868 г.

[2]) «Скотоводство въ тургайской области» Добросмыслова 1895 г. По рукописному «Росписанію» родовъ оренбургскаго вѣдомства (1856 года) Казанцева, у рода балтагирей тамга + и слѣдующія отдѣленія: самай, каракамнырь, байкучкаръ, алкучкаръ и кучабя.

[3]) «Исторія оренбургская» въ «Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и удовольствію служащихъ», 1759 года, 2-е полугодіе, стр. 108 и слѣд.

[4]) «Описаніе киргизъ-казачьихъ или киргизъ-кайсакскихъ ордъ и степей», часть 3, Спб., 1832 г., стр. 9 и 16.

[5]) Aus Sibirien, I, 1884, s. 236. Очевидно садыръ показанъ вдвойнѣ по недосмотру.

съ киреями, садыръ, матай, мурунъ, сиванъ, семизъ-найманъ, акъ-найманъ, кызай, байджигитъ и кожембетъ» [1]). Упомянемъ еще, что, по Г. Н. Потанину, кочующіе отъ хребта Калбинскаго до вершинъ Бухтармы ергенекты суть найманы, а не киреи, и имѣютъ роды: буура, отой, джаркэ, сарджумартъ, калабакъ, юкучшаръ, кокджарлы и каратай [2]).

Мнѣ не встрѣчалось генеалогическихъ сказаній,—конечно всегда подлежащихъ повѣркѣ, но систематизирующихъ свѣдѣнія о родахъ и дающихъ часто драгоцѣнныя указанія,—относительно состава наймановъ. Тѣмъ не менѣе я считаю возможнымъ попытаться выдѣлить дѣйствительно найманскіе роды отъ постороннихъ, воспользовавшись имѣющимися для этого данными. Такъ роды кара-кирей или гирей, байджигитъ и тёртоулъ приходится исключить изъ числа найманскихъ, по вышеприведеннымъ основаніямъ, ибо кара-кирей есть только общее названіе для нѣкоторой группы родовъ, въ которой преобладали найманскіе, не утративъ своихъ именъ и особенности; байджигиты— особое племя, а тёртоулы скорѣе принадлежатъ племени аргынъ, чѣмъ найманскому. Далѣе адбанъ и суванъ суть поколѣнія больше-ордынскія, попавшія на сѣверъ степи случайно, въ незначительномъ количествѣ, и къ найманскому племени отнюдь не принадлежащія. Но акъ-найманъ и семизъ-найманъ удостовѣряютъ о своемъ найманствѣ самыми названіями, и нѣтъ основаній отвергать принадлежность къ найманскому племени или по крайней мѣрѣ союзу остальныхъ родовъ, именно мурунъ, сиванъ, матай, садыръ, кожембетъ, кызай, бешъ- и терсъ-тамгалы, булатты (правильнѣе, кажется, булатчи) и входившихъ нѣкогда въ союзъ ергенекты родовъ бура, сары-джумартъ, кокджарлы, баганалы и пр., хотя вѣроятно часть союза ергенекты и не была найманскою. Относительно нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ найманскихъ родовъ не лишне имѣть въ виду слѣдующее: Роды с а д ы р ъ и м а т а й обитаютъ въ лепсинскомъ и копальскомъ уѣздахъ семирѣченской области; первый изъ нихъ дѣлится на вѣтви тугульбай и есенгулъ (исенгулъ В. В. Радлова), а второй на отдѣлы кендже-каптагай и аталыкъ [3]).—Въ числѣ на-

---

[1]) «О киргизахъ и вообще о подвластныхъ Россіи мусульманахъ», Спб., 1887 года, стр. 29.

[2]) «Очерки с.-з. Монголіи», вып. 2, 1881 г., стр. 7.

[3]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о подраздѣленіяхъ садыровъ и матаевъ есть въ «Запискахъ и. р. геогр. общества, по общей географіи», томъ I, стр. 306—315. Въ лепсинскомъ же уѣздѣ есть довольно людный родъ т у м а, который вѣроятно является остаткомъ извѣстнаго племени туматъ, туметъ временъ Чингизъ-хана, частію омонголившагося и составляющаго нынѣ туметскій аймакъ въ южной Монголіи; этотъ родъ тума Г. Н. Потанинъ, какъ выше приведено, считалъ въ составѣ кара-киреевъ.— Изъ статьи Н. А. Абрамова «Рѣка Аягузъ и ея окрестности» (въ №№ 33—35 «Тобольскихъ губернскихъ вѣдомо-

родовъ, «что въ лѣсахъ», на которыхъ Чингизъ-ханъ посылалъ въ 1207 г. Джучія, упоминается рядомъ съ ойра (ойратъ) народецъ «булия (бурия)» [1]: можетъ быть это бура, бури, нынѣ наймановскій родъ, именующійся часто бура-найманъ. О кызаяхъ поминаетъ капитанъ Андреевъ (1785 г.) на югѣ отъ Тарбагатая: «волость кызай улъ булды тургай (?), въ которой старшина Атанбай; подвластныхъ онаго кибитокъ до 700»... Путимцевъ въ 1811 г. нашелъ въ окрестностяхъ Алакуля волости кара-хирей, кызый, байджигитъ, найманъ и дюртогулъ [2]). Кызаи находились въ китайскомъ вѣдомствѣ, перешли во время возстанія мусульманъ въ кульджинское и кочевали до возврата Кульджи китайцамъ около Сайрамъ-нора въ числѣ 1610 киб. или 6458 д. о. п. Нынѣ они кочуютъ около Кунгеса и Каша. Такъ какъ есть кость кызай между шорцами на Мрассѣ [3]), то можно предполагать въ кызаяхъ отуреченныхъ самоѣдовъ. Частица рода баганалы есть въ тургайской области, гдѣ у ней оказываются отдѣленія ак-тазъ и кызыл-тазъ [4]).

По мнѣнію проф. И. Н. Березина, «названіе найманъ есть монгольское числительное найман, восемь, и, конечно, означало союзъ восьми племенъ» [5]). Монгольское «восемь» мнѣ кажется совершенно невѣроятнымъ для имени тюркскаго племени, а что найманы были искони тюрками, это удостовѣряется нынѣшнимъ тюркскимъ языкомъ этого многочисленнаго племени: отуреченіе первоначально монгольскихъ наймановъ было бы не согласно со всѣмъ ходомъ исторіи средней Азіи. Естественнѣе полагать, что имя наймановъ происходитъ отъ рѣки Найма, притока Катуни, и что на ней они первоначально обитали. Перейдя прямо на югъ, въ западную Монголію, найманскій родъ сталъ здѣсь, послѣ паденія уйгурско-орхонскаго ханства, во главѣ мѣстныхъ родовъ теле и турковъ-тукю и образовалъ союзъ родовъ или племя найманское. Во время Чингизъ-хана, когда уничтожены были этимъ завоевателемъ два найманскихъ ханства, занимавшія Монголію отъ Орхона до Чернаго Иртыша, большая часть наймановъ была отброшена на западъ, въ земли, на которыхъ частію и нынѣ обитаетъ, остальные же найманы омонголились.

стей» за 1861 годъ) можно заключить, что въ сѣверной части лепсинскаго уѣзда кочуетъ родъ сиванъ, въ составѣ котораго есть слѣдующія подраздѣленія: джангубекъ, салпы, канджигалы, рамаданъ-хожа, бакы-матай, кирей, боку, куттубай, умюръ, байгубекъ, джангулы, семизъ-найманъ.

[1]) «Труды и. р. духовной миссіи въ Пекинѣ», т. 4, стр. 234.

[2]) «Дневныя записки переводчика Путимцева», Спб., 1819 г., стр. 41.

[3]) Aus Sibirien, I, s.s. 214, 208, 209,

[4]) Добросмысловъ «Скотоводство въ тургайской области», 1895 г. По Мейеру, у наймановъ оренбургскаго вѣдомства уранъ-Катагай.

[5]) «Труды восточнаго отдѣленія и. р. археологическаго общества», часть 5, 1858 года, стр. 264.

По Рычкову (1759 г.), аргыны дѣлятся на девять родовъ: чюкчакъ, (въ «Топографіи оренбургской» — чакчатъ), чарджитъ, тюртюулъ, караулъ, каракисякъ, канджигалы, атгай, тараклы и кулчанъ-аргынской. У Левшина роды аргыновъ: кара-кисякъ, каравулъ-кисякъ, чаръ-джитимъ, джанджаръ, чакчакъ, дюртъавулъ, атыгай, алтай, тебичъ, табаклы, борчи, карпакъ, басантіенъ, агышъкалкаманъ, канджигалы, козюганъ, кукъ-шалъ. По В. В. Радлову, «племя аргынъ кочуетъ на среднемъ Иртышѣ, Тоболѣ, Ишимѣ и т. д., слѣдовательно въ сѣверной части степи, и дѣлится на роды: кара-кесекъ, чаръджетимъ (четыре [1]) сироты), джанджаръ, тёртъаулъ (четыре аула), атыгай, алтай, тербишъ, табакты, борны, карпакъ, басентинъ, агышъ, калканамъ (вѣроятно опечатка вмѣсто калкаманъ), канджигалы (съ сѣдельными ремнями), козуганъ, кёкшалъ». По Балкашину, «въ аргынское племя входятъ: 1) момуны, составлявшіе союзы бегендыкъ и чегендыкъ и заключающіе въ себѣ роды: атыгай, богысъ, канжигалы, табуклы, караулъ, серджетимъ-чакчакъ; 2) союзъ кувандыкъ изъ родовъ: алтай, калкаманъ, агысъ, карпыкъ, темешъ; 3) союзъ суюндукъ изъ родовъ: дюртъ-аулъ, карджасъ, козганъ, коксалъ; 4) особые роды таракты и кара-кисякъ» [2]). Свѣдѣнія Балкашина видимо полнѣе, обстоятельнѣе и систематичнѣе. Онѣ отчасти подтверждаются слѣдующими аргынскими сказаніями [3]), записанными, кажется, покойнымъ Гутковскимъ: «Всѣ три орды, составляющія союзъ казаковъ,... считаютъ своимъ родоначальникомъ нѣкоего Алача, что значитъ чужеземецъ или, буквально,

---

[1]) Едва ли удаченъ этотъ переводъ, очевидно считающій чар за персидское слово. Трудно согласиться, чтобы въ имя, по всей вѣроятности очень древняго, тюркскаго рода, почти въ Сибири, входило персидское слово. Невѣроятно также это для именъ рѣкъ на сѣверѣ Тарбагатая (Чар-гурбанъ) и въ Таньшанѣ (Чар-карытма). Слѣдуетъ, быть можетъ, произносить сар-джитимъ, какъ сар-джумартъ, родъ у наймановъ.

[2]) «Исторія оренбургская», стр. 109, съ поправками по «Топографіи оренбургской», Спб., 1762 г., стр. 145. Левшинъ, III, стр. 9. Aus Sibirien, s. 236. «О киргизахъ» и пр., стр. 29, 1887 г.

По рукописному «Росписанію» родовъ восточной части оренбургскаго вѣдомства Казанцева (1856 года, архивъ р. геогр. общества) значатся слѣдующіе аргынскіе роды: чахчакъ съ отдѣленіями: туманъ, аманъ-юлъ, кучай, бакай, юзаръ, агназаръ, ишназаръ, тянятъ, карабашъ, калкаманъ, баймбетъ и качкаръ; айдарка съ отдѣленіями: кадырмбетъ, уджанъ, елейдаръ, татанъ, бутяка, мурзагулъ, утямышъ и дусымъ-аргынъ: крыкмултыкъ съ отдѣленіями: баймакара, яманкулъ, ульджукулъ и букты; караманъ съ отдѣленіями сююндукъ и тюлякъ; наконецъ джаритимъ съ отдѣленіями: утай, кулякай, джаугачты, кужумджаръ, мадьяръ, чумбулатъ, джіямбетъ, мяджитбай, итишлянъ, тайрыберганъ, тугужа, актажа, байтачи, жакрыкъ и султангильды. По Radloff's Ethnographische Übersicht, s. 26, атыгай, алтай, тербишъ и табакты показаны дѣленіями рода тёртъ-аулъ, кажется, ошибочно.

[3]) «Русскій инвалидъ», 1857 года, № 195, «письмо изъ Омска».

не нашъ... У одного изъ потомковъ Алача былъ сынъ Аргынъ... Онъ имѣлъ нѣсколько женъ; отъ старшей, по киргизски байбче, родился только одинъ сынъ Майрамъ; потомки его извѣстны подъ общимъ именемъ байбче-баласы, т. е. старшей жены сыновья... Потомки другихъ женъ Аргына называются мумынъ— смирные... У Майрама было два сына Кувандыкъ и Суюндыкъ; отъ перваго произошли роды алтаевскій, карпыковскій, токинскій..., а отъ второго произошли роды аидабульскій и корджасскій, составляющіе съ басентеинскимъ родомъ изъ смирныхъ волости баянъ-аульскаго округа». Сообразно этому сказанію приходится прибавить къ аргынскимъ родамъ роды айдабулъ и туки, которые выше упомянуты въ семипалатинскихъ свѣдѣніяхъ, первый у наймановъ подъ именемъ айдагулъ, а второй подъ именемъ туки у байджигитовъ вѣтви тауке [1]). Изъ приводимыхъ Балкашинымъ родъ богысъ есть багышъ, кара-киргизское поколѣніе, случайно попавшее къ аргынамъ, вѣроятно изъ числа плѣнныхъ, уведенныхъ Аблай-ханомъ.

Аргыны не упоминаются у историковъ Чингизъ-хана, но это не значитъ, что они въ его время не существовали. Въ «Юань-ши», китайской исторіи монгольской династіи, народы и племена, подвластныя монгольскимъ императорамъ, раздѣлены на четыре этнографическія группы, изъ которыхъ въ первой помѣщены «монголы и другіе кочевые роды», вѣроятно ближайшіе къ кореннымъ монголамъ; во второй значатся найманъ, тангутъ и онгутъ, а также аргынъ (a-r-hun), кипчакъ, канглы и пр.; въ третьей—сѣверные китайцы, корейцы, кидане и пр., а въ четвертой южные китайцы [2]). Такимъ образомъ аргыны въ монгольское время несомнѣнно существовали и повидимому обитали западнѣе наймановъ, но восточнѣе кипчаковъ, быть можетъ на южномъ и сѣверномъ склонахъ западнаго Тарбагатая и западнѣе. Не упоминались они въ описаніяхъ дѣяній Чингизъ-хана вѣроятно потому, что подчинились безъ боя или безъ особаго противъ нихъ похода. Въ описаніяхъ походовъ Тимура аргыны значатся подъ именемъ аркенутовъ около Чингизъ-тау и Тарбагатая; неупоминаніе въ нихъ наймановъ вѣроятно объясняется тѣмъ, что найманы сидѣли на земляхъ аргыновъ и составляли съ ними сложные аймаки. О дальнѣйшихъ судьбахъ аргыновъ можно составить себѣ понятіе по свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ выше въ краткомъ историческомъ обзорѣ [3]).

---

[1]) А. И. Добросмысловъ («Скотоводство въ Тургайской области», 1895 г.) называетъ еще у аргыновъ въ тургайской области слѣдующіе роды: айдерке, анай, жолдыбай, караманъ, крыкъ-мултукъ, тулекъ, шакшакъ (чакчакъ). Конечно это мелкія подраздѣленія.

[2]) Арх. Палладій въ Journal of the China Branch of Royal Asiatic Society, Shangai, 1875, vol. X, p. 24.

[3]) Племена средней орды, «по преданіямъ киргизовъ, пришли въ занимаемыя ими

Что касается происхожденія племени аргынъ и судебъ его въ домонгольское время, то Г. Н. Потанинъ сближалъ имя аргынъ съ ирхитъ, иргэнъ

степи съ р. Сыръ-дарьи. Изъ нихъ аргынцы двигались тремя партіями. Прежде изъ за Каратаускихъ горъ къ р. Чу и къ Улутавскимъ горамъ направились момуны, состоявшіе изъ двухъ союзовъ бегендыкъ и чегендыкъ; въ числѣ ихъ были роды: атыгай, богысъ, канджигалы, табуклы, серджетимъ-чакчакъ, басентеинъ, караулъ. Далѣе басентеинъ и табуклы ушли къ Баянъ-аулу. Послѣ момуновъ, изъ за Каратау пришелъ союзъ кувандыкъ, состоявшій изъ аргынскихъ родовъ алтай, калкаманъ, агысъ, карпыкъ и томешь. Этотъ союзъ оттѣснилъ момуновъ къ сѣверу и расположился въ степяхъ по верховьямъ р. Сары-су, по р. Нурѣ и т. д. Съ кувандыкомъ прикочевалъ еще родъ кара-кисякъ, занявшій горы у Балхаша. Позднѣе пришелъ третій аргынскій союзъ суюндукъ, состоявшій изъ родовъ дюртъ-аулъ, корджасъ съ ковганомъ и коксакомъ. Дюртъ-аулъ отличался жестокостью и отбросилъ момуновъ отъ Баянъ-аула къ Иртышу. Подобныя же преданія существуютъ о движеніи другихъ племенъ средней орды». «По киргизскимъ родословнымъ, въ потомствѣ лицъ, перекочевавшихъ изъ за Каратау, насчитывается, къ настоящему времени, около 10 колѣнъ, а въ султанскихъ родословныхъ, отъ Гависъ-Джанибека, жившаго въ пору образованія казачьяго союза, до султановъ, живущихъ теперь, заключается не болѣе 15 колѣнъ». Все это приведено мною изъ статьи «Объ изслѣдованіяхъ Н. Н. Балкашина касательно киргизской орды», помѣщенной на стр. 255—263 «Извѣстій и. р. геогр. общества» за 1882 г. и излагающей сдѣланное Балкашинымъ въ засѣданіи отдѣленія этнографіи 12 марта 1882 года сообщеніе. Балкашинъ вѣрно (хотя мотивировалъ не совсѣмъ ясно и удачно) указывалъ на важность и необходимость собиранія родовыхъ именъ и ихъ изученія при помощи историческихъ свѣдѣній. Собранный имъ матеріалъ родовыхъ именъ ограничивался однако средней ордою, да и въ ней, повидимому, лишь аргынами, историческія же свѣдѣнія его и изученія были слишкомъ недостаточны. Именно «изученіе письменныхъ источниковъ (разумѣются Рашидъ-эддинъ, Абулъ-гази и пр.) и позднѣйшихъ сочиненій, относящихся къ кочевникамъ (Левшинъ, Вельяминовъ-Зерновъ и пр.), привело г. Балкашина къ такому выводу: Когда-то въ древности, пастушьи орды объединились въ Харезмѣ и окружающихъ его странахъ. Спустя нѣсколько вѣковъ, тюркскія племена подчиняли себѣ такъ называемыя монгольскія, при чемъ стали кочевать за предѣлами Харезма въ нынѣшней Монголіи, проникая далѣе озеръ Далай и Буюръ-норъ, а монголовъ отбросили частью къ Байкалу, частью къ Кукунору... Потомъ Чингисханъ объединилъ монгольскія племена» и т. д. Такое представленіе объ исторіи тюркскихъ племенъ до Чингизъ-хана является отголоскомъ легендъ объ Угузъ-ханѣ и т. под., и ничего общаго съ дѣйствительными историческими свѣдѣніями о судьбахъ тюрковъ и ихъ этническомъ составѣ не имѣетъ, а потому и тотъ матеріалъ о родовомъ составѣ средней орды, который Балкашинъ собралъ, надлежащей разработки не получилъ. Интересны слѣдующія его замѣчанія о родословныхъ, конечно въ средней ордѣ: «Киргизскія родословныя обыкновенно ведутся отъ Оккосе-сахоба-чакаша, одного изъ 33 т. учениковъ Магомета, посланныхъ имъ во всѣ концы земли». За нимъ слѣдуютъ ходжи Тегесъ, Даудъ, Кара и пр., «изъ нихъ Кара-ходжа чаще другихъ памятенъ киргизамъ. Однако они не считаютъ названныхъ лицъ потомками Магомета, а казаками, т. е. киргизами. Далѣе киргизскими родоначальниками являются Улуджузъ, Ортъ-джюзъ и Кче-джюзъ, т. е. большая, средняя и малая сотни или орды. Но это повидимому позднѣйшее измышленіе, такъ какъ киргизы раздѣлились на три орды не болѣе трехъ вѣковъ тому назадъ. Послѣ того упоминается нѣсколько именъ киргизскихъ богомольцевъ, постоянно помышлявшихъ о Богѣ: Акъ-сопо, Кара-сопо и т. д... Вмѣстѣ съ ними идутъ имена, служащія олицетвореніемъ племенныхъ названій: Аргынъ. Найманъ, Кирей, Котанъ и т. д. У аргынцевъ часто встрѣчаются предки Котанбай и Акджолъ; у киреевъ два предка Ашимайля и Абакъ; у наймановъ—Укурёкъ или Укрешь... Въ самыхъ подробныхъ киргизскихъ родословныхъ отъ Оккосе-сахоба-чакаша до на-

и съ іирками Геродота,[1]) но все это слишкомъ дальнее и ни къ чему не ведущее сходство нѣкоторыхъ звуковъ. Нѣсколько ближе улугъ-еркинъ тюркоорхонскихъ надписей [2]), но обитало это племя гдѣ-то на сѣверо-востокѣ Монголіи, ибо упоминается рядомъ съ байерку (баѣгу у китайцевъ). Мнѣ кажется, что племя аргынъ есть то самое племя, которое въ VII и VIII вѣкахъ извѣстно было подъ именемъ басими у китайцевъ, басмалъ или басмюлъ въ турко-орхонскихъ надписяхъ [3]). По «Танъ-шу», басими имѣли особое отъ уйгуровъ происхожденіе и играли главную роль въ сокрушеніи державы турковъ-тукю въ 742 г., когда, разбивъ и убивъ тюркскаго хана, басими, карлыки и уйгуры, дѣйствовавшіе въ союзѣ, поставили ханомъ Ашинами, главу басими; верховенство басими въ Монголіи не продолжалось однако и трехъ лѣтъ, ибо бывшіе союзники уйгуры и карлыки напали въ 744 году на хана басими и вынудили его бѣжать въ Китай, «а земли и народъ его поступили къ ойхорамъ» [4]) (уйгурамъ). Съ этого времени о басими уже нигдѣ не упоминается и такого имени не сохранилось въ именахъ тюркскихъ родовъ. Объясняется это, по моему, тѣмъ, что имя басмюлъ замѣнилось именемъ аргынъ, имѣющимъ то же самое значеніе: помѣсь, смѣсь. У Марко Поло, въ описаніи области Тандюкъ, говорится, что въ ней господствуютъ христіанэ qui s'appellent Argon, qui veut à dire Gasmul. Издатель и комментаторъ французской версіи «Книги» Марко Поло Потье замѣтилъ по этому поводу, что по Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis Дю-Канжа Basmoule или Gasmoule именовались въ византійской имперіи потомки отца француза и матери гречанки. Отсюда Потье заключаетъ, что аргоны въ Тандюкѣ были потомки отцовъ-несторіанъ и матерей-кераитокъ, предполагая, что несторіане попали къ киреямъ послѣ 845 г., когда они были изгнаны изъ Китая императорскимъ указомъ этого года. [5]) Изъ всего этого въ данномъ случаѣ важно лишь то, что въ XIII вѣкѣ въ Монголіи слово аргынъ употреблялось для означенія помѣси и что такое же значеніе имѣло слово басмюлъ, заимствованное въ Византіи безъ сомнѣнія у западныхъ тюрковъ, которые, стало быть,

---

стоящаго времени заключается болѣе 25 колѣнъ, также, какъ въ родословныхъ ходжъ со времени прибытія послѣднихъ въ Среднюю Азію». Численность аргыновъ Балкашинъ полагалъ въ 500 т. душъ, наймановъ около 1?0 т., киреевъ до 100 т., «кипчакъ и увакъ сравнительно въ небольшомъ количествѣ».

[1]). «Очерки с.-з. Монголіи», вып. 2, стр. 11 и 12.

[2]). Radloff, Die altürk. Inschriften, s. 443. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées, p. 109.

[3]). Radloff, s. 453. Thomsen, p. 123.

[4]). «Собраніе свѣдѣній», 1, стр. 381, 383, 438, 439 и пр.

[5]). Le livre de Marco Polo, éd. Pauthier, Paris, 1865, p. p. 214, 215. Въ числѣ разныхъ комментаторовъ Марко Поло см. арх. Палладія въ «Восточномъ сборникѣ», т. I, Спб., 1877 г., стр. 28 и др.

сохранили для понятія помѣси древнее слово, вышедшее изъ употребленія въ Монголіи. Что басмюлъ былъ именно смѣсью многихъ, вѣроятно разнаго происхожденія, родовъ, это подтверждается означеніемъ въ китайскомъ текстѣ хара-балгасунскаго уйгурскаго памятника VIII или IX вѣка 40 родовъ у басими рядомъ съ 9 только родами у уйгуровъ и 3 родами у карлыковъ [1]). Обитали басмюлы въ VIII вѣкѣ повидимому между монгольскимъ Алтаемъ и китайскимъ Бэйтиномъ (около Гучена), ибо, дѣйствуя въ 720 г. въ союзѣ съ китайцами противъ турковъ-тукю, басими искали опоры въ Бэйтинѣ[2]) и сюда же бѣжалъ въ 744 г. Ашинами-ханъ. Такое мѣстоположеніе кочевокъ басими даетъ основаніе думать, что въ союзъ басими входили части родовъ чуйцевъ, занимавшихъ сѣверные склоны восточнаго Тяньшаня. Очень, затѣмъ, можетъ быть, что союзъ басмюлъ въ V вѣкѣ значился у китайцевъ подъ именемъ гаогюйскаго рода алупь[3]) (аргынъ). Въ виду всего этого и сообразно съ общимъ ходомъ передвиженій племенъ въ Монголіи, надо полагать, что послѣ паденія уйгуровъ басмюлы-аргыны вступили со временемъ въ составъ найманскаго союза, занимая прежнія свои земли на западѣ найманскихъ, и что во время Чингизъ-хана аргыны подались на западъ впереди наймановъ и киреевъ, оставивъ въ монгольскомъ Алтаѣ частицу своихъ родовъ, которые потомъ омонголились и существуютъ у калмыковъ подъ именемъ кости еркетынъ. Во время того же движенія на западъ могла отстать, около Тарбагатая, часть аргынскаго рода тёртоулъ, которая и теперь здѣсь находится, вернувшись на свои мѣста послѣ паденія цзунгаровъ[4]).

---

[1]) Переводъ проф. Васильева въ Die alttürkischen Inschriften, s. 286.

[2]) «Собраніе свѣдѣній», I, стр. 333.

[3]) Тамъ же, стр. 251.

[4]) Изъ свѣдѣній (къ сожалѣнію не достаточно полныхъ) о родовомъ составѣ волостей акмолинскаго уѣзда (акмолинской области) по переписи 1895 года, сообщенныхъ мнѣ А. И. Троицкичъ, видно, что въ нуринской волости съ кувандыкскимъ родомъ темешъ помѣщается родъ тюртогулъ, имѣющій обще-аргынскую тамгу (два круга); изъ отдѣленій этой волости замѣтимъ кыргызъ и бопы. Любопытны далѣе въ спасской волости (кувандыкъ, родъ муратъ) отдѣленія салія (сравн. съ sa-li-ya, старѣйшина Nien-ba-en, который по «Гинь-ши» въ 1160-1190 гг. искалъ помощи чжурчженьскаго императора противъ кара-киданей, совмѣстно съ Bo-gu старѣйшиною рода канглы, см. Bretschneider, Mediaeval Researches, I, p. 223) и баяу (сравн. съ Bo-ya-wu, родомъ канглов, по біографіямъ, помѣщеннымъ въ «Юань-ши», тамъ же, p. 303). Момунскій родъ канджигалы въ коржункульской и ерменской волостяхъ отличается особымъ типомъ лица и имѣетъ тамгу кипчаковъ ||; въ послѣдней волости отдѣленія коскельды, кылдигаръ, оюмъ, кама и джапаръ. Изъ момунскихъ же родовъ куланъ-кипчакъ (ишимская волость) и бoштунъ-кипчакъ (акмолинская волость) тамгу имѣютъ обще-кипчакскую, а родъ кирей (мунчактинская волость отдѣленія ак-сары, кур-сары и козы, и кызылъ-таракская волость отдѣленія бурасъ, курманъ, кур-сары, бискара, дже-

Рычковъ дѣлилъ кипчаковъ на пять колѣнъ: «кипчакской самъ о себѣ, потомъ кунделенъ, узюнъ, танабуга и карабалыкъ». По В. В. Радлову «племя кыпчакъ обитаетъ въ сѣверо-западной части степи по рѣкамъ Тургаю, Убагану, Тоболу, Ую до г. Троицка и Устьуйской крѣпости. Оно состоитъ изъ родовъ: торы-айгыръ, туючка, кытабакъ, бултунъ, кара-балыкъ, кюнделенъ, тана-буга, узунъ и кокъ-бурунъ». Имъ, стало быть, въ точности повторено исчисленіе родовъ кипчаковъ, значащееся у Левшина. По А. И. Добросмыслову, Танабугу считаютъ сыномъ Карабалыка, особенно прославившимся и потому давшимъ имя особому роду; по этому автору, въ тургайской области имѣются слѣдующіе кипшак'скіе роды: бултунъ, кара-балыкъ, кульдененъ, танабуга, торы-айгыръ и узунъ [1]).

Арабскіе писатели эмиръ Рукнъ-эддинъ Бейбарсъ (умеръ въ 1325 г.) и Ибнъ-Хальдунъ,- разсказывающіе, что поводомъ къ подчиненію кипчаковъ монголамъ послужила вражда между ихъ родами дурутъ и токсоба за убіеніе Монгуша изъ перваго рода Аккубулемъ изъ втораго,—приводятъ имена одиннадцати родовъ кипчакскихъ: 1) токсоба, 2) іета (по ибнъ-Хальдуну сета), 3) бурджоглы, 4) бурлы (эльбули), 5) Кангуоглы, но можно читать и кангароглы (канааралы), 6) анджоглы (оглы), 7) дурутъ, 8) карабароглы (калабаалы), 9) джузнанъ (джерсанъ), 10) карабирклп (кадкабиркли), 11) котянъ (кунун) [2]). Изъ этихъ именъ можно узнать въ 8-мъ кипчакскій родъ карабалыкъ, но такъ какъ подъ кипчаками у арабскихъ писателей конечно разумѣлись не одни собственно кипчаки, но и другія тюркскія племена, обитавшія въ кипчакской степи, то въ бурджъ-оглы можно видѣть аргынскій родъ боршы, въ дурутъ—аргынскій же родъ тёртоулъ (дюртъ-огулъ или оглы), въ кангу-оглы—племя канглы, въ анджоглы - аргынскій родъ канджигалы. Токсоба едва ли собственное родовое имя; въ узбекскихъ позднѣйшихъ ханствахъ это было придворнымъ званіемъ и производится отъ туг или тук—знамя [3]).

бике и толке) сохраняетъ обще-киреевскій крестъ. Въ чирубай-нуринской волости (кувандыкскій родъ карекс) есть отдѣленія ток-бура, ак-бура, чучакъ, баргана, кенджигары и агысъ-нурбай. Вообще аргынское племя оправдываетъ значеніе своего имени, будучи дѣйствительно смѣсью киреевскихъ, найманскихъ, кипчакскихъ и т. д. частицъ.

[1]) Вышеуказанныя сочиненія тѣхъ же авторовъ. По рукописному «Росписанію» родовъ восточной части оренбургскаго вѣдомства Казанцева (1856 года, въ архивѣ р. геогр. общества) тамга у рода кипчакъ | и показаны слѣдующія отдѣленія его: карабалыкъ, уста, юка, кирта, исянгильды, кунгуръ, куба, юлдай, качикъ, алатай, джакдаякъ, ташкуръ, арукъ, балгачи, научанъ, ярбасты и алтыбашъ.—По Мейеру, у кипчаковъ оренбургскаго вѣдомства уранъ - Айбасъ.

[2]) «Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой орды» бар. В. Тизенгаузена, томъ I, извлеченія изъ сочиненій арабскихъ, Спб., 1884 года, стр. 540—542.

[3]) Впрочемъ есть роды токъ (у кундровскихъ татаръ, см. Небольсина «Волжское низовье» въ «Журналѣ мин. вн. дѣлъ», 1852 г., ч. 4, стр. 359) и суба (отдѣленіе рода

По Рашидъ-эддину, «имя кыпчакъ—производное отъ кабукъ, которое по турецки будетъ выгнившее въ срединѣ дерево» [1]). По мнѣнію проф. Березина, «настоящій корень для слова кыпчакъ должно искать въ турецкомъ кыпмакъ—мигать» [2]). Въ сущности происхожденіе имени кыпчакъ остается неизвѣстнымъ Не нашелъ я въ Алтаѣ и Саянахъ и имени рѣки или мѣстности Кыпчакъ [3]). По видному положенію кости кыпчакъ между алтайцами, гдѣ есть изъ среды ея наслѣдственный зайсанъ, можно полагать ей древнее алтайское происхожденіе. Вслѣдствіе близости по тамгѣ, составляющей повтореніе или удвоеніе канглынской, и по многовѣковому сосѣдству въ степи, надо допустить близкое родство кыпчаковъ съ канглами, если не происхожденіе отъ послѣднихъ. Недостатокъ свѣдѣній о дѣленіяхъ кипчакскихъ родовъ и ихъ тамгахъ лишаетъ возможности точнѣе выяснить отношенія кипчаковъ къ прочимъ тюркскимъ племенамъ. Китайскіе историки («Ганъ-му», подъ 1237 г.) утверждаютъ, что богатый превосходными лошадьми народъ кипчакскій (kin-ch'a) «искусенъ въ обработкѣ кожъ и металловъ и имѣетъ голубые глаза и красные (рыжіе) волосы» [4]). Если,—что всего вѣроятнѣе,—китайцы не зачислили въ кипчакскій народъ того времени восточныхъ финновъ и русскихъ, тогда подвластныхъ кипчакскимъ чжучидамъ, то свѣтлую окраску части кипчаковъ слѣдуетъ отнести къ смѣшенію ихъ съ западными динлинами и угро-финнами.

Въ настоящее время кипчаки имѣются главнымъ образомъ среди киргизъ-казаковъ тургайской области и отчасти акмоллинской. Численность ихъ много меньше относительно, чѣмъ численность аргыновъ и наймановъ, именно, какъ полагаю я приблизительно, едва ли не менѣе 30 т. кибитокъ. Такое умень-

---

кызымъ-куртъ букеевской орды, см. Я. Ханыкова «Очеркъ состоянія внутренней киргизской орды въ 1841 г.» въ «Запискахъ и. р. геогр. общества», 1847 года, кн. 2, стр. 36), изъ которыхъ могъ состоять сложный родъ токсуба.

[1]) «Записки и. Академіи наукъ», томъ 72, книжка I, «Къ вопросу объ уйгурахъ», стр. 34. Есть на югѣ отъ хребта Сауру рѣка Кобукъ; въ объясненіе ея имени составители «Мэн-гу-ю-му-цзи» говорятъ, что «хобокъ значитъ насосъ, сдѣланный изъ кожи, употребляющійся для накачиванія воды изъ колодца» («Записки о монгольскихъ кочевьяхъ», перев. П. С. Попова, Спб., 1895 г., стр. 465).

[2]) «Журналъ мин. народнаго просвѣщенія», 1853 года, часть 79, іюль и августъ, стр. 237).

[3]) Въ «Очеркѣ киргизской степи къ югу отъ арало-иртышскаго водораздѣла, въ акмоллинской области» г. Ю. Шмидта («Записки западно-сибирскаго отдѣла и. р. геогр. общества», кн. 17, вып. 2, 1894 г., стр. 5) упоминается р. Кыпчакъ, въ числѣ притоковъ озеръ Денгизъ и Кургалджинъ, какъ и рѣчка Кирей, но едва ли эти названія не новаго происхожденія.

[4]) Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources by Bretschneider, London, 1888, vol. 2, p. 72.

шеніе численности многолюднаго и могущественнаго племени, по имени котораго нѣкогда степь называлась Дештъ-кипчакомъ и улусъ джучіевъ ханствомъ кипчакскимъ, есть результатъ того, что оно съ одной стороны выдѣлило изъ себя значительныя массы на западъ, гдѣ вошло въ составъ башкировъ, ногайцевъ, крымскихъ, волжскихъ и казанскихъ татаръ, съ другой же, будучи главною опорою владычества чжучидовъ, массами же ушло на юго-востокъ въ ополченіяхъ шейбанидовъ и составило главную часть узбековъ, особенно въ Ферганѣ и между Зеравшаномъ и Сыръ-дарьею, а также въ Хивѣ.

По Левшину, въ средней ордѣ существуетъ особое племя увакъ-гирей, состоящее изъ родовъ: увакъ, гирей или кирей и тараклы. Рычковъ въ числѣ 4-хъ «генеральныхъ родовъ» средней орды называетъ «увакъ-гирейцевъ». В. В. Радловъ, который вообще племя кирей дѣлитъ на абакъ-кирей, каракирей и таракты, особо объ увакъ-кирей не упоминаетъ. По Балкашину, «уваки (ерь-кокче) заключаютъ въ себѣ роды сарыбагысъ, сарча, сарманъ, чога, муратъ, бійдалы, джансары, баимбетъ».[1]) Изъ этихъ родовъ сарыбагышъ есть вѣроятно кара-киргизскій родъ, попавшій въ среднюю орду во второй половинѣ XVIII вѣка, когда Аблай-ханъ «плѣненныхъ во множествѣ бурутовъ (т. е. кара-киргизовъ) отослалъ въ сѣверную часть средней орды, гдѣ они и дѣти ихъ донынѣ живутъ, составляя родъ, извѣстный подъ именемъ джаны или яны-кыргизъ, т. е. новые киргизы»[2]). Имена родовъ сарча, сарманъ, джансары указываютъ на динлинское происхожденіе ихъ и на принадлежность киреямъ, если вѣрить именованію увакъ-кирей[3]); происхожденіе собственно уваковъ и тараклы остается неизвѣстнымъ. Въ древнихъ историческихъ извѣстіяхъ, сколько намъ извѣстно, имени увакъ не встрѣчается.[4])

[1]). См. тѣ же книги упомянутыхъ авторовъ.

[2]). Левшинъ, часть 2, стр. 267 и слѣд.

[3]). А. И. Добросмысловъ («Скотоводство въ тургайской области», 1895) называетъ въ тургайской области отдѣленіе уваковъ иричи и даетъ его тамгу крестъ, т. е. киреевскую. По «росписанію» родовъ восточной части оренб. вѣдомства Казанцева (рукопись, 1856 года) значится родъ илончи-увакъ съ тамгою ⁻⁻// и отдѣленіемъ казъ.

[4]). По поводу названія ерь-кокче, присвоиваемаго Балкашинымъ племени увакъ, можно имѣть въ виду, что Еръ-Кӧкчӧ, сынъ Айдаръ-хана и потомокъ Камбаръ-хана, является однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ кара-киргизской поэмы о Манасѣ (В. В. Радловъ «Образцы народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ нарѣчій», часть 5, Спб., 1885 г.). Призывая на помощь духовъ предковъ, бакса изъ племени аргынъ, заклинанія котораго записалъ В. В. Радловъ (Aus Sibirien, B. 2, s. s. 64, 65), упоминалъ Кӧкчӧ, предка уваковъ, Кара-Кошà, отца Аргына, Торъ-айгыра съ четырьмя сыновьями, Кубанбая, предка кара-кисековъ, Кандыбая, предка Кара-Керея, Шӧпнъ-кара, предка рода тасъ, Кентъ-бугу, родоначальника племени терстенъ-бала, Бурлубая, предка племени бассентинъ.—Такъ какъ заклинанія должны передаваться шаманами изъ поколѣнія въ поколѣнія въ болѣе или менѣе неизмѣнной формѣ, то легко можетъ быть, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ содержатся драгоцѣнныя указанія и разъясненія родовыхъ отношеній и происхожденія родовъ.

Къ племенамъ же средней орды обыкновенно относятъ племя конгратъ. Рычковъ о немъ не упоминаетъ. Капитанъ Андреевъ (1785 г.) имѣлъ свѣдѣнія о волости «кундрацкой», въ которой «главнымъ старшиной» считался Полатъ-ханъ и при немъ Абучей-солтанъ; въ ней было болѣе 3500 кибитокъ, кочевала же она смежно съ «волостью усюйской», т. е. усюнской или большой ордой, около города Туркестана и р. Сыръ-дарьи, а въ лѣтнее время доходила до р. Тургая и озера Телегула, въ которое впадаетъ р. «Сарасу», т. е. Сары-су. Левшинъ зналъ, что конгратовъ больше причисляютъ къ средней ордѣ, но послѣдовалъ за тѣми, кто помѣщалъ ихъ, по смежности кочевокъ и подчиненности коканцамъ, въ большой ордѣ; онъ показалъ у конгратовъ слѣдующіе роды: байларъ-джанджаръ, уразъ-гельды, кульджегачъ, бочманъ, токбулатъ, яманбай, кура-куся, этимляръ, куюшъ-сансызъ. В. В. Радловъ правильно относитъ племя конгратъ къ средней ордѣ и говоритъ: «Конграты кочуютъ большею частію въ ташкентской сторонѣ и смѣшанно съ киргизъ-казаками большой орды, такъ что теперь они сами себя большею частью причисляютъ къ большой ордѣ. Они дѣлятся на двѣнадцать родовъ, изъ которыхъ шесть считаются алты-ата-Кöктынгъ-улы (шесть сыновей отца Кöка), остальные же шесть алты-ата-Кöктöнгчю (шесть отцовъ Кöктöнгчю)».[1]) Имена ихъ не приведены.

Конграты есть племя монгольское. По Рашидъ-эддину, хонкираты принадлежали къ племенамъ, которыя извѣстны были издревле подъ именемъ монголовъ и назывались вмѣстѣ съ нѣсколькими другими племенами монголами дюрлюгунъ, въ то время, какъ «настоящіе» монголы именовались нирунами. «Хонкираты вышли изъ Эргэнэхонъ прежде всѣхъ..., внезапно, такъ что очаги другихъ племенъ повергли подъ ноги... Мѣстопребываніе хонкиратовъ есть предѣлы Онгу» (т. е. китайская Великая стѣна)[2]). По «Юань-чао-ми-ши»[3]), «тѣргѣ, амѣ и другіе унгира» (т. е. кунграты) обитали при впаденіи р. Халхи въ озеро Буйюръ. Хонкираты составляли пять тысячъ изъ 129 тысячъ войска Чингизъ-хана; ихъ дочери выдавались въ замужество за сыновей и внуковъ завоевателя[4]). Вѣроятно часть четырехъ тысячъ, данныхъ Джучію отцомъ, состояла изъ конгратовъ; они несомнѣнно имѣли большое значеніе при дворѣ джучидовъ и въ управленіи подвластными народами. Все это

---

[1]) Aus Sibirien, I, s. 237.

[2]) «Введеніе», стр. 4. По догадкѣ Howorth'а (History of the Mongols etc, Part 2, Divis. 1, 1880, p. 15), имя конгратовъ или кунгуратовъ можетъ происходить отъ упоминаемой д'Оссономъ въ восточной Монголіи рѣки Кунгуръ.

[3]) «Труды р. духовной миссіи въ Пекинѣ», т. 4, стр. 91 и 207.

[4]) «Труды восточнаго отдѣленія и. р. а. о.», ч 15, 1888 г., стр. 139.

дѣлаетъ понятнымъ образованіе въ удѣлѣ джучіевомъ, въ кипчакской ордѣ, союза мѣстныхъ тюркскихъ родовъ съ именемъ конгратъ, полученнымъ конечно вслѣдствіе возникновенія его подъ главенствомъ джучидскихъ конгратовъ. Часть этого союза, и съ нею вѣроятно почти всѣ кровные конграты, ушла съ шейбанидами въ Маверанагръ, оставшись вѣрною потомству завоевателя, но часть осталась съ киргизъ-казачьими родами, стремясь и здѣсь служить ханамъ. Этимъ, кажется, объясняется кочеваніе конгратовъ вблизи Туркестана, гдѣ обыкновенно пребывали старшіе ханы. Вышеупомянутый Полатъ или Пулатъ-ханъ былъ, кажется, сыномъ хана средней орды Абулъ-Маметъ-хана, также владѣвшаго Туркестаномъ. Разсмотрѣніе родовыхъ именъ, приведенныхъ Левшинымъ, подтверждаетъ, что конгратскій союзъ состоялъ изъ частей тюркскихъ родовъ, а не монгольскихъ. Такъ, роды байларъ-джанджаръ, кара-куся, т. е. кара-кисякъ, и этимляръ, т. е. джитимъ, суть аргынскіе роды джанджаръ, кара-кесекъ и сар или чар-джитимъ. Вѣроятно и остальные роды принадлежатъ племенамъ средней орды, особенно кипчакамъ.

Средне-ордынскія генеалогическія сказанія, сообщенныя Мусой Чормановымъ (аргынецъ, союза суюндыкъ, рода корджасъ), объединяютъ племена этой орды такимъ образомъ, что у предка всего киргизъ-казачьяго народа Котана [1]) было три сына: Акджолъ, Альчинъ и Юсунъ, отъ которыхъ пошли три орды—средняя, меньшая и большая; у Акджола было восемь сыновей: четыре отъ законной жены—Кипчакъ, Аргынъ, Найманъ и Конгратъ, и четыре отъ незаконной—Кирей, Уакъ, Тараклы и Тюленгутъ [2]). Понимать эти сказанія слѣдуетъ такъ, что первыя четыре племени болѣе людны и сильны и ранѣе пришли на мѣста, занимаемыя средней ордою; киреевъ аргынецъ помѣстилъ въ незаконные сыновья потому, что главная ихъ часть

---

[1]) Имя озера Котанъ или Хотанъ,—лежавшаго, думаю, въ низовьяхъ Таласа или Чу, если не такъ названъ былъ Иссыкъ-куль,—встрѣчается въ «Исторіи династіи Хань», при описаніи похода китайскаго намѣстника Восточнаго Туркестана противъ кангюйцевъ и союзника ихъ шаньюя сѣверныхъ хунновъ Чжичжы, въ послѣдней половинѣ I вѣка до Р. X.: Le tou—oueï, voulant partir du royaume de Ouen-sou (владѣніе Вынь-су находилось на ю.-в. отъ нынѣшняго Ушъ-Турфана), suivit la route du nord (т. е. пошолъ чрезъ перевалъ Бедель), entra en Tchi-kou (т. е. достигъ мѣсторасположенія разрушеннаго уже города Чи-гу, на р. Кызылъ-су), passa au delà du pays des Ou-soun, franchit les frontières du Khang-kiu, et arriva à l'ouest du lac de Khotan. Alors Pao-tien, vice-roi de Khang-kiu, se mettant à la tête de plusieurs miliers de cavaliers, commit des brigandages à l'est de la ville de Tchi-kou, tua et enleva au Grand Kouen-mi environ mille hommes, et détruisit une grande quantité de betail. Puis il atteignit les derrières de l'armée des Han et commit des déprédations considérables dans les bagages de l'arrière-garde (переводъ St. Julien, см. Les Huns blancs ou Ephtalites par M. Vivien de St-Martin, Paris, 1849, p. 54).

[2]) «Очерки с.-з. Монголіи», вып. 4, 1883 г., стр. 15.

живетъ далеко, на китайскихъ земляхъ, и мало извѣстна нынѣшнимъ средне-ордынцамъ; уаки и тараклы попали въ незаконные по малочисленности и неизвѣстности происхожденія; наконецъ тюленгуты, разсѣянные во всей средней ордѣ и состоящіе главнымъ образомъ изъ забранныхъ въ плѣнъ и обращенныхъ въ рабство казачьими ханами и султанами во время набѣговъ половины XVIII вѣка въ Алтай телонгетовъ, являются малочисленнымъ и завѣдомо чуждымъ родомъ [1]).

По тѣмъ же сказаніямъ, незаконные сыновья должны были прислуживать законнымъ: одинъ (Кирей) мелъ юрту, почему у него тамгою - чиликъ (лоза); Уакъ обязанъ былъ ставить юрту, за что получилъ тамгу баканъ (подпорка для чарганака — верхняго круга деревяннаго остова юрты); Тараклы чистилъ лошадей, почему его тамгою служитъ таракъ (гребень), а Тюленгутъ пасъ лошадей съ пикой въ рукѣ для отраженія барантачей, отчего тамгою его является найза (пика). Почему-то однако чиликъ ⟵⊤⊤ является у Чорманова тамгою не только киреевъ, но и конгратовъ. По свѣдѣніямъ Левшина тамга киреевъ +, а по Н. И. Гродекову («Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарьинской области», Ташкентъ, 1889 г.) ◻◻ [2]). Тамга уваковъ по

---

[1]) Султанъ Ахметъ Джантюринъ, правившій восточной частью оренбургскихъ к.-казаковъ, гдѣ имѣлись частицы родовъ средней орды, передавалъ Небольсину, что средняя орда состоитъ изъ шести племенъ, происходящихъ отъ одного общаго родоначальника: аргынъ, кыпчакъ (изъ родовъ карабалыкъ, на Тоболѣ, узунъ, кульдененъ, въ сибирской степи и въ кокансхихъ владѣніяхъ, и турайгаръ, на Тургаѣ), найманъ (большею частію близъ Чугучака), кунгратъ (въ Коканѣ), кирей (на Тоболѣ) и уакъ (Небольсинъ въ «Вѣстникѣ и. р. г. о.», 1852 г., ч. 4., стр. 24).

[2]) На двухъ изъ найденныхъ въ минусинскомъ округѣ древнихъ серповъ изъ красной мѣди оказались тамги (В. В. Радловъ «Сибирскія древности». т. I, вып. 3, Спб., 1894 г, таблица X, фигуры 5 и 7): + (фигура 5, серпъ, найденный на берегу р. Сиды, праваго притока Енисея) и ◻◻ (фиг. 7, найденный вблизи села Бейскаго). Первая тождественна съ наиболѣе распространенною кирейскою тамгою въ видѣ креста, вторая же представляются производною отъ втораго типа киреевскихъ тамгъ, къ которому принадлежитъ, въ качествѣ производной же, тамга поколѣнія сары-уйсунь, остатка усуней въ большой ордѣ. Къ объясненію кирейскихъ тамгъ на Енисеѣ могутъ служить упоминанія въ актахъ XVII вѣка о небольшомъ родѣ караитъ, встрѣчающемся также подъ именемъ керетцевъ и керельцевъ (Фишера «Сибирская исторія», 1774 г, стр. 509 и 518, и «Русская историческая библіотека», томъ 4, стр. 318), близъ устья Абакана и на Бѣломъ Юсѣ съ кыргызами. На картѣ при «Сибирской исторіи» караиты означены на правомъ берегу Енисея между этою рѣкою и р. Тубою. Упомянутый родъ стоялъ къ кыргызамъ въ такомъ же отношеніи, какъ тубинскій, т. е. считался близкимъ и равноправнымъ. До изданія 3 выпуска «Сибирскихъ древностей» можно было предполагать, что караиты суть частица киреевъ, нашедшая пріютъ у кыргызовъ на Енисеѣ послѣ разгрома киреевъ при Чингизъ-ханѣ. Древніе серпы изъ красной мѣди съ киреевскими тамгами даютъ основанія допускать возможность существованія частицы киреевъ на Енисеѣ въ гораздо болѣе раннее время, подкрѣпляя догадки о родствѣ киреевъ съ динлинами и усунями, а также съ «пѣгимъ народомъ», который, по Матуань-

Левшину >, а найманов V, по Чорманову же ⊓, тогда какъ Гродековъ даетъ послѣднюю въ качествѣ тамги конгратовъ. Разнорѣчія являются вѣроятно главнымъ образомъ слѣдствіемъ того, что тамги постороннихъ родовъ принимаются за тамги племени, въ составѣ котораго онѣ случайно находятся, и быть можетъ разъяснятся, когда будутъ собраны и изучены имена родовыхъ подраздѣленей средней орды и ихъ тамги, о которыхъ свѣдѣнія пока скудны.

Въ заключеніе этого, занявшаго уже много мѣста, изложенія свѣдѣній и матеріаловъ для выясненія племенного и родового состава средней орды, составляющей, по своей численности и значенію, главную часть киргизъ-казачьей народности, я считаю полезнымъ привести краткія извлеченія изъ данныхъ о родовомъ составѣ средней орды по двумъ рукописнымъ источникамъ, изъ которыхъ одинъ относится къ 1785 г. и другой къ 1833 г.

По «описанію средней орды киргисъ-кайсаковъ», «собранному (въ) 1785 г. капитаномъ Андреевымъ» (рукопись и. р. геогр. общества), ближайшею къ крѣпости Устькаменогорской, составлявшей крайній восточный пунктъ сибирской линіи, къ которой пріурочено описаніе, названа волость увакъ-киреевская, находившаяся въ 20 верстахъ и состоявшая изъ 120 кибитокъ. Волость кокъ-ярлынская (т. е. родъ кокджарлы), въ числѣ около 900 киб., кочевала въ 30 верстахъ отъ Устькаменогорска, на лѣвой сторонѣ р. Иртыша. Волость учаклы-усюйская, въ 40 киб., находилась на р. Аблайкиткѣ; это «отшельцы отъ волости усюйской, которая находится за городомъ Туркестантомъ»: очевидно это части поколѣнія учакты или ошакты большой или уйсуновской орды, главная масса котораго тогда кочевала, какъ и нынѣ, около Сыръ-дарьи. Волость акъ-найманская, въ 500 киб., имѣла кочевки противъ китайскаго караула Карбага-базаръ между р. р. Буканъ и Че(р)генакъ, въ 150 в. отъ Устькаменогорска. Волость табуклы-унуюзъ (?)-найманская, 200 киб., кочевала на сѣверной сторонѣ «Тарбагатая». Волость караулъ-ясыкъ-найманская, 200 киб., находилась противъ города Чугучака. Волость чирнучинская (должно быть киреевскій родъ чиреучи), въ 300 киб., располагалась на правой сторонѣ Иртыша, около устья р. Нарыма. Волость каракашъ-кирейская, 300 киб., кочевала выше устья р. Нарыма.

Отъ Устькаменогорска до форпоста Талицкаго, внизъ по Иртышу, по

линю (см. свѣдѣнія Дегвиа выше въ главѣ III), употреблялъ мѣдные сосуды (а стало быть и орудія) еще во времена династіи Танъ, когда въ землѣ кыргызовъ добывались золото, желѣзо и олово («Собраніе свѣдѣній», I, стр. 444), но не мѣдь, которой не упоминалось.

лѣвой его сторонѣ, показаны волости: сиванъ-киреевская, 100 киб., на р. р. Чаръ-гурбанъ и Кизылкѣ; матайская, до 700 киб., въ ур. Тюмень и на р. Чаръ-гурбанъ; акимбетъ-кирейская, до 300 киб., въ горахъ Делбегетей (?); другая часть той же волости, до 200 киб., лѣтовки имѣла въ камнѣ Дербугатай (Тарбагатай?) на р. Чаръ-гурбанѣ. Отъ форпоста Талицкаго до крѣпости Семипалатной кочевала волость уваковская, дѣлившаяся на пять «поколѣній»: койбагышъ, яну, бай, чукча и иргенекъ; въ нихъ до 9 т. человѣкъ.

Противъ Семипалатной крѣпости находилась чубактаръ (чубаръ-айгыръ?)—кирейская волость, съ 4 т. душъ обоего пола, а въ горахъ Чингизъ-тау кара-кирей-найманская (число кибитокъ и душъ не показано), въ которой султанствовалъ, до смерти въ 1783 году, Абулфеисъ, сынъ Абулъ-маметъ-хана. Въ горахъ Дербегетей кочевала волость ювашъ-матайская, изъ 450 киб. Отъ Семипалатной до форпоста Долонскаго простиралась волость бура-найманская, изъ поколѣній тазларъ, алтыбай и джавитей, въ числѣ 1.500 д. о. п. Въ горахъ Тюмень была частица волости терстамгалинской, 50 киб.

Противъ форпоста Долонскаго начиналась волость басантейская, до 3.500 д. о. п., главою которой состоялъ Урусъ-солтанъ, сынъ Султанъ-Маметъ султана. Въ горахъ Муржу и Дегеленъ кочевала волость каракисецкая въ 7 т. ч., кромѣ женъ и дѣтей, подъ властію Маманъ-султана. Противъ крѣпости Ямышевской до горъ Баянъ-улы находилась, въ вѣдѣніи Тюря-Батыръ-султана, волость дюртаулская, въ числѣ 5 т. ч., кромѣ женъ и дѣтей. Въ сопкахъ Агурюйскихъ, въ 280 в. отъ Семипалатной, кочевала волость тараклинская, 40 киб. Ниже кр. Ямышевской обитала волость кипчацкая, въ 5 т. ч., не считая женъ и дѣтей, въ вѣдомствѣ Султанъ-Маметъ султана. Далѣе волость канжегалинская (родъ канджигалы), 200 киб., волость карлеуцкая (?), 40 киб., отдѣлившаяся частица волости уваковской подъ именемъ баба-кирейской, 30 киб., сиванъ-кирейская, 45 киб., и курсары-кирейская, 70 киб. Ниже кр. Желѣзинской частицы волостей кипчацкой и киреевской, и наконецъ баганалы-киреевская 90 киб.

У кр. Омской сибирская линія, шедшая доселѣ по Иртышу, направлялась далѣе на западъ степью къ кр. Св. Петра, на р. Ишимѣ, и далѣе до соединенія съ линіей оренбургской. По ней были волости: близъ Омской крѣпости киреевская, 25 киб.; противъ крѣпости Покровской части кипчацкой, атагайской и увакъ-киреевской. По близости кр. Св. Петра, вверхъ по р. Ишиму, простирались земли волости атагайской, въ «которой главой

почитается владѣлецъ Ували-ханъ», кочующій въ горахъ Ӏенгусъ-тау; въ ней до 8 т. ч. Съ атагайской «обще» располагалась волость караульская до оз. Каркалджина, 4 т. ч.

Около кр. Прѣсногорьковской упоминается волость чаржатынская (чарджитымъ), 270 киб., и наконецъ въ концѣ сибирской линіи, часть кипчацкой волости, 150 киб., вѣдѣнія султана Худайменды, въ вершинахъ рѣки Тобола.

Капитанъ Андреевъ сообщаетъ еще, по слухамъ, свѣдѣнія о находившихся вдали отъ сибирской линіи и мало ему извѣстныхъ волостяхъ: 1) кундрацкой (конгратъ), вѣдѣнія Пулатъ-хана и Абучей-солтана, въ числѣ болѣе 3.500 киб. около города Туркестанта и р. Сыра, простирая свои лѣтовки до р. Тургая и оз. Телегула, въ которое впадаетъ р. Сарасу; 2) усюнской (большой орды) [1]), кочующей въ числѣ 4 т. киб. за городомъ Туркестантомъ, по р. Сыру и Талашу; волость эту одни считаютъ частью средней орды, другіе—большой, третьи же говорятъ, что она подвластна Нурали-хану (т. е. принадлежитъ малой ордѣ); 3) чакчацкой, 370 киб., по р. Алабугѣ, притоку Тобола и пр.; 4) садырской, вѣдѣнія Кучукъ-султана, до 1700 киб., по р.р. Буканъ-Куканъ и Сарысу, до верховьевъ Нуры; 5) алчинской, до 12 т. киб., съ особливымъ ханомъ Каипомъ, который не подвластенъ ни Ували-хану ни Нурали-хану.

Въ орѳографіи вышеприведенныхъ родовыхъ и географическихъ именъ я придерживался подлинника. Въ общемъ расположеніе родовъ средней орды оказывается не далекимъ отъ нынѣшняго. Если имена многихъ родовъ не попали въ «Описаніе» Андреева, напр., нѣтъ даже имя племени аргынъ, то это произошло отъ случайности разспросовъ и видимой поверхностности ихъ въ западной части сибирской линіи, которая была Андрееву плохо знакома.

По статистическому описанію, составленному въ 1833 году назначенною въ 1832 году для военно-топографической реконосцировки омской области экспедиціею подъ начальствомъ ген. штаба подполк. Бутовскаго, показаны въ кокчетавскомъ округѣ волости: майли-балта-атагай (въ ней главные роды бабасанъ 286 киб., сюрндукъ-кара 228, ильтокъ 150, сары-баласы 342, кадыръ 280), атагай-багышъ (донкой 150, рыскулъ 198, куланъ-су 80),

---

[1]). Судя по указаннымъ въ рукописи именамъ родовъ, эта волость состояла изъ частей родовъ поколѣній дулатъ и сергелы. Въ другомъ мѣстѣ капитанъ Андреевъ даетъ еще свѣдѣнія о волостяхъ, располагавшихся на китайской границѣ отъ Тарбагатая до р. Или: по именамъ все это оказались части большой орды, а потому приводить эти свѣдѣнія здѣсь неумѣстно; къ средней ордѣ изъ нихъ относились только волости кызай и тюртаулъ, свѣдѣнія о которыхъ Андреева уже приведены выше.

киргизъ (допана-киргизъ 155 к. и басай-киргизъ 180), джавлубай-караулъ (дусенъ 110, серке 75, кульдей 63), куттумбетъ-караулъ (новой 205 и малай 205 киб.), кылды-караулъ (джаиганъ 176, тарагай 150 и кувандыкъ 66), идыкбай-кашкаръ-караулъ (бай-кашкаръ 145, идыкбай 150), баба-атагай (баба 490), рысай-атагай (исеньгельды 376), койли-атагай (карабалыкъ 207 и алмамбетъ 307), худайберды-атагай (кочкулы и уразъ 249, андагулъ и джумукъ 330, джантели и акмалычъ 236), нагай-караулъ (исеньгельды 219), атагай-багышъ (назаръ, байназаръ и серкечъ 615 к.), балта-кирей [балта 184), курсары-кирей (буразъ и курманъ 45), увакъ (чага 132), баимбетъ-атагай (айбашъ 385 к.). Въ «водворяемомъ» аманъ-карагайскомъ округѣ: волости увакъ (главные роды бійдалы 500 к., джансары 525, баръякши 450, чайгузъ 225, сергалы 50, иренчи-увакъ 50), кирей (кучебе 700, саванъ 500, матакай 1000, самай 500, исеньбакты 200, именалы 150, кантай 250, тазда-кирей 100, давлембетъ 100, нурумбетъ 380, капсюдъ 540, чагалакъ 100, каракемпиръ 80 и нуралы-култаба 180), аргынъ (тазъ 700, утей 500, калукай 500, актачъ 510, тагачъ 100, джіембетъ 200, канжигалы 500, кубетъ-узунъ-туръайгыръ-кипчакъ 350, баганалы 300, аргынъ-акчаты 100, аргынъ-сугуръ 40, матакай-кирей 500, аргынъ-чарджитымъ 300 и аргынъ-джултай 135). Въ предполагавшемся тургайскомъ округѣ: «части волостей джугары, тюбень-чикты и крыкъ-малтыкъ аргынскихъ, баганалинскихъ. балталинскихъ, кидель, турайгыръ и кійтаба кипчакскихъ», всего 30.000 к. Въ «водворяемомъ» мунчактинскомъ округѣ: курсары-кирей 4011 к., аксары-кирей 908, качакъ-акты и дживаръ-караулъ 2100, канжигалы 6420, аджибай 1580, канжигалы 2000, аксары-кирей 3592, итого 20.611 киб. Въ акмоллинскомъ округѣ: алтай 4191 к., алчинъ 35, бирючъ 329, джагалбайлы 125, калкаманъ 56, каршыкъ 6124, кипчакъ 5, коксалъ 30, козганъ 33, тараклы 1790, темешъ 1108, тама 3587, туртугулъ 839, чубурбайлы 2, канжигалы 1, киргизъ 67, телеутъ 10 и алчинъ 16, а всего 18.348 кибитокъ. Въ «водворяемомъ» баянъ-аульскомъ округѣ: канжигалы 1503, найманъ 655, туртугулъ (карджасъ 960, айдабулъ 2644, сатылганъ 351, кумокъ 1112, орманчи 1109, коксалъ 1208, козганъ 494, тулпаръ 2254), кувандыкъ (агызъ 162 и алтай 1390), басентеинъ (сарымъ 345, кучумъ 479, актелешъ 396, алпай 109, бюра 313, байлебетъ 256, бесенъ 193, кайсары 333, айтей 93, дюртсары 171 и кочанчоро 487), итого 17.017 киб. Въ каркаралинскомъ округѣ: дюсембай-чакчакъ 798, киргизъ 732, кара-айтымбетъ 713, алтюбетъ 493, караулъ 240, куянчи-тогай 544, карсенъ-кирене 1081, алтеке-сарымъ 1048, надакъ-тубуклы 931, тюленгутъ 857, кирей 1045, тараклы 590, кучумъ 460,

джалыкбашъ 1021, байбура 1823, айбакы-чанчаръ 1761, нурбике 1273, канбура 490, бура-найманъ 1215, тобуклы 2978, алыбай 781, всего 20.874 киб. Въ «водворяемомъ» кокпектинскомъ округѣ: бура-найманъ 6550, сарджумартъ-найманъ 700, терстамгалы 1593, матай 570, кокджарлы 700, бурадисяуть (?) 60 и сиванъ-кирей 400, итого 10.573 кибитки. Въ аягузскомъ округѣ: мурунъ 1788, мурунъ-назаръ 847, курджи 1903, сиванъ 1888, матай 975, тума 1550, семизъ-найманъ 1675 и садыръ 510, итого 11.136 киб. [1]).

Если подвести итоги свѣдѣніямъ Бутовскаго, то круглымъ счетомъ оказывается въ 1832 г. въ 8 округахъ сибирскаго вѣдомства 116.500 кибитокъ, изъ которыхъ болѣе 60 т. приходится на расположенное въ западныхъ и среднихъ округахъ племя аргынъ, съ главными родами атагай, туртугулъ, канджигалы, карпыкъ, алтай, басентинъ, караулъ, чанчаръ, чакчакъ, аджибай и пр.; около 30 т. кибитокъ племени найманъ, въ восточныхъ округахъ, съ родами бура, сарджумартъ, терстамгалы, матай, кокджарлы, сиванъ, мурунъ, тума, садыръ, семизъ, тобуклы и др.; около 15 т. киб. племени кирей, въ западныхъ и среднихъ округахъ, родовъ курсары, аксары и др.; очень мало племени кипчакъ, изъ котораго упоминается только родъ карабалыкъ. Кипчаки, впрочемъ, находились главнымъ образомъ въ 9-мъ «предполагавшемся тургайскомъ округѣ», который проектировался преимущественно изъ земель и киргизъ-казаковъ оренбургскаго вѣдомства и не состоялся вслѣдствіе несогласія этого вѣдомства; тамъ значились кипчакскіе роды: кидель (кюнделенъ), турайгыръ и кійтаба (кытабакъ Левшина и Радлова?), численность которыхъ особо не показана и заключалась въ общей цифрѣ 30 т. киб. предполагавшагося округа.

Позднѣйшими цифрами численности средней орды по племенамъ и родамъ мы не располагаемъ [2]), но на основаніи разныхъ соображеній и отрывоч-

---

[1]) Рукопись, приложенная къ «Картѣ средней киргизъ-кайсацкой орды» и пр., 1833 года, подъ № 222, по «Каталогу склада военно-топографическаго отдѣла главнаго штаба», вып. I, Спб., 1885 г.

[2]) Для сличенія съ данными о родахъ омской области 1832 г. могутъ быть полезны свѣдѣнія о родовыхъ дѣленіяхъ области сибирскихъ киргизовъ (образованной въ 1854 г. изъ западной части бывшей омской, тогда какъ восточная составила семипалатинскую область, южная часть которой въ 1867 г. вошла въ предѣлы учрежденной въ этомъ году семирѣченской области) въ книгѣ подполковника Красовскаго («Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Область сибирскихъ киргизовъ», Спб., 1868 года, три части), начинающей считаться библіографической рѣдкостью. Существовавшая и ранѣе перемѣшанность родовъ съ тридцатыхъ годовъ сильно увеличилась вслѣдствіе сформированія, при введеніи приказно-окружнаго управленія, административныхъ волостей, на которыя раздѣлялись бывшія ранѣе значительныя по численности родовыя группы или которыя составлялись изъ мелкихъ группъ. Вслѣд-

ныхъ данныхъ надо думать, что относительная численность племенъ средней орды сохранилась и нынѣ приблизительно та же самая; увеличилась относительно численность лишь наймановъ вслѣдствіе присоединенія къ русскимъ владѣніямъ земель на востокъ и на югъ отъ границъ 1832 года, но зато приходится выдѣлить изъ числа наймановъ байджигитовъ, какъ особое племя.

3) Малая орда и букеевская.

По большей близости къ внутреннимъ губерніямъ всего обильнѣе въ нашей литературѣ свѣдѣнія о малой ордѣ (кичи-джюзъ, т. е. младшая сотня) и о выдѣлившейся изъ нея букеевской. По Рычкову, въ «меньшой» ордѣ «знатнѣйшими родами почитаются: 1) алчинской, 2) аданской, 3) мошкарской, 4) таминской, 5) табынской, 6) китейской, 7) каракитейской, 8) чю-

---

ствіе новыхъ группировокъ родовъ, старыя именованія родовыхъ союзовъ начинали терять прежнее значеніе. «Теперь—говоритъ Красовскій (часть I, стр. 333 и слѣд.)—по крайней мѣрѣ въ дѣленіяхъ средней орды, древнія названія (племенъ и родовыхъ группъ) не имѣютъ значенія... О древнемъ происхожденіи отъ аргынцевъ, кипчаковъ и т. д. рѣдко, гдѣ можно слышать. Всего упорнѣе держатся древнія имена увакъ и найманъ», потому, «должно думать», что они «менѣе другихъ древнихъ племенъ перемѣшались съ прочими». Вслѣдствіе такой перемѣшанности, Красовскій даетъ свѣдѣнія о родовомъ распредѣленіи кочевниковъ области сибирскихъ киргизовъ лишь по поколѣніямъ или «собирательнымъ названіямъ нѣсколькихъ волостей». Поколѣнія эти,—которыя я сгруппирую по племенамъ, пользуясь большею частью указаніями данныхъ самого Красовскаго,—суть слѣдующія: А) Аргыны. 1) Кара-кисякъ, въ каркаралинскомъ округѣ, 17 волостей; «каждая волость считаетъ въ средѣ своей потомковъ древняго сильнаго поколѣнія кара-кисяковъ», но въ тѣхъ же волостяхъ есть частицы наймановъ и другихъ племенъ; роды въ поколѣніи кара-кисякъ: чанчаръ, чекчекъ (такъ по Красовскому произносится чакчакъ Левшина), кара-айтымбетъ, тюртаулъ-джайбулы, джаманъ-кара, коджасаръ-кара, ескене, джалыкпасъ, аманъ, кутумбетъ (въ числѣ вѣтвей есть бухаръ), байбура, тобукты, (между дѣленіями есть манасъ), таракты, кирей (въ числѣ вѣтвей есть косай), камбаръ, караулъ, альтеке (курсары), сарымъ-токсанъ (есть дѣленіе айдабуль), карсонъ (въ числѣ дѣленій есть таракты), кирней, куянчи (дѣленія туркей, сарай и пр.), тагай, калмакъ, мамадаиръ и кусчи; три послѣднихъ рода составляли тюленгутовскую волость, значитъ происходили отъ ханскихъ и султанскихъ плѣнныхъ, рабовъ и слугъ. 2) Тюртъ-аулъ, въ баянъ-аульскомъ округѣ, изъ родовъ: кулюке-каржасъ, сатылганъ, алтынъ-тура, кулюкъ, айдабуль, джангозу-айдабуль, акбура, тултаръ, коксалы, кабланъ, урманча, козганъ (козюганъ Левшина). 3). Канжигалы, въ баянъ-аульскомъ, акмоллинскомъ и кокчетавскомъ округахъ, изъ родовъ: аджибай, команджепаръ, тентекъ и джитыру; имена дѣленій послѣдняго не имѣютъ ничего общаго съ родами семиродцевъ малой орды. 4) Басентеинъ, въ баянъ-аульскомъ округѣ, изъ родовъ: басентеинъ (дѣленія бура, апай, актелешъ и сарымъ), баимбетъ, айтей (части его андасъ, таракты, тюртъ-сары и пр.) и актелешъ (кучукъ, чакчакъ, итегмень и пр.). 5). Атагай, въ кокчетавскомъ округѣ, съ родами: баиышъ (отдѣленія: назаръ, байназаръ и серкачъ), бабасанъ, баба, рысай, баимбетъ (джумукъ, сары, уванасъ, и др.), кокчулу, оразъ (чонай), джавлубай, койлю и актачи-аргынъ. 6) Алтай, въ которомъ, по завѣренію Красовскаго, замѣчаются части конгратовцевъ, въ акмоллинскомъ

маканской, 9) чиклинской, 10) джа-салъ байлинской» [1]). Левшинъ полагалъ, что «меньшая орда прежде составлялась изъ сильнаго племени алчинъ и семи малыхъ родовъ, которые... были соединены знаменитымъ въ народѣ киргизскимъ ханомъ Тявкою въ одно поколѣніе». Теперь «меньшая орда обыкновенно дѣлится на три части: I поколѣніе алимулы, II поколѣніе байулы и III поколѣніе джетиругъ или семиродское». Алимулы состоитъ изъ 6 родовъ: карасакалъ, кара-кисякъ, китя, дюртъ-кара, чумекей и чикли. Байулы изъ 12: адай, джаппасъ, алача, байбакты, маскаръ, берштъ, тазларъ, иссенъ-темиръ, черкесъ, тана, кызылъ-куртъ, шихларъ. Семиродское изъ 7: табынъ, тама, кердери, джагалъ-байлы, керейтъ, тиляу и рамаданъ [2]). Повторившій то же самое В. В. Радловъ добавляетъ, что алимулинцы кочуютъ на Куванъ-дарьѣ, на Яны-дарьѣ, въ песчаной степи Кара-бурсакъ и на устьѣ Эмбы; байулинцы—между Ураломъ и Эмбою и къ Каспійскому морю, часть же адаевцевъ—на полуостровѣ Мангышлакѣ; изъ семиродцевъ джагалбай кочуетъ въ окрестностяхъ станицъ Верхне-орской и Верхне-уральской, кепте (кердери?) и тама—около Оренбурга и Уральска; табынъ частію тамъ же, частію на Тоболѣ и Эмбѣ; керейтъ—на Сыръ-дарьѣ; наконецъ телеу и радаманъ кочуютъ зимой съ кереитами, лѣтомъ же съ табынъ [3]). Къ родамъ

округѣ, изъ родовъ: кареке, моюнъ, сайдалы (кувандыкъ и др.) и алысай (коджа-назаръ, акбура, битты, учъ-ата и нурбай). 7) Карпыкъ, въ акмоллинскомъ округѣ, изъ родовъ: айтходжа и теналы. 8) Темешъ, въ акмоллинскомъ округѣ, изъ родовъ темешъ и тюбетъ-темешъ (въ числѣ дѣленій есть бирючи). 9) Тунготаръ, въ акмолинскомъ округѣ, изъ родовъ: тунготаръ (дѣленія отаръ-тиелень и сармантай) и инешъ (части джетымекъ, мурзамбетъ, кучукпай и джантугуръ). Б). Найманы. 10) Бура-найманъ, въ баянъ-аульскомъ округѣ, изъ родовъ джуватей и богзову (дѣленія аканъ и айдабулъ). 11) Баганалы, въ атбасарскомъ округѣ, изъ родовъ байназаръ, саргалдакъ, эбеске и сеитъ. 12) Тама, въ акмоллинскомъ округѣ, изъ родовъ алчинъ (дѣленія култума, джіеналы и досумъ), тама (вѣтви умурбекъ и джугу), ишимъ-ханъ и кыргызъ (части джунду, сару и пр.). В). Киреи. 13) Кирей, въ кокчетавскомъ и акмоллинскомъ округахъ, изъ родовъ именалы, матакай, самай, сиванъ (дѣленія чоганъ и увакъ), исенбокты, бактыбай, малай, курсары, бурасъ, курманъ и тюлеке (въ числѣ дѣленій есть увакъ и кирей). Г). Кипчаки. 14) Кипчакъ, въ акмоллинскомъ округѣ, изъ родовъ куланъ (кирей, джагалбайлы и пр.), джалобай, курлеутъ (утепъ и ніязъ) и кулатай (мадіяръ, бостанъ, кулакъ и пр.), Д). Особый союзъ 15) поколѣніе караулъ-увакъ, въ кокчетавскомъ и атбасарскомъ округахъ, изъ родовъ увакъ (бійдалы, чага, джанысары, иренчи, сергалы и пр.), караулъ (джаваръ, куменей, окты, сары, суюндыкъ, кувандыкъ, таракты и пр.), есенбай и балта.

Общее число кибитокъ въ 74 волостяхъ у Красовскаго 71.828, а число душъ 263.215, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, цифръ же по поколѣніямъ онъ многихъ не имѣлъ, а потому не привожу и остальныхъ.

[1]) «Сочиненія и переводы» и пр., 1759 года, 2-е полугодіе, стр. 110.

[2]) «Описаніе» и пр., часть 3, 1832 г., стр. 7 и 8.

[3]) «Aus Sibirien», I, ss. 237, 238.

байулы надо прибавить упоминаемые у Мейера [1]) и другихъ роды алтынъ и исыкъ [2]).

Изъ мало-ордынскихъ сказаній можетъ бросить свѣтъ на происхожденіе главнаго ея племени приводимое Казанцевымъ, по которому во владѣніяхъ хана Алача [3]) или Алачена стали рождаться «пѣгіе или чубарые люди,

---

[1]) «Киргизская степь оренбургскаго вѣдомства», Спб., 1865 г., стр. 89 и 90.

[2]) По рукописному «Росписанію» дѣленій меньшей орды Казанцева (1856 года, въ архивѣ р. геогр. общества), изъ алимулинскихъ родовъ кара-сакалъ, съ тамгою ⋁ (по Мейеру и Добромыслову ⊢) иураномъ Айратай (по Мейеру Алдыджаръ), имѣетъ три отдѣленія: чункара (въ немъ подъотдѣленія хангильды, куткулачъ, шукурбай, джангильды, шакалъ, батанъ, ярбулды), сарабаша (бактуберды, баубекъ и назымъ) и бусурманъ (нугай, джасюкуръ и джакай). У рода дюрткара, по тому же источнику, тамги крестъ, кипчакская прямая черта и двѣ слѣдующія ⊔| и |⋁; уранъ Айратау (по Мейеру Аиртау); четыре отдѣленія: турумъ (у него части чаударъ, аукманъ, качанъ, тугузъ и саксанъ), касымъ (аитъ, сиксакъ, мазы и бакджанъ), аппакъ (каракися, акбесъ, батанъ) и тукманъ (шакалъ, джангильды, шукурбай, куткуланъ и хангильды).

По Казанцеву же, изъ байулинскихъ родовъ джаббасъ, съураномъ Муратъ и Байсакалъ, имѣетъ между прочимъ тамги крестъ, прямую черту, ⊔|, ⋝ (по М.) и др.; у него семь отдѣленій: кирманъ, князи, сумрукъ, андарчай, кулдыкій, каракузъ и калкаманъ. Родъ байбакты, съ тамгами ○, +, ⋁, ⊥, ⊓ и др. иураномъ Даукана (по Мейеру Даукара), состоитъ изъ трехъ отдѣленій: каныкъ (кулею-сундукъ, баубекъ и алызъ), эльтаке (джулдугулъ, маматъ и казырумбетъ) и батакъ (джабачи, кулчукъ, сагай, джаукаты, тукабай, буганый, кучмянъ и итамка). Родъ черкесъ (у другихъ авторовъ серкешъ), съ ураномъ Джакау и тамгами ○ и ⋁ (у другихъ писателей ⊢, ⌉, Y и пр.), значится съ отдѣленіями: кусунъ (самый, умурсакъ, утяганъ и ульджебай), джаукачикъ (бурубай и бачикъ), кличъ-кистякъ (качканчи и сюнчибай), куюсъ (кара-кандыкъ и дарбашъ), ильяманъ. Родъ маскаръ, уранъ котораго неизвѣстенъ, а тамги ⋁ и +, у Харузина ⍀ и др., состоитъ изъ отдѣленій кутлучатамъ (кутманъ съ частями утаннякъ, умаръ и кудайкулъ, и бабаназаръ съ частями джидакъ и абдушукуръ) и масакъ (части джидакъ, крыксадакъ, атуйнакъ, тулуказнай и мучурманъ). Родъ кизилкуртъ дѣлится на отдѣленія ильчула и субы; уранъ у него Джаимъ (у Мейера Байджаимъ) и тамги ⋁ и |, по Мейеру ⋎ и по Харузину ||. Родъ исыкъ, съ тамгами кругъ, крестъ и уголъ и съ ураномъ Байтерякъ (у Мейера Байтырякъ), состоитъ изъ двухъ отдѣленій тугунчи и аксара; первое дѣлится на кадыргулъ (части его тугусбай, сайтыкъ, самай, саймуратъ, ишмуратъ и баймуратъ, и карасаръ (части мунтай, базаръ, исый и дусай). Родъ бирючь (бершъ, берчъ), съ ураномъ Агатай и тамгами +, ⊙, ⋁, у Мейера и Харузина △, ◡ и др., состоитъ изъ отдѣленій сибакъ, нугай, кайлыкачъ, джанмурза (дѣленія тукманъ и бишкашикай), исыкъ (дѣленія урусъ, барасъ, байдулъ и дербасалій), каратукай (чанчій, бекбаулы и ишбулай), исянгулъ (кулдабай, усянъ и асянъ) и дужаикъ (каулай и кагесть). Родъ алтынъ, съ тамгою по Мейеру и Добромыслову ⊼ и съ ураномъ Барки-чанайды (по Мейеру Баймуратъ), раздѣляется на отдѣленія джабалыкъ, айдургай и сагай. Родъ адай, имѣющій тамги: ○, +, \/, ∀, ∀, \|/, Левш. ⅃ и пр., съ ураномъ по Мейеру Тегеленъ, состоитъ изъ восьми отдѣленій: балкичи, акманъ, тубишъ (части зарубай, чунгай, баубекъ, табунай, чигамъ и бегай), мугалъ (джаулай, чугуй, баимбетъ и алій), чибинёй (чумартъ и чилимъ), кунакъ-урусъ (токсара), кусай (байгулъ и мамбетгулъ) и тучукей (утай, саркай и кабакай).

[3]) Въ письмѣ Абулъ-хаиръ-хана тобольскому губернатору, 1718 г., всѣ киргизъ-казаки или только подвластные ему названы «улусами алацкими» («Памятники сибир-

называемые (должно быть отъ оспы—догадка Казанцева) ченчакъ (рябые)»: Ханъ приказалъ лишать жизни матерей, у которыхъ будутъ такія дѣти, но и у любимой его жены родился пѣгій сынъ; ханъ даровалъ ей жизнь, но велѣлъ выпроводить вмѣстѣ съ сыномъ въ степь, «давъ ему въ утѣшеніе кирк-гызъ, т. е. сорокъ дѣвъ», отъ которыхъ «произошло потомство и пародъ киргизы» [1]. Это сказаніе безъ сомнѣнія имѣетъ отношеніе къ динлинамъ, къ «пѣгому» народу, ала, обитаемая которымъ въ позднѣйшее время страна Алакчинъ,—гдѣ по тюркской пословицѣ «всѣ лошади пѣгія, а очаги золотые»,—находилась, по Абулъ-гази-багадуръ-хану, на устьѣ Ангара-мурана [2], т. е. Енисея. Отсюда надо заключить, что въ основѣ кореннаго племени малой орды алчинъ лежала помѣсь тюрковъ съ западными динлинами и свѣтлоокрашенными же угро-финнами, которые въ древности также обитали на земляхъ нынѣшней малой орды и могли быть легко впослѣдствіи объединены народными сказаніями съ болѣе всѣмъ тюркамъ памятными динлинами. На другой, позднѣе вошедшій въ составъ племени алчинъ, элементъ указываетъ другое, мимоходомъ упоминаемое Казанцевымъ, преданіе о происхожденіи алимулинскаго поколѣнія алчиновъ отъ Алимъ-Чумана [3]. Въ этомъ поколѣніи

ской исторіи XVIII вѣка», книга 2, стр. 163), конечно по предполагаемому происхожденію отъ легендарнаго Алача.

[1]) «Описаніе киргиз-кайсакъ» Ильи Казанцева, Спб., 1867 г., стр. 1. Изъ рукописи Казанцева, хранящейся въ архивѣ р. географическаго общества, видно, что это сказаніе заимствовано изъ «Путеваго дневника» М. Н. Житкова, напечатаннаго въ «Оренбургскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» 1850 года, № 49, гдѣ изложены два преданія, «какъ они передаются въ кошахъ». По первому, «во время оно, въ средне-азійскихъ государствахъ, а особенно въ Бухаріи, родились пѣгіе люди, пѣгіе въ полномъ смыслѣ слова, какъ по волосамъ, такъ и по пятнамъ на тѣлѣ. Этихъ уродовъ считали дьявольскимъ навожденіемъ... Одинъ изъ эмировъ приказалъ убивать матерей, у которыхъ родились пѣгія дѣти... Случилось, что (жена одного изъ преемниковъ этого эмира) принесла пѣгаго сына... Эмиръ пощадилъ ее... Жалко было ему и сына... Шукурлубай, первый министръ эмира, (придумалъ): выпроводить пѣгаса въ безплодныя киргизскія степи и дать ему въ утѣшеніе 40 дѣвицъ... Вотъ какъ произошло наименованіе киргизъ и самые киргизы». Второе преданіе повѣтствуетъ о происхожденіи казаковъ отъ Калча Кадырова и спасшей его отъ смерти пери, явившейся въ образѣ бѣлой гусыни (каз-ак). Это второе преданіе изложено у Казанцева почти во всемъ согласно съ источникомъ, въ первомъ же, помимо мелочныхъ передѣлокъ, онъ прибавилъ именованіе пѣгихъ людей чубарыми и ченчакъ.

[2]) Histoire des Mongols et des Tatares, trad. par le baron Desmaisons, 1874, t. II, p. p. 44, 45.

[3]) По «Описанію» Казанцева, стр. 63, «роды алимулинскаго поколѣнія, происходящаго отъ Алимъ-Чумана, какъ старшіе противъ прочихъ, имѣютъ преимущество въ народныхъ собраніяхъ; они первые подаютъ голоса, первые дѣлаютъ опредѣленія». По Мейеру («Киргизская степь оренбургскаго вѣдомства», 1865 г., стр. 4), «на приговоръ бія семиродскаго или байулинскаго... можно было нѣкоторымъ образомъ апеллировать бію алимулинскому».

есть родъ чумекей [1]), который очевидно тождественъ съ обитавшимъ въ VII вѣкѣ между Барлыкомъ и Тяньшанемъ, по китайскимъ извѣстіямъ, родомъ чумигунь, принадлежавшимъ съ родами чуми, чуюе, чубанъ или чуманъ и т. д. къ чуйскому племени [2]). Надо, въ виду всего этого, полагать, что къ пѣгому народу, къ алчинамъ, позднѣе присоединились роды чуйскаго племени. Если части чуйскихъ родовъ не попали въ сѣверо-западную окраину степи, къ алчинамъ, еще во время передвиженія гунновъ въ Европу, то могло переселеніе ихъ совершиться въ половинѣ VIII вѣка, при распаденіи союза басими (у китайцевъ) или басмиль (тюрко-орхонскихъ надписей) [3]).

Изъ остальныхъ алимулинскихъ родовъ кара-кисекъ [4]) входитъ въ составъ аргыновъ и имѣется также за Сыръ-дарьей въ кара-киргизскомъ поколѣніи ичкиликъ, вообще же это родъ чуждый алчинамъ и присоединившійся

---

[1]) По словамъ Левшина («Описаніе киргизъ-кайсачьихъ ордъ и степей», 1832 года, часть 2, стр. 30), «чумякейскій родъ меньшей орды полагаетъ, что онъ не принадлежитъ къ киргизъ-казакамъ, а происходитъ отъ турковъ и получилъ названіе отъ хана своего Чумягея, который, по враждѣ къ Чингизъ-хану, отложился отъ него и перешелъ съ приверженцами своими въ мѣста, нынѣ занимаемыя среди киргизскихъ ордъ».

[2]) Въ рукописномъ (архивъ геогр. общества) «Росписаніи» дѣленій меньшей орды Казанцова, 1856 года, родъ чумокей именуется не чумекей, а чуманъ, и имѣетъ уранъ Дунтъ (у Мейера Дюйтъ); кочевки его показаны у оз. Телекуля и на Сыръ-дарьѣ; въ немъ означено пять отдѣленій: бузгуль (изъ частей каратаму, исанъ, канки и куддай), асанъ (абу, сарумъ, тубеть, басачи, тунаиръ, янтукъ), куддай (канки, бикя, саракаска, турубай), канакъ (джакунакъ, байкунакъ, сакаштюря, каргулъ) и тукъ (части неизвѣстны). Тамгами у чуманъ показаны крестъ +, уголъ V и уголъ съ приставкой V‾.

[3]) Въ половинѣ VII вѣка, по поводу столкновеній Китая съ западно-тюркскими ханами, которымъ были тогда подвластны роды чуюе, чуми, чумугунь, эти роды часто упоминаются въ китайскихъ извѣстіяхъ. Такъ между прочимъ въ 654 году китайцы взяли «чумугуновъ городъ и до 30 т. ушей отрѣзали у убитыхъ» («Собраніе свѣдѣній» и пр., I, стр. 358). Около 700 г. роды эти находились въ зависимости отъ усилившихся восточныхъ турковъ-тукю, сынъ хана которыхъ, поставленный малымъ ханомъ, «управлялъ 40 т. войска Чумугая (т. е. рода чумугай, чумекей) и пр., всего до десяти родовъ, и имѣлъ титулъ кюси-хана» (тамъ же, стр. 328). Немного позднѣе чуйскіе роды, повидимому, вошли въ союзъ басими или басмиль, ибо въ 720 г. центромъ владѣній хана басими оказывается Бэйтинъ, расположенный въ земляхъ чуйскихъ родовъ на сѣверѣ восточнаго Тяньшаня (тамъ же, стр. 335). Ханъ басими въ 742 г. стоялъ во главѣ коалиціи, окончательно разрушившей восточно-турецкое ханство (тамъ же, стр. 338 и 381), но въ 744 году бывшіе его союзники уйгуры и карлыки напали на него и вынудили искать спасенія въ бѣгствѣ къ китайцамъ, «а земли его и народъ поступили къ ойхорамъ» (тамъ же, стр. 439). Вотъ въ это-то время чумугунь и частью другіе чуйскіе роды могли укочевать на западъ, чтобы не подчиняться уйгурамъ. По той же причинѣ отдѣленіе рода чуюе по имени шато, оставшееся на своихъ земляхъ, въ 794 г. передалось тибетцамъ и помогало имъ взять Бэйтинъ (тамъ же, стр. 454 и 455).

[4]) По рукописному «Росписанію» Казанцова, у рода каракисякъ пять отдѣленій: казантабанъ, истякъ, баюсъ, исангильды и джакау; у нихъ 18 дѣленій, по именамъ неизвѣстныхъ; тамги: уголъ съ приставками .V. и V<, а по Мейеру, Левшину и Добросмыслову ⊓; уранъ, по Мейеру, Аиртау.

къ нимъ по всей вѣроятности поздно, быть можетъ отъ аргыновъ. Родъ китя или китэ напоминаетъ народъ хити, который вторгнулся въ Каппадокію и распространилъ свою свою власть на Киликію и сѣверную Сирію тысячи за двѣ лѣтъ до Р. X.; тамга у китэ крестъ, встрѣчающійся часто и въ хитійскихъ надписяхъ; въ первой четверти XII вѣка, въ числѣ родовъ Монголіи, признавшихъ власть киданей, упоминается Hi-ti [1]). Родъ чик-

[1]) Mediaeval Researches etc., by Bretschneider, London, 1888, I, p. 213. Родъ китя, по «Росписанію» Казанцева, состоитъ изъ трехъ отдѣленій: аджрай - китя (части айдаръ, альмамбетъ, байкучкаръ, чаны и майлы), кара-китя (части кулчуръ, мамбетъ, тюря, иштякъ, урурмукъ, киначи, карабазаръ) и ак-китя (кирпукъ, кул-юсъ, тумпакъ, аримхуджа, мурза, курчи, тулякъ, баимбетъ, курманходжа, рыскулъ); тамги у нихъ киреевскій крестъ, канглынская черта и найманскіе углы; уранъ—Майлибай.— Джонъ Кемпбелль, профессоръ Presbyterian College въ Монреалѣ (Канада), приписываетъ хити или хиттитамъ загадочныя надписи въ Синаѣ, а также письмена и надписи парфянскія, аріано-палійскія (въ западной Индіи и Кабулистанѣ, см. о нихъ В. В. Григорьева «Кабулистанъ и Кафиристанъ», 1867 г., стр. 715 и слѣд.), енисейскія и встрѣчаемыя въ Кореѣ и Японіи. По его мнѣнію, туранцы достигли значительной степени цивилизаціи въ глубочайшей древности и господствующая между ними роль принадлежала племени хити, которое властвовало въ Сиріи, Месопотаміи и западной Индіи до конца VIII вѣка до Р. X. Въ это время владычество ихъ въ Месопотаміи и Сиріи было сокрушено побѣдами ассирійскаго царя Саргона. Въ Индіи они однако продолжали господствовать и сдѣлались ревностными буддистами. Когда браманизмъ одержалъ верхъ надъ буддизмомъ въ Индіи, хити удалились въ Сибирь, на Енисей. Отсюда, оставляя вездѣ свои надписи, запечатлѣнныя буддизмомъ, они распространились въ Манчжурію, Корею и Японію, и подъ именемъ киданей властвовали въ X—XII вѣкахъ въ сѣверномъ Китаѣ. Въ двухъ извѣстныхъ мнѣ статьяхъ Кемпбелля (1891 и 1892 г. г., въ Transactions of the Canadian Institute, № 4, 1892, Siberian Inscriptions, и № 8, 1895, Buddhist Inscriptions of India, съ другими же его рефератами и съ книгою The Hittite Track in the East ознакомиться мнѣ не удалось) подтвержденія его кажущихся въ значительной степени фантастичными гипотезъ, находящихся въ противорѣчіи съ исторіею, заключаются почти исключительно въ сдѣланныхъ имъ переводахъ аріано-палійскихъ надписей и въ особенности сибирскихъ. Письмена тѣхъ и другихъ различны, но одного типа и считаются имъ курсивнымъ хитійскимъ письмомъ. Опредѣливъ неизвѣстнымъ путемъ значеніе знаковъ, признаваемыхъ имъ силлабическими, онъ даетъ переводы первыхъ при помощи санскритскаго языка и вторыхъ при помощи японскаго. Несостоятельность чтеній и переводовъ сибирскихъ надписей теперь, послѣ дешифровки енисейско-орхонскихъ надписей и обнаруженія, что онѣ сдѣланы на тюркскомъ языкѣ, очевидна. Что же касается историческихъ доказательствъ, то цѣнность ихъ можетъ быть опредѣлена по слѣдующему примѣру: признавая государя Саготу, упоминаемаго будто бы въ енисейскихъ надписяхъ, за японскаго императора Саганотено, царствовавшаго въ V вѣкѣ послѣ Р. X. и жившаго, по японскимъ лѣтописямъ, въ провинціяхъ Ооми и Мино, имѣя для охоты между прочимъ мѣстности Таризенъ, Серигава и Овара, Кемпбелль отождествляетъ эти имена съ сибирскими Омскомъ, Минусинскомъ, Туруханскомъ, Сарагачемъ и койбальской степью, не поясняя— гдѣ въ Сибири нашелъ онъ Сарагачъ и почему это койбальская степь соотвѣтствуетъ Оварѣ (Transactions of the Canadian Institute, № 4, p. 273). Въ енисейскихъ надписяхъ онъ между прочимъ вычиталъ имена двухъ хититскихъ родовъ: Raba-kita и Yoba-kita (p. 272). Отождествленіе хити съ киданями ни на чемъ не основано и опровергается существованіемъ, помимо мало-ордынскихъ китя или китэ, особаго рода итай или китай, хитай у кара-киргизовъ, гдѣ онъ является несомнѣннымъ потомствомъ киданей, которыхъ тюрки именовали, по орхонскимъ надписямъ, китай.

ли [1]) можетъ происходить отъ народца чикъ тюрко-орхонскихъ надписей, скорѣе, чѣмъ родъ чюкчакъ.

Изъ байулинскихъ родовъ алача по имени долженъ быть динлинскаго происхожденія [2]); тазларъ или тасларъ можетъ происходить отъ народца тасъ (тасы), о которомъ упоминалось выше [3]); родъ тана по тамгѣ происходитъ частію отъ кангловъ [4]); родъ шихларъ или шейхларъ долженъ былъ составиться изъ выходцевъ изъ Бухары и Ферганы, занимавшихся проповѣдью ислама и торговлею между родами малой орды. Изъ семиродцевъ кереиты есть безъ сомнѣнія отдѣлившаяся далеко на западъ часть киреевъ, что подтверждается и тамгой [5]); табынъ долженъ быть родственъ роду тараклы, ибо тамга принадлежитъ къ типу таракъ (гребень) [6]); тама по тамгѣ долженъ

---

[1]) По «Росписанію» Казанцева, родъ чекты или чикли имѣетъ уранъ Бактыбай, а тамгу крестъ, и дѣлится на три отдѣленія: джинкалычъ (съ отдѣленіями кулумбетъ, бурунджуръ, турджанбай, баимбетъ, кулумбетъ, асанъ), урусъ (булчура кичкино, альчунбай› кулакъ, артакъ, татракъ, палванъ, киргисъ, изъ которыхъ послѣдній дѣлится на таны, истякъ и баракъ, а первый на кабакъ, тлеу, назаръ, джакей и чурупъ, и второй на чакай, джугулкара, асанъ, аусанъ, кунцукъ и курманай), джанакаимъ (съ частями джаюкъ, куджай, андачулъ, темиръ, шіютъ и сукаръ).

[2]) По рукописному «Росписанію» Казанцева, у рода алачъ тамги: кругъ, крестъ и углы съ приставками \/ и \|-; ураномъ служитъ, по Казанцову и Мейеру, Байбаракъ; по Казанцеву онъ состоитъ изъ четырехъ отдѣленій карабура (части неизвѣстны), маймакъ (части мамберды, маликей, чуткара, ильчибекъ и ульджай), сарысъ (джакъ, базаръ, кудайгулъ, чагалыкъ, кублей и тукманъ) и барамыкъ (чагалыкъ, кублей и тукманъ).

[3]) По рукописи Казанцева, родъ тазларъ имѣетъ нынѣ уранъ Айманъ (у Мейера—Акманъ), а прежде былъ Бакай; онъ состоитъ изъ отдѣленій джабалакъ, айдарчай, кимдубай и яштабакъ; тамги у него, по Казанцеву, крестъ и уголъ съ приставкою \/‾.

[4]) Родъ таня, по «Росписанію» Казанцева, имѣетъ тамги уголъ, уголъ съ приставной чертой и кругъ, ураномъ же служитъ ему Чулакъ (у Мейера—Чуланъ), а отдѣленія: джіембетъ (части баймуратъ и исыкъ-байсырымъ), асанъ (джанмурза, тумакбай и бутакара), калкаманъ (минликанъ, мяуныжъ и балдакъ-худжимъ), бишсара, караманъ, акылбашъ, карасунахъ и сентемиръ (части сулучъ, тачи и кунь). По Мейеру тамга у этого рода прямая черта.

[5]) У Казанцева родъ киреитъ имѣетъ тамгами крестъ и прямую черту, а уранъ, какъ и у Мейера, Аксакалъ; отдѣленія: идыкъ, яртай, ачаймайлы, сайчакъ, арбали, ирчакъ, яштабакъ, чайкуза, сарманъ, кунакбай и убаганъ.

[6]) У рода табынъ, по всѣмъ наблюдателямъ, тамга гребень, а по Казанцову, сверхъ того, крестъ. У него, по «Росписанію», три отдѣленія: кусивъ (подъотдѣленія карамунча, дандакъ, тутджанъ, куджантай и айдартека), таракты (два подъотдѣленія джама-гирей и джиликчи, изъ которыхъ у перваго дѣленія аччибень, джамбетъ, худжамберды, абызъ, кидырбекъ, бургу и даултай, а у второго сармантахъ, кидайкулъ, малгары, эбашъ, кашмаклы, урусъ, туктамышъ и даултай), чумекты (лабакъ, каракулты, кулчуръ, джуный, инабашъ, кутятъ, джалбактылъ, куркинъ, ажимъ, сигуръ, тунамбетъ и карадаулъ). Уранъ этого рода по Казанцову Тустакаръ, а по Мейеру Тустаганъ.

быть родомъ кипчакскимъ [1]); у кердери тамга есть производная отъ дулатовскаго круга [2]).

Вообще составъ малой орды весьма пестрый, ибо въ нее видимо вошли многія части разныхъ тюркскихъ племенъ, закинутыя судьбою изъ Монголіи и съ востока степи на западъ.

Букеевская или внутренняя орда, выдѣлившаяся въ 1801 г. изъ частей родовъ малой орды, пожелавшихъ кочевать за Ураломъ съ ханомъ Букеемъ, состоитъ изъ алимулинскаго рода ките и изъ байбулинскихъ беришъ, черкешъ, маскаръ, адай, джаппасъ, исыкъ, исентемиръ, байбакты, алача, тана, кызылъ-куртъ, тазъ и изъ семиродскихъ тама, кердери и табынъ; кромѣ этихъ 16 родовъ, въ букеевской ордѣ есть роды султанскій (потомки ханскаго дома, чингизиды), ходжей (духовенство), тюленгутовъ (дружинники и бывшіе рабы чингизидовъ) и ногайскій (2 т. кибитокъ, изъ ногайскихъ татаръ, подчинявшихся ранѣе торгоутамъ).

Въ 1885 г. въ букеевской ордѣ считалось 42.948 кибитокъ и 236.937 д. о. п. [3]).

---

[1]) У рода тама, по Левшину, Мейеру, Гродекову, Харузину и Добросмыслову, тамга состоитъ изъ двухъ прямыхъ параллельныхъ чертъ, какъ у кипчаковъ; только по Казанцеву у этого рода двѣ тамги: одна типа гребня и другая въ формѣ латинской буквы S. Уранъ, по Казанцеву и Мейеру, Карабура. Отдѣленій, по «Росписанію», шесть: тюня-тюлякъ, джабакъ, кизилкуртъ, атачалъ, киндждыбай и каракъ.

[2]) Тамга этого рода по Казанцеву и Гродекову ⚲|, по Левшину, Мейеру и Добросмыслову ⚲. Уранъ, по Казанцеву и Мейеру, Ходжа-Ахметъ. Родъ кирдари, по «Росписанію», состоитъ изъ отдѣленій: кутьсый, ябагый, кутярманъ, култай, янбашъ и сатымъ. Изъ остальныхъ семиродскихъ родовъ тлеу съ ураномъ Аргымакъ, джагалбайлы съ ураномъ Манатау и рамаданъ съ ураномъ Каякулимъ (у Казанцева Эсбуганамда-Каякулимъ) два первые имѣютъ, по Мейеру, сходную тамгу ⊤ и ⊢. По «Росписанію» Казанцева, родъ тлевъ состоитъ изъ шести отдѣленій: наурузбай, карачау, сатубалды, таманбай, худжайберды и уразъ; родъ джагалбайлы изъ двухъ: лизъ (части аккуза, бишкурякъ, булдай, бугашъ, карача, исянхуджа, туракъ, байкупъ и сазанъ) и мурза (билишъ, макыутій, урмантай, кутманай, сайраклы, булгуза и буфботъ); родъ рамаданъ изъ десяти: сарымбетъ, сарлабай, булатъ, чалъ, акбалыкъ, данбай, булатъ, чалъ, джамаманъ и таты-худжа.

[3]) А. Н. Харузинъ «Киргизы букеевской орды» въ «Извѣстіяхъ и. общества любителей естествознанія и пр. при и. моск. университетѣ», т. 63, Москва, 1889 года, стр. 18, 26, 37, 40, 157. Я. Ханыковъ («Очеркъ состоянія внутренней киргизской орды въ 1841 году», стр. 54) считалъ сообщенное ханомъ Джангыромъ въ 1830 году число кибитокъ (16.550) и душъ (99.300 обоего пола) преувеличеннымъ и замѣчалъ: «съ достовѣрностью же можно полагать во внутренней ордѣ въ настоящее время около 14.000 кибитокъ или 70.000 душъ обоего пола». Изъ названныхъ Ханыковымъ отдѣленій вышеупомянутыхъ родовъ букеевской орды надо отмѣтить въ родѣ серкечъ отд. чумакъ (не чумчнъ-ли?), въ родѣ алача—отд. сары и въ родѣ тана отд. бишъ-сары (стр. 35): кость сары вездѣ указываетъ на динлинское происхожденіе отдѣленія.

4) Курама.

Свѣдѣніямъ «о народѣ кураминцахъ» посвящена глава четвертая рукописнаго «Описанія средней орды киргисъ-кайсаковъ» капитана Андреева (1785 года), который, на основаніи разсказовъ торговцевъ, говоритъ, что «народъ курама» обитаетъ за р. Чирчикомъ, въ числѣ не болѣе 10 т., подвластенъ кованскому беку Нурбатѣ [1]), и имѣетъ девять городовъ: Пишакъ, съ населеніемъ до 800 дымовъ, Кереучи, Шарукія, Бока, 1000 дымовъ, Муратали, Кереитъ-бай-су, Каравтай, Калайваръ и Пангазъ [2]). Въ этихъ городахъ кураминцы жили только зимою, въ лѣтнее же время выѣзжали на пашни для земледѣлія и скотоводства. Происхожденіе этого народа «не далѣе имѣетъ свое начало, какъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, которыхъ, запомнятъ, за 50 лѣтъ назадъ было немного». «Сообщество-жъ оныхъ составилось, какъ утверждаютъ, изъ рода перешедшихъ кара-калпаковъ и хивинцовъ, по большей части бѣглецовъ и разбойниковъ» [3]).

По Макшееву (1867 г.), «кураминское населеніе составилось, какъ разсказываютъ, лѣтъ сто тому назадъ, главнымъ образомъ, изъ кочевыхъ киргизъ всѣхъ трехъ ордъ. Киргизы эти, находясь въ крайней бѣдности и не имѣя средствъ кочевать, стали селиться въ курахъ или загородкахъ и заниматься по возможности хлѣбопашествомъ. Изъ смѣси ихъ съ сартами, а можетъ быть также съ узбеками, образовалось разнородное населеніе, которое и было названо сборнымъ или курамой. Послѣднее присоединеніе было, по словамъ туземцевъ, лѣтъ 50 тому назадъ» [4]).

Весьма возможно, что начало кураминцевъ относится къ концу первой четверти XVIII вѣка и находится въ связи съ покореніемъ большой орды и Ташкента цзунгарами. Населеніе въ плодородной долинѣ Ангрена конечно

---

[1]) Нарбута властвовалъ въ Ферганѣ между 1778 и 1807 гг. (см. Наливкина «Краткая исторія кованскаго ханства», Казань, 1885 года)

[2]) Пангазъ ошибочно показанъ въ числѣ кураминскихъ селеній: это селеніе въ Ферганѣ уже. Шахрухія конечно и въ XVIII вѣкѣ представляла лишь развалины, остальные же «города» суть кишлаки, существующіе и нынѣ, какъ будетъ выяснено ниже.

[3]) «Главнымъ въ сихъ родѣ,—прибавляетъ Андреевъ,—почитается Худіяръ-бекъ Фазильбаевъ, (который) жительство свое имѣетъ въ особливомъ городѣ Уратели-Хожантъ». Сынъ Пазыль-бія изъ рода юзъ Худоярь-бій, владѣвшій Ура-тюбе, дѣйствительно подчинилъ себѣ и Ходжентъ не задолго до своей смерти, послѣдовавшей около 1785 г. (см. Наливкина «Кр. исторія кованскаго ханства», стр. 70—74), но курама ему не была подвластна; общаго у Ура-тюбе и курамы было лишь то, что въ составъ населенія обоихъ входили узбеки рода юзъ и др.

[4]) «Геогр., этногр. и статистич. матеріалы о туркестанскомъ краѣ» въ «Запискахъ и. р. геогр. общества, по отд. статистики», томъ 2, и отдѣльно, стр. 37.

никогда не переводилось, но особенно убавилось оно въ смутную пору, послѣдовавшую за паденіемъ шейбанидовъ и за овладѣніемъ Ташкентомъ киргизъ-казацкими ханами (около 1598 г.), особливо же въ послѣдней четверти XVII столѣтія, когда ташкентцы освободились отъ власти казаковъ и послѣднимъ оставалось лишь опустошать бассейны Чирчика и Ангрена, подвергая самый Ташкентъ безъуспѣшнымъ осадамъ [1]). Передъ покореніемъ около 1723 года большой орды и Ташкента оружіемъ Цеванъ-Рабтана, киргизъ-казаки, не только большой, но частію и остальныхъ ордъ, будучи тѣснимы калмыками, искали спасенія за Ташкентомъ и даже за Сыръ-дарьею. Когда затѣмъ роды средней и малой ордъ отхлынули на сѣверо-западъ къ Каспійскому морю, Уралу и Тоболу, то множество бѣдняковъ, лишившихся скота и не имѣвшихъ возможности слѣдовать за своими родами, должны были остаться на Чирчикѣ и Ангренѣ, гдѣ они присоединились къ уцѣлѣвшимъ здѣсь въ небольшихъ количествахъ сартамъ и узбекамъ, занявшись, какъ и они, земледѣліемъ, за недостаткомъ и скота, и пастбищъ. Весьма, далѣе, вѣроятно, что во время неурядицъ, послѣдовавшихъ за паденіемъ цзунгаровъ въ половинѣ XVIII вѣка, и во время борьбы между Ташкентомъ и казаками, стремившимися возстановить свою власть надъ этимъ городомъ [2]), за-чирчикское населеніе грабило караваны и пріобрѣло этимъ разбойническую репутацію между торговцами. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ того же столѣтія ташкентскій Юнусъ-ходжа осилилъ киргизъ-казаковъ и подчинилъ себѣ конечно и кураминцевъ. Послѣ смерти его, Ташкентъ, а съ нимъ и курама, покорены были въ 1810 году коканцами, а въ 1865 году подчинены Россіею.

При первой подворной переписи (1868 г.), кураминцевъ, преимущественно въ бассейнѣ Ангрена, оказалось 11.043 двора (77.301 д. о. п.) и сверхъ того сосчитаны отдѣльно, вѣроятно какъ болѣе многочисленные и обособленные, еще узбекскіе роды кара-китай 341 дв. (2.386 д.) и юзъ

---

[1]) По извѣстіямъ посланцовъ отъ тобольскихъ воеводъ къ Тявкѣ-хану, жившему въ Туркестанѣ, онъ въ 1694 году съ 20 т. ч. ходилъ на «китай-копчаковъ», взялъ два городка, побилъ людей тысячи три и набралъ плѣнныхъ; послѣднихъ онъ однако выдалъ прибывшему мѣсяца черезъ два бухарскому посланцу; въ слѣдующемъ году онъ съ 15 т. ходилъ на Ташкентъ и возвратился безъ всякаго успѣха: «ничего взять не могли, людей никого не побили» («Дополненія къ актамъ историческимъ», томъ 10, стр. 375—389). Едва-ли Тявка-ханъ ходилъ на китай-кипчаковъ Зеравшана за Джизакъ; вѣроятнѣе, что походъ былъ предпринять противъ той части китай-кипчаковъ, которая обитала на Ангренѣ, значитъ противъ кураминской ихъ части.

[2]) Въ 1766 году средне-ордынскіе султаны Аблай и Абулфеисъ ходили въ Ташкентъ, вѣроятно на помощь больше-ордынцамъ, для изгнанія посаженныхъ въ Ташкентъ коканцами бековъ (см. между прочимъ бумаги, напечатанныя въ № 30 «Томскихъ губернскихъ вѣдомостей» 1861 года).

327 дв. (2.289 д. о. п.) [1]). По свѣдѣніямъ Макшеева (1867 г.), киргизъ-казачьи роды у кураминцевъ были слѣдующіе, главнымъ образомъ: тама (отдѣленія алчинъ, кердери, джагалбайлы, кереитъ и теляу), аргынъ (отдѣленіе канджигалы), дулатъ (отдѣленіе уйсюнъ) и бишгамгалы (отдѣленіе джалаиръ) [2]). По В. В. Радлову (1868 г.), между Ташкентомъ и Ходжендомъ живетъ маленькое осѣдлое татарское племя, которое называетъ себя курама. Оно раздѣляется на пять родовъ: джалаиръ, телеу, тама, джагалбайлы и тараклы, и кажется смѣсью изъ узбековъ и киргизовъ. Киргизы полагаютъ, что имя курама происходитъ отъ того, что они собраны (к у р а — zusammenflicken) изъ многихъ племенъ [3]). «Обзоръ сыръ-дарьинской области за 1885 годъ» показывалъ кураминцевъ въ общей цифрѣ съ киргизъ-казаками (730 т. д. о. п.), особо же численность кураминцевъ опредѣлялъ приблизительно въ 80 т. д. [4]).

5) Численность киргизъ-казаковъ.

По автору «Тарихи Рашиди», число людей, собравшихся у султановъ Гирея и Джанибека послѣ смерти Абулъ-хаиръ-хана, вскорѣ превысило 200 т. ч. Число подданныхъ Касимъ-хана, умершаго послѣ 1518 г., было болѣе милліона, а численность войска превышала сто тысячъ [5]). Тявка-ханъ, жившій въ Туркестанѣ и утратившій уже Ташкентъ, которымъ владѣли его предмѣстники, а также почти всю восточную половину к.-казачьихъ земель, которою завладѣли калмыки, увѣрялъ въ 1692 г. посланцовъ отъ тобольскихъ воеводъ, что имѣетъ 80 т. войска [6]). Рычковъ въ половинѣ XVIII столѣ-

---

[1]) М. А. Терентьевъ «Статистическіе очерки средне-азіатской Россіи» въ «Запискахъ и. р. геогр. общества, по отдѣленію статистики», томъ 4, 1874 года, стр. 79. Таджиковъ,—уцѣлѣвшихъ въ горныхъ кишлакахъ аборигеновъ,—оказалось по этой переписи 1.662 двора (11.634 д. о. п.), а сартовъ во всемъ кураминскомъ уѣздѣ, внѣ г. Ташкента, 9.948 дв. (34.636 д.).

[2]) «Геогр. и пр. матеріалы о турк. краѣ», стр. 37 и 38. Кураминцы обитали въ 72 селеніяхъ, въ числѣ которыхъ значатся Пскентъ (Пишакъ Андреева), Кероучи, Букка (Бока у Андреева), Мраталы (Муратъ-али), Каракты (Каракташ Андреева); изъ остальныхъ приводимъ видимо названныя по именамъ родовъ: Ачамайлы, Канджигалы, Джалаиръ, Теляу, Балгалы, Уйшунь, Кара-калпакъ (стр. 44 и 45).

[3]) Aus Sibirien, 1884, B. I, s. s. 224, 225.

[4]) Е. Смирнова «Сыръ-дарьинская область», Спб., 1887 г., стр. 48. Въ приложеніи № 3, въ перечнѣ тюркскихъ родовъ, обитающихъ въ области, отмѣчены и проживающіе въ кураминскомъ уѣздѣ, но это не значитъ, что всѣ эти роды есть и у кураминцевъ, ибо, кромѣ курамы, въ уѣздѣ есть 107 т. д. киргизъ-казаковъ, принадлежащихъ къ массѣ родовъ разныхъ ордъ.

[5]) «Изслѣдов. о каспи. царяхъ» и пр., ч. 2, стр. 139, 140 и 153.

[6]) «Дополненія къ актамъ историческимъ», т. 10, 1867 г., стр. 375—389.

тія замѣчалъ: «во всѣхъ оныхъ (трехъ) ордахъ какое людство, о томъ точныхъ свѣдѣній еще нѣтъ, но сіе несумнительно, что изъ двухъ подданныхъ ордъ отъ 40 до 50 тысячъ къ военному дѣлу способныхъ людей можетъ собраться» [1]). Левшинъ (1832 г.) считалъ въ б. ордѣ болѣе 100 т. кибитокъ, въ средней 210 т. и въ малой 190 т., всего 500 т. кибитокъ или отъ $2^1/_2$ до 3 м. душъ о. п. [2]). Броневскій, съ сильнымъ преувеличеніемъ, предполагалъ въ 1830 г. въ средней ордѣ «болѣе 500 т. юртъ и 3 м. душъ всякаго пола» [3]). Зато Кеппенъ въ 1851 г. сильно преуменьшалъ, считая по офиціальнымъ свѣдѣніямъ въ большой ордѣ 100 т., въ средней 369 т. и въ малой 650 т., да въ букеевской 82 т., всего 1.201.000 душъ о. п. [4]).

Изъ многихъ позднѣйшихъ показаній упомянемъ, что по вычисленіямъ Вамбери, основаннымъ на слишкомъ устарѣлыхъ данныхъ, частію ошибочныхъ, общая цыфра киргизъ-казаковъ равняется 2.299.366 д. о. п. [5]), и по И. Л. Яворскому (1889 г.) 2.833.000 д., съ добавленіемъ же киргизовъ уральской области (412 т.) и букеевской орды (223 т.), не вошедшихъ въ эту цыфру, «свыше $3^1/_2$ м.» (точная цыфра выходитъ 3.468 т.) [6]).

По наиболѣе достовѣрнымъ изъ новѣйшихъ свѣдѣній, какія удалось найти, численность киргизъ-казаковъ опредѣляется такъ:

Въ тургайской области . . .	351.020	душъ	обоего	пола	[7]).
» уральской	412.601	»	»	»	[8]).
» букеевской ордѣ	236.937	»	»	»	[9]).
» акмоллинской области . .	369.229	»	»	»	[10]).

[1]) «Исторія оренбургская», стр. 110. По словамъ ген.-маіора Тевкелева, 1762 г. («Временникъ моск. общества исторіи и древностей россійскихъ», книга 13, 1852 г., Смѣсь, стр. 15—19), «въ дву ордахъ средней и меншей на конь сядутъ въ нужное время вдругъ со сто с тридцать тысячь человѣкъ, а въ резервѣ останутся въ запасъ еще столько же военныхъ людей. А...болшей орды не болѣе на конь сядутъ дѣльныхъ людей къ войнѣ только съ двадцать тысячь человѣкъ».

[2]) «Описаніе киргизъ-кайсакскихъ ордъ и степей», часть 3, стр. 3—4.

[3]) «Отечественныя записки», 1830 г., ч. 42, стр. 186.

[4]) «Девятая ревизія», Спб, 1857 г., стр. 263.

[5]) The Turco-Tatars въ Journal of the Manchester Geographical Society, 1892, vol. 8, N—os 1—3, p. 7.

[6]) «Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана», ч. I, Спб., 1889 года, стр. 320 и 349.

[7]) Губернаторскій отчетъ за 1893 годъ, по А. Н. Добросмыслову «Скотоводство въ тургайской области», Оренбургъ, 1895 года, стр. 342.

[8]) По И. Л. Яворскому «Опытъ мед. геогр.» и «Энциклоп. словарю» Брокгауза и Эфрона, томъ 15, 1895, г., стр. 104.

[9]) По А. Н. Харузину «Букеевская орда», Москва, 1889 г., свѣдѣнія 1885 года.

[10]) По «Правит. вѣстнику» 1896 г. № 81 къ 1 янв. 1895 г. 369.229 кочевниковъ.

Въ семипалатинской	547.577	»	»	»	[1]).
» семирѣченской.	366.523	»	»	»	[2]).
» сыръ-дарьинской	699.000	»	»	»	[3]).
» аму-дарьинскомъ отдѣлѣ. .	40.000	»	»	»	[4]).
» самаркандской области . .	10.965	»	»	»	[5]).
» закаспійской области. . .	57.542	»	»	»	[6]).
» хивинскомъ ханствѣ . . .	14.000	»	»	»	[7]).
» бухарскомъ ханствѣ . . .	30.000	»	»	»	[8]).
» китайскихъ владѣніяхъ . .	101.000	»	»	»	[9]).
Всего . . .	3.236.394	д. о. п. [10]).			

[1]) «Энцикл. словарь» Брокгауза и Эфрона, томъ 15, 1895 г., стр. 104. Пользуюсь вообще тѣми данными изъ этого словаря, которыя видимо взяты изъ губернаторскихъ обзоровъ конца восьмидесятыхъ и начала девяностыхъ.

[2]) По вѣдомости о результатахъ переписи кибитокъ при губернаторскомъ обзорѣ за 1889 годъ значится 505.809 д.; за вычетомъ изъ этой цыфры численности кара-киргизовъ, населяющихъ токмакскій и иссыкъ-кульскій уѣзды, именно 137.218 д. и сартъ-калмыковъ 1.068 д., оказывается к.-казаковъ въ семирѣченской области 366.523 д. о. п.— У г. Яворскаго, по невѣрнымъ свѣдѣніямъ «Проекта всеподд. отчета К. П. фонъ-Кауфмана» (Спб., 1885 г.) и по собственнымъ ошибочнымъ предположеніямъ, значится 600 т. д.

[3]) По губернаторскому обзору за 1885 годъ (Е. Смирновъ «Сыръ-дарьинская область», Спб., 1887 г.), въ сыръ-дарьинской области киргизъ-казаковъ, въ томъ числѣ кураминцевъ, считалось 730 т. д., изъ которыхъ въ ходжентскомъ уѣздѣ 31 т. Такъ какъ уѣздъ этотъ перешелъ въ самаркандскую область, то 31 т. д. надо изъ 730 т. исключить и получится 699 т.

[4]) По г. Яворскому (39 т. д.) и «Энциклопедическому словарю».

[5]) По «Сборнику матеріаловъ для статистики самаркандской области за 1887—88 года», Самаркандъ, 1890 года, означено киргизъ всего 20.335 д.; за вычетомъ отсюда 9.370 д. кара-киргизовъ ходжентскаго уѣзда, остается киргизъ-казаковъ 10.965 д., въ томъ числѣ 9.585 д. джизакскаго уѣзда (роды аргынъ, канглы, тубуютъ, джевара, кара-калпакъ, алача, ушарты, юзъ и пр.) и 1370 д. катты-курганскаго уѣзда (полукочевые).

[6]) «Обзоръ закаспійской области за 1893 годъ», Асхабадъ, 1895 года, стр. 41. У г. Яворскаго значилось 100 т. Въ 1894 г., по «Правит. Вѣстн». 1896 г. № 170, 59.392 д.

[7]) По статьѣ г. П. Кузнецова «О хивинскомъ ханствѣ» («Спб. вѣд.» 1896 г. № 128), вѣроятно по офиціальнымъ источникамъ, киргизъ(-казаковъ) въ ханствѣ 3.500 кибитокъ. По 4 души на кибитку это составитъ 14 т. д.

[8]) Цыфра г. Яворскаго.

[9]) Въ тарбагатайскомъ и кобдосскомъ округахъ 88.000 д. (Костенко «Чжунгарія», Спб., 1887 года, стр. 105). Сверхъ того въ илійскомъ округѣ байджигитовъ 5.666 душъ, кызаевъ 6.458 д. и большой орды разныхъ родовъ до 876 д., по приблизительнымъ, но достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, всего 101.000 д.

[10]) По Nouveau dictionnaire de géographie universelle par Vivien de St. Martin et L. Rousselet, t. III, 1887, p. 144, общій итогъ к.-казаковъ выведенъ 2.747.135 д., но значительная часть цыфръ по областямъ слишкомъ стара и нѣкоторыя ошибочны. По «Энциклопедическому словарю» Брокгауза и Эфрона (томъ 15, 1895 года, стр. 104) численность к.-казаковъ оцѣнена «свыше 3 м.», но при подведеніи итога отдѣльныхъ показаній оказывается 3.286.594 д., куда еще надо добавить «нѣсколько десятковъ тысячъ въ хивинскомъ ханствѣ». Въ «Алфавитномъ спискѣ народовъ, обит. въ р. имперіи», Спб., 1895 г., «киргизъ-кайсаковъ». по свѣдѣніямъ 1890 г., показано 3 м., конечно только русско-подданныхъ.

Приведенныя выше перечисленія родовъ относились до одной изъ ордъ или частей ихъ, но существуетъ общее исчисленіе родовъ всѣхъ трехъ ордъ со свѣдѣніями о числѣ семействъ въ каждомъ изъ «родовъ» или точнѣе въ каждой считавшейся самостоятельною и особливою къ началу XIX вѣка родовой группѣ. Такое перечисленіе дано Спасскимъ въ «Сибирскомъ вѣстникѣ» 1820 года [1]), по свѣдѣніямъ, какъ онъ поясняетъ, 1805 года, вѣроятно болѣе или менѣе офиціальнымъ, но приблизительнымъ и основаннымъ на разспросахъ.

По этимъ свѣдѣніямъ въ большой ордѣ показано четыре «рода»: 1) дулатъ, численностью до 40 т. семействъ, занималъ земли отъ Кульджи до р. Чирчика; 2) сергамъ (должно быть сергелы), до 20 т. сем., на нижней Сыръ-дарьѣ; 3) сары-юсунъ-джалигиръ (сары-уйсунь и джалаиръ), до 7 т. сем., въ смежности съ сергелы, и 4) канлы-чанклы (канглы и чаншклы), до 3 т. сем., около Ташкента. Всего въ большой ордѣ до 70 т. семействъ. Цыфра эта весьма вѣроятна, но подъ именемъ сергелы надо разумѣть и тѣ нынѣшнія поколѣнія (ошакты, исты, чапрашты), которыя не названы; съ этой поправкой и распредѣленіе числа семействъ или кибитокъ между поколѣніями большой орды весьма подходяще, за исключеніемъ развѣ джалаировъ.

Составъ средней орды, при сдѣланной мною группировкѣ по племенамъ, по Спасскому таковъ:

Племя аргынъ: аргыны, управляемые ханомъ Вали и кочующіе между прочимъ въ горахъ Кокчетау, до 11 т. семействъ; аргыны вѣдѣнія султана Букея (впослѣдствіи хана), съ кочевками между прочимъ въ горахъ Баянъ-аулъ, до 30 т. сем.; аргыны вѣдомства Байкаулъ-бія, до 9 т. семействъ; канжигалы, вѣдѣнія султана Каипъ-ханова, до 2 т. сем.; чахчакъ до 6 т. сем. и чаржитимъ до 8 т. сем., оба рода въ управленіи султана Джумы Худамендина; «аргины-табуклы» до 2 т. с., управляемые султаномъ Кысроу Батыръ-хановымъ. Итого аргыновъ 68 т. сем.

Племя найманъ: найманъ, въ вѣдомствѣ султана Канъ-бабы, въ Тарбагатаѣ, по Иртышу, на границѣ и въ китайскихъ предѣлахъ, до 35 т. семействъ; баганалы, въ вершинахъ Ишима и пр., до 900 сем.; баганалы въ горахъ Улу-тау и пр., вѣдѣнія султана Тохтамыша Батыръ-ханова, до 6 т. сем.; найманы, тамъ же, до 4 т. сем.; «найманъ-кунгратскаго рода», въ управленіи султана Айчувака Ишимова, до 15 т. сем. Итого наймановъ 60.900 семействъ.

---

[1]) Часть девятая, статья «Киргизъ-кайсаки большой, средней и малой орды», стр. 86—109.

Племя кипчакъ: кипчакъ, до 1 т. сем., съ кочевками около р. Абугана; еще кипчакъ, по р.р. Ую, Тоболу и пр., до 3 т. сем.; танабуга, тамъ же, до 2 т. сем.; куделянъ (кунделенъ), тамъ же, до 2 т. сем.; туры-айгыръ, на Аманъ-карагаѣ и пр., вѣдѣнія султана Усяня Каипова, до 3.500 сем.; узунъ, по Убагану, Тургаю и пр., до 2 т. сем. Итого кипчаковъ 13.500 сем.

Племя кирей: кирей, по р. Ую и пр., до 1 т. сем.; тоже, по р.р. Убагану, Ишиму и пр., до 4 т. сем.; «седьмиродцы исакъ-кирейцы» (?), по р.р. Исели, Иртышу, около оз. Жайлыма (?) и пр., до 8 т. сем. (не абакъ-киреи-ли это вмѣсто исакъ-киреи?). Итого киреевъ 13 т. сем.

Таракты до 4 т. сем.

Итого въ средней ордѣ до 159.400 семействъ.

Въ малой ордѣ:

Алимулы: карасакалъ до 1700 сем.; кара-кисякъ до 3.500 сем.; кара-кити до 2.500 сем.; «чумекейцевъ акъ-китинскаго рода» до 2 т. сем.; «чумекейцевъ каракитинскаго рода» до 2.200 семействъ; «чумекейцевъ уджрайскаго рода», вѣдѣнія Кундровъ-султана, до 1.500 сем.; дюртъ-кара до 11 т. сем.; чикли до 1.500 сем.; чумекей-джидлеръ до 6 т. сем., чумекей-кара-тамыръ до 3.500 сем., чумекей-туки до 2.500 сем., чумекей-куитъ до 2.500 сем. и чумекей-кунякъ до 4 т. семействъ: эти пять «родовъ» чумекейцевъ состояли въ вѣдѣніи султана Буликея Ирали-ханова, имѣли лѣтовки по р. Иргизу и пр. и зимовки на Сыръ-дарьѣ и пр. Итого алимулы до 44.400 сем.

Байулы: «главнаго баюлинцевъ рода» адай до 10 т. сем., которыми правилъ «трухменской» Пирали-ханъ; яппасъ, вѣдѣнія султана Сеитъ-гали Нураліева, до 7.200 сем.; еще яппасъ до 1 т. сем.; «бурючи-алачинскаго рода» до 1.200 сем.; алача до 5.600 сем.; байбакты до 6 т. сем.; маскаръ до 3 т. сем.; беричъ (бершъ, бирючъ) до 5 т. сем.; тазларъ до 3 т. сем.; тоже до 800 сем.; исеньтемиръ до 3 т. сем.; черкесъ до 8 т. сем.; тана до 5 т. сем.; кызилькуртъ до 3 т. сем.; сыкларъ (шейхларъ) до 5 т. сем.; алтынъ до 5 т. сем. Итого байулы до 71.800 семействъ.

Семиродцы: табынъ до 3 т. сем., чумучли-табынъ до 1.100 сем.; чумишли-табынъ до 4 т. сем.; тама до 2 т. сем.; кердари до 3.500 сем.; толавъ (теляу или тлеу) до 2.800 сем.; рамаданъ до 300 сем.; «седьмиродцевъ джаманъ-гирей-табійскаго рода» до 6.500 сем.; джагалбайлы до 7 т. сем.; кирянтъ до 4 т. сем. Итого семиродцевъ до 34.200 сем.

Увакъ до 2.500 сем. Сверхъ того «отошедшихъ отъ разныхъ отдѣленій сей орды къ средней» до 6 т. семействъ. Общій итогъ малой орды у

Спасскаго 158.200 сем., а во всѣхъ трехъ ордахъ 387.600 семействъ. По 5 душъ на семью это составитъ 1.938.000 д. о. п. киргизъ-казаковъ въ началѣ XIX столѣтія, т. е. цыфру повидимому довольно близкую къ дѣйствительности, такъ какъ въ теченіе столѣтія численность народа должна была возрасти до нынѣшней.

Въ общемъ, содержащіяся въ историческомъ обзорѣ и въ настоящей главѣ извѣстія и данныя показываютъ, что большая орда образовалась главнымъ образомъ изъ племенъ дулатъ (или чуйскаго), канглы и кыргызъ. Изъ нихъ племя дулатъ состоитъ нынѣ изъ поколѣній: 1) дулатъ (съ родами ботпай, чимыръ, сейкымъ и джанысъ), 2) адбанъ и 3) суванъ; къ племени кыргызъ принадлежитъ 4) поколѣніе сары-уйсунь; къ племени канглы, кромѣ собственно поколѣнія 5) канглы, могутъ быть относимы поколѣнія 6) чаншклы, 7) чапрашты, 8) исты, 9) сергелы и 10) ушакты; наконецъ является сложеннымъ изъ всѣхъ трехъ племенъ союзъ или 11) поколѣніе джалаиръ.

Средняя орда составилась главнымъ образомъ изъ племенъ кирей, найманъ, аргынъ и кипчакъ. Къ племени кирей принадлежатъ поколѣнія абакъ-кирей (роды сарыбасъ, джадыкъ, чиреучи, джастабанъ) и ачамайли-кирей (роды джантыкей, ители, каракасъ, мулку, чубаръ-айгыръ, итенгменъ, чимоинъ, меркитъ) и роды: курсары, аксары, именалы, тюлеке, балта и пр. Племя найманъ состоитъ изъ родовъ бура-найманъ, семизъ-найманъ, акъ-найманъ, сары-джумартъ, кокджарлы, баганалы, кызай, кожембетъ, мурунъ, сиванъ, садыръ, матай и пр., а также изъ остатковъ существовавшихъ нѣкогда союзовъ ергенекты и кара-кирей, основы которыхъ были вѣроятно найманскія. Племя аргынъ слагается изъ союза момунъ, дѣлившагося на бегендыкъ и чегендыкъ и состоящаго изъ родовъ: басентеинъ, атагай, канджигалы, тобуклы, чакчакъ, сарджитимъ и пр.; союза кувандыкъ изъ родовъ алтай, карпыкъ, темешъ, агысъ, калкаманъ, айдабуль и пр., союза суюндыкъ изъ родовъ корджасъ, козганъ, коксалъ, туки и пр., и наконецъ изъ особаго поколѣнія или племени кара-кисякъ, части котораго, какъ и части особыхъ поколѣній или небольшихъ племенъ тюртоулъ и таракты, входили въ составъ упомянутыхъ союзовъ. Племя кипчакъ состоитъ изъ родовъ танабуга, карабалыкъ, турайгыръ, узунъ, кунделенъ, бултунъ, кöкбöрöнъ, туючка, кытабакъ и пр.

Сверхъ того къ средней ордѣ принадлежатъ союзъ или поколѣніе конгратъ, остатки поколѣнія или союза увакъ или увакъ-гирей и особое поколѣніе или небольшое племя байджигитъ.

Малая орда состоитъ изъ племени алчинъ и союзовъ байулы и джи-

тыру. Къ племени алчинъ причисляются роды карасакалъ, дюрткара, чикли, китя, кара-кисякъ и чумекей, изъ которыхъ чумекей происходитъ изъ чу'йскаго племени, а кара-кисякъ принадлежитъ повидимому къ особому племени, какъ и части его въ средней ордѣ. Союзъ байулы сложился изъ родовъ адай, джаппасъ, алача, байбакты, маскаръ, берчъ, тазларъ, исентемиръ, черкесъ, тана, кызылкуртъ, шейхларъ, алтынъ и исыкъ. Союзъ джитыру состоитъ изъ семи родовъ разнаго происхожденія: табынъ, тама, кердери, джагалбайлы, киреитъ, тлеу и рамаданъ.

Такимъ образомъ народъ киргизъ-казацкій сложился главнымъ образомъ изъ племенъ канглы, кипчакъ, чу (дулатъ), аргынъ, найманъ, кирей и алчинъ и изъ мелкихъ племенъ кара-кисякъ, байджигитъ, тама, таракты, тюртоулъ и пр., а также изъ частицъ племени кыргызъ.

VI. Кара-киргизы.

Близкимъ къ племенамъ, составившимъ киргизъ-казацкій народъ, является племя кыргызское или кара-киргизское, занимающее западный Тяньшань. Въ виду несомнѣнной тождественности его имени съ пріобрѣвшими большую извѣстность борьбою своею съ русскими енисейскими кыргызами, пробовали нѣкогда, вслѣдствіе малаго знакомства съ исторіею средней Азіи, объяснять нахожденіе кыргызовъ въ западномъ Тяньшанѣ переселеніемъ сюда енисейскихъ киргизовъ въ началѣ XVIII столѣтія, когда эти послѣдніе были уведены съ Енисея цзунгарами, но это объясненіе почти всѣми давно оставлено, потому что даже поверхностное ознакомленіе съ исторіею средней Азіи обнаруживало несомнѣнное существованіе въ Тяньшанѣ многочисленныхъ кыргызовъ въ далеко болѣе раннія времена. Объ участи уведенныхъ осенью 1703 года калмыками съ Енисея кыргызовъ, въ числѣ 3—4 т. кибитокъ, достовѣрно извѣстно, что они кочевали въ бассейнѣ р. Или при ургѣ цзунгарскихъ государей почти до времени разрушенія цзунгарскаго государства китайцами, когда, въ 1757 году, киргизы эти съ находившимся на Или мингатами и теленгутами пошли было къ Алтаю, но были разгромлены и частію попали въ Россію,—приставъ къ калмыкамъ Церина, съ которыми вышли на сибирскую границу и препровождены отсюда на Волгу къ торгоутамъ, гдѣ присоединились къ кундровскимъ татарамъ, — частію же разбрелись между киргизъ-казаками, урянхайцами, алтайцами и монголами и вернулись небольшими группами и отдѣльными семьями на Енисей къ сагайцамъ и качинцамъ [1]).

[1]) См. между прочимъ «Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка», кн. I, 1882 года, стр. 232—235. «Матеріалы для исторіи Сибири» Г. Н. Потанина, Москва, 1867 года, стр. 80, 127, 128, 101. Георги «Описаніе всѣхъ обитающихъ въ россійскомъ государствѣ народовъ», 1799 года, часть 2, стр. 44.

Предположеніе В. В. Радлова о переходѣ части енисейскихъ киргизовъ въ Тяньшань въ X вѣкѣ [1]) не имѣетъ историческихъ основаній и не представляется вѣроятнымъ, потому, между прочимъ, что путь кыргызамъ въ Западный Тяньшань былъ отрѣзанъ враждебными уйгурами, владѣвшими восточнымъ Тяньшанемъ; притомъ же не допустили бы пришельцевъ, отнимавшихъ пастбища у мѣстнаго населенія, тогдашніе обладатели западнаго Тяньшаня могущественные карлыкскіе ханы. Еще менѣе правдоподобна ничѣмъ не доказанная гипотеза Howorth'a о переходѣ большей части разрушившихъ уйгурское ханство на Орхонѣ кыргызовъ въ Западный Тяньшань «не ранѣе XII столѣтія» [2]), ибо этого не дозволили бы въ XII вѣкѣ кара-китаи, и позднѣе монголы. Рѣшительно неудовлетворительна и вторая гипотеза В. В. Радлова: «двинувшіеся при Чингизъ-ханѣ на западъ монголы уничтожили древнее царство хакасовъ и вытѣснили ихъ изъ южной части ихъ царства, такъ что часть (кыргызовъ) перешла чрезъ Саянскій хребетъ на сѣверъ и повидимому смѣшалась тамъ съ уйгурами, самоѣдскими, остяцкими и тунгузскими народцами,—изъ каковаго смѣшанія произошла большая часть абаканскихъ татаръ, сойоновъ и вѣроятно также якуты,—другая же часть стала кочевать въ абаканской долинѣ подъ именемъ кыргызовъ; но большая часть кыргызовъ потянулась на юго-западъ и осѣла въ долинахъ западнаго Тяньшаня» [3]). Все это между прочимъ не согласно съ положительными историческими фактами, по которымъ монголы нашли кыргызовъ уже на сѣверѣ отъ Танну-ола и изъ земель этихъ кыргызовъ не вытѣсняли.

Въ главѣ II настоящей статьи и въ ненапечатанномъ еще обширномъ изслѣдованіи по исторіи Западнаго Тяньшаня, гдѣ данъ очеркъ и исторіи енисейскихъ киргизовъ, я старался выяснить, что кара-киргизы суть отдѣлившаяся ранѣе III вѣка вѣтвь кыргызскаго племени, кочевавшая въ III столѣтіи до Р. Х. между Танну-ола и восточнымъ Тяньшанемъ и образовавшая на западной границѣ хунновъ союзъ усуньскій. Отсюда покоренные хуннами усуни, около половины II вѣка до Р. Х., были двинуты въ Западный Тяньшань. Здѣсь усуньскій союзъ послѣ Р. Х. распался и составлявшіе его роды

---

[1]) Journal asiatique, 1863, t. II, p. 317.

[2]) The Kirais and Prester John въ The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1889, v. XXI.

[3]) Ethnographische Uebersicht der Türkstämme Sibirien's und der Mongolei, Leipzig, 1883, ss. 23—24. Пріурочить переходъ кыргызовъ въ Тяньшань не позже, какъ ко времени Чингизъ-хана, казалось необходимымъ потому, что въ китайскомъ маршрутѣ похода въ Персію арміи Гулагу упоминалось въ 1259 году о кыргызахъ уже въ Тяньшанѣ (s. 23), но д-ръ Бретшнейдеръ еще въ 1875 году (Notes on Chinese Mediaeval Travellers) выяснилъ, что это упоминаніе есть только ошибочный переводъ французскихъ синологовъ.

и второстепенные союзы были послѣдовательно подчиняемы турками-тукю, карлыками, кара-киданями, монголами, коканцами и наконецъ русскими. Занимавшіе горную часть Западнаго Тяньшаня роды кара-киргизовъ успѣли и до настоящаго времени сохранить свою племенную обособленность, обитавшіе же въ прилегающихъ съ сѣвера къ Тяньшаню степяхъ должны были вступить въ сложные союзы съ племенами канглов и дулатовъ и потерять самостоятельное родовое существованіе за исключеніемъ поколѣнія сары-уйсунъ, которое, въ числѣ до 1500 киб., сохранило свое имя и нѣкоторую обособленность среди дулатовъ и прочихъ поколѣній большой орды.

Въ настоящее время кара-киргизы занимаютъ Тяньшань, на западъ отъ прохода Санташъ, съ частію Памирской горной системы и раздѣляются въ родовомъ отношеніи на два крыла: онъ (правое) и солъ (лѣвое). Первое состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: тагай и адгене. Отдѣлъ тагай слагается изъ поколѣній: бугу, 15.111 кибитокъ, сарыбагышъ, 8.973 киб., султу, 11.638 киб., чирикъ, 4.015 киб., багышъ, около 3.000 киб., и саякъ, 7.427 киб., всего 50.164 киб. Отдѣлъ адгене состоитъ изъ поколѣній адгене, 3.145 киб., монгушъ, 1.225 киб., и ичкиликъ, 13.943 киб., всего 18.313 киб. Въ крылѣ солъ 9.029 киб., всѣхъ же кара-киргизовъ нынѣ 77.506 киб. Отдѣлъ онъ занимаетъ собственно западный Тяньшань, кромѣ бассейна верховьевъ р. Таласа, гдѣ помѣщается крыло солъ; отдѣлъ адгене кочуетъ на Алаѣ, въ части Памировъ и въ продолженіи Алайскаго хребта почти до Зеравшана, спускаясь на зимовки въ долину Ферганы. Изъ кара-киргизскихъ поколѣній саяки представляются потомками племени се (у китайцевъ) или саковъ (у персовъ, индѣйцевъ и грековъ), занимавшихъ Западный Тяньшань до юечжы и смѣнившихъ ихъ усуней. Поколѣнія монгушъ и особенно ичкиликъ состоятъ преимущественно изъ постороннихъ кара-киргизскому племени родовъ племенъ кипчакскаго, найманскаго и аргынскаго (родъ кесекъ); сверхъ того въ составѣ кара-киргизскихъ родовъ есть остатки джагатаидскихъ монголовъ (въ поколѣніи монгушъ) и кара-киданей (родъ ктай въ крылѣ солъ и пр.). Имена поколѣній или главныхъ родовыхъ союзовъ принесены кара-киргизами отчасти еще изъ-за Сановъ, ибо, напр., лосей въ Тяньшанѣ не водится, между тѣмъ одно изъ главныхъ поколѣній носитъ имя лось (багышъ), а другое—желтый лось (сарыбагышъ).

Кромѣ образовавшихся исторически общественно-политическихъ дѣленій на поколѣнія, роды, отдѣленія ихъ, подъотдѣленія и т. д., кара-киргизы сохраняютъ еще память о древнемъ кровномъ своемъ происхожденіи въ именахъ костей, къ которымъ принадлежатъ независимо отъ поколѣній, родовъ

и пр. Изъ извѣстныхъ пока именъ костей шестнадцать встрѣчаются во всѣхъ или нѣсколькихъ поколѣніяхъ, а потому могутъ указывать истинный этническій составъ кыргызовъ. Изъ этихъ шестнадцати четыре, именно китай, монгулдуръ, конгратъ и саякъ, составляютъ очевидно посторонніія примѣси. Изъ остальныхъ двѣнадцати, семь встрѣчаются въ двухъ или болѣе поколѣніяхъ, а потому должны быть коренными костями кыргызскаго народа. Первое мѣсто по своей распространенности занимаетъ 1) кость сару (серикей у бугу), т. е. сары—та тамая кость, которая составляла главные роды у енисейскихъ кыргызовъ (джеты-сары и алты-сары) и которая повсюду у тюркскихъ племенъ можетъ быть почитаема результатомъ особенно густой помѣси тюрковъ съ динлинами; вторая по распространенности будетъ 2) кость каба, которую можно сблизить съ именемъ койбаловъ на Енисеѣ, зовущихъ себя койба или кайба; слѣдующая 3) кость мундусъ существуетъ понынѣ и у алтайцевъ; далѣе 4) кость кучу или кучукъ у бугу повидимому тождественна съ упоминаемымъ китайцами у чуюе родомъ хучжу или гучжу, который существовалъ и у хунновъ въ формѣ хючжуй китайскихъ извѣстій; потомъ 5) кость ассыкъ (также ассанъ-токумъ) и встрѣчающаяся у однихъ бугу кость арыкъ-токумъ могутъ быть результатомъ смѣшеній тюрковъ съ динлинскими народцами ассанъ и аринъ, остатки которыхъ существовали на Енисеѣ еще въ XVIII вѣкѣ; затѣмъ 6) кость етигенъ, тождественная съ именемъ поколѣнія адыгене, адгене, ведетъ свое названіе отъ священнаго лѣса или покрытой лѣсомъ горы Етикенъ, упоминаемой въ тюрко-орхонскихъ памятникахъ [1]), и отъ тождественной вѣроятно съ тѣмъ же урочищемъ рѣки Етигенъ приведенныхъ Рашидъ-эддиномъ уйгурскихъ преданій, но это имя могло быть динлинскимъ и принадлежать динлинскому роду, это урочище занимавшему, и перейти къ тюркскому, съ которымъ онъ смѣшался; наконецъ 7) кость дӧлӧсъ есть то же самое, что кость телесъ въ Алтаѣ. Изъ остальныхъ пяти костей 1) торо (у поколѣнія багышъ), тождественная съ торго (у бугу), встрѣчается у теленгетовъ въ Алтаѣ; 2), кость серикей (у бугу) и 3) кючюкъ (также у бугу) тождественны съ сару и кучу; остаются только 4) кость шикманатъ (у сарыбагышей) и повидимому тождественная съ нею 5) шикмаятъ (у бугу), происхожденіе которыхъ пока не выяснено. Такимъ образомъ изъ семи коренныхъ и наиболѣе распространенныхъ костей кара-киргизовъ четыре (сару, каба, ассыкъ и етигенъ) имѣютъ повидимому тюрко-

---

[1]) Ütükän у В. В. Радлова въ Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 1895, s.s. 442, 446, и Eutuken у проф. Томсена въ Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées, Helsingfors, 1896, p.p. 106 et 115.

динлинское происхожденіе и три остальныя (мундусъ, телесъ и кучу) тюрко-алтайское, ибо такія же кости (кромѣ кучу) и теперь еще есть въ **Алтаѣ**.

Не повторяя здѣсь изложеннаго въ статьѣ моей «Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ большой орды и кара-киргизовъ», помѣщенной въ выпускахъ 3 и 4 «Живой старины» за 1894 годъ, о народныхъ сказаніяхъ, родовыхъ тамгахъ и историческихъ извѣстіяхъ о поколѣніяхъ кара-киргизовъ [1]), я обращусь къ свѣдѣніямъ о числѣ кыргызовъ.

Считая по 4 души на 1 кибитку, 77.506 киб. должны бы соотвѣтствовать 310.024 д. о. п. На самомъ дѣлѣ оказывается:

Въ пржевальскомъ и пишпекскомъ уѣздахъ семирѣченской области . . . . 137.218 д. [2]).
» аульеатинскомъ уѣздѣ сыръ-дарьинской . . 47.800 » [3]).
» ферганской области . . . . 110.000 » [4]).

---

[1]) Пользуюсь случаемъ добавить, что на происхожденіе рода б а р г а, важнѣйшаго въ поколѣніи адгене, съ Енисея можетъ указывать упоминаніе Гмелина о рѣчкѣ Б а р г а, которая по его свѣдѣніямъ находилась въ той мѣстности, гдѣ, между устьями Кемчика и Джакула (оба впадаютъ въ Улугъ-Кемъ), Миллеръ описываетъ одну древнюю пещеру («Сибирскія древности», томъ I, вып. 3, Спб., 1894 года, стр. 79, приложенія). По поводу имени поколѣнія м о н г у ш ъ, которое отождествляю я съ монголъ, надо имѣть въ виду, что у урянхайцевъ, въ кемчикскомъ хошунѣ, есть кости м о н г у ш ъ и к а р а - м о н г у ш ъ (см. Н. Ф. Катанова «Письма», стр. 14). Въ поколѣніи ичкиликъ, которое считаю я составившимся изъ чуждыхъ по происхожденію кара-киргизамъ элементовъ, есть родъ т а и т ъ, обломки котораго встрѣчаются въ Сарыколѣ, на Памирахъ, въ Алаѣ и въ ходжентскомъ уѣздѣ. N. Elias, въ одномъ изъ примѣчаній своихъ къ изданію англійскаго перевода «Тарихи-Рашиди» (The Tarikh-i-Rashidi of mirza Muhammad Haidar, London, 1895, p. 20), по поводу упоминанія Шерефъ-эддина о томъ, что эмиръ Казганъ, дѣдъ соперника Тимурова, эмира Хусеина, былъ князь рода Tahit (Histoire de Timur-bec, trad. Pétis de la Croix, I, p. 2), высказалъ предположеніе, что слово Tahit вѣроятно испорчено и можно читать Tait, если выбросить только одну букву. По Альквисту, вогулы называютъ Т а и т ъ рѣки Тавду и сѣверную Сосву нашихъ картъ (Л. Н. Майковъ «О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка, по сочиненію д-ра А. Альквиста», Спб., 1877 г., стр. 91).

[2]) Губернаторскій «Обзоръ» за 1889 г.

[3]) Смирновъ «Сыръ-дарьинская область» (губ. «Обзоръ» за 1885 г.), Спб., 1887 года, стр. 51.

[4]) И. Л. Яворскій «Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана», 1889 года, стр. 320. Въ этой цифрѣ должны заключаться и памирскіе кыргызы, которыхъ численность «Туркестанскія вѣдомости» въ 1892 г. (№ 36) предполагали до 250 кибитокъ или 1500 душъ, но въ 1894 году она опредѣлилась точнѣе, по переписи въ памирской волости, въ 982 души обоего пола въ 255 юртахъ («Туркестанскія вѣдомости», 1894 года, № 14, корреспонденція изъ Памирскаго поста). Англійскій географъ A. N. Keane (Stanford's Compendium of Geographie, Asia, vol. I, London, 1896, p. 95), полагаетъ количество кыргызовъ на Памирѣ въ 17 т. кибитокъ или отъ 68 до 70 т. душъ, ссылаясь на испанца Ximenes, посѣтившаго Памиръ въ 1892 г., и замѣчая, что послѣдняя цифра сходна съ данною Костенкой въ 1880 г. Но упомянутый испанецъ на

Въ ходжентскомъ уѣздѣ самаркандской области.	9.370 »	[1]).
	304.388 д.	
Въ китайскихъ владѣніяхъ.	10.000 д.	[2]).
» бухарскомъ ханствѣ.	4.000 »	[3]).
Всего. .	318.388 д.	[4]).

Цифра эта нѣсколько меньше дѣйствительной вслѣдствіе вѣроятнаго уменьшенія числа душъ, особенно женскаго пола (57.546 ж. на 79.672 м.), при переписи въ семирѣченской области, но едва ли значительно, такъ что 325 т. д. о. п. можно считать близкой къ истинѣ численностью кара-киргизовъ [5]).

Памирѣ совсѣмъ не былъ, какъ это въ свое время выяснено «Туркестанскими вѣдомостями», и свѣдѣнія его никакого вниманія не заслуживаютъ. Въ 70 т. душъ опредѣлялъ Костенко численность кипчаковъ ферганской области, а не кара-киргизовъ въ Памирахъ. Что упомянутый испанецъ совсѣмъ не былъ на Памирѣ, это подтверждаетъ между прочимъ членъ палаты общинъ George N. Kurzon (см. его статью The Pamirs etc. въ The Geographical Journal, 1896, July), который совершилъ поѣздку на истоки Аму-дарьи осенью 1894 года и полагаетъ численность подданныхъ Россіи памирскихъ кыргызъ до 1 т. душъ.

[1]) «Сборникъ матеріаловъ для статистики самаркандской области за 1887—88 г.г», Самаркандъ, 1890 г.

[2]) Численность кара-киргизовъ, сообразуясь съ свѣдѣніями изъ разныхъ источниковъ, можно полагать на китайскихъ южныхъ склонахъ Тяньшаня въ 1.500 кибитокъ и на восточныхъ склонахъ Памирской горной системы въ 1.000 кибитокъ, что, считая по 4 д. на 1 кибитку, дастъ 10.000 д. о. п. По Пржевальскому («Третье путешествіе въ центральную Азію», Спб., 1883 г., стр. 327), есть небольшое число киргизовъ около Синина и озера Куку-нора. Численность ихъ «вѣроятно весьма не велика. Всѣ они ведутъ кочевую жизнь и почти уже забыли родной языкъ... Родной типъ сохранился, равно крѣпка и вѣра магометанская... Объясняютъ, что они пришли въ Китай лѣтъ двѣсти назадъ, въ числѣ 500 семействъ, провожавшихъ какого-то Тайджи-ахуна. Назадъ вернуться не могли». Вѣроятно это кара-киргизы, а не киргизъ-казаки.

[3]) И. Л. Яворскій считалъ въ бухарскихъ владѣніяхъ примѣрно 50 т. д. («Опытъ» и пр.), но кара-киргизы имѣются въ бухарскомъ вѣдомствѣ только въ Каратегинѣ и Дарвазѣ. Въ первомъ капитанъ Васильевъ («Военный сборникъ», 1888 г., № 10) опредѣлилъ число кыргызовъ въ 3 т. д., въ Дарвазѣ же можно считать не болѣе 1 т. душъ.

[4]) Г. Яворскій опредѣлялъ число кара-киргизовъ въ 297 т. душъ, ошибочно считая въ семирѣченской области только 90 т.

[5]) Въ 1759 году, по «Си-юй-ту-чжи», одинъ кыргызскій старшина оцѣнивалъ численность кара-киргизовъ въ 200 т. д. П. П. Семеновъ («Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи», томъ 2, Спб., 1865 г., стр. 595) опредѣлялъ приблизительно количество кыргызовъ въ русскихъ владѣніяхъ въ 200 т. и въ китайскихъ съ кокандскими въ 150 т., всего 350 т. д. «Русскій энциклопедическій словарь» Березина (томъ 3, 1878 г., стр. 169) считалъ въ русскихъ предѣлахъ 162.704 д., а съ заграничными около 200 т. ч. Encyclopaedia Britannica (vol. XIV, 1882, p. p. 94, 95) полагала число кара-киргизовъ въ 400 т. Nouveau dictionnaire de Géographie universelle par Vivien de St.-Martin, t. III,

VII. Тюркскія племена восточной Россіи.

Весьма возможно, что часть скифовъ Геродота и другихъ древнихъ писателей принадлежала тюркскому племени, какъ полагаютъ многіе изъ новѣйшихъ изслѣдователей. Но вполнѣ достовѣрное массовое движеніе тюрковъ за Уралъ и Волгу относится къ III и IV вѣкамъ послѣ Р. Х., къ нашествію гунновъ. Когда, послѣ смерти Аттилы, гунны были отброшены на востокъ, къ Волгѣ и Кавказу, то въ V и VI вѣкахъ союзы гуннскихъ родовъ были извѣстны византійскимъ писателямъ (Прискъ, Менандръ и др.) подъ именами сарагуровъ, оногуровъ, котригуровъ, утигуровъ [1]) и пр., а

1887, р. 144, насчитывалъ 340.950 кара-киргизовъ, преувеличенно полагая въ китайскихъ владѣніяхъ 21 т. ч. и въ «независимомъ Памирѣ» 20.850 ч., да въ Кульджѣ (гдѣ кара-киргизовъ почти нѣтъ) 6.500 ч. «Энциклопедическій словарь» Брокгауза и Ефрона (1895 г.) даетъ чрезмѣрно преувеличенную цифру кара-киргизовъ въ 850 т. (въ томъ числѣ до 300 т. въ русскомъ подданствѣ, именно 150 т. въ ферганской области, 47.800 въ аульеатинскомъ уѣздѣ, остальные въ пишпекскомъ и иссыкъ-кульскомъ уѣздахъ), слѣдуя вѣроятно М. И. Венюкову, который въ 1873 г. писалъ («Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи», стр. 304 и 305): «Какъ велико число ихъ (кара-киргизовъ), мы не знаемъ, но... въ уѣздахъ токмакскомъ и иссыкъ-кульскомъ... должно полагать около 140 т. д., площадь же этихъ двухъ уѣздовъ едва ли составитъ одну шестую всей площади, занятой кара-киргизами въ границахъ описаннаго пространства (отъ Куча къ верховьямъ аму-дарьинскаго бассейна и отъ Кунгей-Алатау до Яркенда и даже Хотана). Итакъ во владѣніяхъ нашихъ и Якубъ-бека кашгарскаго нужно считать приблизительно 850.000 кара-киргизовъ». И при тѣхъ смутныхъ и скудныхъ свѣдѣніяхъ, какія имѣлись къ 1873 г. о Кашгаріи и Памирѣ, цифра г. Венюкова была невѣроятна, ибо ею помѣщались въ пустыни Кашгаріи и Памировъ 700 т. кочевниковъ съ ихъ скотомъ, теперь же, когда мы имѣемъ достаточныя свѣдѣнія о дѣйствительной численности кыргызовъ въ китайскихъ владѣніяхъ и на Памирахъ и о природѣ этихъ мѣстностей, о подобныхъ цифрахъ не можетъ быть и рѣчи. Еще болѣе фантастично было показаніе числа кара-киргизовъ у Petzholdt'а (Umschau im Russischen Turkestan im Jahre 1871, Leipzig, 1877, s. 312): «почти 1 милліонъ душъ». Въ «Алфавитномъ спискѣ народовъ, обит. въ р. имперіи», показано, по свѣдѣніямъ за 1890 годъ, кара-киргизовъ въ семирѣченской, акмолинской, семипалатинской, ферганской и сыръ-дарьинской областяхъ 300 т., цыфра, приближающаяся къ нашей, но въ акмолинской и семипалатинской областяхъ кара-киргизовъ,—если и есть тамъ потомки плѣнённыхъ болѣе столѣтія тому назадъ кыргызовъ или еще болѣе давнихъ,—считать не приходится, ибо ихъ нельзя уже тамъ отличить отъ киргизъ-казаковъ.

[1]) Этихъ сарагуровъ, оногуровъ и пр. считаютъ за сары-уйгуровъ, онъ-уйгуровъ и т. д. (В. В. Радловъ «Къ вопросу объ уйгурахъ», 1893 г.). Однихъ возникшихъ быть можетъ незадолго до XIII в., когда они записаны мусульманскими писателями, легендъ недостаточно для увѣренности, что дѣленія уйгуровъ на онъ-уйгуровъ и тогузъ-уйгуровъ въ самомъ дѣлѣ нѣкогда существовали, а не есть только плодъ народной фантазіи. Мнѣ кажется поэтому пока предпочтительнымъ чтеніе гуръ, а не уйгуръ, т. е. сарыгуръ, оногуръ, котургуръ и т. д. Дорджи Банзаровъ признавалъ гур монгольскимъ словомъ (по его мнѣнію ой-ратъ или ой-аратъ и уй-гуръ суть монгольскія слова, значащія «лѣсной народъ»), Но это то же самое слово, что въ словѣ гур-ханъ, гдѣ оно имѣетъ подобное же значеніе. Не попало ли оно къ древнимъ тюркамъ, монголамъ и пр. изъ языка какого-нибудь болѣе древняго народа?

также болгаръ. Послѣ удаленія части болгаръ за Дунай и утвержденія остальныхъ на средней Волгѣ близъ устья Камы, на нижней Волгѣ образовалось государство хозарское, составившееся повидимому изъ остальныхъ гунискихъ родовъ [1]), съ торговымъ и политическимъ центромъ близъ устья Волги. Хотя хозарскіе хаканы обратились къ почти осѣдлой жизни и приняли позднѣе іудейскую вѣру, но доставляемыя развитіемъ торговли богатства и удачная политика обезпечили хозарскому ханству прочное существованіе до начала XI вѣка. Стремленіе тюркскихъ племенъ къ движенію за Уралъ и Волгу не прекращалось, но хозары умѣли пользоваться соперничествомъ между существовавшими союзами тюркскихъ племенъ, чтобы ослаблять силы тѣхъ изъ нихъ, могущество которыхъ представляло опасность для самихъ хозаровъ. Такъ, вѣроятно не безъ вліянія хозарской политики, печенѣги вытѣснили на западъ мадьяровъ, а затѣмъ торки (вѣроятно тургеши) и гузы (роды кангловъ и кипчаковъ, именовавшіеся потомъ команами или половцами) потѣснили за Донъ самихъ печенѣговъ. Съ половины XI вѣка, послѣ распространенія половцевъ до Дуная, новый притокъ тюрковъ въ южную Россію прекратился, такъ какъ въ XI и XII вѣкѣ всѣ свободныя силы родовъ канглов и кипчаковъ устремлялись за счастіемъ и богатствами въ арміи сельджукидовъ, завоевы-

---

[1]) Хозарскій царь Іосифъ, въ извѣстномъ письмѣ своемъ, относимомъ ко времени около 960 г., ссылаясь на родословныя записи своихъ предковъ, считалъ хозаровъ происходящими отъ Яфета чрезъ Тогарму, который имѣлъ десять сыновей: Уйюръ (или Угьюръ и пр., т. е., по мнѣнію проф. Гаркави, грузины или угры), Таврисъ (тавры), Авазъ или Аваръ (авары), Угузъ (огузы, гузы), Бизаль, Тарна (вѣроятно упоминаемое Константиномъ Багрянороднымъ хозарское племя таріанъ), Хозаръ, Януръ (или Зануръ), Булгаръ и Савинъ (упоминаемые византійцами забиры). Ссылаясь также на записи, Іосифъ говоритъ далѣе, что занятая впослѣдствіи сравнительно малочисленными хозарами земля первоначально принадлежала многочисленному, какъ песокъ морской, народу у(или в или о)-нтр, который вынужденъ былъ хазарами удалиться и водворился на р. Дуна, гдѣ находился и во времена Іосифа. Проф. Гаркави считаетъ возможнымъ, что приведенное имя, которое можно читать униутуръ, венентеръ, ванантеръ и т. д., есть одно изъ многихъ именованій перемѣшавшихся съ булгарами гунновъ, въ-родѣ, напр., упоминаемыхъ византійцами хунно-гундуровъ. Надо, по моему, полагать, что тутъ скорѣе всего немного, на одну букву, испорченное переписчиками имя оногуровъ, того изъ образовавшихся изъ остатковъ гунновъ союзовъ, который игралъ, повидимому, главную роль въ образованіи объединившаго тюрковъ и отчасти угро-финновъ юго-восточной Россіи болгарскаго союза. Хозарскія преданія, сообщаемыя Іосифомъ, считая оногуровъ ушедшими на Дунай и основавшими тамъ свое царство (болгаро-славянское), очевидно успѣли забыть, что дунайскіе оногуры составляли часть того же племеннаго союза, къ какому принадлежали волжско-камскіе болгары, какъ забыли, что и сами хозары входили въ составъ союза хунновъ. Іосифъ называетъ подвластными себѣ или по крайней мѣрѣ платящими дань многочисленныхъ, какъ песокъ морской базра (базна, т. е. баджнаковъ, печенѣговъ), которые занимали степи на четыре мѣсяца (пути), стало быть по крайней мѣрѣ отъ Урала до Дуная. Переводъ любопытнаго письма Іосифа помѣщенъ проф. Гаркави въ Russische Revue, 1875, Heft 1, s.s. 79—97,

вавшихъ Иранъ, западную и малую Азію и Египетъ. Въ XIII вѣкѣ, когда завоеванная монголами восточная Европа составила улусъ Джучи, остатки неушедшихъ въ Венгрію командовъ и ихъ предшественниковъ слились съ кипчакскими и алчинскими родами, составлявшими главную часть кочевыхъ подданныхъ наслѣдниковъ Джучи.

1) Ногайцы и другія тюркскія племена юго-восточной Россіи.

Ко времени распаденія улуса Джучи тюркскіе кочевники отъ Урала и Кубани до Дуная начали уже носить общее имя ногайцевъ отъ имени племянника Берке-хана Ногая, который въ концѣ XIII вѣка соединилъ подъ своею властью нѣсколько сильныхъ родовъ и при помощи ихъ ставилъ и низвергалъ хановъ Золотой орды по своему произволу. Западные ногаи вошли въ составъ крымскаго ханства уже въ XV столѣтіи. Сѣверо-восточные ногаи подъ владычествомъ потомковъ Идики или Едигея, пользовавшагося въ началѣ XV вѣка такимъ же значеніемъ, какъ Ногай или Мамай, пробовали остаться около Урала независимыми, подчиняя себѣ сосѣдніе киргизъ-казачьи роды, но силы ихъ скоро ослабѣли и въ XVII вѣкѣ они были частію подчинены достигшими Волги торгоутами; частію же перешли на земли и въ подданство крымскихъ хановъ. Большія дѣленія ногайцевъ носили имена своихъ начальниковъ или мѣстностей, такъ что изъ нихъ нельзя выяснить ихъ родоваго состава. Такъ, напр., около 1590 г., упоминаются слѣдующія девять ногайскихъ племенъ около Волги: мансуръ, уракъ, мамай, касай, орда-мамбетъ, тогузъ, едичекъ, едисанъ и джамбайлукъ [1]). Но въ именахъ татарскихъ деревень на таврическомъ полуостровѣ сохранились и къ настоящему времени названія родовъ, указывающія основной этническій составъ крымскихъ татаръ. Именно, въ спискахъ населенныхъ мѣстъ крымскихъ уѣздовъ таврической губерніи (кромѣ ялтинскаго), изданныхъ въ 1865 г., встрѣчаются по пяти разъ имена найманъ и аргинъ, четыре раза имя конратъ, по три раза

---

[1]) В. Д. Смирнова «Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской порты до начала XVIII вѣка», Спб., 1887 года, стр. 443. Древнѣйшими и вліятельнѣйшими бейскими фамиліями, главы которыхъ наслѣдственно состояли карачіями, были въ Крыму, по тому же ученому (стр. 715 и 716), ширинъ, баринъ, аргынъ и кипчакъ, къ которымъ Сахыбъ-гирей-ханъ добавилъ позднѣе изъ ногайской знати мансуровъ и седжеутовъ. Баринская фамилія вымерла еще до подчиненія Крыма Россіи; у ширинскаго бея, имѣвшаго придворный штатъ, подобный ханскому, была тамга ♀, у аргынскаго ╤, у яшлавскаго или сулешевскаго т а г а н ъ-тамга |⌐| («Извѣстія таврической ученой архивной коммиссіи», № 22, 1895 года, стр. 71—73).

имена кипчакъ, алчинъ и китай и по два раза имена канглы, алачъ и тама; сверхъ того, тѣ же имена и имена кирей, киреитъ, киргизъ-казакъ и пр. оказываются въ составѣ сложныхъ именъ населенныхъ мѣстъ, напр. бозъ-оглу-кереитъ, унгаръ-найманъ, картъ-казакъ; интересно между прочимъ имя кучукъ-токсаба (№ 750). Послѣ присоединенія Крыма къ Россіи (1783 г.), ногайцы и крымскіе татары начали переселяться въ Турцію; выселилось тогда, по словамъ Сумарокова, до 300 т. душъ; выселеніе возобновилось послѣ войны 1853—1855 г.г. и составило къ 1863 г. цифру въ 192.360 д. о. п. съ одного таврическаго полуострова [1]), такъ что общее число выселившихся въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи ногайцевъ и крымскихъ татаръ конечно превышаетъ 500 т. д.

Въ настоящее время распредѣленіе и численность тюрковъ въ юго-восточной Россіи представляются въ слѣдующемъ видѣ:

а) Крымскихъ татаръ, состоящихъ изъ тюрковъ и отуреченныхъ потомковъ древняго разноплеменнаго населенія южной части полуострова, считалось, по свѣдѣніямъ «Географическо-статистическаго словаря Россійской имперіи» П. П. Семенова (томъ 5, вып. I, 1875 г.), около 100.000 д. о. п., при общемъ населеніи полуострова въ 1864 г. въ 164.900 д. о. п. [2]), несомнѣнно меньшемъ, чѣмъ во времена крымскаго ханства. Вамбери полагалъ (1885 г.) крымскихъ татаръ до 20 т. д. По офиціальнымъ даннымъ, въ 1884 году число татаръ въ Крыму простиралось до 142.179 душъ [3]).

---

[1]) «Списокъ населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи. Таврическая губернія», Спб., 1865 года, стр. XLIII.

[2]) Тамъ же, стр. LIII.

[3]) В. В. Радловъ «Образцы народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ. Часть VII. Нарѣчія крымскаго полуострова», Спб., 1896 года, Предисловіе, стр. XII—XIV. Кромѣ нѣсколькихъ десятковъ семей ногайцевъ, вернувшихся изъ Турціи и поселившихся въ деревнѣ Куятъ, крымскіе татары дѣлятся авторомъ на два отдѣла: 1) степныхъ, которые нынѣ всѣ безъ исключенія занимаются земледѣліемъ и происходятъ, судя по именамъ деревень, чертамъ лица и языку, отъ разныхъ родовъ, прибывшихъ въ XIII вѣкѣ съ монгольскими завоевателями, и 2) горожанъ (въ Бахчисараѣ, Симферополѣ, Карасу-базарѣ, Феодосіи и Евпаторіи) и обитающихъ на южномъ берегу полуострова и въ его горахъ. Горожане, южно-бережцы и горцы суть остатки древнѣйшихъ тюркскихъ пришельцевъ, быть можетъ III и IV вѣковъ, и помѣсей ихъ съ предшествовавшими обитателями Крыма—греками, готами и пр. Южно-бережцы говорятъ османскимъ языкомъ, который привился во время владычества надъ Крымомъ Турціи; въ основѣ нарѣчія горожанъ лежитъ сѣверное нарѣчіе, которымъ говорятъ степняки, но преобладаетъ вліяніе османское.—Языкомъ крымскихъ татаръ говорятъ также евреи-караимы и отатаренные греки, но по религіямъ своимъ, типамъ и нѣкоторымъ существеннымъ чертамъ быта народности эти не могутъ быть зачислены въ число тюркскихъ.—По Радде («Вѣстникъ и. р. геогр. общества, 1856 г., томъ 18, «Крымскіе татары», стр. 290 и пр.), число татаръ на полуостровѣ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ простиралось до 111.000 душъ мужескаго пола; дѣлилъ онъ ихъ на ногайцевъ, южнобережцевъ и обитателей степей и долинъ на сѣверныхъ склонахъ крымскихъ горъ.

б) Астраханскихъ татаръ считалось по упомянутому «Словарю» до 10 т. д. и кундровскихъ и другихъ татаръ въ низовьяхъ Волги до 14 т. д. По Небольсину [1]), кундровцы признаютъ себя ногайцами и зовутся карагашъ отдѣловъ каспулатъ и касай (по именамъ сыновей Ногая), съ родами и отдѣленіями асъ, тюбетпесъ, найманъ, джагалбайлы, мангытъ, ергенекли, киреитъ и проч.

Кундровскіе татары въ низовье Волги были переселены торгоутскимъ ханомъ Дундукъ-омбо въ 1740 году съ Кубани, но около Кавказа остались еще и теперь

в) Ногайцы въ ставропольской губерніи въ числѣ, по «Геогр.-стат. словарю Россійской имперіи» (томъ 5, вып. I, 1875 г.), до 87.000 д. и въ уральской области, причисленные къ мѣстному казачьему войску, до 4.000 д.; сверхъ того, въ карской области [2]) оказалось 2.556 д. ногайцевъ и въ дагестанской до 1.500 д., всего, слѣдовательно, насчитывается 95.056 ногайцевъ [3]).

г) Близки къ ногайцамъ обитающіе въ долинахъ верхняго Баксана и его притоковъ горцы обществъ урусби, чехемъ, балкаръ и пр. въ числѣ 13.605 д. [4]).

---

[1]) «Вѣстникъ и. р. географическаго общества», 1852 г., часть 2, «Записки о кундровскихъ татарахъ».

[2]) «Записки кавказскаго отдѣла и. р. географическаго общества», книжка 28, Тифлисъ, 1895 года, приложеніе I, стр. 45.

[3]) По г. Надеждину («Кавказскій край», Тула, 1895 года), ногайцевъ въ ставропольской губерніи и дагестанской области всего 19.568 д. По Вамбери (Das Türkenvolk, 1885, s. 547), ногайцевъ всего до 100 т. д. По Л. П. Загурскому («Кавказскій календарь» на 1888 годъ, Тифлисъ, 1887 года, приложеніе, стр. 11), ногайцевъ въ ставропольской губерніи 44 т. д., въ кубанской 5 т., и есть еще неизвѣстное количество ногайцевъ въ терской области. Въ этой области, по «Терскому календарю на 1896 годъ», ногайцы значатся вмѣстѣ съ калмыками и пр., въ общей цифрѣ 36.730 д. По этногр. очерку г. Малеввина «Кара-ногайцы» въ «Терскомъ календарѣ на 1893 годъ», ногайцы между р. р. Кумой и Терекомъ дѣлятся нынѣ на восемь отдѣловъ, изъ которыхъ три, а именно карагогайцы, эдишкульцы и эдисанцы, носятъ общее названіе кизлярскихъ ногаевъ. Караногайцы дѣлятся, на четыре куба (т. е. рода): кипчаковъ, миновъ, наймановъ и теркъ-кубъ.

[4]) Цифра эта дана «Сборникомъ свѣдѣній о Кавказѣ», томъ 7, 1880 г., гдѣ они названы кабардинцами, хотя г. Зейдлицъ поясняетъ, что это населеніе обществъ чехемъ, баларъ и урусби. Я не знаю причинъ присвоенія этимъ тюркамъ непринадлежащаго имъ имени, ибо кабардинцы совсѣмъ другой народъ, говорящій на особомъ языкѣ, не тюркскомъ. По свѣдѣніямъ C. Hahn (Kaukasische Reisen und Studien, Leipzig, 1896, s. 24), бывшаго на Баксанѣ въ 1892 г., населеніе обществъ урусби (на Баксанѣ), чехемъ (на Чехемѣ), хуламъ и бизингеръ (на Урванѣ) и балкаръ (на Черекѣ) зоветъ себя т а у - л у, т. е. горцами, говоритъ на тюркскомъ нарѣчіи и обитало нѣкогда въ степяхъ, откуда вытѣснено на нынѣшнія мѣста кабардинцами; численность его 400 дворовъ. Кабардинцевъ (адыге, черкесы, косоги нашихъ лѣтописей), по «Терскому календарю на 1896 г.», числится къ 1895 г. 77.385 д.

д) Болѣе ранними, чѣмъ ногайцы, пришельцами считаются давно принявшіе осѣдлый образъ жизни кумыки и карачаевцы. Изъ нихъ кумыкамъ, обитающимъ въ дагестанской и терской областяхъ въ числѣ 108.320 д. [1]), приписывается частію, по предположенію Клапрота, хозарское происхожденіе [2]), частію ногайское, а происхожденіе карачаевцевъ, живущихъ въ верховьяхъ Кубани, въ кубанской области въ числѣ около 20.000 д. [3]), остается удовлетворительно не выясненнымъ.

е) Сюда же наконецъ приходится отнести 26.674 д. туркменовъ, обитающихъ въ ставропольской губерніи и карской области [4]).

Всего, слѣдовательно, въ юго-восточной Россіи насчитывается тюрковъ 429.834 д. о. п.

2) Башкиры и волжскіе татары.

Изъ народностей восточной Россіи, говорящихъ на тюркскомъ языкѣ, непосредственными сосѣдями киргизъ-казаковъ являются башкиры. Какія тюркскія племена дали помѣси съ финно-települграми для образованія башкирскаго народа, упоминаемаго арабскими писателями съ X вѣка, можно догадываться по приводимымъ у Рычкова [5]) названіямъ башкирскихъ «волостей или родовъ» первой половины XVIII вѣка: «минская» (родъ минъ или мингъ, мингатъ изъ «лѣсныхъ» народовъ), «табынская» (родъ малой орды табынъ), «кипчатская» (племя кипчакъ), «тамьянская» (родъ тама), «катайская» (родъ китя?), «гирейская» (племя кирей), «тазларская» (родъ тазъ или тазларъ), «кир-

---

[1]) «Кавказскій край», 1895 г. По «Памятной книжкѣ дагестанской области на 1896 г.», стр. 57, кумыковъ въ области до 61 т. д. и ногайцевъ до 1.500 д.

[2]) Вамбери, s. 558. См. также И. И. Пантюхова «О кумыкахъ. Антропологическій очеркъ» въ «Запискахъ кавказскаго отдѣла» геогр. общества, книжка 28, 1895 г.

[3]) Надеждинъ «Кавказскій край», 1895 года. По свѣдѣніямъ C. Hahn (Kaukasische Reisen und Studien, 1896, s. 76), имя карачаевцевъ пошло отъ нѣкоего Карача, переселившагося нѣкогда изъ Крыма на р. Баксанъ и оттуда въ верховья Кубани; Карача не имѣлъ сыновей, и на его дочери женился другой выходецъ изъ Крыма Шамхалъ, основавшій княжескую фамилію Крымъ-Шамхаловыхъ. По типу карачаевцы—тюрки съ примѣсью кабардинской или черкесской крови. Считаютъ ихъ теперь (1892 г.) около 30 т. д.

[4]) Надеждинъ «Кавказскій край», 1895 года.

[5]) Въ «Алфавитномъ спискѣ народовъ, обитающихъ въ р. имперіи», изд. въ 1895 г. канц. комитета министровъ, показано крымскихъ татаръ по свѣдѣніямъ за 1888 г. 160 т. д., астраханскихъ за 1860 г. 10.800 д., кундровскихъ за 1859 г. 11.760 д., ногайцевъ за 1891 г. 61.560 д., балкаровъ за 1875 г. 3 т. д., уруспіевцевъ за тотъ же годъ 3.050 д., карачаевцевъ за 1891 г. 25 т. д., кумыковъ за тотъ же годъ 108.800 д., туркменовъ въ карской области 9 т. и трухмянъ въ ставропольской губерніи за 1892 г. 19 т. д.; караимовъ въ Крыму, виленской, волынской и ковенской губерніяхъ за 1893 г. 10 т. д.

[6]) «Топографія оренбургская», Спб., 1762 г., стр. 93-100.

гиская» (племя киргизъ). Далѣе приводимъ изъ Рычкова волости и роды, судя по именамъ, мѣстнаго происхожденія, быть можетъ отчасти съ именами угро-финнскихъ родовъ или племенъ: юрматынская, бурзенская, усергенская, тингаурская, кудейская, таныпская, айлинская, куваканская, каршинская, кайлинская, ельдятская, тугузлярская, енейская, байлярская, дуванская, иланская, зорянъ, бюлярская (очевидно выходцы изъ города Биляра), уваныш-ская, уранская, ирехтинская, гайнинская. Во всѣхъ волостяхъ названы Рычковымъ «происшедшіе отъ нихъ тюбы и аймаки», т. е. дѣленія, изъ которыхъ не лишены интереса: чубинъ, ногай-ляръ, миркитъ (т. е. извѣстный родъ или племя меркитъ), сарaлы, мешеръ (нынѣшніе мещеряки), юрматынской, тельтинской, бакаевской, арляръ (можетъ быть енисейское племя и алтайская кость аръ, аринъ), сарышъ, байулы (отдѣлъ малой орды), трухменъ (туркменъ), сартъ-ларъ, сартай и пр.

Изъ выше приведенныхъ именъ башкирскихъ родовъ можно заключить, что въ составѣ башкировъ играли преобладающую роль роды малой орды и племя кипчакъ, но попадали къ нимъ и столь далекія племена, какъ кыргызское. Помимо именованія башкировъ иштяками, т. е. остяками, со стороны другихъ тюрковъ и обитанія ихъ въ такой странѣ, которая должна была принадлежать въ древности угро-финнамъ, помимо наконецъ нахожденія и въ настоящее время въ средѣ башкировъ позднѣе отуреченныхъ финновъ въ видѣ мещеряковъ и тептерей, финнскій и динлинскій элементы въ составѣ башкировъ обнаруживаются и антропологическими изслѣдованіями: такъ по измѣреніямъ проф. Соммье изъ 74 измѣренныхъ имъ башкировъ оказалось 13 поддолихоцефаловъ и мезоцефаловъ на 61 брахицефала [1]).

По собраннымъ В. В. Радловымъ свѣдѣніямъ, относящимся кажется къ 1869 году, считалось башкировъ:

Въ уфимской губерніи.	622.318	д. о. п.
» оренбургской . .	223.871	» » »

[1]) «О башкирахъ» въ «Запискахъ уральскаго общества любителей естествознанія», томъ XIII, вып. I, 1892 года, стр. 32. По измѣреніямъ П. С. Назарова. («Извѣстія и. общества любителей естеств. и пр. при москов. университетѣ», томъ 68, вып. 2, 1890 года.), ростъ и головной указатель у башкировъ рода кипчакъ оказались 1647 м.м. и 83,10., рода усерганъ 1650 и 82,48, рода данiауръ 1660 и 85,20 и у бурзинскаго 1677 и 81,51. Эти данныя показываютъ между прочимъ—какое значеніе имѣетъ различіе родовъ.—По Небольсину («Отчетъ о путешествіи въ оренбургскій и астраханскій край» въ «Вѣстникѣ и. р. геогр. общества» за 1852 г., часть 4, стр. 17), «цвѣтъ башкирскаго населенія составляютъ волости усерьгянская, тунгаурская и особенно бурзянская: это народъ высокаго роста, здоровый, плотный, смѣлый и расторопный. Особенно же красивостью лица отличается юмуранъ (сусликъ)—табынская волость». По его же свѣдѣніямъ, мещеряковъ сосѣди ихъ и сами себя зовутъ мишаръ (стр. 18), а тептяри суть инородческіе бѣглецы на башкирскія земли отъ податей и т. п. (стр. 33).

Въ пермской . . .	65.714	д. о. п.
» вятской . . .	18.590	» » »
» самарской . . .	70.107	» » »
Итого . .	1.000.600	» » »

Можетъ быть тюрки проникали къ обитавшимъ около устья Камы финнамъ и ранѣе гуннской эпохи, но съ достовѣрностью появленіе ихъ здѣсь приходится пока относить къ тому времени, когда часть болгарскаго союза водворилась въ этомъ важномъ торговомъ пунктѣ, при сліяніи двухъ великихъ рѣкъ, и дала ему свое имя. Едва ли въ монгольское время притокъ тюркскихъ кочевниковъ былъ особенно великъ въ этотъ край, города котораго были разрушены, а селенія сильно пострадали во время завоеванія. Надо думать, что усиленное возобновленіе населенія произошло здѣсь послѣ основанія Казани и переселенія въ нее значительной части жителей городовъ изъ района нижней Волги во второй половинѣ XV вѣка, когда непрерывныя смуты въ Золотой ордѣ сдѣлали процвѣтаніе осѣдлости и торговли на нижней Волгѣ невозможнымъ. Во всякомъ случаѣ тюркское населеніе средней Волги, за отсутствіемъ необходимыхъ для кочевой жизни условій, могло быть только осѣдлымъ, а потому родовой бытъ не могъ здѣсь сохраниться. Поэтому родовыхъ дѣленій и родовыхъ именъ у волжскихъ татаръ не существуетъ [1]).

По относящимся къ 1869 году свѣдѣвіямъ В. В. Радлова, считалось татаръ:

въ казанской губерніи. . .	482.709	д. о. п. »
» нижегородской	32.492	» » »
» симбирской.	93.607	» » »
» самарской	86.223	» » »

[1]) По арабскимъ свѣдѣніямъ волжскіе болгары дѣлились на три отрасли: берсула, исягель и собственно болгары (акад. А. А. Куникъ въ «Запискахъ и. Академіи наукъ», томъ 32, 1879 года, стр. 156. Тутъ исегель (въ подлинникѣ, у ибнъ-Даста, по проф. Хвольсону—«Журналъ мин. народн. просвѣщенія», 1868 года, декабрь, стр. 668—собственно не исегель или асегель, а аскл, и точное чтеніе неизвѣстно) можетъ быть есть испорченное усергянь или усергенъ, нынѣ башкирскій родъ, принадлежащій, по Небольсину, къ «цвѣту башкирскаго населенія»: вотъ, пожалуй, и другое, кромѣ билярской волости, указаніе на значительныя этническія связи между древними болгарами и башкирами. — Упомянутые нашими лѣтописями, по поводу похода болгаръ на Исады, подъ 1184 годомъ, въ качествѣ какъ бы отдѣловъ болгарскаго народа, собякуляне, челматы, темтюзи признаются С. М. Шпилевскимъ («Древніе города и другіе болгаро-татарскіе памятники въ казанской губерніи», Казань, 1877 г., стр. 139—144) жителями мѣстностей тѣхъ же именъ: Соба, Куль, Кама (у татаръ эта рѣка носила имя Челманъ или Чулманъ), Тамти. Поминался еще лѣтописцами городокъ Торцкій или Торкъ, но мѣстонахожденіе его неизвѣстно (стр. 145).

въ	саратовской	55.000	»	»	»
»	пензенской	53.725	»	»	»
»	вятской.	89.397	»	»	»
»	пермской	23.226	»	»	»
»	оренбургской	28.868	»	»	»
»	уфимской	87.147	»	»	»
	Итого. . .	1.032.394	»	»	»

Въ общемъ итогѣ цифра башкировъ и татаръ составитъ 2.032.994 д. о. п. Въ этой цифрѣ значится, кромѣ собственно башкировъ и татаръ, нѣкоторое количество мещеряковъ, тептерей и бобылей [1]), все отуреченныхъ финновъ. Конечно всѣ эти свѣдѣнія значительно устарѣли. Новыхъ однако я не нашелъ. У Вамбери значится башкировъ 500.000 д. и татаръ 638.710 душъ [2]) по совсѣмъ уже старымъ и неполнымъ источникамъ. Въ «Географическо-статистическомъ словарѣ» П. П. Семенова (томъ 5, вып. I, 1875 года) численность татаръ въ вышеуказанныхъ губерніяхъ опредѣлена круглыми тысячами въ 1.021 т. Сверхъ того тамъ значится въ тамбовской губерніи 19.000 д., въ рязанской 6 т., виленской 2 т., гродненской 1 т., въ костромской 300 д. и въ С.-Петербургѣ 3 т. д. Съ добавленіемъ этихъ 31.300 д. къ цифрѣ В. В. Радлова получится 1.064.694 д. татаръ, всего башкиръ и татаръ 2.064.294 д. Что касается башкиръ, то у П. П. Семенова (томъ 3, вып. 1866 г.) приведено по 10 ревизіи всего 569.425 д. мужск. пола, число же душъ обоего пола предположено примѣрно башкиръ 575 т., мещеряковъ 125 т. и тептерей 300 т., всего до 1 милл. д. [3]).

Конечно въ настоящее время численность башкировъ и татаръ значительно больше. Такъ, напр., въ оренбургской губерніи въ 1894 г. считалось («Правительственный вѣстникъ» 1896 года, № 28) башкировъ 229.877 и тептерей 21.628, итого 251.505 д. вмѣсто значащихся у В. В. Радлова 223.871 д.; татаръ въ казанской губерніи, вмѣсто вышепоказанныхъ 482.709 д. теперь болѣе 600.000 душъ («Казанскій телеграфъ», въ апрѣлѣ 1896 г.); въ уфимской губерніи башкиръ и татаръ, вмѣсто 709.465 д., считалось въ 1893 г. 1.081.755 д. магометанъ («Правит. вѣстникъ», 1895 г., № 221)

---

[1]) Ethnographische Übersicht der Türkstämme Sibirien's und der Mongolei, Leipzig, 1883, s.s. 22—29.

[2]) The Turco-Tatars, 1892.

[3]) «Энциклопедическій словарь» Брокгауза и Эфрона (томъ 3, 1891 г., стр. 235) считаетъ однихъ башкировъ 575 т. д., очевидно слѣдуя предположенію П. П. Семенова и не имѣя болѣе точныхъ и современныхъ свѣдѣній.

и т. д. Съ этими тремя добавками численность татаръ и башкировъ достигаетъ 2.581.509 д.

3) Чуваши.

Къ числу тюрковъ восточной Россіи относятъ еще чувашей, обитающихъ въ казанской, симбирской, самарской, уфимской, саратовской и оренбургской губерніяхъ. Полагаютъ, что они были извѣстны арабскимъ писателямъ подъ именемъ буртасовъ и представляютъ собою очень древнюю помѣсь тюрковъ съ черемисами. Они говорятъ особымъ языкомъ, основу котораго составляютъ преимущественно тюркскія слова и корни, но грамматическія формы и измѣненія звуковъ выработались въ немъ подъ сильнымъ вліяніемъ финно-угорскихъ языковъ [1]).

Численность чувашей, по «Географическо-статистическому словарю» П. П. Семенова (томъ 5, вып. 5, 1883 г.), показана въ 539.200 д. обоего пола, а именно въ губерніяхъ:

казанской. . . .	350.900	д.
симбирской . . .	92.000	»
самарской. . . .	53.000	»
уфимской. . . .	31.900	»
саратовской. . .	10.000	»
оренбургской . .	1.400	»

Вамбери считаетъ чувашей до 600 т. душъ [2]).

VIII. Юго-западныя тюркскія народности. Османскіе и иранскіе тюрки.

Если древніе персы взяли въ качествѣ общаго названія для кочевниковъ, обитавшихъ за Сыръ-дарьею и вообще на сѣверѣ иранскихъ земель, имя одного изъ племенъ этихъ кочевниковъ, то всего вѣроятнѣе считать такимъ племенемъ се или сай, которое, по китайскимъ извѣстіямъ, занимало западный Тяньшань до половины II вѣка предъ Р. Х. и въ это время нашествіемъ юечжей было вынуждено удалиться, чрезъ Памиры и верховья Аму-дарьи, на Индъ и въ восточный Авганистанъ. Въ западномъ Тяньшанѣ остаткомъ этого племени является, повидимому, кара-киргизское поколѣніе саякъ. Китайцы признавали народъ се похожимъ по обычаямъ и одеждѣ на усуней. Вѣроятно это

---

1) Vambery—Das Türkenvolk etc., 1885, s.s. 466—476.

2) The Turco-Tatars, 1892.

тюркское племя, какъ указываетъ и имя у персовъ: сака, кажущееся тождественнымъ съ сагай на Енисеѣ и съ саха на Ленѣ. Другое, также за 130 лѣтъ до Р. Х. найденное на Сыръ-Дарьѣ китайскимъ посольствомъ Чжанъ Цяня, тюркское племя было кангюй, конечно канглы, непрерывное существованіе котораго можно прослѣдить по историческимъ извѣстіямъ до настоящаго времени, все на Сыръ-дарьѣ. По исторіи династіи Хань (202 г. до Р. Х.— 25 г. послѣ Р. Х.) кангюйцевъ было 120 т. семействъ въ числѣ 600 т. душъ [1]). Кангюю подчинялось въ то время пять вассальныхъ владѣній, соотвѣтствующихъ нынѣшнимъ Ташкенту, Самарканду, Кермине, Бухарѣ и Хивѣ [2]). Это показываетъ, что, во-первыхъ, кангламъ принадлежала главная роль въ совершенномъ, по извѣстіямъ древнихъ европейскихъ писателей, скифами или саками отнятіи Согдіаны у греко-бактрійскихъ царей, и что, во вторыхъ, это подчиненіе Кангюю земель по Зеравшану и Харезма совершилось за немалое время до путешествія Чжанъ Цяня, который замѣчалъ [3]), что Кангюй «по малосилію своему, признаетъ надъ собою на югѣ власть юечжысцевъ»: конечно тутъ имѣется въ виду не собственно Кангюй, а его находящіяся на югѣ вассальныя владѣнія на Зеравшанѣ, которыя должны были подчиниться юечжы, овладѣвшимъ сосѣдной Бактріаной и имѣвшимъ свою столицу на правомъ берегу Аму-дарьи, вѣроятно на Кашка-дарьѣ. Овладѣніе Согдіаною вѣка почти за два до Р. Х. и вассальныя затѣмъ отношенія земель по Зеравшану и Харезма къ Кангюю даютъ достаточное основаніе полагать, что съ того же времени канглы-кочевники распространили свои кочевки на лѣвый берегъ Сыръ-дарьи и до Аму-дарьи, если ихъ ранѣе еще не было за Сыръ-дарьею. Численность и значеніе тюрковъ въ Мавераннагрѣ должны были много усилиться съ половины VI вѣка, когда господство надъ страною юечжей, именовавшихся позднѣе кушанами и евталитами, смѣнилось владычествомъ западно-тюркскихъ хановъ. Въ концѣ VII вѣка и въ VIII сопротивленіе мѣстныхъ владѣтелей завоеваніямъ арабовъ почерпало свои силы и продолжительность главнымъ образомъ въ помощи тюрковъ, приходившія изъ-за Сыръ-дарьи войска которыхъ наносили не разъ арабамъ сильныя пораженія. Утвердившаяся въ Мавераннагрѣ династія саманидовъ надолго остановила движеніе тюрковъ за Сыръ-дарью, но при ея упадкѣ карлыки изъ Кашгаріи овладѣли въ началѣ XI вѣка Ферганою и землями по Зеравшану. Послѣдніе саманиды находили противъ карлыковъ поддержку у обитавшихъ уже въ значительномъ количествѣ между низовьями Сыръ-дарьи и Аму-дарьею тюрк-

---

[1]) «Собраніе свѣдѣній» и пр., III, стр. 56.

[2]) Я не могу войти здѣсь въ подробности и изложить доказательства.

[3]) «Собраніе свѣдѣній» и пр., III, стр. 6.

скихъ кочевниковъ, начинавшихъ объединяться подъ предводительствомъ сельджукидовъ. Сельджукъ, по Рашидъ-эддину, происходилъ изъ племени канглы. Къ родамъ того-же племени и къ кипчакскимъ принадлежали безъ сомнѣнія и кочевавшіе на югѣ Сыръ-дарьи тюрки, съ силами которыхъ и при помощи вѣроятно множества искателей добычи и счастія изъ-за Сыръ-дарьи изъ племенъ тѣхъ же кангловъ и кипчаковъ, внуки Сельджука овладѣли около 1035 года Мервомъ и начали завоеваніе всей западной Азіи [1]).

Имперія сельджукидовъ распалась въ концѣ XI столѣтія. Западные ея обломки однако успѣшно боролись съ Византіею и крестоносцами, пока, уже въ XIV вѣкѣ, не объединились подъ владычествомъ османидовъ, [2]) которые

[1]) По «Тарихи-Гузидэ» (Journal asiatique, 1848, vol. XI, p. 421), Сельджукъ «перешолъ изъ Туркестана въ Мавераннагръ, по причинѣ недостатка пастбищъ», въ 375 г. гиджры (985—6 по Р. Х.). По другимъ мусульманскимъ писателямъ (Bibliothèque orientale d'Herbelot, La Haye, 1779, t. III, p. p. 292—295), Сельджукъ, сынъ Докака или Докмака, состоялъ при дворѣ мѣстнаго тюркскаго князя Бигу и, имѣя много родственниковъ, пріобрѣлъ большую силу, что возбудило опасенія въ самомъ князѣ; тогда Сельджукъ бѣжалъ на лѣвый берегъ Яксарта во владѣнія саманидовъ. Можно по этому поводу имѣть въ виду, что и теперь есть весьма извѣстная мѣстность на р. Чу съ именемъ Токмакъ; что Бигу близко къ богу, одному изъ главныхъ поколѣній кара-киргизовъ, и что около Токмака и Пишпека обнаружено существованіе несторіанскихъ кладбищъ, надписи на которыхъ относятся къ XIII и XIV столѣтіямъ; между тѣмъ дѣти Сельджука носили имена Михаилъ, Израиль, Юнисъ, Муса, частію неупотребительныя между мусульманами, почему давно уже существовало предположеніе, что Сельджукъ, ранѣе обращенія въ мусульманство, за Яксартомъ былъ христіаниномъ.

[2]) По Нешри, одному изъ старѣйшихъ османскихъ историковъ (писалъ онъ около 890 г. гиджры, т. е. 1485 по Р. Х.), «около времени,—когда Султанъ-Махмудъ, сынъ Себюкъ-тегина, переселилъ въ Хорасанъ домъ Сельджука съ почти 100 т. тюрковъ,—водворялось въ Арменіи въ странѣ Ахлатъ родственное съ означеннымъ домомъ, богатое скотомъ и другимъ имуществомъ, тюркское племя, происходившее отъ Кокъ-альпъ-хана, и осталось въ этой странѣ въ продолженіе почти 170 лѣтъ, до нашествія Чингизъ-хана». При появленіи монголовъ, послѣ 616 г. гиджры, вождь этого племени Сюлейманъ-шахъ съ 50 т. семей кочевниковъ перешелъ къ Эрзеруму во владѣнія иконійскихъ сельджукидовъ. Вздумавъ чрезъ нѣсколько лѣтъ возвратиться на прежнія мѣста, Сюлейманъ-шахъ утонулъ на пути въ р. Евфратѣ, племя же его разсѣялось по разнымъ странамъ. Съ сыномъ его Ертогруломъ осталось 400 семей кочевниковъ, съ которыми онъ наконецъ овладѣлъ Караджи-гиссаромъ близъ Ангоры, сынъ же его Османъ положилъ основаніе османской имперіи завоеваніемъ Бруссы въ 699 году гиджры (Nöldeke, Auszüge aus Neschri's Geschichte des Osmanischen Hauses, въ Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, B. 13, Leipzig, 1859, s. 188 и слѣд.). Нешри производилъ Османа отъ Кокъ-хана, сына Огузъ-хана, потомка Іафета, но по особой отъ сельджукидской линіи (тамъ же, s. s. 185—187). По д'Оссону (Histoire des Mongols etc., 1834, t. I., p. 293), пользовавшемуся болѣе поздними источниками, «въ эпоху, когда монголы вторглись въ Хорасанъ, небольшое племя туркменовъ, именуемое cayi-kanli и обитавшее въ округѣ Маханъ близъ Мерва-шахиджана, оставило эту свою землю изъ страха предъ этими страшными врагами; оно переселилось на западъ и водворилось въ странѣ Ахлатъ въ Арменіи. Когда восемь лѣтъ спустя монголы пришли опустошать и эту страну, кайи-канглы ушли въ Малую Азію. Ертогрулъ, бывшій главою этого племени, состоявшаго изъ 440 се-

завоевали Балканскій полуостровъ и овладѣли наконецъ Константинополемъ. Такъ какъ значительнаго притока новыхъ тюркскихъ элементовъ въ Анатолію, сколько извѣстно, не было за исключеніемъ перехода небольшой части иранскихъ тюрковъ во время нашествія монголовъ, то османскіе тюрки представляютъ собою помѣси приведенныхъ сельджукидами въ Малую Азію и сѣверную Сирію тюрковъ намѣченнаго выше происхожденія съ туземнымъ населеніемъ Арменіи, Анатоліи, Сиріи и Балканскаго полуострова. При общности вѣры и языка, нынѣшніе османскіе турки сильно различаются по мѣстностямъ своимъ физическимъ типомъ, въ зависимости отъ народностей, которыя были отуречены, и отъ густоты тюркской крови въ помѣсяхъ, которая въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ на Балканскомъ полуостровѣ, была совершенно незначительна. Само собою разумѣется, что у осѣдлыхъ османовъ отъ родоваго быта могутъ быть теперь найдены развѣ самые слабые слѣды, а родовыя дѣленія и имена совершенно исчезли. Кочевой образъ жизни сохранили только такъ называемые юрюки около Айдина, въ числѣ 200 т. душъ, и туркмены и юрюки около Смирны, въ числѣ до 300 т. д. Есть у нихъ и роды, имена которыхъ обнаруживаютъ родство этихъ тюрковъ съ адербайджанскими или иранскими тюрками и туркменами; таковы имена родовъ каджаръ (существуетъ и въ Персіи, гдѣ изъ него происходитъ властвующій домъ), кара-теккели, сары-теккели (видимо ведущіе свое начало отъ туркменскаго племени текке), бурханъ, нарынджали (тождественны съ родами тѣхъ же именъ у туркменскихъ іомудовъ) и пр. [1]).

Численность османскихъ тюрковъ Вамбери полагаетъ въ настоящее время приблизительно въ 10.000.000 душъ об. пола. [2]).

мействъ, получилъ отъ сельджукидскаго султана Рума волость близъ Ангоры, на границѣ съ греческой имперіей, съ титуломъ уджъ-бея, соотвѣтствовавшимъ титулу маркграфа. Послѣ его смерти этотъ ленъ, увеличенный нѣсколькими завоеваніями у грековъ, перешелъ въ обладаніе его сына Османа или Отмана, который въ 1300 г., послѣ разрушенія монголами государства сельджукидовъ Малой Азіи,—когда правители областей этого царства обратили свои лены въ государства,—объявилъ свою маленькую землю независимою, принялъ титулъ султана и сдѣлался основателемъ оттоманской монархіи». И такъ основу турецкой имперіи заложили тюрки племени канглы рода каи, который и нынѣ существуетъ у туркменовъ, какъ увидимъ ниже.

[1]) Vambery—Das Türkenvolk etc., 1885, s. 606. Есть еще въ Анти-Таврѣ номады авшары, прибывшіе по ихъ преданіямъ изъ Хорасана, гдѣ дѣйствительно есть тюркское племя того же имени, и около Аданы ногайцы, переселившіеся изъ Россіи въ числѣ 20 т. киб., изъ которыхъ теперь осталось едва 2 т. киб. (тамъ же, s. 607).

[2]) Тамъ же, s. 619. Все населеніе Оттоманской имперіи, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ 1888 года, равнялось 28.871.218 д. о. п., въ томъ числѣ въ Аравіи 6 м. д., въ европейской Турціи 4.891.075 д. и въ Триполи 1.300.000 д. (La Turquie d'Asie par Vital Cuinet, t. I, Paris, 1892).

Основою тюркскаго населенія Персіи и Закавказья послужили также сельджукидскіе тюрки, но къ нимъ во второй половинѣ XIII вѣка присоединилось не малое число тюрковъ и монголовъ арміи Гулагу-хана, которая, по Рашидъ-эддину, состояла изъ двухъ человѣкъ на каждый десятокъ воиновъ Монголіи и улусовъ Джучи и Джагатая, полученныхъ изъ войска Чингизъ-хана его сыновьями и родственниками [1]). Въ именахъ главныхъ тюркскихъ племенъ Персіи и Закавказья однако почти не сохранилось указаній на ихъ основное происхожденіе. Имена эти слѣдующія: каджаръ [2]), аушаръ, шахзевенъ, бегдилли, кара-папахъ, кашкай, аллаверды, каракоюнлу, джанбеглу, узанлу, абулхасанлу, кенгерлу, джеррузъ, келлекулъ, ходжа-али, шейхлу, баятъ, килиджъ, джелаиръ и пр. Изъ этихъ именъ ходжа-али, бегдилли, кенгеръ, баятъ, кашкай встрѣчаются между родовыми именами туркменовъ [3]); килиджъ есть имя древняго тюркскаго племени, джелаиръ есть слѣдъ наслоенія монгольской эпохи, остальныя же суть видимо имена родовыхъ союзовъ и дѣленій, образовавшихся на иранской и закавказской почвѣ.

Численность тюрковъ Персіи, обитающихъ преимущественно на сѣверѣ, Вамбери полагаетъ въ 2 м. д., считая, что они составляютъ треть населенія всего государства [4]). Въ Закавказьи (въ губерніяхъ тифлисской, эриванской, елизаветпольской, бакинской, дагестанской и въ закатальскомъ округѣ) число адербейджанскихъ татаръ опредѣлилось по посемейнымъ спискамъ 1886 года въ 1.139.659 душъ о. п., въ томъ числѣ 643.822 д. муж. пола и 495.837 женскаго. Съ добавленіемъ 28.366 д. кара-папаховъ (въ карсской области) и 70.000 д. османскихъ турковъ (въ карсской области и кутаисской губ.), общее число юго-западныхъ тюрковъ въ Закавказьи составитъ 1.238.261 д. о. п., немного болѣе 26% всего населенія края [5]). Вамбери (1885 г.) считалъ 1 м. д.

---

[1]) Histoire des Mongols etc., par d'Ohsson, 1834, t. III, p. 135.

[2]) По сказаніямъ астрабадскихъ каджаровъ («Очерки Туркменіи» и пр., барона Боде, стр. 151), Каджаръ-ханъ сопутствовалъ мифическому Огузъ-хану въ его завоеваніяхъ и поселился въ округѣ Діарбекира и Ерлата, откуда впослѣдствіи перешелъ въ Адербейджанъ и на Араксъ. «Лѣтопись каджаровъ» производитъ ихъ отъ Каджаръ-нуяна, сына Сертакъ-нуяна, полководца Гулагу-хана (Dorn, Reise nach Masanderan, St.-Petersburg, 1895, s. s. 90, 91).

[3]) Vambery—Das Türkenvolk etc., 1885, s. s. 569—579. Въ своихъ «Историко-этнографическихъ очеркахъ бакинской губерніи» (Russische Revue, 1879, 12 Heft, s. s. 496—498) г. Зейдлицъ приводитъ слѣдующія имена селеній, получившихъ свои названія отъ тюркскихъ родовъ, въ нихъ водворившихся: кенгерлу, куманъ или куманлу, карабюркъ, лекъ, баятъ (три деревни), каджаръ, кара-коюнлу, и пр. По своей численности въ бакинской губерніи имѣетъ значеніе племя шахзевенъ, которое въ числѣ 3.490 киб. зимуетъ въ Муганской степи, а лѣтуетъ въ персидскихъ предѣлахъ въ горахъ близъ Ардебиля.

[4]) Das Türkenovolk, s. 592.

[5]) «Записки кавказскаго отдѣла и. р. географическаго общества», книжка 18, 1895

IX. Туркмены.

Вамбери, ознакомившійся съ туркменами во время своего извѣстнаго путешествія въ среднюю Азію, дѣлитъ ихъ на слѣдующія племена [1]):

1) Чаудуры и имрайли [2]) суть вѣроятно остатки обитавшаго въ XVI вѣкѣ на восточномъ побережьи Каспія сильнаго тогда племени адали-туркменовъ [3]); теперь они обитаютъ въ сѣверо-западной части хивинскихъ владѣній, имѣя подраздѣленія: абдалъ, игдыръ, эссенлу [4]), карачаудуръ, бузачи, бурунчукъ и шейхъ [5]).

2) Іомуты, обитающіе частію на р. Гургенѣ въ персидскомъ и русскомъ подданствахъ, частію въ юго-западной окраинѣ хивинскаго ханства, состоятъ изъ четырехъ главныхъ вѣтвей: атабай (въ числѣ его отдѣленій замѣтимъ тана), джафарбай, шереф-чуни и огурджали (есть отдѣленіе гирай) [6]).

3) Гѣклены обитаютъ по р. Атреку, главнымъ образомъ въ персидскомъ подданствѣ [7]).

года, приложеніе, стр. 23 и 45. Цифра кара-папаховъ относится къ 1893 г. («Правит. вѣстникъ», 1896 г. № 74). Османскихъ туровъ въ карсской области въ томъ же году 47.196 (тамъ же).

1) Das Türkenvolk etc., Leipzig, 1885, s.s. 391—402.

2) Чаудур, по объясненію Вамбери, значитъ жеребецъ, ржущій, а имрили означаетъ народъ Имр'а.

3) Адали или адакли значитъ, по Вамбери, островной отъ ада—островъ. Имя это мнѣ кажется тождественнымъ съ адай, байулинскимъ родомъ малой орды.

4) По сказаніямъ, приведеннымъ М. Н. Галкинымъ («Этнографическіе и историческіе матеріалы по средней Азіи и оренбургскому краю», Спб., 1869 г., стр. 6), у Эссенъ-лу были сыновья Игдыръ и Чаудуръ и три пріемыша Абдалла, Бурунчукъ и Бузачи; онъ приводитъ вѣтви родовъ этихъ именъ, изъ которыхъ обращаютъ вниманіе токмакъ и акъ-дуглатъ у абдалла и сары и куся у игдыровъ.

5) Н. Г. Петрусевичъ («Записки кавказскаго отдѣла и. р. геогр. общества», книжка XI, стр. 3) называетъ выше Чарджуя, въ 45 в., по Аму-дарьѣ, отдѣленія чоудоровъ саятъ и эски.

6) Іомутъ, по Вамбери, происходитъ отъ древняго слова іом, значащаго народъ. По барону Боде («Очерки туркменской земли и юго-восточнаго прибрежья Каспійскаго моря», стр. 87), ямуды дѣлятся на четыре отдѣла (шерефъ, чуни, кучукъ-татаръ и байрамшали), которые подраздѣляются на тире, т. е. стрѣлы, которыхъ имена также имъ приведены.

7) Гѣклен или кѣклен, по Вамбери, значитъ жирный, богатый, иногда зеленый, синій. Имена отдѣленій гоклановъ, въ томъ числѣ гаи, приведены у г. Петрусевича (тамъ же, стр. 10 и 11) и въ «Обзорѣ закаспійской области съ 1882 г. по 1890 г.», Асхабадъ, 1892 года, стр. 25), а также у барона Боде (стр. 92). По послѣднему, гокланы происходятъ отъ двухъ братьевъ Додурга и Алдидагли; изъ числа родовъ отъ перваго замѣтимъ керкесъ (ср. съ черкесъ малой орды), кучекъ; отъ втораго, между другими, чекир-бегдели. По М. Н. Галкину (стр. 7), у гоклановъ есть между прочими роды кыррыкъ и кета (кыркъ и кита?).

4) Текке (каменный баранъ), всѣ въ закаспійской области, состоятъ изъ двухъ отдѣловъ: ахалъ-текке и мервъ-текке (по мѣстностямъ). Въ первомъ есть дѣленія кокче, саликъ, ясманъ, миришъ, конгуръ и пр. Мервъ-текке дѣлятся на тохтамышъ и утемышъ; въ первомъ отдѣленія бекъ и векиль [1]), съ подраздѣленіями въ послѣднемъ кокче, канъ, конгуръ, акъ- и кара-векиль; утемышъ имѣетъ отдѣленія сичмазъ и бахши.

5) Сарыки, на среднемъ теченіи Мурхаба, имѣютъ вѣтви херзеги, (одно изъ дѣленій носитъ имя канли-башъ), хорасани, алишахъ [2]), сухты, байрачъ.

6) Салоры, или салуры, или, вѣрнѣе, салыры, считаются древнѣйшимъ изъ туркменскихъ племенъ, ибо Салоръ названъ въ числѣ внуковъ мифическаго Огузъ-хана у Абулъ-гази и Рашидъ-эддина. Вѣрно, что въ VII вѣкѣ они уже встрѣчены, какъ видно изъ историческихъ источниковъ того времени (къ сожал. не указанныхъ), были достигнувшими до Аму-дарьи арабами. Къ 80-мъ г.г. они обитали частію съ текке, частію съ сарыками, частію въ персидскихъ, бухарскихъ и авганскихъ предѣлахъ. Отдѣлы ихъ: ялавачъ, караманъ и анабелеги [3]).

7) Ерсари по берегамъ Аму-дарьи около Чарджуя, Бурдалыка и Керки [4]).

Народныя сказанія туркменовъ о происхожденіи ихъ племенъ довольно разнорѣчивы. Такъ по барону Боде [5]), различая туркменовъ чистой крови,

---

[1]) Этотъ родъ векиль мнѣ кажется тождественнымъ съ родомъ вокиль или укиль, къ которому принадлежали болгарскіе князья, замѣнившіе въ VIII вѣкѣ прежнюю династію изъ рода дуло. См. «Сочиненія» Гильфердинга, томъ I, Спб., 1868 года, стр. 20—23.

[2]) У Н. Г. Петрусевича («Записки кавк. отдѣла», кн. XI, 1880 г., стр. 38) вмѣсто алишахъ стоитъ аляша.

[3]) У г. Петрусевича имена отдѣловъ отличны, именно кипчагы, т. е. кипчакъ, какъ читаетъ Вамбери,—дазарду-ходжа и караманъ—аловачъ. По М. Д. Евновичу (рукопись и. р. географическаго общества «Нравы и обычаи туркменъ-салыровъ», на основаніи свѣдѣній, собранныхъ въ 1892 и 1893 г.г.), салыры дѣлятся на три рода: караманъ (его дѣленія огруджикли, бекъ-гезенъ и алэнъ, имѣющія еще подраздѣленія), яловачъ (ордуходжа, дазъ и бекъ-сакаръ съ подраздѣленіями) и киче-ага (киче-ага и бешъ-урукъ съ подраздѣленіями). На р. Тедженѣ, около стараго Серахса, ихъ около 2.200 киб. «У салыръ нѣтъ особыхъ родовыхъ знаковъ собственности, служащихъ съ тѣмъ вмѣстѣ и знаками происхожденія. Каждый хозяинъ употребляетъ самые разнообразные знаки, самой произвольной формы, какая придетъ въ голову... Эти знаки вырѣзываются или выжигаются на ушахъ верблюдовъ, лошадей,ословъ, овецъ, козъ и пр., а также знаки ставятся на котлахъ, на чашкахъ, даже и на арбузахъ и дыняхъ». Въ числѣ данныхъ для примѣра 11 изображеній этихъ знаковъ оказалась тамга кипчаковъ.

[4]) «Этнографич. и историч. матеріалы» и пр. (стр. 7) М. Н. Галкина называютъ у у сарыковъ и ерсары въ числѣ родовъ алача.

[5]) «Очерки» и пр., стр. 67.

икъ, отъ рожденныхъ отъ плѣнныхъ персіанокъ, гулъ (кулъ), ямуды и гокланы производятъ себя отъ сыновей Туркмена по именамъ Ямуда и Гоклана, родившихся отъ свободной женщины Икъ, Текке же по ихъ мнѣнію рожденъ отъ рабыни. По приводимымъ М. Н. Галкинымъ легендамъ [1], туркмены происходятъ отъ Узъ-хана, у котораго было два сына Ессенъ-ханъ и Сеюнъ-ханъ; отъ перваго пошли гокланы и ессень-или, отъ Сеюна же остальныя одиннадцать туркменскихъ племенъ: теке, ямудъ, ерсары, салоръ, саррыкъ, сакаръ [2]), уи, аймакъ, кара-дашли, алъ-или и амръ-или. Другіе называютъ родоначальникомъ всѣхъ тринадцати племенъ Сеюнъ-хана, имя котораго служитъ ураномъ при отраженіи чужеземцевъ общими силами всѣхъ племенъ. По «Обзору закаспійской области съ 1882 по 1890 г.» [3]), текинцы производятъ себя, іомудовъ, салыровъ и ерьсари отъ Салыръ-Казана и думаютъ, что были выведены Тамерланомъ изъ Арабистана, обитали около Бухары и Хивы, перешли въ Балаханскія горы и только послѣ Надыръ-шаха заняли ахалъ-текинскій оазисъ; по другимъ сказаніямъ, туркмены

---

[1]) «Этнограф. и историч. матеріалы» и пр., стр. 5.

[2]) Племя сакаръ упоминали ранѣе Борнсъ (на Оксѣ, въ числѣ восточныхъ туркменскихъ племенъ, см. «Путешествіе въ Бухару», Москва, 1849 г., томъ 3, стр. 349) и Вамбери, считавшій и считающій сакаръ вѣтвью теке, отдѣла бакши (въ описаніи путешествія въ среднюю Азію и въ Das Türkenvolk, s. 396). По свѣдѣніямъ ген. Петрусевича, туркменское племя сакаръ обитало на Аму-дарьѣ, по лѣвому берегу, верстахъ въ 25 выше Чарджуя, въ числѣ до 3 т. кибитокъ («Записки кавказскаго отдѣла» и пр., томъ XI, 1880 г., стр. 3). Этотъ родъ или племя сакаръ интересно въ томъ отношеніи, что подтверждаетъ своимъ именемъ остроумную догадку Гутшмида о томъ, что кангюйцы китайскихъ историковъ были не кто иные, какъ сакарауки или сакараулы древнихъ греческихъ и римскихъ писателей, главный повидимому, изъ тѣхъ скифскихъ народовъ, которые разрушили греко-бактрійское царство (Geschichte Iran's etc., 1888, Tübingen, s. s. 58, 70—73). Догадка эта вѣрна, потому что подкрѣпляется многими данными и обстоятельствами, которыя не могутъ быть здѣсь изложены по недостатку мѣста, но слѣдуетъ, между прочимъ, считать настоящимъ имянемъ не сакараукъ, къ которому склонялся Гутшмидъ, а сакараулъ, ибо на эту форму указываетъ имя обитающаго нынѣ въ сосѣдствѣ съ сакарами туркменскаго племени бекаулъ, упоминаемаго ген. Петрусевичемъ на правомъ берегу Аму-дарьи (указанныя «Записки», томъ XI, стр. 3). Вѣроятно парфяне распространили на весь кангюйскій народъ имя сакарауловъ потому, что имѣли изъ всѣхъ кангюйскихъ родовъ непосредственныя столкновенія главнымъ образомъ съ сакараулами, которые отняли у парфянъ захваченную было ими у греко-бактрійцевъ Маргіану. Въ виду всего этого, существованіе на Аму-дарьѣ до настоящаго времени рода сакаръ показываетъ, что части тюркскаго племени кангловъ проникали за Аму-дарью болѣе чѣмъ за полтора вѣка до Р. Х. и удержались здѣсь до нашихъ дней.

[3]) Асхабадъ, 1892 года, стр. 13—15, 26. Въ текстѣ и двухъ таблицахъ здѣсь же сообщены свѣдѣнія о родовыхъ дѣленіяхъ туркменскихъ племенъ, съ большими подробностями о подраздѣленіяхъ теке и іомудовъ. Въ числѣ помѣщенныхъ тутъ отдѣленій у теке надо замѣтить бегендыкъ и суюнджикъ, очевидно изъ тѣхъ самыхъ родовыхъ союзовъ племени средней орды аргынъ, которыя тамъ называются бегендыкъ и суюндыкъ.

обитали сначала въ Ферганѣ и выселились оттуда 200 лѣтъ назадъ къ Бухарѣ и Хивѣ и т. д. Гокланы происходятъ, по ихъ сказаніямъ, отъ Каихана, сына Гюнъ-(Кюнъ) хана, сына Укузъ-хана, обитавшаго 5 тысячъ лѣтъ тому назадъ на Иссыкъ-кулѣ [1]).

Въ 1894 году В. В. Бартольдъ издалъ въ VIII томѣ «Записокъ восточнаго отдѣленія и. р. археологическаго общества» текстъ и переводъ одного изъ 12 эпическихъ разсказовъ, составляющихъ содержаніе рукописи дрезденской королевской библіотеки «Книга о моемъ дѣдѣ Коркудѣ, на языкѣ племени огузовъ». Коркуду этому приписывается тамъ происхожденіе изъ племени баятъ [2]) и жизнь его относится ко времени, близкому къ эпохѣ Магомета. Дѣйствіе разсказовъ происходитъ въ Арменіи. Въ числѣ разсказовъ одинъ называется «Канъ-Турали, сынъ Канлы-коджи», другой «Амранъ, сынъ Бекиля», третій «Шекрекъ, сынъ Ушунъ-коджи» [3]), нѣсколько разсказовъ относятся до Салоръ-Казана и его сына. По поводу этого труда г. Бартольда, А. Г. Туманскій сообщилъ, что въ неизданной рукописи ташкентской публичной библіотеки «Родословная туркменъ» Абулъ-гази-хана, автора извѣстной «Родословной тюрковъ», говорится, что огузово племя, покинувъ свою родину,—страну Иссыкъ-куля, Алмалыка, Сейрама и горъ Олугъ-тагъ и Кечикъ-тагъ,—поселилось въ низовьяхъ Сыръ-дарьи. Здѣсь трое ходжей, въ числѣ которыхъ былъ изъ племени кай (см. выше упоминаемый г. Петрусевичемъ у гоклановъ родъ гаи), провозгласили ханомъ нѣкоего Иналь-Яви, тоже изъ племени кай. Это происходило въ эпоху абассидскихъ калифовъ. О Салоръ-Казанѣ у Абулъ-гази говорится, что онъ жилъ

---

[1]) Къ «Обзору закаспійской области за 1890 годъ» (Спб., 1892 г.) приложены двѣ родословныя таблицы. По первой у Салоръ-хана, сына Гусейнъ-хана, показаны сыновья: 1) Эрсари (родъ его въ Бухарѣ и авганскихъ владѣніяхъ), 2) Іомудъ, у него сынъ Джафаръ, имѣвшій сына Джани съ сыновьями Акъ-Атабай и Шерифъ, у коего дѣти Ярали и Нурали, 3) Теке съ сыновьями Отамышъ (отъ него Сычмазъ и Бахши), Тохтамышъ (сыновья Бекъ и Векиль), Явкамышъ или Сарыкъ (дѣти Алаша и Пулатъ-шахъ), 4) Шахъ-джанъ съ сыномъ Салуръ-Казанъ, отъ котораго Караманъ, Яловачъ и Кичиага. По второй родословной у Гасанъ-хана значатся дѣти: 1) Гокланъ съ сыновьями Гаiъ-хуки (у него Аккель, Елъ-анги и Каракель) и Додулга (дѣти Карикъ и Бояндуръ), 2) Човдуръ съ сыновьями Кара (родъ въ Хивѣ), Абдалъ (дѣти Огри, Менгли Ходжа, Дали, Курбанъ) и Игдыръ (дѣти Кумлы, Кечи Гёзъ, Гуссейнъ и Джаджи), 3) Иминкъ (въ Бухарѣ), 4) Али-эли съ сыновьями Бекъ Тепе и Мовдутъ, 5) Гай, Арвачи, Баятъ Агаръ (всѣ въ бухарскихъ владѣніяхъ).

[2]) Родъ баятъ или баяутъ былъ родомъ кангловъ, какъ извѣстно изъ упоминаній о томъ, что мать Султанъ-Мухаммедъ-Харезмъ-шаха принадлежала къ роду баяутъ племени канглы. Упоминается родъ баяу у канглов и китайскими извѣстіями XIII вѣка (Bretschneider—Mediaeval Researches, vol. I, p. 303).

[3]) Канъ, канлы, бекиль, ушунъ соотвѣтствуютъ именамъ канглы, векиль (родъ у теке) и усунь или уйсунь.

триста лѣтъ послѣ пророка и былъ богатырь, воевавшій между прочимъ съ племенемъ беджне, въ которомъ г. Туманскій основательно видитъ печенѣговъ. Преданіе приписываетъ этому же Салоръ-Казану обращеніе огузова племени въ исламъ и реорганизацію родового устройства [1]).

Приведенныя народныя сказанія въ значительной степени согласуются съ историческими извѣстіями и основанными на нихъ выводами о происхожденіи туркменовъ и юго-западныхъ тюрковъ, съ другой же стороны и сами могутъ служить къ нѣкоторому выясненію того же предмета. Такъ земли канглова, отъ которыхъ по историческимъ даннымъ должны происходить туркмены, еще за 100 и болѣе лѣтъ до Р. Х. обнимали степи отъ оконечности западнаго Тяньшаня за Улу-тау и Кичикъ-тау (нынѣшнее произношеніе названій Улугъ-тага и Кечикъ-тага), ибо по словамъ Чжанъ Цяня «Кангюй смеженъ съ Даванію» [2]) (Фергана), такъ что окрестности Сайрама служили уже кочевками кангловъ, въ Улу-тау же, какъ уже упоминалось выше, были лѣтовки государя Кангюя. Иссыкъ-куль и долина р. Или (Алмалыгъ среднихъ вѣковъ) принадлежали усунямъ, но не невозможно, что, послѣ распаденія усуньскаго союза послѣ Р. Х. и вступленія усуньскихъ родовъ въ союзы съ родами кангловъ, часть послѣднихъ имѣла кочевки въ окрестностяхъ Иссыкъ-куля и даже въ илійской долинѣ. Имя кангловъ для совокупности тюркскихъ родовъ, занимавшихъ земли по Сыръ-дарьѣ, держалось еще въ 568 году, когда Зимархъ ѣхалъ землями холіатовъ, т. е. кангліатовъ, не задолго подчиненныхъ ханами турковъ-тукю. Имя гузовъ, т. е. огузовъ, появилось для родовъ кангловъ въ низовьяхъ Сыръ-дарьи, по обѣ ея стороны и далѣе на западъ, повидимому уже во времена арабскихъ географовъ. Легенды объ Угузъ-ханѣ встрѣчаются не только у туркменовъ, гдѣ ими пользовались Рашидъ-эддинъ и Абулъ-гази, но и у уйгуровъ, судя по изданному В. В. Радловымъ переводу отрывка рукописи уйгурскаго письма изъ библіотеки Шефера. Имя огузовъ носили не только гузы, но и многочисленные роды въ Монголіи по Селенгѣ, какъ видно изъ тюрко-орхонскихъ надписей на памятникахъ Кюль-тегина и Могилянь-хана. Распространенность родоваго имени огузовъ и легендъ объ Огузъ-ханѣ всего вѣроятнѣе и проще объясняется существованіемъ у древнѣйшихъ тюрковъ культа быка (огуз), какъ вообще у первобытныхъ народовъ

---

[1]) «Записки восточнаго отдѣленія и. р. археологическаго общества», томъ IX, Спб., 1896, стр. 269—272.

[2]) «Собраніе свѣдѣній» и пр., Ш, стр. 6. Въ 102 г. до Р. Х. осаждая столицу Давани, китайцы опасались нападенія сосѣднихъ кангюйцевъ, которые собрались подать помощь даваньцамъ (тамъ же, стр. 27).

боготворились животныя или непосредственно, или чрезъ культъ духовъ предковъ, носившихъ имена животныхъ. Ясные слѣды культа животныхъ существовали еще во времена Рашидъ-эддина, который повѣтствуетъ о присвоеніи каждой изъ 24 вѣтвей потомства Огузъ-хана «извѣстнаго животнаго, чтобы это было ихъ онконъ... И обычай таковъ: на все то, что служитъ онкономъ какого-либо племени,—такъ какъ они назначили это для предзнаменованія благополучія,—они не нападаютъ, не притѣсняютъ, мяса его не ѣдятъ. И понынѣ смыслъ этотъ твердо держится, и каждое изъ тѣхъ племенъ знаетъ свой онконъ» [1]).

Принятіе имени своего онгона, огуза, родами кангловъ и кипчаковъ на нижней Сыръ-дарьѣ и западнѣе въ качествѣ общаго племенного или союзнаго имени въ VIII—X вѣкахъ объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что союзъ этотъ, будучи независимъ отъ властвовавшихъ надъ восточною частью кангловъ карлыкскихъ хановъ, не могъ продолжать именоваться канглами, такъ какъ значительное количество послѣднихъ подчинялось карлыкамъ, не могъ также именоваться тюрками, ибо въ сущности это имя было чуждо кангламъ и принадлежало туркамъ-тукю, и потому принялъ, конечно постепенно, именованіе огузовъ по распространенному въ немъ прежнему культу и сохранившемуся онгону.

Однимъ киргизъ-казачьимъ преданіемъ въ низовьяхъ Сыръ-дарьи приписывается святому Хорхуту одна тамошняя могила [2]), такъ что Коркудъ повидимому не вымыселъ, а дѣйствительно существовавшее между тюрками нижней Сыръ-дарьи лицо, быть можетъ какой-нибудь особенно прославившійся мудростью вліятельный бій. Въ виду историческихъ извѣстій о вытѣсненіи печенѣговъ изъ степи гузами, бои Салоръ-Казана съ беджне могутъ быть памятью о дѣйствительномъ историческомъ фактѣ. Во всякомъ случаѣ существованіе у тюрковъ Арменіи «Китаби-Коркудъ» подтверждаетъ, что османскіе турки дѣйствительно происходятъ отъ родовъ, обитавшихъ ранѣе на Сыръ-дарьѣ и унесшихъ оттуда легенды о Коркудѣ и пр.

Въ именахъ нынѣшнихъ главныхъ туркменскихъ племенъ нѣтъ показывающихъ ихъ алтайское древнѣйшее происхожденіе. Это стало быть имена родовыхъ союзовъ, образовавшихся уже на Сыръ-дарьѣ или по переходѣ отъ нея на югъ и западъ. Однако въ именахъ болѣе мелкихъ родовыхъ дѣленій, отмѣченныхъ мною курсивомъ, не мало именъ родовъ кангловъ и кипчаковъ,

---

[1]) В. В. Радлова. «Къ вопросу объ уйгурахъ», Спб., 1893 г., стр. 38 и 39.

[2]) «Труды восточнаго отдѣленія и. р. археологическаго общества», часть 4, стр. 283.

а также и других тюркских племен, указывающих на их участіе в образованіи туркменской народности.

Численность туркменов Борнс опредѣлял в 140 т. киб. («Путешествіе в Бухару», ч. 3, Москва, 1849 г.). М. Н. Галкин предполагал (1869 г.) 350 т. кибиток или 1.750.000 душ о. п. [1]). Вамбери оцѣнял цифру чаудуров в 60 т. д., іомудов в 200 т., гокланов в 15 т., теке в 400 т., сарыков в 60 т., салоров в 28.500 д., ерсари в 200 т., всего с 16.141 д. туркмен сырь-дарьинской области и астраханской губерніи в 979.641 д. о. п. По «Обзору закаспійской области с 1882 по 1890 г.» считалось теке в асхабадском, мервском и тедженском уѣздах 34.960 киб., в числѣ 182.301 д., сарыков в мервском уѣздѣ 8.196 киб. и 27.216 д., салыров 2.824 киб. или 13.924 д. в том же уѣздѣ и остальных туркменских племен в уѣздах красноводском 3.151 к. или 25.755 д. и в мангышлакском (гокланы главным образом) 891 к. или 3.910 д., а всего в области туркмен 50.022 к. или 243.106 д. о. п. По «Обзору» за 1893 г. (стр. 41) 255.597 д. В аму-дарьинском отдѣлѣ, по проекту отчета ген. Кауфмана 1881 г., до 6 т. д. И. Л. Яворскій считает всѣх туркмен в закаспійской области, аму-дарьинском отдѣлѣ, бухарских, хивинских и авганских владѣніях до 500 т. душ [2]). Так как в закаспійской области 255.597 д. туркменов, в аму-дарьинском отдѣлѣ должно быть болѣе 6 т. д., в хивинском ханствѣ оказывается по новѣйшим свѣдѣніям 30.750 киб. или дворов, т. е. около 153.750 д. [3]), да в бухарских владѣніях по Аму-дарьѣ надо полагать не менѣе 50 т. душ, в авганских такое же приблизительно число и в персидских по крайней мѣрѣ 30 т. душ, то численность туркменов должна быть не менѣе 545.347 д. о. п.

X. Узбеки.

Имя узбеков первоначально давалось тюркским племенам восточной части джучіева улуса для отличія их от джагатайцев или племен улуса джагатаева. Ранѣе Узбек-хана, царствовавшаго с 1312 по 1342 г., оно

---

[1]) «Этнографическія и историческія матеріалы» и пр., стр. 17.

[2]) «Краткій отчет о научной командировкѣ в Среднюю Азію, исполненной лѣтом 1894 г.», вып. 2, Спб.. 1895 года, стр. 17 и 18.

[3]) П. Кузнецова «О хивинском ханствѣ» в «Спб. вѣд.», 1896 г. № 128. По «Правит. вѣстнику» 1896 г., № 170, в закаспійской области в 1894 г. считалось 256.861 д. о. п. «Алфавитный список народов» дает за 1892 г. 253.800 д. в закаспійской области, 9 т. в карской и 1.900 в ставропольской губ.

не встрѣчается, а потому надо полагать, что оно получило свое начало отъ имени этого государя, памятнаго какъ по продолжительному тридцатилѣтнему царствованію, когда привыкли называть его подданныхъ узбековцами, такъ и по утвержденію между кочевыми его подданными мусульманства. Во второй половинѣ XV вѣка, когда отложившіяся части тюркскихъ родовъ приняли именованіе вольницы, казаковъ, оставшіяся вѣрными Абулъ-хаиръ-хану и его потомству части тѣхъ же родовъ удержали названіе узбековъ. Сохранилось оно за приверженцами шейбанидовъ и тогда, когда они очистили предѣлы джучіева улуса, перебравшись въ Мавераннагръ въ дружинахъ Шейбани-хана и его наслѣдниковъ. Узбеки Мавераннагра составились такимъ образомъ изъ частей тѣхъ же тюркскихъ племенъ, главныя массы которыхъ вошли въ составъ киргизъ-казаковъ, но въ составѣ узбековъ играли весьма видную роль, отчасти даже и количественно, потомки коренныхъ монголовъ и сѣверо-восточныхъ тюркскихъ племенъ, составлявшихъ «полкъ» Джучи, и жившее службою ханамъ и вообще чингизидамъ служилое сословіе. Сверхъ того въ составъ узбековъ, уже въ Мавераннагрѣ, не замедлили конечно войти перешедшія на службу побѣдоносныхъ шейбанидовъ мѣстныя тюркскія племена, служившія дотолѣ тимуридамъ [1]).

Вслѣдствіе такого историческаго происхожденія узбековъ количество родовъ у нихъ весьма значительно. По завѣренію Хорошхина, число узбецкихъ колѣнъ или «баулы» народныя сказанія опредѣляютъ въ 92; онъ приводитъ ихъ имена (напрасно повторивъ нѣкоторыя по два раза для достиженія цифры 92) [2]). Н. В. Ханыковъ еще ранѣе (въ «Описаніи бухарскаго ханства», Спб., 1843 года) привелъ по туземному источнику («Нассядъ-намяти-узбеккія») 97 именъ узбекскихъ родовъ. По завѣренію Л. Н. Соболева, «многія изъ именъ родовъ, какъ укумъ, аучи, каръ-тау, митанъ и др., называются по мѣсту своего жительства. Это мелкія племена. Нѣкоторые же болѣе сильные роды, каковы мангыты, минги, кипчаки, найманы, туркмены,

---

[1]) Въ случайныхъ перечисленіяхъ и упоминаніяхъ отличившихся особыми подвигами шейбанидскихъ дружинниковъ достаточно ясно отражается такой весьма смѣшанный составъ шейбанидскихъ дружинъ или узбековъ. Такъ въ «Шейбаніадѣ», изд. въ 1843 г. професс. Березинымъ, встрѣчаются имена родовъ и племенъ: маджаръ, уйшунъ, татаръ, уйгуръ, кунгратъ, салуръ-казакъ (съ отмѣткою «изъ дальняго Туркестана»), дюрменъ, ямаликъ, отаджи, кіатъ, найманъ, а въ «Шейбани-намэ», изд. Вамбери въ 1885 г., имена: сихіутъ, кіятъ, кунгратъ, боркутъ, манкитъ, найманъ, дюрменъ, ушунъ, кущу, джелаиръ, карлыкъ, солдузъ, нöкюзъ, татаръ (см. Vambery, Das Türkenvolk etc., 1885, s.s. 348, 349).

[2]) «Туркестанскія вѣдомости» 1871 года, №№ 9 и 10. Указавъ мѣста обитанія 42 родовъ, Хорошхинъ писалъ, что остальные роды нужно полагать за Аму-дарьей или въ хивинскомъ ханствѣ.

юзы, кара-калпаки, кенегезы и др., распространенные на болѣе значительномъ пространствѣ, сохраняютъ болѣе прочно свои названія, но зато отдѣленія ихъ и подъотдѣленія принимаютъ часто особыя названія и возводятся на степень новыхъ родовъ» [1]).

Обстоятельныя статистико-этнографическія свѣдѣнія объ узбекскихъ родахъ имѣются пока только по бывшему зеравшанскому округу, благодаря труду А. Д. Гребенкина, напечатанному въ №№ 29-42 «Туркестанскихъ вѣдомостей» за 1871 годъ. Свѣдѣнія эти относятся къ слѣдующимъ 20 главнымъ родамъ: тюяклы, въ числѣ до 20 т. душъ обоего пола, имѣютъ въ числѣ отдѣленій молла-кесекъ и мирза-кисекъ; митаны, до 10 т. д., отзываются о себѣ: «мы ногаи, а не узбеки»; найманы, въ числѣ до 18 т. д., въ трехъ отдѣленіяхъ: коштамгалы, уахтамгалы и садыръ-бекъ («кунградъ и найманъ, по ихъ словамъ, дѣти одного отца-Козакъ»); уйшунъ, въ числѣ до 500 д., въ трехъ отдѣленіяхъ: учаклы, кузьтамгалы и ирганаклы (утверждаютъ, что кромѣ Зеравшана ихъ рода нигдѣ нѣтъ, пришли же они сюда въ то отдаленное время, когда 92 узбецкихъ племени брали Самаркандъ); кутчи [2]), именующіе себя выходцами изъ Кашгара; катаганъ, до 450 д., пришли, по ихъ словамъ, изъ Кундуза при Абдулъ-Газисѣ, имѣются еще въ Гиссарѣ и Шахризябсѣ, зовутся сосѣдями бекзатъ, т. е. людьми бекскаго рода; сарай, въ числѣ до 2 т. д., есть еще въ Балхѣ; багрины, до 2 т. д., пришли изъ Ферганы; юзъ или юсъ, до 2.600 д., съ отдѣленіями ктай-юзъ и др.; кыркъ, до 900 д., пришли 42 года назадъ изъ Джизака; мингъ или мынъ; ктай, до 45 т. д., прибыли вмѣстѣ съ кипчаками 198 лѣтъ назадъ изъ Дештъ-Кипчака при Субханкулъ-ханѣ; кипчакъ, до 24 т. д.; кара-калпакъ, до 15 т. д., прикочевали столѣтіе назадъ тому изъ-подъ Ташкента; туркменъ до 4 т. д., изъ племени теке, но пришли изъ Нураты, а туда изъ окрестностей Туркестана, еще при жизни Хазретъ-султана [3]); джалаиръ—до 3.500 д.; дурменъ до 300 д.; ургенчи прибыли изъ Хивы, какъ показываетъ имя; тюркъ, до 4.500 д., прибыли 50 лѣтъ назадъ изъ Ура-

---

[1]) «Записки и. р. геогр. общества по отдѣленію статистики», т. 4, Спб., 1874 года, стр. 298.

[2]) Вѣроятно это кучинъ или куджинъ историковъ тимуридовъ (Notices et éxtraits de manuscrits de la bibliothéque du roi, t. XIV, partie 2, p.p. 186, 297 etc., и Тарихи-Рашиди (Erskine-History of India etc., vol 1, p. 36, а также Tarikh-i-Rashidi, éd. N. Elias, p. 301, гдѣ значится, что кучин значитъ военно-служащіе, которые составляли въ Кашгаріи особое сословіе этого имени).

[3]) Ахмедъ-Ясави умеръ въ 1120 г. (Howorth—History of the Mongols etc., part II, London, 1880, p. 681). По П. Н. Ахмерову—въ 1166 г. («Извѣстія общества археологіи и пр. при казанскомъ университетѣ», т. XIII, вып. 6, стр. 530).

тюбе; мангитъ, въ числѣ до 3 т. д. (имѣются въ значительномъ количествѣ, до 30 т. д., въ Карши). Всего по приведеннымъ данным численность узбековъ зеравшанскаго округа должна была превышать 155.750 д. о. п., такъ какъ численность трехъ родовъ осталась неизвѣстною [1]). Приведенныя свѣдѣнія Гребенкина, выказывая пестроту родоваго состава узбековъ, показываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что перемѣщенія узбецкихъ родовъ продолжались до недавняго времени, а раньше вѣроятно были еще значительнѣе.

Свѣдѣнія Гребенкина и Хорошхина относятся только до узбековъ верхней половины зеравшанской долины. Не столь подробны, но обнимаютъ всю долину Зеравшана, а также нынѣшніе ходжентскій и джизакскій уѣзды, свѣдѣнія В. В. Радлова. По его словамъ, узбеки (частію?) продолжали (еще 1868 г.) кочевать, какъ казаки и кыргызы [2]). Племена узбековъ этихъ были слѣдующія: 1) Кытай-кыпчакъ обитали въ долинѣ Зеравшана, отъ Самарканда до Катырши и на сѣверъ до Чилека, раздѣляясь на отдѣлы кытай (въ немъ роды сары-кытай, отарчи, канджигалы, коштамгалы, тараклы и балгалы) и кыпчакъ (роды тӧрттамгалы, сары-кыпчакъ и тогузбай). 2) Кыркъ-мен-юзъ (т. е. кырки съ юзами) жили между Ходжентомъ, Уратепе, Заминомъ, Джизакомъ и Яны-курганомъ, а также къ югу отъ Пенджекента; на сѣверѣ находились юзы, на югѣ же у Джизака и Яны-кургана кырки; у кырковъ были роды: кара-койлы, карача, кара-сиракъ, чапанашлы, а у юзовъ: карапча, тыгырыкъ, парче-юзъ, ергенеклы, солаклы, ханходжа-кытайсы, ходжа-кытайсы, коянъ-кулаклы, тюяклы, сиргели. 3) Канглы, небольшое племя, живущее въ окрестностяхъ Джизака. 4) Найманъ обитаютъ къ югу отъ Катты-кургана и около города Дахана. 5) Мингъ, значительное племя, къ юго-востоку отъ Самарканда; населеніе городовъ Каратепе и Ургута состояло изъ минговъ; коканскіе ханы были изъ этого же племени. 6) Кенегесъ, многочисленное племя, составляющее главную часть населенія Шахрисябза и имѣющееся также въ Хивѣ. 7) Мангытъ—главное населеніе города Карши и его округа. 8) Меситъ, ябы и тама, именуемые въ совокупности учъ-ру (три рода), обитаютъ въ зіаддинскомъ горномъ округѣ до города Кошкауса. 9) Сарай живутъ на западъ отъ Кошкауса до Ханчарвагы. 10) Буркутъ (сравн. съ телеутскимъ родомъ мер-

---

[1]) Хорошхинъ упоминаетъ въ зеравшанскомъ округѣ еще слѣдующіе роды, у Гребенкина не значащіеся, по малолюдности: кыятъ, саятъ, джагатай, канглы, алчинъ, кыргызъ, казакъ.

[2]) Чрезъ двадцать лѣтъ, «по Матеріаламъ для статистики самаркандской области за 1887-8 г. г.» (Самаркандъ, 1890 г.), полукочевыхъ узбековъ осталось только 22.765 д. о. п. на 466.925 д. осѣдлыхъ.

китъ) обитаютъ между Кермине и Мелике. 11) Аллатъ—около Каракуля, между Бухарою и Чарджуемъ. 12) Бехринъ—около Пейшембе, на сѣверѣ отъ Катты-кургана. 13) Баташъ—въ разныхъ мѣстахъ. Кромѣ узбековъ, живутъ еще въ разныхъ мѣстахъ осѣдлые кара-калпаки и туркмены; у первыхъ роды оймаутъ, кары-койлы и кара-сингиръ, обитающіе около Акъ-тепе и Вешъ-арыка и недавно прикочевавшіе съ Аму-дарьи; у вторыхъ роды казайоглы, канджигалы и бöгöшбли (два послѣднихъ считаютъ себя принадлежащими къ племени юйсюнь, стало быть родичи казаковъ большой орды), живущіе на сѣверѣ въ горномъ нуратинскомъ округѣ [1]).

По свѣдѣніямъ И. Л. Яворскаго, въ населеніи Шахризябса, состоящемъ изъ 30—35 т. семействъ, преобладаютъ узбеки рода кенегесъ, бывшаго нѣкогда отдѣленіемъ рода мангитъ; кенегесы дѣлятся на пять колѣнъ: кайрасалы, тараклы, ачамайлы, чехутъ и абаклы [2]), слѣдовательно оказываются союзомъ изъ частицъ родовъ средней орды, главнымъ образомъ киреевскихъ. По его же наблюденіямъ, въ Кундузѣ и Ташъ-курганѣ обитаютъ главнымъ образомъ узбеки рода катаганъ, а въ Мазари-шерифѣ и Балхѣ роды сарай и мингъ. Всѣхъ узбековъ въ Чааръ-вилайетѣ (т. е. въ авганскомъ Туркестанѣ) можно, по его мнѣнію, считать 400 т. д. [3]).

По официальнымъ свѣдѣніямъ 1885 г., узбеки ходжентскаго уѣзда потеряли «точное дѣленіе на колѣна» [4]); въ джизакскомъ раіонѣ узбековъ было 15.754 двора или кибитки слѣдующихъ родовъ: кыркъ 3.194 дв., канглы 594, салыкъ 1.775, туркменъ 1.348, тюркъ 812, найманъ 755, мангытъ 960, китай-юзъ 1.228, сулаклы 664, туяклы 578 дв., и менѣе 500 дворовъ или кибитокъ каждый слѣдующіе роды: аллача, буркутъ, сергали, баймаклы, джелаиръ, кыргызъ, юзъ, куянъ-куяклы, парча-юзъ, карапча, кушчу, ураклы, тукчары, коштамгалы, сарай, канджигалы [5]).

---

[1]). Aus Sibirien, 1884, B. 1, s.s. 225—228. Ханы бухарскіе принадлежатъ племени мангытъ и при возведеніи на престолъ поднимаются на кошмѣ представителями племенъ мингъ, аллатъ, бехринъ и баташъ (B. 2, s. 466).

[2]) «Путешествіе русскаго посольства по Авганистану и Бухарскому ханству въ 1878—9 г.г.», т. 2-й, Спб., 1883 г., стр. 39.

[3]) Тамъ же, стр. 231.

[4]) Е. Смирнова «Сыръ-дарьинская область», Спб., 1887 г., стр. 46.

[5]) Тамъ же, стр. 322 и 323. Кромѣ родовыхъ узбекскихъ именъ, названныхъ Гребенкинымъ и другими вышепомянутыми авторами, въ «Спискѣ населенныхъ мѣстъ и волостей самаркандской области» 1888 года («Сборникъ матеріаловъ» и пр., вып. I, Самаркандъ, 1890 года) встрѣчаются въ самаркандскомъ уѣздѣ еще слѣдующія: чалмуюнъ, тюркъ-калтатай, тюркъ-балласъ и мухатары, чингизъ-ханъ, чуятъ, чандыръ, а въ катты-курганскомъ: ябу-кіатъ, кирантъ и пр.; въ послѣднемъ уѣздѣ значится 2.875 д. узбековъ «неизвѣстныхъ родовъ», а въ ходжентскомъ уѣздѣ роды узбековъ совсѣмъ не означены. Можно догадываться, что причина тому, какъ объяснялось сыръ-дарьинской администраціей, потеря «точнаго дѣленія на колѣна».

По свѣдѣніямъ Вамбери, племена кунгратъ, уйгуръ, кипчакъ, нукюзъ, ачмайли многочисленны въ Хивѣ [1]), кенегесъ въ Шахризябсѣ, мингъ въ Меймене и найманъ въ Карши. По его же замѣчанію, въ Хивѣ, за исключеніемъ туркменовъ и небольшого количества сартовъ въ городахъ, населеніе все состоитъ изъ узбековъ; въ Бухарѣ по обоимъ берегамъ Зеравшана, въ Шахризябсѣ, а также на лѣвомъ берегу Аму-дарьи въ авганскихъ владѣніяхъ (въ Кундузѣ, Хульмѣ, Акчэ, Шибарганѣ, Меймене, и Андхоѣ) земледѣльческое населеніе состоитъ преимущественно изъ узбековъ [2]).

Физическій типъ узбековъ отличается большимъ разнообразіемъ не только по родамъ, но и по мѣстностямъ, въ зависимости, конечно, отъ тѣхъ помѣсей, которыя происходили у узбековъ съ мѣстными населеніями восточно-иранской, авганской, западно-иранской и горно-иранской (гальча) крови. Вамбери замѣчаетъ также, что между узбеками, носящими одно и то же родовое имя, но живущими въ разныхъ мѣстностяхъ, совсѣмъ не существуетъ того чувства родовой солидарности, которое болѣе или менѣе живо между частями родовъ у киргизовъ и туркменовъ [3]). Это объясняется, во-первыхъ, историческимъ образованіемъ узбековъ, перешедшихъ за Сыръ-дарью не цѣлыми родами и не значительными ихъ частями, а дружинами, состоявшими изъ мелкихъ частицъ разныхъ родовъ, во-вторыхъ же, издавна начавшимся паденіемъ у нихъ родоваго быта вслѣдствіе оставленія кочеваго образа жизни и перехода къ осѣдлому.

Имѣя въ виду для русскихъ владѣній численность узбековъ по Костенкѣ («Туркестанскій край», 1880 г.) въ 201.972 д. (именно въ сыръ-дарьинской области 25.771, ферганской 19.852, зеравшанскомъ округѣ 140.154 и въ аму-дарьинскомъ отдѣлѣ 16.195 д.), Вамбери въ 1885 г. предполагалъ въ бухарскихъ владѣніяхъ 1 м. узбековъ, въ Хивѣ 700 т. и въ авганскомъ Туркестанѣ 200 т., а всего «круглымъ счетомъ 2 м. д.» [4]) Въ 1892 г. онъ почему-то сталъ считать узбековъ уже $2^1/_2$ м. [5]) И. Л. Яворскій пола-

[1]) По Муравьеву («Путешествіе въ Туркменію и Хиву», М., 1822 г.), узбеки въ Хивѣ раздѣлялись на четыре главныхъ поколѣнія: кіятъ-конгратъ, уйгуръ-найманъ, канглы-кипчакъ и никюзъ-манкытъ. Очевидно, въ каждомъ было соединено по два особыхъ рода, какъ замѣчено проф. Н. И. Веселовскимъ («Очеркъ историко-географическихъ свѣдѣній о хивинскомъ ханствѣ», Спб., 1877 г., стр. 143). Изъ хивинскихъ городовъ, перечисленныхъ въ «Описаніи хивинскаго ханства» Данилевскаго 1842 г. (въ «Запискахъ и. р. геогр. общества» 1851 г., кн. 5, стр. 101 и слѣд.), слѣдующіе носили имена узбекскихъ родовъ: Джагатай, Кипчакъ, Китай, Кунградъ, Мангытъ, а изъ деревень: Баятъ, Китай, Найманъ, Нукусъ и Саятъ.

[2]) Das Türkenvolk etc., 1885, s. 354.

[3]) Тамъ же.

[4]) Id., s. 366.

[5]) Journal of the Manchester Geographical Society, 1892, vol. 8, p. 17.

галъ въ 1889 г. общее число узбековъ и туркменовъ равнымъ 2.238.000 д. [1]), а въ 1894 г. опредѣлялъ число узбековъ въ 2 м. и туркменовъ въ 500 т. [2]).

По свѣдѣніямъ туркестанскаго главнаго начальства семидесятыхъ годовъ, которыми пользовался и Костенко въ «Туркестанскомъ краѣ», узбековъ считалось въ зеравшанскомъ округѣ до 140 т. д., въ аму-дарьинскомъ отдѣлѣ до 16 т. и въ сыръ-дарьинской области до 50 т. [3]), всего до 206 т. Изъ этой цифры, вслѣдствіе включенія ходжентскаго уѣзда изъ сыръ-дарьинской въ составъ самаркандской области (бывшій зеравшанскій округъ), съ 1886 г., на долю послѣдней приходится около 190 т. узбековъ, между тѣмъ по «Сборнику матеріаловъ для статистики самаркандской области за 1887—8 г.г.» (Самаркандъ, 1890 г.) значится въ области узбековъ 489.690 д. Не вѣроятно, чтобы численность узбековъ естественнымъ нарожденіемъ увеличилась лѣтъ въ 10 болѣе чѣмъ въ два раза, а потому послѣдняя цифра узбековъ объясняется тѣмъ, что узбеками въ ней показаны не только подлинные узбеки, которыхъ Гребенкинъ насчитывалъ нѣсколько болѣе 155 т., но и всѣ сарты, которыхъ въ семидесятыхъ годахъ значилось по Костенкѣ, въ округѣ 123.138 д., теперь же въ населеніи области совсѣмъ не показывается. Какъ статистика самаркандской области не признаетъ существованія сартовъ, такъ свѣдѣнія по ферганской области игнорируютъ узбековъ: въ «Проектѣ Всеподданнѣйшаго отчета» турк. ген. губернатора 1881 года, узбековъ въ ферганской области не значится и изъ массы тюркскаго населенія выдѣлены, кромѣ «киргизовъ», только кипчаки въ числѣ 70 т. д. [4]), остальное же именуется сартами. Между тѣмъ по историческимъ даннымъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ XVI вѣкѣ и Фергана получила значительное количество шейбанидскихъ узбековъ, къ которымъ должны были присоединиться обитавшіе въ долинѣ мѣстные тюркскіе роды, и что составившійся такимъ путемъ узбекскій элементъ населенія Ферганы былъ многочисленъ и пользовался въ странѣ большимъ политическимъ вліяніемъ, а иногда и господствомъ, вплоть до подчиненія ея Россіею въ 1876 году [5]). Правда большая часть узбек-

---

[1]) «Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана», Спб., 1889 года, стр. 320.

[2]) «Краткій отчетъ о научной командировкѣ въ среднюю Азію, исполненной лѣтомъ 1894 года», Одесса, 1895 года, вып. 2, стр. 18.

[3]) «Проектъ Всеподданнѣйшаго отчета» туркестанскаго ген.-губернатора, Спб., 1885 года, стр. 24.

[4]) Тамъ же, стр. 26.

[5]) Въ «Краткой исторіи коканскаго ханства» г. В. Наливкина (Казань, 1885 года) упоминаются въ разныхъ мѣстахъ слѣдующіе узбекскіе роды: мингъ, кипчакъ, кара-

скаго населенія обратилась, въ послѣднее особенно время, къ осѣдлости, а остальная къ полуосѣдлости [1]), вообще же начинаетъ сливаться съ сартами, но родовой бытъ еще далеко не утратилъ въ средѣ его живучести.

За неимѣніемъ достовѣрныхъ современныхъ цифръ узбековъ въ ферганской области и сартовъ въ самаркандской остается предположить, что число узбековъ, показываемыхъ въ ферганской области сартами, и количество сартовъ, значащихся въ самаркандской области узбеками, приблизительно одинаковы и на этомъ основаніи удовольствоваться тѣми новѣйшими цифрами узбековъ и сартовъ, какія есть, при чемъ по крайней мѣрѣ итоги численности узбековъ вмѣстѣ съ сартами получаются для названныхъ областей вѣрные. Сообразно этому будемъ считать въ самаркандской области узбековъ, согласно «Сборнику матеріаловъ для статистики самаркандской области за 1887—8 гг.» (Самаркандъ, 1890 г.), 489.690 д. о. п. и даже добавимъ 17.050 д. арабовъ, которые уже отуречены многіе вѣка и ни чѣмъ, кромѣ ничтожныхъ остатковъ арабской крови, отъ узбековъ не отличаются; къ полученной цифрѣ узбековъ самаркандской области въ 506.740 д. надо прибавить 5.000 узбековъ въ ферганской области по свѣдѣніямъ г. Яворскаго [2]), у котораго возьмемъ ниже и цифру сартовъ этой области; затѣмъ добавимъ 16.000 узбековъ аму-дарьинскаго отдѣла [3]) и 52.000 д. кара-калпаковъ тогоже отдѣла [4]), ибо кара-калпаковъ ближе всего причислять къ узбекамъ, тѣмъ болѣе, что для самаркандской, напр., области отдѣльной цифры кара-калпаковъ нѣтъ. Итого получается въ русскихъ владѣніяхъ узбековъ 579.740 д. о. п. Въ хивинскомъ ханствѣ численность узбековъ опредѣляется по новѣйшимъ свѣдѣніямъ въ 48 т. дворовъ и кара-калпаковъ въ 3.500 киб., что по 5 д.

калпакъ, тюркъ, кыркъ, юзъ, найманъ, сарай. Ханская династія принадлежала къ роду мингъ. Кипчаки и кара-калпаки отличались крѣпостью родоваго начала. У кипчаковъ названы слѣдующія главныя вѣтви: кулаѣъ, ульмасъ, илатанъ, яшикъ и иты-кашка (стр. 155).

[1]) По словамъ В. Г. Кушелевскаго (тогдашняго областнаго врача) въ его «Матеріалахъ для медицинской географіи и санитарнаго описанія ферганской области, изд. ферганскимъ обл. статистическимъ комитетомъ» (Новый Маргеланъ, 1891 года, томъ второй, стр. 147), по отчету губернатора за 1888 годъ, вмѣсто 70.107 душъ, означенныхъ у Костенки, показано кипчаковъ только 5.931 ч., ведущихъ полукочевую жизнь, остальные же, т. е. жители Андиджана и кишлаковъ, причислены къ сартамъ; кара-калпаковъ, которыхъ Костенко означалъ 7.060 д., въ отчетѣ 1888 года не значится.

[2]) «Опытъ медиц. географіи и статистики Туркестана», 1889 г., стр. 316 и слѣд. По «Алфавитному списку народовъ», Спб., 1895 г., узбековъ въ сыръ-дарьинской, самаркандской, ферганской и закаспійской областяхъ, по свѣдѣніямъ 1876 г., 182.120 д. о. п.

[3]) «Проектъ Всеподданнѣйшаго отчета» турк. ген.-губернатора 1881 г., Спб., 1885 г., стр. 24.

[4]) Тамъ же, стр. 27.

на дворъ или кибитку составитъ всего 257.500 д. о. п.[1]) Населеніе бухарскаго ханства считается нынѣ въ 2.153.740 д.[2]), но точныхъ цифръ по народностямъ нѣтъ. Можно, согласно съ Вамбери, полагать общее число узбековъ Бухары въ 1 м. Если затѣмъ принять для авганскихъ владѣній цифру Вамбери въ 200 т. узбековъ[3]), то общее число узбековъ опредѣлится въ 2.037.240 д., о. п., т. е. близко къ цифрѣ въ 2 м., которую принимаютъ г. г. Вамбери и Яворскій.

XI. Сарты.

Киргизъ-казаки и другіе кочевники средней Азіи называютъ сартами всѣхъ осѣдлыхъ туземцевъ, какъ западнаго, такъ и восточнаго Туркестана, примѣняя это именованіе, какъ къ таджикамъ, говорящимъ по ирански, такъ и къ помѣси тюрковъ съ иранцами или къ отуреченнымъ таджикамъ, говорящимъ по тюркски, и, наконецъ, къ окончательно обратившимся къ осѣдлости тюркамъ. Такъ какъ употребленіе термина сартъ въ такомъ значеніи, смѣшивающемъ различныя народности, говорящія совершенно разными языками,

---

[1]) П. Кузнецовъ «О хивинскомъ ханствѣ» въ «Спб. вѣд.» 1896 г., № 128. Онъ оцѣняетъ все населеніе ханства въ 500 т. д. Вамбери опредѣлялъ число узбековъ въ хивинскомъ ханствѣ въ 700 т., а количество кара-калпаковъ въ 30 т. (Das Türkenvolk, 1885, s.s. 366, 377). Онъ слышалъ у кара-калпаковъ имена слѣдующихъ родовъ, которыя напоминаютъ, по его замѣчанію, такіе же роды у к.-казаковъ, узбековъ или туркменовъ: баймакли, кандеклы, терстамгалы, ачмайли, кайчилы, иргакли, кенегезъ, томбоюнъ, саку, онтёртъ-урукъ (s. 377). Историческія извѣстія о кара-калпакахъ начинаются, кажется, только съ XVII столѣтія, когда посланцы тобольскихъ воеводъ Скибинъ съ товарищемъ упоминаютъ о нихъ, какъ о подданныхъ Тявки-хана, кочующихъ по Сыру-рѣкѣ, въ 10 дняхъ отъ г. Туркестана къ Хивинскому морю («Дополненія къ актамъ историческимъ», томъ 10, стр. 375 и слѣд.). Въ нашихъ лѣтописяхъ есть многочисленныя, но смутныя упоминанія въ XI и XII вѣкахъ о торкахъ, ковуяхъ, турпѣяхъ, берендѣяхъ, поселявшихся на границѣ кіевской Руси со степью и именовавшихся иногда черными клобуками. Это подало поводъ къ гипотезѣ, что черные клобуки именно и есть кара-калпаки. По словамъ Рычкова («Исторія оренбургская» въ «Сочиненіяхъ и переводахъ» 1759 г., 2-е полугодіе, стр. 111), посланцы кара-калпаковъ разсказывали, что предки ихъ нѣкогда жили «на ногайской сторонѣ Волги между астраханскимъ и казанскимъ царствами, а въ нынѣшнія мѣста, на бухарскую сторону къ Аральскому морю, перешли за 260 лѣтъ, когда на упомянутыя царства отъ россійскихъ войскъ наступленіе учинилось... Сего народа до 20 т. кибитокъ наберется... Ихъ однородцы верхніе кара-калпаки сихъ нижнихъ гораздо многолюднѣе»... Это разумѣлись обитавшіе около Ташкента и выше. По Вамбери, нарѣчіе кара калпаковъ занимаетъ средину между узбекскимъ и к.-казачьимъ, но имѣетъ кое-что общее и съ волжскимъ. Они отличаются высокимъ ростомъ и обильной растительностью волосъ, обнаруживая вообще своимъ типомъ сильную примѣсь арійской крови (Das Türkenvolk etc., s.s. 381, 377).

[2]) «О Бухарѣ» въ «Спб. вѣд.» 1896 г. № 122.

[3]) Das Türkenvolk, 1885, s. 366.

влечетъ за собою нежелательную и напрасную путаницу и недоразумѣнія, то въ нашемъ мѣстномъ образованномъ обществѣ и въ литературѣ начинаетъ утверждаться такое значеніе этого слова, что подъ именемъ сартовъ разумѣются только осѣдлые туземцы тюркскаго языка. Чтобы слово сартъ получило точный и необходимый для правильнаго этнографическаго употребленія смыслъ, слѣдовало бы добавить, что сартами должны быть именуемы тѣ осѣдлые тюрки и отуреченные туземцы, которые утратили уже родовой бытъ и связанныя съ нимъ родовыя дѣленія. Такой добавочный признакъ необходимъ для отличенія сартовъ отъ киргизъ-казаковъ, узбековъ, туркменъ и т. д., обращающихся къ осѣдлой жизни, иногда даже только на время, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ родовой бытъ и принадлежность къ родамъ и ихъ развѣтвленіямъ наравнѣ съ кочевниками. Конечно, для перешедшихъ къ осѣдлой жизни кочевниковъ, утрата родового быта и родовыхъ дѣленій есть только вопросъ времени, но большею частію время все-таки требуется не малое, какъ видимъ это на узбекахъ, которые большею частію, уже болѣе трехъ столѣтій, ведутъ болѣе или менѣе осѣдлую жизнь, но не вполнѣ еще слились съ сартами, ибо сохраняютъ многія черты родового быта и родовыя дѣленія. Поэтому различеніе въ осѣдломъ тюркскомъ населеніи узбековъ, казаковъ, туркменъ и т. д., придерживающихся родовыхъ своихъ дѣленій, отъ совершенно ихъ забывшихъ или неимѣвшихъ сартовъ—вещь далеко не безразличная въ этнографическомъ и другихъ отношеніяхъ [1]). Хотя въ числѣ сартовъ въ предлагаемомъ значеніи термина, кромѣ помѣсей тюрковъ разныхъ племенъ съ таджиками, будутъ находиться помѣси тюрковъ разныхъ племенъ между собою и съ другими сверхъ таджиковъ инородцами (напр., съ авганцами, потомками арабовъ и пр.), а также тюрки, не вступавшіе въ помѣси, а только обратившіеся къ осѣдлой жизни, это однако же не помѣшаетъ сартамъ быть или

[1]) Составитель «Карманнаго русско-узбекскаго словаря» (Самаркандъ, 1895 года) г. Серъ-Али Лапинъ, ранѣе, въ «Туркестанскихъ вѣдомостяхъ» 1894 г., отвергая употребленіе термина сартъ, утверждалъ, что «нѣтъ особаго народа сартъ, какъ равно нѣтъ особаго сартскаго языка». Однако онъ признавалъ, что существуютъ осѣдлые туземцы, образовавшіеся отъ помѣсей узбековъ съ таджиками, «не присвоившіе себѣ особаго названія», и находилъ, что «языкъ, на которомъ говоритъ эта смѣсь, правильнѣе называть ново-узбекскимъ» («Туркестанскія вѣдомости», 1894 года, №№ 38 и 39). Выходитъ, стало быть, что есть и особая народность, которая не присвоиваетъ себѣ названія сартъ, но именуется такъ другими туземцами, и есть также особый языкъ, который г. Лапинъ предлагаетъ называть «ново-узбекскимъ», раздѣляя его «на четыре главныя нарѣчія именно: 1) нарѣчіе сыръ-дарьинской области (замѣтно вліяніе киргизскаго языка), 2) нарѣчіе ферганской области, 3) нарѣчіе аму-дарьинскаго отдѣла и хивинскаго ханства (вліяніе туркменскаго языка), и наконецъ 4) нарѣчіе самаркандской области и бухарскаго ханства (сильное вліяніе таджикскаго языка)».

сделаться довольно однородной и обособленной народностью, такъ какъ единство языка, религіи, занятій и быта неизбѣжно повлечетъ за собою и антропологическое слитіе путемъ браковъ и метисаціи.

Однако предлагаемое и кажущееся раціональнымъ употребленіе термина сартъ въ настоящее время далеко не пользуется общимъ примѣненіемъ, какъ въ офиціальной практикѣ, такъ и въ самомъ населеніи. По «Проекту Всеподданнѣйшаго отчета» генерала фонъ-Кауфмана 1881 года [1]), «сарты составляютъ главный контингентъ городского и сельскаго туземнаго населенія въ сыръ-дарьинской и ферганской областяхъ и въ зеравшанскомъ округѣ», причемъ этотъ проектъ считаетъ сартовъ происходящими «отъ смѣшенія разныхъ расъ» и различаетъ ихъ отъ таджиковъ и тюрковъ разныхъ племенъ (киргизовъ, кураминцевъ, узбековъ). Но по офиціальной статистикѣ самаркандской области (бывшій зеравшанскій округъ съ частью сыръ-дарьинской области) [2]) въ населеніи этой области сартовъ совсѣмъ не оказывается, а есть только узбеки и таджики. Съ другой стороны въ ферганской статистикѣ почти нѣтъ узбековъ, и все осѣдлое населеніе именуется сартами. Эти противорѣчія истекаютъ въ значительной степени изъ господствующихъ въ самомъ мѣстномъ туземномъ населеніи этнографическихъ именованій и отношеній. Въ Ташкентѣ и другихъ осѣдлыхъ пунктахъ сыръ-дарьинской области отуреченные таджики съ очень давняго времени составляютъ большинство осѣдлаго населенія, пользовавшееся притомъ временами политическимъ господствомъ, и сами именуютъ себя сартами. Въ осѣдломъ населеніи Ферганы отуреченные таджики также всегда составляли большинство, хотя узбеки (главнымъ образомъ кипчаки) пользовались тамъ до недавняго времени политическимъ преобладаніемъ. Напротивъ въ самаркандской области, въ бухарскомъ и хивинскомъ ханствахъ не только политическое господство, но и численное преобладаніе нѣсколько вѣковъ уже принадлежало узбекамъ, которые естественно продолжали сохранять свое имя и по обращеніи

---

[1]) Спб., 1885 г., стр. 21—25.

[2]) «Сборникъ матеріаловъ для статистики самаркандской области за 1887—8 гг.», Самаркандъ, 1890 г. По этому источнику таджиковъ, считая и горныхъ, именуемыхъ гальча, всего въ области 164.169 д. о. п. Если добавимъ сюда 7 т. д. таджиковъ сыръ-дарьинской области, 61 т. д. ферганской и 4 т. д. аму-дарьинскаго отдѣла (все цифры г. Яворскаго, который еще ошибочно считаетъ въ семирѣченской области 9 т. и въ закаспійской 50 т., что не согласно съ губернаторскими отчетами), то получимъ въ русскихъ владѣніяхъ 236.169 д. таджиковъ, съ прибавкою же 800 т. таджиковъ бухарскихъ владѣній и 200 т. авганскаго Туркестана (цифры г. Яворскаго, весьма проблематичнаго достоинства, но другихъ нѣтъ), то получится общая цифра таджиковъ или восточныхъ иранцевъ въ настоящее время 1.236.169 д. N. Dictionnaire Rousselet, t. VI, 1894, p. 924, полагаетъ таджиковъ въ туркестанскомъ краѣ 353 т. д. и сверхъ того 27 т. гальча.

къ осѣдлой жизни, распространивъ даже его на отуреченныхъ таджиковъ, которые съ своей стороны конечно не желали именоваться ни таджиками, ни сартами, а предпочитали называться узбеками, чтобы пользоваться правами и почетомъ господствующей народности, которая къ таджикамъ и сартамъ относилась, какъ къ племенамъ низшимъ и подчиненнымъ. Въ результатѣ, въ то время, когда на Сыръ-дарьѣ и въ Ферганѣ говорящее по тюркски осѣдлое населеніе само себя зоветъ сартами или по крайней мѣрѣ не отвергаетъ такого общаго этническаго наименованія, за неимѣніемъ другого, и пользуется этимъ именемъ въ офиціальной практикѣ, все тюркское осѣдлое населеніе самаркандской области и ханствъ именуетъ себя узбеками, и послѣднее имя получило перевѣсъ и въ мѣстномъ офиціальномъ употребленіи, хотя въ настоящее время по языку и быту это осѣдлое тюркское или отуреченное населеніе не особенно много отличается отъ сартовъ сыръ-дарьинской и ферганской областей, въ антропологическомъ же отношеніи и оно напитано таджикской кровью въ количествѣ не особенно много меньшемъ.

Каково бы ни было этнографическое будущее узбековъ самаркандской области и ханствъ, которымъ вѣроятно предстоитъ этническое объединеніе съ сартами Сыръ-дарьи и Ферганы, приходится, въ виду существующаго еще обособленія первыхъ (хотя бы больше только по имени), называть пока сартами лишь говорящее по тюркски осѣдлое и утратившее родовыя бытъ и дѣленія населеніе сыръ-дарьинской и ферганскойобластей.

Въ извѣстныхъ нынѣ письменныхъ памятникахъ слово сартъ впервые встрѣчается въ «Кудатку-биликъ», сочиненіи, оконченномъ въ 1068—9 г. въ Кашгарѣ, въ значеніи, по Вамбери, «торговецъ» [1]). Происхожденіе этого слова неизвѣстно и предложенныя пока объясненія неудовлетворительны [2]), хотя не лишены нѣкоторыхъ основаній, каковы, напр., гипотеза Лерха (отъ арійскаго ксатра—городъ), ибо у тюрковъ со словомъ сартъ дѣйствительно соединенъ неотъемлемо признакъ осѣдлости, или старинное сближеніе съ древнимъ (у классич. писателей) именованіемъ Сыръ-дарьи Яксартомъ [3]).

---

[1]) Сартляр баши, т. е. глава купцовъ (торговаго каравана, идущаго въ Китай или обратно). См. Vambery, Das Türkenvolk etc., s. 371.

[2]) См. Н. П. Остроумова «Сарты», этнографическіе матеріалы, вып. I, Ташкентъ, 1890 года, и второе, дополненное, изданіе того же выпуска, 1896 г.

[3]) Вамбери, находившій въ 1885 г. предположеніе Лерха ошибочнымъ (Das Türkenvolk, s. 371), позднѣе (Die Sarten und ihre Sprache, 1891) склонился къ такому мнѣнію, что слово сартъ происходитъ отъ древне-иранскаго корня кшатра, перешедшаго въ названіе рѣки Яксарта и въ персидскій терминъ шехр—городъ; Яксартъ значитъ «рѣка городовъ», откуда и слово сартъ, которое иранскіе номады передали тюркскимъ, какъ обозначеніе осѣдлыхъ жителей въ долинѣ Сыръ-дарьи.

Сыръ дѣйствительно всегда былъ гранью между иранской и тюркской народностями, хотя, съ одной стороны, иранцы, съ глубокой древности, но спорадически и непрочно, переходили за эту границу далеко на сѣверъ и востокъ, и хотя, съ другой стороны, тюрки, особенно въ болѣе позднія времена, также распространялись за эту черту далеко на западъ, за предѣлы даже самой иранской народности. Сыръ-дарья, во всякомъ случаѣ, и нынѣ орошаетъ тѣ мѣстности средней Азіи, гдѣ помѣси тюрковъ съ иранцами достигли наибольшей численности и гдѣ именованіе сартовъ для нихъ вполнѣ упрочилось. До Р. X. осѣдлое населеніе Ферганы было почти исключительно иранскимъ, потому что въ «Хань-шу» замѣчено, что «отъ Давани (Ферганы) на западъ до государства Аньси (Парфія) хотя есть большая разность въ нарѣчіяхъ, но языкъ весьма сходенъ, и въ разговорахъ понимаютъ другъ друга. Жители имѣютъ впалые глаза, густыя бороды, искусны въ торговлѣ, соперничаютъ въ выгодахъ» [1]). Склонность къ торговлѣ была отличительной чертой восточныхъ иранцевъ. Въ «Танъ-шу», послѣ замѣчанія, что населеніе Мавераннагра (въ частности Кана, Самарканда) искусно въ торговлѣ и корыстолюбиво, говорится: «Мужчина, достигшій двадцати лѣтъ, уѣзжаетъ въ сосѣднія владѣнія и вездѣ побываетъ, гдѣ только предвидитъ выгоды» [2]). Конечно, по своему географическому положенію, Фергана, Согдіана и Бактріана должны были издревле служить посредниками въ обмѣнѣ произведеній востока и запада, но особенно усилились торговыя сношенія Ферганы и Мавераннагра съ половины VI вѣка, со времени распространенія власти тюркскихъ хановъ отъ предѣловъ Китая до границъ Персіи. Въ это именно время установились, напр., столь отдаленныя періодическія поѣздки торговцевъ Мавераннагра въ страну енисейскихъ кыргызовъ, куда, по китайскому свидѣтельству (IX вѣка), чрезъ каждые три года приходилъ караванъ изъ Даши [3]), т. е. изъ арабскихъ владѣній въ средней Азіи. Тогда же умножились, если существовали ранѣе, многочисленныя поселенія вдоль сѣверныхъ подножій Тяньшаня, о которыхъ упоминаютъ китайскіе историки и путешественники, а затѣмъ арабскіе географы, и цѣпь которыхъ повидимому достигала до городковъ чумигуней и чуюе въ Тарбагатаѣ и восточномъ Тяньшанѣ. Населеніе этихъ поселеній составляли вѣроятно выходцы изъ Ферганы и Ташкента, который до Р. X., когда былъ подвластенъ Кангюю, именовался Ю й н и или Юни [4]), вѣроятно Я н ы-кентъ, новый городъ. Черезъ тысячу слишкомъ лѣтъ это имя оказывается перене-

---

[1]) «Собраніе свѣдѣній» и пр., I, стр. 61.

[2]) «Собраніе свѣдѣній» и пр., III, стр. 239.

[3]) Тамъ же, I, стр. 449.

[4]) «Собраніе свѣдѣній», III, стр. 58.

сеннымъ и укрѣпившимся на Таласѣ, жители поселеній на которомъ, по автору «Тарихи-Рашиди», были извѣстны подъ именемъ янылыковъ. Восточнѣе Таласа многолюдныя поселенія находились на р. Чу, на оз. Иссыкъ-кулѣ, на р. Или (Алмалыкъ), на Караталѣ или въ бассейнѣ Лепсы (Каялыкъ), на р. Имилѣ и въ бассейнѣ Эбинъ-нора [1]).

Всѣ эти осѣдлости были уничтожены лишь въ половинѣ XIV вѣка, во время междоусобій между двумя половинами джагатаева улуса, населеніе же ихъ, сколько уцѣлѣло, должно было тогда удалиться въ Кашгарію и особенно въ ташкентскую область и въ Фергану, умноживъ здѣсь собою уже давно отуреченную и значительную часть жителей, ибо, помимо постояннаго общенія съ сосѣдними тюрками, Шашъ и Фергана долго и часто находились подъ непосредственнымъ владычествомъ и управленіемъ тюрковъ. Такъ въ 605 г. убитъ былъ турками владѣтель Ши (Шаша) и управленіе поручено было Дэлэ Фучжи [2]), правильнѣе Фучжи-тегину (дэлэ вмѣсто тегинъ китайскіе историки употребляли въ позднѣйшихъ изданіяхъ ошибочно), очевидно члену ханскаго дома западныхъ турковъ, такъ какъ титулъ тегинъ носили въ то время лишь родственники хановъ тюркскихъ. Во второй четверти VII вѣка убитъ былъ также владѣтель Боханьны (Фергана), и стали править одновременно, но проживая въ разныхъ городахъ, тюркскій князь и туземный владѣтель [3]). Въ VIII вѣкѣ владѣтели Ши и Ферганы, вѣроятно тюрки, принимали дѣятельное участіе въ распряхъ западныхъ тюрковъ [4]). Опираясь на тюрковъ, Фергана и Шашъ долго сопротивлялись арабамъ и неоднократно возставали противъ ихъ владычества. Въ концѣ X вѣка [5]), послѣ паденія саманидовъ области эти достались карлыкскимъ ханамъ, а затѣмъ находились подъ владычествомъ опиравшихся на силы тюрковъ кара-киданей, джагатаидовъ, тимуридовъ и наконецъ шейбанидовъ. Узбеки послѣднихъ нашли уже въ Ферганѣ и Ташкентѣ многочисленное осѣдлое тюркское или отуреченное населеніе, котораго умноженіе продолжалось и при нихъ, вслѣдствіе осѣданія самихъ узбековъ и и сліянія ихъ съ сартами. Процессъ обращенія кочевыхъ и полуосѣдлыхъ узбековъ къ осѣдлости, окончательнаго паденія родоваго быта и сліянія съ сартами особенно усилился при русскомъ владычествѣ, когда жившимъ дотолѣ

---

[1]) Отсюда, съ города Було (находившагося, какъ полагаютъ, въ долинѣ р. Бороталы), начиналось употребленіе западныхъ монетъ (Bretschneider, Mediaeval Researches, I, p. 128).

[2]) «Собраніе свѣдѣній», III, стр. 243.

[3]) Тамъ же, стр. 251.

[4]) Тоже, стр. 252 и др.

[5]) См. между прочимъ Chronique de...Tabari, traduite par Hermann Zotenberg, Paris, 1867, t. IV, p.p. 293—297 etc.

военнымъ ремесломъ и вообще службою узбекамъ пришлось искать средствъ къ жизни въ земледѣліи, ибо для развитія скотоводства не имѣлось пастбищъ.

По свѣдѣніямъ 1868 г., В. В. Радловъ опредѣлялъ численность осѣдлыхъ туземцевъ въ сыръ-дарьинской области въ 300 т. д., въ томъ числѣ сартовъ 160 т., таджиковъ 40 т., кураминцевъ 20 т. и узбековъ 80 т. [1]). Вамбери, въ 1885 г., считая по свѣдѣніямъ Костенки, семидесятыхъ годовъ, въ сыръ-дарьинской области 210.774 д. сартовъ, въ ферганской 344.023 и въ зеравшанскомъ округѣ 123.138 д., всего же въ туркестанскомъ краѣ 690.305 сартовъ, полагалъ, что съ добавленіемъ сартовъ Хивы (гдѣ они сосредоточиваются главнымъ образомъ въ городахъ Хивѣ и Ургенджѣ), Бухары и пр. общее число сартовъ можно принять въ 1 м. душъ обоего пола [2]). «Проектъ Всеподданнѣйшаго отчета» опредѣлялъ къ 1881 году число сартовъ въ туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ въ 800 т. д., считая сверхъ того 80 т. кураминцевъ и 200 т. узбековъ [3]). И. Л. Яворскій въ 1889 г. считалъ въ сыръ-дарьинской области 137 т., въ ферганской 475 т., въ самаркандской 100 т., въ аму-дарьинскомъ отдѣлѣ 16 т. (значитъ въ турк. генералъ-губернаторствѣ всего 728 т.), въ закаспійской области 15 т., въ Хивѣ 50 т., въ Бухарѣ 700 т. и въ авганскихъ владѣніямъ 100 т., слѣдовательно всего 1.593.000 д. о. п. сартовъ [4]). Хотя онъ ссылался на офиціальныя свѣдѣнія относительно областей, но по «Сборнику матеріаловъ для статистики самаркандской области за 1887 и 1888 года» (вып. I, Самаркандъ, 1890 г.) въ области этой сартовъ не показывается, таджиковъ 164.169 д. и узбековъ 489.690 д., тогда какъ у г. Яворскаго таджиковъ 208 т. д. и узбековъ 288 т. Составитель «Обзора сыръ-дарьинской области за 1885 г.» (Спб., 1887 г.) Е. Т. Смирновъ, въ изданномъ имъ сборникѣ «Средняя Азія» (Ташкентъ, 1895 года), оцѣняетъ, не указывая источниковъ, число сартовъ въ туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ въ 700 т., узбековъ въ 312 т., кураминцевъ и кара-калпаковъ 100 т. [5]).

Изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ цифръ можно взять для сыръ-дарьин-

---

[1]) Aus Sibirien, B. I, s. 229.

[2]) Das Türkenvolk, etc., 1885, s. 370. Въ 1892 г. въ статьѣ The Turko-Tatars Вамбери считаетъ сартовъ почему-то уже только 900 т.

[3]) Спб., 1885 г., стр. 22—24. «Алфавитный списокъ народовъ, обит. въ росс. имперіи», 1895 г., считаетъ, по свѣдѣніямъ 1876 г., сартовъ въ сыръ-дарьинской, самаркандской и ферганской областяхъ 690.300 д.

[4]) «Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана», часть I, Спб., 1889 года, стр. 316 и слѣд.

[5]) Относя свои свѣдѣнія къ 1887—9 годамъ, N. Dictionnaire Rousselet (t. VI, 1894, p. 925) считаетъ сартовъ въ турк. краѣ 800 т., узбековъ въ самарк. и ферганской областяхъ 410 т. д.

ской области 137 т. сартовъ, для ферганской 475 т. и для аму-дарьинскаго отдѣла 16 т., итого 628 т. д. сартовъ. Все это цифры г. Яворскаго, который ссылается на официальные источники, хотя и не указываетъ ихъ въ частности для каждой цифры. Онъ же показываетъ въ самаркандской области 100 т. сартовъ и въ закаспийской 15 т., но въ виду отсутствія сартовъ въ самаркандской области по вышеупомянутому «Сборнику» и въ виду показанія по «Обзору закаспійской области за 1893 годъ» (стр. 57) людей разныхъ народностей, въ тотъ числѣ сартовъ, всего лишь 2.887 д., принять эти цифры г. Яворскаго за достовѣрныя нѣтъ возможности. Нельзя также воспользоваться цифрою въ 50 т. сартовъ въ хивинскомъ ханствѣ, ибо по новѣйшимъ свѣдѣніямъ о населеніи этого ханства г. П. Кузнецова [1]) сартовъ не показано: можетъ быть сарты включены въ число узбековъ, и въ такомъ случаѣ взять цифру г. Яворскаго значило бы помѣстить сартовъ этихъ вдвойнѣ, тогда какъ свѣдѣнія г. Яворскаго о хивинскомъ населеніи оказались вообще далекими отъ дѣйствительности. Общая цифра г. Яворскаго о населеніи бухарскаго ханства не очень разнится отъ достовѣрныхъ новѣйшихъ свѣдѣній, а потому можно взять его цыфру сартовъ 700 т. въ бухарскихъ владѣніяхъ и, за неимѣніемъ другихъ данныхъ, его же цифру 100 т. сартовъ въ авганскихъ владѣніхъ, хотя обѣ довольно сомнительны. Этимъ путемъ общее число сартовъ опредѣляется всего болѣе 1.428.000 д. о. п., въ томъ числѣ въ русскихъ владѣніяхъ 628 т. и въ бухарскихъ и авганскихъ 800 т. д. о. п.

XII. Тюрки Восточнаго Туркестана.

Таримскій бассейнъ, лежащій между Тяньшанемъ, Памирской горной системой и окраинами Тибета, долженъ былъ служить мѣстомъ столкновенія и метисацій трехъ расъ: съ востока и сѣвера—тюркской, съ запада – индо-

[1]) «Спб. вѣдомости» 1896 г. № 128. По свѣдѣніямъ г. Кузнецова, въ ханствѣ 48 т. дворовъ узбековъ, 30.750 дворовъ или кибитокъ полукочевыхъ туркменовъ, 3.500 кибитокъ киргизовъ, столько же кара-калпаковъ и 1 т. дворовъ остальныхъ народностей, а всего 85.750 дворовъ или кибитокъ, что составляетъ около 500 т. душъ обоего пола. Если сравнить эти свѣдѣнія съ предшествующими, то окажется, что, по Муравьеву (1819 г.), населеніе ханства полагалось около 300 т. душъ. По Данилевскому, который въ 1842 лично обозрѣлъ большую часть населенныхъ пунктовъ и считалъ свои исчисленія наиболѣе близкими къ дѣйствительности, населеніе состояло изъ 75.500 семействъ, въ числѣ около 294 т. д., а именно 30 т. семей сартовъ, 18 т. семей узбековъ, 15 т. персіянъ, 7 т. джемшидовъ, 8 т. кара-калпаковъ, 5 т. туркменъ и 500 киб. киргизовъ. По словамъ его, «сарты составляютъ преобладающее племя осѣдлаго народонаселенія и суть коренные жители ханства», узбеки же—второстепенный классъ «по числу и политическому значенію» съ начала XIX вѣка («Описаніе хивинскаго ханства» въ «За-

иранской и съ юга—тибетской. Природныя условія страны мало пригодны для кочевниковъ, а потому надо полагать, что оазисы ея, особенно въ западной половинѣ, были съ глубочайшей древности заняты осѣдлымъ населеніемъ, которое состояло конечно изъ арійцевъ. За столѣтіе до Р. Х. китайцы нашли занятыми осѣдлыми жителями не только всѣ тѣ мѣстности, гдѣ нынѣ существуетъ въ Восточномъ Туркестанѣ земледѣліе, но сверхъ того и тѣ, которыя впослѣдствіи опустѣли вслѣдствіе постепеннаго въ центральной Азіи уменьшенія влажности и поглощенія обработываемыхъ земель сыпучими песками. Что первоначальное осѣдлое населеніе было вѣроятно арійское, это удостовѣряется относящимся къ V вѣку свидѣтельствомъ «Исторіи сѣверныхъ дворовъ» о томъ, что «отъ Гаочана (около нынѣшняго Турфана) на западъ жители всѣхъ владѣній имѣютъ впалые глаза, высокій носъ; только въ Хотанѣ обликомъ не подходятъ на тюркистанцевъ, а болѣе походятъ на китайцевъ» [1]). Сходство хотанцевъ съ китайцами объясняется, безъ сомнѣнія, исконною сильною метисаціею тамошнихъ арійцевъ съ тибетцами, непосредственными сосѣдями Хотана. Изъ того же свидѣтельства V вѣка можно заключить, что населеніе восточнаго Тяньшаня мало отличалось наружностью отъ народовъ монгольской расы въ обширномъ смыслѣ, т. е. было тюркскимъ и тибетскимъ. На послѣдній элементъ, помимо другихъ обстоятельствъ, указываетъ обитаніе около оконечности восточнаго Тяньшаня юечжей, которые, уходя во II вѣкѣ до Р. Х. на западъ, также могли покинуть въ восточномъ Тяньшанѣ часть своихъ отсталыхъ, какъ и въ Наньшанѣ. Съ другой стороны сосѣдство съ хуннами заставляетъ полагать, что въ составѣ населенія восточнаго Тяньшаня находились издревле и тюрки. В. В. Григорьевъ, историкъ Восточнаго Туркестана, видѣлъ въ ойхардахъ Птоломея и въ уи путешественника конца IV вѣка Фа-сяня, въ мѣстности нынѣшняго Карашара, уйгуровъ, но не тѣхъ общеизвѣстныхъ уйгуровъ, которые обитали въ это время, въ IV столѣтіи, на Селенгѣ, а другое тюркское племя или точнѣе союзъ родовъ, который также

пискахъ и. р. геогр. общества» 1851 года, кн. 5, стр. 91, 99 и 100). Тоже и по Килевейну (1858 г.): узбеки «составляютъ нынѣ второстепенный отдѣлъ народонаселенія и по числу, и по политическому значенію», а «сарты, коренные жители..., нынѣ преобладающее племя»; «узбековъ и сартовъ насчитываютъ около 400 т. душъ», каракалпаковъ 15 т. поселянъ, киргизовъ около 10 т. д.» («Отрывокъ изъ путешествія въ Хиву» въ «Запискахъ и. р. геогр. общества», 1861 г., кн. I, стр. 105 и 106).

[1]) «Собраніе свѣдѣній» и пр., III, стр. 145. Въ китайскомъ подлинникѣ вмѣсто «тюркистанцевъ» конечно стоитъ «ху», т. е. вообще сѣверные и западные варвары, преимущественно тюрки. Въ «Хань-шу», въ описаніи странъ на западъ отъ Давани (Ферганы), замѣчено, около 100 г. до Р. Х., что «жители вообще имѣютъ впалые глаза и густыя бороды» (тамъ же, стр. 22).

носилъ имя «союзниковъ», уйгуровъ [1]). Мнѣ кажется, что тюрки восточнаго Тяньшаня должны были принадлежать къ племени чу, роды котораго чуюе, чуми, чубанъ и пр. въ VII вѣкѣ занимали сѣверныя подножія Тяньшаня, а во II—V вѣкахъ составляли тамъ же владѣніе Юебань. Въ концѣ V вѣка, перешедшіе съ Селенги временно на западъ гаогюйцы или теле подчинили себѣ восточный Тяньшань и даже Карашаръ. Можно думать, что именно съ этого времени началось усиленное отуреченіе и средней части Восточнаго Туркестана, но конечно помѣси съ тюрками совершались и несравненно ранѣе, не только при усуняхъ, которые сажали своихъ князей во владѣтели, напр. Яркенда, но и при ихъ предшественникахъ сейцахъ. Отуреченіе продолжалось на всемъ пространствѣ Восточнаго Туркестана, съ половины VI столѣтія, при западно-тюркскихъ ханахъ, которые вмѣшивались часто во внутреннія дѣла страны и оспоривали владычество надъ нею у китайцевъ и тибетцевъ. Послѣдніе овладѣвали на нѣкоторое время во второй половинѣ VII вѣка западною частію Восточнаго Туркестана, а въ концѣ VIII столѣтія восточнымъ Тяньшанемъ [2]).

---

[1]) «Восточный или Китайскій Туркестанъ», Спб., 1873 года, стр. 70, 111—113, 192 и 193.

[2]) Въ «Исторіи сѣверныхъ дворовъ» упоминается владѣніе Болу («Собраніе свѣдѣній» и пр., III, стр. 175) и въ «Танъ-шу» владѣнія Булу или Булюй, большой и малый (тамъ же, стр. 252 и 253). Составители географіи манджурской династіи «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», слѣдуя мнѣнію или пріемамъ «ученаго комитета», учрежденнаго Цянълунемъ для исправленія иностранныхъ именъ въ «Юань-ши» и испортившаго эту исторію монгольской династіи произвольными поправками, нашли, что вмѣсто Болу и Болюй слѣдуетъ читать Буруть и что стало быть населеніемъ этого владѣнія были буруты, какъ именовали кара-киргизовъ калмыки, а за ними съ XVIII вѣка и китайцы. Такое обращеніе Болюй въ бурутовъ было принято безъ надлежащей критики Аб. Ремюза, Клапротомъ, Риттеромъ и встрѣчается между прочимъ въ статьѣ «Энциклопедическаго словаря» Брокгауза и Эфрона о кара-киргизахъ, гдѣ (томъ 15, 1895 г., стр. 102 и 103) утверждается, со ссылкою на «сказанія Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», что тяньшанскіе кыргызы «въ глубокой древности обитали по южную сторону Хотанскихъ горъ и уже въ IV вѣкѣ (?) появились у Тяньшаня подъ китайскимъ именемъ Бо-лу и Бу-лу». По этой статьѣ нынѣшніе кара-киргизы суть эти самые буруты, смѣшавшіеся съ выведенными цзунгарами съ Енисея кыргызами. Та же статья зачисляетъ въ число кыргызовъ абакъ-киреевъ: «Третья и послѣдняя часть к., обитающихъ по среднему Тяньшаню, за послѣднее время значительно расширила свои кочевья. Часть родовъ ихъ заняла сначала южный склонъ Алтая, а потомъ перевалила и на сѣверный склонъ его, вступивъ въ предѣлы Кобдоской области въ Монголіи». Это несомнѣнно абакъ-киреи, но они въ среднемъ Тяньшанѣ не обитали и къ кыргызамъ не принадлежатъ, а суть племя киргизъ-казачье. Что касается Болюя, то изъ свѣдѣній о владѣніяхъ этого имени, большомъ и маломъ, въ исторіи династіи Танъ видно, что они съ востока прилегали къ Тибету, а на западѣ граничили съ Учаномъ и Сѣверною Индіею, при чемъ Большой Болюй находился къ юго-востоку отъ Малаго. Отъ послѣдняго считалось на югъ до Гэшими (Кашмиръ) 500 ли, до Большаго же Болюй на юго-востокъ 300 ли. По этимъ разстояніямъ выходитъ, что Малый Болюй соотвѣтствуетъ нынѣшнему Кунджуту и Гильгиту, Большой же—Бальти-

Въ половинѣ IX вѣка, восточный Таньшань былъ занятъ тѣми уйгурскими родами, которые послѣ разрушенія уйгурскаго царства на Орхонѣ оставили свое отечество и удалились на юго-западъ [1]). Уйгурскія владѣнія простирались на западъ до Карашара и даже до Куча, если «нѣкто Дэманлэ, жившій въ Карашарѣ и объявившій себя въ достоинствѣ шеху» послѣ паденія уйгуровъ [2]), былъ уйгурскимъ владѣтелемъ, какъ это можно заключить изъ пожалованія ему граматы на ханское достоинство императоромъ Сюань

стану или Малому Тибету. Подтверждается это между прочимъ и путемъ китайскаго отряда въ Малый Болюй въ 747 году, лежавшимъ чрезъ Поми (Памиръ) и Шигнанъ (скорѣе Ваханъ), откуда, раздѣлившись на три части, китайцы проникли въ Болюй тремя горными проходами (см. The Early History of Tibet, by S. W. Bushell, въ Journal of the Royal Asiatic Society, 1880, v. 12, new serie, p. 530). По автору «Тарихи-Рашиди», совершившему въ началѣ второй четверти XVI вѣка походъ въ эту самую страну, Balur или Белуристанъ граничитъ на востокѣ съ кашгарскими и яркендскими землями, на сѣверѣ съ Бадахшаномъ (которому тогда принадлежали Ваханъ и Шигнанъ), на западѣ съ Кабуломъ и Лемганомъ, на югѣ съ землями, подвластными Кашмиру. «Населеніе малочисленно. Ни одна деревня не живетъ въ мирѣ съ другими, а находится съ ними въ постоянной войнѣ и бояхъ... Обработкой полей занимаются женщины, мужчины же только войною... Такъ какъ долинъ мало и пастбища скудны, то народъ скота держитъ немного... Племена отдѣльныхъ долинъ говорятъ на разныхъ языкахъ». (The Tarikh-i-Rashidi, edit. by N. Elias, London, 1895, p. 384—6). Изъ этого описанія ясно, что Белуръ соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ Кунджуту, Гильгиту, Ясину, Читралю и части Кафиристана и что населеніе его не имѣло ничего общаго съ кара-киргизами или бурутами. По свѣдѣніямъ Шау (тамъ же, p. 385), памирскіе кыргызы именемъ Пелуръ называютъ нынѣ Читраль. По свидѣтельству французскаго путешественника E. de Poncins (Bulletin de la Société de Géographie de Paris, 1895, p. 549), проходившаго чрезъ Кунджутъ въ 1893 году, типъ населенія этой страны близокъ къ типу балтистанцевъ Ладака, т. е. тибетскій. По всему этому несомнѣнно, что китайскій Болу или Болюй у Сюань Цзана По-лу-ло есть китайская транскрипція имени страны Белуръ и что составители дайцинской географіи отождествляли это имя съ калмыцкимъ названіемъ кыргызовъ (бурутъ) совершенно неосновательно. По нахожденію между тибетскимъ Балтистаномъ и арійскимъ Кафиристаномъ населеніе Белура должно было состоять и состояло изъ племенъ тибетскихъ и арійскихъ и помѣсей между ними, а не тюркскихъ. Въ верховьяхъ Керія-дарьи, въ горахъ, существуетъ и въ настоящее время селеніе Полу, посѣщенное Пржевальскимъ; жители его разсказывали, что предки ихъ переселились сюда изъ Тибета назадъ тому восемь поколѣній, и Пржевальскій находилъ въ ихъ наружности нѣкоторыя тибетскія черты, хотя языкъ у нихъ теперь тюркскій и вѣра мусульманская («Четвертое путешествіе въ центральную Азію», Спб, 1888 г., стр. 408 и 409).

[1]) Часть уйгуровъ завладѣла въ то же время подножіями Наньшаня. Въ XI вѣкѣ эти уйгуры были покорены дансянами. Могутъ быть почитаемы ихъ остаткомъ хара-ёгуры, найденные въ горахъ Наньшаня Г. Н. Потанинымъ и сохранившіе еще тюркскій языкъ; кочующіе вмѣстѣ съ ними болѣе многочисленные шира-ёгуры (сары-уйгуры) говорятъ по монгольски съ примѣсью тибетскихъ словъ («Тангутско-тибетская окраина» и пр., 1893 г, т. I, часть 3). Ёгуры обитаютъ на сѣверномъ склонѣ хребта, сопровождающаго лѣвый берегъ Бардуна, притока р. Едзина. Ихъ всего около 800 семей, составляющихъ семь отоковъ, изъ которыхъ два западныхъ хара-ёгурскіе и называются яглакъ и хурунгутъ («Извѣстія и. р. географическаго общества», 1886 года, стр. 345).

[2]) «Собраніе свѣдѣній», I, стр. 372.

Цзуномъ, который полагалъ, что Дэманлэ состоитъ каганомъ хой-ху въ Аньси [1]), т. е. въ Куча. Во второй же половинѣ IX столѣтія или немного позднѣе западною половиною страны овладѣли ханы или илеки карлыковъ, властвовавшихъ на Западномъ Тяньшанѣ уже съ половины VIII вѣка. Около X вѣка илеки эти приняли мусульманство и обратили въ эту религію населеніе Кашгара, а потомъ, послѣ продолжительной борьбы, и населеніе Ярkenда и Хотана, упорно державшихся буддизма и получавшихъ поддержку изъ Тибета [2]). Въ концѣ X вѣка и началѣ XI кашгарскіе илеки овладѣли Мавераннагромъ, гдѣ потомки ихъ, въ качествѣ вассаловъ сельджукидовъ, потомъ кара-киданей и харезмъ-шаховъ,—властвовали до нашествія монголовъ, въ то время, когда другая ихъ вѣтвь продолжала, кажется, править въ Кашгаріи въ подданствѣ кара-киданей до ихъ паденія. Владычество карлыковъ должно быть почитаемо временемъ сильнѣйшаго отуреченія населенія Кашгаріи, которое продолжалось и при джагатаидахъ. Въ концѣ XVII вѣка весь Восточный Туркестанъ былъ подчиненъ цзунгарами, а отъ нихъ во второй половинѣ XVIII столѣтія перешелъ въ руки китайцевъ.

---

[1]) Histoire générale de la Chine par Mailla, t. VI, p. 505.

[2]) См. «Тезкерен Богра-ханъ» въ изложеніи д-ра Bellew въ Report of a Mission to Iarkand in 1873 under command of sir F. D. Forsyth, Calcutta, 1875, p.p. 121—129. Со временъ Дегиня,—который (Histoire des Huns etc, t. II, p. 29), въ виду извѣстій мусульманскихъ писателей о принадлежности овладѣвшему Мавераннагромъ Богра-хану Кашгара, Хотана, Беласагуна, Таласа и вообще земель до границъ Китая, находилъ, что такія обширныя владѣнія приличествовали лишь хану уйгуровъ,— обыкновенно полагали, что илеки, владѣвшіе западнымъ Тяньшанемъ и его южнымъ и сѣвернымъ склонами и завоевавшіе Мавераннагръ, были уйгуры. Но В. В. Григорьевъ, въ послѣднемъ томѣ своихъ дополненій къ Азіи Риттера («Восточный Туркестанъ», вып. 2, 1873 г., стр. 195 и слѣд. 278 и слѣд.) и въ изслѣдованіи «Караханиды» (въ «Трудахъ восточнаго отдѣленія и. р. археологическаго общества», часть 17, 1874 г.), выяснилъ, на основаніи извѣстій арабскихъ географовъ Якуби, Истахри, Масуди и др. и мусульманскихъ историковъ, что властвовавшіе въ Туркестанѣ и Мавераннагрѣ турки, ханы которыхъ именовались илеками, были карлыки. Есть однако и въ настоящее время ученые, преимущественно изъ лингвистовъ, предпочитающіе считать илековъ уйгурскими ханами. Изложенные въ изслѣдованіи В. В. Радлова «Къ вопросу объ уйгурахъ» (1893 г., стр. 116 и слѣд.) аргументы въ этомъ смыслѣ не кажутся впрочемъ достаточными. Таково предположеніе его о томъ, что въ относящемся къ карлыкамъ мѣстѣ Масуди имя этого народа попало «по ошибкѣ». Таково же толкованіе извѣстій Истахри въ томъ смыслѣ, что Восточный Туркестанъ занимали уйгуры, земли же отъ Урала до Ферганы гузы, при чемъ не обращено вниманія на то, что по поясненію того же Истахри, приведенному Григорьевымъ, граничили съ Мавераннагромъ «отъ Аспиджаба (т. е. отъ бассейна Арыса) до отдаленнѣйшихъ городовъ Ферганы (т. е. до Уша и Узкенда, которые упоминаются у того же Истахри)—турки-х а р л у х и», изъ чего ясно, что карлыки занимали оба склона западнаго Тяньшаня. Извѣстія Истахри подтверждаются и слѣдующими свѣдѣніями Ибнъ-Хаукаля (943—968 г.г.), которыя не были указаны Григорьевымъ: «Отъ Окса до границы мусульманскихъ земель въ Ферганѣ немного болѣе 20 дней пути; отсюда, чтобы прибыть въ страну тагазгазовъ (уйгуровъ),

При такомъ историческомъ прошломъ ,населеніе Восточнаго Туркестана является результатомъ разновременныхъ помѣсей восточныхъ иранцевъ съ

пересѣкая страну карлоковъ, потребно немного болѣе 30 дней» (Reinaud—Géographie d'Aboulféda, t. I, Paris, 1848, p. CCCLIII). 30 дней пути отъ Оша или Узгенда приводятъ по крайней мѣрѣ въ Куча, изъ чего ясно, что Кашгаръ находился въ странѣ карлыковъ, а не уйгуровъ. «Предположеніе, что илековъ надобно безусловно считать уйгурскими царями, подтверждается главнымъ образомъ еще и показаніемъ въ Тарихи-Джеханкушай, заимствованнымъ изъ уйгурскихъ источниковъ. Въ немъ говорится, что первымъ уйгурскимъ ханомъ былъ Буку-ханъ (вѣроятно правильнѣе было бы Букра-ханъ) и что онъ выстроилъ городъ Беласагунъ» и т. д. Но обращеніе Буку-хана въ Букра-хана ни на чемъ не основано, тогда какъ имя Буку-ханъ и въ китайской транскрипціи было Pou-hou-han (въ «Ляо-ши» въ письмѣ киданьскаго императора къ уйгурскому государю 924 г., гдѣ упоминается древній городъ Pou-hou-han'а повидимому на Орхонѣ, см. Visdelou въ Bibl. orient., 1779, IV, p. 188—191). Хотя уйгурскія легенды преписывали своему Оленю-хану между прочимъ и основаніе Беласагуна (если только Джувейни не перепуталъ Беласагунъ съ балгассун'омъ, какъ вѣроятно уже въ то время монголы называли развалины уйгурской столицы на Орхонѣ), это однако же не значитъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ Беласагунъ на Чу былъ основанъ какимъ-нибудь уйгурскимъ государемъ, ибо его страною уйгуры никогда не владѣли. В. В. Григорьевъ страннымъ образомъ не обратилъ вниманія на тождественность карлыковъ съ гэлолу китайскихъ извѣстій, указанную еще Visdelou. Между тѣмъ, по «Танъ-шу», гэлолу-карлыки, принявъ съ уйгурами участіе въ сокрушеніи владычества турковъ-тукю въ Монголіи, двинулись позднѣе, въ 755—766 г.г., на западъ и овладѣли бывшими землями западныхъ турковъ; въ 766 г. карлыкскій ханъ «перенесъ мѣстопребываніе къ рѣкѣ Суйѣ», т. е. Чу, а позднѣе карлыки подчинили себѣ и всѣ городки въ бассейнѣ Арыса, достигнувъ такимъ образомъ до Сыръ-дарьи. («Собраніе свѣдѣній», I, стр. 372 и 438, и III, стр. 267). Эти извѣстія выясняютъ, какъ и когда карлыки овладѣли землями западныхъ турковъ до Сыръ-дарьи, и дѣлаютъ понятнымъ, что они должны были стремиться подчинить себѣ и Кашгарію, которая была подвластна западно-турецкимъ ханамъ, которымъ карлыки явились преемниками. Хотя ни китайцы, сношенія которыхъ съ западомъ прервались тогда на долгое время, ни мусульманскіе историки, не имѣвшіе еще въ эту эпоху свѣдѣній о происходившемъ въ сосѣднихъ странахъ «невѣрныхъ», не даютъ намъ объ этомъ извѣстій, тѣмъ не менѣе покореніе Кашгаріи изъ всѣхъ тюркскихъ племенъ возможно было въ ту эпоху лишь для карлыковъ. Во время владычества своего въ Монголіи съ 744 до 840 г., уйгуры имѣли слишкомъ много заботъ при столкновеніяхъ съ киргызами, Китаемъ и тангутами, чтобы предпринимать дальнія завоеванія, и если проникали въ Кашгарію, то развѣ во время какого-нибудь грабительскаго похода. Когда же уйгурское ханство на Орхонѣ погибло, то малочисленнымъ и слабымъ остаткамъ уйгуровъ, искавшимъ спасенія у Наньшаня и восточнаго Тяньшаня, нельзя было и помышлять о завоеваніяхъ на крайнемъ западѣ Восточнаго Туркестана. Напротивъ подчиненіе этой страны было вполнѣ естественно для свѣжихъ силъ карлыковъ, встрѣтившихъ на Сыръ-дарьѣ такой отпоръ со стороны арабовъ и саманидовъ, который не дозволилъ имъ расширяться далѣе на западъ. Надо думать, между прочимъ, что именно карлыки были тѣ «невѣрные», которые въ первой половинѣ IX вѣка овладѣли Ферганою, выгнавъ ея арабскаго губернатора саманида Ахмеда; визирь халифа Мамуна «прогналъ изъ Ферганы враговъ религіи и сдѣлалъ Ахмеда валіемъ этой области по прежнему» (Histoire des Samanides par Mirkhond, trad. par Defrémery, Paris, 1845, p. 14). Нападенія тюрковъ однако не прекращались, потому что сынъ Ахмеда Измаилъ въ 893 г. предпринималъ походъ до Тараза (Таласа, чѣмъ выясняется, что война велась съ карлыками); въ слѣдующемъ году тюрки съ большими силами вторглись въ его владѣнія, но были побиты; въ 906 г. Измаилъ снова ходилъ въ страну турковъ (тамъ же, p.

тюрками, тибетцами и отчасти съ калмыками [1]). Господствующимъ элементомъ оказывается во всей странѣ тюркскій [2]). Общаго племеннаго имени осѣдлое населеніе Восточнаго Туркестана не имѣетъ и называетъ себя по мѣстностямъ кашкарлыками, хотанлыками и т. д., подобно сартамъ Западнаго Туркестана; китайцы зовутъ мѣстныхъ тюрковъ чанту, кыргызы—сартами [3]).

По китайскимъ свѣдѣніямъ, населеніе страны въ I вѣкѣ до Р. Х. состояло изъ 39.455 семействъ въ 314.220 душъ, что было конечно меньше дѣйствительности [4]). Въ 1873 г. миссія Форсайта опредѣляла населеніе

117, и В. В. Григорьевъ «Восточный Туркестанъ», вып. 2, стр. 279, а также Вамбери «Исторія Бохары», Спб., 1873 г., томъ I, стр. 671). Время подчиненія Кашгаріи карлыками неизвѣстно, но это подчиненіе должно было предшествовать 914—921 г.г., ибо между этими годами Ибнъ-Хальдуномъ упоминается Тоганъ-тегинъ, владѣлецъ кашгарскій (Григорьева «Восточный Туркестанъ», вып. 2, стр. 279), вѣроятно уже изъ карлыкской ханской семьи, какъ такъ позднѣе встрѣчаются илеки съ именемъ Тоганъ.

[1]) Нѣкоторые лобъ-норцы считаютъ своими предками монголовъ, отдѣлившихся отъ нѣкоего Алъ-батая и пришедшихъ на Лобъ-норъ съ Или; другіе говорятъ, что ихъ предки-монголы были однοплеменны съ калмыками и принадлежали четыремъ родамъ: тыметъ, еметъ, аннасъ и іаиннасъ; наконецъ, по третьему сказанію, пришельцы-монголы нашли на Лобъ-норѣ племя мачинъ, съ которымъ вскорѣ и смѣшались (Пржевальскій «Четвертое путешествіе», Спб., 1888 г., стр. 300).

[2]) По слышаннымъ Пржевальскимъ сказаніямъ, населеніе округовъ Кашгара и Аксу считается принадлежащимъ племени ардбюль, а жители расположенныхъ далѣе на востокъ оазисовъ Бай, Куча и Курля происходятъ отъ племени хурасанъ, которое пришло въ древности изъ Авганистана (?) и отличается красотою, въ особенности женщины; населеніе хотанскаго и керійскаго округовъ именуется мачинъ и отличается по типу и даже по нарѣчію отъ яркендскаго и кашгарскаго («Четвертое путешествіе» стр. 362, 420, 429 и 484). Вѣроятно отличія мачинцевъ происходятъ отъ сильной тибетской примѣси.

[3]) Носятъ особыя имена, въ родѣ племенныхъ, пакпулыки и долоны. Первые, по свѣдѣніямъ посольства Форсайта (Report etc., 1875, p. 61, 62), обитаютъ, въ числѣ 2 т. домовъ и 14 т. д. о. п., въ горахъ по р.р. Тызнапъ и Яркендъ-дарьѣ, арійскаго происхожденія, зовутъ себя pakhpa, а страну Pakhpuluk. Повидимому, часть этихъ самыхъ пакпулыковъ описываетъ г. Пѣвцовъ («Труды тибетской экспедиціи», т. I, Спб., 1895 года, стр. 24 и 143) подъ именемъ ваханлыковъ. По обоимъ источникамъ они шіиты и говорятъ по тюркски. Что касается долоновъ, то по Форсайту (p. 54) они составляютъ большую часть населенія округа Маралбаши (35 т. д.) и именуются dol или dolan, что значитъ крестьянинъ и напоминаетъ народецъ dolpa въ Тибетѣ, упоминаемый въ «Тарихи-Рашиди»; имъ на мѣстѣ приписываютъ калмыцкое происхожденіе, но по наружности они напоминаютъ тибетскихъ bot; они говорятъ по тюркски и мусульмане. По г. Пѣвцову (стр. 544), долонами жители западныхъ округовъ зовутъ туркестанцевъ города Курля (3 т. д.), которые суть «потомки ссыльно-поселенцевъ» изъ западной Кашгаріи, водворенныхъ здѣсь китайцами во второй половинѣ XVIII столѣтія. По «Си-юй-вынь-цзянь-лу» 1773 г.), населеніе Курля состоитъ не изъ ссыльныхъ, а просто изъ «долановъ», которые «составляли особое поколѣніе въ Туркестанѣ, приближенное къ хочжамамъ (ходжамъ), пасли лошадей ихъ, вынашивали орловъ» (Іакинфа «Описаніе Чжунгаріи» и пр., Спб., 1829 года, стр. 119). Тибетское происхожденіе ихъ мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ.

[4]) В. В. Григорьевъ «Восточный Туркестанъ», вып. 2, 1873 г., стр. 40.

Кашгаріи въ 145.000 семей, до 1.015.000 д. о. п. [1]). Если въ нѣкоторыхъ частныхъ цифрахъ, давшихъ этотъ итогъ, есть увеличенія, то въ другихъ есть уменьшеніе, такъ что въ общемъ численность населенія близка къ настоящей. А. Н. Куропаткинъ (1877 г.) даетъ цифру въ 1.200.000 д. [2]). М. В. Пѣвцовъ полагаетъ «приблизительно до 2 мил. душъ» [3]). По мнѣнію русскаго консула въ Кашгарѣ Н. Ф. Петровскаго, приводимому Н. Л. Зеландомъ [4]), населеніе Восточнаго Туркестана «въ настоящее время едва-ли болѣе милліона». Этой цифры и слѣдуетъ держаться, какъ наиболѣе достовѣрной [5]).

Таранчи (т. е. хлѣбопашцы) илійской долины суть жители Восточнаго Туркестана, переселенные китайцами во второй половинѣ XVIII столѣтія въ окрестности Кульджи для снабженія мѣстныхъ гарнизоновъ хлѣбомъ. Послѣ возстанія мусульманъ въ Кульджѣ (1864 г.) таранчи образовали было независимое владѣньице, но въ 1871 году Кульджа была занята русскими. При передачѣ ея въ 1882—1883 гг. китайцамъ большая часть таранчей переселилась въ русскіе предѣлы въ той же илійской долинѣ, гдѣ къ 1885 г. ихъ состояло 10.201 семья въ числѣ 47.911 д. о. п. Взамѣнъ ушедшихъ китайцы переселили въ илійскій округъ изъ Кашгаріи 8 т. семействъ [6]), такъ что въ китайской части илійской долины съ остававшимися около 2 т. семей вновь образовалось до 50 т. съ лишнимъ душъ таранчей. Общее число таранчей можно теперь полагать въ 100.000 д. о. п. [7]).

---

1) Report etc., 1875, p. 62.

2) «Кашгарія», Спб., 1879 года.

3) «Труды тибетской экспедиціи», томъ I, Спб., 1895 г., стр. 62.

4) «Кашгарія и перевалы Тяньшаня» въ «Запискахъ западно-сибирскаго отдѣла и. р. географическаго общества», книжка IX, Омскъ, 1887 г., стр. 136.

5) По Н. Ѳ. Катанову («Извѣстія и. р. географическаго общества», 1893 г., стр. 526), всего «китайскихъ татаръ» насчитывается около 425 т. д. о. п. Цифра эта, источники которой неизвѣстны, конечно ошибочна, именованіе же тюрковъ Восточнаго Туркестана «татарами» едва ли правильно: желательно, для избѣжанія недоразумѣній, постепенное упраздненіе ошибочнаго термина, а не безпричинное распространеніе его на новыя народности, которыя сами себя не зовутъ татарами и не именуются татарами у сосѣднихъ народовъ.

6) Костенко «Чжунгарія», Спб., 1887 года, стр. 97.

7) Въ китайскихъ владѣніяхъ, въ провинціи Гань-су, близъ города Сюнь-хуа-тина. на правомъ берегу Желтой рѣки, есть небольшой осѣдлый народецъ тюркскаго языка, извѣстный подъ именемъ саларовъ. Численность ихъ, по словамъ бывшаго въ ихъ землѣ въ 1892 году Woodville Rockhill'я, простирается до 8 т. семей или 40 т. душъ; они утверждаютъ, что пришли изъ Самарканда въ 1370 г. (The Geographical Journal, 1894, May, а также The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britains and Ireland, 1892, p.p. 598-602), что конечно невѣроятно.

XIII. Итоги статистическихъ свѣдѣній о тюркахъ.

Тюрки Сибири и Монголіи.

Якуты. . . . . 221.776 д.
Южно-сибирскія тюркскія племена:
Алтайцы и телеуты . 22.796 д.
Отуреченные енисейцы
и самоѣды верхней Оби. 22.044 »
Тюрки бассейна Енисея. 35.793 »
80.633 д.
Урянхайцы. . . . . 45.000 »
Хотоны. . . . . 2.000 »
Барабинцы и зап.-сибирскіе татары. 41.783 »
391.192 д. о. п.

Киргизъ-казаки.

Въ русскихъ владѣніяхъ. . . . 3.091.394 д.
» Хивѣ и Бухарѣ . . . . . 44.000 »
» китайскихъ владѣніяхъ . . . 101.000 »
3.236.394 д. о. п.

Кара-киргизы.

Въ русскихъ владѣніяхъ. . . . 304.388 д.
» бухарскомъ ханствѣ . . . . 4.000 »
» китайскихъ владѣніяхъ . . . 10.000 »
318.388 »

Тюрки востока европейской Россіи.

Ногайцы и при-кавказцы. . . . 429.834 д.
Башкиры, мещеряки, тептери, волжскіе, казанскіе и проч. татары . . . . 2.581.509 »
Чуваши. . . . . 539.200 »
3.550.543 »

Юго-западные тюрки.

Османы Турціи . . . . 10.000.000 д.
Османскіе тюрки Закавказья. . . 70.226 »
Турки Персіи. . . . . 2.000.000 »
Адербайджанскіе татары Закавказья. . . . . 1.168.025 »
13.238.251 »

Туркмены.

Въ русскихъ владѣніяхъ. . . .	261.597 д.	
» Хивѣ и Бухарѣ	203.750 »	
» Авганистанѣ и Персіи . . .	80.000 »	
		545.347 д. о. п.

Узбеки.

Въ русскихъ владѣніяхъ. . . .	579.740 д.	
» Хивѣ и Бухарѣ	1.257.500 »	
» Авганскихъ владѣніяхъ . . .	200.000 »	
		2.037.240 »

Сарты.

Въ русскихъ владѣніяхъ. . . .	628.000 д.	
» Бухарѣ.	700.000 »	
» Авганскихъ владѣніяхъ . . .	100.000 »	
		1.428.000 »

Тюрки Восточнаго Туркестана.

Таранчи въ русскихъ владѣніяхъ .	47.911 д.	
Тюрки китайскихъ Кульджи и Восточнаго Туркестана.	1.050.000 »	
		1.097.911 »

А всего тюрковъ . . 25.843.266 д. о. п. [1]).

Изъ общаго числа тюрковъ состоитъ въ непосредственномъ подданствѣ Россіи 10.046.016 д. и въ вассальныхъ владѣніяхъ (Бухарѣ и Хивѣ) 2.209.250 д., итого 12.255.266 д. Въ Турціи 10.000.000, въ Персіи 2.030.000, въ авганскихъ владѣніяхъ 350.000 и въ китайскомъ подданствѣ 1.208.000, итого 13.588.000 д.

Если считать, какъ это обыкновенно принимается, населеніе земного шара въ 1.500 милліоновъ, то 26 м. тюрковъ составляютъ менѣе 2% человѣчества. Въ населеніи Россіи, равнявшемся въ 1885 году 108.787.235 д. о. п. [2]),

---

1) Такъ какъ взятыя нами цифры тюркскихъ народностей вѣроятно вообще менѣе дѣйствительныхъ въ настоящее время, а цифры о численности нѣкоторыхъ народцевъ (каковы салары и киргизы около Синина и др.) совсѣмъ не введены въ итоги, то не только не будетъ ошибкой считать общую численность тюрковъ въ 26 милліоновъ, но эта цифра вѣроятно все еще менѣе истинной.

2) Это пока послѣдняя обнародованная офиціально цифра населенія всей имперіи, значащаяся въ изданномъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ «Сборникѣ свѣдѣній по Россіи за 1884 и 1885 г.г.» (Спб., 1887 г.), въ отдѣлѣ «Населеніе имперіи 1885 года».

10.046.016 тюрковъ нѣсколько превышаютъ 9%. Тюрки русскихъ владѣній сосредоточены главнымъ образомъ въ Туркестанѣ, степныхъ и закаспійской области, въ закавказскомъ краѣ и въ восточныхъ губерніяхъ европейской Россіи. Сплошная же масса ихъ занимаетъ пять степныхъ областей, три туркестанскихъ съ аму-дарьинскимъ отдѣломъ и закаспійскую область, изъ 5.427.098 д. населенія которыхъ (по «Населенію имперіи 1885 года») 4.913.030 д. принадлежитъ тюркскимъ народностямъ, а именно 3.091.394 киргизъ-казаковъ, 304.388 кара-киргизовъ, 261.597 туркменъ, 579.740 узбековъ, 628.000 сартовъ и 47.911 таранчей.

Конечно послѣ 1885 г. населеніе Россіи увеличилось, но такъ какъ и свѣдѣнія о численности тюркскихъ народностей тоже большею частію устарѣли, то процентное отношеніе едва ли значительно измѣнится и при полученія вполнѣ современныхъ цифръ.

XIV. Общія заключенія о преобладающихъ въ этническомъ составѣ тюркскихъ народностей племенахъ и примѣсяхъ. Подтвержденіе этихъ заключеній данными антропологическихъ измѣреній относительно роста и головного указателя тюркскихъ родовъ, племенъ и народностей. Лингвистическія классификаціи.

По всей вѣроятности еще въ Алтаѣ, а затѣмъ и по выходѣ въ Монголію и въ киргизскую степь, тюркскіе роды и племена болѣе или менѣе смѣшивались между собою, образуя сложные родовые и племенные союзы. По историческимъ даннымъ и нынѣшнему родовому составу тюркскихъ племенъ и народностей, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что образованіе новыхъ родовыхъ союзовъ и включеніе ихъ и частей родовъ въ составъ разныхъ племенъ и народностей продолжались все время исторической жизни большей части кочевыхъ тюркскихъ племенъ и народностей. Тѣмъ не менѣе разсмотрѣнный нами родовой составъ тюркскихъ племенъ и народностей, въ связи съ историческими о нихъ извѣстіями, даетъ основанія заключить, что есть нѣсколько главныхъ тюркскихъ племенъ, которыя легли въ основу существующихъ нынѣ тюркскихъ народностей.

Такъ 1) племя канглов и близко ему родственное или происходящее отъ него 2) племя кипчаковъ были главнымъ тюркскимъ элементомъ въ образованіи юго-западныхъ тюркскихъ народностей (османовъ, и иранскихъ или адербайджанскихъ тюрковъ или татаръ), туркменовъ, ногайцевъ, волжскихъ татаръ, башкировъ и пр., —которыхъ общая численность превышаетъ 17 мил-

ліоновъ душъ,—а также принимали значительное участіе въ составѣ узбековъ, сартовъ и киргизъ-казаковъ, такъ что болѣе двухъ третей всѣхъ нынѣ существующихъ тюрковъ происходятъ отъ кангловъ и кипчаковъ. За ними слѣдуютъ образовавшіе киргизъ-казачью народность, при участіи въ составѣ ея кангловъ и кипчаковъ, племена 3) дулатъ, которое стояло нѣкогда во главѣ чуйскихъ родовъ, а нынѣ преобладаетъ въ большой ордѣ, 4) алчинъ, лежащее въ основѣ малой орды, 5) аргынъ, 6) найманъ и 7) кирей, составляющіе съ кипчаками среднюю орду. Далѣе 8) племя кыргызъ, отдавшее части своихъ родовъ въ составъ большой орды, но продолжающее въ теченіе многихъ вѣковъ сохранять обособленное положеніе въ горной части Западнаго Тяньшаня, достигая численностью до 225 т. душъ. Засимъ 9) племя саха или якутское, составляющее въ числѣ около 230 т. душъ главное населеніе сѣверо-востока Сибири, является остаткомъ древняго тюркскаго племени, главная масса котораго нѣкогда занимала Западный Тяньшань подъ именемъ сака или са, се и закончила свое существованіе въ Индіи, оставивъ по себѣ слѣды въ Западномъ Тяньшанѣ въ видѣ кара-киргизскаго поколѣнія саякъ и на Енисеѣ въ видѣ рода сагай. Древнія племена 10) теле (оно же гаогюй) и 11) туркъ-тукю, послѣ паденія владычества ихъ въ Монголіи,—которое послѣдовательно принадлежало сначала туркамъ, а потомъ вѣтви теле уйгурамъ,—разбились на мелкія части, вошедшія преимущественно въ составъ союзовъ или племенъ кирейскаго, найманскаго и аргынскаго, а также лѣсныхъ народовъ и племенъ между Байкаломъ и Чернымъ Иртышомъ; части этихъ же двухъ племенъ усилили собою тюрко-китайскую помѣсь, которой начало было положено еще гуннами и которая извѣстна нынѣ подъ именемъ дунганъ; остатками турковъ-тукю являются нынѣ телесы въ Алтаѣ, а остатками теле—телеуты. Вышедшее едва ли не позже всѣхъ изъ Алтая 12) племя карлыкъ въ такой сильной степени слилось съ канглами и въ особенности такъ потратилось на отуреченіе иранскаго населенія Восточнаго и Западнаго Туркестана, обратившись въ первомъ къ осѣдлости, что уцѣлѣло понынѣ лишь его племенное имя въ числѣ узбекскихъ родовъ, въ которыхъ сохранились также имена уйгуровъ и тюрковъ. Остальныя тюркскія племена или существовавшіе достаточно продолжительное время и многолюдные союзы родовъ, каковы онгуты, татары, меркиты, почти цѣликомъ омонголенные или истребленные во время Чингизъ-хана, а также ушедшіе за Уралъ гунны, болгары, хазары, печенѣги, гузы (они же команы, половцы) и пр., частію слившіеся съ нетюркскими народностями, частію вошедшіе въ составъ тюрковъ Восточной Россіи, наконецъ мелкіе народцы, племена и роды склоновъ Алтая и Саяна,—всѣ они мало или совсѣмъ не участвовали въ образованіи большей

части нынѣшнихъ наиболѣе многолюдныхъ тюркскихъ пародностей средней и западной Азіи.

Руководствуясь историческими извѣстіями и разсматривая родовой составъ существующихъ тюркскихъ племенъ и народностей, я отмѣчалъ данныя, указывающія на тѣ примѣси къ обще-тюркскому корню, которымъ должно быть главнымъ образомъ приписываемо образованіе тюркскихъ племенъ и народностей. Самыя раннія, положившія основныя различія между первоначальными племенами, были помѣси съ сѣверно-азіатскою длинноголовою расою или съ динлинскими народами, затѣмъ съ самоѣдскими и наконецъ съ финно-угорскими племенами. Помѣси съ средне-азіатскими арійцами, потомъ съ иранцами, а затѣмъ съ различными народами западной Азіи и восточной Европы были гораздо болѣе поздними и коснулись преимущественно, почти исключительно, канглов и кипчаковъ, распространившихся на юго-западъ.

Не повторяя подробностей сдѣланныхъ уже при разсмотрѣніи отдѣльныхъ народностей замѣчаній относительно примѣсей, считаю необходимымъ обратить вниманіе на подтвержденіе ихъ начинающими развиваться въ послѣдніе годы антропологическими изслѣдованіями.

Для выясненія антропологическаго значенія различныхъ примѣсей можно взять данныя относительно двухъ важныхъ признаковъ, по которымъ имѣется наибольшее количество измѣреній, именно—роста и головного указателя. Замѣтимъ для соображеній, что ростъ коренныхъ тюрковъ надо считать «выше средняго» [1]), а головной указатель-брахицефалическимъ [2]).

Объ алтайско-саянскихъ племенахъ и о кара-киргизахъ съ киреями, въ составъ которыхъ, по приведеннымъ нами болѣе или менѣе достаточнымъ основаніямъ, должны были войти динлинскія примѣси, имѣются слѣдующія данныя [3]):

---

[1]) Ростъ въ 1.650—1.700 миллиметровъ антропологи считаютъ выше средняго, между 1.650 и 1.600 ниже средняго, а менѣе 1.600 малымъ. Въ замѣчательно хорошо составленномъ антропологическомъ отдѣлѣ статьи Turcs въ Nouveau dictionnaire de géographie universelle par Vivien de St. Martin et L. Rousselet, Paris, 1894, tome VI, p.p. 904—909, авторъ котораго пользовался всѣми новѣйшими, преимущественно русскими, изслѣдованіями по антропологіи тюрковъ, ростъ тюрковъ опредѣляется въ среднемъ въ 1670—1680 мм.

[2]) Въ той же статьѣ средній головной указатель тюрковъ принимается между 85 и 87. Съ указателемъ отъ 83, 34 и больше антропологи называютъ брахицефалами; отъ 80, 01 до 83, 33—суббрахицефалами; отъ 77, 78 до 80, 00—мезатицефалами; отъ 75, 01 до 77, 77—субдолихоцефалами; отъ 75, 00 и меньше—долихоцефалами (А. Н. Харузинъ «Киргизы букеевской орды», вып. 2, ч. I, стр. 165).

[3]) Большую часть этихъ данныхъ и указанія ихъ источниковъ можно найти у А. Н. Харузина («Киргизы букеевской орды», вып. 2, ч. I, томъ 72 «Извѣстій и. общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при и. московскомъ университетѣ», Москва, 1891 г., стр. 64—68, 162—165).

	Ростъ:		Головной указатель:
4 кумандинца, по измѣреніямъ Ядринцева, дали.	1.673 мм.	[1]	82,60
3 алтайца, по его же измѣреніямъ .	— »	[2]	86,35
3 телеса, тоже	1.608 »	[3]	83,09
3 телеута, по Ядринцеву	1.647 »	[4]	78,09
3 урянхайца, тоже.	1.535 »	[5]	83,40
16 черневыхъ татаръ, по его же измѣреніямъ	1.654 »	[6]	79,49
40 кара-киргизовъ, по измѣреніямъ Зеланда	1.653 »		87,28
39 киреевъ, по измѣреніямъ А. А. Ивановскаго	1.684 »		89,27

Конечно 1, 3, 4 измѣренія на племя или родъ совершенно недостаточны и весьма часто даютъ случайные, невѣрные результаты. Поэтому изъ приведенныхъ данныхъ болѣе достойны вниманія относящіяся къ черневымъ татарамъ, къ кыргызамъ и киреямъ. Сходство роста у черневыхъ и кыргызовъ подтверждаетъ происхожденіе обоихъ отъ тюрковъ и енисейцевъ, которые повидимому имѣли одинаково ростъ выше средняго. Разница въ головномъ указателѣ объясняется, мнѣ кажется, во-первыхъ, большею дозою динлинской крови у черневыхъ, и, во-вторыхъ, вѣроятнымъ перевѣсомъ тюркской короткоголовости у кыргызовъ, удалившихся уже болѣе двухъ тысячелѣтій отъ енисейцевъ и вступавшихъ въ это время въ браки только съ брахицефалами—тюрками. Какимъ именно родамъ принадлежатъ измѣренные г. Ивановскимъ киреи—неизвѣстно. Можетъ быть они частію даже не абакъ-киреи, а кара-киреи не кирейскаго племени. Впрочемъ по росту эти киреи не особенно далеки отъ несомнѣнныхъ помѣсей енисейцевъ съ тюрками, представляемыхъ кыргызами и черне-

[1]) У А. Н. Харузина 1.700, но по сложеніи цифръ, помѣщенныхъ въ измѣреніяхъ Ядринцева («Извѣстія» вышеназваннаго общества, т. 49, вып. I, стр. 31 и слѣд.), и по раздѣленіи итога на 4 получается 1.673, 75.

[2]) Измѣренные названы алтайскими калмаками. Кости не указаны. Ростъ данъ только у одного—1.755. О ростѣ алтайцевъ можно получить понятіе, если добавить къ упомянутому росту одного алтайца ростъ измѣренныхъ Ядринцевымъ же пяти телингитовъ, т. е. алтайцевъ же: средній ростъ шести выйдетъ 1.675 м.м.

[3]) Цифры роста: 1.635, 1.540 и 1.650.

[4]) Имѣются измѣренія роста только двухъ телеутовъ. Третья, женщина, не измѣрена.

[5]) Названы Ядринцевымъ соёнцами. Одному изъ нихъ только 15 лѣтъ.

[6]) Ядринцевъ не отличалъ черневыхъ татаръ отъ шоровъ, такъ что измѣренія его относятся къ тѣмъ и другимъ. Цифры роста есть только для 13 лицъ изъ 16.

выми татарами; что же касается брахицефаличности, то у нихъ очевидно сильное преобладаніе въ этомъ отношеніи тюркской крови. Кумандинцы видимо занимаютъ средину между длинноголовыми енисейцами и короткоголовыми тюрками. Телеуты принадлежатъ даже къ мезатицефаламъ; если бы можно было полагаться на три измѣренія и если бы именно вслѣдствіе незначительности числа измѣреній не было возможно предположеніе о случайной усиленной примѣси енисейцевъ въ позднѣйшее сравнительно время, то мезатицефаличность телеутовъ неоспоримо подтверждала бы, что предковъ ихъ теле не даромъ полторы тысячи лѣтъ назадъ прозывали «гаогюйскими динлинами». Приближающійся къ низкому ростъ телесовъ можетъ быть слѣдствіемъ помѣсей ихъ съ низкорослыми сосѣдями ихъ уранхайцами, къ которымъ они сполна уходили между прочимъ въ XVII вѣкѣ. Низкорослость же урянхайцевъ есть подтвержденіе хъсамоѣдскаго происхожденія, ибо 33 самоѣда архангельской губерніи, при измѣреніяхъ проф. Зографа, оказались въ среднемъ роста въ 1580 мм. (при головномъ указателѣ въ 82,41).

По большой ордѣ имѣется только 10 измѣреній д-ра Н. Л. Зеланда, по которымъ ростъ опредѣляется въ 1687 и головной указатель въ 85,10. Къ сожалѣнію эти измѣренія недостаточны и количественно, и по неизвѣстности родовъ.

Для средней орды даны А. А. Ивановскимъ измѣренія по четыремъ родамъ (въ зайсанскомъ уѣздѣ), а именно:

	Ростъ.	Головной указатель.
23 измѣренія племени найманъ (названіе рода неизвѣстно)	1.626,17 мм.	89,31
33 измѣренія рода мурунъ	1.610,56 »	89,53
31 измѣреніе рода байджигитъ. . .	1.642,77 »	89.50
39 киреевъ, какъ уже приведено, дали .	1.684,70 »	89,27

Въ среднемъ отсюда средняя орда выведена въ 1.646,61 и 89,39, но по росту киреи столь далеки отъ остальныхъ трехъ родовъ другихъ племенъ, что подобные средніе выводы соотвѣтствуютъ только чему-то несуществующему въ дѣйствительности и очень отъ нея далекому. Ростъ ниже средняго наймановъ и байджигитовъ можетъ быть объясненъ сильною примѣсью самоѣдовъ въ составившихъ эти два племени родахъ и частяхъ «лѣсныхъ народовъ».

Склоняющійся къ низкому ростъ букеевской орды (157 измѣреній неизвѣстныхъ родовъ) въ 1.629, при головномъ указателѣ въ 86,28, произошелъ, во-первыхъ, отъ примѣсей угро-финновъ, ибо ростъ вогуловъ (13 измѣреній проф. Маліева) оказался въ 1.542, при головномъ указателѣ въ

77,82, и ростъ остяковъ (95 измѣреній проф. Соммье) [1], въ 1.560 мм. при головномъ указателѣ въ 79,46, во-вторыхъ же, отъ нахожденія въ составѣ родовъ орды низкорослыхъ наймановскихъ частей.

74 башкира, по проф. Соммье [2]), дали ростъ въ среднемъ 1.660 и головной указатель 83,52. Большая высота роста и меньшій указатель головной у башкировъ противъ букеевской орды объясняются значительною примѣсью восточныхъ финновъ: 30 измѣреній мордвы-ерзи (Майнова) обнаружили средній ростъ 1.680 и головной указатель 83,81 [3]). Измѣренія г. Назарова (всего 161 башкиръ) выразились въ среднемъ ростѣ въ 1.662 и головномъ указателѣ въ 82,51, но показали значительныя и замѣчательныя разницы по родамъ:

	Ростъ.	Головной указатель.
20 башкиръ кара-кипчакскаго рода. .	1.648 мм.	83,10
11 карагай-кипчакскаго рода . . .	1.666 »	85,92
17 дангаурскаго	1.661 »	85,12
35 бурзянскаго	1.677 »	81,51
10 тангатарскаго.	1.597 »	84,09
68 усерганскаго	1.651 »	82,48

Съ послѣдними сходятся измѣренія 49 мещеряковъ проф. Зографа, по которымъ вышелъ ростъ въ 1.652 и головной указатель 82,51.

По 33 измѣреніямъ г. Безенгра ростъ казанскихъ татаръ 1.617, а головной указатель 83,12 [4]). На ростѣ видимо вліяніе угро-финскихъ примѣсей.

По измѣреніямъ Елисѣева, ростъ тюрковъ-османовъ (143 лица, въ Малой Азіи) оказался въ среднемъ 1.670, а головной указатель вышелъ 84 [5]). У 40 тюрковъ-османовъ ахалцыхскаго и ахалкалакскаго раіоновъ найденъ г. Пантюховымъ ростъ 1.660 и головной указатель 84, 70.

---

[1]) «Записки уральскаго общества любителей естествознанія» и пр., томъ XIII, вып. 1, Екатеринбургъ, 1892 года

[2]) Тамъ же.

[3]) «Извѣстія н. общества любителей естеств.» и пр., томъ 71. вып. 4.

[4]) По статьямъ о тюркахъ и татарахъ въ Nouveau dictionnaire de géographie universelle, t. VI, 1894, p.p. 402, 403, 904 etc., головной указатель якутовъ 82, ростъ чувашей 1.610, а ихъ головной указатель 80, 50, ростъ же 4.070 казанскихъ татаръ опредѣлился въ 1.620.

[5]) «Извѣстія н. общества любителей естествознанія» и пр., томъ 71, стр. 67 и 82. Брахицефаловъ и подкороткоголовыхъ 60%; долихоцефаловъ и поддлинноголовыхъ 20%; послѣдніе преимущественно въ городахъ, брахицефалы же между номадами.

Ростъ 6 кумыковъ опредѣленъ тѣмъ же изслѣдователемъ въ 1.700, а головной указатель 84, 8 [1]).

59 туркменовъ (въ томъ числѣ 51 теке) дали, по измѣреніямъ И. Л. Яворскаго, ростъ 1694 и головной указатель 75, 64 [2]), значитъ послѣдній много меньше османскаго и даже адербайджанскихъ татаръ, головной указатель которыхъ, по 34 измѣреніямъ г. Данилова, оказался 78, 10 [3]). Впрочемъ по 23 измѣреніямъ теке, іомудовъ и пр. проф. Маліева и др. головной указатель вышелъ значительно большій—79, 9 при ростѣ по 22 измѣреніямъ въ 1.730, но 4 іомудскихъ черепа опять дали головной указатель 75, 00, который для живыхъ надо повысить до 77, 00 [4]). Относительная длинноголовость туркменовъ сравнительно съ адербайджанцами можетъ быть объясняема значительнымъ притокомъ въ Персію короткоголовыхъ сѣверныхъ тюркскихъ племенъ въ монгольское время, при чемъ часть ихъ проникла и далѣе на западъ, къ туркменамъ же, въ ихъ песчаныя пустыни, пристало ихъ мало. При мезатицефаличности и даже брахицефаличности нынѣшнихъ персовъ субдолихоцефальность туркменовъ (75, 64) однако является всетаки загадкой, для рѣшенія которой придется, быть можетъ предположить весьма значительную въ туркменахъ примѣсь кочевыхъ длинноголовыхъ иранскихъ племенъ, обитавшихъ въ древности на нижнемъ Яксартѣ, а также западнѣе и южнѣе, напр. алановъ [5]).

Антропологическія изслѣдованія узбековъ и сартовъ пока скудны:

	Ростъ.	Головной указатель.
11 узбековъ Зеравшана, по Федченко дали	1664,30	83,24
33 узбека Самарканда, по Уйфальви .	1678,30	84,01
Узбеки Ферганы, по Уйфальви. . .	1670,50	86,13
8 сартовъ Зеравшана, по Федченко .	1690,80	85,63
29 таджиковъ, по Уйфальви . . .	1716.10	83,26

[1]) «Записки кавказскаго отдѣла и. р. геогр. общества», кн. 18, 1895 года, стр. 114 и 116.

[2]) «Краткій отчетъ о научной командировкѣ въ среднюю Азію, исполненной лѣтомъ 1894 года», вып. 2, Одесса, 1895 г., стр. 49 и 54.

[3]) «Записки кавк. отдѣла», 18, стр. 116. По Nouveau dictionnaire de Géographie, t VI, 1894, p. 402, по 34 измѣреніямъ Эркорта 79, 4 и по 18 измѣреніямъ Шантра 84.

[4]) Тамъ же, p. 934.

[5]) Съ другой стороны, если принять въ соображеніе, что древніе персы имѣли свѣтлую окраску волосъ и вѣроятно были долихоцефалы, темную же окраску и брахицефаличность пріобрѣли отъ помѣсей съ семитами и тюрками, то мезатифаличность туркменовъ можно объяснять помѣсями тюрковъ съ древними персами, что подтверждаетъ въ свою очередь существованіе тюрковъ на границахъ Ирана до Р. Х. въ лицѣ уже упоминавшихся сакарауловъ и другихъ предковъ туркменовъ.

Наконецъ о таранчахъ даютъ данныя измѣренія врачей Мацѣевскаго и Пояркова, по которымъ 30 таранчей изъ кульджинскихъ деревень оказались роста 1642, 10 съ головнымъ указателемъ 84, 13. По 30 измѣреніямъ д-ра Зеланда ростъ кашгарцевъ оказался въ среднемъ 1657, а головной указатель 86,9 [1]).

Въ заключеніе надобно,—въ качествѣ имѣющихъ ближайшее отношеніе къ этническому составу тюркскихъ племенъ и народностей общихъ результатовъ лингвистическихъ изученій,—привести классификаціи тюркскихъ нарѣчій двухъ выдающихся тюркологовъ и этнографовъ, трудами которыхъ намъ такъ часто приходилось пользоваться. Академикъ В. В. Радловъ, безспорно занимающій между тюркологами первое мѣсто, какъ по громадности совершенныхъ имъ трудовъ, такъ и по высокой научной ихъ обработкѣ, даетъ слѣдующую классификацію тюркскихъ діалектовъ, на основаніи фонетическихъ признаковъ: 1) Восточныя нарѣчія; а) алтайское и телеутское, б) барабинское, в) лебединское, шорское, г) абаканскія (собственно абаканское, сагайское, койбальское, качинское, кызыльское), д) чулымское, е) сойонское, ж) карагасское и з) уйгурское. 2) Западные діалекты: а) киргизскій (каракиргизскій, киргизъ-казачій и кара-калпакскій), б) иртышскій (туралы, кюрдакъ, тобольскій и тюменскій), в) башкирскій (степныхъ и горныхъ башкировъ), г) волжскій. 3) Средне-азіатскіе: а) таранчинскій, б) хамійскій, в) аксуйскій, г) кашгарскій, д) яркендскій; е) джагатайскій (сѣверныхъ сартовъ, коканскій, узбекскіе—зеравшанскій, бухарскій, хивинскій). 4) Южные діалекты: а) туркменскій, б) адербайджанскій, в) кавказскій, г) анатолійскій, д) крымскій, е) османскій [2]). Другой выдающійся тюркологъ и этнографъ Вамбери, не отрицая лингвистической правильности этой классификаціи, находитъ ее однако-же неудовлетворительною, такъ какъ въ ней уйгурское нарѣчіе помѣщено въ одной группѣ съ алтайскими и саянскими, съ которыми оно не состоитъ въ этническихъ соотношеніяхъ, тогда какъ нарѣчія комульское и аксуйское, прямо происходящія отъ уйгурскаго, зачислены въ другую группу; столь же мало согласенъ онъ съ помѣщеніемъ кара-калпакскаго и башкирскаго нарѣчій въ одну группу съ киргизскимъ и др. нарѣчіями, ибо кара-калпаки пришли въ среднюю Азію съ Волги, нынѣшнихъ же башкировъ нельзя отождествлять съ древними (?). По мнѣнію Вамбери, діалектическія особенности языка какого-либо народа еще далеко не указываютъ его этни-

---

[1]) «Записки западно-сибирскаго отдѣла и. р. географическаго общества», книжка 9, 1887 года, стр. 47 и 48. Измѣренія произведены были въ г. Вѣрномъ; въ числѣ измѣренныхъ было 5 жителей Аксу и Турфана.

[2]) Phonetik der nördlichen Türksprachen, Leipzig, 188?, s.s. 280—291.

ческаго происхожденія [1]). Съ своей стороны онъ дѣлитъ тюркскія нарѣчія на слѣдующія три главныя группы: 1) южно-сибирскіе діалекты, 2) восточно-тюркскіе, происходящіе, какъ показываетъ 900-лѣтній текстъ «Кудатку-биликъ», отъ уйгурскаго и простирающіеся отъ Тяньшаня до Адріатики длинной цѣпью, кольца которой состоятъ изъ нарѣчій киргизскаго, узбекскаго, туркменскаго, куманскаго и османскаго, и 3) смѣшанные діалекты, какъ башкирскій, казанскій, ногайскій и крымско-татарскій, въ которыхъ преобладаютъ признаки сибирскихъ нарѣчій, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма явственно вліяніе восточно-тюркскихъ діалектовъ [2]).

Хотя лингвистамъ необходимо имѣть въ виду этническое происхожденіе народностей, языки которыхъ ими изучаются, тѣмъ не менѣе лингвистическія классификаціи нарѣчій должны основываться на лингвистическихъ же признакахъ и данныхъ, а не на какихъ-либо иныхъ. Если, признавая правильность классификаціи В. В. Радлова съ лингвистической стороны, Вамбери отвергаетъ ее только по несогласію съ своими мнѣніями объ этническомъ происхожденіи нѣкоторыхъ народностей, то это скорѣе всего можетъ указывать на ошибочность мнѣній Вамбери по нѣкоторымъ этническимъ вопросамъ, но совсѣмъ не доказываетъ несостоятельности лингвистическихъ признаковъ для классификаціи нарѣчій. Никакихъ данныхъ, указывающихъ на происхожденіе кара-калпаковъ и башкировъ отъ другихъ тюркскихъ племенъ, а не отъ тѣхъ, отъ которыхъ происходятъ киргизъ-казаки, Вамбери не приводитъ въ соотвѣтствующихъ главахъ своей книги. Между тѣмъ свѣдѣнія о родахъ кара-калпаковъ и башкировъ удостовѣряютъ, что народности эти составились въ значительной мѣрѣ изъ тѣхъ же тюркскихъ племенъ, какъ и киргизъ-казаки; отличія отъ киргизъ-казаковъ заключается лишь въ примѣсяхъ, которыя отразились сильнѣе на антропологичискихъ типахъ башкировъ и кара-калпаковъ, но въ нарѣчіяхъ ихъ дали менѣе важные слѣды. Хотя кара-калпаки, по ихъ преданію, пришли въ бассейнъ Аральскаго моря съ береговъ Волги, и примѣсь, создавшая особенности ихъ типа, не выяснена, тѣмъ не менѣе едва ли можно сомнѣваться, что тюркскія племена, которыя составили этотъ народецъ, вышли на Волгу изъ азіатскихъ степей. Что касается происхожденія почти всѣхъ тюркскихъ племенъ, кромѣ сибирскихъ, отъ уйгуровъ, то это ошибочное и несогласное съ исторіею предположеніе получило начало со временъ перваго ознакомленія европейскихъ и мусульманскихъ писателей съ восточными тюрками въ монгольскую эпоху и было, повидимому, результатомъ существованія въ то время у

[1]) Das Türkenvolk, 1885, s.s. 86, 87.
[2]) Id., s.s. 73, 74.

тюрковъ уйгурскаго письма, принятаго и монголами. Въ дѣйствительности уйгуры были только вѣтвью племени теле, господствовавшею въ Монголіи менѣе столѣтія; послѣ паденія ихъ ханства на Орхонѣ, уйгуры удалились къ подножіямъ восточнаго Тяньшаня и Наньшаня; обратившись къ осѣдлости, они слились съ отуреченнымъ гораздо ранѣе, преимущественно другимъ тюркскимъ племенемъ, мѣстнымъ населеніемъ и образовали небольшое и безсильное владѣніе, влачившее существованіе до кара-киданьскаго Ѣлюй-Даши, который, мимоходомъ, съ ничтожными еще силами, подчинилъ маленькую Уйгурію; изъ подъ власти кара-киданей Уйгурія перешла въ руки монголовъ; при тюркомонгольскихъ дворахъ Чингизъ-хана и его потомковъ и въ управленіи подвластными имъ странами уйгуры играли значительныя служебныя роли въ качествѣ секретарей, министровъ, сборщиковъ и учетчиковъ податей и пошлинъ, а также отчасти торговцевъ, но это продолжалось не долго, потому что на востокѣ вытѣснили ихъ несравненно болѣе образованные китайцы, а на западѣ мусульмане. Усвоенныя уйгурами сирійскія письмена, занесенныя къ нимъ манихейцами или несторіанами, вѣроятно начали распространяться между тюркскими племенами еще во время владычества уйгуровъ въ Монголіи, но благодаря извѣстной культурѣ, которую уйгуры нашли и приняли отъ гаочанскаго населенія, распространеніе это продолжалось, при помощи торговыхъ сношеній, и въ позднѣйшее время. Уйгурскія письмена однако не влекутъ за собою непремѣннаго употребленія уйгурскаго языка. Какъ монголы писали уйгурскими письменами по монгольски, такъ и тюркскія племена конечно употребляли въ писанныхъ уйгурскими письменами рукописяхъ свои собственныя каждое нарѣчія. Такъ и относительно «Кудатку-биликъ», оконченнаго въ 1068 г. въ Кашгарѣ для карлыкскаго государя урожденцемъ Беласагуна, можно думать, что сочиненіе это написано на мѣстномъ, т. е. карлыкскомъ нарѣчіи: «какая же стать была автору Каудатку-Биликъ, жившему въ Мавераннагрѣ или въ Кашгаріи, писать по-уйгурски» [1])? Причисляя уйгурское нарѣчіе къ группѣ южно-сибирскихъ, изъ которыхъ особенно алтайское «носитъ печать глубокой древности», В. В. Радловъ безъ сомнѣнія руководствовался близостью къ нимъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ уйгурскаго языка, зачисляя въ число ихъ «Кудатку-биликъ». Но несомнѣннѣйшимъ и древнѣйшимъ памятникомъ уйгурскаго языка являются уйгурско-орхонскія надписи, такъ что рѣшенія вопроса о языкѣ «Кудатку-биликъ» и о языкѣ уйгурскомъ надо ожидать по изученіи уйгурско-орхонскихъ надписей [2]). Во всякомъ случаѣ вышепри-

[1]) В. В. Григорьевъ «Восточный Туркестанъ», вып. 2, 1873 года, стр. 350, примѣчаніе 124.

[2]) Нельзя не думать что къ алтайскому нарѣчію стоятъ ближе діалекты племенъ

приведенная лингвистическая классификація В. В. Радлова [1]) въ общихъ чертахъ не расходится съ данными и выводами настоящаго изслѣдованія объ этническомъ составѣ тюркскихъ народностей и племенъ. Именно первая («восточная») группа состоитъ изъ алтайскихъ и саянскихъ народцевъ, представляющихъ собою остатки древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ въ ихъ отечествахъ, съ продолжавшеюся большею или меньшею примѣсью енисейцевъ и самоѣдовъ; при всѣхъ различіяхъ между діалектами этой группы, зависящихъ вѣроятно не столько отъ основного въ каждомъ народцѣ племени, сколько отъ примѣсей и времени воспринятія послѣднихъ, саянско-алтайскія нарѣчія имѣютъ не мало общаго въ своей близости къ древнему общетюркскому языку, ибо несравненно менѣе, чѣмъ остальныя группы, подверглись вліяніямъ мощныхъ иноплеменныхъ народовъ, ихъ культуры и языковъ. Вторая («западная») группа вмѣщаетъ въ себѣ всѣ тюркскія племена и союзы, вышедшія первоначально изъ Алтая и имѣвшія древнѣйшія примѣси динлиновъ и самоѣдовъ, а затѣмъ занимавшія Монголію и степи до Сыръ-дарьи и Дуная; племена и народности этой группы, достигавшія сѣверо-запада, получали здѣсь угорскія и финнскія примѣси; вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ далѣе на западъ, тѣмъ болѣе народности этой группы представляютъ собою разноплеменный конгломератъ, имѣющій историческое происхожденіе, какъ результатъ перемѣшанности тюркскихъ племенъ и союзовъ при вытѣсненіи ихъ въ разныя времена изъ предѣловъ Мон-

---

позже всѣхъ оставившихъ Алтай. Таковъ долженъ былъ быть діалектъ карлыкскій, ибо карлыки оставили западный Алтай около VII столѣтія, на тысячу лѣтъ позднѣе предковъ уйгурскихъ-гаогюйцевъ, если вѣрить китайскимъ извѣстіямъ о нахожденіи гаогюйцевъ въ юго-восточномъ Ордосѣ уже въ IV вѣкѣ до Р. Х.

[1]) Кромѣ классификацій В. В. Радлова и Вамбери существуетъ много другихъ, почти столько же, сколько было касавшихся этого предмета лингвистовъ. Изъ новѣйшихъ одна намѣчена Н. Ф. Катановымъ («Этнографическій обзоръ турецко-татарскихъ племенъ», Казань, 1894 года), другая—Leon Cahun (Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols, dès origines à 1405, Paris, 1896, p. p. 34 et 35). Въ 1886 г., въ одной изъ своихъ работъ относительно Codex Comanicus (Mélanges asiatiques, tirés du Bulletin de l'Académie des sciences de St-Petersbourg, t. IX, p. p. 87—92), В. В. Радловъ дѣлилъ тюркскія племена и нарѣчія на три группы: кипчакскую (племена, «обитавшія въ IX—XIII вѣкахъ между Алтаемъ и Чернымъ моремъ и имѣвшія потомками часть нынѣшнихъ абаканскихъ татаръ, барабинцевъ и иртышскихъ татаръ и казанскихъ татаръ съ киргизами»), восточную или уйгурскую (составляющія ее племена не перечислены) и южную или сельджукскую; относительно кипчакской группы, къ которой причисленъ команскій діалектъ, замѣчено, что нарѣчія этой группы, первоначально очень близкія, съ теченіемъ времени отдалились другъ отъ друга и слились съ сосѣдственными діалектами, такъ что принадлежатъ теперь къ другимъ группамъ діалектовъ. Судя по послѣднему замѣчанію В. В. Радловъ продолжаетъ держаться своей фонетической классификаціи. Тѣмъ не менѣе съ зачисленіемъ какой-то части нынѣшнихъ абаканскихъ татаръ, а также всѣхъ киргизовъ въ потомство кипчакской группы согласиться трудно, потому что это противорѣчило бы несомнѣннымъ этническимъ и историческимъ даннымъ.

голіи и изъ восточной части степи на западъ; наиболѣе густымъ конгломератомъ являются волжскіе татары и ногайцы, затѣмъ башкиры, менѣе киргизъ-казаки и еще меньше кара-киргизы; вполнѣ естественно, что между нарѣчіями этой группы существуютъ различія, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и много общаго вслѣдствіе постояннаго общенія въ продолженіе многовѣковой сосѣдней, нерѣдко совмѣстной и политически жизни. Третья («средне-азіатская») группа характеризуется примѣсью восточно-иранской крови, общей какъ для населенія Восточнаго Туркестана (имѣющаго сверхъ того тибетскія метисаціи), такъ и для Западнаго (сарты, узбеки), хотя тюркскій элементъ принадлежитъ разнымъ племенамъ: на южныхъ склонахъ восточнаго и средняго Тяньшаня—чуйскому и уйгурскому, въ Кашгаріи—карлыкскому, въ Западномъ Туркестанѣ—первоначально сагайскому, кангламъ и карлыкамъ, впослѣдствіи узбекамъ, въ составѣ которыхъ преобладали кипчаки, найманы, аргыны. Четвертую («южную») группу образовали преимущественно канглы, отчасти кипчаки, при незначительномъ участіи частей остальныхъ тюркскихъ племенъ, въ метисаціяхъ съ западными иранцами (туркмены и адербайджанскіе татары) и съ народами Арменіи, Малой Азіи и Балканскаго полуострова.

Августъ 1896 г.

Н. А. Аристовъ.

Важнѣйшія замѣченныя опечатки и погрѣшности.

Стран.	*Строки*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
291	39	монетахъ	монетныхъ
292	2	нашелъ,	нашелъ
301	29	въ 1882 году»,	въ 1881 году»,
303	40	херхизовъ	херхисовъ
310	28	въ II колѣнахъ	въ 11 колѣнахъ
312	38	Койчу	Кюйчу
323	9	подобно ему	подобно имъ
343	3	непосредственно	болѣе или менѣе непосредственно
344	24	21.844	22.044
345	12	по Фишеру,	по Миллеру,
—	31	качинскій койбальскій родъ	качинскій родъ
—	—	кн. Костровъ	Кастренъ
—	32	называетъ астынъ	называетъ также астынь
347	29	стр. 638.	стр. 638—640.
365	19	qui veut	qui vaut
372	15	толььо	только
380	35	и баймуратъ,	и баймуратъ)
385	8	ките и изъ байбулинскихъ	ките. изъ байулинскихъ
392	35	джаманъ-гирей-табійскаго	джаманъ-гирей-елкичи-табійскаго

О семейномъ положенiи крестьянской женщины въ одной изъ мѣстностей Костромской губернiи по даннымъ волостного суда.

(Изъ отчета о командировкѣ отъ Импер. Русск. Географ. Общества въ 1896 г.).

Получивъ въ маѣ мѣсяцѣ прошедшаго 1896 г. командировку отъ Импер. Русск. Геогр. Общества въ Костромскую губ. для изслѣдованiя народныхъ говоровъ и мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ ея, я предполагалъ сначала сдѣлать упомянутое изслѣдованiе исключительно живымъ путемъ,—путемъ устнаго собесѣдованiя съ крестьянами и разспросовъ о порядкахъ ихъ жизни. Съ этою цѣлью въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года я обошелъ «образомъ пѣшаго хожденiя» уѣздъ Буйскiй съ Солигаличскимъ, при чемъ на первыхъ же дняхъ своего путешествiя разочаровался, и, надо сознаться, довольно жестоко, въ своихъ предположенiяхъ и надеждахъ. Слишкомъ скоро стало яснымъ мнѣ, что русскiй мужикъ—человѣкъ во всякомъ случаѣ «себѣ на умѣ» и не такъ-то легко поддается усилiямъ перваго встрѣчнаго—заглянуть въ его душу и въ сердце: во всякомъ случаѣ не держитъ настежъ двери къ послѣднимъ, и нужно не малое время съ нимъ жить, чтобы заслужить его довѣрiе и откровенность. Очевидно мнѣ стало, что мое путешествiе, съ его необходимостiю оставаться въ извѣстной мѣстности только очень короткое время, не дастъ мнѣ почти ничего въ дѣлѣ изслѣдованiя народныхъ юридическихъ отношенiй, почему я поневолѣ и принужденъ былъ во время его почти совсѣмъ отложить о нихъ попеченiе, стараясь обратить преимущественно вниманiе на первую задачу моей командировки—народные говоры. Долженъ однако же сознаться, что и здѣсь дѣло не обошлось безъ нѣкотораго крушенiя первоначальныхъ предположенiй. Я думалъ сначала производить это изслѣдованiе такимъ путемъ, чтобы можно было, такъ сказать, убить заразъ двухъ зайцевъ, т. е. записывать явленiя языка въ памятникахъ народнаго творчества,—пѣсняхъ, сказкахъ и под. Къ сожалѣнiю, это оказалось невыполнимымъ; когда я пробовалъ намекать мужику на настоящую цѣль моихъ странствованiй и предлагалъ ему,—за извѣстное, конечно, вознагражденiе,—оказать мнѣ услугу сообщенiемъ старинныхъ пѣсней и под., благодушный доселѣ разговоръ его со мною сейчасъ же измѣнялъ свой тонъ: неспособный понять въ этомъ дѣлѣ чисто научной его стороны, мужикъ, не видя и не понимая его истинной

цѣли, сразу же заключалъ къ чему-то скрытому и враждебному для себя и сразу же становился на-сторожу: — «Записывать пѣсни,—я скажу тебѣ прямо, мудрёное дѣло,—таковъ мнѣ давали отвѣтъ;—потому, дескать, у насъ найдется всякаго народа,—это надо прямо говорить»...—Разумѣется, послѣ такого внушительнаго «иже чтетъ, да разумѣетъ» мнѣ не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ оставить всякую попытку къ открытому собиранію діалектологическихъ данныхъ и производить это собираніе незамѣтнымъ путемъ, прислушиваясь къ произношенію народному лишь въ обыкновенныхъ разговорахъ. А чтобы не осталась въ совершенномъ пренебреженіи и вторая часть моей задачи, я предполагалъ ознакомиться съ народными юридическими обычаями другого рода путемъ: выбрать нѣсколько наиболѣе типическихъ мѣстностей губерніи и по окончаніи пѣшеходнаго путешествія, ознакомиться съ книгами волостныхъ судовъ этихъ мѣстностей. При такомъ образѣ дѣла я не только не рисковалъ уронить въ глазахъ мужика и себя и занятіе свое, но, напротивъ, думалъ дать послѣднему необходимую точку опоры: во мнѣ, — думалъ я, — стали видѣть бы тогда не подозрительнаго субъекта выслѣживающаго интимныя стороны народной жизни, а человѣка, имѣющаго опредѣленное дѣло и совершенно естественно обращающагося иногда къ свѣдущимъ людямъ за устными разъясненіями о мѣстныхъ обычаяхъ и порядкахъ, отразившихся въ судебныхъ разбирательствахъ. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности затратить на свои путешествія что-либо лишнее сверхъ даннаго мнѣ Обществомъ денежнаго пособія, и потому, окончивъ обходъ Солигаличскаго и Буйскаго уѣздовъ, могъ уже побывать въ очень немногихъ пунктахъ губерніи: я разсмотрѣлъ книги рѣшеній волостныхъ судовъ только въ двухъ волостяхъ,—въ Письменской волости Буйскаго уѣзда и въ Холмовской вол. Галичскаго уѣзда; но чтобы вознаградить хотя отчасти эту вынужденную ограниченность наблюденій, я изслѣдовалъ судебныя рѣшенія означенныхъ волостей за все время существованія волостного суда, т. е. за 35-лѣтіе съ 1861 по 1895 годъ, и такимъ образомъ имѣю возможность составить себѣ представленіе,—правда, очень неполное,—о судебно-правовыхъ явленіяхъ народной жизни этихъ волостей за довольно длинный промежутокъ времени. А такъ какъ та и другая волости могутъ служить типическими представителями болѣе обширной и совершенно однородной по свойствамъ населенія мѣстности,—первая всего юго-запада Буйскаго у. съ волостями—Боровской, Домнинской, Контѣевской и Ильинской на Шачѣ, а вторая—юго-запада же уѣзда Галичскаго, съ волостями Костомской, Дурцовской и Яхнобольской,—то я и рѣшаюсь въ настоящій разъ предложить нѣсколько замѣчаній о семейно-правовомъ положеніи крестьянской женщины, какъ оно представляется по даннымъ судебныхъ разбирательствъ Пись-

менской и Холмовской волостей за минувшее 35-лѣтіе свободной крестьянской жизни. Напередъ оговариваюсь при этомъ, что замѣчанія мои, по самому уже характеру данныхъ, служащихъ ихъ основаніемъ, должны быть неполны и неточны и ни въ какомъ случаѣ не изъявляютъ претензіи на всестороннее изображеніе «женскаго вопроса» въ указанномъ его объемѣ и территоріи.

По составу своего населенія волости Письменская и Холмовская различаются между собою довольно рѣзко. Въ первой изъ нихъ живетъ, еще почти поголовно, тотъ самый былинный русскій богатырь, котораго любитъ мать-сыра̀ земля и который самъ ее любитъ и идетъ на чужую сторону,—съ топоромъ или пилой, только тогда, когда ему дома нечего дѣлать, да и самая эта «чужа̀ дальняя сторонка», у него простирается много-много на 50—70 верстъ,—« въ городу̀» и «подъ городомъ», т. е. въ Костромѣ и около нея и въ Любимскомъ уѣздѣ Ярославск. губ.,—въ такъ называемомъ здѣсь «Залюбимѣ». Во второй, напротивъ, большая часть мужского населенія, лѣтомъ, а нѣкоторые и по цѣлымъ годамъ, живутъ въ Петербургѣ;—естественно, что это обстоятельство должно было сказаться нѣкоторой разницей и въ положеніи женщины въ той и другой волостяхъ: тогда какъ въ первой изъ нихъ хозяиномъ домашняго, деревенскаго обихода всегда былъ и бываетъ крестьянинъ, мужикъ, во второй женщина силою вещей является въ нѣкоторые мѣсяцы года подавляющимъ элементомъ волости и наполняющимъ ея жизнь, не говоря уже о жизни исключительно домашней, гдѣ хозяйкѣ дома принадлежитъ власть, невѣдомая въ мѣстности съ лишь земледѣльческимъ населеніемъ. Поэтому, напр., тогда какъ въ Письм. судѣ за все его 35-лѣтіе на общее количество судебныхъ разбирательствъ въ цифрѣ 1562 приходится 263 дѣла, гдѣ женщина является истцомъ или отвѣтчикомъ, пострадавшей или обвиняемой стороной, т. е. женскія дѣла составляютъ тамъ около 17% (16,837%) общаго числа ихъ, въ Холмовской волости этихъ дѣлъ можно насчитать не менѣе 300 на 1194, т. е. никакъ не менѣе 25% общаго количества. Но все-таки это различіе въ состояніи женщины описываемыхъ волостей, касается не столько сущности юридическихъ отношеній, сколько ихъ распространенности, правовое же положеніе женщины вообще, какъ по крайней мѣрѣ представляется оно по судебно-волостнымъ фактамъ, въ той и другой волости имѣетъ весьма много общаго,—болѣе общаго и одинаковаго, чѣмъ частнаго и различнаго. И мнѣ представляется между прочимъ, что тамъ и здѣсь крестьянская женщина вовсе ужъ не такая раба мужа и мужчины вообще, какъ объ этомъ часто говорятъ и думаютъ; что, напротивъ, она стоитъ въ обычномъ правѣ нашемъ, поскольку послѣднее отражается на волостномъ судѣ, иногда съ такою самостоятельностію и съ такими правами, до которыхъ

еще довольно далеко ея сестрѣ, интеллигентной женщинѣ или, вѣрнѣе, женщинѣ привилегированныхъ классовъ.

Частнѣе, относительно именно семейнаго состоянія простонародной женщины, отразились въ волостномъ судѣ слѣдующія явленія крестьянской жизни:

При выдачѣ замужъ дѣвицы, при выборѣ жениха ей, до сихъ еще, конечно, поръ главными соображеніями является родительскіе разсчеты хозяйственнаго характера, но тѣмъ не менѣе иногда уже проскальзываютъ здѣсь и факты другого порядка, показывающіе, что и личность дѣвушки-невѣсты не совсѣмъ подавляется тутъ, что ея голосъ принимается иногда во вниманіе. Такъ, въ 1887 г. (22 янв.) крестьянинъ деревни Копытова Боровской вол. жаловался въ Письменскомъ судѣ на крестьян. д. Малаго Куданова, Захара Конст.: дочь его онъ засваталъ за сына и получилъ отказъ уже послѣ богомолья; на судѣ и выяснилось между прочимъ, что отказъ послѣдовалъ именно изъ-за того, что невѣстѣ не понравился женихъ. Правда, судъ взглянулъ на дѣло здѣсь еще съ старозавѣтной точки зрѣнія и присудилъ истцу, кромѣ 3 рублей предсвадебныхъ издержекъ, 3 рубля же за «безчестье», т. е. поставилъ женщину настолько ниже мужчины, что ея отказъ отъ брака съ нимъ, мотивированный только ея личнымъ чувствомъ, наноситъ жениху что-то въ родѣ тяжелаго оскорбленія; но уже въ 1893 и 1894 г. г. являются три подобныхъ же иска, гдѣ не только судъ, но и сами истцы не рѣшаются даже упоминать о безчестьѣ, нанесенномъ отказомъ сосватанной невѣстѣ, а говорятъ исключительно объ убыткахъ, причиненныхъ свадебными приготовленіями и взаимными угощеніями. Холмовской же волостн. судъ еще въ 1870 г. (11 янв.) на просьбу крестьянина д. Чернѣева, Логина Артамон., о возмѣщеніи безчестія, происшедшаго отъ отказа невѣсты сыну его послѣ богомолья, постановилъ считать этотъ искъ неосновательнымъ, такъ какъ истецъ-де не объясняетъ, какой именно ущербъ онъ потерпѣлъ въ матеріальномъ отношеніи.

Въ брачномъ затѣмъ состояніи жена должна заботиться объ общемъ супружескомъ хозяйствѣ и помогать мужу въ работахъ по дому;—это такъ естественно, что жалоба на противоположное явленіе встрѣчается въ Письменской вол. всего одинъ разъ, когда 2 февр. 1879 г. кр. д. Фатьянова, Михайло Кирил., обвинялъ свою жену въ нерадѣніи къ хозяйству и въ любовной связи съ кр. д. Романовскаго, Өедоромъ Васильев.; судъ отклонилъ отъ себя вопросъ о любовной связи, признавъ его подлежащимъ компетенціи общихъ судебныхъ учрежденій, но за нерачительность къ дому приговорилъ нерадивую жену къ 6-ти дневному аресту, такъ же какъ и друга ея, вѣроятно за соблазнъ и содѣйствіе ей, лишивъ его, кромѣ того, еще и права

жительства въ Фатьяновскомъ обществѣ.—Но обязанная бракомъ къ пріобрѣтенію и увеличенію общаго супружескаго имущества женщина тѣмъ не менѣе только помощница въ этомъ отношеніи мужа и не имѣетъ права и обычая распоряжаться имѣніемъ помимо супруга: противоположный status quo признанъ былъ только Холмовскимъ судомъ, и то одинъ разъ, въ 1890 г. (15 іюл.), когда показаніе неисправнаго должника объ уплатѣ имъ долга было постановлено считать «за уклончивость, такъ какъ хозяйство его управлялось прежде и нынѣ управляется болѣе женою, коей всѣ платежи и расходы извѣстны». Зато въ той же волости нѣтъ недостатка въ примѣрахъ другого характера: въ 1875 г. (26 окт.) напр. мужъ не отдалъ $1^1/_2$ саж. дровъ, проданныхъ его женой, и стоимость ихъ была взыскана съ продавщицы, а не съ него; въ 1886 г. (8 апр.) раздѣлъ общаго двумъ братьямъ овина былъ остановленъ судомъ до прибытія одного изъ нихъ, бывшаго въ отсутствіи,—жена его была сочтена неправоспособной на это; въ 1891 г. (1 дек.) по представленію Митинскаго старосты была арестована на 7 дней крестьянка, расточившая имѣніе въ отсутствіе мужа, а въ 1893 г. (31 янв.) жена, по жалобѣ мужа, обязана была возвратить ему увезенныя ею къ матери вещи его.— Въ соотвѣтствіе же этому, и жена съ своей стороны за обязательства мужа не отвѣчаетъ собственнымъ имуществомъ, такъ что, когда въ Письменск. волости д. Дору Шабалина кр. Александра Лазар. въ 1883 г. (17 іюл.) жаловалась на свекра за неотдачу имъ ея имѣнія, послѣдній же отказывался сдѣлать это «до тѣхъ поръ, пока мужъ ея, а его сынъ, Никаноръ Ив., не возратитъ одежи, заведенной имъ на него», судъ призналъ неуважительною эту отговорку и обязалъ возвратить захваченныя вещи снохи.

Въ вознагражденіе за работу въ общемъ хозяйствѣ, жена отъ мужа имѣетъ право требовать того, чтобы онъ прежде всего не лишалъ ее средствъ и возможности пропитанія, затѣмъ не расточалъ семейнаго имущества и обращался съ нею по человѣчески, не подвергая побоямъ и истязаніямъ и предоставляя ей ея женскую долю въ распоряженіи общимъ хозяйствомъ. Письменскій судъ, напр., въ 1884 г. (30 апр.) постановилъ отдать въ пользованіе кр. д. Дудорова Аксиньѣ Васильев. надѣльную землю изъ одной души, которую ея мужъ сдалъ-было «однодеревеннымъ крестьянамъ, оставляя ее безъ пропитанія съ двумя малолѣтними дѣтьми», а въ 1882 г. (19 сент.) этотъ же судъ назначилъ даже 20 розогъ мужу крестьянки д. Рожнова Александры Никит. по жалобѣ ея, за расточеніе имущества. Но разстройство мужемъ семейнаго хозяйства встрѣчается въ Письмен. вол. вообще какъ очень рѣдкое исключеніе и потому ничтожность дѣлъ такого рода въ практикѣ волостного суда—вполнѣ естественная вещь. Не такъ съ побоями женѣ отъ мужа: какъ

мнѣ извѣстно по личному наблюденію, это печальное явленіе въ Письмен. волости, къ стыду «сильной половины» составляющаго ее человѣчества, — вещь совсѣмъ заурядная, въ нѣкоторыхъ-же деревняхъ и семьяхъ даже чуть не обыденная; между тѣмъ за цѣлыя 35 лѣтъ оказались тамъ только двѣ рѣшительныя женщины, которыя нашли въ себѣ мужество «прати противу рожна» и пожаловались на своеобразныя выраженія супружеской ласки суду: въ 1873 г. получилъ за это 5 розогъ кр. д. Мал. Куданова, Гаврило Андр., и въ 1894 г. кр. д. Жукова, Никаноръ Ив. Сарычевъ арестованъ на 7 дней, такъ какъ по свидѣтельскимъ показаніямъ поводъ къ избіенію былъ данъ самой его женой.—Холмовская волость въ этомъ отношеніи представляетъ несравненно болѣе утѣшительное явленіе: не смотря на то, что большая часть мужей не живетъ тамъ дома по цѣлымъ мѣсяцамъ и слѣдовательно не имѣетъ возможности въ значительный періодъ времени учить своихъ супругъ «уму-разуму» даже и при добромъ желаніи къ тому, дѣлъ о побояхъ женамъ за 35 лѣтъ было возбуждено тамъ 9, изъ коихъ одно (1877 г.) оставлено безъ послѣдствій какъ недоказанное, одно (1894 г.) окончилось примиреніемъ на судѣ, въ семи же остальныхъ случаяхъ любители домостроевскаго способа «укрощенія строптивыхъ» получили «мзду» по роду своему: 29 янв. 1882 г. одинъ такой любитель, напр., обязанъ былъ судомъ содержать свою жену «прилично»; 22 авг. того же года, другой глава своей жены получилъ 15 розогъ, такъ какъ судъ припомнилъ, что онъ уже судился съ женой неоднократно «вмѣсто того, чтобы давать добрый примѣръ своимъ дѣтямъ»; 8 янв. 1885 г. отставной рядовой былъ оштрафованъ на 3 руб.; 25 февр. 1887 г. жестокій мужъ получилъ 20 розогъ; 3 мар. 1889 г.—15 розогъ же, и даже не по жалобѣ жены, а по представленію сельскаго старосты и десятскаго; 27 мар. 1890 г.—арестованъ на 3 дня; и, наконецъ, 20 января 1895 г. волостной судъ присудилъ мужа къ постоянной выдачѣ опредѣленнаго количества хлѣба на содержаніе терпѣвшей отъ него непрерывные побои и, очевидно, убѣжавшей наконецъ отъ прелестей семейнаго «очага» въ чужіе люди женѣ съ двухлѣтнимъ сыномъ. Тотъ же самый Холмовской вол. судъ представляетъ намъ, — правда, всего только одинъ, — случай супружескихъ отношеній и еще болѣе утѣшительный съ точки зрѣнія морали «око за око»; именно, 10 Апр. 1897 г. онъ наказалъ двухдневнымъ арестомъ жену, по жалобѣ мужа, за оскорбленіе дѣйствіемъ его,—хозяина и главы... Здѣсь же наконецъ 20 ноябр. 1889 г. жена жаловалась, что ея мужъ подъ вліяніемъ снохи не даетъ ей распоряжаться въ домѣ,—конечно, въ чисто женскихъ дѣлахъ,—и судъ постановилъ, водворивъ жалобщицу въ домѣ мужа, обязать послѣдняго давать ей содержаніе и «обращаться благосклонно».

Нарушеніе женою чисто супружескихъ обязанностей къ мужу, не сопровождаемое при этомъ открытымъ расходомъ супруговъ, не доходитъ до суда почти никогда и разсматривается заинтересованными сторонами какъ дѣло чисто домашнее и семейное: въ Холмовской, напр., волости подобнаго рода судебныхъ разбирательствъ совсѣмъ не бывало, а въ Письменской—только одинъ случай, уже выше помянутый, и то отклоненный судомъ, какъ подлежащій не его компетенціи, а общихъ судебныхъ установленій. За то жалобы мужей на самовольный уходъ изъ дому женъ встрѣчаются въ той и другой волости въ одинаковомъ количествѣ—въ семи случаяхъ. Въ Письменской вол. еще въ 1871 г. (26 іюл.) крестьянка Мал. Куданова была за это наказана 7-дневнымъ арестомъ; въ 1874 г. (24 янв.) другой непокорной женѣ изъ той же деревни судъ внушалъ, что супруги «на основаніи общихъ законовъ и обычаевъ крестьянъ должны жить совокупно, вмѣстѣ»; въ 1881 г. (9 мар.) жена была обязана жить совмѣстно съ мужемъ и наказана за уходъ отъ него 6-дневнымъ арестомъ; побои мужа въ томъ же году, но въ другомъ уже случаѣ (23 авг.), были признаны неуважительной причиной къ расходу и тоже дополнены 6-дневнымъ арестомъ; въ 1883 г. (28 сент.) недостаточнымъ основаніемъ къ прекращенію супружеской жизни послужило и такое своеобразное оправданіе жены, какъ то, что съ мужемъ ей «нечѣмъ жить», и она была подвергнута 7-дневному аресту, въ 1884 г. непокорная жена отдѣлалась уже только 4-мя днями ареста, а въ 1889 г., когда д. Ульянова Степанида Кузьм. жаловалась на мужа за изгнаніе изъ дому безъ выдѣленія части имѣнія и на судѣ выяснилось, что она ушла самовольно, послѣдній просто на просто помирился съ совершившимся фактомъ и не взялъ на себя иниціативы наказанія.—Въ Холмовской волости обычай и судъ смотрятъ на такіе проступки женъ еще человѣчнѣе, и наказанія за нихъ налагаютъ поэтому нѣсколько меньшія: 7-дневнымъ арестомъ была наказана тамъ только одна женщина, въ 1895 г. (3 фев.); 6-дневный арестъ является въ трехъ случаяхъ: въ 1866 г.—усложненный, впрочемъ, общественными работами; въ 1879 г.—съ прибавленіемъ внушенія мужу, жена котораго ушла за побои и ревность, содержать ее впередъ «прилично», и въ 1882 г.—за самовольное поступленіе жены въ работницы къ чужому человѣку. Въ 1887 г. жена за нежеланіе жить вмѣстѣ съ мужемъ арестована была только уже на 3 дня, за то и мужъ, наносившій ей побои, получилъ 20 розогъ; наконецъ, въ 1892 г. при подобныхъ же обстоятельствахъ жена заплатила только 50 к. штрафа, тогда какъ мужъ выдержанъ 7 дней подъ арестомъ.—Въ случаяхъ же, противоположныхъ предъидущимъ, т. е. когда мужъ оставляетъ жену и уходитъ изъ дому, трудно, конечно, ожидать отъ женщины такого неблаго-

разумія, чтобы она не только не радовалась удаленію этого, очевидно неспокойнаго и негоднаго въ супружеской жизни элемента, но еще и домогалась бы судомъ водворенія его на жительство, къ собственной ея печали и невыгодѣ. Такихъ дѣлъ дѣйствительно нѣтъ ни въ томъ ни въ другомъ изъ разсматриваемыхъ нами крестьянскихъ судовъ; только въ Письменской волости крестьянка д. Сирина, Анисья Өедор., 13 авг. 1878 г. жаловалась на мужа, но не за то, что онъ ушелъ отъ нея, а за то, что выгналъ самоё ее изъ дому и не даетъ содержанія; судъ весьма благоразумно постановилъ тогда взыскать съ мужа по 1 руб. ежемѣсячно на содержаніе жены, а за побои ей дать ему особо 20 розогъ.—Совершенно особнякомъ, наконецъ, стоитъ въ той же Письмен. вол. еще одно рѣшеніе суда, касающееся взаимныхъ отношеній и обязательствъ супруговъ: въ 1880 г. 11 фев. судъ выслушалъ «отзывы крестьянки д. Карповской, Анны Макс. Терпѣловой, и ея дочерей Марьи и Екатерины Ивановыхъ о нежеланіи ихъ слѣдовать въ Сибирь на водвореніе» съ сосланнымъ туда мужемъ первой и отцемъ вторыхъ и нашелъ это нежеланіе «по объясненной въ отзывахъ причинѣ»,—жестокому, дурному обращенію и пьянству мужа,—заслуживающимъ уваженія.

Расходу мужа и жены, или, точнѣе, уходу послѣдней отъ перваго, содѣйствуетъ, въ особенности на первыхъ годахъ ихъ супружеской жизни, то благодѣтельное въ этомъ отношеніи народное воззрѣніе на приносимое женою вещное имущество, по которому оно считается личною ея собственностью и слѣдовательно можетъ быть по праву взято ею отъ мужа при уходѣ изъ дому его. На это женское имущество не посягаетъ безнаказанно никто изъ семейства, въ которое входитъ при замужествѣ жена, такъ что въ Письменской вол., напр., въ 1883 г. (14 фев.), когда солдатка д. Дудорова Ольга Еф. Буйлова, пожаловалась на свекра, заложившаго ея пальто, то хотя послѣдній и говорилъ, что онъ это сдѣлалъ «считая пальто своею собственностью», такъ какъ всѣ матеріалы для него куплены имъ на свой счетъ передъ бракомъ его сына на истицѣ вмѣсто вывода за нее, тѣмъ не менѣе судъ призналъ возможнымъ удовлетворить солдатку Буйлову и возвратить ея одежду. Подобнымъ же образомъ въ 1893 г. (7 апр.) крестьянка д. Кринокъ, Марья Ив., просила исключить изъ описи имѣнія ея свекра, произведенной по личному обязательству послѣдняго, ея собственное имущество, принесенное въ приданое по рядной записи, и если судъ не исполнилъ ея просьбы, то лишь потому, что всѣ крестьяне д. Кринокъ удостовѣрили, будто спорныя вещи нажиты свекромъ. Точно также и въ Холмовской волости въ 1885 г. (4 Авг.) встрѣчается случай, когда сноха вытребовала отъ свекра поддевку, ей принадлежащую и имъ задержанную, а въ Письменскомъ судѣ есть

два дѣла, изъ которыхъ видно, что женина «собина» по смерти бездѣтной ея обладательницы переходитъ не къ мужу—вдовцу, а въ родное семейство покойной: въ 1889 г. (30 янв.) крестьянинъ д. Цыколева, Сергѣй Алексѣевъ только потому и уклонился отъ необходимости возвратить тестю шубу своей умершей послѣ трехлѣтней съ нимъ жизни жены, что сослался на издержки при ея погребеніи, крестьянка же д. Андреяновскаго, Авдотья Андреян., въ 1895 г. (23 мая) вытребовала съ зятя всѣ вещи, которыя, умирая, оставила ея дочь.

. Въ этомъ, такимъ образомъ, отношеніи крестьянская женщина стоитъ въ положеніи болѣе привилегированномъ, нежели мужчина, такъ какъ послѣ смерти послѣдняго все его имущество безъ различія того, однимъ-ли имъ или въ совокупности съ женой оно было нажито, поступаетъ въ извѣстной части и на долю вдовы. Изъ 20 случаевъ этого рода, бывшихъ въ Письменскомъ судѣ, въ 3-хъ случаяхъ вдовы,—вѣроятно бездѣтныя,—просто просили и получали себѣ часть имѣнія «законную», опредѣленную общими установленіями, въ 3-хъ же другихъ онѣ вступали во владѣніе всѣмъ имуществомъ покойниковъ мужей,—вѣроятно нераздѣльно съ малолѣтними дѣтьми,—и при этомъ принимали на себя по рѣшенію суда какъ иски къ нимъ,—по обязательствамъ умершихъ мужей, такъ и сами предъявляли претензіи къ дебиторамъ послѣднихъ. Жена-вдова по воззрѣнію суда имѣетъ даже преимущественное право на покупку вещей послѣ мужа, доставшихся по наслѣдству не ей, а кому либо другому; такъ, въ 1877 г. крестьянка д. Мартьянова, Парасковья Мих., просила заставить свекровь продать полученный той по раздѣлу сыновняго хозяйства—наслѣдства амбаръ не въ чужія руки, а въ ея—просительницы, что и было исполнено. Овдовѣвшая жена имѣетъ даже право получить свою долю изъ имущества мужа, хотя бы свекоръ и не желалъ раздѣла съ ней: въ 1884 г., напр., крестьянка д. Глазова, Александра Макарова, съ 2-мя дѣтьми добилась этого, не смотря на то, что, по словамъ свекра, «онъ ее изъ дому не гонитъ и желаетъ прокормить ее у себя». Въ двухъ другихъ случаяхъ вдовы точно также прибѣгали къ содѣйствію судебной власти, чтобы заставить свекровъ исполнять условія ихъ семейнаго раздѣла, а въ 1892 г. сноха, вышедшая уже замужъ за другого человѣка, отстояла притязаніе къ имѣнію ея перваго мужа, оставшемуся послѣ смерти перваго же свёкра ея, предъявленное со стороны племянника и внучки послѣдняго: судъ отклонилъ это притязаніе потому, что, какъ показывалъ сельскій староста д. Больш., Фролова, отвѣтчица со вторымъ своимъ мужемъ кормила свёкра и свекровь и похоронила ихъ и что по «обычному праву мѣстности» она именно и должна наслѣдовать спорному имуществу. Изъ че-

тырехъ затѣмъ дѣлъ о наслѣдствѣ, возникавшихъ между вдовою и братьями мужа ея, части той и другой стороны опредѣлены только въ двухъ случаяхъ: въ 1881 г. (18 окт.) на долю вдовы пришлось изъ имущества мужа на 7 р. 50 к., двумъ же братьямъ по 4 р. 50 коп. каждому, и въ 1883 г. (17 февр.) д. Дудорова крестьянинъ Сергѣй Яковлевъ предъявлялъ къ Марьѣ Григорьев. искъ въ половинѣ имѣнія, находившагося въ безраздѣльномъ владѣніи его и умершаго брата его; къ сожалѣнію, ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ не извѣстно, имѣли-ли вдовы дѣтей, или не имѣли. Вдова съ сыномъ и дочерью въ 1884 г. (10 дек.) жаловалась на свекровь, что та ее выгоняетъ изъ дому безъ всякой части изъ имущества мужа, не смотря на то, что она прожила тамъ цѣлые 12 лѣтъ;—судъ постановилъ выдѣлить ей пятую часть мужняго имѣнія.—Въ спорахъ о наслѣдствѣ между вдовою и дѣтьми ея мужа есть одно дѣло падчерицы съ мачехой, но части той и другой неизвѣстны. Затѣмъ, въ 1887 г. (5 іюл.) вдова и пасынокъ ея получили по половинѣ спорнаго имѣнія; въ 1883 г. (21 мар.) вдова съ роднымъ своимъ сыномъ произвела семейный, частный раздѣлъ, по которому она получила четвертую долю имущества; и, наконецъ, въ 1895 г. д. Больш. Куданова вдова Авдотья Ефим. просила судъ заставить ея зятя и дочь выдѣлить ей часть изъ имѣнія ея покойнаго мужа, который при пріемѣ зятя въ домъ подписалъ подъ него все свое хозяйство, послѣдній же не хочетъ теперь кормить свою тещу;—она получила половину имущества.—Въ Холмовской волости, изъ 19-ти дѣлъ о наслѣдствѣ женою послѣ мужа, въ двухъ она, бездѣтная, требуетъ и получаетъ общезаконную долю, въ трехъ въ качествѣ наслѣдницы платитъ долги мужа, въ двухъ получаетъ ихъ, и въ одномъ—проситъ о вводѣ во владѣніе частью завѣщаннаго имущества по формальному акту. Далѣе: въ д. Иваньковѣ послѣ смерти кр. Ивана Кузьм. остался малолѣтній сынъ со вдовою; сына взяла къ себѣ тетка Кузьмина со всѣмъ имуществомъ отца, но когда вдова вышла замужъ вторично, она получила себѣ и сына и все его имѣніе (1874 г.). Въ другомъ случаѣ между матерью и сыномъ былъ произведенъ раздѣлъ на сельскомъ сходѣ, и въ третьемъ—мать, не получавшая отъ сына изъ столицы денегъ на прокормленіе, хотя и просила выдѣлить ей законную часть изъ имущества умершаго мужа, однако получила отказъ до прибытія сына въ деревню (1880 г.). 29 апр. 1880 г. вдова просила судъ вытребовать отъ зятя ея имущество, отказанное ей ея мужемъ по духовному завѣщанію; зять не соглашался изъ боязни, что, уйдя отъ него со своей долей, теща, проживши имѣніе, опять придетъ къ нему на прокормленіе, и судъ, соглашаясь съ нимъ, постановилъ: «предоставить просительницѣ право обратиться по сему дѣлу къ обществу

своему, которое если возьмется пропитывать ее при старости, то предоставить ей право получить имущество отъ зятя»,—рѣшеніе, какъ видимъ, противоположное тому, которое вынесъ Письменскій судъ по аналогичному дѣлу.— Доли наслѣдственнаго имущества между вдовою и дѣтьми ея мужа распредѣлялись въ Холмовскомъ судѣ всегда по общимъ законамъ; относительно же опредѣленія права ея на имѣніе мужа при существованіи сестры послѣдняго былъ въ 1882 г. (2 мая) такой случай: крестьянинъ умеръ, оставивъ въ домѣ: жену съ двумя малолѣтними дочками, мать и глухонѣмую сестру; вскорѣ сюда же перешла на жительство другая сестра покойнаго—вдова съ сыномъ; съ теченіемъ времени мать умерла, дочери вышли замужъ, племянникъ женился и мать послѣдняго не стала давать женѣ покойнаго ни жить въ домѣ мужа ея, ни части изъ его имущества; судъ тогда, по жалобѣ вдовы, произвелъ оцѣнку хозяйства и раздѣлилъ его по равной части между нею и глухонѣмою сестрою ея мужа, а племяннику далъ лошадь.—Усадебную осѣдлость послѣ умершаго крестьянина Холмовской вол. судъ также признаетъ владѣніемъ его жены: такъ, когда въ д. Андрейковѣ вдова Васильева уступила усадебное строеніе односельчанину Кербатову, дозволивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать пристройки, сосѣди же не давали того, судъ рѣшилъ, что сельскій сходъ въ данномъ случаѣ преступилъ свои полномочія, такъ какъ усадебная земля —потомственное владѣніе домохозяина. Насколько широко простираются въ этомъ отношеніи права вдовы, видно изъ того, что тотъ же судъ въ 1887 г. (11 янв.) предоставилъ крестьянкѣ д. Пашутина, также въ противорѣчіе съ желаніемъ сельскаго схода, два надѣла усадебной осѣдлости послѣ перваго мужа ея.

Взаимныя, вызываемыя необходимостью совмѣстной жизни, отношенія между свёкромъ, свекровью и снохою составляютъ, какъ извѣстно, одно изъ самыхъ больныхъ и печальныхъ явленій русскаго крестьянскаго быта, и даже,—говорятъ,— русскаго спеціально. Не представляютъ въ этомъ отношеніи «урода въ семьѣ» и разматриваемыя нами волости: и здѣсь грѣха и горя больше, чѣмъ достаточно, и трудно, конечно, опредѣлить, которой именно мѣстности слѣдуетъ отдать тутъ пальму первенства,—обѣ лучше. Нѣсколько бо́льшая, однако, общая приниженность женщины Письменской волости предъ Холмовскою отразилась и въ данномъ случаѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что число случаевъ, когда страдающая сторона, не вытерпѣвъ мукъ домашняго ада, обращается къ суду, выворачивая на общественный позоръ семейную грязь, въ Галичскомъ уѣздѣ, съ его порядочно-таки разбитною и бойкою женщиною, гораздо больше, чѣмъ въ Буйскомъ, гдѣ стыдливость и скромность заставляютъ молодую сноху,—иногда чистую мученицу,—лучше терпѣть, или же сражаться тѣмъ

оружіемъ, какимъ поражаютъ ее, чѣмъ идти и поискать правды у общественной совѣсти. Поэтому въ Письменской волости къ суду иногда обращались и обращаются только старики,—свёкоръ и свекровь,—жалуясь на притѣсненія снохи, вспоминающей на нихъ молодые годы свои и ласковость «богоданныхъ» родителей, да и то обращаются очень не часто, потому что гдѣ же старому человѣку таскаться по судамъ, т. е. по народному воззрѣнію грѣшить, когда уже время отмаливать молодые грѣхи?! Оттого здѣсь въ 35 лѣтъ только два свёкра,—въ 1889 и въ 1894 гг.,—жаловались на снохъ, и то вмѣстѣ съ ними и на сыновей, одинъ—за дурное обращеніе съ нимъ, а другой за словесное оскорбленіе; сынъ получилъ въ первомъ случаѣ 10 розогъ, сноха—6 дней ареста; второе же дѣло оказалось бездоказательнымъ. Прибитая снохою свекровь является на судъ тоже всего только разъ,—29 ноября 1892 г.,—но и она прощаетъ своей досадительницѣ. А насколько тяжела бываетъ доля молодой жены въ большомъ семействѣ, въ Холмовской волости одна, должно быть рѣшительная, женщина д. Жарковъ еще въ 1868 г. (14 янв.) выразила слѣдующимъ энергичнымъ образомъ: обвиняемая свёкромъ и свекровью за подстрекательство мужа къ раздѣлу съ родителями и наказанная за это 7-дневнымъ арестомъ (мужъ получилъ 20 розогъ), она прямо и открыто заявила на судѣ, что «дѣлаютъ ей свекоръ и свекровь притѣсненія во всемъ и хоть склоняйте и не склоняйте насъ вмѣстѣ въ одномъ домѣ жить, я не согласна быть въ повиновеніи у свекра и свекрови, и хоть изрубите въ мелкіе кусья, не согласна жить вмѣстѣ». Поэтому тамъ еще въ 1882 г. (22 авг.), когда сноха, жалуясь на притѣсненія свекрови, просила на судѣ отдѣлить ее и мужа отъ родителей того, судебная власть посмотрѣла на нее настолько снисходительно, что хотя и обязала жить вмѣстѣ со свекромъ и свекровью, однако перваго оштрафовала на 1 рубль, а послѣднюю приговорила къ 6-дневнымъ общественнымъ работамъ. Затѣмъ въ 1892 г. (12 янв.) свекоръ выгналъ изъ дому сноху съ частью одного лишь хлѣба только за то, что сынъ его прислалъ изъ Петербурга денегъ въ уплату повинностей прямо старостѣ, а не ему;—судъ, по жалобѣ старосты, взыскалъ подати съ ихъ общаго имущества и постановилъ считать сына не отдѣленнымъ отъ дому отца. Еще ранѣе, въ 1890 г. жестокіе родители не давали пропитанія ни сыну ни снохѣ, что послѣднюю привело до крайности собирать Христа-ради; отецъ за это былъ подвергнутъ строгому аресту на 7 дней, мать же на 10 дней.—Жалоба обоихъ родителей,—свекра и свекрови,—на притѣсненія со стороны снохи встрѣчается въ Холмовской волости только одинъ разъ—1890 г. 27 окт.,—и то бездоказательная, но зато нѣтъ недостатка въ фактахъ, характеризующихъ частныя, единичныя отношенія свекра

и снохи съ одной стороны и снохи съ свекровью—съ другой. Въ первомъ отношеніи въ постановленіяхъ суда, въ особенности вскорѣ послѣ выхода крестьянъ изъ господской опеки, проглядываетъ еще сильная тенденція къ необходимости строгаго подчиненія снохи свекру и отеческой попечительности послѣдняго надъ первою: такъ, въ 1861 г. въ с. Холму ссорились между собою двѣ невѣстки-вдовы, жившія вмѣстѣ со свёкромъ, и одна—«женка Иванова», — указывая на то, что другая, — «женка Яковлева»,—имѣетъ 16-лѣтняго сына, на котораго можетъ получить слѣдующую ему изо всей домашней собственности часть, просила волостной судъ «женку Яковлеву отъ напраснаго всегда ругательства остановить и не благоугодно-ли будетъ ее отдѣлить». Судъ постановилъ тогда справиться, изъ-за чего именно происходитъ ссора у нихъ, и если жалоба окажется справедливою, внушить Яковлевой впередъ не дѣлать обиды невѣсткѣ, а «какъ волостному суду,—прибавляетъ онъ,—извѣстно, что съ вышеозначенными женщинами проживаетъ вмѣстѣ еще свекоръ ихъ, то велѣть ему, чтобы и онъ не дозволялъ Яковлевой напрасно ругать другую сноху его». Октября 1-го того же года крестьянка д. Деревенекъ жаловалась на свекра за то, будто онъ не даетъ ей достаточной одежды; когда жалоба оказалась недоказанной, судъ велѣлъ снохѣ испросить прощеніе у свекра и на будующее время не приходить съ напрасными пенями. Насколько вообще неодобрительно смотрѣло тогда волостное судебное начальство на претензіи снохъ, показываетъ дѣло 22 окт. того же 1861 г., возбужденное крестьяниномъ д. Деревенекъ, Лукояномъ Егор., по поводу недачи свекромъ его дочери-вдовѣ никакой части имущества, оставшагося послѣ мужа ея, и вообще по поводу притѣсненій, чинимыхъ ей въ семействѣ;- судъ приказываетъ свекру «не стѣсняя сноху Устинью Лукоянову съ малолѣтними ея дѣтьми въ семействѣ своемъ излишнею домашнею работою и не выгоняя ее изъ дому, содержать какъ слѣдуетъ», а ей, Лукояновой, предписываетъ—«предъ набольшими изъ семейства не быть ослушною, за цѣлостію же оставшихся послѣ мужа ея вещей предоставить свекру ея имѣть наблюденіе, а крестьянину Лукояну Егорову воспретить, чтобы онъ на волостной судъ съ подобными неудостовѣрительными и изворотливыми жалобами за дочь свою являться не осмѣливался» [1]). Съ 1865 г. начинаютъ, однако, встрѣчаться и случаи наказанія жестокихъ свекровъ за оскорбленія снохамъ:

[1]) Вмѣшательство кровныхъ родственниковъ замужней женщины въ ея жизнь въ семействѣ мужа всегда встрѣчается тамъ очень недружелюбно: въ 1862 г., напр., солдатка Наталья Максимова жаловалась на свата, что онъ ругалъ и билъ се за то, зачѣмъ она приучаетъ къ себѣ невѣстку его, а ея сестру; къ сожалѣнію, на судѣ она съ нимъ помирилась, такъ что неизвѣстно, съ какой точки зрѣнія посмотрѣла бы на это «приученіе» судебная власть.

въ мартѣ, напр., мѣсяцѣ этого года одинъ такой свекоръ арестованъ былъ на 7 дней за побои и ругательства снохѣ-вдовѣ; въ томъ же году 10 окт. Митинскій сельскій староста доносилъ суду, что когда крестьянка д. Кракина Катерина Ив. пожаловалась ему на свекра за побои и склоненіе къ любовной связи и онъ созвалъ сельскій сходъ для обсужденія ея жалобы, свёкоръ, увидавъ на сходѣ мать снохи, принадлежавшую къ другому обществу, настолько обидѣлся ея вмѣшательствомъ въ жизнь дочери, что при всѣхъ присутствующихъ обругалъ ее и вытащилъ со схода за волосы;—на судѣ этому свекру достойно и праведно назначили за это 20 розогъ. Въ дальнѣйшіе годы попечительскіе права свекра хотя еще и подтверждаются судомъ, зато и обязанности, соединенныя съ этимъ попечительствомъ, увеличиваются, такъ что когда въ 1866 г. крестьянинъ д. Гаврилкова, Василій Мининъ, пожаловался на двухъ родныхъ своихъ братьевъ, побившихъ жену его, обвиняемые получили по 20 розогъ, а отецъ ихъ, Мина Васильевъ,—15 розогъ, за то, что онъ дозволилъ дѣтямъ бить сноху и вообще за послабленіе и нераспорядительность, проявленныя имъ въ своемъ семействѣ, хотя послѣднее и было уже въ раздѣлѣ. Въ 1884 г. (17 апр.) самовольно ушедшая отъ свекра сноха была еще возвращена ему обратно, но, однако, съ обязательствомъ—впередъ содержать ее прилично; въ 1889 г. (9 іюл.) повторилась точно такая же исторія,—и даже съ прибавленіемъ снохѣ 2-дневнаго ареста, но и свекоръ тогда былъ арестованъ на 2 дня за грубость въ обращеніи со снохою, Зато уже въ 1892 г. встрѣчается такой фактъ, немыслимый въ старое время: сноха пожаловалась на свёкра за оскорбленіе словомъ и дѣйствіемъ, а на судѣ объявилось не только это, но и то, что она то же самое сдѣлала съ нимъ еще въ большей мѣрѣ и степени,—явленіе съ извѣстной точки зрѣнія весьма утѣшительное! Свекоръ былъ арестованъ тогда на 5 дней, а сноха на 10 дней. Остальные три изъ 14-ти дѣлъ Холмовскаго суда между свекромъ и снохою касаются ихъ имущественныхъ отношеній и показываютъ, что связь ихъ въ данномъ случаѣ не очень тѣсная и держится только на сынѣ одного и мужѣ другой, такъ что когда послѣдній живетъ въ столицѣ, а не дома, или умираетъ, эта связь можетъ по обычаю народному порваться легко и законно. Поэтому, напр., когда въ 1878 г. кр. Ефимовъ жаловался на сноху, что она не кормитъ его хлѣбомъ, судъ выноситъ такое постановленіе: «не препятствовать разойтись Ефимову со снохой Марьей Мосеевой и чтобы Мосеева дала ему 5 маленокъ ржи и 5 ячменя, домъ же и скотъ, какъ принадлежащіе его сыну, оставить въ ихъ пользу». Въ 1889 г. вдова Аладова изъ д. Деревенекъ даже требуетъ со свекра плату за 3 года ея жизни и работы въ домѣ, и судъ дѣйствительно присуждаетъ ей вознаграж-

деніе, хотя за одинъ только годъ, такъ какъ за 2 остальные она-де кормилась съ своей дочерью.—Что касается затѣмъ взаимныхъ отношеній снохи и свекрови, то здѣсь, между элементами одинаково легко воспламенимыми, столкновенія кончаются, конечно, чаще съ ущербомъ обѣихъ сторонъ, чѣмъ одной: если, напр., 24 іюн. 1873 г. оказалось, что «свекровь Болтушкина, пьяная, казавшая снохѣ своей кукиши похабные и ругавшая сваху неприличными словами, производила этимъ стѣснительное дѣйствіе въ прожитіи въ домѣ снохѣ безъ мужа ея» и поэтому была наказана 7-дневнымъ арестомъ, то 4 іюл. 1876 г. со снохи, избившей свекровь до невозможности работать, взыскано было 5 рублей на наемъ работницы; если также 11 іюл. 1893 г. свекровь за постоянныя оскорбленія снохи непотребными словами арестована была на 3 дня, то въ 1895 г. (24 февр.) сноха за постоянныя же оскорбленія словомъ свекрови высидѣла подъ арестомъ 5 дней. Въ трехъ другихъ случаяхъ взаимныхъ оскорбленій свекрови и снохи въ одномъ — сноха была оштрафована 3-дневнымъ, а свекровь 2-дневнымъ арестомъ (1884 г. 7 окт.); въ другомъ (1889 г. 4 апр.) дѣло оставлено безъ послѣдствій, и въ третьемъ (1893 г. 13 іюн.)—та и другая сторона подверглись аресту на 1 день.— Къ характеристикѣ же имущественныхъ отношеній между снохою и свекровью можетъ служить въ Холмовскомъ судѣ только одно дѣло 1881 г. (5 апр.), когда отвѣтчицей за долгъ, произведенный снохою, признана свекровь, такъ какъ занятыя деньги пошли на уплату повинностей свекра.

Мать имѣетъ право требовать отъ сына прежде всего почтенія и послушанія себѣ. По христіанскому воззрѣнію русскаго народа, грубость и побои, причиненныя матери сыномъ, составляютъ тяжкій грѣхъ его предъ Богомъ и передъ людьми: на волостномъ судѣ, по одной только жалобѣ матери, безъ всякихъ свидѣтелей, они почти всегда наказываются тѣлеснымъ наказаніемъ. Къ чести населенія Письменской волости нужно однако же сказать, что за 35 лѣтъ тамъ дошли до суда только двѣ такихъ жалобы,—въ 1882 и въ 1893 гг.,—и то за словесную обиду; обѣ окончились назначеніемъ виновнымъ по 15 розогъ. Но, разумѣется, въ 35 лѣтъ можно было бы имѣть основательныхъ жалобъ этого рода гораздо больше даннаго числа: большинство ихъ до людскаго суда не доходятъ,—посылаются онѣ, и то въ минуту горечи сердечной, Тому, Кто далъ человѣку и заповѣдь о почтеніи родителей. — Въ Холмовской волости, — подъ вліяніемъ ли трактирной столичной цивилизація, въ которой часто воспитывается молодое поколѣніе, или вслѣдствіе болѣе сильнаго сознанія тамошней женщиной правъ своихъ, только тамъ число дѣлъ, возникавшихъ по жалобамъ оскорбленныхъ матерей, доходитъ до 10-ти, и изъ нихъ въ цѣлыхъ 3-хъ случаяхъ заклю-

чается оскорбленіе дѣйствіемъ, а именно: въ 1867 г. пьяный сынъ выгонялъ мать изъ дому и билъ,—ему за это приговорено было тѣлесное наказаніе по усмотрѣнію обиженной; въ 1893 г. сынъ наплевалъ матери въ глаза и получилъ 20 розогъ; въ 1894 г. за оскорбленіе словомъ и дѣйствіемъ сынъ былъ арестованъ на 2 дня, такъ какъ на судѣ раскаялся въ своемъ проступкѣ и просилъ у матери прощенія. За словесныя же обиды въ одномъ случаѣ (1865 г.) сынъ наказанъ былъ 10-ю розгами, въ другомъ (1893 г.)—20-ю розгами же, въ двухъ случаяхъ (1877 и 1885 гг.)—двухдневнымъ арестомъ, и въ одномъ (1878 г.)—пріемный сынъ, кромѣ ареста на 2 дня, былъ еще отстраненъ судомъ отъ части имущества, принадлежавшаго его собственному, родному отцу.

Въ имущественномъ отношеніи мать имѣетъ законнное право требовать отъ сына содержанія себѣ и въ этомъ случаѣ всегда, конечно, находитъ поддержку въ представителяхъ судебнаго «мірского» начала. Въ Письменской волости были три жалобы на несоблюденіе сыновьями этой своей обязанности: въ одномъ случаѣ (1877 г.) матери было разрѣшено ежегодно получать по 10 руб. изъ хранившихся въ правленіи общихъ ея съ сыномъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи мужняго дома; въ другомъ (1883 г.)—крестьянка д. Понявина Анисья Вас., не желавшая жить съ сыномъ вмѣстѣ «по случаю частыхъ между ними ссоръ», вытребовала отъ него по 1 р. 50 к. ежемѣсячно, хотя сынъ и говорилъ-было, что онъ согласенъ давать ей пропитаніе только тогда, когда «она будетъ жить съ нимъ вмѣстѣ, отдѣльно же выдавать пропитаніе не желаетъ»; и въ третьемъ наконецъ случаѣ сынъ, вмѣстѣ съ обязательствомъ кормить мать, былъ посаженъ еще на 3 дня подъ арестъ за упорство.—Въ Холмовскомъ вол. судѣ изъ 4-хъ дѣлъ матерей съ сыновьями о недачѣ имъ пропитанія судъ въ одномъ изъ нихъ (1886 г., 10 янв.) выяснилъ, что обязанность эта лежитъ равномѣрно на всѣхъ сыновьяхъ, независимо отъ ихъ достатка и семейнаго положенія: именно, крестьянка с. Митина Анна Якимова просило-было о томъ, чтобы только одинъ ея,—бездѣтный и богатый,—сынъ давалъ ей ежемѣсячно по 3 рубля, судъ же раздѣлилъ эту сумму надвое и возложилъ $1^1/_2$ руб. на другого сына,—бѣднаго и многосемейнаго. Въ другомъ случаѣ (1886 г.) сынъ за нежеланіе кормить свою мать получилъ 20 розогъ; въ третьемъ ((1888 г.)—мать, взявъ извѣстную часть изъ общаго съ сыномъ имѣнія, заявила, что она «какъ нынѣ, такъ и впредь» отказывается за это отъ всякой помощи со стороны его; наконецъ, въ четвертомъ дѣлѣ сынъ обязуется платить матери по 3 рубля ежемѣсячно.—Но пользуясь отъ сына содержаніемъ, мать уже не можетъ самостоятельно распоряжаться въ его домѣ, и когда, напр.,

въ Холмовской волости въ 1871 г. (18 іюля) она, вопреки приказанію сына изъ Петербурга,—отдать лошадь за долги кредитору, отказывалась это сдѣлать, говоря, что лошадь нужна для хозяйства, судъ объявилъ ей, что она не имѣетъ права упорствовать; точно также въ 1884 г. мать пожаловалась-было на сына, зачѣмъ онъ отдалъ одно тягло земли въ аренду безъ ея разрѣшенія, но получила отвѣтъ, что сынъ ея волёнъ распоряжаться своимъ надѣломъ, какъ ему угодно. Зато, какъ показываетъ одно дѣло 1889 г. (19 ноябр.), мать, не распоряжаясь самостоятельно въ домѣ сына, не отвѣчаетъ и за долги, сдѣланные ею во время совмѣстнаго жительства съ нимъ на хозяйственныя нужды.

Данныя объ отношеніяхъ матери и дочери имѣются главнымъ образомъ по Холмовской волости. Въ 1879 г. тамъ, напр., было дѣло, показывающее, что мать-вдова, умирая, можетъ поручить свою малолѣтнюю дочь кому ей угодно и что воля ея въ этомъ случаѣ должна быть исполняема: 17 іюня этого года д. Деревенекъ крестьянка Татьяна Игнатьева объясняла суду, что «сноха ея Афросинья Кузьмина при смерти своей завѣщала дочь свою ей, просительницѣ, на воспитаніе, а Марья Семенова дочери, Екатерины Никифоровой, ей не отдаетъ; а сама, не давая ей порядочнаго воспитанія, только наказываетъ ее безъ всякой причины и истязуетъ». Судъ съ своей стороны, хотя и не уважилъ этой просьбы, тѣмъ не менѣе обставилъ свой отказъ такими мотивами, чтобы отнюдь не показалось, что воля матери не соблюдается: «свидѣтельскими показаніями,—говорило судебное рѣшеніе,—подтвердилось только то обстоятельство, что Евфросинья Кузьмина отдавала дочь на попеченіе Татьянѣ Игнатьевой, но никакъ не въ пріемыши; во-вторыхъ, что Татьяна Игнатьева не имѣетъ своего собственнаго дома, слѣдовательно Екатерина Никифорова должна, въ случаѣ отдачи ея Татьянѣ Игнатьевой, остаться несчастною; и въ-третьихъ, что Марья Семенова помянутой дѣвочкѣ приходится по мужу ближайшей родственницей (тетка)».— Въ противоположность, затѣмъ, сыновьямъ, дочери по народному воззрѣнію не обязываются кормить своихъ матерей, такъ что въ 1894 г. одинъ изъ зятевей, когда теща, пришедшая къ нему два года тому назадъ, задумала уѣхать отъ него, настолько не считалъ за своею женою права безплатно пропитывать мать, что удерживалъ корову тещи въ вознагражденіе за содержаніе ея; судъ же съ своей стороны въ принципѣ не отрицалъ правильности дѣйствія его: онъ увидѣлъ здѣсь лишь самоуправное дѣяніе и объяснилъ зятю, что онъ бы долженъ искать съ своей тещи за прокормленіе законнымъ порядкомъ, а не насиліемъ. Содержаніе замужней дочерью матери вообще такъ далеко отъ характера обязанности, что зять, соглашаясь на это, получаетъ послѣ

смерти тещи, какъ бы за сверхдолжную заслугу, преимущественное право на имущество ея: въ 1891 г., напр., судъ опредѣлилъ, что «такъ какъ Авдотья Семенова (теща) пять лѣтъ жила у Аркадія Лукоянова (зятя) и совершенно не касалась Якову Иванову, какъ сыну отдѣленному, слѣдовательно, совершенно водворилась къ зятю; посему увезенное ею (должно быть передъ смертію) изъ дому Аркадія Лукоянова въ его отсутствіе имущество должно быть ему возвращено, равно и рожь—(которую Авдотья Сememенова посѣяла на арендованной ею самою землѣ, а работалъ сынъ Яковъ) должна быть принадлежащею по мѣстному обычаю Аркадію Лукоянову, но послѣдній обязанъ возвратить Якову Ив. за обработку земли 2 р. 50 к.».—Относительно же другихъ случаевъ наслѣдованія послѣ матери дѣтьми можно замѣтить немногое: одинъ разъ, напр., незамужняя дочь получила долю наслѣдства равную съ братомъ своимъ, когда въ 1871 г. судъ призналъ правильными дѣйствія сельскаго старосты, который отобралъ у крестьянки Клавдіи Архиповой, за отсутствіемъ мужа ея, половину хлѣба съ полосы умершей ея свекрови «на томъ основаніи, что мужъ Архиповой напередъ сего давалъ своей матери мѣсячное содержаніе, но покойная мать вмѣсто таковой выдачи пожелала получить полосу изъ земельнаго его участка, которую при жизни своей обсѣяла собственными руками и за обработку платила свои деньги, а дочь ея Марья Семенова сжала безъ всякой помощи брата своего Платона Семенова; отъ брата живетъ отдѣльно, и таковой при малолѣтствѣ ея никакого вспомоществованія не дѣлаетъ». Затруднительный вопросъ о томъ, какъ дѣлить имущество послѣ смерти второбрачныхъ крестьянина и его жены, у которыхъ было по одной дочери отъ первыхъ браковъ, судъ рѣшилъ въ 1894 г. въ томъ смыслѣ, что каждая изъ нихъ должна быть наслѣдницей только своему родителю, и, слѣдовательно, дочь жены получила въ этомъ случаѣ послѣ своей матери все ея имѣніе и только его.—Въ Письменской волости встрѣчается всего одно дѣло, касающееся наслѣдованія дочерями послѣ матерей: въ 1892 г. д. Андреяновскаго крестьянка Зоида Ларіонова жаловалась на сестру отъ другого отца, но единоутробную, крестьянку д. Фатьянова Аполлинарію Ив., за то, что она не выдаетъ ей части изъ имѣнія умершей матери, жившей, очевидно, у второй сестры. Обычное право вѣроятно и стояло на сторонѣ послѣдей, потому что дѣло окончилось въ пользу первой лишь потому, что напутствовавшій покойницу священникъ подтвердилъ предсмертную волю ея въ смыслѣ обоюднаго раздѣла.

Касательно отношеній дочери къ отцу въ Письменской волости было на судѣ только одно дѣло, показывающее, что еще на первыхъ годахъ послѣ освобожденія крестьянъ дочери не считали своею обязанностію отвѣчать за

имущественную несостоятельность отцовъ; на это жаловался суду 7 іюля 1863 г. волостной старшина, отдававшій-было за недоимку крестьянина д. Толстикова Василія Ив. дочь его въ работницы, но получившій отъ послѣдней категорическое заявленіе, что она работать не будетъ и уйдетъ непремѣнно домой; отецъ между прочимъ за это и за собственную грубость старшинѣ наказанъ былъ 20-ю розгами. Относительно же наслѣдованія дочерьми отцу Письменскій волостной судъ по жалобѣ одной сестры на другую, не дававшую первой части отеческаго имущества подъ предлогомъ ея замужества, высказался принципіально въ томъ смыслѣ, что «на основаніи общихъ законовъ и мѣстныхъ обычаевъ дѣти наслѣдуютъ имуществомъ послѣ родителей, хотя бы дочери и были въ замужествѣ».—Въ 6-ти дѣлахъ Холмовскаго суда, касающихся вопроса о наслѣдствѣ отцамъ дочерей, заслуживаютъ вниманія только три дѣла: въ одномъ изъ нихъ, въ 1868 г., судъ призналъ правильнымъ разсужденіе внука по матери о законности перехода послѣ его смерти бывшаго въ его владѣніи дѣдовскаго имѣнія не отцу его, а теткѣ по матери, дѣвицѣ,—«такъ какъ хотя и былъ имъ Θедосѣевымъ—(внукомъ) домъ пристраиваемъ, но онъ не счелъ своимъ, а дѣдушкинымъ, и по этому случаю долженъ поступить по его покойнаго Кузьмы Θедосѣева разсужденію не какъ отцу его, а своей теткѣ», т. е. по признанному судомъ воззрѣнію Θедосѣева настоящимъ наслѣдникомъ дѣда его былъ не онъ, внукъ, а дочь его дѣда,—дочь слѣдовательно должна наслѣдовать отцу преимущественно предъ внукомъ. Однако въ 1889 г. (3 марта) тотъ же самый судъ, руководствуясь, какъ и сказано въ его постановленіи, мѣстными обычаями, вынесъ рѣшеніе уже о равной долѣ наслѣдованія, какъ внукомъ послѣ дѣда, такъ и дочерью послѣ отца: именно, по просьбѣ крестьянки д. Теренина Екатерины Иван. онъ призналъ ея дочь наслѣдницей послѣ отца ея (дочери) въ совершенно равной части съ теткою его, дочерью его дѣда, воспитавшаго его вмѣсто сына и оставившаго хозяйство ему на руки. Самый же объемъ наслѣдованія дочери отцу ограниченъ только личнымъ имѣніемъ послѣдняго и потому, если дочь вышла замужъ въ другое общество, не простирается на усадебную осѣдлость, такъ что въ 1886 г. на основаніи мѣстныхъ-же обычаевъ судъ отказалъ въ просьбѣ крестьянкѣ с. Митина о предоставленіи ей осѣдлости въ д. Пеньѣ послѣ отца, умершаго въ 1882 г.: осѣдлость эту общество успѣло уже взять на себя.

Отношенія и обязанности брата къ сестрѣ, въ особенности имущественныя, отличаются въ общемъ холоднымъ, чисто внѣшнимъ характеромъ: дѣвица въ нормальномъ крестьянскомъ быту должна непремѣнно выйти замужъ; ей нѣтъ мѣста въ родительскомъ домѣ, и потому естественно, что братъ относится,

и по правому народному сознанію даже можетъ относится къ ней, иногда совсѣмъ не по родственному. Такъ, въ Холмовской волости въ 1889 г. д. Протасова крестьянинъ Кузьма Дмитріевъ обвинялся въ томъ, что выгналъ изъ дому свою сестру солдатку; на судѣ онъ признавался въ своемъ поступкѣ открыто и безбоязненно и говорилъ, что имѣлъ полное право такъ сдѣлать, ибо взялъ сестру исключительно изъ сожалѣнія, безъ всякой платы за нее,— и судъ это «право» утвердилъ. Точно также въ 1886 г. (9 дек.) мать было жаловалась на сына, зачѣмъ онъ не дозволяетъ жить у себя своей семейной сестрѣ, хотя послѣдняя помогала ему и въ постройкѣ дома;— судъ позволилъ жить сестрѣ при матери, но своими средствами, и то до мая 1887 года. Только еще, пожалуй, при оскорбленіяхъ братомъ сестрѣ, судомъ и принимается во вниманіе родство ихъ, такъ какъ въ двухъ такихъ случаяхъ въ Холмовской волости виновные были наказаны: одинъ 20-ю розгами, другой 2-дневнымъ арестомъ.

Что касается наслѣдованія сестрою послѣ сестры, то по Письменской волости есть лишь одно дѣло 1892 г., когда д. Ульянова крестьянка Матрена Мих. Кошелькова «по существующимъ обычаямъ» получила имущество своей умершей сестры отъ неродного зятя ея, женатаго на взятышѣ. Въ Холмовской же волости въ 1886 г. (8 апр.) сестра послѣ сестры признана наслѣдницею предпочтительно предъ деверемъ и невѣсткою наслѣдодательницы и, наоборотъ, — невѣстка послѣ деверя тогда же оказалась равноправною наслѣдницею съ роднымъ братомъ умершаго.

Къ характеристикѣ дальнѣйшихд степеній родства можно отнести лишь одно дѣло 1867 г. по Холмовскому суду, когда крестьянинъ с. Холма Иванъ Андреевъ, по жалобѣ воспитавшей его тетки, получилъ 20 розогъ за безпечную жизнь и непочтеніе къ своей воспитательницѣ, жена же его была наказана 7-дневнымъ арестомъ за грубость и неуваженіе этой тетки и за подстрекательство мужа къ отдѣлу отъ нея.

Вотъ и всѣ тѣ данныя о семейномъ положеніи крестьянской женщины, которыя можно извлечь изъ Письменскаго и Холмовскаго волостныхъ судовъ за первое 35-лѣтіе ихъ жизни.

Ѳ. Покровскій.

Поѣздка къ теленгетамъ на Алтай.

Желая познакомиться съ алтайскими калмыками, какъ официально называются теленгеты, мнѣ предстояло рѣшить, откуда удобнѣе начать свои изслѣдованія, чтобы увидать народность, еще сохранившуюся въ своей неприкосновенной чистотѣ. Чуйскіе теленгеты, теленгуты, какъ неправильно называютъ ихъ, захватываютъ территорію, простирающуюся на западъ до рѣки Аргута, на востокъ и югъ—до китайской границы. На сѣверѣ граница ихъ распространенія представляется изогнутой линіей, проведенной отъ средины Телецкаго озера до средняго теченія р. Чуи. Эта обширная площадь имѣетъ вездѣ различный характеръ, какъ по физическимъ своимъ свойствамъ, такъ и по другимъ условіямъ, которыя выяснятся ниже.

Уже при бѣгломъ взглядѣ она легко можетъ быть раздѣлена на три части. На западѣ р. Аргутъ съ ея притоками Каксу, Теректу (Тополевка и др.) протекаетъ среди высочайшихъ алтайскихъ Альпъ, бѣлѣющихъ своими снѣжными вершинами. Дикая утесистая мѣстность, общая возвышенность страны дѣлаютъ эту территорію суровою въ климатическомъ отношеніи. Громадные кедровники и пихты сплошь покрываютъ подошвы горъ; узкія долины, лишь мѣстами свободныя отъ камней, поросли невысокой, аршина въ два, березой и тальникомъ. Каменистая почва этихъ узкихъ долинъ неблагодарна для земледѣльца: ихъ крутой склонъ быстро заставляетъ стекать весеннюю влагу, раннія снѣга (на бѣлки снѣгъ падаетъ въ іюлѣ, числа 15—20) позволяютъ разводить одинъ ячмень.

Среднюю часть территоріи теленгетовъ представляетъ обширная Чуйская и нѣсколько меньшая Курайская степи. Къ сожалѣнію, и она представляетъ печальную картину для успѣшнаго земледѣлія: та же глинистая или песчаная почва пополамъ съ гальками, масса валуновъ, сплошь устилающая ее, тощая, выжженая солнцемъ травка, своеобразная чахлая растительность солонцевъ, полное отсутствіе влаги дополняютъ ея печальную картину.

Только сѣверо-восточная часть имѣетъ другой характеръ: горы здѣсь понижаются. Вы уже не встрѣтите бѣлковъ или ледниковъ. Долины расширяются, ихъ глинистая почва пополамъ со старымъ перегноемъ заросла бо-

гатой растительностью. Зеленая чернь, покрывающая до верху горы, лѣтомъ полна тысячами звуковъ отъ своихъ пернатыхъ обитателей. Внизу подъ деревьями—папортники, на долинахъ—трава по поясъ, зонтичныя болѣе роста человѣка. Климатъ мягче—зимы бываютъ теплыя и снѣжныя. Здѣсь могла бы вызрѣвать пшеница.

Таковы физическія условія этихъ трехъ частей территоріи теленгетовъ—условія, очевидно отразившіяся на бытѣ этихъ послѣднихъ.

Соприкасаясь на западѣ и юго-востокѣ съ киргизами, тюрбетцами и саянцами, теленгеты сохранили здѣсь полную свою самобытность. Граничa съ русскими на сѣверѣ, сталкиваясь съ русскими купцами, принимая христіанство отъ алтайскихъ миссіонеровъ, центръ дѣятельности которыхъ—селеніе Улала, сѣверные теленгеты начинаютъ утрачивать свои оригинальныя черты, начинаютъ переходить въ какой-то смѣшанный типъ.

Этотъ предварительный бѣглый обзоръ заставилъ насъ начать свое путешествіе съ юга, чтобы имѣть возможность видѣть сначала чистый типъ теленгета, стараясь опредѣлить его переходныя стадіи на пути къ неизбѣжной утратѣ самобытности. Поэтому, мы въѣхали въ предѣлы Алтая съ города Усть-Каменогорска, гдѣ сдѣлали необходимые запасы. Въ алтайской станицѣ мы покинули почтовыхъ, смѣнивъ ихъ на верховыхъ лошадей. По дорогѣ мы заѣхали на Бѣлуху, высшую точку Алтая, съ цѣлью наблюдать Катунскій ледникъ и поставить мѣты для опредѣленія его отступанія. Наконецъ, пройдя по пустыннымъ долинамъ рѣкъ Араткана, бѣлой Оро, Коксу, увидѣли р. Аргутъ и первый аилъ теленгетовъ. Начиная съ этого аила, идя далѣе по р. Тополевкѣ (р. Теректу), Чаганъ-Узуну, Чуѣ, Чалышману, особенно около Кашагача, этого центра русской торговли въ этой территоріи, мы старались личными разспросами познакомиться съ бытомъ теленгетовъ, собирая насколько было возможно ихъ пѣсни.

Чуйскихъ теленгетовъ считается около 35 тысячъ [1]). Переселившись въ прошломъ столѣтіи 12-ю родами съ береговъ Телецкаго озера къ югу на Чуйскую степь, разойдясь по долинамъ бассейна Чуи и Катуни, теленгеты сохранили дѣленіе на роды субки; остатки родового устройства и внутри каждаго рода еще встрѣчаются повсемѣстно. Въ первой чуйской волости живутъ: 1) тоелёсы (аристократическій родъ), 2) алматъ, 3) оргончи, 4) іетитасъ. Вторую чуйскую волость населяютъ: 1) кӧбеки (аристократическій родъ), 2) сагалъ, 3) кипчакъ, 4) танженъ, 5) иркитъ, 6) киргилъ, 7) монолъ, 8) іебакъ.

---

[1]) Точныхъ свѣдѣній нѣтъ.

Населяя горную страну сплошь заросшую первобытнымъ лѣсомъ, тайгой, южные теленгеты кромѣ скотоводства, должны были оставаться и звѣроловами охотниками. Каждый мужчина имѣетъ ружье—первобытное кремневое ружье, съ которымъ не разстается всю зиму, выискивая соболей, лисицъ, выгоняя изъ берлоги медвѣдей, сражаясь съ ними одинъ на одинъ. Теленгеты—охотники по истинѣ удивительные: пробѣжать на лыжахъ десятки верстъ, гоняясь за мораломъ, спускаться въ пропасти, подниматься на скалы почти отвѣсныя, все это дѣло привычное для теленгета охотника. Вся долгая зима проходитъ въ этомъ занятіи; они запасаются сотней шкурокъ, которыя лѣтомъ за безцѣнокъ будутъ проданы мѣстнымъ скупщикамъ, русскимъ. Занятія охотой ранѣе доставляло все необходимое теленгету—и пищу и одежду; теперь оно осталось въ этихъ мѣсгахъ главнымъ подспорьемъ несложнаго хозяйства теленгетовъ, давая возможность вымѣнивать на шкуры все нужное у русскихъ купцовъ. Мѣста для охоты еще много, но и теперь замѣчаются нѣкоторые проблески обычнаго права въ охотничьихъ обычаяхъ, упорядочившіе владѣнія охотничьими участками. Урочище, занятое ловушками одного, не должно быть никѣмъ эксплуатировано. Особенно удобное мѣсто переходитъ послѣ смерти охотника вмѣстѣ съ ружьемъ къ старшему сыну. Кромѣ охоты, мужчина зимой ничего не дѣлаетъ; исполненіе всѣхъ работъ лежитъ на женщинахъ, которыя въ теленгетской семьѣ играютъ жалкую роль, не пользуясь никакими правами въ аилѣ, исполняя всѣ работы, не смѣя даже сѣсть въ присутствіи старшаго.

Лѣтомъ центръ тяжести интересовъ, какъ каждаго инородца, такъ, тѣмъ болѣе, живущаго въ Чуйской степи, переходитъ на его стада, которыя перегоняются на лѣтовку куда-нибудь въ глухую долину, гдѣ разбиваются юрты. Переходъ на лѣтовки Теленгетовъ служитъ началомъ сплошнаго праздника, продолжающагося цѣлое лѣто. Скотъ, не требуя особенныхъ заботъ,—маленькіе ребятишки караулятъ его, одинъ работникъ управляетъ всѣмъ—составляетъ единственный источникъ жизни теленгета, давая теленгету и одежду и пищу. Съ возможностью пасти стада для алтайскаго инородца связано все его благосостояніе и сама возможность жить въ тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, которыя его окружаютъ. Къ несчастью, если мы сравнимъ площадь, занятую теленгетами, напр., въ началѣ этого столѣтія, когда они кочевали также и по долинамъ Бухтормы, Коксу, то ясно увидимъ, что площадь кочевокъ должна была считаться по крайней мѣрѣ въ десять разъ больше. Вотъ почему слышатся жалобы на недостатокъ пастбищъ у теленгетовъ.

Для сѣвернаго теленгета сама природа указала на необходимость перейти къ земледѣлію. Мы имѣли случай наблюдать эту нарождающуюся

стадію въ жизни теленгета. Мы видѣли первобытную соху (андасынъ), которая состоитъ изъ кривого березоваго сука съ окованнымъ желѣзомъ концомъ. Встрѣчали небольшіе посѣвы ржи и ячменя, которые сѣются клочками не болѣе 1/4 десятины на семью. Эти небольшія пашни орошаются арыками, въ пользованіи которыхъ соблюдается строгая очередь. До помола зерна и печенія хлѣба теленгеты еще не дошли. Зерно растираютъ въ крупу между двумя плоскими камнями съ насѣчкой или толкутъ въ большихъ деревянныхъ ступахъ (саку), приготовляя «толканъ» и «курмачъ». Тутъ даже начинаютъ косить траву, привязывая связки сѣна къ сучьямъ высокихъ деревьевъ.

Пища теленгетовъ, какъ и всѣхъ инородцевъ, живущихъ скотоводствомъ, вся доставляется его стадомъ. Обыденная пища—молочные продукты въ разныхъ видахъ. Послѣ выгонки арака, въ котлѣ остается вареный творогъ, который сушится на солнцѣ, доставляя продуктъ, называемый «арчи»—желтая крупообразная масса, которую ѣдятъ съ масломъ въ деревянныхъ чашкахъ и лѣтомъ и зимою, стараясь запасти его побольше. Невареный, спрессованный творогъ засыхаетъ въ «курутъ»—сыръ; если его сушатъ на желѣзныхъ листахъ, получаютъ «пуштакъ»—въ видѣ небольшихъ кусковъ сушенаго сыра. Это—молочные запасы на зиму, приготовленіемъ которыхъ занимаются женщины; лѣтомъ пьютъ кумысъ, айракъ, сырое молоко. Въ праздники ѣдятъ баранину и конину, съѣдая ихъ въ непомѣрномъ количествѣ. Осенью богатые колятъ барановъ и замораживаютъ ихъ, бѣдняки коптятъ немного мяса, но зимою, за исключеніемъ курута, пуштака и арчи, ничего почти не ѣдятъ; поэтому, голодовки зимою—хроническое явленіе бѣдняковъ.

Аракъ, играющій важную роль въ лѣтней жизни теленгета, готовится изъ айрака первобытнымъ образомъ. На таганъ «очокъ» ставится чугунный котелъ «казанъ», къ стѣнкамъ котораго приставляется сверху деревянный выдолбленный обрубокъ «чуургунъ». Внутри его—маленькая выдолбленная лопаточка «чалопчи» съ желобкомъ «чоорго», по которому потечетъ аракъ. Въ котелъ наливаютъ айракъ: когда онъ закипитъ, сверху на выдолбленный обрубокъ ставятъ другой казанъ, полный холодной воды; аракъ, охлаждаясь, падаетъ на лопаточку чалопчи внутри аппарата, и стекаетъ по ея желобку въ подставленную чашку. Аракъ—напитокъ похожій видомъ на русскую водку, но крѣпости не болѣе 10—15%. Не имѣя вредныхъ началъ дурно очищенной хлѣбной водки, аракъ не дѣйствуетъ такъ губительно на организмъ, какъ эта послѣдняя, по крайней мѣрѣ, я не встрѣчалъ теленгетовъ, страдающихъ болѣзнями, стоящими въ связи съ алкогольнымъ отравленіемъ. Опьяненіе аракомъ не имѣетъ буйнаго характера. Пьяный сегодня, совершенно трезвъ завтра. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время акцизное вѣдомство усмот-

рѣло въ гонки арака незаконную добычу вина. Гонка арака стала строго преслѣдоваться, кончаясь очень печально для многихъ. Фактическая борьба съ аракомъ, который такъ вросъ и тѣсно сплелся съ обычаями теленгетовъ, невозможна. Мы видѣли первобытный аппаратъ для гонки арака въ каждой юртѣ; поэтому попадаютъ лишь богатые, которые могли бы откупиться отъ доноса, но почему либо этого не сдѣлали. Преслѣдованіе арака, увы, сдѣлалось для многихъ доходной статьей... Это запрещеніе, перевертывая, какъ далѣе будетъ видно, обычаи инородца, бросаетъ его въ руки русскихъ кабатчиковъ, спиртоносовъ, которые быстро унесутъ съ Алтая богатство инородца, въ то же время давая новый способъ мѣстной маленькой администраціи собирать незаконныя поборы. Теперь вопросъ объ аракѣ самый животрепещущій для теленгетовъ. Они съ жадностью разспрашивали меня, какъ хлопотать имъ, указывая всю гибель для нихъ этого нововведенія. Мнѣ говорили, что у нихъ хранятся старыя грамоты, данныя Императоромъ Павломъ, которыя разрѣшаютъ аракъ, запрещая ввозъ спирта въ горы. Къ сожалѣнію, я не могъ видѣть этихъ документовъ, но копіи съ нихъ мнѣ обѣщали выслать.

Позволю себѣ упомянуть объ аналогичномъ національномъ напиткѣ вотяковъ— «курмышкѣ», который такъ же сросся съ жизнью вотяка, какъ и аракъ у теленгета. Съ 1890 г. гонка курмышки запрещена вотякамъ, вызывая аналогичныя печальныя послѣдствія, т. е. замѣтное обѣднѣніе, пропиваніе имущества, которое ранѣе оставалось въ инородческомъ хозяйствѣ.

Итакъ, лѣтомъ для теленгета наступаетъ свѣтлая полоса въ непроглядной жизни.

Достали старые аркыты, кожаные турсуки, заквасили молодой кумысъ изъ кобыльяго молока, айракъ изъ молока коровы, яковъ, барановъ, поспѣлъ молодой айракъ, начинается гонка арака,—напитка, который тѣсно сплетается съ каждой мелочью въ жизни теленгета лѣтомъ. Поспѣлъ аракъ— можно совершать религіозныя празднества Ульгеню и Ерлику, можно начинать свадьбы, семейные праздники, можно заключать договоры и условія между собою,—ихъ необходимо закрѣпить чаркою арака. Можно просить помощи какой угодно у богатаго сородича: онъ не откажетъ, по обычаю, если ему привезти въ подарокъ турсукъ арака. Гости ѣздятъ изъ юрты въ юрту, привозя съ собою аракъ, пируютъ, обмѣниваются подарками, выглядываютъ, нѣтъ ли чего промѣнять, старики выискиваютъ невѣстъ для сыновей, торгуясь за калымъ, устраиваютъ байгу, «тай», т. е. свадебный обрядъ, празднованіе котораго относятъ непремѣнно на лѣто.

На праздникахъ начинаются интересныя состязанія пѣвцовъ «ченежу-кожандарь»—обычай, поразившій меня своею оригинальностью. Другъ передъ

другомъ садятся два пѣвца «кожанче», принадлежащіе къ двумъ разнымъ родамъ «субкамъ» и по очереди начинаютъ пѣть восхваляя каждый свой «субкъ», осмѣивая противника и родъ его. Все мѣтче и злѣе становятся остроты, пѣвцы стараются изо всѣхъ силъ, сопровождая свое пѣніе игрою на двухструнной балалайкѣ, «кайлаганъ-абусѣ», они знаютъ, что за спинами ихъ сидятъ многочисленные родственники, жадно внимающіе каждому ихъ слову, знаютъ, что пораженіе на этомъ турнирѣ покроетъ стыдомъ весь ихъ родъ. Страсти разгораются, глаза противниковъ горятъ, слушатели перекидываются гнѣвными взглядами между собою, наконецъ все кончается дракою, къ великому удовольствію хозяина, который гордится своимъ веселымъ пиромъ. «Безъ драки пиръ—безславіе хозяину»—говоритъ теленгетская пословица. На этихъ пирахъ любимое удовольствіе теленгетовъ— слушать пѣсни, которыя поютъ ихъ пѣвцы «кожанче» глухою, мѣрною октавой, сопровождая пѣніе аккомпанементомъ на первобытной двухструнной балалайкѣ. Мнѣ удалось слышать нѣсколько старинныхъ пѣсенъ около Кашагача на Чуйской степи и записать ихъ. Обстановка, при которой я записывалъ ихъ, очень оригинальна. Я былъ въ гостяхъ у помощника зайсанга, богатаго теленгета, имѣющаго болѣе двухъ сотъ лошадей и болѣе тысячи барановъ. Я, на положеніи почетнаго гостя изъ Петербурга, сидѣлъ въ лѣвомъ отъ входа переднемъ углу богато убранной коврами и сундуками юрты, рядомъ со многими почетными гостями. Гости хранили важное молчаніе, затягиваясь своими вѣчно дымящимися трубками, стараясь дѣлать видъ, что они не заинтересованы мною. Многочисленные бѣдные родственники слуги толпились у дверей, жадно разсматривая меня, иногда причмокивая губами съ видимымъ удивленіемъ, иногда принимаясь громко обсуждать что-нибудь до меня касающееся. Въ честь мою былъ заколотъ баранъ, лучшіе куски котораго подавалъ руками мнѣ почтенный хозяинъ, мы, почетные гости, ѣли руками первые, передавая объѣденные куски менѣе почетнымъ гостямъ, которые кости для обгладыванія передавали еще далѣе къ дверямъ къ слугамъ, гдѣ происходило каждый разъ нѣчто въ родѣ драки изъ-за костей. Мы пили кумысъ и аракъ, отпивая изъ чашки и правою рукою передавая сосѣду или лицу, которому мы хотѣли оказать любезность. Изъ женщинъ присутствовали жена, дочери, снохи и старая мать хозяина; онѣ рѣзали мясо, но даже сѣсть не осмѣливались при стольких гостяхъ. Снохи ходили по юртѣ всегда лицомъ къ свекру, какъ того требовалъ обычай. Послѣ пира вызвали, подталкивая кулаками, работника, робкую невзрачную фигуру, который оказался настоящимъ поэтомъ. Его заставили сѣсть, выпить чашку араку и дали въ руки двухструнную балалайку. Первые звуки были робки, неувѣренны; слышались только гласные а, у, ы, но вотъ онъ сразу воодушевился, сбросилъ

съ себя шапку, которая почти вся закрывала его лицо, и запѣлъ. Онъ пѣлъ низкой октавой, мѣрнымъ темпомъ, то усиливая голосъ, то затихая до выразительнаго шепота. Съ трудомъ останавливалъ его мой переводчикъ послѣ каждаго куплета, чтобы записать пропѣтое. Перерывъ видимо угнеталъ его. Въ эти минуты онъ сильно дышалъ и почти дрожалъ отъ волненія. Нервы его напрягались все болѣе и болѣе. Черезъ три часа послѣ начала пѣсни онъ сильно усталъ и сталъ часто подкрѣпляться аракомъ. Вся пѣснь безъ отдыха пѣлась 4 часа съ минутами, но въ первый день все-таки не была кончена. Эта была былина объ Алтаѣ-Бучаѣ, богатая чисто эпическими красотами. Въ ней разсказываются подвиги Алтая-Бучая, умерщвленнаго злою женою и оживленнаго небесною дочерью «Темене-коо». Этотъ же поэтъ пропѣлъ мнѣ для образца пѣсню безъ словъ одними гласными звуками, которую онъ мнѣ потомъ комментировалъ почти такъ же, какъ я и самъ угадалъ по звукамъ пѣсни; здѣсь онъ грустными, мѣрными звуками изображалъ, какъ теленгетъ прощается съ невѣстою, отправляясь верхомъ въ далекій путь.

Нѣсколько сначала сильныхъ, потомъ затихающихъ, мѣрныхъ тактовъ изображали топотъ коня убѣгающаго въ даль. Закуковала кукушка, зашумѣлъ лѣсъ, вершины деревьевъ гудѣли передъ бурей, грянула буря — пѣвецъ взялъ нѣсколько дикихъ аккордовъ и гудѣлъ октавой. Наконецъ, буря стихла, все затихало, —мотивъ дѣлался снова грустнымъ, наконецъ—смолкъ.

Меня поразила въ этомъ теленгетѣ разница между тѣмъ состояніемъ, въ которомъ онъ находился, когда онъ пѣлъ, и его жалкимъ по-истинѣ видомъ въ обычное время.

Къ сожалѣнію, чѣмъ ближе теленгеты живутъ къ русскимъ, чѣмъ чаще посѣщаютъ ихъ русскіе купцы съ водкой и со спиртомъ, тѣмъ рѣже можно услышать настоящую теленгетскую пѣсню, которая смѣняется дикими пѣснями позднѣйшаго происхожденія. На сѣверѣ территоріи теленгетовъ, проѣхавъ Чуйскую степь мы уже не могли записать ни одной пѣсни.

Хотя теленгеты и язычники, но далеко не такіе грубые, какими представляютъ ихъ нѣкоторые. Понятіе объ единомъ Богѣ — «Кудаѣ» я встрѣчалъ почти вездѣ, но этотъ богъ имѣетъ имѣетъ двѣ стороны: «Ульгень» — добрая сторона, «Ерликъ» — злая. Двѣ стороны эти борятся между собою, создавая жизнь и смерть. Всю природу населяютъ безчисленные духи, «ак-неме» и «кара-неме», принимая непосредственное участіе въ жизни теленгета. Каждый родъ имѣетъ своего патрона: умершіе предки не теряютъ связи съ ихъ живыми потомками, помогая или вредя имъ, въ зависимости отъ количества принесенныхъ жертвъ. Теленгеты очень благочестивы, и лѣтомъ частыя жертвы лучшихъ лошадей стада — обычное явленіе. Къ несчастію, мнѣ не удалось видѣть ни одного «кам-

ланія»—жертвоприношенія, но я записалъ нѣсколько молитвъ, которыя поются камами при ихъ служеніи. Я прошу позволенія привести двѣ изъ нихъ.

Вотъ молитва Ульгеню:

О Великій отецъ, Ульгень!
Ты имѣешь на своей таинственной шапкѣ
Три разныхъ цвѣтовъ ленты,
Къ твоему престолу ведутъ три лѣстницы,
Ты, Ульгень, создалъ лошадь для ѣзды,
Ты создалъ много скота,
Ты создалъ женщину съ длинными косами,
Ты наполнилъ землю миромъ,
Ты возвратилъ ее изъ бездны,
Откуда не долетитъ никогда пуля,
Не долетитъ ни одинъ звукъ;
Ты утвердилъ землю на безопасномъ мѣстѣ,
Ты создалъ прекрасную душу человѣка.
Великій отецъ, украшенный таинственной шапкой съ тремя лентами,
Мы надѣемся на тебя, жертвуемъ земными страстями,
Умомъ возвышаемся!

А вотъ другая—молитва Ерлику:

Свирѣпый духъ, улавливающій своею удою людей!
Ты любишь опрокинуть наполненную чашу,
Твое лицо черно, какъ сажа,
Твои черные волосы всклокочены,
Твой ростъ громаденъ,
Ты держишь свой страшный путь
Только при свѣтѣ мѣсяца;
Никто не можетъ выдержать руки твоей,
Самый сильный не могъ бы сдвинуть ноги твоей.
Твои глаза наводятъ тѣнь на міръ,
Твои зубы торчатъ, какъ гребни,
Твоими костями можно было бы мять кожу,
Изъ щекъ твоихъ можно было бы извлечь желѣзную громовую музыку.
Ты все видишь, ты все знаешь!.........

Въ 1828 году было положено начало алтайской миссіи знаменитымъ на Алтаѣ отцомъ Макаріемъ. Принужденные бороться съ самой природой, алтайскіе миссіонеры дѣятельно, но съ громаднымъ трудомъ стали крестить теленгетовъ. Ихъ вліяніе несомнѣнно сказалось на сѣверныхъ теленгетахъ въ ускореніи перехода ихъ отъ кочеваго быта къ осѣдлому. Но невозможность часто проникать въ глухія горы южнаго Алтая, отсутствіе какого-либо содѣйствія въ лицѣ русскаго элемента, за исключеніемъ купцовъ-кулаковъ, не могли влиять на успѣшное введеніе христіанства на югѣ территоріи теленгетовъ. Вотъ почему намъ не разъ случалось наблюдать полное смѣшеніе остатковъ былого языческаго міровоззрѣнія съ вновь пріобрѣтенными понятіями христіанскихъ вѣрованій. Не разъ на вопросъ, кому они молятся, мы получали въ отвѣтъ, что они молятся многимъ богамъ: Кудай одинъ, Іисусъ другой, Николай третій, Христосъ четвертый... Несомнѣнно, что только въ союзѣ съ русскимъ вліяніемъ болѣе положительнымъ, чѣмъ теперь, и на югѣ распространеніе христіанства пойдетъ успѣшнѣе, чѣмъ теперь.

Дадимъ теперь бѣглую картину административнаго раздѣленія и юридическаго быта теленгетовъ.

Въ административномъ отношеніи чуйскіе теленгеты, прежніе двоеданцы, т. е. платившіе подать русскому правительству и китайскому до 1865 года, дѣлятся на двѣ чуйскія волости, управляемыя зайсангами, ранѣе наслѣдственно выбираемыми изъ «суöка» рода, «тоёлесъ» и «кобёкъ». Теперь зайсанги вообще выбираются изъ богатыхъ родовъ и утверждаются мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ. Власть зайсанга, прежде почти безграничная, и теперь стоитъ гораздо выше власти волостного старшины. Зайсангъ имѣетъ право безъ суда наказать любаго теленгета, начиная съ наложенія штрафа, кончая наложеніемъ тѣлеснаго наказанія до 25 ударовъ. Вмѣстѣ съ димичами, т. е. выборными почетными судьями, онъ рѣшаетъ всѣ гражданскія дѣла безъ ограниченія суммы иска. Въ настоящее время его судъ можетъ быть обжалованъ въ мѣсячный срокъ засѣдателю (становому), но ранѣе онъ былъ безапелляціоненъ. Кромѣ суда зайсанга существуетъ интересная форма третейскаго суда, членами котораго выбираются шесть лицъ, по три отъ каждой стороны, подъ предсѣдательствомъ зайсанга. Рѣшеніе этого суда безапелляціонно. Судьи язычника передъ судомъ даютъ интересную клятву на кремневомъ ружьѣ: «Вотъ солнце, вотъ мѣсяцъ, вотъ ружье—вотъ я лизну языкомъ ружье это и, если я виноватъ, пускай я солнца и мѣсяца не буду видѣть, и это ружье пусть убьетъ меня»!

Ранѣе эту присягу приносили на лукахъ и стрѣлахъ.

Кромѣ этихъ, полуофиціальныхъ формъ суда, у теленгетовъ существуетъ аильный судъ стариковъ, который разбираетъ всѣ мелкіе споры и ссоры; рѣшенію ихъ теленгеты подчиняются добровольно. До высшаго начальства, вообще, доходить не любятъ, жертвуя иногда ради этого большія деньги мѣстнымъ писарямъ и нижнимъ полицейскимъ чинамъ. Вообще, въ этомъ отношеніи, по выраженію одного мѣстнаго типичнаго писаря, жизнь «блаженная» для мелкой администраціи. Взятки, поборы берутъ всѣ, быстро обогащаясь на счетъ инородцевъ, расхищая ихъ тающее богатство.

Зайсангъ собираетъ всѣ подати (ясакъ) и земскія денежныя повинности. Казеннаго ясака съ обѣихъ волостей идетъ только 57 р. 14 к. Зато земскіе сборы, которыхъ въ действительности не должно быть, болѣе 1500—2000 руб., обходятся очень дорого теленгетамъ. Съ нихъ взыскивается различными способами до 11.000 рублей, какъ утверждалъ мнѣ въ Кашагачѣ мѣстный волостной писарь; деньги эти идутъ, повидимому, зайсангу и его помощникамъ. Подать собирается вообще безъ всякихъ окладныхъ листовъ. Раскладка производится на годичномъ волостномъ сходѣ въ октябрѣ—приблизительно по числу скота. Зимой производится самый сборъ безъ расписокъ и документовъ. На земскіе сборы содержится писарь (300 р.), 4 димича и сотника (200), гоньба до 1.000 руб. Существуетъ круговая порука между родственниками. Такимъ образомъ, это неупорядоченное денежное хозяйство теленгетовъ служитъ, несомнѣнно, къ ихъ экономическому упадку.

Другой причиной быстраго обѣднѣнія теленгетовъ служатъ ненормальныя условія торговли русскихъ купцовъ съ теленгетами на Алтаѣ. Раньше теленгеты довольствовались продуктами, которые выдѣлывались дома ихъ женами; теперь все болѣе и болѣе проникаютъ къ нимъ русскіе купцы, ведя въ горахъ свою своеобразную торговлю.

Условія продажи тамъ слѣдующія: купецъ везетъ мануфактурный товаръ, покупая его въ Бійскѣ. Товаръ этотъ («инородческій») самаго низкаго качества. Всякій опытный купецъ торгуетъ съ инородцами непремѣнно на скотъ, ѣдетъ онъ осенью. За два бумажныхъ пестрыхъ платка напр. онъ беретъ двугодовалаго барана. Денежная единица «Тохтунъ»—годовалый баранъ—равняется 1 рублю. Продавъ товаръ, купецъ не собираетъ тотчасъ скотъ: по условію съ покупателемъ, бараны должны оставаться у него безвозмездно всю зиму, кормясь и оберегаясь имъ (за утрату онъ отвѣчаетъ). Весь приплодъ поступаетъ къ купцу. Весною изъ стада въ сто барановъ напр. купецъ получаетъ 120—130. Лѣтомъ онъ ѣздитъ собирать скотъ и пасетъ его на инородческихъ пастбищахъ, устраивая такъ называемыя заимки. Осенью онъ гонитъ

его изъ горъ, уводя приплодъ и двугодовалыхъ барановъ, т. е. съ удвоенной цѣнностью.

Двугодовалый баранъ стоитъ вдвое дороже годовалаго, и такъ до 4-хъ лѣтняго возраста, послѣ котораго цѣна барана падаетъ. Такимъ образомъ купецъ получаетъ 120—130% выгоды. Торговля обогащающая довольно легко!

Сами купцы расплачиваются съ инородцами кирпичнымъ чаемъ, получаемымъ ими за 1 р. 20 к., считая кирпичъ за два барана, т. е. за два рубля. Купцы являются въ то же время и заимодавцами, давая товаръ въ долгъ за громадные проценты.

Эти ненормальныя условія, къ несчастью, отражаются печально на экономическомъ положеніи инородцевъ; бѣдность прогрессируетъ. Прежніе богачи, которыхъ еще встрѣчалъ Костровъ, Радловъ въ 60-хъ годахъ, имѣющіе по нѣсколько тысячъ лошадей, возившіе на верблюдахъ серебро и собольи мѣха, становятся миѳомъ. Современные путешественники не встрѣчаютъ того, что еще недавно описывалось достовѣрными очевидцами.

Интересно прослѣдить, какъ падаетъ критерій богатства. Князь Костровъ видѣлъ табуны у богачей въ 10.000 лошадей. Радловъ въ 60 году, только у самыхъ богатыхъ, встрѣчалъ табуны въ 8.000 лошадей, 1.000 головъ рогатаго скота и 2.000 барановъ. Ядринцевъ богачомъ считаетъ теленгета имѣющаго 2.000 лошадей и 1.000 рогатаго скота. Мнѣ пришлось узнать, что у богатаго зайсанга въ чуйской волости только 500 головъ лошадей. Такъ быстро идетъ обѣдненіе теленгетовъ.

Теленгеты, какъ и всѣ инородцы, теперь переживаютъ критическій періодъ перехода къ новымъ условіямъ жизни. Произволъ мѣстной администраціи, преслѣдованіе арака, неправильныя условія торговли, стѣсненіе въ землѣ—все это быстро разлагаетъ старый патріархальный строй, заставляя задуматься о дальнѣйшей участи этихъ беззащитныхъ дѣтей Алтая. Какъ и большинство русскихъ инородцевъ, теленгеты должны будутъ перейти къ земледѣлію, по крайней мѣрѣ, гдѣ это возможно по физическимъ условіямъ, чтобы сохранить себѣ право дальнѣйшаго существованія. Но до этого еще далеко. Работа нивеллировки Алтая только еще начата, и когда къ этой работѣ русскихъ миссіонеровъ, дѣйствующихъ въ области религіи, присоединятся русскіе піонеры, русскіе мужики пахари, тогда, можетъ быть, теленгеты, переживъ острый кризисъ, и получатъ возможность дальнѣйшаго существованія. Дѣло правительства—регулировать этотъ неизбѣжный болѣзненный процессъ, стараясь сдѣлать его наименѣе тяжелымъ. Дѣло этнографа—выяснить особенности того народа,

съ которымъ приходится имѣть дѣло, чтобы разумными мѣрами не дать исчезнуть народности такой,—можно сказать,—даровитой, какова народность теленгетовъ, обладающая всѣми задатками для дальнѣйшаго развитія.—Этимъ я закончу свой бѣглый очеркъ теленгетовъ.

А. Калачевъ.

ОТДѢЛЪ II.

Нѣсколько словъ о поэзіи теленгетовъ.

Теперь, когда грамотность и вліяніе цѣлаго ряда сложныхъ условій современной жизни почти заглушили настоящую народную поэзію, когда народъ, вмѣсто того, чтобы пѣть свои полныя своеобразной прелести пѣсни, запѣлъ пошлые куплеты, въ которыхъ такъ ясно отражается нездоровая жизнь фабричнаго, рабочаго, солдата, приказчика, теперь надо уходить все дальше и дальше въ глушь желающему услыхать старую, не искаженную пѣсню. Надо идти въ мѣстность, отгороженную самою природою, которая воздвигаетъ тамъ или высокія, непроходимыя горы, или широкія степи, отрѣзывая ея жителей отъ всего міра.

Въ этомъ случаѣ Россія, съ ея инородцами, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ именно поставлены въ такое благопріятное положеніе, имѣетъ много интереснаго для собирателя былинъ и пѣсенъ. Въ самомъ дѣлѣ наши инородцы, эти взрослыя дѣти, въ концѣ девятнадцатого столѣтія представляютъ намъ картину того, чѣмъ, можетъ быть, были европейцы во времена, уже давно канувшія въ вѣчность.

Если они и не переживаютъ той эпохи, когда складывались у нихъ эти пѣсни, легенды (это, конечно, относится и у нихъ къ самой глубокой древности), то они переживаютъ эпоху, когда эти былины и легенды тѣсно сливаются съ самой ихъ жизнью, выражая ихъ понятія, вѣрованія и мечты.

Въ этомъ году намъ пришлось быть у инородцевъ Алтая, теленгетовъ, племени родственнаго киргизскому.

Теленгеты закинуты въ трудно проходимыя Алтайскія горы.

Высокія вершины, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, блистающимъ ослѣпительною бѣлизною на этомъ чистомъ, синемъ небѣ, непроходимыя ущелья, пропасти, горныя рѣчки, бурныя и сокрушающія все на своемъ пути послѣ каждаго дождя, тропинки, по которымъ вполнѣ спокойно можетъ ѣхать только мѣстный алтаецъ—все это отрѣзало теленгета отъ прочаго міра, обусловивъ ихъ извѣстную самобытность и оригинальность.

Тутъ въ горахъ, никому невѣдомая, протекала ихъ исторія, маленькая исторія, вѣроятно, нѣкогда покрытая и кровью, и междоусобіями; тутъ являлись маленькіе побѣдители, маленькіе герои и свои дѣятели, теперь все это сгладилось, русское подданство успокоило нѣкогда богатую своими волненіями страну, которыя наложили только слѣдъ на ихъ историческія пѣсни.

Постарайтесь войти въ довѣріе къ инородцамъ, къ которымъ, можетъ быть, закинетъ васъ судьба. Не смущайтесь наружнымъ видомъ инородца: подъ его забитой, жалкой на вашъ взглядъ, наружностью, вы можете открыть иногда богатое содержаніе. Къ несчастію, и русскіе инородцы, по крайней мѣрѣ, тамъ, куда начали заходить русскіе, тоже начали подвергаться тому же неизбѣжному явленію—вымиранію у нихъ ихъ народной поэзіи.

Мы въѣхали въ Алтай съ юга, подвигаясь къ сѣверу, т. е. къ мѣсту, откуда идетъ русское вліяніе въ лицѣ, съ одной стороны, миссіонеровъ, съ другой—русскихъ купцовъ, и мы наблюдали, какъ исчезала постепенно самобытность народа, какъ исче-

зали его коренные обычаи, смѣняясь новыми, чуждыми; все труднѣе и труднѣе становилось вызвать на откровенность теленгета; въ сѣверномъ теленгетѣ вы видите недовѣрчивость и какую-то боязливость: онъ и готовъ рабски угодить вамъ, но того, чего вы хотите отъ него — полнаго раскрытія его міросозерцанія передъ вами, вы не дождетесь.

Нужно ловить и ловить, пока есть возможность записать то, что еще осталось цѣльнымъ, не поломаннымъ...

Теленгеты, алтайскіе калмыки, какъ называютъ ихъ обыкновенно, оказались очень поэтическимъ народомъ. Подъ ихъ грубой, неприглядной наружностью можно встрѣтить и пониманіе красоты природы, и умѣніе эпически подробно и картинно разсказывать, и фантазію, которая родила цѣлый рядъ поэтическихъ вымысловъ. Можетъ быть, такой чертѣ этого поэтическаго народа способствовало по истинѣ чудная красота Алтая, этого перла Сибири. Алтай съ его снѣжными вершинами, водопадами, съ его тайгой «черныю», поражающей своимъ величіемъ производитъ на всѣхъ чудное впечатлѣніе. Правда, онъ подавляетъ своей громадой; вы чувствуете себя маленькимъ и ничтожнымъ, но это, накладывая свой отпечатокъ на пѣсни теленгетовъ, не уничтожило въ нихъ умѣнья находить картины для своего вдохновенья.

У теленгетовъ есть крайне интересный обычай, который врядъ ли встрѣчается еще у другихъ русскихъ инородцевъ. Это—состязаніе пѣвцовъ въ искусствѣ складывать пѣсни экспромтомъ, обычай этотъ называется «ченежу кожондарь».

Лѣто, когда Теленгетъ переходитъ на положеніе кочевника, питающагося только продуктами своего стада, сплошной праздникъ для него.

Начинается гонка арака (водка изъ кумыса), начинается пиршество, веселое для бѣдныхъ и богатыхъ. Богатые устраиваютъ большія угощенія, справляютъ свои семейные праздники. которые пригоняются всегда ко времени лѣта. Вотъ на этихъ-то пирахъ и бываютъ эти турниры пѣвцевъ «кожонче».

Юрта полна гостями, которые съѣхались издалека, по обычаю привозя съ собою араку, въ видѣ подарка хозяину. Они сидятъ живописной группой на полу, куря свои длинныя трубки, набитыя русской махоркой, пополамъ съ растертой берестой. По срединѣ, на почетномъ мѣстѣ, справа отъ входа, другъ противъ друга сидятъ два пѣвца, дѣлая видъ, что они относятся равнодушно другъ къ другу, пока еще только небрежно перебирая двѣ струны своей деревянной, самодѣльной балалайки «кайлачею кобусъ». Публика все набирается и набирается. Хозяинъ усердно угощаетъ аракомъ пѣвцовъ, прося ихъ начинать. Одинъ изъ нихъ началъ; онъ поетъ низкой октавой, звуки какъ будто выходятъ изъ самой глубины горла; нѣсколько тактовъ онъ гудитъ только гласными у, о, ы, потомъ, быстрыми, мѣрными тактами, протягивая послѣдніе звуки, онъ поетъ нѣсколько строфъ и замолкаетъ. Тотчасъ же ему въ отвѣтъ начинаетъ другой пѣвецъ, тѣмъ же размѣромъ, той же октавой. Такъ поютъ они по очереди, горячась все болѣе и болѣе. Каждый въ этой пѣснѣ разсказываютъ эпически подробно подвиги членовъ его рода (суока), выставляя ихъ достоинства, смѣлость, ловкость, удачу, и высмѣиваетъ остроумно своего противника и его суокъ. Обоюдныя остроты и насмѣшки становятся все болѣе и болѣе мѣткими и злыми. Пѣвцы стараются, зная, что пораженіе одного изъ нихъ навлечетъ позоръ на весь суокъ. Слушатели раздѣлились на партіи, сочувствуя каждая своему пѣвцу. Жадно впиваютъ они каждое его слово, на лицахъ ихъ отражается то радость при удачномъ, мѣткомъ оборотѣ своего, то искреннее волненіе и горе при ловкой насмѣшкѣ надъ нимъ. Страсти напрягаются, еще немного — и уже давно сдерживаемое напряженіе разрѣшается дракой и потасовкой, которая вспыхиваетъ между гостями.

Хозяинъ доволенъ своимъ веселымъ пиромъ, довольны и гости весело проведеннымъ временемъ. Слава побѣдителя далеко разнеслась по Алтаю, особенно мѣткіе обороты и выраженія его запомнятся и разнесутся его слушателями.

Эти пѣвцы и люди, которые вообще умѣютъ говорить въ рифму, складно, въ большомъ почетѣ у теленгетовъ: такого «кожонче» старается пригласить своимъ

защитникамъ каждый теленгетъ, который долженъ идти на судъ зайсанга, его стараются склонить на свою сторону подарками, за нимъ посылаютъ пословъ.

На судѣ онъ краснорѣчиво защищаетъ своего кліента, говоря всегда въ рифму.

Этотъ же «кожанче» непремѣнно присутствуетъ на сходкахъ и собраніяхъ, гдѣ онъ публично, опять-таки въ рифму, говоритъ, защищая то или другое предложеніе. Онъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ, его мѣткія слова запоминаются и расходятся въ формѣ пословицъ. Между этими «кожанче» есть такіе, которые всегда, даже въ обыденной жизни, говорятъ рифмами.

Изъ мелкихъ лирическихъ пѣсенъ я записалъ, между прочимъ, слѣдующую, которая служитъ примѣромъ размѣра и рифмованія теленгетскихъ пѣсенъ.

Екй судын ортодо
Елйк тибéз ôлôнбàр
Елдйн јонын ортодо
Енéм билбéз ежимбàр;
Аркà тудынъ ортодо
Андар јаéз ôлôнбàр
Албитыбын ортодо
Адам бильбéз ежимбар!.

Между двухъ рѣкъ есть трава, которую не ѣстъ горный козелъ,—между людьми есть дѣвушка, которую даже мать моя не знаетъ; на холмахъ есть трава, ее дикіе звѣри не ѣдятъ,— между людьми моя возлюбленная, ее даже отецъ мой не знаетъ!...

Вотъ другая, которую поютъ, восхваляя смѣлый подвигъ жениха, укравшаго себѣ невѣсту:

Поѣхали мы, славную выглядѣли дѣвку и въ радости домой возвратились; отецъ, мать радуются, что дѣвку высмотрѣли, дѣвку украли, калыма не заплатили. Гнали насъ, гнали 20 верстъ, догнать не могли. У Урубена украли дѣвку, ничего не заплатили. Урубенъ осердился на насъ, выѣзжаетъ къ намъ «почему дѣвку украли, ничего не платили?»

Надѣньте на меня хоть халатъ одинъ и прощайте тогда! «И простилъ онъ ихъ, и отдали ему 30 головъ скота, а онъ подарилъ на 400 руб., и стали пить, пировать, байгу учинять...»

Вотъ мольба молодого теленгета, на котораго напали пять киргизскихъ разбойниковъ—онъ умоляетъ пощадить его:

Весь скотъ, который мой отецъ
вскормилъ,
Отдамъ вамъ, храбрые киргизы,
А если мало его вамъ
Будемъ же еще и друзьями!
Верблюдовъ идущихъ такъ плавно,
Отдамъ вамъ, храбрые киргизы,
Но если и ихъ вамъ мало,
Будемъ же еще и друзьями!

Я сестру вамъ отдамъ съ дивными волосами,
Можетъ быть вамъ и сестры мало,
Тогда будемъ же еще друзьями!
Даже мать вамъ отдамъ съ колыхающеюся пышною грудью,
Если и мать вы возьмете,
Будемъ мы съ вами друзьями!

Цѣлый рядъ пѣсенъ, записанный миссіонеромъ Вербицкимъ, лирическаго содержанія показываетъ, что этотъ отдѣлъ поэзіи такъ же богатъ у теленгетовъ, какъ и многихъ другихъ народовъ. Преобладающій характеръ этихъ простыхъ безъискусственныхъ пѣсенъ, грусть тихая, грусть, переходящая иногда въ тоску.

Да, по правдѣ сказать, грустна и сама жизнь алтайскаго инородца...

Мнѣ удалось записать также двѣ молитвы—пѣсни, которыя поютъ камы—жрецы.

Заклинаніе, которое произносится при посвященіи новаго камы.

О, великій отецъ Ульгень! Ты имѣешь на своей таинственной шапкѣ три разныхъ цвѣтовъ ленты, къ твоему престолу ведутъ три лѣстницы. Ты, Ульгень, создалъ

лошадь для ѣзды. Ты создалъ много скота, ты создалъ женщину съ длинными косами. Ты наполнилъ землю миромъ, ты возвратилъ ее изъ бездны, откуда не долетаетъ никогда пуля, не долетитъ ни одинъ звукъ. Ты утвердилъ землю на безопасномъ мѣстѣ. Ты создалъ прекрасную душу человѣка, создалъ человѣка съ волосами на головѣ.

Великій отецъ, украшенный таинственной шапкой съ тремя лентами! Мы надѣемся на тебя, жертвуемъ своими земными страстями, умомъ возвышаемся!...

Заклинаніе камы противъ злого умысла подземныхъ духовъ.

Свирѣпый духъ, улавливающій своею удою людей, ты любишь опрокинуть наполненную чашу, твое лицо черно, какъ сажа. Твои черные волосы всклокочены, твой ростъ громаденъ, ты держишь свой страшный щитъ только при свѣтѣ мѣсяца. Никто не можетъ выдержать руки твоей, самый сильный не могъ бы поднять ноги твоей. Твои глаза наводятъ тѣнь на міръ, твои зубы торчатъ, какъ гребни, твоими костями можно было бы мять кожу, изъ щекъ можно было бы извлечь желѣзную громовую музыку. Ты все видишь, все знаешь!

Молитвы, которыя, по моему мнѣнію, показываютъ, что инородцы не стоятъ уже такъ низко въ своихъ религіозныхъ представленіяхъ, что ихъ религіозныя образы богаты фантазіей и поражаютъ насъ какимъ то своеобразнымъ величіемъ.

Особенной характерной чертою Алтайской поэзіи я долженъ всетаки считать склонность къ былинамъ и легендамъ. Былины богаты своимъ содержаніемъ, полны чисто эпическими подробностями, красивыми фигурами и метафорами. Герои ихъ, богатыри, многочисленны: они оказываютъ удивительныя чудеса храбрости, силы и мудрости.

Таково впечатлѣніе былинъ, записанныхъ Вербицкимъ на Алтаѣ. Мнѣ также посчастливилось услышать новую былину, пропѣтую мнѣ теленгетомъ поэтомъ лѣтомъ 1896 г. близъ мѣстечка Каиъ-агачъ.

Былина объ Алтаѣ-Бучаѣ.

Есть у Алтая-Бучая для охоты бѣлый, чубарый конь.
За скотомъ ѣздитъ у него конь тигровой масти.
На войну ѣздить—рыжій конь у него «Димичи».
Онъ и самъ воюетъ, хозяину помогаетъ.
Гдѣ трава есть, Бучай тутъ скотъ ставитъ;
Гдѣ дрова есть, тутъ онъ юрту ставитъ.
Гдѣ кони его на дыбы встаютъ, тамъ озеро является многоводное,
Гдѣ землю копытами бьетъ, тамъ текутъ потоки огнемъ-пламенемъ.
Но нѣтъ ни одной собаки, которая бы остатки подобрала,
Нѣтъ сына родного, который остался бы за него.
Гдѣ его пасутся стада, тамъ никто не пройдетъ, не пробѣжитъ.
Рядомъ съ нимъ жить никто не достоинъ былъ.
Лучше его никого не родилося на землѣ!
Есть жена у него Ера-чечень,
Есть сестра у него Янчыръ-чечень.
На саклѣ у него сѣрый соколъ сидитъ.
Онъ закованъ цѣпями за ноги, за шею.
Двѣ большія собаки у дверей сидятъ.
Изъ зайсанговъ только одинъ Абай-ачи,
На бѣлой лошади достоинъ, чтобы его хоть замѣтилъ Алтай-Бучай.
Изъ 70 зайсанговъ нашелся Тедій - богатырь,
Чтобы на него хоть взглянулъ Алтай-Бучай.
А предкамъ своимъ онъ и счетъ потерялъ.

Не знаетъ, сколько у него и табуновъ лошадей:
Которые идутъ впереди, тѣ траву ѣдятъ.
Послѣдніе табуны только голую землю встрѣчаютъ.
Даже дикіе звѣри не могутъ безъ позволенія ѣсть траву его.
Хоть джигитъ будь, передъ нимъ не проѣдешь.
Есть гора у него, съ которой онъ всю землю осматриваетъ,
На гору эту не могутъ влетать даже соколы,
Хотя бы имѣли крылья молодого мѣсяца,
Даже дикіе звѣри забѣгать на нее не могутъ.
И сказалъ Алтай: «возьму своихъ молодцовъ,
Прогуляться пойду по бѣлому свѣту».
И приказываетъ онъ бѣло-чубараго коня засѣдлать,
На которомъ онъ на охоту ѣздитъ.
Надѣли на коня серебряную узду подъ золотомъ,
Надѣли потники во всю степь шириной,
Сѣдло положили, будто сѣдловина горъ,
Девятью девять подпругами подтянули сѣдло,
Плеть изъ девяноста кожъ къ лукѣ привязывали.
Надѣваетъ богатырь чугунную шапку до плечъ,
Кольчугу надѣваетъ о ста пуговицахъ,
Рукавицы золотыя надѣлъ,
Золотые сапоги надѣлъ съ девятью чугунными подошвами.
И говоритъ богатырь: «Всѣхъ джигитовъ пути выслѣжу,
Слѣды ихъ всѣхъ вымѣряю!,
Если долго пробуду въ чужой сторонѣ—то 60 лѣтъ,
Если скоро возвращусь—то 6 мѣсяцевъ!»
Говоритъ сестрѣ: «если старшаго брата будешь помнить ты,
На гору золотую не залѣзай, смотри,
Ты выпусти коня, коня Димичи, коль собаки мои залаютъ вдругъ!»
Подаютъ ему въ большой золотой чашкѣ айракъ:
Едва принесли его шесть человѣкъ,
60 богатырей едва коня его держали,
60 человѣкъ садятъ его на коня.
На прощаніе весь его скотъ заревѣлъ, прощаясь съ нимъ,
Весь народъ его плачетъ, прощается.
И поѣхалъ онъ плавной переступью, какъ вода течетъ.
Спина его не потряхнется,
Ѣдетъ настоящей иноходью,
Молодая трава подъ нимъ не стелется,
Зеленая трава не ломится.
Желѣзную тополь богатырь руками вывернулъ,
Сердцевину ея руками выдернулъ
И чубургу—флейту—изъ нея онъ дѣлаетъ.
Ни одинъ джигитъ передъ нимъ не пройдетъ,
Безъ броду онъ моря переѣзжаетъ,
Безъ дороги тайги пересѣкаетъ,
Высокія горы въ половину,
Маленькія горки по вершинкамъ ступалъ.
70 земель онъ изошелъ, не нашелъ онъ равнаго себѣ
И говоритъ: «70 богатырямъ я старшій братъ!»
Одинъ его глазъ яркъ, какъ утренній восходъ,
Другой, какъ луна горитъ;
Пика у него крѣпче алмаза, на спину лошади привязана;

Смертоносный мечъ вмѣстѣ съ нимъ около передней луки ѣхалъ
«Не надѣйся на себя, не возгордись, что ты лучше всѣхъ!»—
— Говоритъ ему конь бѣло-чубарый его:
«На землѣ много джигитовъ есть!»
Если и черный соболь мимо бѣжитъ,
Богатырь взора не кинетъ,
На лисицъ красныхъ смотрѣть не хочетъ,
Онъ самыхъ черныхъ соболей по выбору стрѣляетъ
Какъ изъ дома выѣхалъ, прошло шесть мѣсяцевъ,
60 мараловъ на 6 вертеловъ онъ посадилъ,
Мелкія кости изъ носу выпускалъ,
Крупныя кости изо рта выплевывалъ,
60 мораловъ сразу въ ротъ всѣ взялъ,
Только вполовину наѣлся онъ.
Молодцу умереть, судьбы не избѣжать,
Если кто пропадетъ, онъ не золото...
А конь Алтая землю ударитъ, вода выступаетъ;
Высокія горы задѣнетъ—кочки образуются,
Отъ большихъ морей—болота остаются.
Удила въ обхватъ онъ сгибаетъ легко,
Узда, повода ему не почемъ.
Ударяетъ Алтай плетью лошадь, плетью во сто кожъ.
«Сейчасъ», говоритъ онъ «я могу дочь неба Теме-коо за себя взять;
Если дочь возьму, зятемъ неба буду,
Если не возьму, для меня она талисманомъ будетъ;
Если возьму—товарищемъ для меня будетъ!»
И рѣшаетъ ѣхать онъ, пріѣзжаетъ къ небесной дочери,
Но исчезла она, какъ духъ передъ нимъ.
Посмотритъ на нее, ея не увидитъ,
Руками поймаетъ, изъ рукъ изчезаетъ.
«Небо и земля покуда стоятъ»—
Говоритъ тутъ Алтай-Бучай—
«Лучше меня никого богъ не создалъ,
Пойду теперь воевать Чингизъ хана!»
На черные глаза его кровь накатилась...
«У моихъ глазъ зрачки два царства видѣли,
Моихъ скулъ румянцы два Алтая прошли;
Отъ созданія міра лучше меня не было,
До скончанія вѣка буду жить, воевать!
Что можно рвать, все разорву,
Что можно рѣзать, все изрѣжу я!..»
Въ одинъ конецъ царства хана пріѣхалъ,
Самъ враговъ побѣдилъ;
Въ другой конецъ чубарый конь его зашелъ,
Въ 30 дней все царство завоевалъ Чингизъ хана онъ,
Плачетъ дома сестра его Ямчиръ-чечень,
Неистово кричитъ она,
Одинъ возгласъ на небѣ, другой на землѣ.
Взяла она въ руки золотую трость,
Взошла она на золотую гору желтую:
«Что моимъ яснымъ глазамъ увидѣть,
Что моимъ, словно мѣсяцъ, ушамъ услышать!...»
На устьѣ трехъ рѣкъ три сизыхъ утки плавали

Послала она за ними двухъ соколовъ своихъ,
И начала она пытать утокъ тѣхъ.
Первую утку стала по перышку ощипывать,
Общипывать да спрашивать: «Нѣтъ ли въ Алтаѣ
Лучшаго джигита, кромѣ брата ея?»
Не видала утка лучшаго богатыря.
Другая утка—то же самое.
Третью утку стала спрашивать,
По одному перышку ощипывать.
«Есть», отвѣчаетъ утка, «отецъ съ сыномъ
Анданъ-Шанданъ, Аранай-Ширанай:
Ихъ сильнѣе никого нѣтъ.
Если ночью встрѣтитъ, то сонъ пройдетъ,
Если днемъ, пища на умъ нейдетъ»...
Алтай-Бучай ѣхалъ 7 мѣсяцевъ,
Быстро какъ соколъ, всѣ 70 дней,
Заставлялъ бѣжать бѣгуна своего,
Изъ-подъ слѣдовъ его бѣжали рѣки шумныя...
Была у Араная-Ширанайя водоносица въ холщевой шубѣ.
Видѣла она утку два раза, но позабыла сказать о ней.
Третій разъ старушка пошла на водопой,
Снова утку видитъ и удивляется,
Какъ объ этомъ сказать, забываетъ!
И разбила себѣ ковшомъ для памяти носъ.
Вышелъ Аранай-Ширинай и видитъ кровь у ней,
Спрашиваетъ: «кто слугу обидѣлъ нашу вѣрную?»
Стали спрашивать ее и допрашивать.
Разсказала она, что для памяти себѣ носъ разбила сама.
Аринай-Ширинай взялъ утку и сталъ грамоту читать,
И сталъ сряжаться, коней своихъ сѣдлать.
Говоритъ ему старый отецъ.
«Аранай-Ширанай, не вѣрь ты грамотѣ:
Напрасно пишутъ въ ней, что ты сильнѣе его: не можетъ то быть!»
Но не слушается его, радуется богатырь,
Что вѣсть получилъ онъ пріятную,
И сталъ надѣвать свои одежды богатырскія.
Ѣдетъ, не разбирая ни ночи, ни дня:
Скорѣе нужно ему доѣхать до Алтаева стана.
«Это намъ кладъ, готовый скотъ, готовыя жены его»,
Ѣхали, радовались, стали доѣзжать до царя Алтая-Бучая,
Видятъ, буря поднялась—это отъ дыханія его лошади...
А Алтая жена заставляетъ богатырей ловить,
Кобылицъ изъ стадовъ, аракъ дѣлать.
Сто аркытовъ полныхъ насидѣли арака крѣпкаго,
Сто аркытовъ высидѣли крѣпкаго вина.
Сверхъ того добыли сто аркытовъ, какъ огонь, вина.
Первое высиживали—напоить его до безчувствія,
Третьяго вина—отравить его, когда вернется изъ похода далекаго.
Приготовили аракъ, Алтай-Бучай домой ворочается.
Алтай-Бучай пріѣхалъ по локоть въ крови,
А лошадь его—по брюхо въ крови.
Пріѣхалъ—ни на кого не смотритъ, осерчается:
Однимъ глазомъ на землю глядитъ, другимъ на небеса смотритъ....

Пріѣхалъ Бучай, видитъ наслѣдника: дитя еще ползаетъ,
Потому безъ него дитя родилось—видитъ его въ первый разъ.
На всѣхъ серчаетъ Алтай-Бучай. А жена и сестра встрѣчаютъ его пѣніемъ.
Поютъ о томъ, что есть лучшаго на землѣ,
Такъ поютъ, что въ старыхъ костяхъ кровь играетъ,
Засохшее дерево расцвѣтаетъ. И подаютъ ему чашу съ виномъ,
Семь дней пили они и выпили они наконецъ первое вино.
Заколдовала жена цѣлый аркытъ вина, вмѣстила его въ одну чашу
И подаетъ ему зелено вино: «Выпей за наслѣдника сына Ерке-Мандура ты».
И выпилъ онъ чашу полную. Выпилъ онъ три аркыта,
Думаетъ, выпилъ три чашки: «Какъ взросъ я, сколько на конѣ ѣзжу,
До сей поры не пивалъ такого сладкаго вина!»
И пьетъ еще нѣсколько чашъ, забавляется.
Изъ ста аркытовъ выпиваетъ онъ, чувствуетъ—помутился умъ у него.
Подаютъ ему потомъ третьяго приготовленія зеленый ядъ - аракъ
Выпиваетъ онъ 100 аркытовъ и сидитъ, какъ пьяный человѣкъ, когда онъ сильно пьянъ.
Жена его, слуги стали городить въ 90 рядовъ желѣзную городьбу
И трехъ его вѣрныхъ коней тройными желѣзными путами приковали къ той городьбѣ.
Двухъ его вѣрныхъ собакъ цѣпями заковали,
Двухъ вѣрныхъ ясныхъ соколовъ въ четыре ряда путами желѣзными опутали,
Его мечъ изъ черной стали по срединѣ переламываютъ,
У лука его тетиву въ трехъ мѣстахъ перерѣзываютъ;
И знаютъ всѣ его друзья, что смерть грозитъ хозяину ихъ, да не могутъ вырваться..
Алтай-Бучай самъ уснулъ—пьяный, Аранай Ширанай ликуетъ-торжествуетъ..
Стали кони и соколы ревѣть, кричать, хотятъ разбудить хозяина.
Алтай-Бучай пробуждается, берется за мечъ—мечъ ломается;
Берется за лукъ—тетива въ трехъ мѣстахъ подрѣзана.
Семь дней голыми руками съ врагами борется,
Но вино одолѣло его—и молодецъ падаетъ.
Сынъ наслѣдникъ видитъ, что отецъ его палъ,
Плачетъ объ отцѣ, надрывается. Мать приманиваетъ
Грудью его и ножницами рѣжетъ ноги его пониже колѣнъ.
А Аранай-Ширанай и мечемъ рубитъ, и стрѣлами стрѣляетъ въ Алтая-Бучая.
Мечемъ бьетъ—мечи крошатся; стрѣлами стрѣляетъ –
Стрѣлы отскакиваютъ, какъ отъ камня сѣраго.
Кругомъ Алтая-Бучая обкладываютъ ста кулями угля чернаго,
Ста мѣхами раздуваютъ огонь и жгутъ его.
Но онъ, какъ камень, не горитъ, ни горячій, ни холодный.
Когда его нагрѣли, ста аркытами воды обливаютъ его—
Не трескается онъ, ничего не могутъ подѣлать съ нимъ.
Аранай-Ширанай семь дней пилилъ два пальца его бѣлые;
Какъ отпилили—на двухъ верблюдахъ колѣни его сына вьючили,
На двухъ верблюдахъ отцевы пальцы навьючили.
А скотъ его семь мѣсяцевъ гнали, еле угнали отъ мѣста.
Аранай-Ширанай пригналъ скотъ на свое мѣсто,
Бѣлый-пестрый жеребецъ съ табунами обратно возвращается.
Алтая-Бучая Богъ съ неба кричитъ Аринаю-Ширинаю:
«Зачѣмъ Ширнинай-Аринай мѣсто Алтая пусто оставляешь ты?»

Отвѣчаетъ онъ: «Ничего мы не оставляемъ».
Какъ тигръ полосатый табунъ возвращается,
Аранай-Ширанай на Бучаева бѣло-пестраго коня садится;
Хочетъ заворотить табунъ, но падаетъ лошадь подъ нимъ.
Табуны домой бѣгутъ, а сѣдло на себѣ долженъ нести.
Догоняетъ онъ свои караваны; когда догналъ, то рыжіе табуны съ дороги
возвращаются.
Тогда рыжаго коня Алтая Димичи онъ хочетъ сѣдлать,
Подпруги всѣ не хватаютъ: Ширанай еле сѣлъ на него.
Конь бѣжитъ, несетъ его, 66 клыками стиснувъ удила свои,
Пѣна изо рта валится съ правой стороны—съ двухлѣтнюю корову,
Съ лѣвой—съ двухъ-годовалаго жеребенка.
На этомъ конѣ догоняетъ онъ рыжій табунъ
И сильными ударами возвращаетъ назадъ..
Конь бѣжитъ, встрѣчается желѣзная гора;
Конь скачетъ, нарочно убивается объ нее.
Ширанай падаетъ, сѣдло снимаетъ, на себѣ несетъ,
А рыжій табунъ снова возвращается!.
Приходитъ Ширанай домой, осерчается.
Спрашиваетъ жена Алтая, гдѣ конь его?
Отвѣтилъ онъ: «кони пропали всѣ!»
Говоритъ жена: «все неправда то:
Кони всѣ заколдованы, не пропали они:
Всѣ къ хозяину они возвратятся!..»
Рыжій конь «Димичи» вокругъ хозяина ходитъ, кручинится
«Быть можетъ ли то, чтобы умеръ онъ?
Коли живъ я, конь его,
Конь его, прошлогодній жеребенокъ я!»
Другіе кони его плачутъ, сокрушаются:
«Достать бы намъ два перста его, сына голени,
Освободить бы его вѣрныхъ соколовъ, вѣрныхъ псовъ его,
Воскресили бы мы Алтая-Бучая богатыря!»
Тутъ Димичи говоритъ имъ всѣмъ:
«Постойте, оборотнемъ сдѣлаюсь я»,
И сказавши такъ, отправляется...
Было время, Аранай-Ширанай къ дому не доѣхалъ,
Видитъ онъ—лисица черная бѣжитъ, хвостъ 60 шаговъ.
Надо, говоритъ, на лисицу поохотиться!
Выпускаетъ соколовъ Алтай-Бучаевыхъ;
Выпускалъ соколовъ, поднялись они,
За горою скрылись за высокою,
Только ихъ больше и видѣли!
Пять разъ гору объѣзжали за ними высокую,
Не нашли больше соколовъ Алтаевыхъ.
Далѣе идутъ они, маралъ черный бѣжитъ;
Рога у него, словно лѣсъ растутъ.
А маралъ бѣжитъ да и хвалится:
«Въ семи царствахъ нѣтъ, кто убилъ бы меня,
Кто рога бы мои продалъ драгоцѣнные,
Кто шкуру бы снялъ на шубу теплую!»
Аранай-Ширанай услышалъ то, осерчается,
Выпускаетъ тутъ двухъ собакъ Алтаевыхъ,
Догоняетъ того марала быстроногаго;

Бѣгутъ собаки за мараломъ тѣмъ,
Гору перевалили—и скрылися.
Сколько искали—не нашли ихъ тамъ.
Алтай-Бучай лежитъ не живъ, не мертвъ.
Вокругъ него слуги вѣрные собираются—
Кони, соколы, собаки вѣрные.
Плачутъ они, сокрушаются:
Какъ бы Алтаевы достать пальцы бѣлые.
Ноги сына его быстрыя?
Димичи рыжій конь догадался тутъ:
Въ птицу орла превращается, подъ облака поднимается...
Аранаевы слуги тутъ разговариваютъ:
«Что везти намъ пальцы, голени тяжелые:
Пора бросить ихъ птицамъ на растерзаніе,
Пусть растащутъ ихъ по косточкамъ!..»
Только что развьючили тяжелый грузъ,
Съ верху орелъ Димичи ударилъ тутъ,
Поднялся, захвативъ пальцы, голени.
Поздно спохватился тутъ Аранай Ширанай.
Алтаева же жена, сестра голосомъ заплакали:
На свои головы мы постаралися.
Оживетъ теперь Алтай—убьетъ всѣхъ насъ!»
Аранай-Ширанай не смущается:
«Что подѣлаютъ они съ пальцами мертвыми?»

Вокругъ Алтая всѣ слуги его собираются,
Пальцы къ рукамъ приставляютъ, стараются!
Не пристаютъ пальцы богатырскіе...
Тутъ заплакали слуги его вѣрные—
Кони, соколы, собаки охотничьи.
А Алтая сынъ безъ ногъ приползаетъ къ нимъ,
Говоритъ онъ Димичи коню:
«Какой ты другъ, коли тутъ не поможешь намъ
Не другъ ты отцу, не товарищъ ему!»
И тутъ на коня замахнулся онъ.
Димичи обидѣлся, горько плачетъ онъ
Отъ обиды, осерчавши вспоминаетъ свое прошлое.
Вспоминаетъ тутъ «Темене-коо»,
Темене-коо—дочь солнца яркаго,
Что когда-то сваталъ Алтай-Бучай.
И взвился онъ къ поднебесью,
Разсказалъ онъ несчастья Алтаевы,
Взялъ ее на спину, понесся съ нею.
Захватили они лѣкарства густаго и жидкаго,
Помазала имъ Алтаевы раны, раны сына его,
Полотенцемъ золотымъ вытерла,
Плетью золотой ударила.
Алтай-Бучай отъ смертнаго сна пробуждается:
«Двѣнадцать мѣсяцевъ проспалъ вѣдь я.
Хорошо же я выспался»!
—«И спалъ долго бы ты, кабы не слуги твои»:..
Отвѣчаетъ Алтаю Димичи рыжій конь...

Послѣ своего воскресенія Алтай-Бучай рѣшается ѣхать снова, чтобы отомстить своимъ убійцамъ. Своему сыну онъ поручаетъ свое царство, садится на вѣрнаго Димичи и скачетъ въ дальній путь, проѣхавъ въ 6 дней разстояніе, которое можно проѣхать въ 6 лѣтъ обыкновенному коню.

Догнавъ своихъ убійцъ, онъ беретъ ихъ въ плѣнъ. Жену свою онъ привязалъ къ хвостамъ шести жеребцовъ, сестру ножами калеными разрѣзалъ въ куски, Араная-Ширaная въ преисподнюю спустилъ, плетью убилъ и яму надъ нимъ камнемъ закрылъ. Димичи хотѣлъ небесную дочь назадъ на небо отвезти, но тамъ ее болѣе не приняли, такъ какъ она все таки побывала съ людьми. Алтай женился на ней и сталъ послѣ этого мирно царствовать, и славой его наполнилась вся земля...

Такова легенда объ Алтаѣ-Бучаѣ. Привожу еще сказку о чудовищѣ Алмысѣ и преданіе о переходѣ теленгетовъ на р. Чую.

Сказка о чудовищѣ Алмысѣ.

Нѣкогда, въ глубокой древности на Алтаѣ обитало страшное чудовище.

Формами тѣла, хитростью, умомъ оно было похоже на человѣка, но мохнатая шерсть, которая покрывала его тѣло, его страшныя привычки дѣлали изъ него самаго страшнаго звѣря. Онъ питалось людьми, особенно любило кровь маленькихъ дѣтей.

Долго устрашалъ оно людей, которые начали даже приносить ему кровавыя жертвы. Звали это чудовище «Алмысъ». Спустя долгое время у теленгетовъ нашелся храбрецъ, который рѣшился убить чудовище. Для этого онъ одѣлъ пень дерева своею боевою одеждою, возлѣ, у огонька посадилъ своего маленькаго сына, сáмъ съ своимъ лукомъ спрятался въ кустахъ. Долго ли, коротко ли прошло время, наконецъ, Алмысъ увидалъ приманку и бросился на мальчика. Мальчикъ погибъ, сдѣлавшись послѣднею жертвою. Алмысъ, готовясь броситься на одинокій пень, не увидалъ охотника, который поразилъ его прямо въ сердце своей каленою стрѣлою.

Долго ревѣлъ и метался смертельно раненый Алмысъ. На утро, когда пришли туда теленгеты, онъ былъ уже мертвъ, даже кости его успѣли разсыпаться...

Легенда о переходѣ теленгетовъ на р. Чую.

Прежде теленгеты жили на Телецкомъ озерѣ, жили богато, всего у нихъ было довольно, одно было горе—часто дѣлалъ на нихъ набѣги киргизскій батырь Кочкорбай. Съ воинами своими врывался онъ къ нимъ, со всѣхъ сторонъ закрытый щитами. Многихъ убивали они, многихъ уводили въ плѣнъ.

Долго терпѣли теленгеты, не находилось смѣльчака, который убилъ бы Кочкорбая, къ тому же тѣло его было заколдовано. Нашелся, наконецъ, одинъ храбрецъ; онъ узналъ, что одно мѣсто у Кочкорбая не заколдовано, и нацѣлился стрѣлой въ это мѣсто. Стрѣла прошла луку сѣдла, прошла подъ кольчугу и попала въ мочевой пузырь. Это случилось у горы Шактагъ (около Улалы). Въ это время, зайсангомъ у теленгетовъ былъ Яранакъ.

Онъ испугался мести киргизовъ и рѣшилъ искать защиты въ сильной власти. Собрался онъ въ длинный путь. Долго ѣхалъ, наконецъ прибылъ въ китайскій городъ Алястай и сталъ просить у китайскаго яндина (губернатора) защитить бѣдныхъ теленгетовъ. Яндинъ согласился принять ихъ въ китайское подданство и наложилъ на нихъ ясакъ «калань».

Нѣсколько лѣтъ жили теленгеты спокойно и стали забывать о ясакѣ китайцамъ: мѣсто было далекимъ и сталъ говорить Яранакъ:

«Айгырыбыс минип парадыбас Недис кызыр калат; Попбы анар парадыбас Катыбас кызыр калат».	т. е.	«Если ѣхать туда на жеребцахъ, У насъ скотъ не будетъ плодиться; Если сами уѣдемъ— У нашихъ женъ дѣтей не будетъ».

Поѣхалъ онъ снова въ послѣдній разъ. И сказалъ такъ яндину. Тогда яндинъ обѣщалъ дать имъ другую землю и ближе, и лучше и даже выстроить тамъ городъ. Но Яранакъ все еще роптал; тогда яндинъ обѣщалъ выгнать саянцевъ и мѣсто ихъ отдать теленгетамъ. Такъ и сдѣлалъ, и китайскимъ солдатамъ велѣлъ строить для нихъ новый городъ на устьѣ Козылшимъ (рѣка впадаетъ въ Чую въ 25 верстахъ отъ Кош-агача). Уже выкопали канавы, но когда стали дѣлать кирпичъ, онъ все разваливался. Напрасно бились 500 китайскихъ солдатъ—такъ и бросили строить. Городъ пришлось перенести на другое мѣсто къ р. Біенти, и назвали городъ Кобдо, что значитъ «городъ», и стали жить теленгеты на новомъ мѣстѣ. Скоро и Яранакъ умеръ, и сталъ судить теленгетовъ его сынъ Менидекъ. До Китая было всетаки далеко, и сталъ думать Менидекъ: «мы китайскому царю извѣстны; надо, чтобы и русскій царь узналъ о насъ». И сталъ онъ съ той поры думать, какъ бы перейти ему въ русское подданство и отправился въ Яштуры (сырой домъ), такъ звали теленгеты городъ Бійскъ, только что тогда выстроенный изъ сырого лѣса. Тамъ принялъ онъ русское подданство и передалъ русскимъ народъ свой; за это дали ему золотой знакъ и печать (медаль эта, говорятъ, все еще хранится въ родѣ кöбöковъ, изъ котораго былъ Менидекъ. Она теперь у Огурдека, богатаго теленгета).

Съ этого времени стали теленгеты двоеданцами, платя подать и китайцамъ и русскимъ. Русскимъ платили каждый зайсангъ по 40 мораловыхъ шкуръ, а китайцамъ платилъ каждый человѣкъ по 40 бѣлокъ «чунгугъ». Когда китайцы узнали, что теленгеты платятъ и русскимъ, послали сказать имъ: «Посылаемъ 700 верблюдовъ: переселяйтесь ближе къ намъ, у насъ вамъ будетъ хорошо жить». Не послушались ихъ льстивыхъ словъ; только Санаи и Сама съ своими родами бросили старое мѣсто, собрали табуны свои, навьючили свои богатства на верблюдовъ и двинулись въ мѣстность Ойгоръ и Акъ-колъ.

Но неудача преслѣдовала ихъ: скотъ не плодился и падалъ, жены ихъ не рожали. Поѣхали они весной и къ осени снова назадъ вернулись. Только что вернулись Самай и Сама, то связали ихъ и продержали въ темницѣ цѣлый годъ.

Такъ прекратилось у нихъ двоеданство. Этотъ Сама еще живъ—онъ уже дряхлый старикъ. Говорятъ, онъ все еще сильно ненавидитъ русскихъ...

Легенда объ уничтоженіи змѣй въ Чуйской степи.

Въ степи расплодилось много змѣй, онѣ жалили людей и скотъ, и стали люди Богу молиться, чтобы избавиться отъ нихъ. И послалъ Богъ каменный дождь и убилъ всѣхъ гадовъ.

Вотъ почему въ Чуйской степи такъ много камней круглыхъ и бѣлыхъ, какъ градъ, вотъ почему нѣтъ и плодородной земли на Чуѣ...

Вотъ тѣ небольшіе матеріалы, которые я успѣлъ записать въ свою лѣтнюю поѣздку на Алтай.

Студ. Пет. Унив. *А. Калачевъ.*

Свадебные обряды въ Ольгопольскомъ уѣздѣ Подольской губерніи.

I. Знакомство жениха и невѣсты; отправленіе женихомъ старостъ въ домъ родителей невѣсты; сватаніе.

Браки между молодыми людьми заключаются совершенно свободно, по взаимнымъ симпатіямъ, а не въ силу выбора родителей. Знакомятся и сближаются молодые люди на свадьбахъ, «музыкахъ», «игрищахъ», «вечорныцяхъ» и храмовыхъ праздникахъ. Коль скоро парубокъ желаетъ «одружыцця» съ извѣстной дівчиной, то онъ старается, какъ можно чаще, видѣться съ нею, «ходыть до неи», и устраивать любовныя свиданія «у садочку», «біля плоту» або «коло кирныці». Рѣшившись сдѣлать предложеніе, онъ говоритъ ей:

— Дасть тебе за мене твій батько, чи ні?.. Бо я хочу прыйти до тебе зъ старостами на такій-то вечіръ.

— Якъ татко и мамка согласны,—отвѣчаетъ дівчина.—А я готова.

Тогда «молодый» (женихъ), съ согласія своихъ родителей, отправляется съ старостами въ домъ «молодои» (невѣсты). Старосты входятъ въ «хату», а онъ остается на дворѣ. Это не есть еще сватаніе; теперь только узнается, согласны ли родители невѣсты на такой бракъ своей дочери. Горілки при этомъ не бываетъ. Молода стоитъ «біля пьецу», «колупае коминъ» и съ нетерпѣніемъ ждетъ рѣшенія «батькйвъ» (родителей).

— Якъ же буде, Марійко,—обращаются къ ней батьки,—согласна ты, чі ни? бо то тобі треба зъ нымъ жыты.

— Якъ татко тай мамка скажуть,—отвѣчаетъ молода и сейчасъ же прибавляетъ: а кого жъ я буду чикаты? пана, чи кого? Все одно треба за кого-нэбудь оддатыся!

Если молода́ и ея батькй согласны, то назначается «сватання» чрезъ день или чрезъ два, а наидалѣе—черезъ недѣлю.

На сватаніе старосты отправляются въ домъ молодой обязательно съ горілкою. Они входятъ въ хату, а молодый на время остается на дворѣ.

— Добрый вечіръ тому, хто жыве въ цімъ домі,—привѣтствуютъ старосты хозяевъ.

— Добре здоровля!—отвѣчаетъ хозяинъ. Сідайте въ насъ тай скажить що на себе.

— На себе нема намъ щб казаты, а на другого то скажымъ, по писанному: творы волю пославшаго тя.

И староста ведетъ рѣчь о потерянной овечкѣ, которую онъ съ своимъ товарищемъ разыскиваетъ, или выдаетъ себя и своего товарища за охотниковъ, преслѣдовавшихъ лисицу, которая убѣжала отъ нихъ и скрылась въ домѣ хозяевъ.

Хозяева понимаютъ, къ чему клонится рѣчь. Въ случаѣ согласія на бракъ, мать невѣсты беретъ два «рушныка», полотенца, перевязываетъ ими старостъ и при этомъ говоритъ:

— Хто знае, що вы за люде! Треба васъ звязаты и даты знаты старості (т. е. сельскому старостѣ).

Старосты не сопротивляются, вынимаютъ изъ за пазухи штофы съ горілкою,

кладуть ихъ на столъ и просять дать «келишківъ». Старшій староста наливаетъ чарку и говоритъ хозяевамъ:

— Спасыбі за добре слово! Запьемъ же могорычъ!

И пьетъ къ отцу невѣсты, называя его сватомъ. Сватъ пьетъ къ младшему старостѣ, а младшій староста—къ матери невѣсты, называя ее свахою. Сваха принимаетъ отъ старосты чарку, кладетъ ее на столъ и говоритъ:

— Дайте жъ молодого, зятя мóго, буду пыть могорычъ до него.

Младшій староста выходитъ «зъ хаты» и возвращается съ молодымъ, а родители выводятъ изъ-за печки молоду̀. Молодый становится въ сторонѣ.

— Ну, зятю, добре здоровля!- обращается къ нему теща и выпиваетъ горілку. Молодой принимаетъ изъ рукъ тещи чарку и пьетъ къ невѣстѣ, невѣста—къ старшему старостѣ, послѣдній къ свату и т. д., пока не выпьютъ всей принесенной горілки. Старосты приглашаютъ молодыхъ поцѣловаться. Молоди̂ «соромяцця».

— Лыбонь вы не любытесь, колы не хочете поцюлёватысь, говорятъ старосты.

Молодые цѣлуются.

Чрезъ недѣлю назначаются формальные «заручены».

II. Заручены.

Въ назначенный день женихъ приглашаетъ своихъ родителей и близкихъ родственниковъ, беретъ хлѣбъ, ведро или два ведра горілки и отправляется въ домъ родителей невѣсты. Одни родственники несутъ хлѣбъ, завернутый въ платокъ, а другіе—безъ платка. Въ домѣ невѣсты ихъ ужъ ожидаютъ ея родственники.

Послѣ обычныхъ привѣтствій («зъ добрымъ вечеромъ!»—Дай, Боже, здоровля!), сваты спрашиваютъ родителей невѣсты:

— Чи не бачилы вы нашои телычки, котора паслась и заблудыла? Чи не прыбылась часомъ вона до васъ (не зашла-ли...)?

— Пізнавайте іі собі, отвѣчаютъ родители невѣсты.

Сваты узнаютъ свою «телычку». Всѣ усаживаются вокругъ стола. Старшій староста требуетъ «рушныка», покрываетъ имъ хлѣбъ, беретъ правую руку молодого и кладетъ ее на хлѣбъ, потомъ беретъ руку молодой и кладетъ ее на руку молодого. Затѣмъ каждый родственникъ кладетъ сюда свою руку. Староста связываетъ рушныкомъ всѣ руки и говоритъ:

— Не вяжецця гузъ, а вяжецця слово. Кто цей гузъ розвяже, той дасть сто рублівъ на церковъ, а три рубли шинкареви [1]).

Затѣмъ староста развязываетъ рушныкъ, а молода́ перевязываетъ старостъ рушныками и раздаетъ платки батькамъ и родычамъ молодого.

Слѣдуетъ «могорычъ» и «вечéря».

Во время вечéри мать невѣсты поднимаетъ чарку съ горілкой и, обращаясь къ матери жениха, говоритъ:

— Свахо головата [2]), дай, Боже, здоровля! Щобъ мені булы чоботы за дочку (намекъ на то, чтобы женихъ купилъ ей сапоги).

— Дай Боже здоровля! отвѣчаетъ мать жениха. Щобъ мені була хустка за сына!

— Якъ мені будутъ чоботы, то вамъ буде и хустка за сына.

За ужиномъ молодый и молода̀ не присутствуютъ.

Послѣ ужина происходитъ совѣщаніе о днѣ «весілля», при чемъ присутствуютъ и молоди̂. Свадьбу назначаютъ чрезъ недѣлю или чрезъ двѣ, а иногда и дальше [3]).

---

[1]) Угроза эта относится къ тому, кто разстроитъ настоящій бракъ.

[2]) Т. е. самая главная.

[3]) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ день свадьбы назначается въ домѣ жениха—во время «оглядынъ».

Молодой обѣщаетъ купить невѣстѣ сапоги къ свадьбѣ, а она даетъ слово вышить ему сорочку.

III. Оглядыны.

На другой день послѣ «зарученъ», родители и родственники невѣсты вечеромъ идутъ въ домъ жениха (съ хлѣбомъ, но безъ горілки) на «оглядыны». Къ этому времени въ домѣ жениха собираются и его родственники.

— Добры́-вечірЪ! Рады гостямъ?

— Добре здоровля! Рады, рады! отвѣчаютъ хозяева, принимаютъ принесенный хлѣбъ, усаживаютъ гостей по старшинству и «частýютъ» ихъ горілкой.

Первый пьетъ отецъ жениха, обращаясь къ отцу невѣсты:

— Дай, Боже, въ добрый часъ начаты и въ лучшый скінчиты!

Первая чарка обходитъ кругомъ стола.—Вторую круговую чарку начинаетъ отецъ невѣсты и пьетъ къ нарѣченному зятю. За второй чаркой происходятъ обыкновенно такіе разговоры между матерями жениха и невѣсты:

— Може, вы хочете волівъ тай коровъ? спрашиваетъ мать невѣсты.

— Мы не вымогаемъ, отвѣчаетъ мать жениха, що дасте—своимъ дітямъ дасте.

— А такъ, свашко-голубко, чімъ богаты, тімъ и рады.

— А може, вы схочете дорогого сукна або шёлку?

— Ні, що прынесете, то мы и прыймемъ.

— А у насъ, свашко, рідъ велыкый; треба, щобъ вы дали дары нашимъ родычамъ.

— Треба, свашко, треба,—що жъ робыты? Одныхъ будемъ дароваты, а други будутъ выбачаты, тай все добре буде!

Послѣ второй круговой чарки начинается «вечéря».

Прежде всего подаютъ на столъ «гыжки» [1]. Послѣ гыжокъ кругомъ стола обходитъ чарка и подаютъ сначала борщъ, потомъ «бигосъ» [2], «голубцы», «печинку» или свинное жаркое и иногда молочную кашу. До и послѣ каждаго блюда обходитъ столъ круговая чарка. По окончаніи «вечéры», хозяинъ даетъ всѣмъ гостямъ по парѣ калачей, гости благодарятъ и расходятся.

IV. Выборъ нанашекъ и дружбъ.

Вскорѣ послѣ «оглядынъ» молодый выбираетъ себѣ изъ своихъ родныхъ посаженныхъ отца и мать, которые называются нанашками. Молодá изъ своей «родыны» также выбираетъ нанашекъ. Это обыкновенно происходитъ въ пятницу той недѣли, въ которую назначено вѣнчаніе.

Взявъ пару калачей и штофъ водки, женихъ отправляется къ избранному родичу и проситъ его быть нанашкомъ:

— Просылы татко и мамка и я прошу, щобъ вы булы мені за нанашка.

Цѣлуетъ нанашка въ руку и пьетъ съ нимъ могорычъ,—въ этомъ и состоитъ приглашеніе нанашекъ.

Также происходитъ и приглашеніе дружбъ. Молодой беретъ по парѣ калачей и полуштофъ горілки, идетъ къ своимъ товарищамъ-парубкамъ и приглашаетъ ихъ быть у него «дружбами». Также (только безъ горілки) выбираетъ и невѣста «дружекъ», изъ среды своихъ подругъ.

Молодый и молода по отношенію къ нанашкамъ называются «финами».

На обязанности жениха лежитъ приглашеніе музыкантовъ, что онъ или самъ дѣлаетъ, или поручаетъ одному изъ дружбъ.

---

[1] Студень изъ свиного мяса.

[2] Капуста съ саломъ и колбасой.

V. Приготовленіе коровая.

Приготовленіе коровая происходитъ въ субботу утромъ. Прежде чѣмъ мѣсить тѣсто для коровая, свахи просятъ на это «благословеньства» у старосты:

— Просымъ, пани староста, благословеньства!

— Нехай Богъ благословыть! отвѣчаетъ староста.

— И повтурні...

— Нехай Богъ благословыть!

— И по третему...

— Нехай Богъ благословыть!

Свахи начинаютъ мѣсить, при чемъ поютъ:

А въ первый разъ—
Въ Божый часъ,
Благословы, Боже,
И отець и маты,
Своему дитяти
Коровай зильваты [1]).

Приготовленіе коровая свахи сопровождаютъ пѣніемъ различныхъ пѣсенъ и «частуются горілкою».

Коровай пекутъ и въ домѣ жениха, и въ домѣ невѣсты.

VI. Приготовленіе вѣнка и расплетеніе косы.

Въ субботу, послѣ обѣда, собираются въ домѣ невѣсты ея «дружки» и «світылки» и плетутъ вѣнокъ изъ «барвинку съ позліткою». Приготовленный вѣнокъ кладутъ на хлѣбъ, который ужъ заранѣе положенъ на столъ. Послѣ этого дружки ставятъ предъ столомъ ослінъ, покрываютъ его вывороченнымъ кожухомъ и усаживаютъ сюда молоду̀:

Сідай, донечко, на стилець,
Подай, маты, грибенець,
Розчесаты русу косу підъ вінець.

Къ невѣстѣ подходитъ отецъ съ тѣмъ, чтобы начать церемонію расплетанія косы. Молода́ сопротивляется. Тогда отецъ проситъ у старосты «благословеньства» и начинаетъ расплетать. Послѣ отца расплетаетъ мать, потомъ братья и сестры. Оканчиваютъ расплетаніе «дружкѝ», которыя, затѣмъ, и расчесываютъ волосы. Въ это время поютъ:

Въ первый разъ—
Божый часъ,
Благословы, Боже,
Отець и маты,
Своему дытяті
Косу росплитаты.

Музыка уныло наигрываетъ, молодежь поетъ, а старики плачутъ. Окончивъ обрядъ расплетанія, дружки привязываютъ бынды (ленты) къ вѣнку и передаютъ его отцу невѣсты. Отецъ проситъ у старосты «благословеньства» и кладетъ хлѣбъ съ вѣнкомъ на голову невѣсты. Дружки снимаютъ хлѣбъ, украшаютъ невѣсту вѣнкомъ и поютъ:

Трычи по церкви ходыла,
Спаса за ручку водыла—
До насъ, Спасе, до насъ!
Бо въ насъ теперь гараздъ:
Въ перше воскресіння
Зачинаецця весілля.

Когда невѣста встанетъ со стула, старшая «дружка» быстро садится на ея мѣсто въ знакъ того, что и она также должна скоро выйти замужъ.

---

[1]) Т. е. зробыты.

VII. «Выряженіе на село».

По окончаніи церемоніи расплетанія косы, молода съ дру̂жками, старостою и музы́ками выходитъ изъ хаты. Передъ порогомъ, на ослінѣ, покрытомъ-вывороченнымъ кожухомъ, сидятъ родители, нанашки и близкіе родственники невѣсты. Староста возглашаетъ:

— Стало собі це дытя передъ Господомъ Богомъ, передъ всімы святымы, передъ своимъ батькомъ, передъ матерью, передъ батьками вінчальными, передъ своими родычами, блызькыми и далекыми, просытъ благословеньства, щобысты ії простылы и благословылы и на село вырядылы.

Это произноситъ староста три раза. Послѣ всякаго раза батьки благословляютъ невѣсту хлѣбомъ:

— Нехай тебе Богъ благословыть!

Всякій разъ молодá кланяется имъ въ ноги и цѣлуетъ ихъ руки. Послѣ этого она кланяется въ ноги и всѣмъ присутствующимъ. Мать окропляетъ ее св. водою, а «титкй» осыпаютъ «жытомъ», при чемъ поютъ:

Кропы насъ, ненько, водою
Свяченою, непочатою,
Водою водонькою—
Доброю доленькою.
Иды, моя дочко,
Въ щаслыву годыночку.

VIII. Староста и дружбы у жениха въ субботу. Отправленіе къ нанашкамъ и родителямъ невѣсты и шествіе по селу.

Староста является въ домъ жениха съ калачами и вручаетъ ихъ отцу жениха.

— Добре, що нашъ староста вже е: теперь и діло буде скоро!—говоритъ отецъ и угощаетъ старосту закуской съ горілкой.

Староста въ это время очень торопится, благодаритъ хозяевъ и говоритъ:

— Ну, скоро, бо буде пізно.

Приходятъ дружбы съ калачами. Хозяева принимаютъ хлѣбъ и предлагаютъ дружбамъ закусить, при чемъ староста наливаетъ имъ по чаркѣ горілки.

— Пізно вже,—замѣчаетъ спустя нѣсколько минутъ староста. Дайте пару калачівъ и пляшку горілки.

Староста, молодый и дружбы, въ сопровожденіи музы́къ, отправляются къ нанашкамъ.

Здѣсь староста угощаетъ нанашекъ и всѣхъ присутствующихъ принесенною имъ горілкою. Когда же ея ужъ не окажется, хозяева просятъ гостей за столъ и сами угощаютъ ихъ, при чемъ музы́ки играютъ «виватъ». Послѣ угощенія нанашекъ даетъ старостѣ пару калачей, беретъ въ руки другую пару и вмѣстѣ съ нанашкой, женихомъ и дружбами, въ сопровожденіи музы́къ, идутъ въ домъ жениха. Калачи вручаются хозяину, который усаживаетъ нанашка съ нанашкой за столъ, а староста угощаетъ всѣхъ горілкой. Послѣ непродолжительной закуски происходитъ обрядъ благословенія—такой-же, какой описанъ нами въ домѣ невѣсты.

Послѣ благословенія староста ведетъ жениха, въ сопровожденіи дружбъ и музы́къ, въ домъ невѣсты, а отсюда всѣ вмѣстѣ, съ невѣстой и ея дру̂жками, идутъ къ батюшкѣ, къ уважаемымъ лицамъ въ селѣ и къ «родычамъ», за «благословеньствомъ» и для приглашенія на свадьбу.

IX. Гыльце.

Во время отсутствія молодой, свахи и оставшіеся родычи приступаютъ къ работѣ гыльца. Предъ началомъ работы одна изъ свахъ проситъ у старосты [1]) «благословеньства».

---

[1]) Одинъ староста отправился съ женихомъ и невѣстой по селу, а другой остался въ домѣ невѣсты.

— Нехай Богъ благословыть! отвѣчаетъ староста.

Гыльце представляетъ собою вѣточку черешни, которую украшаютъ васильками, «чыбрыками», колосьями ржи и гусинымъ пухомъ [2]).

Окончивъ работу, одна изъ свахъ обращается къ старостѣ:

— Староста-серце, выкупы собі гыльце, не за велыку плату,—за горілочки кварту.

Староста пьетъ къ свахѣ и передаетъ ей чарку, а она вручаетъ ему гыльце. При этомъ поютъ:

Згудылы старості, згудылы!
Съ крапывы гылёчко извылы,
Де буде староста ходыты,
Буде его въ лычечко жалыты.

Гости расходятся по домамъ.

X. Возвращеніе изъ села. Почесна. Вечеръ и ночь субботы.

Возвратившись изъ села, молодá становится съ дрýжками предъ дверьми хаты. Дружки поютъ:

Матынько-вудко,
Ввыхайся же худко
Во мы ся ввыхалы,
Все село звоювалы,
Жупання поросылы,
Всю родыну спросылы.

Мать невѣсты выходитъ съ хлѣбомъ и вручаетъ его дочери. Молодà цѣлуетъ хлѣбъ и входитъ въ хату, гдѣ для ней и ея дрýжбъ на столѣ уже приготовлена вечёря. Посѣ вечёри, на дворѣ устраиваются непродолжительные танцы, которые староста скоро прекращаетъ:

— Идить и сідайте на почесну,—говоритъ онъ.

Держась за платокъ, староста, молодà, братъ ея и дрýжки и входятъ въ хату. Староста обводитъ ихъ кругомъ стола, на которомъ находятся гыльце въ хлѣбѣ. При этомъ поютъ:

Расточено-поволочено по дворі,
А ще краще льняни обрусы на столі.
Туды ишла молодá Марійка на посагъ,
Звытаючи и спытаючи батычка:
А видъ кого цей посагъ наставъ, батычку?
Ой, видъ Бога, видъ старыхъ людей, дочечко!

На осліні сидятъ родители невѣсты, нанашки и родственники, съ калачами въ рукахъ. Невѣста становится предъ ними. Дружка проситъ у старосты благословеньства.

— Нехай Богъ благословыть,—отвѣчаетъ староста. Стало це дытя передъ Господомъ Богомъ, передъ всімы святыми, передъ своимъ батькомъ, передъ матерью, передъ батьками вінчальными, передъ своими родычами—блызькими и далекими и просыть благословеньства, щобысты іі простылы и благословылы на почесну.

Музыки уныло наигрываютъ. Невѣста кланяется родителямъ въ ноги. Это повторяется три раза.

Послѣ третьяго раза невѣста становится «на почесну». Она стоитъ въ концѣ стола и держитъ въ рукахъ, завернутыхъ платкомъ, тарелку, на которой находятся двѣ чарки съ горілкой и кусокъ хлѣба. Тутъ же стоитъ дружка или братъ съ штофомъ горілки. Братъ (или дружка) выкрикиваетъ:

— Десь тутъ е пани молодои батько родзеный! Просыть пани молода на почесну, тай и я прошу, прошу покорне, прошу ласкаве. Чи е, чи ныма? Дайтеся чуты!

---

[2]) Въ другихъ мѣстахъ гыльце приготовляютъ изъ «бузины».

То же повторяетъ и староста.

Къ невѣстѣ подходитъ батько съ платкомъ въ рукахъ, беретъ чарку и пьетъ къ дочери:

— Дай, Боже, здоровля, донё! Щобъ ты була здорова, якъ вода,—весела, якъ весна, и богата, якъ земля.

Братъ (или дружка) выкрикиваетъ свое приглашеніе по адресу матери, нанашекъ и родичей, которые и подходятъ къ невѣстѣ, пьютъ къ ней горілку и высказываютъ свои пожеланія. При этомъ, начиная съ отца, всѣ бросаютъ невѣстѣ на тарелку—рубль, пять, десять, сто, смотря по состоянію.

Почесна заканчивается криками друже́къ: «ухъ!» Музыки играютъ на «ура».

Та же церемонія происходитъ и въ домѣ жениха.

По окончаніи почесны въ домѣ жениха, староста беретъ горілку и два калача, а женихъ—подарки для невѣсты (большой платокъ и чоботы, въ которыхъ бываютъ зашиты различные гостинцы—конфекты, рожки, бублики, орѣхи) и, въ сопровожденіи дружбъ и музы́къ, отправляются къ невѣстѣ.

Какъ только раздадутся на дворѣ звуки музы́къ молодого, мать молодои выходитъ къ нему на встрѣчу, принимаетъ отъ него хлѣбъ, ему отъ себя также даетъ хлѣбъ и кружку съ водой и ячменемъ. Молодый выпиваетъ немного воды и бросаетъ кружку назадъ черезъ голову. Парубки разбиваютъ черепки отъ кружки въ мелкіе кусочки.

При приближеніи молодого къ столу (въ хатѣ), молода́ бросаетъ ему въ лицо зернами ржи.

Молодый и молода́ усаживаются за столомъ рядомъ, на подушкахъ.

Сестра молодои проситъ дружбу подать ей шапку молодого, покрываетъ «позлиткою» прикрѣпленный къ шапкѣ букетъ, надѣваетъ на себя шапку и поетъ:

Глянь, зятыку, на мене,
Краще я казакъ відъ тебе
Въ твоимъ шляцкімъ колпачку.
Гутуй, зятыньку, шостачку.

Молодый бросаетъ ей на тарелку нѣсколько копѣекъ. То же дѣлаютъ и дру́жки—каждая своему дружбѣ, при чемъ поютъ:

1.

Глянь, дружбочко, на мене,
Краще я казакъ відъ тебе
Въ твоимъ шляцкімъ колпачку.
Гутуй, дружбочко, шостачку.
Шостакъ—не шостакъ,
Сорокъ грошей,
Бо ты мій дружбочка хорошій.

2.

Наши дружбы пелыхати
Бігаютъ кругомъ хаты,
Червонци міняты,
Дружкы скупляты.
Нашъ дружба прыбрався,
Сімъ годъ не вмывався.
Восьмого году
Повелы до броду,
Болотомъ умылы,
Чересломъ підбрылы.

Староста молодого передаетъ матери невѣсты «рантухъ» (5 арш. полотна) и сафьяновые чоботы. На тарелкѣ передъ молодыми кладу тъ «хустку». Молодый кладетъ сюда три рубля. Староста передаетъ «гроши» матери невѣсты, а невѣста прикрѣпляетъ хустку за поясъ молодому.

Музыканты наигрываютъ танцы. Дружбы и дружки, парубки и дівчата пускаются въ плясъ.

Старосты подчуютъ горілкою сватівъ, родычей и знакомыхъ. Подаютъ вечéрю. Послѣ вечéри каждый дружба беретъ на руки свою дружку, выноситъ ее во дворъ и танцуетъ съ нею

Послѣ танцевъ молодый съ своимъ старостою и дружбами идетъ въ свой домъ.

Молода даетъ своему старостѣ штофъ горілки, пару калачей и вышитую сорочку для жениха. Съ музыкой и танцами является староста къ жениху, вручаетъ ему подарки невѣсты и угощаетъ принесенною горілкою хозяевъ и гостей. Хозяева также, съ своей стороны, угощаютъ старосту.

Танцы и веселіе продолжается до утра.

XI. Воскресеніе утромъ. Отправленіе жениха въ домъ невѣсты и подъ вѣнецъ.

Въ воскресеніе утромъ дру́жки, принарядивъ невѣсту, отправляются въ церковь. Послѣ утрени молодый идетъ за молодою.

Передъ хатою, на ослоні, покрытомъ вывороченнымъ кожухомъ, сидятъ родители молодои, съ хлѣбомъ въ рукахъ. Предъ ними, по правую руку, стоитъ молодый съ своими дружбами, музы́ками и старостами, а по лѣвую руку—молода съ своими дру́жками, музы́ками и старостами.

Староста молодого возглашаетъ:

— Стало собі цыхъ двое дітей передъ Господомъ Богомъ, передъ всіма святыми, передъ своимъ батькомъ, передъ маткою, передъ своими родычами—блызькими и далекими, просятъ благословеньства, щобы ихъ простылы и благословылы, съ-підъ зеленого вінця підъ царській вырядылы.

Молодый и молода кланяются батька́мъ въ ноги и цѣлуютъ ихъ руки и хлѣбъ. Это происходитъ три раза.

Мать окропляетъ молодыхъ три раза св. водою, а тётки осыпаютъ ихъ зернами ржи.

Въ сопровожденіи всей брачной свиты (кромѣ музы́къ), молодый на «хусткѣ» ведетъ молоду́ въ церковь на литургію.

XII. Возвращеніе послѣ вѣнчанія [1]).

Послѣ вѣнчанія молодый, съ своимъ «весіллемъ», отправляется въ свой домъ, а молода́, съ своимъ «весіллемъ»—къ себѣ въ домъ.

Дорогою поютъ:

Дякуймо попеньковы,
Якъ свому батынькови,
Що намъ шлюбъ давъ,
Не багацько взявъ:
Коныка вороного
Відъ пана молодого.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ хатъ выбѣгаютъ на встрѣчу молодымъ дѣти, съ кружками въ рукахъ и поливаютъ имъ дорогу, за что̀ и получаютъ по копѣйкѣ или больше.

Когда молодый съ своимъ «весіллемъ» подойдетъ къ своей хатѣ, то поютъ:

Радуйся, матыночко,
Своему дытяточку!
Перше ся радовала,
Якъ сына годувала;
Теперь ся велычае,
Що двое дітей мае.

[1]) Передъ началомъ вѣнчанія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, женихъ и невѣста стараются одинъ прежде другого стать на разостланный передъ аналоемъ рушныкъ, чтобы господствовать въ домѣ. Страдающіе какою-либо болѣзнію или чувствующіе за собой какой-либо порокъ, въ моментъ возложенія вѣнцовъ, громко объявляютъ объ этомъ священнику, вѣря, что послѣ этого они уже освободятся отъ своей болѣзни или недостатка: это называется «зашлюбоваты хоробу». Если, во время вѣнчанія, у жениха или невѣсты погаснетъ свѣча, то, по народному повѣрью въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, это служитъ признакомъ скорой смерти того, у кого это случится.

Передъ хатою же молодои, ея свита поетъ:

Червоный чобітокъ на нозі
Купывъ іі Ивашко въ дорозі.
Выйды, матынко, звытайся,
Свого дытятка спытайся,
Де твое дытятко бувало?—
Підъ царськымъ вінцемъ стояло,
Съ молодымъ Иванкомъ шлюбъ брало.

Выходитъ мать съ двумя хлѣбами и поетъ:

Чи я жъ тебе, дочко, въ церкву не носыла,
Що я тобі кращои доли не впросыла?

Дочь отвѣчаетъ:

Охъ, Боже жъ мій, Боже,
Переросла дуже!
Якъ бы мені хоть такый,
Що обручы струже!
Вінъ бы мені настругавъ;
Я бъ въ село понесла,
Сама бымся пожывала
И ему прынесла.
Ой, пійду я до попа,
Поговору стыха,
Нехай мене розвінчае
Безъ біды—безъ лыха.

Вмѣсто священника отвѣчаютъ:

Якъ я тебе извінчавъ,
Ты не маешъ діла.
Я на то тебѣ звінчавъ,
Щобъ ты зъ нымъ сиділа.

Молода падаетъ матери въ ноги и цѣлуетъ хлѣбъ. Мать усаживаетъ ее за столъ. Нанашки, дружки, старосты, родычи и гости также садятся за столъ. Подаютъ обѣдъ. За каждымъ блюдомъ староста угощаетъ всѣхъ горілкою.

То же происходитъ и въ домѣ молодого.

Послѣ обѣда поютъ къ старостѣ:

Староста старесенькый,
Голубе сывесенькый,
Вдаръ чоломъ
И май соромъ.
Выведы насъ зъ хаты,
На двіръ погуляты.
Нема старосты дома,
Повівъ до воды коня.
Никому даты знаты,
Щобъ вывівъ насъ зъ хаты.

Староста выводитъ «весільныхъ» изъ хаты во дворъ, обводитъ ихъ три раза кругомъ двора и возвращается въ хату, а молодежъ начинаетъ танцы. Сначала молодà танцуетъ съ своимъ братомъ, а дрýжки — одна съ другою. Когда же соберутся парубки и дівчата, то открываются настоящіе танцы, которые продолжаются до пріѣзда молодого.

XIII. Поѣздка жениха за невѣстой.

Передъ поѣздкой за невѣстой, женихъ получаетъ отъ своихъ родителей троекратное благословеніе. Староста по изложенной выше формулѣ проситъ родителей благословить своего сына. Сидя на ослонѣ, родители благословляютъ его хлѣбомъ.

Дружба беретъ жениха за руку, женихъ — второго дружбу, второй — третьяго и т. д.; въ такомъ видѣ всѣ выходятъ изъ хаты.

Во время всѣхъ этихъ приготовленій поютъ:

Маты Ивашка выряжала,
Выряжала и наповідала:
Не пый, сынку, першу чарку,
Вылий, сынку, коневи въ грывку,
Щобы була грывка кудрява,
Щобы була теща ласкава.

Передъ порогомъ хаты ставятъ скамью и подводятъ сюда осѣдланнаго коня. Женихъ всходитъ на скамью и садится на коня. Парубки кричатъ «ухъ». Музыка неистово играетъ. Дружбы и парубки садятся на коней, а родственники и знакомые въ повозки. Дорогой музыканты играютъ маршъ. Одинъ дружба несетъ коровай, обернутый краснымъ поясомъ, а свахи несутъ калачи и «гуски» (калачики въ видѣ «гусокъ»).

Дорогою поютъ:

Въ горо́ді зіля,
За горо́домъ мятка—
Скажитъ намъ, люде добри,
Де сватова хатка.

Приблизившись къ дому невѣсты, двое дружбъ отдѣляются отъ поѣзда и быстро подъѣзжаютъ къ порогу хаты. Старшій дружба, держа въ рукахъ калачъ, кричитъ:

— День добрый! Кланявся сватъ до свата, сваха—до свахы, молодый—до молодои! Оставайтеся здорови!—Это продѣлывается три раза.

Послѣ третьяго раза выходитъ изъ хаты староста молодои и «частуе» дружбъ горілкою. Дружбы даютъ ему калачъ и взамѣнъ получаютъ отъ него другой.

Дружбы отъѣзжаютъ на улицу и вручаютъ молодому полученный отъ старосты калачъ.

XIV. «Разбираютъ честь молодого».

Принявъ калачъ, молодый снимаетъ шапку, обращается къ востоку и трижды творитъ крестное знаменіе. Какъ только онъ третій разъ перекрестится, толпа парубковъ набрасывается на калачъ и разноситъ его по кускамъ: это и называется «разобрать честь» (цѣломудріе) молодого.

XV. Встрѣча жениха тещей. Выкупъ невѣсты у ея брата.

Двое изъ поѣзда жениха подходятъ къ порогу, держа въ рукахъ большіе калачи, покрытые сукномъ или шелковою матеріею (подарокъ жениха матери невѣсты), сверху два малые калача, а на нихъ штофъ водки. Молодый также держитъ въ рукахъ калачи.

Свита жениха поетъ:

Тутъ наше пірря впало,
Тутъ ся намъ подобало:
Марійка молоденька,
Прыстала до серденька.

Изъ хаты отвѣчаютъ:

Поволи кіньмы грайте,
Подвіра не лупайте,
Шальвію не ломитъ,
Намъ жалю не робитъ.

Свита молодого поетъ:

Лыбонь же мы не получылы,
Та до свата не заіхалы:
Якъ бы воны сваты,
То просылы бы до хаты.

Выходитъ теща въ вывороченномъ кожухѣ съ двумя хлѣбами въ рукахъ. Къ ней поютъ:

Богъ у твоімъ дусі.
Вышла теща у кожусі!
Щобы бувъ зять богатый,
Якъ кожухъ волохатый.

Молодый трижды кланяется тещѣ въ ноги. Староста молодого «частуе» нанашекъ и всю свиту молодого и послѣ этого всѣ входятъ въ хату.

Гости молодои въ это время поютъ за столомъ:

Щожъ то таке та наіхало?
Чи це зъ села селяне,
Чи въ міста міщане?
Нехай мы будемъ знаты,
Кому ся уступаты.

Родына и дружбы молодого поютъ, обращаясь къ сидящему за столомъ брату молодои:

Будь, брате, ласкавый,
Возьмы отъ насъ заставъ—
Коныка вороного
Відъ пана молодого.

Свахи и дружки молодой въ свою очередь поютъ:

Братыку ремыслычку,
Сядь собі на крыслычку,
Січы—рубай,
Сестры не дай:
Сестра тобі родына,
А"зять тобі чужына.

Молодый бросаетъ деньги на тарелку брату молодои. Братъ пьетъ къ нему могорычъ. А изъ-за стола поютъ снова къ нему:

Татарынъ-братійко, татарынъ:
Продавъ сестру за таляръ,
А русу косу за шостакъ,
А румяне лычико буде такъ.

Молода крѣпко держится за столъ. Молодый подходитъ, отрываетъ ее отъ стола, цѣлуетъ и садится подлѣ нея.

XVI. Требованіе «міры» и раздача коровая.

Усѣвшись за столомъ, свахи молодого требуютъ «міры»:

Дайте намъ міры,
Тай городскои віры.
Мы будемъ міряты,
А вы будете віриты.

Сначала имъ не подаютъ требуемой «міры», а, вмѣсто этого, даютъ все, что попадется подъ руки: рѣшето, корыто, «велыку мыску», «горщыкъ», «дошку» и наконецъ даютъ тарелки.

— О такої намъ міры треба! О такої намъ міры треба!

Дружба развязываетъ коровай, покрытый краснымъ поясомъ, крестообразно перевязываетъ себя и разрѣзываетъ коровай. Свахи поютъ къ нему:

Нашъ дружба, якъ панъ, якъ панъ.
На німъ шамовый жупанъ.
Поясомъ перевязався,
До коровая взявся.

Свахи берутъ тарелки, кладутъ на нихъ калачи и кусочки коровая и даютъ батькамъ и родыні молодои, при чемъ поютъ:

Здрібно, дружбочко, здрібно,
Щобъ було всімъ обділько,
Щобъ ихъ обділыты,
Щобъ ихъ не погнівиты.

На это дружки имъ отвѣчаютъ:

А мы роду не калйцького,
Мы роду старосьвицького.
Зъ торбамы не ходылы
И въ васъ дарівъ не просылы.

Свахи поютъ:

Засвіты, дружбо, свічку,
Гляды роду по запічку,
Щобъ ихъ обділыты,
Щобъ ихъ не прогнівиты.

Дружки отвѣчаютъ:

У насъ роду много,
А въ васъ дарівъ не много.
Е кому відбираты,
А въ васъ ничімъ дароваты.

Свахи молодого поютъ:

Выбачайте, сватове,
Що намъ гусокъ не стало:
Іхалы мы чрезъ поле,
Чрезъ поле широке,
Чрезъ море глыбоке,
Гусы пыты схотілы,
Тай на Дунай злетілы.

Друҗки поють:

Мокрее літо було́,
Хороше жыто росло:
По два колоскы на стеблі,
Малый вашъ коровай на столі.

Свахи поють:

Сухее літо було,
Малее жыто росло:
По колосочку на стеблі,
Велыкый нашъ коровай на столі.

Друҗки поють къ дружбамъ:

Я тебе, дружбочко, спытаю,
Чи е мені шышочка съ коровая.
Я твоя дружечка молоденька,
Чи е мені шышочка золотенька.

Сподникъ коровая раздають музыкантамъ.

XVII. Требованіе «пічінки».

Свахи молодого просять дать имъ «пічінки»:

Дайте намъ пічінки,
Най покрыемъ дівку,
Най дівка не гуляе
Русовъ (т. е. русою) косовъ не мае
(т. е. не машетъ).

Друҗки молодои отвѣчають:

Не дайте имъ пічінки,
Най не покрывають дівки,
Най дівка погуляе,
Якъ рыбка на Дунаю.

Свахи продолжають:

Имбиру, матынько, имбиру,
Вывены рантушокъ съ паперу,
Най покрыемъ русу косу и вечѐрю.

Мы имбиру не знаемъ (отвѣчають друҗки молодой),
Мы ся въ нему не кохаемъ.
Кто ся вмбиръ знае,
Най ся въ него завывае.

XVIII. Молоду покрывають рантухомъ. Раздаваніе «бындъ».

Мать невѣсты вручаетъ старостѣ рантухъ. Староста кладетъ его на столъ. Нанашка и главная сваха трижды просятъ у старосты «благословеньства» покрывать молоду̑ рантухомъ. «Нехай Богъ благословыть»! отвѣчаетъ староста.

Въ першый разъ,
А въ Божый часъ—
Благословы, Боже,
И отець и маты,
Своему дытяті
Русу косу накрываты.

Нанашка даетъ свой хлѣбъ свахѣ, а сваха—свой хлѣбъ нанашкѣ. При этомъ онѣ цѣлуются. Молодыхъ покрывають рантухомъ и заставляютъ поцѣловаться. Три раза поютъ: «Въ першій разъ, а въ Божый часъ», три раза перемѣняютъ хлѣбъ и три раза покрывають молодыхъ рантухомъ и заставляютъ цѣловаться. Музыканты играютъ, а друҗки и всѣ присутствующіе поютъ.

Голову невѣсты покрывають рантухомъ, а на рантухъ кладутъ вѣнокъ.

Молода снимаетъ съ себя «бынды» (ленты) и раздаетъ ихъ. Прежде всего она даетъ бынду сестрѣ молодого, которая называется світылкою [1]), а потомъ—и осталь-

[1]) Во время описываемой церемоніи світылка стоитъ въ углу хаты на лавкѣ съ восковою свѣчою въ рукѣ и «світыть».

ныхъ своимъ дружкамъ. При этомъ она завязываетъ бынду на головѣ каждой дружкѣ и съ каждой цѣтуется.

А свахи поютъ:

Що хотілы, то зробылы:
Изъ коржа—паланыцю,
А изъ дівкы—молодыцю.

Дружки продолжаютъ:

1.

Щомъ хотілы,
То зробылы:
Съ хліба—пів хліба,
А изъ Ивана—діда.

2.

Марійко-дівко,
Кынь рантушекъ підъ стілъ:
Рантушекъ, якъ каглянка,
А ты підъ нымъ, якъ цыганка.

Свахи перебиваютъ:

Марійко-дівко,
Кинь вінчекъ підъ стілъ,
Вінчекъ—на клыночекъ,
На головку рубочекъ.

XIX. «Вечѐря».

Вечéря начинается круговою чаркою. Батько молодои пьетъ къ зятю, зять—къ тещѣ, теща—къ дочкѣ, дочка—къ нанашку, нанашко—къ нанашку и т. д. Молода сидитъ за столомъ въ рантухѣ. Предъ молодыми положены тарелка и двѣ ложки, связанныя красною ниткою.

Молодый и молодá не ужинаютъ, а лишь сидятъ за столомъ: имъ полагается ужинать по окончанія вечéри. Не ужинаетъ также и світылка (сестра молодои): она, какъ сказано, держитъ въ рукѣ, свѣчу. По этому поводу за столомъ поютъ соотвѣтствующія пѣсни.

Свахи поютъ, обращаясь къ невѣстѣ:

Чомъ, Марійко, не ісышъ,
Що тобі маты зварыла,
Зварыла всего голубочка
Для мылои дочки.

Дружки обращаются къ жениху:

Чомъ, Иванку, не ісышъ,
Що тобі теща зварыла,
Зварыла всі голубята
А для мылого зятя.

Спустя немного времени, дружки снова поютъ къ жениху.

Ходытъ голубъ по столу,
По коліночка у меду,
Крыльцями меду черкае
Всіхъ парубочківъ частуе,
Лышъ Иванка менае,
Бо съ парубоства ступае,
На чоловіче престае.

Свахи же обращаются къ молодой:

Ходыть голубъ по столу,
По коліночка у меду,
Крыльцями меду черкае
Всіхъ дівочекъ частуе,
Лышъ Марійку менае,
Бо съ дівоства ступае,
На жіноче престае.

Къ світылкѣ дружки поютъ:

Світылочко-панно,
Вечеряй же въ намы!
Не будь така пышна,
Якъ у садочку вышня.
Не будь така горда,
Якъ наша пани млода.

Пьютъ горілку и ѣдятъ.

Дружки поютъ:

Вскочу я въ стінку,
Нарву я барвынку,
Постелю по столови,
Жывитеся сватове,—

Свахи на это отвѣчаютъ:

Вы насъ не проситъ,
Тілько намъ доноситъ.
Мы будемъ істы и пыты
И хорошо говорыты.

Дружки съ своей стороны оправдываются:

Якъ же васъ не просыты,—
Будете говорыты:
Було що істы и пыты,
А нікому препросыты.

Дружки поютъ къ дружбамъ:

Іште, дружбочки, іште
Да въ долони ріжте,
Абы вамъ лодони пашылы,
Золоти перстни бреныли,
Щобы васъ дружечки любылы
И на другімъ селі хвалылы.

Если кухарка почему-либо медлитъ подавать вечерю, то поютъ:

1.

Плакала кыцечка на кухні,
Ажъ іі очички запухлы:
Кухарка пічінку зъіла,
На бідну кыцечку уповыла.

2.

На пічі зайчыкъ сыдыть,
До горы лапки держыть,
Хоче нашу кухарку зъісты,
Що не дае намъ скоро істы.

На первое подаютъ «пічінку». Передъ вторымъ поютъ:

Чу-чу-чу
Я пічінки не хочу.
На Бога уновайте,
Намъ борщу подайте.

Когда съѣдятъ борщъ, свахи поютъ:

Быты котыка въ лапки
До запічнои бабки,
Щобы ся згадала,
Намъ капусты дала.

Подаютъ капусту. Свахи поютъ:

Мілка капуста, мілка,
Сікла Марійка-дівка,
Сікла-досікала,
Гостей сподівала.

По окончаніи «вечери», всѣ (въ томъ числѣ молодый и молода) встаютъ. Свахи и дружки поютъ:

Встаньте, бояре, встаньте,
Честь Богу, хвалу дайте,
Впередъ Богови и господареви,
И господынныці, и его дочці,
И кухарці за пыво приношіння
И за хлібъ поставління,
И за добрую згоду
Пьемъ горілку, якъ воду.

Три раза садятся, три раза встаютъ и каждый разъ это поютъ.

Послѣ третьяго раза всѣ выходятъ изъ-за стола, а молодый, молода и світылка начинаютъ ужинать, при чемъ молодый и молода «вечеряютъ» не тѣми ложками, которыя лежали предъ ними на тарелкѣ: эти ложки, связанные красною ниткою, молодые берутъ себѣ.

XX. Дары жениха и дружбъ дружкамъ.

Сестра молодого беретъ тарелку, калачъ, чарку и поетъ къ жениху:

До плясу, зятенько, до плясу
Я свои атласы потрясу:
Я дочка не попова,
Я до плясу готова.

Молодый бросаетъ ей на тарелку нѣсколько монетъ, а она снова поетъ:

Не кпыся, зятеньку, не кпыся,
На столі повненько напыйся,
Посягны въ кышеню,
Вытягны грошей жменю,
Посыпъ на тарілку,
Пый до сестры горілку.

Молодый снова бросаетъ ей на тарелку нѣсколько монетъ. Она пьетъ къ нему чарку, а онъ обратно—къ ней. Она беретъ деньги съ тарелки, а тарелку передаетъ старшей дружкѣ.

Старшая дружка и всѣ остальныя дружки продѣлываютъ то же самое, каждая съ своимъ дружбою

XXI. Могорычъ за «пóстіль». Укладываніе приданнаго на повозки. Молодыхъ выряжаютъ «на свій хлібъ».

На ослонѣ кладутъ подушки, на которыя садится сестра молодои и поетъ:

Я нічку не спàла,
Я пірячко дрàла.
Кто на ныхъ буде спаты,
Прошу ихъ выкупляты.

Молодый бросаетъ ей на тарелку деньги. Она принимаетъ ихъ и пьетъ къ нему «за постіль».

Подъ звуки музыки дружбы выносятъ изъ хаты приданое: подушки, ковры, налавники, «скрыню» съ вещами и пр. Все это они выносятъ, танцуя, и складываютъ на дворѣ. Выходитъ староста и «частує» дружбъ горілкою. Выпивъ могорычъ, они укладываютъ вещи на приготовленныя повозки, при чемъ стараются разложить ихъ на бóльшее количество повозокъ: чѣмъ больше будетъ повозокъ, тѣмъ больше чести для невѣсты.

Окончивъ укладываніе приданаго, старшій дружба возвращается въ хату и проситъ у старосты «благословеньства». По рединѣ хаты ужъ приготовленъ ослінъ, на которомъ сидятъ родители, нанашки и родычи молодыхъ. Староста отвѣчаетъ:

— Нехай Богъ благословытъ! Стало собі цыхъ двои дітятъ передъ Господомъ Богомъ, передъ Матерь Божію, передъ всіма святыми, передъ отцями-рідными и вінчальными и передъ своими родычами—блызьскими и далекими, просятъ благословеньства, щобысты ихъ простылы и благословылы, зъ—підъ царського вінця на свій хлібъ вырядылы.

Свахи поютъ:

О, въ первый разъ,
А въ Божый часъ,
Благословы, Воже,
И отець и маты
Своего дітяты
На свій хлібъ выряжаты.

Три раза старосты (два раза староста молодого и одинъ разъ—староста молодои) произносятъ свое «благословеньство», послѣ чего всякій разъ свахи поютъ: «О, въ первый разъ» и т. д. Музыканты при этомъ играютъ протяжно. Молодые кланяются въ ноги батькамъ—ріднымъ и вінчальнымъ и всѣмъ родственникамъ. Въ благословеніе они получаютъ двѣ иконы съ «рушныками» и по два хлѣба.

XXII. Выкупъ молодои у ея младшаго брата. Выѣздъ молодыхъ изъ дома невѣсты.

По окончаніи благословенія, старшій дружба беретъ за руку нанашка, нанашко—молодого, молодый молоду́, молода́ нанашку и, подъ звуки музыки, направляются къ выходу

изъ хаты. Но младшій братъ невѣсты перекладываетъ выходъ коромысломъ и не желаетъ отпустить сестру. Молодый выкупаетъ у него свою жену троекратнымъ платежемъ денегъ, а староста убѣждаетъ его «честью» и пьетъ къ нему могорычъ.

Братъ пропускаетъ шествіе. Шествіе направляется къ тому возу, на которомъ должна ѣхать невѣста и три раза обходитъ вокругъ воза.

При помощи молодого, молодá усаживается на возъ, держа въ рукахъ икону. Съ нею садится нанашка.

Дружбы кричатъ «у х ъ». Музыка играетъ маршъ. Молодый и дружбы усаживаются на коней, остальные на возы.

Поѣздъ трогается. Свахи поютъ:

Лышаемъ тобі, маты,
Праныкъ и загáты.
Будешъ иты шмата праты,
Будешъ дочку спомынаты.

За воротами происходитъ остановка. Сваты «частують» всѣхъ на дорогу.

Поѣздъ направляется въ домъ молодого самыми отдаленными улицами (хотя бы домъ жениха находился даже въ самомъ недалекомъ разстояніи).

Дорогою дружки поютъ:

1.

Ты, Марійко, відважиный казаче,
Куды идешъ прытки,
Противъ темноі нічки?
А дешъ ты будешъ
Нічку ночеваты?
Дешъ ты будешъ
Вечéрю вечеряты?

2.

Маю жъ я надійку
У Бозі,
Що е въ мене свекруха
Пры дорозі.
Тамъ я буду нічку
Ночеваты,
Тамъ я буду вечерю
Вечеряты.

Передъ воротами усадьбы молодого жгутъ солому. Молодый и молодá должны три раза перепрыгнуть черезъ огонь.

На порогѣ хаты молодыхъ встрѣчаетъ мать молодого и спрашиваетъ молодý:

— А съ чымъ ты до насъ прышла?

— Съ хлібомъ, съ сільою, съ честью, съ славою и съ сыномъ вашымъ.

Свекровь накрываетъ молоду полóй свитки и вводитъ въ хату. Невѣста кланяется всѣмъ въ ноги и усаживается за столъ [1]).

Молодй отсылаютъ черезъ старосту и дружбу батькамъ молодого жареную куру и не менѣе десятка варениковъ.

XXIII. Дѣлежъ присланной молодыми вечéри. Батьки молодои отправляются въ домъ молодого.

Батьки молодои усаживаютъ своихъ родичей за столъ, а староста производитъ дѣлежъ принесенной вечéри: голову и крылья даетъ отцу, спинную часть—матери, а все остальное прочимъ родственникамъ; отцу и матери даетъ по два вареника, а остальные вареники дѣлитъ между прочими родственниками, такъ чтобы каждому обязательно что-нибудь досталось.

---

[1]) Послѣ этого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзда женщины производятъ невѣстѣ испытаніе въ различныхъ работахъ—шитьѣ, пряжѣ, очисткѣ и уборкѣ хаты и пр. Все это сопровождается хохотомъ.

Староста проситъ хозяевъ поскорѣе собираться въ домъ молодого.

Хозяйка собираетъ дары, которые нужно роздать родичамъ молодои: коровай, гыльце, гуски, калачи, рушныкы, платки. Братъ молодои несеть коровай и гыльце, а сестра—все остальное.

Въ домъ молодого идутъ съ пѣніемъ и музыками.

У горбді зіля,
За горбдомъ мятка.
Скажите намъ,
Люде добрі,
Де сватова хатка.

Подходя къ дому молодого, сваты поютъ:

Не бійся насъ, зятю!
Не много насъ йде:
Сімдесятъ скрипельныків,
Вісімдесятъ бубельныківъ,
Сто душъ пропбю.
Господь, зятю, съ тобою.

На дворѣ молодого поютъ:

Знàте Марійку, знàте,
Въ которі вона хати:
Черчыкомъ обсыпана,
Калынкою обтыкана,
А лавки, прылавки—
Съ червонои китайки.

XXIV. Приходъ родителей невѣсты къ молодому на «пропой». Раздача даровъ и коровая. Угощеніе.

Хозяева усаживаютъ родыну молодои за столъ. Пришедшіе поютъ:

1.

Сдрігнулыся стіны,
Якъ пропійчаны сілы.
Ще гірше сдрігнуцця,
Якъ горілки напьюцця.

2.

Де та бочка дубова,
Що въ неі стоитъ горілка.
Заберемо черепочки,
Посідаемъ коло бочки,
Доты ся не вступымо,
Поки всю не выпьемо.

Свахи молодои поютъ:

Съ калыночки дві квіточки.
Ой, дайте жъ намъ міры,
Тай городскои віры.
Будемо міряты,
Будете віриты.

Требованія «міры» и раздача коровая происходитъ такъ же, какъ и въ домѣ невѣсты, что̀ нами описано выше (см. въ XVI).

Послѣ роздачи батьками молодои даровъ, наливаютъ горілку въ «мыски» и начинаютъ «частуватыся». При этомъ поютъ:

Ой дывно намъ, дывно,
Десь свата не выдно:
Изляканся пропбю
Тай сховався въ комору.

Это всякій разъ поютъ, когда кого-нибудь не замѣчаютъ:

1.

Ой, дывно намъ, дывно,
Що зятя не выдно:
Излякався пропóю,
Тай сховався въ комору.

2.

Горілки, зятеньку, горілки,
Було не браты у насъ дівки,
Бо въ насъ дівочка прошена,
Відромъ горілка ношена.

XXV. Выкупъ молодымъ каптура и намістки молодои. Дары молодымъ.

Кладутъ передъ столомъ ослінъ, покрытый вывороченнымъ кожухомъ. На ослінъ садится молодый и усаживаетъ себѣ на колѣни молоду. Нанашка повязываетъ голову молодои каптуромъ. Молода нѣсколько разъ сбрасываетъ каптуръ и кидаетъ дружкамъ. Молодый долженъ всякій разъ выкупать. Тоже бываетъ и при завязываніи молодои намисткою.

Слѣдуютъ танцы. Молода прежде всего танцуетъ съ молодымъ.

Послѣ танцевъ поютъ:

Повна кирныця, повна
На баранови вовна,
На цапови гость.
Дівочко-Маріечко,
Частуй свои гости.

Молода надѣваетъ на голову шапку молодого и держитъ въ рукахъ тарелку съ чаркою и калачемъ. Молодый становится подлѣ невѣсты съ горілкою и частуетъ батьківъ и родычей—своихъ и невѣсты. Всѣ бросаютъ въ тарелку—кто рубль, кто два, кто больше, смотря по состоянію.

Гости расходятся. Остаются только самые близкіе родственники.

Ихъ усаживаютъ за столъ и угощаютъ горілкою и «холодцемъ» (студень).

Вскорѣ уходятъ и оставшіеся родственники, во главѣ съ родителями молодои. Батьки молодого провожаютъ ихъ за ворота съ горілкою.

По дорогѣ къ дому батьківъ молодои поютъ:

1.

Булы мы на пропóі,
Ілы мы на барабóли,
Пыли мы медъ-горілку
За хорошую дівку.

2.

Пропыла маты дочку
На солодкімъ медочку,
Пывалы—выпывалы,
Марійку даровалы.

Какъ въ домѣ молодои, такъ и въ домѣ молодого снова бываетъ угощеніе родычей и знакомыхъ.

Все описанное происходитъ цѣлую ночь съ воскресенія на понедѣльникъ и весь день въ понедѣльникъ.

При этомъ бываетъ и маскарадъ.

XXVI. «Маскарадъ».

Парубки наряжаются то ксензомъ, то туркомъ, то цыганомъ. Ксензу даютъ въ руки лопату, вмѣсто креста. Кого ксензъ выисповѣдаетъ, того послѣ исповѣди бьютъ лопатой по головѣ. Дорогой ловятъ прохожихъ, подводятъ къ ксензу и просятъ освящать пойманнымъ воду. Перерядившійся туркомъ обматываетъ себѣ голову краснымъ поясомъ

и береть въ руки палку съ цвѣткомъ. Цыганъ намазываетъ себѣ лице сажей, беретъ рѣшето, «горщыкъ» съ саломъ и «мотузъ». Женщины переодѣваются жидовкой—арендаркой, урядникомъ и пр. Арендарка «частуе» прохожихъ изъ бутылки, наполненной борщемъ, вмѣсто водки. Переряженная урядникомъ привѣшиваетъ себѣ саблю и съ бумагой въ рукахъ издаетъ десятникамъ и сотскимъ различные приказы и пр.

Ряженые направляются къ молодому. На дворѣ у него они застаютъ такую сцену: одни молотятъ, другіе прядиво толкутъ, третьи расчесываютъ прядиво на желѣзной щеткѣ, четвертые выѣзжаютъ на встрѣчу гостямъ въ саночкахъ, запряженныхъ собаками.

Ряженныхъ и всѣхъ гостей просятъ въ хату и усаживаютъ за столъ. Начинается угощеніе, танцы и различныя шутки. Все это продолжается до поздней ночи (въ понедѣльникъ).

Ночью гости расходятся.

XXVII. Молодыхъ отводятъ въ брачную комнату.

Послѣ ухода гостей, нанашка отводитъ новобрачныхъ въ особую комнату, гдѣ уже приготовлено брачное ложе. Въ присутствіи нанашки молода̀ снимаетъ съ головы вѣнокъ и ленты, сбрасываетъ рубашку и одѣваетъ другую.

Затѣмъ она усердно угощаетъ нанашку принесенной изъ дому водкой и закуской. Послѣ этого нанашка оставляетъ молодыхъ вдвоемъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто нанашки, отводятъ молодыхъ въ ихъ комнату дружбы, а въ другихъ молоди̂ въ свою комнату сами отправляются.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это происходитъ ночью не съ понедѣльника на вторникъ, а съ воскресенья на понедѣльникъ.

XXVIII. Вторникъ. Брачное веселіе, если невѣста окажется «честною».

На другой день «до зары» нанашка идетъ къ новобрачнымъ, раздѣваетъ невѣсту, снимаетъ съ ней сорочку, надѣваетъ другую и ведетъ жениха и невѣсту въ хату къ батькамъ.

Если невѣста оказалась «честною», свадьба принимаетъ чрезвычайно веселый характеръ. Музыки играютъ бойкія и веселыя пѣсни. Парубки и свахи поютъ. Показывается сорочка невѣсты, какъ знакъ ея честности и невинности [1]). Свахи украшаются калиною. Калачи и хлѣбъ также украшаютъ калиной, а бутылки и чарки перевязываютъ красной ниткой; приготовляютъ и пьютъ красную водку. Красный цвѣтъ во всемъ преобладаетъ. Музыканты красными нитками перевязываютъ свои инструменты, а гости—свои указательные пальцы. Всѣмъ весело.

Въ полдень женихъ, въ сопровожденіи дружбы, подпоясаннаго краснымъ поясомъ и двухъ старостъ, отправляется къ тещѣ.

Придя въ домъ тещи, женихъ обращается къ ней:

— Спасыбі вамъ, мамо, за хлібъ, за калыну, за пусциву [2]) дытыну.

Теща радуется, усаживаетъ зятя за столъ и угощаетъ.

Женихъ проситъ батьківъ и родычей молодои въ домъ своего отца «на гостыну».

[1]) Дівчата при этомъ не присутствуютъ.
[2]) Честную.

Дорогой молодый ведетъ тещу подъ руку. Во время шествія поютъ:

Ой, меде нашъ, меде!
Зять тещу веде
За білую ручку
За честную дочку.
За калыночки
Дві квіточки.
Тобі, маты, не журытыся,
Тобі, маты, веселытыся.
Твоя дочка добра,
Пійняла бобра
Въ зеленому жыті,
Въ червоному аксымыті.
Марія садъ садыла,
Марія полывала.
Будь, саде, зеленéнькый,
Будь, роде, веселéнькый.
Кусала Марія горішки
Своему роду на вйшкы.
До мене, родóчку, до мене,
Не буде вамъ сорома за мене.

Женихъ приводитъ тещу въ домъ своего отца и останавливается передъ хатой. Двѣ свахи кладутъ поясъ въ калачъ, хватаются за концы пояса и бѣгаютъ вокругъ молодого и тещи, при чемъ поютъ:

Ой, рою, рою, пропою!
Добре намъ буде съ тобою.
Будемъ істы и пыты
И веселенько говорыты.

Свахи становятся у обѣихъ сторонъ дверей и держатъ поясъ съ калачемъ такъ, чтобы подъ поясомъ можно было пройти въ хату, а дружбы устраиваютъ такъ называемую «обмàну».

Изъ своей среды они выбираютъ молодого и красиваго парня, переряжаютъ его невѣстой (одѣваютъ въ женское платье, голову украшаютъ вѣнкомъ и проч.) и подводятъ къ тещѣ, стоящей съ зятемъ у порога хаты.

«Обмàна» кланяется тещѣ. Свахи узнаютъ обманъ. Мать тоже заявляетъ, что это—не ея дочь. Свахи поютъ:

Выведитъ намъ наше,
Нехай намъ запляше.
Наша не такая:
Наша золотая,
А це якась відміна—
Біда по колина.

Выводятъ настоящую дочь-невѣсту, завязанную «по молодыцкі», съ вѣнкомъ на головѣ. Невѣста падаетъ матери въ ноги. Всѣ входятъ въ хату.

Молодà раздаетъ дары (рушныки, платки пр.) всей родынѣ мужа. Получившіе подарки сейчасъ надѣваютъ ихъ на себя, хвастаютъ ими передъ всѣми и танцуютъ подъ звуки музыки.

Послѣ раздачи даровъ, молодà съ мужемъ, держа въ рукахъ тарелку съ чаркой и хлѣбомъ, стоитъ возлѣ стола. Къ молодымъ подходятъ родители и родычи молодого, пьютъ къ нимъ горілку, дарятъ ихъ различными хозяйственными принадлежностями и высказываютъ свои пожеланія.

— Щобъ вы булы здорови, якъ вода, весели якъ весна, богати якъ земля! желаютъ молодымъ одни.

— Дай вамъ, Боже,—желаютъ другіе,—зъ воды, зъ росы, зо всякои калабатыны, въ оборі, въ коморі, на печі и въ колысці.

Дары бываютъ различные.

— Дарую вамъ бычка сывенького.

— А я телычку.

— А я сороку, щобысты мàлы хлопця до року.

Батьки молодои приглашають къ себѣ зятя, сватовъ и ихъ родычей «на гостыну». По дорогѣ поють:

Гостына садъ садыла,
До саду говорыла:
Будь, саду, зелененькый,
Будь, свату, веселенькый.

Послѣ закуски и выпивки у родителей невѣсты, старосты ведуть гостей обратно въ домъ молодого, гдѣ происходить веселье до полуночи.

XXIX. Свадебное торжество во вторникъ, если невѣста окажется нечестною.

Если, по изысканіямъ нанашки, невѣста окажется «нечестною», то отъ жениха зависитъ открыть эту тайну или скрыть. Женихъ можетъ согласиться скрыть дѣвичій грѣхъ своей жены. Съ его согласія, она можетъ подкупить нанашку. Послѣдняя искусно поддѣлываетъ сорочку, и веселіе принимаетъ описанный нами характеръ.

Въ противномъ случаѣ, нанашка объявляетъ печальный результатъ своихъ изысканій, и свадьба принимаетъ крайне не веселый характеръ.

Невѣста плачетъ. Её ужъ не приглашають къ столу завтракать (и даже въ теченіе дня не дають ей совсѣмъ ѣсть), но посылають «по воду».

Когда она возвращается съ водой, музыканты и присутствующіе парубки въ воротахъ опрокидывають ведра и выливають воду. Она возвращается въ хату съ пустыми ведрами.

Существуетъ народное повѣріе, что, если молода «не честна», то у новобрачной четы не будетъ счастья въ хозяйствѣ, особенно не будетъ «водыцця худо́ба» (т. е. домашній скотъ). Поэтому мать жениха заставляетъ молоду́ пѣть при всѣхъ гостяхъ пѣсни, изображающія ея дѣвичье поведеніе. Молода оплакиваетъ въ пѣсняхъ свою «нечестность», прилагаетъ къ себѣ, согласно желанію своей тещи, много скандальныхъ и позорныхъ эпитетовъ и наконецъ обращается съ просьбою къ судьбѣ о томъ, чтобы ея «нечестность» не отразилась на домашнемъ благополучіи, хозяйственныхъ дѣлахъ и особенно—на «худобѣ».

Женихъ перевязываетъ дружбу соломеннымъ «перевесломъ» и отправляется съ нимъ къ тещѣ.

Придя въ хату, онъ не кланяется тещѣ, а лишь грубо приглашаетъ ее къ своимъ родителямъ.

Теща понимаетъ, что идетъ не на честь и славу, но, дѣлать нечего, отправляется. Женихъ ужъ не ведетъ ее подъ руку. Дорогой она претерпѣваетъ много оскорбленій отъ парубковъ. Ворота и двери ея хаты перевязывають соломой. Иногда ей надѣвають на шею хомутъ и въ такомъ видѣ ведуть въ домъ родителей зятя.

Придя къ себѣ въ хату, молодый набираетъ въ бутылку воды, вмѣсто водки, наливаетъ воду въ чарку безъ дна и подноситъ ее своей тещѣ. Свахи же жениха поють:

Оце тобі, свахо,
За твою честь,
Що не вміла
Дочки вчыты.
Ні будешъ зъ медомъ
Горілки пыты.

Далѣе происходитъ все описанное въ предыдущемъ отдѣлѣ.

Хотя музыка играетъ, но всѣмъ чрезвычайно грустно. Свадьба принимаетъ мрачный характеръ, какъ будто «мерця поховалы» (по выраженію одной бабы, присутствовавшей нѣсколько разъ на подобныхъ свадьбахъ).

XXX Среда.

Въ среду заканчивается свадебное торжество.

Послѣ обѣда въ домѣ молодого, старосты, нанашки и дружбы отправляются по домамъ, въ сопровожденіи музыкъ.

Родители молодого идутъ въ домъ родителей невѣстки, а молоди остаются дома и принимаются за обычныя работы.

15 октября 1896 г.
С.-Петербургъ.

Н. Дучинскій.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и Библіографія.

Отчетъ о шведскомъ этнографическомъ журналѣ: Nyare bidrag till Kännedom om de svenska lanasmlåen ock sveskt folklif 1885—1895 г.

Вышеназванный журналъ [1]) издается этнографическими обществами въ Упсалѣ, Гельсингфорсѣ и Лундѣ. Первое такое общество—западно-гётское—было учреждено вь 1872 г. и встрѣтило такое сочувствіе, что черезъ два года уже возникло 12 обществъ. Члены общества прежде всего каждый студентъ, заявившій о томъ желаніе. Когда изъ какой-нибудь народности наберется 5 членовъ, то они образують особую секцію. Каждое такое общество дѣйствуетъ самостоятельно въ своей этнографической области, но объ общихъ вопросахъ онѣ совѣщаются посредствомъ выборныхъ. Однимъ изъ главныхъ общихъ вопросовъ была выработка особаго алфавита для передачи всѣхъ оттѣнковъ народной рѣчи, послѣ чего общества и приступили къ изданію своихъ богатыхъ матеріаловъ. Этимъ условнымъ шрифтомъ печатаются, впрочемъ, только важныя въ діалектическомъ отношеніи записи, обыкновенно съ переводомъ на литературный языкъ en regard. Алфавитъ этотъ состоитъ изъ 77 знаковъ, но къ нимъ еще пришлось прибавить 15. Эта система осложняется еще различными обозначеніями подъема голоса и долготы слоговъ. Понятно, при ея составленіи были приняты во вниманіе работы Brücke'a, Michaelis'a и Theobald'a по нѣмецкой діалектологіи, а также и Sundevall'a, Pitman'a и Lepsius'a, но главная заслуга принадлежитъ Lundell'y, издателю Sv. landsm. Въ началѣ же каждый собиратель выдумывалъ условные знаки по собственному усмотрѣнію, которые потомъ были объединены въ каждомъ отдѣльномъ обществѣ, чтобы затѣмъ только быть приведены къ общему знаменателю сообразно съ потребностями всѣхъ шведскихъ говоровъ. Но нѣкоторое время и каждое общество пользовалось своими отдѣльными знаками.—Такъ съ фонетической и морфологической стороны обстоятельно изслѣдованы говоры Degerfors'a Åström'омъ (№ 33, 1888 г. и № 49, 1893 г.) и Burträsk'a Lindgren'омъ (№ 43, 1891 г.) въ Västerbotten'ѣ, Alunda'ы Bergman'омъ въ Upland'ѣ (№ 48, 1893 г.), Kökar'a Karsten'омъ въ аландскихъ шерахъ (№ 46, 1892 г.), Åsbo'a Billing'омъ въ округѣ Kristianstad'a (№ 39, 1890 г.), Luggude'a Olseni'емъ въ Skåne'ѣ (№ 28, 1887 г.), Gamlakarleby'a Hagfors'омъ въ самыхъ сѣверныхъ приходахъ въ Финляндіи (№ 43, 1891 г.). Говоръ Lau'a на Готландѣ изслѣдованъ Klintsberg'омъ со стороны уда-

[1]) Цитуется: Sv. landsm.

ренія и долготы слоговъ (№ 23, 1885 г.). Для опредѣленія послѣдней авторъ употребляетъ нотную систему. Словари составлены Vendell'омъ отъ говоровъ Runö'a (№ 26, 1886 г.) и Schagerström'омъ отъ Vätö'a въ Roslagen'ѣ (№ 38, 1889 г.). Сверхъ того Sv. landsm. содержатъ еще лингвистическіе экскурсы Beckman'a о возникновеніи и развитіи секундарныхъ посовыхъ гласныхъ въ нѣкоторыхъ скандинавскихъ говорахъ (№ 49, 1893 г.), Wadstein'a объ употребленіи «a» передъ «rt» въ сѣверныхъ языкахъ (тамъ же). Онъ-же (ibid.) и Kock (№ 43, 1891 г.), писали о перебоѣ «u» (u—omljudet). Послѣдній печаталъ критическія примѣчанія о шведскомъ удареніи (№ 28, 1887 г.), замѣтки о нѣкоторыхъ шведскихъ словахъ (№ 38, 1889 г. и № 51, 1894 г.), статью о смѣнѣ i: e въ древнегётскомъ и о вліяніи ударенія на шведскую вокализацію (№ 51, 1894 г.). Въ послѣднемъ выпускѣ (№ 54, 1895 г.) Saxén выступилъ съ изслѣдованіемъ о заимствованныхъ съ финскаго словахъ въ восточныхъ шведскихъ говорахъ. Noreen составилъ лексиконъ народныхъ этимологій (№ 32, 1888 г.). Особеннаго вниманія удостоились собственныя имена: въ введеніи къ народнымъ воспоминаніямъ (Folkminnen № 37, 1889 г.) заключаются замѣтки о прозвищахъ, Lundgren представилъ списокъ собственныхъ именъ въ среднія вѣка (№ 45, 1892 г.), Norrmann статистическія таблицы о распространеніи именъ (№ 35, 1889 г.), по которымъ самымъ популярнымъ мужскимъ именемъ оказывается Карлъ—9,4%, а женскимъ Марія—6,1%, и Nordlinder (№ 32, 1888 г.) разобралъ имена и мѣстныя названія въ области Lule. Läffler (№ 51, 1894 г.) обнародовалъ предварительный эскизъ о восточно-скандинавскихъ народныхъ названіяхъ у Іордана. Изъ его толкованій мы приводимъ: vagoth—* våg—gotans—våggoter—готландцы; liothida—* ljōd-pjōd—Lödde въ Skåne'ѣ; evagre otingis—* eyja—greotingis—островитяне и др.

Ahlström (№ 54, 1895 г.) изложилъ главныя теоріи возникновенія и распространенія сказокъ въ общедоступной статьѣ, изъ которой я отмѣчу предположеніе, что шведы обладаютъ около 300 сказочныхъ мотивовъ, и тотъ фактъ, что книжные переводы иностранныхъ сказокъ, какъ напр. рыцаря Blaubart'a, несмотря на то, что расходились въ 20—50 изданіяхъ, не оказали никакаго воздѣйствія на образованіе мѣстной народной розсказни, такъ что можно полагать, что заимствованіе шведскихъ сказокъ происходило исключительно устнымъ путемъ.—Остановимся теперь на сказкахъ, записанныхъ Bergström'омъ и Nordlander'омъ (№ 22, 1885 г.). Извѣстно, что медвѣдь и лиса въ розсказняхъ шведовъ пользуются большой излюбленностью. Вотъ образовывается новая сказка. Они сообща обрабатываютъ поле и сѣютъ рѣпу. Лиса беретъ то, что̀ подъ землею—«неизвѣстно, вѣдь, сколько тамъ»,—медвѣдь почернѣвшіе листья. На второй годъ они сѣютъ хлѣбъ и дѣлятся наоборотъ. Таковъ былъ бы чистый типъ сказки. Однако, народная фантазія этимъ не довольствуется, она забываетъ о второмъ дѣлежѣ и на его мѣстѣ расписываетъ, какъ медвѣдь и лиса жали, молотили, вѣяли, мололи, какъ медвѣдь при этомъ ведетъ себя глупо, такъ что подъ конецъ бросаетъ свою муку въ рѣку (стр. 19).—Сказку о Lill Pintel'ѣ и старикѣ Stalo'ѣ (стр. 37) интересно сличить со сказкой о Pintel'ѣ, укравшемъ золотыя вещи вѣдьмы (стр. 41). Stalo—лапландскій великанъ и людоѣдъ. Pintel постоянно надуваетъ его и, похитивъ у него золотыя вещи, уѣзжаетъ на его же золотомъ челнокѣ. Тогда Stalo выпиваетъ море, образовавшееся теченіе влечетъ Pintel'a къ Stalo'y, но Stalo когда хочетъ схватить его, треснетъ. Въ новообразованіи Stalo замѣненъ вѣдьмой—обычнымъ чудовищемъ большинства сказокъ. Подъ конецъ, вѣдьма отдѣлена моремъ отъ Pintel'a. Такъ какъ у неё нѣтъ лодки, то она берется выпить море, при чемъ и погибаетъ.—Въ сказкѣ, какъ лапландцы освободились отъ воинской повинности, разсказывается, что Швеція вслѣдствіе постоянныхъ войнъ съ Россіей была разорена и обезлюжена. Тогда лапландцамъ приказали выступить въ походъ, но явились только старикъ и мальчикъ. Когда безчисленное войско русскихъ осадило столицу, то оба лапландца взобрались на башню и перестрѣляли всѣхъ русскихъ. Тогда шведскій король заставляетъ мальчика стрѣлять въ яйцо, находящееся на го-

ловѣ старика. Послѣ этого лапландцы застрѣливаютъ всѣхъ присутствующихъ и освобождаются отъ воинской повинности (стр. 66). По преданію это случилось въ царствованіе Кристины. Сказка эта любопытна и по бытовой подкладкѣ и какъ варіантъ швейцарскаго сказанія о Wilhelm'ѣ Tell'ѣ.—Есть цѣлый рядъ разсказовъ о Göran (Георгіи) изъ Финляндіи и объ его сосѣдѣ Iljas'ѣ (Ильѣ), (стр. 80 и слѣд.); содержаніе ихъ обыденное, взятое изъ сельской жизни.—Исландскія средневѣковыя сказанія, легенды и анекдоты, переведенныя Cederchiöld'омъ на шведскій языкъ (№ 22, 1885 г. и № 41, 1891 г.) не имѣютъ прямаго отношенія къ шведской этнографіи и, кромѣ того, уже были оговорены проф. А. Н. Веселовскимъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. (ч. CCXLIV стр. 200 слѣд.).—Сборникъ аландскихъ суевѣрій Renvall'а (№ 40, 1890 г.) содержитъ много поразительныхъ параллелей къ общеизвѣстнымъ мотивамъ о домовыхъ, лѣшихъ, русалкахъ и привидѣніяхъ, какъ напр. разсказъ о русалкѣ, примыкающій къ типу Полифемовскаго сказанія (стр. 13),—но не менѣе любопытны сказанія, въ которыхъ народъ иронизуетъ свои собственныя повѣрья (стр. 37 и слѣд.). Съ другой стороны эти повѣрья еще живучи: въ Ångermanland'ѣ къ крестьянину забѣжалъ быкъ и былъ принятъ съ радостью; всѣ думали, что это подарокъ домоваго. Но каково было ихъ огорченіе, когда съ сосѣдняго имѣнія пришли за сбѣжавшимся быкомъ (№ 22, 1885 г. стр. 60).—Въ книжкѣ № 40 помѣщенъ еще очеркъ Åberg'а о хлѣвахъ Härjedalen'а, гдѣ описываются не только сами хлѣвы, но также обычаи, а равно и повѣрья, связанныя со скотоводствомъ.—Bore (№ 41, 1891 г.) обнародовалъ очеркъ горнозаводскаго быта въ началѣ нашего столѣтія, а Ellen Fries (№ 50, 1893 г.) описала послѣдній въ Швеціи судъ надъ вѣдьмами 1757—1763 гг.

Eva Wigström, рьяная собирательница сказаній въ Skåne'ѣ, издала также свои путевыя замѣтки о своихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, среди которыхъ она жила и записывала (Vandringar i Skåne ock Blekinge, № 31, 1888 г.).—Иногда приходилось записывать уже послѣ, по памяти; обыкновенно-же крестьяне сообщительны, дѣлая, однако, оговорку, чтобы при печатаніи не назывались ни деревня ни разсказчикъ. Мало того, въ день серебряной свадьбы г-жи Wigström крестьяне Helsingborg'а подарили ей золотые часы съ адресомъ. Но что ихъ страшно огорчаетъ, это—устраиваемые среди образованнаго класса спектакли изъ народной жизни, народные танцы и игры. Къ мужчинамъ народъ относится враждебнѣе, такъ что, когда г-жа Wigström отправилась съ мужемъ, то ей не удалось сдѣлать ни одной записи. Отрицательно же, даже къ ней, держались два типа крестьянъ: полуобразованные раціоналисты, отвергающіе все, что̀ отзывается стариной и повѣрьемъ, и піетисты. Г-жа Wigström въ каждомъ мѣстѣ оставалась нѣкоторое время, чтобы слышать каждый разсказъ по нѣсколько разъ отъ разныхъ лицъ, ибо каждая мѣстность имѣетъ свой собственный запасъ сказаній, иногда съ кое-какой примѣсью чужихъ, занесенныхъ сюда переселенцами. Чтобы возбудить охоту сообщаться, писательница сама разсказывала вначалѣ. Тогда дѣти толкали свою мать: «И ты вѣдь знаешь такую сказку»!—Однажды старуха въ Loshult'ѣ спросила г-жу Wigström, скоро-ли возгорится война между русскимъ и англичаниномъ. Она даже указала на поле, которое русскіе измѣрили и выбрали для битвы, намѣреваясь черезъ Loshult отправиться въ Англію. Оказалось, поводомъ къ этой легендѣ послужили желѣзно-дорожные инженеры.—Другой разъ, ее поразило слѣд.: лежа на смертномъ одрѣ, старуха пропѣла ей балладу «Дѣвица на кострѣ». Послѣ послѣдней строфы она обратилась къ своей дочери и дрожащимъ голосомъ увѣщевала ее, не сходить съ пути истины и добродѣтели.—Въ № 42, 1891 г., г-жа Wigström дала полный, систематическій очеркъ нравовъ въ округѣ Rönnebärg'ѣ въ Skåne'ѣ. Я остановлюсь на нѣкоторыхъ обычаяхъ, которые теперь почти уже вымерли, но въ которыхъ еще участвовало прошлое поколѣніе. Таковъ обычай sjunga maj i by—призывать май въ деревню. Въ сборникѣ Thomasson'а (№ 40, стр. 29) приводится такая пѣсня, которая пѣлась въ ночь наканунѣ 1-го мая.

«Съ добрымъ вечеромъ, вы, кто дома!—Привѣтъ нашъ маю! —Сегодня мы хотимъ гостить здѣсь,—затѣмъ понесемъ зеленую листву въ рощу.

« Прикрѣпляемъ май къ стѣнѣ крестьянина;—привѣтъ нашъ маю!—Ждемъ съ васъ полдесятка яицъ,—затѣмъ и т. д.

«Матушка-голубушка, — привѣтъ нашъ маю! — она дастъ охотно яйца; — затѣмъ и т. д.

«Много-ли у васъ желудей въ этомъ году?—Привѣтъ нашъ маю!—Такъ дайте намъ и жирный окорокъ,—затѣмъ и т. д.

«Слышимъ, скрипитъ лѣстница;—Привѣтъ нашъ маю! —Ждемъ теперь печенья,—затѣмъ и т. д.

Послѣ того какъ ихъ одарили, пѣлось:

«Спасибо, спасибо и батюшкѣ и матушкѣ!—Привѣтъ нашъ маю!—Ибо велико было ваше подаянье,—такъ понесемъ зеленую листву въ рощу»!

Если же имъ ничего не давали, то они ругались; но эти строфы у Thomasson'a такъ скабрезны, что мы предпочтемъ привести болѣе приличный образчикъ г-жи Wigström:

«Спи, спи, лѣнивый быкъ!—Привѣтъ нашъ маю!—Пока не сожрутъ тебя вши и блохи!—Лѣто радостно для молодежи»!

— Для настоящаго празднованія Троицы требовался женихъ и невѣста. Но не всякій бралъ на себя эту роль, потому что, во-первыхъ, кто въ шутку игралъ въ новобрачные, никогда на дѣлѣ не вступитъ въ бракъ, во-вторыхъ, пара эта подвергалась насмѣшкамъ, иногда весьма грубымъ. Но за плату всегда находили какого-нибудь полуумнаго батрака и нецеремонную дѣвку. Выбирались, далѣе, сватъ, жениховы товарищи, невѣстины подруги, словомъ, все, что̀ требовалось для свадебнато обряда. Шествіе, съ музыкантомъ во главѣ, обходило деревню, собирая подаянія: яйца, масло, жиръ, печенье и деньги. Сватъ произносилъ рѣчи, скрипачъ игралъ, новобрачные плясали. Затѣмъ устраивалось настоящее свадебное празднество, доходившее до распутства (стр. 20 и 21). На Рождествѣ ходятъ ряженые, въ видѣ сказителей пѣсенъ «visgubbar», нищихъ и гадальщицъ. Перевернутый тулупъ, рубаха сверхъ одежды, выпуклая шляпа, намазанное сажей лицо—вотъ маска мужчинъ. Женщины дѣлаются какъ можно старѣе и безобразнѣе. Г-жа Wigström надѣла разъ настоящую маску, но женщины сильно перепугались (стр. 33).—Очень любопытны свадебные обряды, хотя бы обрядъ «sjungas i säng»: Молодые съ гостями и со сватомъ во главѣ отправлялись въ спальную. Товарищи—съ мужа, подруги—съ жены снимали верхнюю одежду; молодые садились на постель, выпивали по стакану и разбивали ихъ. Затѣмъ сватъ произносилъ молитву и запѣвалъ псаломъ вмѣстѣ съ гостями, послѣ чего молодыхъ оставляли вдвоемъ. Теперь уже молодые возстаютъ противъ этого обряда и незамѣтно удаляются въ свои покои. Случается, однако, что гости и тогда вламываются къ нимъ (стр. 47). Сватъ играетъ очень важную роль; онъ не только главный предводитель во всемъ, но и блюститель принятаго порядка.—Насколько хорошо г-жа Wigström знаетъ народъ, видно изъ ея серіи новеллъ изъ народной жизни, пропитанныхъ поговорками и шутками и народными оборотами (№ 51. 1894 г.). Въ такомъ же духѣ и фарсъ «Getapulianare», попавшій въ Sv. landsm. (№ 27. 1887 г.) только потому, что нѣкоторыя, дѣйствующія лица говорятъ на Småland'скомъ діалектѣ. Странный матеріалъ также представляютъ изъ себя народныя воспоминанія (Folkminnen № 37, 1889 г. и № 47, 1893 г.). Это—разсказы, записанные, понятно, съ устъ народа, о томъ или другомъ лицѣ, о томъ или другомъ событіи, или просто разговоры, болтовни о томъ, напр., какъ Anders-Petters видѣлъ сонъ, какъ Möllare-Karolina пришла просить денегъ, и пр.

Petterson написалъ маленькій очеркъ быта лапландцевъ въ лѣтнее время (№ 34, 1888 г.) Изъ него я извлекаю нѣсколько сообщеній о поэзіи лапландцевъ. На пирушкахъ лапландцы, опьянѣвши, поднимаются на колѣна, машутъ руками и поютъ joik—пѣсни. Текстъ импровизуется на случай. Но кромѣ того, у нихъ суще-

ствуютъ еще болѣе пространныя эпическія пѣсни, передаваемыя отъ поколѣнія къ поколѣнію, весьма древнія. Въ лапландской поэзіи лиса, медвѣдь и волкъ играютъ большую роль. Изъ мелкихъ животныхъ лапландцы уважаютъ лягушку. Всеобщее повѣрье, подтверждаемое шведскими сказками (№ 51. стр. 77), что жрецы—знахари «nåjteh» превращаются въ медвѣдя, такъ что часто подъ шкурой медвѣдя находили еще запряжку или табакерку бывшаго лапландца.—Bergström (№ 21, 1885 г.) прослѣдилъ исторію лапландской пѣсни, проникшей въ английскую и—въ переработкѣ Хр. Э. Клейста и Гёте—въ нѣмецкую литературу.

Sv. landsm. не брезгаетъ и самыми незначительными прибаутками и стишками, дѣтскими пѣснями и болтовней. Знаменитая пѣсня: Rida, rida ranka теперь извѣстна почти въ 30 варіантахъ; во многихъ она соединена съ другой, не менѣе знаменитой: Spinn, spinn, dotter min.—Среди смѣшныхъ застольныхъ молитвъ встрѣчается такая: «Ѣда во имя Божіе,—а миръ въ Россіи,—и красавицы въ Skone'ѣ!»—Другіе варіанты ставятъ на мѣсто Roslagen'скаго Ryssland—Finland на аландскихъ островахъ и въ Упсалѣ—Tyskland (№ 25 стр. 198).

Любопытна колыбельная пѣсня (стр. 60), пріуроченная къ извѣстной ситуаціи. Вѣроломная жена забыла предупредить своего любовника. Онъ показывается у окна, а мужъ дома. Жена качаетъ дитя и поетъ:

«Ходишь подъ окномъ,—дорогой мой другъ,—Боже, храни тѣнь,—нельзя войти,—баюшки, баю,—мое золото,—славный,—что ходишъ ко мнѣ подъ вечеръ.

«Вечоръ я забыла поставить чурбанъ (условленный знакъ)—дорогой мой другъ,—уходи домой—нельзя войти и т. д.

«Лошади на лугу—дорогой мой другъ—злюка лежитъ въ постелѣ,—нельзя войти и т. д.

«Корова лежитъ въ хлѣвѣ,—дорогой мой другъ,—ключъ снутри въ замкѣ,—нельзя войти и т. д.

«Ворона на крышѣ—дорогой мой другъ,—а злюка въ постели не спитъ,—нельзя войти и т. д.

(Тутъ мужъ спрашиваетъ, что съ ней).

«Кто баюкаетъ дѣтей,—дорогой мой другъ,—долженъ имѣть много голосовъ,—нельзя войти и т. д.

«Человѣкъ тотъ безъ ума и чести,—вѣдь слышитъ же онъ,—что хозяинъ дома—баюшки баю и т. д.

«Приходи завтра,—до пѣнія пѣтуховъ,—тогда нѣтъ злюки,—онъ въ мельницѣ и мелитъ,—баюшки баю,—мое золото,—славный,—что ходишь ко мнѣ, подъ вечеръ.»—(Тамъ же см. и варіанты).

Я позволю себѣ указать еще на нѣсколько типовъ дѣтскихъ прибаутокъ изъ того же выпуска № 25 (1886 г,),—толстаго сборника Nordlander'а. Во-первыхъ, на алфавиты съ рифмами напр., A, B, C D.—katta låg på sne (кошка лежала криво), (стр. 130 слѣд.) — Или риѳмуется имя: Tre loppor isen kopp—säger Jakopp. (Три блохи въ одной чашѣ—говоритъ Іаковъ), (стр. 211 и слѣд.)—Или риѳмуется титулъ: en mark beck—en mark talg - å en mark ister—det blir herr magister, (фунтъ смолы,—фунтъ сала,—и фунтъ жиру,—вотъ будетъ господинъ магистръ!), (стр. 217).—На заданный вопросъ отвѣчаютъ безмыслицу, но въ риѳму, напр.: Va ska vi göra?—Ta två kattor ock köra. (Что намъ дѣлать?—Прокататься на парѣ кошекъ;) (стр. 254 и слѣд.).—Подражаютъ животнымъ: напр:

Овечка: jag vill gå hem — я хочу итти домой!
Овца: jag vill gå mä — я также!
Баранъ: jag vill bli kvar —я хочу остаться
å plocka bla-bla-blar — и рвать ли-ли-листву! (стр. 158 и слѣд.).

Подражаютъ, кромѣ того, звону колоколовъ при разныхъ случаяхъ, стуку телѣгъ и мельницъ (стр. 169 и слѣд.). На стр. 134 и слѣд. трудно произносимыя предложенія, въ родѣ: Fritz Frans Fredrik Ferdinand förde fyra franska fruar från Frankrike.

Курьезны т. наз. игры памяти (tankelekar) — разсказы, тянущіеся безъ конца, повторяя одно и то же. Возьмемъ разсказъ о мальчикѣ, который не хотѣлъ итти въ школу (стр. 147). Жилъ да былъ и пр. Старуха говоритъ розгѣ: Бей мальчика! Но розга отказывается. На розгу травится огонь, на огонь—вода, на воду—быкъ, на быка—мясникъ, на мясника—веревка, на веревку—крыса, на крысу—кошка; кошкѣ даютъ молоко, и цѣль достигнута.

Тотъ же Nordlander обнародовалъ еще тетрадь Småplock — мелочей (№ 36 1889 г.); между прочимъ смѣшныя обѣдни и т. наз. grötrim — стихи, импровизируемые надъ кашей на сочельникѣ. Въ одномъ разсказѣ (стр. 9) Николай упоминается какъ богъ лапландцевъ. и они молятся ему. — Sanden представилъ сборникъ загадокъ (№ 29. 1887 г).

№ 44, 1892 г. содержитъ нѣсколько балладъ, изъ которыхъ упомяну о пѣснѣ «о двухъ благородныхъ королевскихъ дѣтяхъ» (стр. 26), представляющей изъ себя отпрыскъ сказанія о Геро и Леандерѣ,—лирическія пѣсни, въ которыхъ основнымъ мотивомъ является разставаніе дѣвицы съ морякомъ, его измѣнчивый нравъ (сердце его уподобляется апрѣльскому снѣгу) и гдѣ иногда, какъ въ пѣсняхъ на стр. 59 и слѣд. проглядываютъ воспоминанія изъ церковной проповѣди,—содержитъ шуточныя пѣсни, среди которыхъ узнаемъ сказку о старикѣ, взявшемся за дѣло жены (стр. 87),—игорныя пѣсни, пастушескіе крики и призывы для собиранія коровъ. Сборникъ этотъ составленъ Carlheim—Gyllenskiöld'омъ. Интересенъ также сборникъ Thomasson'а (№ 40, 1890 г), но на всемъ, понятно, нѣтъ возможности остановиться. Въ № 51, 1884 г. Busck обнародовалъ нѣсколько любительскихъ стихотвореній, написанныхъ по поводу бракосочетанія, рожденія и т. п. на говорѣ Bohuslän'а, иногда старыхъ; одно восходитъ къ 1761 г. Въ № 22, 1885 г., также сообщается нѣсколько балладъ Одна (стр 92) вмѣстѣ съ отрывкомъ на стр. 100, напоминаетъ намъ положеніе Гамлета на кладбищѣ. Въ пѣснѣ о трехъ гусарахъ (стр. 93) повторяется мотивъ, пріуроченный и къ Чурилѣ. Обманутый мужъ приходитъ домой и видитъ въ конюшнѣ коней, въ передней плащи, въ комнатѣ подъ столомъ сапоги, а въ кровати трехъ гусаровъ. Любопытна также игра въ кости боцмана съ дѣвицей: послѣдняя проигрываетъ честь, хочетъ откупиться полцарствомъ, но боцманъ самъ оказывается царевичемъ. Пѣсню эту слѣдуетъ отнести къ разряду сказочныхъ мотивовъ, гдѣ царская дочь вступаетъ въ сдѣлку съ простолюдиномъ. Послѣдній иногда только переодѣтый царевичъ, хотя это, возможно, болѣе поздняя мотивировка. Въ № 30, 1887 г. и № 52, 1894 г. перепечатаны старинные сборники пѣсенъ Bröms Gyllenmärs'а, Barbro Banér'а и Pär Brahe'а, относящіеся къ первой половинѣ 17 вѣка. Они содержатъ эротическія стихотворенія и псалмы, иногда и народныя пѣсни. Но главное ихъ значеніе состоитъ въ ихъ полныхъ спискахъ средневѣковыхъ шведскихъ балладъ.

Въ непосредственныхъ записяхъ пѣсней принята во вниманіе и мелодія. Она постоянно прилагается въ сборникѣ Carlheim-Gyllenskiöld'а, но и въ другихъ мѣстахъ. Интересъ распространенъ и на танцы: № 44, 1892 г. (стр. 135 и слѣд.) и № 33, 1888 г. (стр CXXIII) содержатъ записи полекъ, вальсовъ, свадебныхъ маршевъ и т. п. Въ № 48, 1893 г, любопытное изслѣдованіе Lindgren'а о возникновеніи мелодій полекъ, гдѣ онъ доходитъ до заключенія, что мелодія польки тожественна съ полонезомъ и перешла изъ Польши непосредственно въ Швецію. На это указываетъ и названіе «polska», а не «polnisch», какъ напр. «schottisch».

Въ мелкихъ сообщеніяхъ содержится не мало любопытныхъ данныхъ и указаній Извѣстно сказаніе о стеклянной горѣ и о стеклянномъ замкѣ. Гора эта встрѣчается и въ пѣсняхъ Эдды о Брунгильдѣ. Возможно, что мотивъ этотъ возникъ по поводу скалъ, покрытыхъ лавою, придающею имъ видъ, будто онѣ дѣйствительно изъ стекла. Такія скалы массами находятся въ Шотландіи. По одному предположенію, это явленіе объясняется вулканическими изверженіями, по другому, скалы служили укрѣпленіями, и глазировка ихъ вызвана искусственнымъ образомъ (№ 33, 1888 г. стр. CVIII). Тамъ же (стр. CXLX) приводится новая параллель къ мерзебургскому заговору изъ судебной

книги 1672 г. Таких заклинаний, а также и домашних средств, Modin собрал множество въ Ångermanland'ѣ (№ 27 1887 г.). Къ концу книги онъ приложилъ списокъ народныхъ названій лѣкарствъ и цѣлебныхъ растеній. Противъ дурной напасти, напр., или противъ какаго нибудь вреда отъ земли, воды или вѣтра приготовляется микстура изъ водки, драконовой крови, медвѣжьей желчи и корня «runhåls» (rhiz. aristolochiae). Ножемъ описываются 3 круга противъ солнца и каждый разъ причитывается: «Шелъ финнъ по морскому берегу; онъ могъ заклинать всякую напасть въ мірѣ, онъ могъ заклинать напасть отъ финна, напасть отъ крови, напасть отъ волшебства, вредъ отъ воды, вредъ отъ земли, вредъ отъ вѣтра, ненависть, зависть, боль, муки, онъ могъ заклинать всякую напасть въ мірѣ...» и т. д. (стр. 14).

Но въ обнародованіи этнографическаго матеріала Sv. landsm. не ограничиваются одними современными свидѣтельствами, въ журналъ этотъ входятъ и старыя рукописи сообщающія тѣ или другія свѣдѣнія о народномъ бытѣ. Таково описаніе простонародныхъ нравовъ,—обрядовъ при ежегодныхъ празднествахъ пастора Gaslander'а 1774 г. (№ 53, 1893 г.) и записная книжка Bureus'а, учителя Густава Адольфа, жившаго отъ 1568 до 1652 г. Между его помѣтками находятся и воспоминанія о сношеніяхъ русскихъ со Швеціей. Напр.: однажды случилось, что русскіе спустились по рѣкѣ Uhleälfу и переправились въ Bygde, схватили пастуха и, будучи въ веселомъ настроеніи духа, заставили его играть передъ ними на свирѣли. Онъ сыгралъ и кричалъ: «Русскій здѣсь! русскій здѣсь! Мою скотину берутъ!» Шведы, жившіе по близости, услышали это, собрались и напали на русскихъ и убили ихъ (№ 24, 1886 г. стр. 212).

Въ № 34, 1888 г. и № 44, 1892 г. можно найти біографіи главныхъ дѣятелей и начинателей по скандинавской фольклористикѣ, норвежцевъ Asbjörnsen'а (1812—85) и Moe'а (1813—81), датчанина Grundtvig'а (1824—83) и шведовъ Möller'а (1809—83) и Höijer'а (1815—84).

Мы извлекли изъ Sv. landsm. за послѣднее десятилѣтіе съ одной стороны, все, что, по нашему мнѣнію, могло разсчитывать на интересъ всеобщій, теоретическій, съ другой, то, что требовало вниманіе русскаго этнографа въ частности. Часто приходится заниматься вопросами, рѣшеніе которыхъ не знаешь къ чему поведетъ, и собирать матеріалы, для которыхъ пока нѣтъ примѣненія. Но въ дальнѣйшемъ будущемъ, по мѣрѣ того какъ расширится область науки и разнообразятся ея методы, трудъ прилежныхъ собирателей будетъ оцѣненъ и принесетъ намъ должную пользу.

К. Тіандеръ.

Якушкинъ, Е. И. Обычное право. Выпускъ второй. Матеріалы для библіографіи Обычнаго Права. Ярославль. Типо-литографія губернской земской Управы. 1896. Большая осьмушка XXXVII+544 стр.

Его же. Обычное Право. Выпускъ первый. Матеріалы для библіографіи обычнаго права. Ярославль. 1875. Мал. осьмушка XLVI+249 стр.

Этотъ критико-библіографическій трудъ по этнографіи Россіи, преимущественно по обычному праву русскаго народа и различныхъ нашихъ инородцевъ, составляетъ замѣчательное явленіе въ русской этнографической литературѣ, служа однимъ изъ важнѣйшихъ пособій по русской этнографіи вообще, по русскому обычному праву въ особенности. Въ первомъ выпускѣ отмѣчено 1542 статеекъ, статей и книгъ, при немногихъ изъ нихъ приведены не только одни заглавія, но и передано разнообразное ихъ содержаніе съ отмѣткою страницъ, гдѣ что излагается. Вообще это не простой

библіографическій перечень, а первый вполнѣ удавшійся опытъ толков.й библіографіи (bibliographie raisonnée) по русской этнографіи, по обычному праву въ особенности. Хотя множество статей и книгъ отмѣчено только по ихъ заглавію, безо всякихъ замѣчаній объ ихъ содержаніи, однако обо всѣхъ, рѣшительно всѣхъ книгахъ и статьяхъ, отмѣченныхъ въ библіографическомъ перечнѣ, каждый читатель получаетъ вѣрное понятіе. Онъ имѣетъ возможность точно узнать, что можно найти и о чемъ идетъ рѣчь въ каждой изъ этихъ перечисляемыхъ книгъ и статей. Все это легко достижимо для читателя, благодаря прекрасному систематическому указателю въ концѣ книги.

Этотъ указатель раздѣленъ на нѣсколько отдѣловъ и частей. Такъ напр. Отдѣлъ: Русское Обычное Право.

I. 1 Значеніе обычнаго права вообще. Значеніе русскаго обычнаго права. (Слѣдуютъ №№ статей и книгъ, обозначенныхъ въ перв. выпускѣ).

2. Програмы, №№

3. Литература №

4. Исторія, №№

5. Терминологія. Символика, №

6. Пословицы...

II. Управленіе.

1. Сельская община и Исторія ея, №№ б. Сельская община въ настоящее время. №№. 2. Общественное управленіе №№. Общественные сходы №№ а. лица, участвующія въ сходахъ №. б. Участіе въ сходахъ женщинъ №. в. Участіе въ сходахъ солдат №. г. Участіе лицъ, бывшихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ №. д. Вліяніе міроѣдовъ на рѣшеніе дѣлъ, №№—4. Выборы №№. а. Нравственныя качества выбираемыхъ лицъ № б. Причины освобожденія отъ выборовъ въ общественныя должности №. в. Выборъ женщинъ въ общественныя должности №№. г. Назначеніе дѣтей въ должность десятскаго № д. Выборъ семейства для почина жнитва № е. Выборъ зачинщика при сѣнокошеніи № ж. Выборъ мѣрщиковъ при раздѣлѣ земли. № з. Выборъ промышленниками старосты на Мурманскомъ берегу и т. д.

Съ такою же аналитическою подробностью составлены и прочія отдѣлы систематическаго указателя: III. Судъ IV. Гражданское право. А. Право семейственное (с. 197—201). В. Право наслѣдственное (с. 201—202). Г. Права вещныя (с. 203—204). Д. Права обязательственныя (с. 204—8).

Какъ детально обработана эта глава, укажу на два ея параграфа. Наемъ личный и Артели. Первый подраздѣленъ на: а. Наемъ сельскихъ работниковъ №№. Наемъ жнецовъ №. Наемъ косарей №. Погонщиковъ къ плугу №. б. Наемъ пастуховъ. в. Наемъ прісковыхъ работниковъ №№ г. Наемъ работниковъ сѣверными промышленниками. Отношенія покрутчиковъ къ хозяину и между собой №№№ д. Наемъ церковныхъ сторожей, прорубниковъ и перевозчиковъ. е. Наемъ охотниковъ въ рекруты. ж. Наемъ торговыхъ приказчиковъ. з. Наемъ калѣкъ и уродовъ для нищенства. і. Наемъ рабочихъ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. к. Помочи (толоки). к. Обычный годовой срокъ, въ который рабочіе отходятъ отъ хозяевъ.

Артели разработаны еще съ большею полнотою: Артели вообще №№) а. Ихъ исторія №№ б. Артели для побѣговъ. 1. Въ Запорожской Сѣчи. 2) Сумы (артели) въ Войскѣ Донскомъ с. рабочія №№. д. земледѣльческія. е. для обработки льна. f. для обработки табаку. g. при лѣсныхъ работахъ. h. плотниковъ. i. пильщиковъ №№. k. для приготовленія ящиковъ. l. столярныя. m. каменьщиковъ. n. артель механическая. o. артель смолокуренная. p. кузнецовъ. q. сапожниковъ, валяльщиковъ и шерстобитовъ. r. для шитья перчатокъ. s. парильщиковъ. t. скотобойцевъ. u. землекоповъ. v. рудокоповъ. w. прісковыхъ рабочихъ. x. чумаковъ. y. для найма на службу на Уралѣ. z. при одесской желѣзной дорогѣ. aa. нищихъ. ab. подѣваловъ. ac. строителей барокъ. ad. конопатчиковъ. ae. крючниковъ. af. судорабочихъ. ag. лоцмановъ. ah. бурлаковъ. ai. артели подрядныя. ak. для содержанія станцій. al. складчиковъ. am. торговыя. an. приказчиковъ. ao. рижскихъ ремесленниковъ. ap. биржевыя. aq.

таможенныя. аг. портовыя: 1. насыпщиковъ. 2. десятскихъ. 3. вязщиковъ. 4. горнія. 5. шквидорскія 6. баластныя. 7. дрягильскія. 8. шгуровыхъ работниковъ. as. Рыболовныя артели. 1. для ловли трески. 2. для ловли сельдей. 3. для ловли семги. at. Артели для промысла морскихъ звѣрей: 1. тюленей. 2. бѣлугъ. 3. моржей. au. Новоземельскія артели. av. Артели для добычи звѣрей и птицъ.

Затѣмъ идутъ отдѣлы: V. Торговые обычаи. VI. Право уголовное. А. Преступленія и проступки. Б. Наказанія съ разными подраздѣленіями.

Обычное право инородцевъ имѣетъ особый систематическій указатель (с. 211—219).

За систематическимъ идутъ указатели: 1) этнографическій (по народностямъ) (с. 220—223). 2) географическій съ обозначеніемъ областей, округовъ, губерній, уѣздовъ, волостей, селъ, деревень, улусовъ и пр. (с. 224—236). 3) указатель сочинителей (с. 237—249).

Въ обширномъ предисловіи (с. III—XXXXVI) авторъ представляетъ обзоръ современной разработки важнѣйшихъ вопросовъ обычнаго права о бракѣ, о семейныхъ отношеніяхъ, о наслѣдствѣ, объ обязанномъ землевладѣніи, о правѣ обязательственномъ, договорахъ, артеляхъ, о крестьянскомъ судѣ, о преступленіяхъ и наказаніяхъ. При этомъ постоянно отмѣчаетъ, какія стороны и подробности требуютъ новаго освѣщенія, по какимъ частямъ обычнаго права или по какимъ мѣстностямъ существуютъ особенно большіе пробѣлы и т. д.

Таково содержаніе перваго выпуска обычнаго права Е. И. Якушкина. Вышедшая въ 1875 г., эта небольшая книжка въ малую осьмушку, до 300 стр., сразу заняла почетное мѣсто въ нашей этнографической литературѣ, ставши настольною книгою для всѣхъ занимающихся русскою этнографіею, обычнымъ правомъ въ особенности.

Лѣтомъ 1896 г. вышло продолженіе этого труда подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ.

Эта вторая часть слишкомъ втрое обширнѣе первой—тамъ было около 300 стр., здѣсь 581 стр, тамъ малая, здѣсь большая восьмушка, при чемъ на каждой страницѣ строка шире и строкъ больше; тамъ представлено заглавій 1542 статей и книгъ, здѣсь—2389 заглавій.

Во второмъ выпускѣ указаны статьи и книги, касающіяся народнаго юридическаго быта, напечатанныя съ 1876 по 1889 г. включительно, а также хотя появившіяся и ранѣе, но пропущенныя въ первомъ выпускѣ.

Въ предисловіи къ этому выпуску Е. И. Якушкинъ останавливается прежде всего на важнѣйшихъ пробѣлахъ нашей литературы по обычному праву за указанное время по 1890 г. Такъ, указавъ на лучшее, что̀ у насъ сдѣлано по вопросу о крестьянскомъ самоуправленіи, онъ отмѣчаетъ пробѣлы въ свѣдѣніяхъ нашихъ объ этомъ самоуправленіи.

Эти пробѣлы объясняются, по его словамъ, не однимъ недостаткомъ сдѣланныхъ наблюденій, но и тѣми практическими неудобствами и даже препятствіями въ самостоятельномъ развитіи самоуправленія, благодаря искусственному соединенію небольшихъ поземельныхъ общинъ въ болѣе крупныя сельскія общества, при чемъ сельскій ихъ сходъ принужденъ часто рѣшать такія дѣла, которыя касаются только отдѣльныхъ общинъ, сообща владѣющихъ одною землею, между тѣмъ какъ частные сходы ихъ допускаются лишь исключительно для обсужденія дѣлъ, касающихся повинностей въ пользу помѣщиковъ (на 2 прим. 51 стр. Общ. Полож. о крестьян.).

Слабы по словамъ Якушкина наши свѣдѣнія н о власти міра надъ членами общины, полнѣе разработанъ вопросъ о крестьянскомъ судѣ. Указавъ на изданіе трудовъ коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ и на вызванныя ими юридическія изслѣдованія гг. Березанскаго, Чепурнаго, Шрага, Скоробогатаго, Птицына, въ особенности же на замѣчательные труды И. Г. Оршанскаго. «Народный судъ и народное право» С. В. Пахмана «Обычное гражданское право въ Россіи», В. Ф. Мухина

«Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ», М. В. Духовскаго «Имущественные проступки по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ», указавъ на эти болѣе или менѣе крупные труды, Е. И. Якушкинъ предлагаетъ нѣсколько важныхъ замѣчаній на вопросъ: какое значеніе могутъ имѣть рѣшенія волостныхъ судовъ при изученіи обычнаго права и какую цѣну можно дать отзывамъ крестьянъ, напечатаннымъ въ «Трудахъ коммиссій». Авторъ нашъ разумѣетъ отвѣты крестьянъ на общіе вопросы, предлагавшіеся имъ отъ членовъ коммиссіи и совершенно вѣрно замѣчаетъ, что «крестьяне конечно знаютъ существующіе у нихъ обычаи и не затруднятся разрѣшить частный случай, но отъ нихъ невозможно требовать яснаго изложенія общихъ началъ. Кромѣ того, крестьянскіе отвѣты записывались коммиссіею не всегда съ достаточною точностью. Въ слѣдствіе этого встрѣчалися такіе отвѣты, опредѣлить дѣйствительный смыслъ, которыхъ бываетъ иногда очень трудно. Показанія крестьянъ иногда совершенно противорѣчатъ рѣшеніямъ волостныхъ судовъ. Отвѣты крестьянъ, напечатанные въ Трудахъ Коммисіи и рѣшенія волостныхъ судовъ, если довѣрять имъ безъ всякой повѣрки, представляютъ самый послушный матеріалъ, изъ него можно вывести, все что угодно. Недостаткомъ критическаго къ нему отношенія и объясняется то, что выводы, сдѣланные изъ него однимъ изслѣдователемъ, бываютъ иногда совершенно противоположны выводамъ, сдѣланнымъ другимъ».

На основаніи этихъ соображеній, Е. И. Якушкинъ не можетъ согласиться съ положеніями и выводами С. В. Пахмана о нѣкоторыхъ сторонахъ нашего обычнаго гражданскаго права.

Въ семейномъ обычномъ правѣ нашемъ «есть также, по замѣчанію, Якушкина много спорныхъ и невыясненныхъ вопросовъ. Онъ указываетъ тутъ на разногласіе Барыкова, Оршанскаго, Пахмана, Калачова, Ефименки, Матвѣева, Мухина, и рѣшительно высказывается за признаваемую нашимъ народомъ семейную собственность, почему и по смерти отца семья не распадается, а продолжаетъ, такъ сказать, свое юридическое бытіе.

Далѣе указываетъ г. Якушкинъ на разность мнѣній изслѣдователей о значеніи брака по понятіямъ крестьянъ.

«Если нельзя согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ Ефименкомъ и Оршанскимъ о взглядѣ крестьянъ на бракъ, какъ на имущественную сдѣлку, то не потому, что такого взгляда вовсе не существовало, а потому, что въ то время, когда высказано было это мнѣніе (1873, 1875), былъ и другой болѣе, распространенный взглядъ на бракъ, какъ на установленіе особаго брачнаго состоянія двухъ лицъ различнаго пола. Такое понятіе о бракѣ, образовавшееся подъ вліяніемъ церкви и законодательства, особенно утвердилось по освобожденіи крестьянъ».

«Личныя отношенія супруговъ, по обычному праву, изслѣдованы очень подробно, но въ литературѣ, замѣчаетъ Е. И. Якушкинъ, встрѣчается мало указаній на измѣненіе, замѣчаемое въ этихъ отношеніяхъ въ послѣднее время». И затѣмъ, пользуясь разнообразными матеріалами, имъ собранными и во второмъ выпускѣ отмѣченными, нашъ авторъ представляетъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ объ этомъ замѣтномъ измѣненіи, при чемъ женщина все болѣе завоевываетъ себѣ правъ въ крестьянской семьѣ, и крестьянскіе суды все чаще и чаще наказываютъ мужей за дурное обращеніе съ женами и дѣтьми.

Такъ перебираетъ нашъ почтенный библіографъ-юристъ и научную разработку многихъ другихъ вопросовъ гражданскаго и уголовнаго права, внося постоянно строго-критическіе взгляды и мѣткія оцѣнки нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдованій (до 1890 г.). Сравн., напр., совершенно вѣрныя замѣчанія на крайне одностороннія объясненія г. Гольмстена нѣкоторыхъ народныхъ юридическихъ воззрѣній (с. XXX).

Относительно вещнаго права, Е. И. Якушкинъ замѣчаетъ, что въ этомъ выпускѣ имъ указаны только немногія статьи. «Обзоръ литературы обычнаго вещнаго права будетъ мною сдѣланъ въ слѣд. выпускѣ, гдѣ будутъ указаны и статьи, посвя-

щенныя теоретическому и фактическому изученію формъ земельнаго владѣнія и пользованія».

Библіографія втораго выпуска обширнѣе перваго не только по числу приводимыхъ заглавій, но и по множеству указаній о цитуемыхъ статьяхъ и книгахъ. Эти замѣчанія имѣютъ всѣ строго-объективный характеръ, вкратцѣ умѣло передавая содержаніе этихъ статей и книгъ. Такъ цѣнныя статьи Дерунова въ «Яросл. губ. Вѣд.» 1889 и 1890 изложены съ величайшею обстоятельностью на стр. 431—444. Иныя указанія состоятъ изъ нѣсколькихъ строкъ, другія же занимаютъ четверть, полъ страницы, иныя же страницу, нерѣдко двѣ, три и болѣе. Изъ иныхъ статей, помѣщенныхъ въ легко уничтожаемыхъ, затериваемыхъ или мало распространенныхъ вѣдомостяхъ, газетахъ и журналахъ, авторъ извлекаетъ и передаетъ часто даже словами наблюдателей всѣ цѣнныя матеріалы и данныя для изслѣдователей юридическаго народнаго быта. При всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ изслѣдованіяхъ по обычному праву напр. Оршанскаго, Шрага, Пахмана, Уимовича - Пономарева, Дашкевича, Гольмстена, Добротворскаго, Мухина, Богаевскаго, Щербины, князя Кострова, Харузина и пр., приводится подробнѣйшее изложеніе содержанія и указываются вызванныя ими критическія статьи и рецензіи...

Есть не мало книгъ и статей, содержанія юридическаго, географическаго, энциклопедическаго, литературнаго, въ которыхъ попадаются тамъ и сямъ замѣчанія или свѣдѣнія по обычному народному праву. Нашъ внимательный библіографъ заноситъ заглавія этихъ статей и книгъ, и отмѣчаетъ въ нихъ съ краткимъ обозначеніемъ предметовъ тѣ главы и страницы, которыя имѣютъ отношеніе къ обычному праву. Такъ онъ поступаетъ съ курсами гражданскаго права Побѣдоносцева, Малышева, съ географическими словарями Максимовича и Щекатова, И. Р. Геогр. Общ. подъ редакц. П. П Семенова, съ энциклоп. слов. Березина, и «Живописною Россіею», со статьями «Туруханскій край» Третьякова (въ Зап. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр.), «Статистическое описаніе Ейск. у. «Чернаго (Труды Куб. Стат. Ком.); со сборникомъ «Матеріалы для изученія скотоводства на Кавказѣ», съ «Очеркомъ Сургутскаго Края Шевцова (Зап. Зап. Сиб. Отд. Геогр. О.), съ Записками Герберштейна(по перев. Анонимова), Петрея, Боплана и пр.

При Сборникѣ «Онежскихъ былинъ» Гильфердинга, въ собраніи сказокъ Аѳанасьева—отмѣчены по страницамъ факты и случаи юридическаго характера.— Не опущены и труды извѣстнаго Болотова, и письма Аксакова, въ коихъ авторъ нашелъ извѣстныя данныя по обычному праву.

Къ этой библіографіи приложены, какъ и въ первомъ выпускѣ, указатели систематическій (стр. 457 — 507), этнографическій, географическій, именной (именъ сочинителей).

Трудъ этотъ въ высшей степени тщательный и кропотливый, составленный съ необыкновенною любовью отличнымъ знатокомъ дѣла, принадлежитъ къ наилучшимъ толковымъ библіографическимъ трудамъ, къ сожалѣнію еще столь рѣдкимъ въ нашей литературѣ. Для русской этнографіи вообще и для обычнаго права въ особенности этотъ трудъ Е. И. Якушкина, единственный въ своемъ родѣ, составляетъ важное, необходимое пособіе.

Образованный юристъ, отлично знакомый съ англійскою, нѣмецкою и французскою литературою по обычному праву, Е. И. Якушкинъ, по многолѣтней службѣ своей въ провинціи (въ палатѣ госуд. имуществъ, по живому участію въ великомъ дѣлѣ освобожденіи крестьянъ, и по ихъ устройству), обладаетъ далеко незауряднымъ между учеными юристами знаніемъ народа, его быта и воззрѣній. Тщательно, съ большимъ знаніемъ дѣла составивъ себѣ прекрасную спеціальную библіотеку, рѣдкую у насъ и не въ провинціальномъ городѣ, старожилъ Ярославля (съ 1859 г.) Е. И. Якушкинъ, всѣмъ тамъ извѣстный и доступный, радушно даетъ пользоваться своими книгами всѣмъ имѣющимъ охоту и любовь къ научнымъ занятіямъ, имѣетъ много корреспондентовъ среди мѣстныхъ наблюдателей не одной Яросл. губ., помогаетъ имъ своими совѣтами и ука-

заніями. Такимъ образомъ нашъ маститый высокообразованный этнографъ, какъ печатными трудами, такъ и личными устными и письменными сношеніями съ разнообразнымъ кругомъ людей много содѣйствовалъ успѣхамъ русской этнографической науки, съ одной стороны тщательно собирая, извлекая и отмѣчая все, что̀ можетъ служить источниками для изученія обычнаго нашего права, съ другой стороны внимательно слѣдя за всѣми изслѣдованіями поэтому предмету, отмѣчая постепенное развитіе научной его обработки, старательно раскрывая, что̀ сдѣлано болѣе или менѣе удовлетворительно и гдѣ еще остается много пробѣловъ и недочетовъ.

Не смотря на свои семьдесятъ съ небольшимъ лѣтъ, Е. И. Якушкинъ, оставивши службу, не перестаетъ заниматься наукою. Недавно онъ издалъ въ Ярославлѣ сборникъ областныхъ реченій, употребительныхъ въ Ярославской губ. подъ заглавіемъ: «Матеріалы для словаря народнаго языка въ Ярославской губерніи. Составилъ Е. Якушкинъ. Изд. Яросл. Губ. Стат. Комит. Ярославль 1891, и приготовляетъ къ печати второе изданіе 1-го выпуска «Обычнаго Права».

Во вниманіе къ такимъ цѣннымъ долголѣтнимъ трудамъ Е. И. Якушкина Коммисія Этнографическаго Отдѣленія по присужденіи медалей считаетъ дѣломъ совершенно справедливымъ и своимъ нравственнымъ долгомъ представить Отдѣленію, а въ случаѣ согласія Отдѣленія, и Совѣту Общества о награжденіи Е. И. Якушкина золотою медалью Этнографическаго Отдѣленія за его прекрасные труды и многолѣтнюю полезную дѣятельность по русской этнографіи вообще, по обычному праву въ частности.

В. Ламанскій.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

О выборѣ невѣстъ въ Новгородской губерніи.

Выборъ невѣстъ около г. Новгорода бываетъ четыре раза въ годъ: два зимою и два лѣтомъ.

11 января ежегодно въ Клопскомъ монастырѣ, отстоящемъ отъ Новгорода на разстояніи 22 верстъ, празднуется «Прихожéнье». Такое названіе праздникъ этотъ получилъ, вѣроятно, потому, что въ этотъ день, по преданію, на то мѣсто, гдѣ основанъ и стоитъ теперь Клопскій монастырь, пришелъ преподобный Михаилъ Клопскій, основатель монастыря.—Сюда на праздникъ собираются со всего Поозéрья (монастырь расположенъ на берегу озера Ильменя) богомольцы, преимущественно молодежь. Парни и дѣвицы являются на праздникъ въ самой лучшей одеждѣ: парни въ чуйкахъ, а дѣвицы въ жемчужныхъ косынкахъ, цѣнность которыхъ нерѣдко достигаетъ 150 руб.; въ серьгахъ, имѣющихъ видъ бантовъ или бабочекъ, и въ атласныхъ безъ таліи шубахъ. По окончаніи службы въ монастырѣ молодежь гуляетъ въ лежащей близъ монастыря деревнѣ Хотя̀жѣ, и въ тоже время высматриваетъ другъ друга и знакомится; послѣ чего парни катаютъ дѣвицъ по деревнѣ на лошадяхъ и поятъ чаемъ. Въ результатѣ къ концу дня многія парочки, выразивъ расположеніе другъ къ другу, сговариваются и назначаютъ время для сватовства.—Кромѣ того сюда же на праздникъ, какъ бы подъ покровъ Св. Михаила Клопскаго, считаютъ своею непремѣнною обязанностію явиться и помолившіеся Богу, т. е. сосватанные.

Другой выборъ невѣстъ бываетъ въ Новгородѣ на масляницѣ при думскихъ торговыхъ рядахъ. Къ этимъ рядамъ въ послѣдній день масляницы съѣзжается разряженная молодежь изъ окрестныхъ деревень. Дѣвицы становятся около стѣнъ и колонны навѣса, а парни прогуливаются въ проходѣ между ними и осматриваютъ дѣвицъ въ продолженіе 2—3 часовъ.—Въ послѣднее время обычай этотъ сталъ выводиться, потому что полиція неоднократно выгоняла собравшуюся молодежь изъ рядовъ.

Лѣтомъ выборъ невѣстъ бываетъ въ день Варлаамія Хутынскаго, въ первую пятницу Петрова поста, и въ день Антонія Римлянина, въ 1-ю пятницу послѣ Петрова дня. Въ эти дни молодежь, одѣтая по праздничному, гуляетъ по рощамъ монастырскимъ и высматриваетъ другъ друга.

Въ Новгородскомъ уѣздѣ близъ деревни Веретья, Любанской волости, въ Духовъ День собирается молодежь изъ четырехъ деревень въ сосновомъ бору. Здѣсь разводится нѣсколько костровъ. Молодежь пляшетъ около нихъ и устраиваетъ игры.

Есть-ли этотъ обычай остатокъ древности или сравнительно недавняго проис-

хожденія и носитъ характеръ обыкновенно деревенскаго праздника — намъ неизвѣстно.

Въ Крестецкомъ уѣздѣ выборъ невѣстъ производится передъ святками, на святкахъ и послѣ святокъ, въ мясоѣдѣ—на бесѣдахъ. Происходитъ это такимъ образомъ. Чужаки, т. е. чужіе парни, пріѣзжаютъ по вечерамъ въ какую-либо деревню. Прійдя на бесѣду и взявъ изъ рукъ мѣстнаго парня пукъ зажженной лучины, они ходятъ съ нею отъ дѣвушки къ дѣвушкѣ, осматривая каждую съ головы до ногъ. Послѣ осмотра пріѣзжіе присаживаются къ тѣмъ дѣвушкамъ, которыя имъ понравились и вмѣстѣ съ мѣстною молодежью проводятъ вечеръ. Замѣчательно, что мѣстные парни относятся къ осмотру дѣвицъ ихъ деревни не только не ревниво, но, напротивъ, сочувственно, какъ бы считая за честь, что даже изъ чужихъ деревень пріѣзжаютъ къ нимъ выбирать дѣвушекъ.

Въ Боровичскомъ и Тихвинскомъ уѣздахъ выборъ невѣстъ производился и производится въ праздникъ Крещенія Господня. На древнѣйшее существованіе этого обычая указываютъ мѣстныя выраженія: «сегодня (въ Крещенье) выборъ невѣстъ»; «пойдемъ-те смотрѣть невѣстъ» и т. п. Въ этотъ день собирается на Іордань все наличное количество невѣстъ того или иного прихода. Дѣвицы во время водосвятнаго молебна стоятъ на горѣ или на возвышенномъ берегу рѣки или озера, а парни подъ горою, откуда и высматриваютъ дѣвицъ. Парни одѣты въ нагольные или крытые сукномъ полушубки, а дѣвицы въ ситцевыя теплыя поддёвки съ борами, надѣтыя поверхъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ и шерстяныхъ сарафановъ.—Простирался-ли этотъ обычай въ старину далѣе платоническаго осмотра, намъ неизвѣстно.

Въ заключеніе, мы должны сказать, что эти обычаи понемногу начинаютъ выводиться, частію вслѣдствіе упадка простоты нравовъ, частію вслѣдствіе сознанія крестьянами того, что отъ жены требуется не одинъ только внѣшній видъ, красота и здоровье, но и другія качества, болѣе существенныя.

Частные выборы или, лучше сказать, болѣе близкое знакомство между молодежью нынче происходятъ на деревенскихъ праздникахъ, которые зачастую и завершаются свадьбою.

Студ. С.-Пет. Универ. *М. Синозерскій.*

Чортовъ домъ.

Вы не слыхали про чортовъ домъ? Какъ же! Есть такой чортовъ домъ въ Брынскихъ лѣсахъ. Брынскіе лѣса широкой полосой растянулись отъ самаго города Брынска (Брянска), Орловской губ., до города Мурома. Верстъ «почай» 700 или 800 будетъ. Такъ вотъ въ этихъ-то самыхъ лѣсахъ и есть чортовъ домъ. Домъ каменный, двухъэтажный, стоитъ онъ двѣсти лѣтъ «али болѣ» и не разваливается, а никто не поправляетъ его. Построилъ его чортъ «вотъ какимъ манеромъ». Давно, давно жила на свѣтѣ одна дѣвица. Лѣтъ ей было подъ тридцать, а никто не сваталъ ее ни разу. Дѣвушкѣ между тѣмъ смерть хотѣлось замужъ. Вотъ «одиножды» она и говоритъ: «хоть бы дьяволъ посваталъ меня»! А онъ тутъ, какъ тутъ. «Пойди, говоритъ, за меня замужъ—озолочу».—«Чтожъ»! отвѣчаетъ она: «я не прочь, только дай посовѣтоваться съ родителями да съ людамъ разумными». Тотъ обѣщалъ подождать. Черезъ нѣсколько времени дьяволъ опять является къ ней и проситъ отвѣта. «Согласна», говоритъ дѣвица: «только вотъ у меня «окруты» нѣту».—«Все будетъ готово», отвѣчаетъ дьяволъ; когда же свадьба»?—Дѣвица назначила время. Сталъ ей дьяволъ съ той поры носить золото, серебро, «бралiянты» и всякіе наряды,

одни другихъ «краше», и въ то же время сталъ строить для невѣсты въ Брынскомъ лѣсу каменный домъ. Къ назначенному сроку и «окрута» и домъ были готовы. Дѣвица въ день свадьбы попросила у родителей и священника благословенія, взяла всю «окруту», захватила съ собой, по совѣту священника, пѣтуха подъ мышкой и отправилась въ лѣсъ. Скоро нашла она въ лѣсу домъ прекрасный, какъ дворецъ. На крыльцѣ этого дома стоялъ разряженый и радостный діаволъ, вышедшій на встрѣчу невѣстѣ. Со страхомъ дѣвица взошла на крыльцо. Въ это время пѣтухъ высвободилъ изъ подъ ея руки голову и пропѣлъ: «ку-куреку»!—Вдругъ загремѣлъ громъ, раздался трескъ, земля разверзлась, и сатана съ проклятіемъ провалился въ преисподнюю.

Вотъ съ той поры и доселѣ стоитъ въ Брынскомъ лѣсу этомъ домъ пустой, и никто не смѣетъ ни жить, ни войти туда.

[Сюжетъ разсказанъ крестьяниномъ Витебской губерніи Пименомъ Назаровымъ].

М. Синозерскій.

Цвѣтъ «папретника».

Въ ночь на Ивана Купала цвѣтетъ въ лѣсу «папретникъ». Кто найдетъ этотъ цвѣтъ и сорветъ его, для того откроются всѣ клады. Но найти цвѣтокъ отъ «папретника» не легко, еще труднѣе «завладать» нимъ, такъ какъ нечистая сила ревниво оберегаетъ его. — Разъ пошелъ мужикъ вечеромъ на Ивана Купала лошадей искать. Пробродилъ тамъ «до темныхъ», лошадей не нашелъ и повернулъ назадъ. Только—што вышелъ изъ лѣсу на логъ, какъ слышитъ, «што назаду у ево хто-то ѣдетъ на тройкѣ». «Посторонись» кричитъ съ тройки. Мужикъ свернулъ съ дороги и шапку снялъ, думая, «што» господа ѣдутъ. Тройка поровнялась. «Снимай лапти, крычатъ съ тройки: «а то худо будетъ»! Мужикъ снялъ лапти. Глять—а тройка-то съ сѣдокомъ и пропала, «бытто скрозь землю провалилась». Тутъ толь догадался мужикъ, что вѣрно, ходя пб лѣсу, онъ нечаянно зацѣпилъ лаптемъ за «папретникъ», сорвалъ съ «ево» цвѣтокъ и заронилъ «ево» въ лапоть А сѣдоки-то были никто, какъ сами нечистые. Снялъ мужикъ лапоть, цвѣтокъ выпалъ оттуда, а нечистые «ёво» и подхватили.

[Со словъ Пимена Назарова крест. Витебской губ.].

М. Синозерскій.

Отчего пораженные грозой святые?

Народное повѣрье.

Когда (до сотворенія міра) діаволъ возгордился предъ Богомъ и захотѣлъ стать наравнѣ съ Нимъ, Господь всемогущимъ словомъ низвергъ его на землю и при этомъ сказалъ, что Онъ найдетъ діавола всюду, гдѣ-бы онъ ни скрылся.

— А я спрячусь въ дерево—сказалъ въ безумномъ ослѣпленіи діаволъ.

— Я и дерево вмѣстѣ съ тобой поражу—возразилъ Всемогущій.

— Я тогда спрячусь въ рыбу, въ животное—еще осмѣлился сказать діаволъ.

— Я найду тебя въ водѣ и на сушѣ, и поражу съ тобою и рыбу и животное. сказалъ Богъ.

— А я въ человѣка спрячусь.

— Я и въ человѣкѣ тебя не пощажу.

Замолкъ тогда діаволъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ только на небѣ поднимается грозовая туча, діаволъ въ безумномъ страхѣ и отчаяніи мечется, какъ угорѣлый, стараясь спрятаться отъ Господа то въ дерево, то въ воду, то въ рыбу, то въ животное, то въ человѣка. Но Всемогущій и Всевѣдущій Богъ посылаетъ свои молніеносныя стрѣлы и въ дерево, и въ рыбу, и въ животное, и въ человѣка и поражаетъ діавола вмѣстѣ съ ними. Впрочемъ, жалѣя невинно пострадавшаго изъ-за діавола человѣка, Онъ даруетъ послѣднему по смерти царство небесное.

Оттого-то всѣ умершіе отъ «грома» считаются народомъ святыми. Оттого-то при сверканіи молніи крестятся всѣ добрые христіане, чтобы въ нихъ не вошелъ перепуганный грозою діаволъ и чтобы Господь не поразилъ ихъ вмѣстѣ съ нимъ.

[Сюжетъ переданъ учителемъ Василіемъ Карповичемъ Лисочкинымъ].

М. Синозерскій.

Ильинская пятница.

Пятница, предшествующая Ильину дню (20 іюля), называется въ народѣ Ильинскою, но посвящается празднованію не во имя пророка Иліи, а въ честь мученицы Параскевы, нареченной Пятницею, память которой празднуется церковію 28 октября. Ильинская пятница весьма почитается народомъ и считается чуть ли не выше Ильина дня. Въ эту пятницу, по народному повѣрью, нельзя работать, иначе нарушителя праздника постигнетъ какое-либо бѣдствіе: неурожай, болѣзнь, пожаръ и т. п. Во многихъ деревняхъ въ этотъ день служатся молебны, совершаются крестные ходы около деревень, кропится скотъ и дома св. водой и т. п. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ совершается нѣчто въ родѣ языческихъ жертвоприношеній. Такъ, въ мѣстности, лежащей на разстояніи 10 верстъ по направленію къ сѣверу отъ ст. Любань Никол. ж. д., близъ рѣки Тигоды, на ключѣ послѣ молебна въ этотъ день многіе богомольцы опускаютъ въ воду деньги для того, чтобы желанія и просьбы ихъ скорѣе исполнились.

Спрашивается: какъ давно существуетъ на Руси праздникъ «Ильинская пятница». Почему онъ, не смотря на именованіе Ильинской, посвящается въ честь мученицы Параскевы, святой вовсе не національной, память которой, какъ выше упомянуто, празднуется церковію 28 октября? Не было-ли въ до-христіанской Руси какого-либо праздника-соотвѣтствующаго по времени этому празднику?

Студ. Им. С.-Пет. Унив. *М. Синозерскій.*

Игры.

(въ слободѣ Усть-Ницынской Тюменскаго округа).

№ 1. Имáться мячикомъ.

Число играющихъ можетъ быть отъ двухъ до нѣсколькихъ человѣкъ. Сначала первый бросаетъ мячикъ такимъ образомъ, чтобы онъ коснулся стѣны. Получивши весьма легкій толчокъ, мячикъ падаетъ на землю, а въ это время играющій подставляетъ ладони, чтобы поймать. Такъ повторяется второй и третій разъ. Затѣмъ игрокъ хватаетъ мячикъ «черезъ ручку» такимъ образомъ: лѣвая рука упирается въ стѣну,

а правой подбрасывается мячикъ изъ-подъ лѣвой руки легонько къ верху и ловится правой. Лѣвая рука въ игрѣ не участвуетъ. Какъ это, такъ и всѣ упражненія въ этой игрѣ повторяются 3 раза. Далѣе идетъ троекратное хватанье мячика «черезъ ножку». Нога, какъ лѣвая рука, упирается въ стѣну, изъ-подъ ноги мячикъ подбрасывается рукой немного къ верху и затѣмъ хватается обѣими руками. Послѣ этого мячикъ берется въ руку, выпускается изъ нея и при паденіи догоняется на лету рукой, которая должна быть расположена согнутыми пальцами внизъ. Далѣе мячикъ легонько подбрасывается ладонью два раза вверхъ, затѣмъ хватается рукой. Послѣ этого слѣдуютъ «горбушки», отличающіяся отъ предъидущаго тѣмъ, что мячикъ подбрасывается въ верхъ, разъ ладонью и разъ стороной руки противоположной ладони,—затѣмъ хватается. За горбушками идутъ «половые гвозди». Мячикъ ударяется въ землю, отчего онъ отскакиваетъ къ верху, при этомъ и нужно поймать его рукой, обращенной пальцами внизъ. Послѣ половыхъ идутъ «верховые гвозди»: мячикъ подбрасывается высоко въ верхъ, въ моментъ отскакиванія и нужно схватить его. За верховыми гвоздями идутъ «лепешки». Начинаются лепешки, какъ первый № игры, только послѣ перваго отскакиванія отъ стѣны мячикъ не хватается, а ладонью отбивается въ верхъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы онъ опять въ стѣну ударился, тогда его и хватаютъ. Дальше идутъ «выпучки»: играющій становится спиной къ стѣнѣ, поднимаетъ глаза къ верху, а руками подбрасываетъ мячикъ и хватаетъ. Послѣ этого остаются еще «вертки» и «съ колѣнца». Вертки: мячикъ бросается на крышу и, пока онъ катится обратно, играющій перевертывается кругомъ себя и подставляетъ руки, чтобы поймать мячикъ. Съ колѣнца: мячикъ кладется на колѣно приподнятой ноги, получаетъ отъ колѣна толчокъ и во время полета въ верхъ долженъ быть пойманъ.

Правила игры. Какъ только мячикъ вмѣсто рукъ попадаетъ на землю, играющій обязанъ отдать мячикъ другому, тотъ если уронитъ—передаетъ третьему—такъ очередь доходитъ опять до перваго, который и продолжаетъ это упражненіе, на которомъ остановился, а не начинаетъ игры снова. Въ концѣ игры постепенно болѣе успѣшные выигрываютъ, т. е. продѣлываютъ всѣ указанныя упражненія. Остается одинъ, не кончившій положимъ вертки и съ колѣнца, т. е. не поймавшій мячикъ 6 разъ. Ему приказываютъ отмѣрить отъ стѣны какихъ угодно 6 шаговъ. Съ этого разстоянія выигравшіе даютъ ему каждый по одному удару мячомъ (лупѣ, лупа).

№ 2. Имáться мячикомъ.

Сначала условливаются: который въ голову? напр. 12-й. Тогда одинъ начинаетъ бросать мячикъ къ верху, 11 разъ онъ долженъ поймать руками, для 12-го подставляетъ вмѣсто рукъ — голову; если мячикъ упадетъ на голову—выходитъ «жеребецъ», если мячикъ пролетитъ мимо головы—меринъ, если играющій уронитъ мячикъ раньше чѣмъ поймать 11—кобыла. Послѣ того какъ всѣ играющіе раздѣлятся на жеребцовъ, кобылъ и мериновъ,—жеребецъ спрашиваетъ у кобылы: на сколько шаговъ бросить мячикъ? Кобыла отвѣчаетъ, напр., на 3. Жеребецъ 3 раза долженъ бросить мячикъ къ верху и поймать, если не поймаетъ получаетъ лупу и теряетъ свое званіе. Послѣ того какъ мячикъ пойманъ, жеребецъ бросаетъ его на неопредѣленное разстояніе. Кобыла должна скакать за мячикомъ на одной ногѣ 3 раза; если она при этомъ станетъ на обѣ ноги — получаетъ лупу. Меринъ при этомъ не принимаетъ никакого участія.

№ 3.

Дѣлается изъ дерева преимущественно изъ липы небольшой, вершка 2 длины, конусъ. Въ центрѣ основанія конуса дѣлается уколъ шиломъ и въ это отверстіе вставляется перо большею частью изъ хвоста голубя. Игра состоитъ въ томъ, что, взявши за вершину пера бросаютъ игрушку къ верху, вершиной конуса впередъ, которая и такъ же падаетъ на землю.

№ 4. Пильщикъ.

Дѣлается изъ дерева фигура человѣка съ руками и ногами. Между рукъ прикрѣпляется линейка, на нижнемъ концѣ которой укрѣпляется соотвѣтствующая тяжесть. Этого манекена ставятъ на край стола и приводятъ въ движеніе, заставляютъ его кланяться или пилить. Приведенный разъ въ движеніе, онъ безъ посторонней помощи то наклоняется, то поднимается, напоминая собою человѣка стоящаго на верху распиливаемаго бревна.

№ 5. Въ ярки [1]).

Каждый играющій дѣлаетъ себѣ въ землѣ небольшую ямку-лунку; лунки располагаются по одной прямой линіи, по концамъ которой становятся двое—хозяева крайнихъ лунокъ—и катаютъ мячикъ по лункамъ. Если мячикъ остановится въ чьей нибудь лункѣ, то владѣлецъ ея хватаетъ мячикъ и бьётъ перваго попавшагося изъ игроковъ, которые разбѣгаются въ разсыпную. Ударивъ кого нибудь, слѣдуетъ сказать «отъ мячика» (т. е. бей съ того мѣста, куда упалъ мячикъ), иначе тотъ, кого ударили, имѣетъ право догнать и дать сдачи, а когда сказано «отъ мячика», онъ бьетъ съ того мѣста, гдѣ лежитъ мячикъ. Такимъ образомъ бьютъ другъ друга до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не промахнется. На промахнувшемся считаютъ «копейку съ поля» (не въ счетъ), а при слѣдующихъ промахахъ считаютъ: копейка, другая, третья. Имѣющій 3 промаха «3 копейки»—проигралъ. Въ его лунку кладутъ мячикъ, онъ самъ становится на четвереньки, остальные обступаютъ кругомъ и постукивая напѣваютъ:

«Ярки не ярки, баранъ не баранъ, старая овца принесла ягунца. Ягунецъ, ягунецъ на оглоблѣ конецъ, усы, усы, усы подзатыльнички; на палатцахъ спалъ,.... не очистился. Пятьдесятъ поросятъ всѣ на гумнахъ спятъ».—Послѣ этого всѣ разбѣгаются и игра продолжается по прежнему.

№ 6. Взялъ пошелъ.

Сначала условливаются до какого мѣста бѣгать. Одинъ становится «на караулъ», другой бьетъ мячикъ рукой, и пока мячикъ летаетъ, онъ долженъ сбѣгать до условленнаго мѣста и возвратиться назадъ. Противникъ его старается поймать мячикъ и ударить перваго. Если ему удается это сдѣлать—ролями мѣняются. Играть можно нѣсколькимъ.

№ 7. «Въ бѣглые».

Въ этой игрѣ принимаютъ участіе много играющихъ отъ 6—20 и болѣе.

Прежде всего необходимо раздѣлиться на двѣ партіи. Выбираются двѣ «матки», большею частью изъ самыхъ хорошихъ игроковъ. Остальные дѣлятся на пары такъ, чтобы въ каждой парѣ одинъ стоилъ другаго, поэтому дѣлятся маленькій съ маленькимъ, хорошій игрокъ съ хорошимъ. Отойдя въ сторону, каждый изъ пары выбираетъ себѣ какое-нибудь имя, напр., одинъ беретъ щепку, другой травку, подходятъ къ маткамъ и говорятъ: «коня кормить, али избу топить?—коня, скажетъ матка. Я конь-- говоритъ имѣющій травку—и идетъ къ той маткѣ, а «избу топить» идетъ къ другой маткѣ. Другая пара говоритъ, напр.: «съ колокольни палъ, али поддерживалъ», или «на печкѣ заблудился, али въ ложкѣ утонулъ»? Съ баржи палъ, али на пароходъ попалъ... Коня воронаго, али сѣдла золотаго... Изъ Томскова на лыжахъ, али изъ Ирбити на ремняхъ... Въ Сургутѣ говорятъ: коня воронаго, или барабана золо-

[1]) Ярка—мячикъ (Сургутъ), а въ слоб. Усть-Ницынской яркой называется лунка (ямка) въ землѣ, какъ видно изъ нижеслѣдующей игры.

таго и нѣкоторыя изъ приведенныхъ. Когда такимъ образомъ играющіе сгруппируются около своихъ матокъ начинають бросать жребій: кому «водить». Преимущественно употребляютъ жребій двухъ родовъ: кто-нибудь беретъ въ руки двѣ соломенки, такъ чтобы видны были только концы ихъ и подноситъ маткамъ. Одна матка говоритъ: «если я выдерну длинную, то мы будемъ галить» [1]). Или берутъ щепку, отмѣчаютъ одну сторону и бросаютъ щепку въ верхъ. Одна изъ матокъ ставитъ условіе: если щепка падетъ отмѣченной стороной къ верху (или къ низу), наша партія будетъ галить. Послѣ этого начинается игра въ бѣглые, для которой нужно имѣть мячикъ и лапту.

Партія, которой пришлось водить, отмѣчаетъ три пункта: сало—мѣсто, на которомъ галятъ; отходъ—мѣсто, на которое становится играющій послѣ удара или промаха въ мячикъ и бѣгъ—мѣсто, до котораго нужно бѣгать играющимъ.

A — B — C

Сало — Отходъ — Бѣгъ

Одинъ изъ водильщиковъ становится на салѣ (въ точкѣ A), а остальные водильщики размѣщаются по линіи AC и по продолженію ея.

Сначала бьютъ мячикъ лаптой маленькіе по одному разу, послѣ котораго становятся въ точку. Остающійся послѣ всѣхъ самый искусный игрокъ «на выручку» имѣетъ право бить 3 раза. Играющіе изъ точки B при первомъ удобномъ случаѣ должны бѣжать въ точку C, изъ которой тоже при удобномъ случаѣ должны возвратиться назадъ и получить право снова бить мячикъ.

Во время этихъ перебѣжекъ водильщики стараются кого-нибудь изъ играющихъ «улупить». Ударъ мячемъ можетъ имѣть мѣсто, когда играющій находится на линіи BC.

Такимъ образомъ играютъ, пока водильщикамъ не удастся «улупить» кого-нибудь изъ противниковъ, послѣ этого обѣ партіи ролями мѣняются.

P.S. Выше было замѣчено, что остающійся на выручку имѣетъ право бить 3 раза мячикъ, но если кому-нибудь изъ водильщиковъ удастся поймать отскочившій отъ удара палкой мячикъ, — что называется «надорóвкой» (творит. падежъ отъ существ. надорóвка)—то отъ этого оставшійся на выручку будетъ галить только 2 раза; если поймано 3 надоровки, то послѣдній изъ играющихъ вовсе лишается права галить.

Водильщики выигрываютъ еще въ томъ случаѣ, если партія играющихъ не съумѣетъ изъ точки B сбѣгать въ C и обратно къ B. Вслѣдствіе чего галить будетъ некому, и подающій мячикъ бросаетъ его, говоря «сало».

№ 8. Масляничный городъ.

Изстари въ слободѣ Усть-Ницынской Тюменскаго округа утромъ въ послѣдній, «прощеный», день масляницы дѣлается «городъ». На рѣкѣ Ницѣ или на слободской площади, гдѣ побольше простору, складываютъ по круговой линіи изъ снѣга иногда изо льда стѣны, въ которыхъ продѣлываются два столба. Сверхъ столбовъ кладется также изъ снѣга или льда дугообразная перекладина. Куски снѣга тщательно заливаются водою для того, чтобы крѣпче стояли. Предварительно же рыхлые столбы и перекладину съ лицевой стороны украшаютъ различными узорами больше всего посредствомъ прикрѣпленія къ бѣлому снѣгу по разнымъ направленіямъ кусочковъ угля. Въ верху на подобныхъ воротахъ ставятъ различныя грубыя изображенія людей иногда птицы или какого-нибудь звѣря, приготовленныхъ изъ снѣга. Съ обѣихъ сторонъ къ воротамъ примыкаютъ, какъ сказано, стѣны. Въ срединѣ города укрѣпляется длинный столбъ съ новымъ платкомъ на вершинѣ.

Передъ закатомъ солнца народъ въ огромной массѣ собирается смотрѣть—кто

[1]) Галйть—бить мячикъ рукой или палкой.

и какъ будетъ «ломать городъ». Практикуется два способа «ломать городъ». Или какой-нибудь удалецъ, разбѣжавшись на тройкѣ, съумѣетъ пробраться сквозь живую стѣну народа, оттолкнуть строителей и охранителей города и силой сломать его, а затѣмъ быстро умчаться на тройкѣ, или же выискивается охотникъ купить этотъ городъ по добровольному соглашенію съ строителями, которые и уступаютъ его или за четверть ведра водки, если охотниковъ много, или за меньшее количество, если охотниковъ нѣтъ или мало. Купившій городъ и ломаетъ его для собственнаго своего удовольствія. Въ случаѣ насильственной поломки, охотника стараются поймать и какъ можно больше засыпать снѣгомъ.

Послѣ того какъ городъ сломанъ, выискивается охотникъ доставать платокъ съ мачты, которая зачастую, кромѣ высоты, имѣетъ еще то неудобство, что заливается водою и покрывается поэтому льдомъ.

Иногда пробуютъ доставать нѣсколько смѣльчаковъ, и все неудачно; тогда платокъ достается купившему городъ. Но чаще всего этотъ платокъ съ успѣхомъ достаетъ кто-нибудь изъ молодыхъ ребятъ.

Разсказываютъ, что въ прежнее время однимъ грамотнымъ крестьяниномъ около этого города читалось какое-то сказаніе о масляницѣ, въ которомъ о масляницѣ говорилось, какъ о существѣ обжорливомъ, истребившемъ много блиновъ, масла, рыбы и пр.

Примѣч. Какъ видно изъ газетъ, на выставкѣ передвижныхъ картинъ 1891 года находилась картина художника Сурикова, представляющая взятіе снѣжнаго города

Ф. Зобнинъ.

Вѣщица или труболетка.

Проживая въ различныхъ мѣстахъ Западной Сибири (въ Тюменскомъ уѣздѣ, въ г. Омскѣ, Сургутѣ) намъ пришлось убѣдиться въ томъ, что среди простаго народа въ этой мѣстности существуетъ твердая увѣренность въ существованіе вѣщицы, въ Сургутѣ называемой труболеткою. Вѣщица по народному представленію существо злое, получающее начало отъ нечистой силы. Обыкновенно въ каждомъ селеніи жители съ полнымъ убѣжденіемъ указываютъ на ту или другую женщину, которая при случаѣ и съ помощью нечистой силы превращается въ вѣщицу. Превращеніе женщины въ вѣщицу происходитъ всегда одинаковымъ образомъ: туловище безъ головы вѣщица оставляетъ подъ «поганымъ корытомъ» (корыто, въ которомъ производится стирка), а сама превращается въ сороку и вылетаетъ въ дымовую трубу на свои дѣла. Спеціальныя же занятія ея заключаются въ насильственномъ и преждевременномъ изъятіи плода изъ беременныхъ животныхъ и женщинъ, послѣ чего обыкновенно животное или женщина подвергаются смерти.

Если бы кому-нибудь удалось увидѣть оставленное подъ корытомъ тѣло, то вѣщица навсегда бы осталась сорокой. На этомъ основаніи часто сорока внушаетъ суевѣрный страхъ простому человѣку, въ особенности когда въ поведеніе ея замѣчаются какія-нибудь странности (если напр., сорока стрекочетъ въ сумерки).

Ф. Зобнинъ.

Оглавленіе 24 выпусковъ «Живой Старины» за шесть лѣтъ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ I.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ I.

Смѣсь.

Отдѣлъ I.

Выпускъ IV.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности и живой старины.

Отдѣлъ III. Стр.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ II. Стр.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности и живой старины.

Отдѣлъ III.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ III и IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Стр

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпуски III и IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II

Памятники языка и народной словесности

Стр.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ III и IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.